

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НОЯБРЬ.

1882.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
№ 11

СОДЕРЖАНИЕ.

1. **МИРНЫЯ ВРЕМЕНА.** Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Часть вторая). А. И. Пальма.
2. **ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ГЕРМАНИИ** С. С. Шашнова.
3. **ИВАНЪ БОСЫЙ.** Очеркъ Я. Абрамова.
4. **БОГЪ СНА** Новелла въ стихахъ. П. Гейзе.
Переводъ. А. Н. Плещеева.
5. **ЗОЛОТОЙ ФОНТАНЪ.** Романъ (Окончаніе). Бенито Переса Гальдоса
6. **ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВЪ ПРИРОДѢ.**
(Главы I—III.) И. Кольцова.
7. **НОВОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ НѢМЕЦКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ.** (Herr und Frau Bewer). П. В.
8. **СТИХОТВОРЕНІЕ.** С. Надсона.

(См на оборотѣ).

1252

- 9. ТЯЖЕЛЫЙ УРОКЪ. Очеркъ М. Линина.
- 10. ОПАСНЫЕ ЛЮДИ. Романъ. (Переводъ съ норвежскаго) Х. Эльстера.
- 11. СТИХОТВОРЕНИЕ Н. Минскаго.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- 12. КЪ ВОПРОСУ О КАПИТАЛИЗМЪ ВЪ РОССІИ. Е.
- 13. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ЖЕСТОКОСТЬ. (Крестьянскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. 1882 г.) Б. Ленскаго.
- 14. НОВЫЯ КНИГИ:
Родбертусъ «Исслѣдованія въ области экономіи классической древности». Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею проф. И. Тарасова. Вып. I и II. Ярославль.—Большая медвѣдица. Романъ въ пяти частяхъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). Изд. третье, вновь просмотрѣнное авторомъ. Спб. 1883.—Письма митрополита московскаго Филарета къ роднымъ. Отъ 1800 до 1866 года. Москва 1882 года.
- 15. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ Н. Ш—ва.
Нашъ умственный деспотизмъ.—Нетерпимость «Русь».—Въ чемъ заключается истинное «средствіе».—Неустойчивость мнѣній о печати.—Мнѣніе «Правительственнаго Вѣстника» о *распущенности* печати.—Отзывъ о печати «выдающагося представителя цензурнаго вѣдомства».—Мнѣніе Леруа-Болле. — Нѣ сколько «распущенности» жизни больше «распущенности» печати — Факты.—Что можетъ сообщить печати руководящее, авторитетное общественное значеніе.—Газеты и толстые журналы.—Женскіе медицинскіе курсы.
- 16. ОСЕННЯЯ ДѢЛА. (Политическая и общественная хроника) Жина.
- 17. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Откровеннаго Писателя.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала «ДѢЛО». — Объ изданіяхъ Редакціи «ДѢло». — Объ изданіяхъ книжнаго магазина Мамонтова. — Объ изданіи книги: «Философія безсознательнаго, дарвинизмъ и реальная истина». — Объ изданіи въ 1883 году журналовъ: 1) Семья и Школа; 2) Всемирная Иллюстрація; 3) Огонекъ; 4) Модный Свѣтъ; 5) Новороссійскій Телеграфъ; 6) Газета А. Гатцука и 7) Осколки. — Объ изданіяхъ П. И. Валибина.

При этомъ номеръ гг. иногороднымъ подписчикамъ рассылаются: 1) каталогъ журналовъ и періодическихъ изданій магазина Э. Мелье, въ С.-Петербургѣ; 2) прейсъ-курантъ чаямъ московскаго куица Ф. В. Аплакенина, въ Москвѣ; 3) объявленіе объ изданіяхъ М. О. Вольфа.

ДЪЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 11

С
ИЗДАГОС
САИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левендева, Невск. просп., д. № 8.

1882.

59-16

13

Р. 1. 230.4 (10, 11, 12, 13, 14)

✓

1342

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1882 г.

МИРНЫЯ ВРЕМЕНА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жоржикъ.

I.

— Онъ нашелся,—настоящій покупатель нашелся!... весело объявилъ Миллеръ, входя въ кабинетъ Трубежова, весьма удобно устроенный внизу, въ бабушкиныхъ апартаментяхъ.

— Очень радъ. Большое спасибо вамъ, Иванъ Ивановичъ. Только-бы поскорѣе развязаться. Надоѣло.

— Ждать всегда скучнѣе, чѣмъ работать. Скоро наше дѣло не можетъ кончиться: надо прежде, чтобъ васъ утвердили въ правахъ наслѣдства, ввели во владѣніе—канитель длинная, на все есть законные сроки. Эту статью обрабатываетъ законникъ Тротти, у него все ужъ на-мази, расходовъ не жалѣеть, но, тѣмъ не менѣе, скоро мы васъ отсюда не выпустимъ.

— По правдѣ сказать, мнѣ особенно спѣшить некуда, но могутъ встрѣтиться обстоятельства... Мало-ли что!—придется какъ-нибудь внезапно удрать отсюда... Ужъ позвольте, Иванъ Ивановичъ, дать вамъ полную довѣренность, обяжите ужъ до конца: совершите всѣ формальности, продайте эту хоромину, внесите деньги въ банкъ—все это хлопотливо, я знаю, но вѣдь, все равно, и въ моемъ присутствіи на васъ лягутъ тѣ же самыя хлопоты, а я гожусь развѣ только для рукоприкладства. Вы сами вызвались, и я не церемонюсь.

— Да, конечно, я обязался за известное вознаграждение, это такъ,— все-таки, вамъ самимъ не мѣшаетъ присмотрѣться къ дѣлу. Кто знаетъ, какія комбинаціи могутъ возникнуть?... Впрочемъ, какъ хотите. Съ покупателемъ, во всякомъ случаѣ, придется вамъ познакомиться, и онъ этого желаетъ, да и субъектъ, я вамъ доложу, интересный.

— Кто такой?

— Ужь, конечно, генераль отъ наживы. Кому-же приличествуетъ бросать деньги на такую сумасбродную прихоть? Это, извольте видѣть, нѣкто Терехинъ, Антипъ Кузьмичъ. Онъ послѣ войны успѣлъ уже скупить здѣсь около десятка домовъ, понемногу раскидываетъ свою паутину и, кажется, грозитъ стать героемъ той новой арміи благодѣтелей, которая надвигается «володѣть и княжить» нами. Она торжественно грядетъ на смѣну вымирающему барству. Откупщикъ и подрядчикъ Терехинъ вступить во дворецъ вашей бабушки по праву преемства; наступаетъ его царство — и посмотрите-ка, въ этихъ раззолоченныхъ апартаментныхъ какія будетъ онъ выкидывать колѣнца! Почудитѣ, чѣмъ прежняя его обладательница... Прогрессъ, ха, ха, ха! Нѣтъ, вы познакомьтесь съ этимъ гусемъ—оно и поучительно, и забавно. Онъ пріѣдетъ осмотрѣть домъ. Когда вы можете принять его?

— Когда хотите, только чтобы вы были тутъ-же. Я не съумѣю и говорить-то съ нимъ. Сколько-же онъ даетъ?

— Мы не сходимся въ пустякѣ: онъ даетъ сто десять тысячъ, а я прошу сто пятнадцать и купчая пополамъ. Дешево, но кто-же купить эдакую цацу? Надо охотника. Мнѣ хочется, чтобы за всѣми расходами (я и свою комиссію тутъ считаю) вамъ осталась круглая сотенка тысячъ, которую мы и внесемъ въ государственный банкъ. Добра много на нее можно сдѣлать, а зла—еще больше... На вашемъ мѣстѣ я взялъ-бы себѣ львиную долю — ей-богу, не грѣшно!...

— Чужія деньги—Богъ съ ними!

— Идеализмъ, батюшка, едва-ли тутъ пригоденъ! Вы умненько распорядитесь наслѣдствомъ, похлопочете—стало быть, недаромъ возьмете свою долю. Изъ какого-же благополучія станете вы ломать голову, штопать чужія прорѣхи? Притомъ, какъ ни ухитряйтесь, а довольными никого вы не сдѣлаете, и спасибо не дождетесь.

— Ругать будутъ, Иванъ Ивановичъ,—улыбнулся Трубежовъ,—

это вѣрно. Не дальше какъ вчера пожаловала ко мнѣ графиня Озеровская отъ имени всѣхъ здѣшнихъ дамъ благотворительницъ и выразила твердую увѣренность этихъ набожныхъ праведницъ, что сиротское заведеніе получить не пять, а по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ, какъ это не разъ торжественно объявляла покойная. Вѣдь графиня была повѣренною всѣхъ ея сокровенныхъ помысленій, и прямо говорить, что безбожно и чуть-ли не безчестно исполнить такой тестаментъ (какъ выражается сіятельная приживалка), который написанъ въ минуту умопомраченія и непременно—по дьявольскому наущенію...

— Ха, ха! да онѣ вамъ, пожалуй, анаеомъ пригрозятъ...

— Хуже, Иванъ Ивановичъ, хуже: грозятъ вмѣшательствомъ не громовъ небесныхъ, а земныхъ предержавшихъ властей... Это ужь меня взорвало окончательно, и я, повидимому, очень огорчилъ графиню Barbe: она расплакалась и въ утѣшеніе себѣ выклянчила чайный сервизъ, не какъ цѣнность, а какъ objet d'art, любимую вещь покойницы, на память... Уморительно! Да вотъ еще на счетъ objet d'art: Вольдемаръ Хворостинъ пишетъ премилое посланіе,—онъ ужь все знаетъ черезъ своего агента,—съ изысканною деликатностью проситъ меня не продавать картинной галереи, а прислать къ нему, назначивъ цѣну, какую мнѣ заблагоразсудится, де-скать, беру безъ торга—только онъ забылъ прибавить: и безъ денегъ... Впрочемъ, это само собой понимается. Фамильное, говорить, достояніе...

— И что-же вы?

— Да велѣлъ отослать ему этого десятокъ картинъ, а на письмо еще не отвѣчалъ.

— Жаль, хорошенькія вещицы были на знатока.

— Вѣдь и онъ рекомендуется знатокомъ и страстнымъ любителемъ живописи, хотя я убѣжденъ, что мой знатокъ сейчасъ-же ихъ продать, заложить или въ лоттерейку разыграетъ. Ему вѣчно деньги нужны до петли. Ахъ, да пропадай они совсѣмъ! Это все ерунда, а вотъ что...

Трубежовъ осмотрѣлся вокругъ себя и понизилъ голосъ.

— Что мнѣ дѣлать съ Емельяномъ Саввичемъ? Онъ меня занимаетъ не только какъ обиженный претендентъ, но со стороны чисто психической. Его положеніе всегда было фальшиво, уродливо, но онъ къ нему привыкъ, въ немъ состарѣлся и считалъ его какимъ-то вѣковѣчнымъ. Чтò онъ думалъ о буду-

щемъ—неизвѣстно, но теперь, какъ видно, совсѣмъ растерялся... Иногда мнѣ кажется даже, что онъ помѣшанъ: и взглядъ у него какой-то бессмысленный, и рѣчь безсвязная, путаная,—а вѣдь онъ всегда былъ большой резонеръ. Я, конечно, и не думаю трогать его, а онъ кричитъ, что изъ этого дома его только мертваго вынесутъ, — какъ будто я его выживаю! На-дняхъ я позвалъ его и завелъ рѣчь о его положеніи, высказалъ полную готовность обезпечить его и опредѣлить сумму на воспитаніе Жоржика. Онъ все время слушалъ меня съ презрительной улыбкой; потомъ нахмурился и, отворотясь, пробормоталъ: «все это пустое дѣло и разговора не стоитъ...» Я толкую ему, что нельзя-же такъ,—о себѣ онъ можетъ не думать, но бросить мальчика на произволъ случая мы не имѣемъ права. Бабушка обязала меня позаботиться о его воспитаніи, а потому мнѣ необходимо видѣться съ Жоржикомъ, ознакомиться короче, вѣдь ужъ мальчику почти пятнадцать лѣтъ—можно приблизительно узнать, чего онъ самъ хочетъ. Тутъ ужъ Емельянь мой совсѣмъ оцетинился. «Ничего этого ненужно. Мой онъ сынъ—говорить—и чтò я захочу, то изъ него и сдѣлаю. А вамъ знаться съ мальчишкой стыдно и незачѣмъ, — одно баловство!» Навѣрное могу сказать, что онъ вышелъ изъ кабинета ругая меня и считая если не подлецомъ, то отпѣтымъ дуракомъ... Вотъ, батюшка, исторія-то! Теперь ужъ не потому только, что этого желала бабушка, а по моему личному побужденію не могу я отступить отъ Жоржика. Я разыскалъ его. Графиня увѣряла, что онъ помѣщенъ въ пансіонѣ,—оказывается, что это не пансіонъ, а какая-то маленькая домашняя школа у одного нѣмца, учителя рисованія или чистописанія, которому средней руки дальніе помѣщики привозятъ мальчиковъ для приготовленія въ гимназію. Можете себѣ представить, чтò за чепуха—его школа!

— Слышалъ. Это даже не учитель, а какой-то неудавшійся ветеринаръ. Ну-съ, такъ что-же вы намѣрены дѣлать?

— Прежде всего, наперекоръ этому старому идиоту, мнѣ надо сблизиться съ мальчикомъ. Говорить съ нимъ будетъ нелегко... Кто его знаетъ!—можетъ быть ему давно уже извѣстенъ этотъ... секретъ полишинеля? Тѣмъ больше нужно осторожности и деликатности... Но, съ другой стороны, сохрани Богъ лгать—это всего хуже!... Если съ первой встрѣчи я не успѣю внушить ему довѣрія, то все дѣло испорчено. Ужъ будьте

благодѣтелемъ, устройте мнѣ свиданіе съ Жоржикомъ, привезите его.

— Могу. Гдѣ вы хотите его видѣть?—Здѣсь... или не лучше-ли у меня на хуторѣ?

— О, зачѣмъ! Зачѣмъ придавать этому экстраординарность, торжественность! Отецъ не осмѣлится помѣшать... Ужь не думаете-ли вы, что я боюсь его?

— Боятся нѣтъ резона, но принять кой-какія мѣры слѣдуетъ, чтобъ онъ не успѣлъ подстроить и припугнуть мальчика. Вы, добрый Григорій Сергѣичъ, не слишкомъ идеализируйте... Не знаю, насколько этотъ Емельянъ помѣшанъ, но вѣрно то, что онъ долженъ быть большой плутъ... Я по необходимости толкаюсь вездѣ; наши жидки — мои первые пріатели—болтають, что господинъ Саввичевъ (въ городѣ такъ онъ прозывается) у нихъ хлѣбъ отбиваетъ: ссужаетъ подъ ручные залого и деретъ безбожные проценты.

— Ростовщикъ... Что вы говорите! Стало быть, у него есть деньги?

— И не маленькія. Мудреное-ли дѣло? Столько лѣтъ былъ довѣреннымъ лицомъ богатой барыни. Оно въ порядкѣ вещей.

— Такъ вотъ что! Новая черта—и ею многое объясняется.

— Неудивительно, что вы не знали, но, вѣроятно, и бабушка этого не подозрѣвала.

— Вообще, тутъ былъ такой темный лѣсъ, такое гнѣздо всякихъ уродливостей, что удивляешься, какъ эти люди жили рядомъ и не перегрызли другъ другу горла... Я вспомнилъ, что въ послѣднее время старуха питала къ своему Эмилю ужасное какое-то чувство—смѣсь страха и отвращенія,—она боялась, что онъ ее какъ-нибудь ночью задушитъ... А между тѣмъ онъ каждое утро подходилъ къ барской ручкѣ, толковалъ о душеспасительныхъ предметахъ, иногда грубилъ барынѣ, иногда читалъ ей правоученія и, какъ теперь оказывается, въ то-же время постоянно потихоньку ее обкрадывалъ.. А что, если мальчикъ, подростая, все это подмѣчалъ? Какой ужасъ, какое смятеніе должно возмутить дѣтскую душу... Ужь не говорю о томъ, что никто не хотѣлъ согрѣть его родительскою лаской, считать *своимъ*, — а при первомъ-же случаѣ, какъ только онъ не угодилъ,—выпоролѣ его и вышвырнули изъ дома, какъ забѣжавшаго щенка... Ужасно, ужасно! Да, я не могу его покинуть... Ради Бога, Иванъ Ивановичъ, привезите мнѣ его.

— Не посвятить-ли намъ въ это дѣло Федора Алексѣича? Трубежовъ задумался и, съ болью переломивъ себя, отвѣтилъ:

— Н-нѣтъ... я найду время все рассказать ему... Нѣтъ, не теперь. Зачѣмъ его тревожить? Теперь онъ, кажется, въ такомъ идиллическомъ настроеніи... Вкушаетъ покой и забвенье всѣхъ нашихъ дрызгъ, на лонѣ матери-природы... Бѣдный другъ мой... Не пишеть-ли стиховъ?...

Трубежовъ хотѣлъ шуткой прикрыть свое смущеніе, но Миллеръ отвѣтилъ довольно сухо и какъ-бы укоризненно:

— Про стихи не знаю, а что онъ поздоровѣлъ, воскресъ— это вижу каждый день и радуюсь...

— Обнимите его за меня. Досадно, что вотъ уже пять дней не могъ побывать у него... Видите: я дни считаю!... Но скоро, скоро надоѣмъ вамъ—каждый день буду на хуторѣ...

Когда Миллеръ вышелъ, Григорій Сергѣичъ всталъ, потянулся, провелъ руками по лицу, будто желая сбросить съ себя маску, очнуться отъ надоѣвшаго сценическаго представленія, которое ему навязано и нисколько не затрагиваетъ тѣхъ существенныхъ интересовъ, которые одни только и даютъ смыслъ текущей минутѣ его жизни...

II.

У подъѣзда хворостинскаго дома остановились двѣ четверомѣстныя коляски, изъ которыхъ высыпало цѣлое населеніе мужчинъ, дамъ и дѣтей, два бульдога и одинъ карликъ. На улицѣ немедленно сплотилась кучка праздныхъ зѣвакъ—поглядѣть на даровое представленіе, и живо сдѣлалось извѣстно, что это знаменитый миллионеръ Терехинъ съ чадами и домочадцами пріѣхалъ осматривать хворостинскій домъ—свою новую покупку.

— Капиталь! страсть какой нахапалъ, вотъ и задумалъ еще прогремѣть, на благородную ногу себя поставить, пожить всласть, какъ большіе паны живутъ. Въ кабакѣ за стойкой-то ужъ ему стоять прискучило.

Въ уличной толпѣ, всегда охочей поглазѣть на вѣшній парадъ, рядомъ съ наивнымъ подобострастіемъ непремѣнно слышится и мѣткая насмѣшка. Бросай миллионеръ Терехинъ въ толпу деньги пригоршнями, — монета будетъ подобрана аккуратно, а въ то-же время какой-нибудь оборванецъ влѣптитъ та-

кое слово, отъ котораго никакими деньгами не откупится ожирѣвшій міроѣдъ. Народный юморъ — самая неподкупная Немезида. Терехинъ былъ очень извѣстенъ одесскому простонародью: онъ и винные откупа держалъ, и казенныя зданія строилъ, и провіантъ на войска поставлялъ, — многіе темныя людишки отъ него жить пошли. Повидимому, онъ никого не обижалъ, даже прощалъ иную «вину» бѣднаго человѣка, притѣвленнаго грабительскими дѣйствіями его конторъ и приказчиковъ; наконецъ, Терехинъ всегда состоялъ первымъ жертвователемъ на разныя благотворенія — и все-таки народъ обозвалъ его паукомъ... И онъ дѣйствительно былъ паукъ, широко раскинувшій свою тонкую, хитро-затканную паутину.

— Вонъ куда нонѣ паукъ пробирается! Ужь это не просто, — ужь онъ что-нибудь себѣ въ голову забралъ, безпремѣнно кого-нибудь оплететь, опутаетъ. Чистый паукъ! — ораторствовалъ въ толпѣ совсѣмъ отрепанный рабочій.

Какъ настоящій избранникъ судьбы, Антипъ Кузьмичъ Терехинъ всѣ событія своей домашней жизни любилъ обставлять торжественностью. Напримѣръ, отправляясь въ Петербургъ на торги по откупамъ и подродамъ, онъ всегда приглашалъ на домъ духовенство отслужить напутственный молебенъ о ниспосланіи успѣха благимъ начинаніямъ раба божія Антипы и о приумноженіи изобилія дому его. И благія начинанія его до сихъ поръ увѣнчивались видимымъ успѣхомъ: монопольное спайванье народа, стачки съ интендантами насчетъ выносливости солдатскаго брюха и всякое ненасытное высасываніе дойной коровы, нашей матушки-казны, — все шло въ изобиліе дому Терехина. Даже, грѣшнымъ дѣломъ, за зеленымъ столомъ штоссъ и палки Антипъ Кузьмичъ металъ такъ мастерски, что и тутъ являлось сверхъестественное приумноженіе дому его...

Происхожденіе этого паука терялось во мракѣ неизвѣстности; онъ именовалъ себя отставнымъ поручикомъ артиллеріи, но существовала-ли такая артиллерія, въ которой онъ подвизался — сказать трудно: документы у него имѣлись какіе-то сомнительные, ихъ никто не видалъ, кромѣ добрѣйшаго полицмейстера, лихого понтера, который при всякой игрѣ держалъ пять копѣекъ въ рублѣ Антипы Кузьмича — и притомъ безпритворно. Быть можетъ, г. Терехинъ былъ вовсе не Терехинъ, а какой-нибудь завѣдомый самозванецъ, оклиматизированный въ новороссійскомъ гостепріимномъ краѣ, — но, когда требовалось,

именующій себя Терехинымъ всегда могъ представить полицейское свидѣтельство, удостоверяющее его самоличность... На этотъ счетъ въ народѣ ходили разные нелѣпые слухи, которые строго преслѣдовались усердными чинами полиціи, какъ антиправительственная пропаганда.

Теперь паукъ со всѣмъ своимъ гнѣздомъ вползалъ въ заколдованныя хоромы исчезнувшей знаменитости петербургскаго двора.

Супруга Антипы Кузьмича, Софья Мироновна, дама неизвѣстныхъ лѣтъ и весьма искусственной свѣжести, выступала какъ-то манерно, безпрестанно и безъ всякой надобности покрикивая на домочадцевъ на французскомъ діалектѣ, отдававшимъ гортаннымъ говоромъ малороссійскаго чумака. Два мальчугана, Лоло и Додо, въ элегантныхъ курточкахъ, толкали и щипали бѣднаго карлика, который то отшучивался, то огрызнулся отъ милыхъ шутокъ необузданныхъ барчуковъ. Французъ, гувернеръ, не обращалъ на нихъ вниманія, занятый интереснымъ разговоромъ съ гувернанткой — пожилой дѣвицей, несомнѣнно англійскаго происхожденія. Позади всѣхъ шла mademoiselle Терехина, Аглая Антиповна, повиснувъ на рукѣ браваго адъютанта, побѣдоносно закручивавшаго холеный усъ. Взглянувъ на нихъ, не нужно было пояснять, что это женихъ и невѣста. Когда вся эта компанія вступила на мраморную лѣстницу, жирные бульдоги кинулись впередъ и на первой-же площадкѣ сдѣлали невѣжество.

Софья Мироновна такъ и ахнула.

— Мосье Жуль! крикнула она гувернеру. — Мосье Жуль, ордоне шассе ле шіенъ! — Затѣмъ гнѣвно обратилась къ мужу: — Какъ хочешь, Антипа, лучше и дома не покупай — не надо мнѣ твоего подарка! Въ моемъ домѣ я не потерплю такого невѣжества. Держи свою охоту гдѣ хочешь, хоть въ конюшнѣ, а въ моихъ парадныхъ покояхъ чтобъ и духу собачьяго не было! Пора намъ бросить наше свинство!..

— Ну-ну, ладно, не кудахтай! Дѣло житейское.

Трубезовъ ужаснулся, когда ему сказали объ этомъ нашествіи. Миллера не было; Григорій Сергѣичъ послалъ розыскать его, а самъ заперся въ кабинетѣ, предоставивъ Емельяну и ключницѣ сопровождать посѣтителей по всему дому.

Какъ видно, значеніе личности Емельяна Саввича было хорошо извѣстно господамъ Терехинымъ: они относились къ

нему какъ-то искательно, выспрашивали—какіе порядки существовали въ домѣ при Софьѣ Мечиславовнѣ, какое назначеніе имѣла каждая комната, гдѣ какіе часы дня проводила старая барыня, какія вещи были ея любимыми и проч. Емельянь, польщенный ихъ заигрываніями, былъ краснорѣчивъ и высокопаренъ; онъ даже отперъ имъ дверь давно заброшенной моделини. Госпожа Терехина хотѣла перекреститься, но, не видя ни одной иконы, ограничилась тѣмъ, что почесала себѣ переносье поднятой рукой.

— А, это шепель! замѣтила она тономъ знатока. — Тутъ мы устроимъ домовую церковь. Не правда-ли, Антипа, намъ никакъ невозможно безъ собственной домової церкви? Говорять, въ Петербургѣ, въ каждомъ знатномъ домѣ своя собственная церковь...

— Это ужъ твоя воля, ты тутъ хозяйка, а мы съ Емельяномъ Саввичемъ пойдемъ обревизуемъ конюшни и службы. Наша часть хозяйственная.

Расхаживая по заламъ, госпожа Терехина ощупывала каждую вещь, садилась на каждое канапе и кресло, пробуя, ловко-ли будетъ ей сидѣть. Гувернеръ и гувернантка съ чувствомъ поздравляли ее, увѣряя, что она приобрѣтаетъ королевскій дворецъ.

— О, вы увидите еще, что я изъ него сдѣлаю! Вѣдь у меня гибель вкуса и фантазіи,—увидите! Да, царствовала здѣсь Софья Мечиславовна, а теперь будетъ царствовать Софья-же, только Мироновна. Знай нашихъ! Ха, ха, ха! Черезъ этотъ самый домъ мы у себя такихъ знатныхъ гостей увидимъ, что ого-го!..

Словно опьяненная, откупщица хлопала въ ладоши, хохотала, прыгала,—дала полную волю своему утробному восторгу. Милые мальчики, Лоло и Додо, тоже, какъ рѣзвые козлята, бѣгали и скользили по зеркальному паркету, сидели верхомъ на своего шута-карлика, пока не опрокинули какую-то колонку съ китайской вазой, которая разбилась въ дребезги. Мамаша мгновенно освирѣгла, закатила имъ нѣсколько горячихъ пощечинъ и мгновенно-же, вспомнивъ, что она должна изображать знатную даму, сдѣлала опять пріятную физиономію и даже замурлыкала итальянскую арію. Мальчишки, какъ видно, не удивленные пощечинами, принялись устанавлива

колонку и прибирать черепки, чтобъ скрыть слѣды преступленія.

— Аглаичка! Мишель! Гдѣ вы? спохватилась заботливая мать, давно уже замѣтивъ исчезновеніе этой парочки.

Женихъ и невѣста безпрестанно укрывались въ самыя дальнія комнаты, въ самыя потаенныя уголки и появлялись оттуда сконфуженные, встрепанные, но смѣющіеся. Аглаичка вся пылала, а Мишель побѣдоноснѣе, чѣмъ когда-либо, поглаживалъ свои усы.

— Гдѣ-же картины?—Аглаичка, ты тамъ гдѣ-нибудь не видѣла картинъ?

— Ахъ, маманъ, вы вѣчно съ глупостями! Точно я обязана знать какія-то картины! Вотъ еще!

Невѣста надула губки и рѣзко отворотилась отъ мамы. Конечно, ей было вовсе не до картинъ.

— Мишель, каковъ будетъ у насъ дворецъ, а?—Вы подождите вѣнчаться; вотъ когда отдѣлаемъ всѣ эти залы заново, во вкусѣ Луи-Кензъ, тогда и свадьбу вашу за-одно отпразднуемъ.

Женихъ засмѣялся и ничего не отвѣтилъ, а повернувшись къ невѣстѣ, проговорилъ четверостишіе безсмысленное, но, повидимому, имѣвшее для нихъ какое-то условленное значеніе:

Ададурѣ нѣтъ растенья,
А репейникъ есть,
Одна дура въ восхищеньи
Хочетъ его съѣсть...

И затѣмъ прибавилъ:—Одна дура—что?

— Одна дура, подтвердила невѣста, взглянувъ на мамашу, и, смѣясь, пошли они вмѣстѣ осматривать другія отдаленныя комнаты...

Найдя конюшни и службы въ удовлетворительномъ состояніи, Антипъ Кузьмичъ и Емельянъ возвратились, разговаривая весьма дружественно.

— Вотъ, Софія Мироновна, уговариваю остаться у насъ Емельяна Саввича. Золотой человѣкъ!—Онъ, такъ сказать, въ родѣ, какъ-бы настоящій хозяинъ тутъ съ основанія,—всякую вещь доподлинно знаетъ. Только имъ весь домъ и держался.

Емельянъ, видя, что эти совсѣмъ незаправскіе баре, не имѣютъ подобающей важности и притомъ явно въ немъ за-

искиваютъ, принялъ очень фамиллярный и даже покровительственный тонъ.

— Н-да, конечно, я тутъ всякую вещь понимаю—откуда она происходитъ и къ чему предназначена. Опять-же всё эти порядки, какъ что прилично, мнѣ превосходно извѣстны,—безъ меня чтобъ этотъ домъ стоялъ—невозможно! Это вы вѣрно. Но только опять, чтобъ служить вамъ—старъ я становлюсь, годы мои такіе, покой нуженъ.

— О, мы васъ устроимъ съ комфортомъ! Слава Богу, достатки позволяютъ! воскликнула Софья Мироновна.—Мы вамъ все предоставимъ, вы будете у насъ настоящій мажордомъ, какъ во всѣхъ знатныхъ домахъ мажордомы бываютъ. Чинъ такой—даже дворяне не брезгаютъ. Не правда-ли, Антипа?

Антипа впервые слышалъ, что есть такой чинъ, но, преклоняясь передъ учоностью своей Софіи, согласился, что это самая почотная должность для Емельяна Саввича.—«Только-бы все у насъ было по формѣ, а за деньгами не постоимъ!»

— Мы объ васъ такъ много наслышаны, продолжала барыня,—истинно-достойный вы человекъ!—Сынка вашего мы такъ полюбили и приласкали. Ахъ, какой милый!..

— Сынка?—Позвольте, сударыня, онъ какимъ родомъ къ вамъ попалъ?

— А какъ-же!—вѣдь учитель его Карла Адамычъ моимъ дѣтямъ гимнастику преподаетъ,—вотъ и познакомились. Дѣти легко сдружаются. Какъ-же!—Карла Адамычъ много разъ приводилъ къ намъ вашего Жоржика. Что за прелестный мальчикъ, умница и красавчикъ какой, шарманъ гарсонъ!—Мои съ нимъ подружились. Вотъ и чудесно, кабы вы у насъ остались—въ довольствѣ, въ почотѣ, славно-бы зажили!

— Надо все толкомъ дѣлать, наставительно примолвилъ Емельянъ, почувшій свою силу.

Увидя на полу черепокъ разбитой вазы, онъ строго оглянулъ юныхъ озорниковъ.

— Ахъ, это... это нечаянно Емельянъ Саввичъ, нечаянно... залепетала барыня.—Ничего, оно вѣдь все наше-же будетъ.. Ахъ, ты проклятый, пучеглазый! крикнула она на карлика.—Все ты виноватъ! Ну, потомъ я съ тобой раздѣлаюсь. А пока-жѣсть, Емельянъ Саввичъ, нате-ка вамъ... пригодится. Она сунула ему въ руку новенькій полуимперіаль. Пріятный блескъ червоннаго золота успокоительно подѣйствовалъ на старика.

— Скажите, гдѣ у васъ тутъ картины?—Всѣмъ извѣстно, что прекрасныя картины были,—гдѣ онѣ?

— Въ Питеръ, нашему племяннику, придворному генералу, отослали.

— А-а! замѣтилъ Антипа Кузьмичъ.—Ужь это изъянь-сь. И хорошія были картины, большія?

— Очень старинныя, сударь. Не разобрать даже и колера на нихъ какіе.

— А рамки были золотыя, богатыя?

— И рамки больно ветхія. Почернѣли отъ времени.

— Значить и цѣна имъ не знатная. А все-таки недоста-ча-сь!

Пріѣхаль отыскавшійся Миллеръ. Покупатели съ ожесто-ченіемъ набросились на него за неоказавшіяся на лицо кар-тины, какъ будто усматривали въ этомъ обманъ или утайку. Иванъ Ивановичъ весело расхохотался.

— Ахъ вы, чудаки-чудаки!—Мало-ли чего въ этомъ домѣ не было!—Берите то, что видите. И на что вамъ чужіе фа-мильные портреты? Что вы ихъ за своихъ предковъ что-ли хотите выдавать? Ха-ха... Никто не повѣритъ!

— Комъ иль е тре пѣ агреабль! тихо сообщила мадамъ Терехина своей гувернанткѣ.

— А что-же, увидимъ мы почтеннаго хозяина?—спросилъ Антипа Кузьмичъ.—Авось онъ будетъ сговорчивѣе васъ—и мы скорѣе покончимъ.

— Да, ужъ вы, Иванъ Ивановичъ, вовсе не любезный кавалеръ.

— Что дѣлать, сударыня—дѣло торговое! Хозяинъ все пред-оставилъ мнѣ. Онъ о торгѣ и разговаривать не станетъ. Если угодно его видѣть, то пожалуйста,—онъ внизу у себя, несовсѣмъ здоровъ. Пойдемте къ нему.

Трубежовъ словно къ геройской оборонѣ приготовился,—онъ встрѣтилъ гостей очень холодно, просилъ сѣсть и рѣши-тельно недоумѣвалъ, о чемъ съ ними разговаривать.

Послѣ всѣхъ вошелъ адъютантъ подъ руку съ своей не-вѣстой. Они замѣшались въ отдаленныхъ комнатахъ. Женихъ обратился къ хозяину чрезвычайно развязно:

— Monsieur Трубежовъ!—Вотъ встрѣча... Не узнаете меня?

— Ахъ, виновать!—Кажется, въ Бахчисараѣ, въ квартирѣ главнокомандующаго...

— Именно. Еще мы вамъ тогда протекцію оказали, помните?—Маіоръ Обносковъ, отрекомендовался адъютантъ.— А это моя невѣста, Аглая Антиповна.

— Очень радъ, пробормоталъ хозяинъ, придвигая стулъ невѣстѣ.

— Да-съ, женюсь. Пора зажечь порядочнымъ человѣкомъ,— а впрочемъ никому не миновать этого хомута! състрилъ адъютантъ.

— Мишка-дуракъ, какъ смѣешь такъ говорить! обидѣлась невѣста. Счастливыи женихъ поспѣшилъ поцѣловать ладонь прелестной Аглаи Антиповны, которая посмотрѣла на него, прищуря глаза, какъ будто хотѣла сказать: «за тятенькины деньги ты, Мишка-дуракъ, обязанъ забыть всякое твое остроуміе и кувыряться какъ прикажутъ»...

Антипа Кузьмичъ приступилъ было къ разговору, не будетъ-ли молъ уступочки въ цѣнѣ, такъ какъ домъ продавался со всею движимостью, а теперь вотъ картинъ ужъ не оказывается. Трубежовъ сконфузился: ему показалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ,—но Миллеръ его выручилъ, объявивъ наотрѣзъ, что въ условіяхъ продажи не можетъ быть измѣнена ни одна буква, да кромѣ того необходимо, чтобы покупатель не позже двухъ часовъ завтрашняго дня внесъ задатка двадцать пять тысячъ по запродажной записи, а купчая будетъ совершена послѣ. Трубежовъ даже испугался диктаторскаго тона Миллера и суровости его крутыхъ требованій,—онъ подумалъ, что миллионеръ, обиженный недовѣріемъ, сейчасъ-же откажется—и все разстроится; но практическій человѣкъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло: Терехинъ только покряхтѣлъ и заморгалъ глазами, какъ будто его ударили по лбу.— Онъ загѣлъ сладенькимъ голоскомъ:

— Извольте-съ, дѣлать нечего,—готовъ доставить вамъ удовольствіе,—за деньгами у насъ никогда заминки не бываетъ.— Ну, Софія, принимай поздравленія—хата твоя!

— Э, почтеннѣйшій, такъ вы на имя супруги хотите состряпать? Понятно: коммерческій человѣкъ все долженъ предвидѣть... Ха-ха!—безжалостно трунилъ Миллеръ.

— Никакъ нѣтъ-съ, это не изъ какихъ-либо видовъ, а такъ какъ собственно моя Софія Мироновна очень ужъ большую охоту получила къ этому дому, ни днемъ, ни ночью покоя мнѣ не давала...

— Ахъ, могу теперь признаться, что я давно ужъ влюблена въ эту мысль... Еще когда мы въ Вѣнѣ были и осматривали дворецъ князя Лихтенштейна, меня осѣнила эта мысль... И вѣрите-ли, съ той самой минуты покоя себѣ не знаю! — Каждый день молилась: «Господи, Творецъ милосердный! — пошли ты моему честному труженику Антипѣ такую удачу, чтобъ онъ голубчикъ мой, могъ приобрести подобное сокровище»... Даже сны такіе пророческіе мнѣ снились, что будто я живу во дворцѣ и принимаю знаменитыхъ особъ... И вотъ, наконецъ-то! — Благодарю Всевышняго за Его великія къ намъ милости! — Услышаны мои горячія молитвы: представьте, въ нынѣшнемъ году моему Антипѣ такъ повезло, такъ повезло, что ужъ и не знаю: — И по откупамъ, и по другимъ дѣламъ, и въ клубѣ большая игра завелась... И вездѣ-то ему, голубчику...

— Ну-ну, довольно! — Экъ раскудаhtалась! остановилъ Антипѣ Кузьмичъ свою супругу, смекнувъ, что отъ избытка радости глупая баба, пожалуй, выболтаетъ такія коммерческія тайны, о которыхъ благоразумнѣе было-бы умалчивать. — И такъ-съ, ударимъ по рукамъ.

— Жаль, продешевили мы домишко-то! вздохнулъ Миллеръ. — Знай я секретъ вашей супруги, ей-ей содраль-бы съ васъ лишній десятокъ-другой тышенокъ. Ну, да ужъ Богъ съ вами!

— Эхъ, Иванъ Ивановичъ, полно! Что съ насъ драть-то? — Вы спросите, кто съ насъ не дереть? Мы понимаемъ, что всякому человѣку — хоть-бы и начальству — кушать надо и покоряемся... Только чтобъ и намъ дышать было свободно. А коли драть безъ этого резона — кому прибыль? Вѣдь мы тоже, чай, государству пользу приносимъ... ну, и поощрай насъ!

На слѣдующій день, Миллеръ привезъ Трубежову толстую пачку засаленныхъ кабацкихъ денегъ. Запродажная была совершена.

III.

О Жоржикѣ Григорій Сергѣичъ сохранилъ смутное воспоминаніе, какъ о самомъ заурядномъ мальчикѣ, который ѣсть съ большимъ аппетитомъ, молчить и безучастно смотреть на все окружающее. Что такое его послѣдняя выходка, такъ трагически отозвавшаяся на жизни бабушки, — опредѣлить было

очень трудно, особенно по безтолковому разсказу почтенной графини Вагбе.—Было-ли это признакомъ полусознательнаго протеста, назрѣвающаго пониманія окружающей его жизни или просто — проявленіемъ тупоумной грубости съ примѣсью пошлаго цинизма, такъ обыкновеннаго въ средѣ мальчиковъ, которыхъ сама школа приучаетъ изобрѣтать всякія пакости, чтобъ досадить старшимъ, съ которыми у нихъ нѣтъ никакой нравственной связи?

Теперь передъ Трубежовымъ стоялъ этотъ загадочный мальчикъ и такъ-же какъ прежде глядѣлъ тупо изподлобья. Одѣтъ онъ былъ довольно неряшливо и все обтягивалъ рукава своего скюртучка, изъ котораго замѣтно выросъ. Насилу Трубежовъ могъ усадить его рядомъ съ собою на диванъ и ласково глядѣлъ въ его худое смугленькое лицо, едва подернутое пушкомъ первой юности.

— Какъ вамъ живется въ вашей школѣ? хорошо?

— Ничего, живется какъ обыкновенно.

— Вы довольны?—Содержать васъ прилично: кормятъ, на-примѣръ, вдоволь, даютъ бѣлье, платье?

— Платье свое, а все прочее, какъ-бы сказать... У кого деньги есть, тому и у насъ хорошо.

— А вамъ денегъ отецъ не даетъ?

— Даетъ на учебники, на тетради,—иногда и такъ дастъ двугривенный, а то и меньше.

— Стало быть вы не роскошничаете.

Жоржикъ усмѣхнулся. Онъ усмѣхался какъ-то особенно: въ его усмѣшкѣ было выраженіе недовѣрія и простодушной ироніи дикаря.

Трубежовъ вошелъ въ подробности его школьнаго быта и исподоволь заставилъ быть разговорчивѣе. Замѣтивъ, что мальчикъ смотритъ неравнодушно на дымокъ сигары, онъ далъ ему папирску; Жоржикъ очень спокойно закурилъ ее, и, повидимому, это польстило ему, установило нѣкоторое равенство между нимъ и Трубежовымъ, котораго онъ, въ силу дѣтскихъ впечатлѣній, считалъ все-таки не чужимъ человѣкомъ.

— Чему васъ обучаютъ?

— Я ужъ подготовленъ въ четвертый классъ гимназіи. Въ августѣ могу экзамень держать, если батька захочетъ.

— А вы-то сами какъ,—хотите продолжать учиться?

— Да я что-жь? сказалъ онъ равнодушно.—Я, пожалуй, только... нешто отъ меня это зависить!...

— Видите, Жоржикъ, я принимаю въ васъ самое серьезное участіе,—будемъ говорить просто и прямо. Бабушка желала, чтобъ изъ васъ вышелъ человѣкъ, въ хорошемъ смыслѣ слова. Желала дать вамъ солидное образованіе...

— Желала?—Онъ опять улыбнулся своей оригинальной улыбкой.

— Да, и дала мнѣ средства на это,—и вообще вамъ нечего печалиться о будущемъ. Будемъ на чистоту откровенны; смотрите на меня, какъ... ну, какъ на старшаго брата,—говорите все, что лежитъ на душѣ.

— Коли говорить откровенно... Я, Григорій Сергѣичъ, никогда ни съ кѣмъ откровенно не говорилъ... И съ кѣмъ-же мнѣ? Я не смѣю... можетъ, вы обидитесь...

— Что за глупости! Я самъ начну, если вы не рискуете...

— А ну-те, скажите... начните, я готовъ...

— Я стану говорить именемъ твоей матери... понимаешь?

Жоржикъ остановилъ на немъ неподвижные зрачки—они загорѣлись совсѣмъ такъ, какъ въ былое время загорались глаза Софьи Мечиславовны. Потомъ онъ отвернулся и проговорилъ словно про себя:

— Не надо про это, Григорій Сергѣичъ... Богъ ее прости!.. Я не хочу...

— Чего ты не хочешь?

— Не хочу отъ нее ничего... Не нужно!... Мнѣ ужъ и безъ того стыдно...

— Полно! Стыдиться долженъ виноватый,—тотъ, кто поступаетъ скверно...

— Положимъ, я не виноватъ, со мной скверно поступили; что-жь, мнѣ развѣ легче отъ этого? Вѣдь это все одни разсужденія, а все-таки мнѣ стыдно... Потому собственно я и не хочу принять отъ нее ничего, а то будетъ еще стыднѣе... Не надо мнѣ ея денегъ, и образованія не надо, коли оно на ея деньги! Я ужъ объ этомъ разъ порѣшилъ... и знаю, что дѣлать.

Трубежовъ взглянулъ на него съ изумленіемъ: «а, такъ вотъ ты какой!...»

— Что-же ты намѣренъ съ собой дѣлать? Надѣнешься на отца?

— Батъка,— ха! куда ему понять такое дѣло! Нѣтъ, ужь мнѣ надо ни на кого, какъ на себя надѣяться... и шабашъ!...

Твердо отчеканилъ онъ эту простонародную поговорку и крѣпко вздохнулъ.

— Какое-же дѣло? Скажи, можетъ, я пойму.

— Еще-бы вы-то!... Всѣмъ этого нельзя рассказывать...

— И незачѣмъ... Вѣдь я не изъ пустого любопытства. Если хочешь, обсудимъ вмѣстѣ твое дѣло. Помогу, если нужно, посоветую. Ты ни съ кѣмъ не совѣтовался?

— Ни! я все про себя думалъ. Вамъ сказать можно...

— Говори-же смѣло.

Однако онъ съ минутой еще помолчалъ, жестоко мялъ въ рукахъ свою фуражку, словно съ самимъ собой боролся.

— Я утекать собираюсь, прошептали его губы.

— Какъ, утекать?

— А такъ... Вонъ видите (онъ указалъ въ окно на уголокъ голубого моря, въ которомъ столпился цѣлый лѣсъ мачтъ), вонъ у насъ въ карантинной гавани сколько судовъ стоитъ! Я къ какому-нибудь шкиперу итальянцу въ матросы наймусь.

— Гмъ, мудрено. Что-жъ потомъ?

— Ни чуть не мудрено. Я ужь узнавалъ,— можно, они даже рады. А потомъ... потомъ приучусь, работать буду— я здоровъ. Какъ разъ уйду на корабль—только меня и видѣли!...

— Но я не пойму, что за цѣль... Море тебѣ нравится?

— Чему тамъ нравится! (онъ ухмыльнулся). Извѣстно, море... Работа у нихъ трудная... По крайней мѣрѣ, за-границей вольный я человекъ, никто не знаетъ и нѣтъ никому дѣла знать изъ какихъ ты, чей сынъ, да какъ, да что... И самъ про то забуду...

— Вотъ что! да, понимаю... понимаю...

Трубезовъ поднялся, закурилъ новую сигару и долго ходилъ по комнатѣ. Молчаніе видимо томило Жоржика, онъ потупился, какъ-то весь съежился и боялся взглянуть на Григорія Сергѣича, точно ждалъ приговора.

— Ну, дружокъ мой, спасибо за откровенность,— теперь мы знаемъ о чемъ говоримъ... Возьми папироску, кури, братъ, кури...

Григорій Сергѣичъ продолжалъ шагать по своему обширному кабинету. Онъ понималъ Жоржика, но не зналъ, какъ съ нимъ говорить—не находилъ надлежащаго тона, и потому, на-

чавъ свою рѣчь, заикался, сбивался, говорилъ скачками, ощупью доходя до того, что нужно было выразить. Онъ боялся быть или очень темнымъ, или азбучно-банальнымъ.

— Оспаривать твоей фантази я не стану... Понимаешь, вѣдь это фантазія, и, пожалуй, до извѣстной степени возможная... Отчего-же! Но выслушай меня, и потомъ ужь рѣшимъ, какъ лучше. Можетъ быть, ты достигнешь своей цѣли, и даже сроднишься съ своимъ положеніемъ,—выйдетъ изъ тебя бравый матросъ,—все это будетъ такъ, какъ ты предполагаешь... Прекрасно! Но тебѣ теперь пятнадцать лѣтъ, а чтѣ какъ въ двадцать вдругъ заговоришь другое? Узнаешь жизнь и людей, и увидишь, что убѣждалъ ты не отъ заправской бѣды, а чортъ знаетъ отъ какой пошлости... А воротиться ужь будетъ трудно; главное: лучшихъ лѣтъ молодости не вернешь, когда надо еще формировать въ себѣ запасъ знаній, развивать умъ, способности, чтобы стать настоящимъ человѣкомъ... Матросъ—и только матросъ, вѣдь это очень узкая и незавидная спеціальность... Понятно, что ты хочешь выйти изъ ложнаго и тяжелаго положенія, да посмотримъ прежде, не миражъ-ли оно, это твое положеніе-то? Догадываюсь и даже навѣрняка знаю, что ты теперь окруженъ глупыми людьми и скверными товарищами; отъ нихъ уйти легко и совсѣмъ не стоитъ бѣжать такъ далеко. Подумай хорошенько: если-бы тебя окружали хорошіе-то, честные и развитые люди, вѣдь ты и понятія не имѣлъ-бы, что можно стыдиться того, въ чемъ не виновать; ты самъ сталъ-бы смотрѣть на дѣло иначе и смѣялся-бы надъ нелѣпымъ предразсудкомъ... Только для этого надо достичь извѣстной степени умственного развитія,—безъ этого условія не попадешь въ среду людей, стоящихъ выше ходячихъ понятій умственной черни—они не сочтутъ тебя своимъ. Вотъ почему я и думаю, что тебѣ бѣжать не отъ чего, а прежде всего необходимо учиться и потомъ ужь выбрать житейскую дорогу...

Жоржикъ уныло покачалъ головой, какъ будто хотѣлъ повторить, что сказалъ уже прежде: «вѣдь это все одни разсужденія!...»

Трубежовъ уловилъ это душевное движеніе мальчика и остановился: ему вдругъ стало какъ-то неловко и стыдно,—ему показалось, что говорилъ онъ совсѣмъ не то, что нужно. Онъ попробовалъ заговорить о томъ, что образованіе даетъ человѣку возможность завоевать почетное положеніе въ обществѣ,

но спутался еще болѣе, видно самъ этому не вѣрилъ,—и, наконецъ, перешелъ къ той несомнѣнной истинѣ, что знаніе, помимо всѣхъ практическихъ цѣлей, само по себѣ, великая сила, которая не можетъ не увлекать молодой умъ... И такъ, значить, прежде всего—учиться.

Его сконфуженную проповѣдь Жоржикъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ: все это было для него ново, неслыханно и не довольно понятно или, по крайней мѣрѣ, не доказательно...

— А въ солдаты меня не заберутъ? спросилъ онъ такимъ тономъ, что въ вопросѣ слышался и отвѣтъ: «дескать, какъ тамъ ни разглагольствууй, а солдатчины мнѣ не миновать...»

— Почему-же непреимѣнно въ солдаты?

— Не знаю. Говорятъ, такой законъ есть.

— Не правда, такого закона нѣтъ.

— Батка мнѣ толковалъ, что мы — крестьяне, и съ нами все могутъ сдѣлать.

— Къ несчастію, это пока правда... (Трубежову показалось, что чуть-ли и онъ не виноватъ въ томъ, что это правда...) Но тебѣ придется жить въ лучшія времена, которыя теперь только начались; за крестьяниномъ будутъ признаны всѣ человѣческія права... Объ этомъ я расскажу тебѣ когда-нибудь послѣ... А теперь вотъ что скажи: мнѣ кажется, что твой батка вбиваетъ въ тебя какія-то свои понятія; согласишься, что онъ человѣкъ темный, отжившій, слушать его надо осторожно... Чего онъ отъ тебя хочетъ?

— Я его не особенно-таки и слушаю. Онъ говоритъ, что намъ нужно въ кушцы приписаться, открыть свою лавку бакалейную; онъ старъ, такъ чтобъ я помогалъ торговать. Только я сказалъ на-отрѣзъ, что не хочу лавочникомъ быть; изъ того у насъ и постоянная ссора. Онъ вѣдь не знаетъ, какой у меня въ головѣ планъ, а то бѣда-бы...

— Разумѣется, ты не скажешь ему и объ нашемъ разговорѣ?

— Боже сохрани!—побѣтъ. Жестокій онъ человѣкъ.

— Ну, отъ него мы отдѣлаемся. Довѣрься мнѣ, Жоржикъ. Ничего я навязывать тебѣ не стану; самъ увидишь, что дальше дѣлать. Въ настоящую минуту я не знаю, долго-ли тутъ останусь, но, конечно, не уѣду, пока не устрою тебя окончательно.

У этого нѣмца тебѣ оставаться не слѣдуетъ. Держи экзамень въ гимназію, а дальше — увидимъ!

Жоржикъ вышелъ отъ него нисколько не успокоенный. Григорій Сергѣичъ ему понравился, съ нимъ еще ни одинъ взрослый человѣкъ такъ не обращался. «Только отчего онъ такой мудреный, говорить все какъ будто на-двое?...» И бѣдный мальчикъ кругомъ винилъ себя, что не умѣлъ разговаривать съ умнымъ человѣкомъ.

IV.

Въ тотъ-же день вечеромъ Емельянъ вошелъ въ кабинетъ молодого барина съ докладомъ на счетъ разныхъ, принадлежащихъ къ дому, вещей, которыя по описи слѣдуетъ сдать покупателю.

— Я этого ничего не знаю. Ты, пожалуйста, дѣлай какъ нужно.

— Кто-жь будетъ знать? Вѣдь вы хозяинъ, добро-то все ваше.

— Емельянъ Саввичъ, мнѣ этотъ тонъ совсѣмъ не нравится. Ужь не первый разъ я замѣчаю, что ты какъ будто издѣваешься надъ тѣмъ, что я тутъ хозяинъ.

— Какъ я смѣю, помиуйте! Я только докладываю... чтобы потомъ мнѣ попрека не было.

— Не въ томъ дѣло, ты очень хорошо понимаешь о чемъ я говорю. Ступай, юродствуй съ кѣмъ хочешь, только не со мной. Юродивыхъ я терпѣть не могу.

Озадаченный старикъ отошелъ къ двери, ворча себѣ подъ носъ.

— Что ты тамъ ворчишь? Говори прямо.

— Ничего, я... покорнѣйше, молъ, благодарю... это мнѣ за вѣрную службу такъ и слѣдуетъ...

— Рѣчь не о твоей вѣрной службѣ. Я, кажется, предлагалъ тебѣ за службу самое широкое вознагражденіе, ты отвѣтилъ слишкомъ грубо, но между нами никакихъ личныхъ счетовъ быть не можетъ. Ты получишь свое—и оставь меня въ покоѣ. Ступай.

Емельянъ опустилъ голову; сухія узкія губы его судорожно шевелились, а прищуренные глаза свѣтились затаенной ненавистью.

— Вотъ то-то и есть, что вы все насчетъ вознагражде-

нія... Какое-жъ мнѣ можетъ быть вознагражденіе?—Смѣшно даже слышать!

— Знаю, что ты въ деньгахъ не нуждаешься—богатъ.

— Богатъ—не богатъ, а если что и нажилъ, такъ не отъ васъ-же.

— Емельянъ, прошу тебя оставить этотъ разговоръ. Прощай!

— Нѣтъ, позвольте, сударь. Обиднаго для васъ я ничего не смѣю и помыслить, но и вы меня не обижайте... Богатъ!—Ужъ и это вамъ успѣли наболтать... И знаю кто наболталъ. Ну, погоди-же, пострѣленоку, ужъ я съ тобой по-свойски раздѣлаюсь!

— Ужъ ты не подозрѣваешь-ли Жоржика?

— Кто-жъ, какъ не онъ!—Вѣдь онъ отца въ грошъ не ставитъ. Барченокъ! — Давно ужъ я изъ него этого «барченка» выколачивалъ, — да видно не всего еще выколотилъ...

— Жоржикъ тутъ не при чемъ; помимо его я давно знаю, что ты на проценты деньги даешь.—Ну, да это до меня не касается. А Жоржика я беру прямо подъ свою защиту, и если ты осмѣлишься пальцемъ его тронуть, будешь имѣть дѣло со мной. Помни, что онъ не больше, какъ твой пріемышъ; женатъ ты никогда не былъ. Права твои очень не крѣпки.

— Вотъ какъ нынче!—Стало, насъ совсѣмъ по шапкѣ... дѣло!—А отчего-жъ, позвольте спросить, прежде это допускалось: и кто имѣлъ право сказать, что мой-де это сыннишко—тотъ умалчивалъ?

— Что было, то было очень скверно,—прошлые грѣхи не воротись, но они намъ не законъ. Помни, что вѣдь это—человѣкъ растеть!—какое-жъ право вы имѣете уродовать его жизнь, потому только, что ваша жизнь была уродлива?—Жоржикъ съ сегодняшняго дня подъ моей опекой, и я не позволю никому вмѣшиваться въ его воспитаніе.

— Слушаю-съ. Конечно, вы—баринъ, гдѣ намъ супротивъ васъ!—И начальство на вашей сторонѣ будетъ. Понимаемъ.

— Да. И еще важнѣе начальства—самъ Жоржикъ на моей сторонѣ. Если ты его сколько-нибудь любишь, то брось всѣ свои глупыя претензіи.

— Очень понимаю-съ.—Эхъ, Григорій Сергѣичъ!—Вотъ такимъ махонькимъ васъ, сударь, я зналъ. Въ тѣ поры вы и смекать ничего не умѣли; потомъ уѣзжали отъ насъ—и что тутъ происходило знать не можете. Ежели покойница барыня

обратилась наконецъ къ истинному Богу, такъ въ этомъ есть прямо моя заслуга. Маловажно это или нѣтъ,—какъ вы полагаете? И послѣ всего, вдругъ въ духовной хоша-бы имя твое было помянуто... вотъ гдѣ обида! Какое-жь мнѣ можетъ быть вознагражденіе? Какими такими деньгами за это заплатить можно?—Такъ-то, сударь. И мы тоже вѣдь не безъ души. Вотъ все, что я вамъ хотѣлъ объяснить. А насчетъ мальчишки опять-таки доложу вамъ: смотрите, баринъ, не берите на себя грѣха тяжкаго, коли это одна только ваша фантазія!.. Легче, пушай онъ въ нашемъ низкомъ званіи остается,—ничего, обтерпится, привыкнетъ — чѣмъ вы раздражите его, да потомъ, при первой-же непріятности, какъ говорится «съ чужого коня, среди грязи долой». Я понимаю основательно и потому вель его такъ, чтобъ онъ зналъ свое мѣсто.

— Да, прекрасно ты вель его! Теперь вотъ онъ стыдится на людей взглянуть... Этого ты добивался? Нѣтъ ужъ, Емельянъ Саввичъ, оставь дѣло, котораго ты не понимаешь. Никакого барина я изъ Жоржика дѣлать не хочу и не будетъ онъ зависѣть отъ моихъ капризовъ—это глупо и безчестно. Я буквально исполню волю бабушки: дамъ мальчику всѣ средства получить хорошее образованіе, поставлю его на ноги, а дальше онъ самъ найдетъ свою дорогу. На этомъ мы съ тобой и покончимъ.

— Это какъ вамъ угодно. Вы дѣлайте свое, а я нашу линию знаю... Рано-ли, поздно-ли онъ къ своему батькѣ придетъ, въ ноги поклонится,—да какъ еще поклонится-то!—«Христа ради пріюти и защити, мудрovali надо мной умные господа достаточно!..» Хе-хе... Бабушка ваша правильно обсуждала этотъ предметъ: пушай, говорить, житье, но чтобы лишняго въ голову отнюдь не забирая, зналъ свое мѣсто! А вы, ношншіе господа свое баловство завели, по новому, де-скать, науку надо произойти. А куда онъ, безродный парнишка, съ этой наукой дѣнется? Очень нужно, хе-хе-хе!..

Онъ махнулъ рукой и безцеремонно оставилъ барина. Долго еще по пустымъ комнатамъ раздавался его медленный шагъ и хриплый смѣхъ, заглушаемый кашлемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Farewell!

I.

Освободясь отъ дѣловыхъ заботъ, Трубежовъ сталъ по прежнему каждый день прїѣзжать на дачу Миллера. Онъ казался весьма утомленнымъ, не могъ скрыть угнетеннаго состоянія духа, которое особенно тревожило Дарова. Внимательный другъ замѣтилъ психическую болѣзнь Гриши и понималъ, что причины ея лежатъ не въ заботахъ о судьбѣ Жоржика, о продажѣ дома, о назначеніи бабушкиныхъ денегъ,—нѣтъ, онъ видѣлъ ихъ гораздо глубже, въ какомъ-то внутреннемъ разладѣ мысли, въ парализаціи воли... Даровъ не сомнѣвался, что въ суммѣ этихъ причинъ немалая доля должна быть поставлена на счетъ горькихъ и обидныхъ столкновеній съ дѣйствительностью, которая если не обманула, то все-таки ошеломила Трубежова въ послѣднее время и въ губерніи, и въ Петербургѣ. Онъ мало рассказывалъ, но и малаго оказалось слишкомъ достаточно, чтобы побить его смѣлыми надеждами... Болѣе всего печалила Федора Алексѣича неискренность его Гриши: между ними легла какая-то темная полоса обоюднаго непониманія. Имъ обоимъ равно тяжело было оставаться съ глазу—на глазъ, часто они молчали или толковали о вещахъ, о которыхъ неслышнымъ людямъ толковать смѣшно и обидно.

Но въ натурѣ Дарова лежало слишкомъ много прямоты, онъ привыкъ смѣло и подчасъ довольно грубо касаться чужихъ мѣстъ и своихъ, — теперь же чувствовалъ, что ему самому что-то мѣшаетъ поставить вопросъ ребромъ... Не разъ онъ пытался выяснитъ свои сомнѣнія, обращаясь къ Лидіи Васильевнѣ, отъ которой, конечно, не могли укрыться тяжелыя отношенія старыхъ друзей, но она уклонялась отъ всякихъ разъясненій. И это раздражало Федора Алексѣича...

Однажды Трубежовъ прїѣхалъ на хуторъ часовъ въ девять вечера, онъ прошелъ прямо во флигель Дарова, разлегся на диванѣ и закурилъ сигару.

— Извини, что я такъ... Много ѣздилъ сегодня, усталъ ужасно.

— Куда ѣздилъ? По дѣламъ?

— Куда глаза глядятъ. Какія у меня дѣла!—Фу, усталъ!

Даровъ нѣсколько разъ начиналъ разговоръ, приглашалъ его идти къ хозяевамъ, но Григорій Сергѣичъ не откликался; съ закрытыми глазами онъ лѣниво потягивалъ свою сигару. Глядя на него, Даровъ невольно подумалъ, ужь не пьянъ-ли его пріятель.

Въ отворенное окно заглянула Лидія Васильевна.

— Господа, идите чай пить, позвала она.

Трубежовъ быстро вскочилъ на ноги и схватился за шляпу.

— Ахъ, Боже мой, какъ я запоздалъ у васъ;—мнѣ еще нужно кой-куда... Прощай, Даровъ.

— Куда ты?—Что такое?—Постой!..

Но гость опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

— Что онъ—съ ума сошелъ? Ужъ это не первая странность...

— Все я виновата: спугнула. Вы такъ тихо бесѣдовали.

— Да, ужь слишкомъ тихо,—мы извоили дремать.

-- Пойдемте-же, насъ ждуть, повторила Лидія Васильевна, словно не желая остановить вниманіе на странномъ поступкѣ Трубежова.

— Погодите,—я очнуться не могу. Что за чудачество!

Она подернула плечомъ и посмотрѣла на пыльную дорогу, по которой гулко катился экипажъ Трубежова.

— Нѣтъ, скажите, какъ вы это находите, а?—Съ нѣкоторыхъ поръ онъ неузнаваемъ, мой бѣдный другъ... Неужели вы ничего не замѣчали?—Неужели васъ не поразила эта пере-мѣна?—Какъ вы ее объясните?

Настойчивые вопросы смутили дѣвушку. Подумавъ съ минуту, она отвѣтила медленно, нерѣшительно:

— Мнѣ кажется, Григорій Сергѣичъ всегда былъ такой-же непослѣдовательный... И прежде въ немъ была та-же неровность, странность... Впрочемъ, вы его лучше знаете, а я...

— Что-же, что—вы?

— Я не особенно внимательно слѣдила за нимъ, но онъ самъ высказалъ: «дѣлать нечего, говорить, непригоденъ для жизни...»

— «Нечего дѣлать» — вѣдь это, если разобрать, ужасное состояніе. Но оно ужасно только тогда, когда оправдано опытомъ, борьбой куплено. А вѣдь онъ что-же? Опѣшилъ отъ двухъ-трехъ неудачъ, можетъ быть, чисто-личныхъ,—отъ собственной неумѣлости. Намъ, пожалуй, всёмъ дѣлать нечего...

Такъ вѣдь не сидѣть-же сложа руки и вымѣщать свою досаду на близкихъ людяхъ?—Онъ эгоистъ и нѣженка.

— А мнѣ жаль его... Такъ или иначе, онъ все-таки страдаетъ.

— И мнѣ жаль сердечно... Вы думаете, смолчалъ бы я, не разбранилъ бы его, еслибъ не было жаль? Онъ совершенно искрененъ, когда утверждаетъ, что вся задача его жизни исчерпана однимъ дѣломъ. Дѣйствительно, отъ молодыхъ погтей онъ лелѣялъ мысль объ одномъ этомъ дѣлѣ. Теперь вотъ, худо-ли, хорошо-ли, онъ для своего дѣла поработалъ и вышелъ съ помятыми боками,—такъ что-же? Тутъ-то и не слѣдуетъ унывать: изъ дѣла даже побѣдители выходятъ съ помятыми боками... А онъ, изволите видѣть, раскисъ и залюбовался собственнымъ поражениемъ... Вотъ оно—наслѣдіе нашего барства,—во всемъ оно сказывается! Героями хотимъ быть, а не простыми черно-рабочими въ маленькихъ дѣлахъ.

— Ахъ, Федоръ Алексѣичъ, какъ легко обвинять! По себѣ сужу, какъ у насъ трудно достаются самыя маленькія дѣла.

— Вы—совсѣмъ иная статья. Что—вы!

— Договаривайте: женщина, и притомъ плохо-образованная, неумѣлая... Это хотѣли вы сказать? Такъ вѣдь и дѣла-то я ишу себѣ не замысловатаго, по силамъ, — однако и того нѣтъ.

— Покамѣстъ нѣтъ, надо выждать.

— И онъ, можетъ быть, выжидаетъ, почему мы знаемъ?

— Нѣтъ, онъ увѣряетъ, что силы его надорваны, въ себя не вѣрить. Это ужъ чистое баловство.

— Вы нападаете на него, и несовсѣмъ справедливо.

— А вы что-то усердно его защищаете...

— Защищаю, потому что сочувствую ему. Онъ человѣкъ чистый и искренній.

— Сочувствую? Мало-съ, мало!—обожать надо,—такихъ всегда дѣвицы обожаютъ...

Поймавъ въ послѣднихъ словахъ Дарова ироническую нотку, Лидія Васильевна какъ будто обрадовалась, что онъ теряетъ свое резонирующее спокойствіе. Она сѣла на подоконникъ и, словно желая подразнить Федора Алексѣича, стала намѣренно оправдывать Трубежова. Даровъ горячился.

— Да вѣдь и я не тащу его въ уголовный судъ. Всѣ мы—

дѣти своего времени, продукты дворянской среды;—теперь и время то проходить, и среда расплзается,—такъ неужели и намъ заживо лечь въ могилу? Нѣтъ-съ, онъ именно избалованъ, судьба его баловала, не брала въ безпощадныя ежовыя рукавицы. Его кто-то изъ нашихъ товарищей въ шутку прозвалъ «счастливый несчастливецъ»,—оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Еще кто знаетъ, уцѣлѣлъ-ли-бы онъ попавши въ распроклятыя ежовыя рукавицы?

— Ѳедоръ Алексѣичъ, вы злорадствуете...

— Дайте досказать. Разумѣется, слава Богу, что не попалъ. Я задаюсь только вопросомъ, изъ какой матеріи онъ сотканъ? У него натура больше художественная,—въ немъ слишкомъ много женственности, а потому и не годится онъ для суроваго житейскаго труда.

— Вотъ видите! Такъ за что-же нападать на него? Вы себѣ противорѣчите.

— Кто-жь нападаетъ! совсѣмъ ужъ раздраженно крикнулъ Даровъ.—Развѣ діагносъ нападаетъ на больного? А что вы берете его подъ защиту, такъ оно очень понятно: эти женственныя-то натуры въ мужчинахъ ужасно нравятся мечтательнымъ женщинамъ,—вы ихъ въ герои возводите, съ толку сбиваете и сами путаетесь—и выходитъ пружалостная трагикомедія!..

Въ нападкахъ Дарова слышалось какое-то затаенное личное раздраженіе, какъ будто онъ или боялся, чтобы Лидія не увлеклась Трубежовымъ, или даже прямо—ревновала... Во всякомъ случаѣ, онъ говорилъ вовсе не для того, чтобы уяснить себѣ личность своего пріятеля, а чтобы снять съ него ореолъ въ глазахъ Лидіи. Она, кажется, это поняла и поспѣшила его успокоить.

— Не злитесь, Ѳедоръ Алексѣичъ. Онъ могъ быть героемъ для Тонички, это понятно. У него все — порывъ, прекрасный, честный порывъ, а затѣмъ что?—онъ и самъ не знаетъ... Серьезно говоря, развѣ можетъ разсудительная женщина увѣрять въ него, какъ въ какую-то надежную силу, которая не измѣнитъ ни себѣ, ни другимъ?—Какъ я вѣрую... въ васъ, напрімѣръ...

— Ну-ну-ну! опять экзальтація... Эхъ, Лидія Васильевна, я просилъ васъ бросить это, сказалъ онъ съ мягкимъ упрекомъ.

— Нѣтъ, я говорю совершенно сознательно и придираюсь

къ случаю высказаться передъ вами... Въ васъ я вѣрю; вы знаете, что, бросая семью, я вѣрила только въ васъ,—я твердо знала, что вы меня ни въ чемъ не обманете, не покинете посреди дороги, — трубежовская бабушка была тутъ только «кстати»—надо-же было за что-нибудь уцѣпиться. Положимъ, въ ту минуту Григорій Сергѣичъ не обманывалъ—онъ честный человѣкъ, но не будь васъ, я не рискнула-бы на рѣшительный шагъ...

— И что-же вышло-то? Что я, бѣднякъ, могъ сдѣлать для васъ?

— Ничего и не надо, голубчикъ, Ѳедоръ Алексѣичъ, ничего не надо! Я не унываю, не раскаяваюсь, позвольте мнѣ только всегда быть при васъ... Вы не сердитесь, простите меня, выслушайте...

Даровъ былъ тронуть простотой и задушевностью ея тона. Онъ помѣстился на окнѣ, рядомъ съ нею, и крѣпко сжималъ ея тепленькія ручки.

— Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, вы меня цѣпной собакой что-ли считаете? И собака не рычитъ, когда ее ласкаютъ. Я всегда боялся одного—вашей экзальтаціи, но люблю слушать вашу спокойный голосъ, въ немъ много правды... Говорите, родная моя,—говорите.

— Часто я спрашиваю себя: какъ-бы я жила, если-бъ васъ не было? И мнѣ это представляется невозможностью... Подумайте, съ дѣтства у меня не было ни одной глубокой привязанности, да и теперь въ цѣломъ мірѣ, кромѣ васъ, нѣтъ никого... О будущемъ страшно подумать!.. Не знаю, какъ оно можетъ устроиться, но только я не могу остаться безъ васъ... Вы не бойтесь, Ѳедоръ Алексѣичъ, я не буду вамъ въ тягость... Ну, слугой вашей, сидѣлкой буду, а если надоѣмъ, если даже оттолкнете меня — все-таки приду опять къ вамъ-же и буду въ глаза смотрѣть, ждать, авось приласкаете, позвольте хоть чѣмъ-нибудь послужить вамъ... Это не экзальтація, Ѳедоръ Алексѣичъ, а что-то такое существенное, безъ чего я жизни не понимаю...

— Полноте, дитя мое, успокойтесь, — вѣдь я могу быть вашимъ отцомъ и только... Вы еще такъ молоды, подождите, — придетъ любовь—и я не буду нуженъ...

— Никогда, никогда, Ѳедоръ Алексѣичъ! Это напрасно. На любовь, какъ ее обыкновенно понимаютъ, я не имѣю ника-

кихъ правъ, никакихъ претензій,—мнѣ она, можетъ быть, ни къ лицу... Я хорошо знаю себѣ цѣну. И развѣ я васъ не люблю?.. Вы такъ много и такъ праведно страдали... покоить вашу старость, заботиться о васъ,—Господи!—да развѣ этого мало, чтобъ наполнить всю мою жизнь!.. Вы хмуритесь?.. Ну, простите, простите! Не браните меня, голубчикъ, дорогой... виновата!

Она внезапно поклонилась и поцѣловала его руку. Даровъ остолбенѣлъ и автоматически глядѣлъ, какъ она поднялась, отерла глаза и, накинувъ платокъ на голову, тихо пошла къ дому.

Онъ остался на окнѣ, уронивъ на грудь свою сѣдую голову. Ему казалось, что вокругъ него все опрокинулось, что кто-то сейчасъ приходилъ въ комнату и изломалъ гнилую, негодную щепку—и эта щепка оказалась — жизнь его... Голосъ милой дѣвушки еще звучалъ и наполнялъ его душу до сихъ поръ невѣдомымъ тепломъ и свѣтомъ—и всѣми муками горькаго слова «поздно»... Нежданная и незамѣченная слезы пробирались по морщинкамъ лица его...

Онъ и не замѣтилъ, что давно уже звонкіе дѣтскіе голоса издали кричали нараспѣвъ: «Федоръ Алексѣй—ѣчь, идите ча—ай пить!»

II.

Дня черезъ два послѣ этого вечера Трубежовъ пріѣхалъ на хуторъ къ обѣду. Онъ былъ необыкновенно оживленъ, весело рассказывалъ о своемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ господами Терехинными, которые ежедневно пріѣзжаютъ осматривать домъ, причемъ постоянно ссорятся, чуть не дерутся изъ-за церемоніала, съ которымъ они отпразднуютъ новоселье,—потомъ, какъ они будутъ принимать высокихъ особъ, какой соблюдать этикетъ—и наконецъ, какую получаютъ награду за свое широкое гостепрѣимство и великія патріотическія заслуги.... Шуткамъ его конца не было. Онъ былъ просто неузнаваемъ. Даровъ переглянулся съ Лидіей Васильевной: что все это значить?

Разговоръ зашелъ о переѣздѣ въ городъ. Миллеръ настаивалъ, чтобы черезъ двѣ недѣли оставить лиманъ.

— Пора! въ концѣ августа всѣ переѣзжаютъ. Остаться тутъ, при полномъ безлюдьи—невесело да и не совсѣмъ безопасно.

— А жаль, погода стоитъ прекрасная, замѣтилъ Даровъ. Впрочемъ, довольно мы тутъ сибаритничали, пора и честь знать. Всѣмъ надо за дѣло приниматься.

— Какъ же вы думаете устроиться? спросилъ Трубежовъ, не обращая прямо ни къ кому своего вопроса.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Да какъ устроимся?—за всѣхъ отвѣтилъ Миллеръ.—У меня и въ городѣ хата просторная, для всѣхъ мѣсто найдется. Я ужь не говорю о Лидіи Васильевнѣ,—она, такъ сказать, состоитъ при исполненіи своихъ обязанностей, съ нею намъ больно было-бы разстаться и ребятишки къ ней чрезвычайно привязались. А вотъ, старый другъ нашъ, Ѳедоръ Алексѣичъ, затѣваетъ революцію: обрадовался, что ревматизмы его поутихли, воображаетъ себя богатыремъ, — начну, говорить, работать вплотную. Совсѣмъ отдѣлиться отъ насъ хочетъ.

Лидія Васильевна чуть-чуть покраснѣла и потупилась.

— Зачѣмъ переиначивать мои слова, Иванъ Ивановичъ? оправдывался Даровъ.—Я говорилъ, что не могу злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ. Но если въ вашемъ домѣ найдется свободная комната, которую вы можете отдать въ наемъ, то—чего-жь лучше? я готовъ быть вашимъ жильцомъ.

— Ну, положительно, вы не то говорили недѣлю назадъ, уличалъ его Миллеръ.—Но все равно—я очень радъ такой перемѣнѣ вашихъ намѣреній. Мы съ васъ лишняго не возьмемъ. Значить, по рукамъ!

— Иванъ Ивановичъ ужасно любитъ разыгрывать роль благодѣтельнаго буржуа.... Возьмите ужь и меня къ себѣ на глѣбы,—вѣдь того и гляди мадамъ Терехина скажетъ мнѣ: «кеске ву феть данъ монъ пале?»—и выгонитъ по шеѣ....

— Ха-ха, да-съ. Дама-собственница свирѣпа!—Чтожь, Григорій Сергѣичъ, пожалуй и васъ примемъ. Только вѣдь вы собирались куда-то ѣхать?

— Д-да... то-есть, все можетъ случиться.... могу и уѣхать...

Безцеремонная, дружеская бесѣда коснулась разныхъ подробностей домашняго быта; возникали вопросы, споры, требованія уступокъ, но, казалось, всѣ были счастливы и довольны другъ другомъ. Трубежовъ почувствовалъ себя постороннимъ этому маленькому семейному кружку, однако, не теряя прежней веселости, примкнулъ къ общему разговору. Но въ его

шутливости сказалося что-то напускное, натянутое и крайне непріятное....

— Съ наслажденіемъ вижу и благословляю ваше трогательное согласіе. Одно подозрительно: Лидія Васильевна все отмалчивается, не заявляетъ никакихъ требованій и какъ будто не хотя на все соглашается....

— Мои требованія очень несложны и извѣстны Ивану Ивановичу.

— Можно узнать, въ чемъ они заключаются? Или это секретъ?

— Никакого секрета. Комната у меня своя, никто мнѣ мѣшать не можетъ, и я никому не мѣшаю. Затѣмъ, мнѣ необходимо въ день четыре часа свободы для уроковъ внѣ дома, остальное время я провожу дома, занимаюсь вотъ съ этими шалунами,— больше нечего.

— Прекрасно-съ! Значить, ваша скромная программа тѣмъ и ограничена? Дѣйствительно, это очень ужъ немного!

Она взглянула на него строго и отвернулась. Трубежовъ понялъ, что вопросы его задѣли Лидію Васильевну за живое, но нимаго не смутился,—словно именно того и добивался, чтобъ задѣть ее....

Онъ обратился къ Дарову:

— Сегодня я получилъ кучу писемъ. Знаешь-ли, любезный другъ, кого мы здѣсь скоро узримъ? Нашъ милый Коробейниковъ явится. Лѣтомъ онъ былъ на Волгѣ, теперь въ Кіевѣ.

— Ну что-жь, какъ ему живется?

— Да скверно, братъ. Въ его бродячей жизни за это короткое время было столько приключеній, что и рассказать трудно. Вѣдь ты знаешь, какая это открытая душа, весь наружи,—вотъ ужъ въ этомъ человѣкѣ ничего нѣтъ загадочнаго, потаеннаго.... а между тѣмъ, какимъ-то чудомъ создалась совсѣмъ ему не подходящая репутація.... Въ одномъ мѣстѣ его приняли даже за поджигателя.... Чуть что случись — непременно тянутъ Коробейникова на дугундеръ. Разумѣется, въ концѣ концовъ, дѣло разъясняется и его невинность торжествуетъ,—но каково жить-то? Вѣдь покоя человѣкъ не имѣетъ.... И замѣчательна въ немъ одна чисто-русская черта: иной-бы обозлился, осатанѣлъ, кусаться-бы началъ, — а онъ предобродушно смѣется.... Представь, что и прошлогоднее пребываніе въ мирной Трубежовкѣ ему на счетъ поставлено....

Ха-ха! Ну, тутъ ужъ прямо милѣйшій Василій Парфенычъ постарался.... не побрезговаль грязенькой ролью....

— Тите, Лидія Васильевна здѣсь, остерегъ Миллеръ.

— Что-жь такое!—Лидія Васильевна, обратился къ ней Трубежовъ,—вы давно не получали писемъ отъ вашего отца?

— Мы не въ перепискѣ.

— А! такъ позвольте васъ поздравить: онъ оставляетъ предводительство и получаетъ губернію,—слухъ изъ вѣрнаго источника.

— Съ чѣмъ-же меня-то поздравлять? Это все равно что поздравить Ивана Иваныча съ тѣмъ, что гувернантка его дѣтей—губернаторская дочка....

Лидія сказала это очень рѣзко, съ дрожью въ голосѣ, и немедленно вышла изъ комнаты. Даровъ былъ какъ на иголкахъ, но вымещалъ свое раздраженіе, по обыкновенію, обращаясь чаще къ своей тавлинкѣ. Даже Миллеръ замѣтилъ, что тутъ кроется что-то неладное, что выступаютъ наружу какія-то странныя отношенія, не поддающіяся точному опредѣленію, но тягостныя для всѣхъ, болѣзненныя.... Онъ круто перевелъ разговоръ на Жоржика.

— Что-же вы думаете дѣлать съ этимъ мальчикомъ? Вѣдь нельзя-же его оставить въ этой безобразной школѣ неудавшаго ветеринара.

— Онъ теперь держитъ экзамень въ четвертый классъ гимназіи, но какъ устроить его жизнь—я рѣшительно теряюсь. Нечего и говорить, что у отца оставить невозможно. Взялъ-бы его къ себѣ, но, во-первыхъ, я—человѣкъ бродячій, цыганъ, а во-вторыхъ, какой-же я воспитатель? Познакомился кое съ кѣмъ изъ здѣшняго педагогическаго мірка, видѣлъ эти извѣстныя ученическія квартиры,—говорять, въ недавнее время, при Пироговѣ, онѣ были порядочны, а теперь эта одна изъ самыхъ безсовѣстныхъ спекуляцій, нажива на счетъ нравственной порчи бѣдныхъ мальчугановъ.... Содержатся онѣ большей частью самими-же учителями—и тѣмъ хуже: въ гимназіи смотреть не на то, какъ ученикъ занимается, а у кого онъ живетъ,—отсюда цѣлая система развращающихъ несправедливостей, темныхъ лазеекъ, протекцій.... Между тѣмъ, для Жоржика прежде всего необходима чистая нравственная атмосфера; онъ угнетенъ многими уродливостями, которыя опутали его дѣтство.... Не бѣда, что у него нѣтъ семьи—иногда

своя семья хуже чужой,—я самъ выросъ и воспитался въ чужой семьѣ и благословляю память моего благороднаго воспитателя.... Но гдѣ найдешь такого воспитателя!—ломаю голову и до сихъ поръ не могу ничего придумать.... То есть, пожалуй, кое-что и придумалъ, только едва-ли оно осуществимо....

— Чего-же проще! Вотъ вамъ лучшее употребленіе бабушкиныхъ денегъ: устройте такую ученическую квартиру не для одного Жоржика, а для многихъ бѣдныхъ мальчиковъ, лишенныхъ семьи. На это немного и нужно.

— Вы угадали мою мысль, Иванъ Ивановичъ,—но тутъ не въ деньгахъ сила, прежде всего надо найти людей, а гдѣ ихъ возьмешь?

— Поискать хорошенько,—и люди найдутся.

Трубежовъ задумчиво пощипывалъ бороду, какъ будто затруднялся высказать то, что уже созрѣло въ его головѣ,—находилъ это неудобнымъ или преждевременнымъ.

— Покажи мнѣ когда-нибудь этого знаменитаго Жоржика.

— Непремѣнно. Вотъ переѣдешь въ городъ и познакомишься. Онъ тебя займетъ. Очень оригинальный мальчикъ. Сначала онъ покажется мало развитымъ для своихъ лѣтъ, но потомъ видишь, что все развитіе его пошло какъ-то клиномъ, въ одну сторону. Напримеръ, онъ совершенно лишенъ чувства изящнаго, музыки терпѣть не можетъ, не понимаетъ даже красоты въ природѣ,—все у него сводится на простую, такъ сказать, ломовую дѣятельность... А вѣдь съ дѣтства въ домѣ бабушки онъ былъ окруженъ самой изысканно-изящной обстановкой. Это, братъ, какая-то совершенно новая черта, по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы между нашими сверстниками были такія упорно прозаическія головы. Въ его годы мы стихи писали, соловья заслушивались, а онъ въ землѣ роется... Можетъ быть, онъ одинъ такой выродокъ, не знаю, но по его-же рассказамъ видно, что это самая обыкновенная вещь въ кругу его товарищей. Во всякомъ случаѣ, черта характерная.

Трубежовъ старался заинтересовать Жоржикомъ своего пріятеля; онъ зналъ, что Даровъ никогда не обнаруживалъ сентиментальной нѣжности къ дѣтямъ и беспощадно осмѣивалъ рутинный взглядъ, по которому младенцы должны быть какими-то святыми, безгрѣшными существами, чуть не безплотными ангелами, и уже выростая приобрѣтаютъ всяческое окаянство. Онъ, напротивъ, усматривалъ въ ребенкѣ всѣ животныя, эго-

истическія наклонности, которыя съ возрастомъ и воспитаніемъ смягчаются, проходятъ или, по крайней мѣрѣ, обуздываются условіями общежитія. Особенно находилъ онъ, что деспотизмъ—самая присущая, коренная черта дѣтскаго возраста. Дѣтскій деспотизмъ приводилъ его въ отчаяніе и вызывалъ безпошадную суровость не къ дѣтямъ, а къ глупымъ баловникамъ родителей. Вообще-же, дѣти и юноши любили его, не смотря на то, что онъ не давалъ поблажки ихъ эгоистическимъ наклонностямъ.

Въ жизни Дарова встрѣтился одинъ юноша, бѣдный омскій мѣщанинъ, Костя Кочневъ, который привязался къ нему такъ, какъ могутъ привязываться однѣ только благороднѣйшія натуры: онъ былъ и ученикомъ, и слугой, и другомъ, и сыномъ Ѳедора Алексѣича во все время его сибирской жизни. Костя пламенно желалъ ѣхать съ нимъ въ Россію, но приходилось покинуть мать съ маленькими сестренками, для которыхъ онъ былъ единственный кормилецъ и защитникъ. Онъ остался. Горькая необходимость похоронить всѣ надежды и разлука съ любимымъ наставникомъ подкосили здоровье бѣднаго Кости. Переписка ихъ не прерывалась, и Даровъ гордился ею, какъ лучшею страницей своей жизни.

И теперь, при разговорѣ о Жоржикѣ, Дарову невольно припомнился его Костя, который чахнулъ и тихонько умиралъ, работая на семью въ глухомъ сибирскомъ захолустѣ.

— Да, такіе юноши встрѣчаются не часто! А вѣдь тоже родился и выросъ при ужасной обстановкѣ: кругомъ безпросвѣтная мгла, дикость, полнѣйшее безправіе, отчаянной бѣдности нѣтъ только потому, что потребности самыя первобытныя; а посмотри-ка на этого паренька—какой запросъ на высшую правду жизни, какой порывъ все знать, всего достигнуть, всѣмъ мучиться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая кроткая готовность на самопожертвованіе!... Это, братъ, не то, что здѣшніе золотушные выкидыши нашего цивилизованнаго разврата... Конечно, и эти Жоржики безъ вины страдаютъ, они—живой укоръ, протестъ... но ихъ жалъ—и только! Будущее не ихъ, обновятъ жизнь не они, а безвѣстные дѣти медвѣжьихъ угловъ, гдѣ еще не знаютъ, что можно стыдиться такого естественнаго факта, какъ дѣторожденіе... Впрочемъ, это я только къ слову. Можетъ статья, твой Жоржикъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ замѣчательной личностью, только ты не порти его излишней заботливостью,

тепличнымъ уходомъ,—пусть себѣ идетъ заурядъ общей дорогой...

— Да, да, ты правъ... но все-таки вѣдь надо-же его какъ-нибудь приютить. Мы съ тобой объ этомъ послѣ потолкуемъ серьезно...

По всему замѣтно было, что теперь Трубежову вовсе не до того, чтобы толковать о судьбѣ Жоржика,—онъ и слушалъ-то Дарова полувнимательно, все поглядывая въ окно, какъ будто хотѣлъ убѣжать въ зеленую степь, уже тронутую косыми, багряными пятнами заката.

— Не пойти-ли намъ побродить, предложилъ Миллеръ, замѣтивъ нетерпѣливыя движенія гостя.

— Ахъ, отлично, отлично! обрадовался онъ.—Федоръ Алексѣичъ тутъ всѣ тропинки знаетъ. Пусть ведетъ насъ въ самыя живописныя пустыри, въ самыя поэтическія канавы и рытвины.

— Это ужъ моя постоянная спутница, Лидія Васильевна, лучше знаетъ.

— Всѣ, всѣ, гурьбой пойдѣмъ!

III.

Лидія Васильевна долго собиралась; дѣти насилу вытащили ее тогда уже, когда все маленькое общество поднялось на высокій берегъ. Она держалась поодаль, въ сторонѣ, и не вмѣшивалась въ общій разговоръ. Рѣшено было идти вдоль по возвышенности до того пункта, съ котораго открывался прямо видъ на городъ, а лѣвѣе — на песчаную отмель плоскаго морского берега, усѣяннаго сторожками рыбаковъ.

— Лидія Васильевна сегодня вовсе не расположена гулять, а мы ее приневолили.

— Что такое? Что вы обо мнѣ говорите? откликнулась она, услышавъ свое имя.

Трубежовъ подошелъ къ ней.

— Я сказала, что сегодня вы гуляете по службѣ.

— А вы, Григорій Сергѣичъ, сегодня остроумничаете — ужъ не знаю, по службѣ, или по чему другому... но очень мило и даже колко...

— Радуюсь, что вы замѣтили и поощряете мое плохое остроуміе. Не все то весело, что прикрывается шутовствомъ... Мы съ вами знакомы ужъ давно, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ я ни разу не видѣлъ, чтобы вы остановили на мнѣ не-

множко большае вниманія, чымъ на первомъ встрѣчномъ... Вотъ я и рѣшился, дай-ка, думаю себѣ, хоть чѣмъ-нибудь выдѣлюсь изъ безцвѣтной роли какого-то театральнаго гостя. Простите, это, конечно, пріемъ пошленькаго фатилки, но... я надъ выборомъ его не задумывался, вышло какъ-то само-собою,— да, впрочемъ, въ вашихъ глазахъ я давно уже причастень къ фатовству, стало-быть, немного большае, немного меньше — ваше мнѣніе обо мнѣ не перемѣнится.

Лидія Васильевна разсмѣялась его фразамъ.

— Право, Григорій Сергѣичъ, я не умѣю такъ говорить... Мнѣ кажется, что вы принимаете меня за какую-то другую барышню... И зачѣмъ передо мной хотите показаться хуже, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ? Теперь вотъ фразерство на себя напустили... Къ чему это?

Она взглянула ему прямо въ глаза съ доброй, вызывающей улыбкой.

— Ахъ, Лидія Васильевна... ничего вы не знаете!...

— Напрасно вы такъ думаете: васъ я знаю довольно хорошо. Часто мы съ Ѳедоромъ Алексѣичемъ говоримъ про васъ и много говоримъ... Дѣйствительно, въ послѣднее время вы стали нѣсколько загадочны, перемѣнились къ старому другу. Ужели есть что-нибудь такое, что надобно скрывать?

— Есть...

— Вотъ какъ! Не смѣю васъ спрашивать, однако думаю, что люди, уважающіе другъ друга, въ такихъ случаяхъ объясняются прямо.

— А бываетъ и такъ, что самый смѣлый человѣкъ труситъ передъ прямымъ объясненіемъ... Трусость—самое подлое, отвратительное мученіе... Можетъ быть отъ того я сегодня и веду себя такъ глупо, что рѣшился покончить съ трусостью... мнѣ необходимо объясниться...

— Какъ я рада! Позовемъ-же скорѣе его къ намъ.

— Пойдите... зачѣмъ его? Мнѣ надо объясниться съ вами...

— Со мной?...

— Да... но, ради Бога, не при немъ... Съ нимъ я послѣ... Вѣрьте, что я его попрежнему люблю, считаю однимъ изъ лучшихъ людей... Связь наша слишкомъ крѣпка, но не объ ней теперь дѣло. Будьте добры, выслушайте меня до конца... И чтобы никто не прерывалъ нашей бесѣды, пойдите вонъ туда, къ морю... Вы согласны?

Лидію Васильевну охватила какая-то тоскливая тревога. Какъ ни мало она имѣла претензій «покорять сердца», но, наперекоръ разсудку, женскій инстинктъ подсказывалъ ей, о чемъ будетъ говорить Трубежовъ. Съ полверсты до берега они шли молча, словно обдумывая важность настоящей минуты для обоихъ и сожальѣя, зачѣмъ обстоятельства сложились такъ, что нельзя обойтись безъ этого объясненія...

— Вы — умная дѣвушка и знаете въ чемъ дѣло, началъ Трубежовъ. — Вѣдь — да?

— Да... правда, Григорій Сергѣичъ, прошептала она съ большимъ усиліемъ. — Но вы также поймете, что я поражена — какъ оно могло случиться!...

— Самъ не знаю... но давно ужъ, и едва-ли не съ той минуты, когда вы вошли въ темненкій будуаръ такъ нечаянно и такъ не кстати для вашей сестрицы, — помните? — съ той минуты я не переставалъ думать о васъ... Потомъ я слѣдилъ за каждымъ вашимъ шагомъ — и бѣсился, зачѣмъ эти шаги всегда минуютъ меня... и тосковалъ, и — какъ это ни сумасбродно! — ревновалъ васъ... Отдаю на вашъ судъ это чувство, — думаю, что это любовь... Когда я увѣрялъ васъ, что въ Одессѣ можете устроиться у моей бабушки — я не лгалъ, но, каюсь, очень легкомысленно думалъ, что оно вовсе не понадобится, что я явлюсь туда, что мы подадимъ другъ другу руки и пойдемъ вмѣстѣ совсѣмъ иной дорогой... Я былъ легкомысленъ потому, что представлялъ уже себѣ, хотя смутно, возможность такого счастья... Потомъ — вы уѣхали, а я потерпѣлъ самое оскорбительное фиаско въ такомъ большомъ дѣлѣ, въ которомъ затерялась и моя маленькая дорожка, — теперь не знаю, не вижу куда мнѣ идти... Кто-бы и что-бы ни было причиной моего фиаско — не все-ли равно! — Охотно беру на себя всѣ упреки въ слабости, безсиліи, невыдержанности, неспособности — ну да! — я разбитъ, выброшенъ изъ рядовъ, но никто не смѣетъ сказать, что я ренегатъ, измѣнникъ, что, ради личной выгоды, ради карьеры или дешевой успѣха, я поступилъ хоть однимъ звеномъ своихъ убѣжденій... Не бѣда, что люди враждебнаго лагеря глумились надо мной, лягали грязными копытами — это ихъ дѣло, — но тѣ, въ комъ я чаялъ найти опору, единомысліе — встрѣтили меня слишкомъ снисходительнымъ сожалѣніемъ, какъ отсталаго идеалиста, бѣлоручку, устарѣвшаго эстетика... (особенно досталось

мнѣ за эстетику!) Это больно ударило по моей гордости... Дай Богъ имъ всякаго успѣха!—а я потерялъ энергію, потерялъ вкусъ къ какой-бы то ни было общественной дѣятельности, извѣрился, усталъ и остановился надъ простымъ вопросомъ о личномъ счастьи—и тутъ опять сердце подсказало мнѣ ваше имя... Оно болѣзненно забилося при встрѣчѣ съ вами, но... не знаю, можетъ, это лишь моему пугливому воображенію представилось,—я замѣтилъ, что жизнь ваша здѣсь уже такъ законченно сложилась, что мое непрошеное вмѣшательство можетъ только испортить ея теченье, принести вамъ лишнюю досаду, лечь темной тѣнью на то, что вамъ теперь свѣтитъ... Я старался всмотрѣться хорошенько, распознать, что тутъ дѣлается—и еще больше запутывался... За глаза друзей не судить: я убѣжденъ въ его глубокой честности (Трубежовъ стѣснялся назвать его по имени), въ его строгомъ умѣ; онъ сознаетъ неизмѣримое неравенство всѣхъ условій, необходимыхъ для вашего взаимнаго счастья и не можетъ допустить увлеченія ни съ своей, ни съ вашей стороны,—все это такъ! Но вѣдь бываютъ-же совершенно необъяснимыя, нелогичныя психическія явленія... въ нихъ никто не властенъ и никто не виновать!.. (Онъ помолчалъ минутку). Мнѣ остается спросить васъ прямо: Лидія Васильевна, можете вы свободно располагать собою или нѣтъ?.. Надѣюсь, что вы и отвѣтите такъ-же прямо. Но, ради всего святаго, подумайте серьезно: передъ вами говорить не влюбленный мальчикъ... Вы видите, что мое чувство къ вамъ не вчера вспыхнуло, что я отдаю на ваше рѣшеніе мою, можетъ быть, послѣднюю жизненную задачу,—что въ эту минуту долженъ рѣшиться поворотъ моей жизни въ ту или другую сторону... Теперь вы понимаете, почему я такъ трусилъ передъ этимъ объясненіемъ. Но, дорогая Лидія Васильевна, ради Бога, не стѣсняйтесь ничѣмъ побочнымъ, никакими практическими соображеніями,—ни сожалѣніемъ ко мнѣ, ни боязнью за кого-нибудь изъ насъ, поставленныхъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ къ лицу... Я строго обдумалъ все и сумѣю выполнить долгъ честнаго человѣка. Каковъ-бы ни былъ вашъ отвѣтъ, онъ во всякомъ случаѣ будетъ для насъ словомъ мира и свѣта, выведетъ насъ изъ этой тьмы, изъ этого невозможнаго положенія, въ которомъ виновать, можетъ быть, одинъ я...

Кончивъ свою исповѣдь, Трубежовъ снялъ шляпу, отвернулся отъ Лидіи и, поднявъ съ земли какой-то прутикъ, ло-

маль его на мелкіе кусочки. Лицо его было спокойно, только руки дрожали, пальцы какъ-то не слушались...

Она сѣла на прибрежный камень, всматриваясь въ набѣгавшую зыбь моря, будто искала чего-то въ мягкой зеленой волнѣ, бессильно доползавшей до самыхъ ногъ ея и пропадавшемъ, оставляя на песокъ каемку бѣлой пѣны. Въ ея глазахъ стояли слезы, но блескъ ихъ былъ холоденъ, суровъ—такіе глаза не плачутъ...

— Григорій Сергѣичъ, у васъ не было какой-нибудь кузиночки или хоть чужой дѣвочки, которая вмѣстѣ съ вами выростала, съ которою въ дѣтствѣ вы и дрались, и дружились, и совсѣмъ не думали, какія между вами отношенія?

— Не было,—я выросталъ одинокимъ барченкомъ и совсѣмъ внѣ женскаго вліянія... А на что это вамъ?

Лидія, нахмуривъ брови, что-то долго соображала.

— Да, это такъ и должно быть... (сказала она самой себѣ). Замѣчали-ль вы, хоть на другихъ, что потомъ, придя въ возрастъ, въ такихъ подругъ дѣтства почти никогда не влюбляются?.. Отчего это?—Я не знаю.—Не оттого-ли, что товарищескія отношенія снимаютъ съ женщины всю эту загадочную прелесть, которая въ любви играетъ такую важную роль... Вѣдь тутъ, при этихъ отношеніяхъ, даже красота не замѣчается,—а въ любви красота—великое дѣло... (Она горестно вздохнула).

— Лидія Васильевна, не оскорбляйте меня... Васъ смущаетъ воспоминаніе о красавицѣ-Тоничкѣ... Но то было совсѣмъ иное дѣло...

— Нѣтъ, Григорій Сергѣичъ, не иное дѣло: я думаю, что тѣ была у васъ настоящая, не придуманная любовь...

— А теперь?

— Теперь вы не меня любите, а другую Лидію Васильевну, которая лучше меня, гораздо лучше—и умнѣе, и красивѣе—словомъ такую, какою вамъ хочется, чтобъ я была... А я себя знаю: никогда я не подойду въ вашему идеалу... Мнѣ ужасно больно это выговорить,—вы человекъ умный, достойный уваженія—что я передъ вами?—Но рѣшаюсь сказать вамъ, что вы ошибаетесь...

— Но если эта ошибка продлится всю жизнь,—не все-ль равно, какъ ни быть счастливымъ, хотя-бы и по ошибкѣ!.. Скажу вамъ прямо и не боясь васъ оскорбить, что моя лю-

божь къ вамъ—вовсе не сумасшедшая романическая страсть,— для такой страсти я ужь и старенець,—а тихое глубокое чувство, которое всегда долговѣчно,—оно столько-же чувство, сколько убѣжденіе, а я никогда еще не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ... У васъ я тоже не вымалываю страстной любви—это было-бы глупо,—а, какъ человекъ усталый, растерявшій всѣ иллюзіи, умоляю васъ подать мнѣ руку, пойти со мною вмѣстѣ... Надѣюсь, что вы никогда не раскаетесь въ этомъ шагѣ, не покраснѣете за вашъ выборъ...

— О, нѣтъ, Григорій Сергѣичъ, я гордилась-бы этимъ счастьемъ... но оно невозможно!.. Не требуйте отъ меня никакихъ объясненій... ради Бога!..

Трубежовъ пошатнулся, сдѣлалъ движеніе къ ней,—она быстро встала, протянула ему обѣ руки, старалась улыбнуться и заглянуть въ его лицо, какъ дѣлають незлобивые и правые люди, но онъ отвернулся; глухой болѣзненный стонъ вырвался изъ груди его.

— Простите меня, не отнимайте вашей дружбы, прошептала Лидія Васильевна,—не могу я сдѣлать безчестнаго поступка...

— Подождите... дайте немного собрать мысли... Я ничего не имѣю противъ васъ, ничего!.. Но только послѣ,—не теперь... мнѣ ужь слишкомъ тяжело... оставьте меня,—идите, я догоню...

Лидія Васильевна не выдержала; давно уже скоплавшіяся слезы хлынули по лицу ея. Она послушно пошла своей дорогой.

Съ пригорка ее увидѣли, замахали платками, дѣти побѣждали ей навстрѣчу. Она въ отвѣтъ тоже махнула платкомъ и тутъ только вспомнила, что не мѣшаетъ отереть предательскія слезы...

— Ну, вы, милостивая государыня, замечались на морскомъ берегу, совсѣмъ забыли, что мы, бѣдные, прозаическіе люди, отоцали и «поджидая васъ, мечтаемъ,—ахъ, когда-бъ заняться чаемъ!» — Что-съ, каково? — И мы стихами умѣемъ, ха-ха-ха! — Миллеръ хотеть добрымъ смѣхомъ счастливаго здоровяка, встрѣчая Лидію и Трубежова.

— Вы совершенно правы, Иванъ Ивановичъ,—мечтать о чаѣ гораздо пользительнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ ловить журавля въ небѣ.—А я, каюсь, зараженъ подражаніемъ великимъ поэ-

тамъ, Байрону, Пупкину, люблю эту «свободную стихію»— море вліяетъ на меня неотразимо, оно какъ-то поднимаетъ весь душевный строй,—неволью напрашиваются на память вдохновенные стихи... Сейчасъ стоя на берегу, не могъ я отвязаться отъ строфъ Байрона «Farewell!»—Помнишь Ѳедоръ Алексѣичъ, ты помнится, это переводилъ?—Да, ты навѣрное переводилъ «Чайльдъ-Гарольда»...

Прости, прости, мой край родной—
Ты кроешься въ волнахъ...

кажется, такъ у тебя начинается... Какое любящее, кровью исходящее сердце могло продиктовать эту гордую анаэму всему, что любилъ и ненавидѣлъ человѣкъ на родномъ берегу!.. Да, да... farewell!—Это лозунгъ всѣхъ, кто неспособенъ унизиться до подленькаго компромисса съ житейскою пошлостью... кто такъ-же умѣетъ любить враговъ, какъ ненавидѣть друзей— и кто стыдится плакать надъ своей разбитой жизнью... Farewell... не такъ-ли, господа?

Но странная, нѣсколько декламаторская тирада Трубежова ни въ комъ не вызвала отвѣта. — Всѣ пріумолкли. Лидія Васильевна, скрестивъ на груди руки, шла съ дѣтьми и не замѣчала, что рѣзвые мальчуганы теребятъ ее за платье, обвиняютъ ее колѣни, называютъ ее ласковыми именами, — имъ неприятна была ея суровая сосредоточенность. Она, какъ видно, не заботилась и о томъ, чтобы скрыть, замаскировать свое душевное расстройство, — ей было не до того, что могутъ подумать о ней не только всѣ на свѣтѣ Миллеры, но и самъ Ѳедоръ Алексѣичъ... Нестерпимая жадность сжимала ея сердце,—точно она шла послѣ исполненія жестокаго приговора, — приговоръ исходилъ не отъ нее: она была только неумолимой исполнительницей... Глядя упорно въ землю, она словно на яву, открытыми глазами видѣла передъ собою то блѣднаго, растеряннаго, но красиваго и сильнаго Трубежова,—то одиноко-умирающаго, всѣми брошеннаго и тихо всѣхъ прощающаго Дарова... О, она страдала гораздо глубже, чѣмъ они оба. Вѣдь съ самаго дѣтства она воспитала въ себѣ мысль, что живетъ не сама по себѣ, а для кого-то и для чего-то другого,—что она, простая, заурядная, ничѣмъ не выдающаяся дѣвушка, не имѣетъ никакихъ правъ стать героиней, требовать отъ жизни своей доли радостей, — она съ религиознымъ смиреніемъ привыкала думать, что честнѣе и достойнѣе

быть жертвой, чѣмъ идоломъ, которому приносятся жертвы—и вдругъ, теперь обстоятельства сложились такимъ роковымъ образомъ, что изъ двухъ близкихъ людей, которымъ она готова была-бы принести всевозможныя жертвы, одинъ непременно долженъ стать жертвой, а она—тѣмъ безсердечнымъ судьей, который обязанъ рѣшить, кто-же, наконецъ, изъ двухъ долженъ быть жертвой... Ей не по силамъ была эта неизбежная задача—и доискивалась она полнаго оправданія другихъ, и хотѣла винить только себя:—«но, Боже мой, чѣмъ-же виновата я—несчастливая, невзрачная, бѣдная гувернантка?..» О, ей было страшно тяжело!..

Даровъ видѣлъ, что произошло что-то между молодыми людьми, которыхъ онъ любилъ всѣми силами своего честнаго, привязчиваго сердца, но чувствовалъ, что его стоическая прямота подверглась-бы жестокому искушенію, еслибъ они призвали его быть рѣшителемъ въ ихъ дѣлѣ... Онъ молча и пристально наблюдалъ теперь за ними и готовъ былъ, по его любимому выраженію, позволить отодрать себя публично на площади, лишь-бы не быть призваннымъ въ посредники между ними.

За чаемъ всѣ были не въ духѣ, даже Миллеръ не находилъ никакой безобидной и подходящей темы для разговора. Еще всѣ сидѣли за столомъ, какъ Трубежовъ поспѣшно всталъ и попрощался съ хозяевами, не мотивируя своего внезапнаго отъѣзда ничѣмъ, даже рутинною головною болью.

На дворѣ онъ остановился съ Даровымъ, крѣпко сжалъ его руку, потомъ обнялъ и, цѣлуя, прошепталъ на ухо:

— Если наша десятилѣтняя дружба и все то общее, что насъ такъ благородно связывало, имѣетъ для тебя какое-нибудь значеніе, — умоляю тебя, другъ Федоръ Алексѣичъ, пріѣзжай ко мнѣ завтра, — непременно завтра, потому что черезъ два дня меня ужъ здѣсь не будетъ...

— Что ты, Гриша, милый, дорогой... Зачѣмъ, куда, что съ тобой?—Даровъ обхватилъ его за шею и глядѣлъ въ его глаза своими черными блестящими зрачками.

— Такъ нужно, добрый мой другъ, такъ нужно!.. Десять тысячъ причинъ сошлись и заставляютъ меня сказать: fage-well!.. Такъ я жду тебя...—Онъ вскочилъ въ коляску и крикнулъ: пошолъ живѣй.

Даровъ остался на дворѣ; послѣ долгаго размышленія, онъ пошелъ вызвать Лидію Васильевну, — говорить съ ней показалось ему самую нетерпящую необходимостью; но не могъ ее найти, она ушла въ свою комнату и заперлась на ключъ.

Федоръ Алексѣичъ забылъ даже надѣть фуражку, пошелъ со двора и до глубокой ночи бродилъ по берегу лимана, не ощущая ночной сырости. Холодный вѣтеръ становился рѣзче и взвѣвалъ его сѣдые длинныя пряди волосъ, — а онъ, ничего не замѣчая, все ходилъ по пустынному берегу и съ какой-то свирѣпостью опустошалъ свою тавлинку...

А. Пальмъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Политическія движенія въ Германіи.

I.

Ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпую картину представляла изъ себя Германія XVIII в. Въ ней было 300 независимыхъ и около 1,500 полузависимыхъ государствъ, да 40,000 рыцарскихъ имѣній. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ былъ свой султанъ, изъ всѣхъ силъ старавшійся подражать Людовику XIV,—самовластное дворянство, хищное чиновничество и подавленная налогами народная масса. Всѣ эти разнокалиберныя, разноцвѣтныя территоріи составляли одинъ союзъ, носившій безсмысленное названіе «Священной Римской Имперіи Нѣмецкой Націи».

Только около половины XVIII в. общеевропейское движеніе мысли начало мѣстами оказывать свое вліяніе и въ Германіи, и лучшіе изъ ея государей принимались за реформы. Самымъ виднымъ изъ этихъ представителей «просвѣщеннаго деспотизма» былъ Фридрихъ Великій, другъ и поклонникъ французскихъ философовъ, свободный мыслитель, Вольтеръ въ маломъ видѣ, но за то съ короною на головѣ. Фридрихъ въ сущности былъ такой-же деспотъ, какъ и другіе современные ему государи, но, какъ и у нашего Петра, деспотизмъ Фридриха не имѣлъ въ себѣ ничего эгоистическаго. «Я думаю, писалъ этотъ коронованный философъ, что интересъ моихъ земель есть также и мой собственный, и что я не могу имѣть никакого интереса, который былъ-бы отличенъ отъ ихняго». «Государи, правители, короли, писалъ онъ въ 1781 г., не для того облечены верховною властью, чтобы безнаказанно предаваться разврату и всякаго рода роскоши; они не для того поставлены выше остальныхъ согражданъ, чтобы публично кичиться своимъ положеніемъ и попирать ногами бѣдность и нищету; они не для того стоятъ во главѣ государствъ, чтобы держать при себѣ толпы тунеядцевъ, дармоѣдство и ничтожество которыхъ порождаютъ всякаго рода пороки. Государь долженъ править такъ, какъ будто-бы каждое мгновеніе онъ обязанъ отдать отчетъ въ управленіи своимъ согражданамъ». Это были не фразы, и Фридрихъ

на дѣлѣ всегда былъ вѣренъ своему идеалу. Онъ дорожилъ каждымъ народнымъ грошекомъ, велъ самую скромную жизнь, спалъ только 5 часовъ въ сутки и все остальное время отдавалъ труду. Врагъ всякаго фанатизма, онъ поддерживалъ въ государствѣ полную вѣротерпимость, допустилъ свободу печати, искренно заботился о просвѣщеніи, реформировалъ законы, ограничилъ крѣпостное право, содѣйствовалъ развитію земледѣлія и промышленности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, противорѣча самъ себѣ, Фридрихъ питалъ слабость къ аристократіи, поддерживалъ ея привилегіи, уничтожилъ послѣдніе остатки самоуправленія, и прусское общество было при немъ такъ-же грубо и не развито, какъ и при его отцѣ.

Передъ смертію Фридрихъ ясно видѣлъ, что Европѣ грозитъ переворотъ, во время котораго Пруссіи суждено остаться безъ хорошаго правительства. Въ 1786 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, онъ говорилъ своему племяннику: «Конецъ мой близокъ и я боюсь, что послѣ моей смерти пойдетъ безтолковщина. Повсюду лежатъ элементы броженія, и царствующіе господа только накапливаютъ ихъ, вмѣсто того, чтобы успокоить и устранить. Массы начинаютъ уже поднимать голову, и если дѣло кончится взрывомъ, то все пойдетъ къ чорту».

Вмѣстѣ съ реформами Фридриха В. въ Пруссіи и Иосифа—въ Австріи, въ Германіи шло оживленное просвѣтительное движеніе въ литературѣ; Виландъ, Лессингъ, Кантъ, Гердеръ, Шиллеръ, Гете и др. положили начало новой великой эпохи въ развитіи нѣмецкой мысли и сильно двинули впередъ дѣло просвѣщенія. Но немедленно-же послѣ смерти Фридриха В. противъ этого движенія поднялась ожесточенная реакція. Преемникъ короля-философа, его племянникъ Фридрихъ Вильгельмъ II былъ вовсе не такой человѣкъ, какого требовала серьезность положенія, хотя въ началѣ царствованія и умѣлъ возбудить свѣтлыя надежды въ своихъ подданныхъ. Онъ искренно желалъ быть полезнымъ своему народу и получилъ хорошее воспитаніе, но по своей умственной недалекости и безхарактерности легко подчинялся вліянію глупцовъ и проходимцевъ. Чувственность дѣлала его рабомъ женщинъ.

Метрессы Фридриха-Вильгельма никогда непосредственно не правили государствомъ, какъ это бывало во Франціи, но онѣ имѣли огромное вліяніе на короля и дѣйствовали на него заодно съ розенкрейцерами, во главѣ которыхъ стояли Бишофсвердеръ и Вельнеръ. Король не могъ обходиться безъ общества розенкрейцеровъ, съ удовольствіемъ слушалъ ихъ духовидческія бредни и усердно читалъ такія книги, какъ «Откровенная Теософія» или «Мистическая Физика и Физика Священная, Священнѣйшая». Не ограничиваясь церковью и школою, шайка Вельнера захватила въ

свои руки надзоръ за книжною торговлею, бібліотеками, типографіями и цензуру всѣхъ книгъ и журналовъ. Прусская печать была не только обуздана, но даже упразднена, и 21 февраля 1792 г. король запретилъ, подъ страхомъ заключенія въ крѣпости, изданіе какихъ-бы то ни было «бюлетеней», какъ назывались тогда въ Пруссіи газеты. Просвѣщеніе было подавлено, за то мистицизмъ и всевозможныя сумасбродства получили полный просторъ и настало господство юродивыхъ и кликушъ.

Между тѣмъ, страна разорялась болѣе и болѣе, государственные доходы уменьшались, расточительность усиливалась, а дворянство, выжимавшее изъ крѣпостныхъ крестьянъ послѣдніе соки, получало отъ правительства еще новыя привиллегіи въ родѣ поземельнаго кредита. Дворъ и весь высшій классъ доходили до послѣднихъ границъ роскоши и распущенности.

Въ это время во Франціи разразилась революція и рухнулъ старый порядокъ. Революція отразилась и въ Германіи, особенно въ пограничныхъ областяхъ. Начиналась новая эпоха въ исторіи человѣчества, но германскіе правители по своей близорукости не видѣли этого и попрежнему держались средневѣковыхъ традицій. Въ союзѣ съ Австріей Фридрихъ-Вильгельмъ началъ даже войну съ Франціей, но въ 1795 г. вынужденъ былъ заключить миръ и умеръ въ 1797 г.

Преемникъ его тоже ничѣмъ не выдавался, но онъ былъ хорошій семьянинъ, велъ скромную жизнь, былъ набоженъ и бережливъ и если-бы не родился королемъ, то могъ-бы быть хорошимъ сельскимъ пасторомъ. Жена его была въ томъ-же родѣ, и пруссаки могли наслаждаться зрѣлищемъ идиллической семейной жизни царственныхъ супруговъ. Но его способности были весьма ограничены, а полученное имъ образованіе очень жалкое. Безхарактерный, лишенный всякой оригинальности ума, онъ чуждался всѣхъ людей энергическихъ и окружалъ себя бездарностями, какими были, напр., его фавориты Гаутвицъ, Ломбардъ и Лукезини. Даже самыя достоинства короля, его скромная жизнь и семейныя добродѣтели, не имѣли благотворнаго вліянія на общество, уже испорченное до мозга костей. Безумная роскошь увлекала даже бѣдняковъ, и Фихте однажды писалъ своей женѣ: «Я знаю здѣсь совѣтника, который, получая 800 талеровъ жалованья, держитъ лакея въ великолѣпной ливрѣ. Онъ покупаетъ для семейства полфунта говядины и на 6 пфениговъ моркови, вотъ и весь обѣдъ. Въ субботу, у себя въ комнатѣ, г-жа совѣтница сама моетъ рубашку, которую надѣнетъ въ воскресенье, сама-же остается безъ рубашки». Роскошью, мотовствомъ и разнузданностью особенно отличались гвардейцы и во главѣ ихъ «прусскій Алкивиадъ»,

родственникъ короля, принцъ Луи-Фердинандъ, знаменитѣйшій кутила и волокита своего времени.

Не въ одной Пруссіи, а всюду въ Германіи государственная жизнь покоилась на шаткомъ фундаментѣ разоренной и порабощенной массы народа, а правящіе классы выродились и ни къ какому серьезному дѣлу не были годны. «Не нужно долго жить въ Вѣнѣ, писалъ, напр., одинъ современникъ, чтобы видѣть, что австрійское государство подвергается внутреннему распаденію. Императоръ можетъ считаться нулемъ; министры лишены всякихъ способностей; финансы въ величайшемъ разстройствѣ; армія лишена всякаго довѣрія къ своимъ генераламъ и офицерамъ, слѣдовательно и къ себѣ самой; аристократія невѣжественна, не имѣетъ ни благородныхъ стремленій, ни нравственной силы; талантливыхъ людей рѣшительно нѣтъ; опасенія, внушаемыя замыслами Бонапарта, очень велики, а между тѣмъ эгоистическая политика, неспособная ни къ какому пожертвованію для другихъ, лишила Австрію всѣхъ друзей, и, кажется, что это государство скоро совершенно исчезнетъ изъ ряда первоклассныхъ державъ! Въ мелкихъ государствахъ правители и дворянство были еще хуже: всѣ они интриговали другъ противъ друга, лакейничали передъ Наполеономъ и предавали ему народъ. О серьезной борьбѣ никто не думалъ, опасность игнорировали съ какимъ-то идиотизмомъ. Бонапартъ, напр., цѣлый годъ громко и постоянно грозилъ Ганноверу, объявлялъ въ своихъ газетахъ, что захватить его при возобновленіи войны съ Англіею, но Ганноверъ оставался апатиченъ. Старая рутина продолжалась, ганноверскіе вельможи надѣялись на кабинетъ-совѣтника Рудлофа, а Рудлофъ, по обычаю себѣ подобныхъ, считалъ энтузіазмъ нелѣпостью, а патриотизмъ дѣломъ опаснымъ».

Въ то время, какъ Наполеонъ съ необыкновенною легкостью захватывалъ одно за другимъ мелкія государства Германіи и справлялся съ Австріей, прусское правительство и не думало серьезно готовиться къ борьбѣ. «Гнилое государство, говоритъ Шерръ, безцѣльно блуждало изъ стороны въ сторону, подъ управленіемъ грязной троицы — Гаугвица, Ломбарда и Лукезини. Напрасно принцъ Людвигъ предсказывалъ, что Пруссія не устоитъ противъ силы Франціи, что она падетъ безъ помощи, можетъ быть, даже безъ чести». Даже армія, о которой прусское правительство болѣе всего заботилось, никуда не годилась. Въ 1806 г. въ прусской арміи былъ только одинъ генералъ моложе 64 лѣтъ, всѣ главные генералы имѣли отъ роду по 70 лѣтъ и болѣе, а всѣ штабъ-офицеры отъ 50 до 60. Невѣжество этихъ господъ превосходило всякое вѣроятіе: они не умѣли даже вести самаго обык-

новеннаго разговора, какъ тотъ генералъ «изъ древняго, весьма знатнаго рода», съ которымъ встрѣтился на водахъ Гете.

«Несчастная разрозненность Германіи, говоритъ Шерръ, дѣлавшая возможнымъ злорадство Пруссіи во время аустерлицкаго пораженія Австріи, пала тяжелымъ гнетомъ на самую Пруссію. Наполеонъ не могъ надивиться быстротѣ и легкости своихъ побѣдъ въ 1806 г., разрушившемъ монархію Фридриха Великаго. «Пруссаки еще глубѣ австрійцевъ», говорилъ онъ. «Подлая трусость, съ которой знатные прусскіе генералы, почти безъ выстрѣла, сдавали сильнѣйшія крѣпости королевства во власть враговъ, показала, какою ненадежною опору для трона составляла въ минуты опасности гордая феодальная аристократія». Вслѣдъ за Австріей и мелкими государствами Германіи Пруссія сдѣлалась добычею Бонапарта, и нѣмецкій народъ, преданный своими повелителями, очутился подъ французскимъ игомъ. Внутренніе порядки Германіи были до того безобразны что многіе нѣмцы даже радовались побѣдамъ французовъ.

Погромъ, учиненный Наполеономъ, былъ ужасенъ. Опомился и Фридрихъ Вильгельмъ III, жена котораго писала своему отцу: «Я все болѣе и болѣе прихожу къ сознанію, что все случилось именно такъ, какъ должно было случиться. Божественное провидѣніе ясно ведетъ міръ на новые пути; настаетъ новый строй жизни, ибо старый отжилъ свое время и падаетъ подъ тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, мы не пошли за новымъ вѣкомъ, имъ созданнымъ, и вѣкъ обогналъ насъ». Шаригорстъ началъ преобразование арміи, а Штейнъ сталъ во главѣ гражданскихъ дѣлъ. Аристократъ въ душѣ, Штейнъ однакожъ понималъ, что прежнее феодальное устройство не можетъ существовать долѣе, и, отмѣнивъ крѣпостное право, старался прежде всего объ улучшеніи народнаго быта. «Все нужно передѣлать заново, говорилъ онъ.—Всѣ граждане должны имѣть одинаковыя права и обязанности. Всѣ должны быть лично свободными. Приобрѣтеніе поземельной собственности въ государствѣ должно быть доступно каждому. Судъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи». Съ особенною энергіей нападалъ Штейнъ на бюрократію. «Правительства, основанныя на личномъ произволѣ, портятъ характеръ народа, говорилъ онъ, — удаляя его отъ общественныхъ дѣлъ и поручая его интересы толпѣ корыстолюбивыхъ чиновниковъ». Онъ всѣми силами стремился къ развитію народнаго самоуправленія и хотѣлъ «средствомъ литературы и воспитанія поддерживать здоровое и сильное общественное мнѣніе. Представительство народа устроено очень неудовлетворительно даже тамъ, гдѣ существуетъ; должно быть введено общее національное представительство; отъ этого зависитъ

спасеніе или гибель прусскаго государства». Штейну пришлось много бороться съ королемъ, съ интригами феодаловъ и бюрократовъ, и когда по требованію Наполеона, видѣвшаго серьезную опасность для себя въ его реформахъ, онъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, преобразованія остановились. «Въ дѣлѣ обновленія государственной организаци и администраціи, говоритъ Гервинусъ,—король, только уступая неизбѣжной необходимости, шелъ шагъ за шагомъ; тутъ дѣйствовало не свободное желаніе духа, а пассивное малодушіе; потому и дѣятельность прекратилась, какъ только облегчился вынуждающій гнетъ... Какъ только съ отставкою Штейна кончилось тяготѣніе принциповъ надъ королемъ, правительство отложило всю реформу, какъ дѣло несвоевременное».

Вскорѣ однакожь сдѣлалось очевиднымъ, что совершенно покончить съ реформами пока невозможно, такъ какъ нужно было поднять духъ народа для новой борьбы съ французами. Преемникъ Штейна, Гарденбергъ, убѣждалъ правительство, что государство должно или погибнуть, или взять за основаніе своей внутренней политики демократическіе принципы. Гарденбергъ обложилъ налогами дворянство и королевскіе домены, конфисковалъ церковныя имѣнія и назначилъ ихъ вмѣстѣ съ коронными на погашеніе государственныхъ долговъ, уничтожилъ цехи и доставилъ промышленности полную свободу; отдалъ крестьянамъ въ собственность всѣ дворы и земли, которыми они владѣли до тѣхъ поръ только на правѣ пользованія, установилъ выкупъ работъ и свободу отчужденія поземельной собственности; наконецъ Гарденбергъ задумалъ отмѣнить и послѣдній остатокъ вѣрностнаго права,—вотчинную судебно-полицейскую власть помѣщиковъ, но это ему окончательно не удалось, вслѣдствіе противодѣйствія короля и дворянства. Одновременно съ этими реформами пробуждались во всѣхъ классахъ общественное сознаніе и ненависть къ иноземному игу. Фихте воодушевлялъ молодежь своими вдохновенными рѣчами; Арндтъ проповѣдывалъ о воспитаніи народа; воодушевился даже самъ ко всему равнодушный Гете и воскликнулъ: «Возстаньте, братья, освободите міръ! Кометы указываютъ вамъ, что великій часъ насталъ. Разорвите сѣти тирановъ и вырвитесь на свободу». Всюду основывались отдѣленія патріотическаго «Союза Добродѣтели», всѣ брались за оружіе, пустѣли университетскія аудиторіи, высшіе классы гимназій, конторы, мастерскія; крестьяне бросали свои плуги, родители сами посылали на войну сыновей, сестры братьевъ, невѣсты жениховъ, жены мужей. Города наполнялись волонтерами, по дорогамъ стояла пыль отъ массъ народа, стекавшихся въ сборныя пункты. Все горѣло энтузіазмомъ, все надѣя-

лось, изгнавъ французовъ, получить свободу и самоуправленіе, общанныя правительствами въ годину бѣдствій.

Но съ низверженіемъ Наполеона, люди стараго порядка смѣло подняли голову.

II.

Когда на отдаленномъ скалистомъ островѣ посреди океана было заточено послѣднее исчадіе революціи, представители консерватизма собрались въ Вѣнѣ рѣшать судьбы міра и возстановлять старый порядокъ, разметанный переворотомъ. «Но, говоритъ Шерръ, вѣнскій конгрессъ, на который спѣшили толпами государи и принцы, принцессы и дамы высшаго круга, генералы и государственные люди всѣхъ ранговъ, весь политическій, дѣловой и элегантный «свѣтъ» Европы, аристократы и іерархи, авантюристы и дѣльцы всякаго рода, дворяне-фантасты, ученые прожектеры, литературные прихвостни, «авилонскія блудницы» какъ по призванію, такъ и по профессіи, — этотъ конгрессъ былъ громаднымъ праздникомъ и никогда самые важные и запутанные интересы не рѣшались съ большимъ легкомысліемъ въ отупляющемъ чадѣ «разгуда». «Конгрессъ не идетъ, а танцуетъ», сказали о немъ одинъ дипломатъ. Это былъ сплошной рядъ баловъ, обѣдовъ, спектаклей, шарадовъ, игры и волокитства. И въ то время, какъ въ австрійскихъ провинціяхъ раззоренный народъ погибалъ отъ тифа и голода, императоръ Францъ тратилъ на пріемъ своихъ гостей 30.000,000 гульденовъ, которые потомъ выбивались изъ подданныхъ съ помощью военныхъ командъ. Это былъ настоящій шабашъ реакціи, на которомъ всѣ пострадавшіе отъ переворота спѣшили во что-бы то ни стало вознаградить себя и урвать побольше кусокъ изъ общей добычи.

Меттернихъ былъ предсѣдателемъ вѣнскаго конгресса и потомъ вплоть до 48 г. дирижеромъ европейскаго концерта, правой-же рукой его и секретаремъ былъ Фридрихъ Генцъ, талантливость котораго равнялась его безнравственности.

Сдѣлавшись правою рукою Меттерниха, Генцъ совершенно подчинилъ его себѣ и они до такой степени слились во-едино, что въ обществѣ называли перваго *Оберъ-Генцемъ*, а втораго *Унтеръ-Меттернихомъ*. Онъ держалъ министра въ рукахъ, и обращался съ нимъ какъ съ подмастерьемъ. «Это не годится, кричалъ онъ на министра: вѣдь я уже говорилъ вамъ, какъ это нужно сдѣлать; я не понимаю, какъ вы можете такъ поступать, зная уже мое мнѣніе!» «Что это такое? выговаривалъ онъ Меттерниху по другому поводу: неужели растолковывать вамъ каждую мелочь? Это никуда не годится; это недѣло!» Живя для одного наслажденія, Генцъ въ сущ-

ности былъ совершенно равнодушенъ къ дѣлу реакціи и служилъ ему ради денегъ. Въ концѣ 1814 г., напр., онъ писалъ: «Положеніе общественныхъ дѣлъ печально... Но такъ какъ я ничего не имѣю себѣ упрекнуть, то близкое знакомство съ жалкимъ положеніемъ всѣхъ этихъ мелочныхъ людей, управляющихъ міромъ, вмѣсто того чтобъ огорчать меня, служить для меня забавой и я наслаждаюсь этимъ зрѣлищемъ, точно будто оно устроено нарочно для моего личнаго удовольствія».

Таковы были два главныхъ руководителя европейскаго концерта, всѣ музыканты котораго состояли изъ самыхъ безнадежныхъ людей стараго порядка. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣва всѣ высшіе классы западной Европы представляли изъ себя ужасную картину разложенія.

Собравшись на вѣнскомъ конгрессѣ, государи и ихъ агенты постарались очистить Европу отъ перемѣнъ и реформъ, произведенныхъ въ ней революціей, и вознаградить себя за невольные убытки причиненные имъ переворотомъ. Австрія при этомъ захватила себѣ Тироль, Зальцбургъ, Ломбардію и Венецію и водворила въ нихъ господство грубой солдатчины. При занятіи въ 1814 г. Ломбардіи и Венеціи, императоръ обѣщалъ этимъ странамъ конституцію, но вскорѣ-же ломбардцамъ было объявлено, что они обязаны безусловно повиноваться своимъ новымъ повелителямъ, а въ 1816 г. Меттернихъ извѣстилъ, что «императоръ желаетъ искоренить духъ итальянскаго якобинства и даровать Италіи миръ». И австрійцы начали «искоренять» такъ, что на вѣки сдѣлали имя свое ненавистнѣйшмъ въ Италіи. Во Франціи, Испаніи, Неаполѣ снова воцарились Бурбоны, снова появились дворяне и помѣщики, монастыри и привилегированное духовенство. Нашествіе этихъ озлобленныхъ, пылавшихъ местью господъ было истиннымъ бѣдствіемъ для народа. Особенно французская аристократія возбуждала къ себѣ отвращеніе во всей Европѣ. «Дурные примѣры, говоритъ Гервинусъ, которые подавали эмигранты съ самаго начала, когда они еще тѣснились на великой «поповской улицѣ» Германіи, въ Рейнской долині, ихъ распущенная жизнь, семейная и публичная, ихъ высокомеріе въ счастіи и въ нищетѣ, ихъ глубокая безнравственность оставившая долгіе и печальные слѣды, все это еще и по нынѣ пользуется въ Германіи всеобщю жалкою извѣстностію. А въ то время извѣстность эта была до того распространена, что вездѣ, и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ, чувствовали отвращеніе къ этимъ гостямъ; бережливый дворъ въ Туринѣ презиралъ общество графа Артуа, какъ Павелъ I презиралъ дворянство свиты Конде; маленькія правительства, сначала обожавшія ихъ, теперь выгоняли ихъ, а въ Англіи ихъ всегда называли «французскими собаками».

Когда всѣ эти господа добрались до своихъ старыхъ пепелищъ, то начался настоящій шабашъ реакціи, возстановлялось все старое, дореволюціонное и разрушалось все новое, всѣ усовершенствованія и нововведенія, которыми подарилъ человѣчеству геній XVIII вѣка. Съ церковныхъ и университетскихъ кафедръ, въ пастырскихъ посланіяхъ епископовъ и въ трактатахъ присяжныхъ ученыхъ проповѣдывался крестовый походъ противъ всякихъ новшествъ. говорилось о необходимости вернуться въ средніе вѣка, доказывалась спасительность костра, висѣлицы, цензуры и инвизиціи. Во главѣ этого движенія стоялъ знаменитый публицистъ, Жозефъ де-Мэстръ, этотъ Вольтеръ реакціи, безстрашно проповѣдывавшій самый ужасный терроръ для возстановленія стараго порядка, съ его кострами и висѣлицами.

Естественно, что тогдашніе правители Германіи нашли себѣ вѣрную опору въ дворянскомъ сословіи, которое не жалѣло ничего, чтобы только добиться возстановленія своихъ прежнихъ правъ.

Интриги и домогательства дворянства имѣли успѣхъ. Въ Пруссіи оно получило изъ казны 20.000,000 талеровъ «на поправленіе упавшихъ помѣстій». Самъ Штейнъ былъ увлеченъ дворянской реакціей. Прежде Штейнъ такъ-же рѣшительно, какъ Гарденбергъ, хотѣлъ уничтожить преграды между сословіями, а теперь онъ хотѣлъ запретить дворянству унизительную для него промышленность; прежде онъ находилъ патримоніальные суды одинаково негодными и по принципу и на практикѣ, а теперь онъ хотѣлъ сохранить ихъ тамъ, гдѣ они уцѣлѣли, возстановить—гдѣ они были уничтожены. Прусское дворянство требовало отмены всѣхъ либеральныхъ законовъ 1807—1811 гг. и хотѣло возстановить крѣпостное право, осуществляющее собою «идею высшей справедливости и благороднѣйшей нравственности», — сдѣлать дворянина опять посредникомъ между государствомъ и поселяниномъ, утверждая, что освобожденіе крестьянъ ведетъ только къ упадку воспитанія, къ безнравственности, къ политическому безвѣрію. Ненавидя Гарденберга такъ-же смертельно, какъ французскіе эмигранты ненавидѣли измѣнниковъ своему сословію, дворянская каста съ ядовитою злобою винила его передъ королемъ въ томъ, что онъ «обращаетъ честную бранденбургскую Пруссію въ новомодное жидовское государство»; но и Штейна, вѣрнаго своему сословію, причисляла она къ безразсуднымъ «болванамъ», которые ввергли Пруссію въ революцію, подняли войну неимущихъ противъ собственности, пользы противъ права, мнимаго таланта противъ добродѣтели,—войну, отъ которой погибла Пруссія. «Это, говоритъ Гервингусъ, были рыцари реставраціи, соединенные одинаково съ интересомъ, сословными и провинціальными связями, имѣвшие свой

центръ въ срединѣ государства, сильныя своимъ вліяніемъ на дворъ и, въ особенности, поддержкою Австріи; только они дѣйствительно имѣли въ Пруссіи силу партіи. Ихъ предводителемъ былъ князь Витгенштейнъ, котораго безпощадный Штейнъ представилъ намъ человѣкомъ безъ знанія и содержанія, алчнымъ до денегъ и почестей, хитрымъ и низкопоклоннымъ, величайшимъ интриганомъ, издавна опытнымъ во всякихъ тайныхъ коварствахъ и двусмысленныхъ услугахъ. Черезъ него партія имѣла вліяніе на короля, черезъ него и его Кампца имѣла силу въ полиціи. Она имѣла себѣ орудія и опоры и во всѣхъ слояхъ общества, по всѣмъ частямъ управленія: герцога Карль Мекленбургъ-Стрелицкій былъ главнымъ ея агентомъ при дворѣ, Тауэнцинъ — между военнымъ дворянствомъ; Ансильонъ ввелъ въ эти круги Галлерову теорію; Янке, Шарнвеберъ, фонъ-Келльнъ и другіе были ворифеями этой партіи въ журналистикѣ; плотную фалангу ея составляло бранденбургское дворянство, какъ оно уже и въ 1811 г. дружно поддерживало Фосса и Кнезебека противъ Гарденберга; съ той поры эта партія даже во время войны не ослабляла своихъ усилій въ корнѣ потрясти всю систему реформъ. Дворянство помѣшало реформѣ сельскаго общиннаго управленія и въ значительной степени достигло возстановленія законовъ, предшествовавшихъ реформамъ 1807—1811 годовъ.

Не лучше прусскаго было дворянство другихъ государствъ Германіи. Всюду оно стремилось къ реакціи и въ обществѣ не было силы, которая могла-бы оказать ему противодѣйствіе. Государя дѣйствовали заодно съ дворянствомъ, чтобы возстановить снова независимую власть; народъ былъ подавленъ рабствомъ, бѣдностью и невѣжествомъ, а буржуазія была совершенно чужда политической жизни и когда въ 1817 г. изъ Гиссена и Дармштата начала всюду распространяться петиція о введеніи самоуправленія, то люди, начавшіе эту агитацію, едва отваживались разсчитывать, что соберутъ по всей Германіи 1,000 подписей, и даже въ этомъ скромномъ ожиданіи обманулись до такой степени, что принуждены были совершенно бросить дѣло.

Но умственное движеніе XVII в. продолжало дѣйствовать въ обществѣ и хотя искажалось подъ вліяніемъ реакціи, но постепенно освобождалось отъ этихъ искаженій и вырабатывало новые идеалы. Гегель, революціонеръ въ молодости, хотя и ушелъ совершенно въ «область тѣней, въ міръ элементовъ бытія» и хотя его философію реакція эксплуатировала для оправданія своей «разумной дѣйствительности», все-таки Гегель своимъ неограниченнымъ самодержавіемъ разума подготавливалъ превосходную почву для умственнаго и общественнаго развитія. Въ то-же время въ Іенѣ со-

средоточилось нѣсколько либеральныхъ ученыхъ, Луденъ, Обенъ, Кизеръ, соединеніе которыхъ въ одномъ городѣ восторженная молодежь считала знаменіемъ перста Божія, «пишущаго будущее съ настоящаго». Въ іенскомъ университетѣ началось живое преподаваніе Лудена, Фриза и другихъ съ каеэдры; особенно Фризь въ своихъ нравственныхъ и политическихъ лекціяхъ умѣлъ попасть въ тонъ, онъ приспособлялъ вантову философію къ идеямъ дня и одушевлялъ благороднѣйшихъ людей; его «Julius und Evagoras» былъ во всѣхъ рукахъ. Въ то-же время эти дѣятели пропагандировали въ обществѣ либеральныя идеи посредствомъ газетъ и журналовъ. Послѣдніе отличались крайнею умѣренностью, всѣ они издавались, какъ и выражали «Архивъ государственной конституціи» въ своемъ заглавіи, «для теоріи и практики умѣренныхъ правительственныхъ формъ», въ духѣ средняго сословія, въ духѣ новоконституціонныхъ идей, за которыя во всей остальной Германіи открыто и прямо стояли развѣ пять-шесть газетъ и журналовъ, какъ напр. «Вестфальскій Германъ», «Рейнскіе листки» Вейцеля, «Кильскіе листки». Несмотря на это, іенская журналистика возбуждала жестокою ненавистью къ себѣ реакціонеровъ, особенно австрійскихъ, и скорѣ была подавлена.

За либеральной журналистикой настала очередь учащейся молодежи. Нѣмецкіе студенты, состоявшіе въ большинствѣ изъ баричей, отличались необузданнымъ разгуломъ и совершенною распущенностью нравовъ. Но въ концѣ XVIII в. движеніе общественной мысли коснулось и нѣмецкаго студенчества, а послѣ войны за освобожденіе молодежью овладѣлъ патріотическій энтузіазмъ. Основанныя тогда по всей странѣ гимнастическія общества имѣли цѣлью развитіе какъ физической силы, такъ и нравственной бодрости: «бодрость, благочестіе, веселость и свобода» были ихъ лозунгами. Около 1815 г. изъ нихъ развились всюду общества буршей, имѣвшія цѣлью нравственное усовершенствованіе молодежи, но не чуждыя и разгульныхъ забавъ, какъ это показываетъ потѣшное пивное государство, герцогство Лихтенгаймъ, основанное въ одной деревнѣ въ окрестностяхъ Вѣны, по образцу монархическому (герцогъ Тузь былъ его правителемъ *ad infinitum*) и на пивную республику Циленгаймъ. Впослѣдствіи партія «древнихъ нѣмцевъ» заняла видное мѣсто среди буршей. Эти пуритане предавались мистическому аскетизму, часто прикрывавшему жалкое притворство и тщеславіе. Они особенно напирала на слова «христіански-нѣмецкій», не танцовали, мало пили, считали поцѣлуи и волокитство грѣхомъ и не допускали жидовъ вступать въ число буршей. Они положили начало разнымъ глупымъ чудачествамъ и смѣшному пуризму. Весь родъ человѣческій они раздѣляли на *Vorburschen*, предбуршей (мальчиковъ), буршей (юношей и муж-

чинъ) Nachburschen послѣ-буршей (стариковъ) и буршинокъ (женщинъ), отечество есть мѣсто буршескихъ упражненій (Burschenschaftsplatz), университетъ — мѣсто умственныхъ упражненій, Vernunftplatz, профессоръ—ученый буршъ, Lehrbusch. Чтобы и по наружности рѣзче выказать свою противоположность съ ландманштафтами, члены которыхъ ходили въ курткахъ, гусарскихъ доломанахъ и уланскихъ шапкахъ, бурши носили такъ-называемую древнегерманскую одежду: короткій, черный военный куртку съ стоячимъ воротникомъ, на который выпускался широкій воротникъ рубашки, длинные волосы, голую шею, на головѣ черную папочку съ золотымъ желудемъ или съ перомъ, кинжалъ, рукоятъ котораго видѣлась изъ бокового кармана, и ленту черно-красно-золотого цвѣта на груди. Многіе молодые люди не шли далѣе этой внѣшности, другіе серьезно мечтали о политическомъ преобразованіи Германіи и хотѣли играть роль карбонаровъ. Во всемъ этомъ было много энтузіазма и пылаго самоотверженія, но много и забавной чепухи, до которой доходили бурши отдѣльныхъ университетовъ въ своемъ желаніи слиться въ одинъ союзъ и выработать программу дѣятельности, наиболѣе полезной для отечества. Впечатлительная молодежь рвалась на служеніе обществу, имѣя своимъ девизомъ, что «наука безъ жизни ничтожнѣе жизни безъ науки». «Эта молодежь, говоритъ Гарвинусъ, сознавала и сама говорила себѣ, что если будутъ исполнены данныя обѣщанія, если будетъ имѣть движеніе отечественный вопросъ, то, она, примирившись съ государями, существующими сословіями, церковью, стала-бы самою твердою опорой внутренней и внѣшней безопасности. Но если запирали или портили благодатный путь къ политической будущности отечества, то разумѣется надобно было ожидать, что всѣ эти свѣжія, готовые къ труду силы начнутъ портиться отъ бездѣйствія, этотъ добродушный энтузіазмъ, раздражаемый неблагоприятнымъ стѣсненіемъ, обратится въ ожесточенное неповиновеніе. По несчастію, нѣмецкому вопросу съ самаго-же начала данъ былъ сверху не такой оборотъ, который соотвѣтствовалъ-бы благороднымъ чувствамъ этой молодежи. Да и не нашлось такихъ государственныхъ людей, которые умѣли-бы воспользоваться ея честными силами,—въ Германіи были только правители, годные вести обыкновенныя дѣла; стремленія молодежи были для нихъ глупостью, они не видѣли «серьезнаго зерна подъ дѣтскою игрою». Даже Нибургъ, ненавистникъ этой надменной молодежи, не могъ не винить правительствъ за то, что они своею праздною бездарностью обратили въ фанатическую секту людей, которые по своей нравственной невинности сами по себѣ были мало способны составить и простую политическую партію».

Во время войнъ за освобожденіе на эту молодежь имѣли сильное вліяніе и такіе благородные мыслители, какъ Фихте, и такіе фанатики патриотизма, какъ Аридтъ, который безпощадно поносилъ всякій космополитизмъ, какъ жидовствованіе, преданное земной суетѣ, проповѣдывалъ народу чистоту языка и нѣмецкаго обычая, и даже во всѣхъ подробностяхъ предписывалъ людямъ какъ одѣваться. Еще неистовѣе Аридта звалъ нѣмцевъ *домой* основатель гимнастическихъ обществъ Янъ. Ненавидя французовъ до бѣшенства, онъ съ циническою дикостью публично провозглашалъ, что учить дѣвушку французскому языку точно такое дѣло со стороны ея отца, какъ дѣлать изъ нея публичную женщину. Если Аридтъ считалъ необходимою учредить рыцарскій орденъ, который былъ-бы пограничною стражею отъ французскихъ солдатъ и нравовъ, то Янъ, для охраненія германской народности отъ всякаго французскаго оскверненія, желалъ насыпать по западной границѣ «плотину», развести по ней, черезъ землю образованнѣйшихъ народовъ, защитительный «дремучій лѣсъ», который населяли-бы дикіе звѣри и буйволы, а неприступность котораго охраняли-бы военныя поселенія, вдоль устроенныя по его краю! Во время войны Янъ пріобрѣлъ, можно сказать, волшебную силу надъ умами молодежи, а послѣ войны опять собралась около него толпа учениковъ, принимавшая каждое слово «старого бородача» (*des Alten im Birte*), какъ изреченіе оракула, и обожавшая его какъ свой воплощенный идеалъ. Послѣ войны значительная часть буршей осталась вѣрна Яну, подражая его «нѣмецкой» грубости и всѣмъ его чудачествамъ. Желѣзные люди, они стали носить желѣзный крестъ на фуражкѣ, желѣзный орденъ въ петлицѣ, желѣзныя подковки на каблукахъ, желѣзную оправу на пальцѣ. Стремленія молодежи были самыя умѣренныя, и далѣе всѣхъ заходили только авторы составленнаго въ 1817 г. проекта общенѣмецкой конституціи, который рѣшительно хотѣлъ, чтобы Германія была не союзомъ государствъ, а однимъ федераціоннымъ государствомъ (*Bundesstaat*), и чтобы устройство этого государства было демократическое, чтобы въ немъ были уничтожены всякія привилегіи дворянства и отдѣльныхъ государей; онъ хотѣлъ, чтобы депутаты, судьи, чиновники, члены областного совѣта, управляющаго каждымъ изъ отдѣльныхъ государствъ, и члены имперскаго совѣта управляющаго федераціею, избирались народомъ, король федераціоннаго государства избирался имперскимъ совѣтомъ, король отдѣльнаго государства—областнымъ совѣтомъ; чтобы званіе королей ничѣмъ не отличалось отъ званія другихъ сановниковъ.

III.

Патріотическое движеніе молодежи не давало покоя реакціонерамъ, которые видѣли въ немъ главное препятствіе своимъ замысламъ. Меттернихъ и Генцъ въ Вѣнѣ, кн. Витгенштейнъ и министръ полиціи Кампцъ, авторъ книги «Кодексъ жандармовъ», въ Берлинѣ, и множество подобныхъ имъ спасителей отечества немедленно послѣ войны приняли всѣ мѣры къ «обузданію» молодежи. Еще во время вѣнскаго конгресса сыскной доброволецъ придворный совѣтникъ Янко доносилъ прусскому канцлеру Гарденбергу и потомъ королю, что Арндтъ человѣкъ вредный и что существуетъ тайное общество «Нѣмецкій Союзъ», которое въ дѣйствительности закрылось еще за два года передъ этимъ. Доносы Янко остались безъ результата, но вслѣдъ за нимъ тайный совѣтникъ Шмальцъ издалъ брошюру, въ которой доносилъ, что буршества, подъ видомъ мнимаго патріотизма, стремятся къ тому, чтобы подданные забывали присягу своимъ государямъ, и Германія соединилась въ одно конституціонное государство,—а кстати онъ выставилъ движеніе 1813 г. дѣломъ обыкновеннаго послушанія. Этотъ доносъ съ восторгомъ встрѣтила придворная берлинская партія, изъ среды которой Кампцъ явился панегиристомъ Шмальца и по вліянію которой король, мимо канцлера, наградилъ Шмальца орденомъ, и было наложено на прессу молчаніе объ этомъ дѣлѣ. Лучшіе тогдашніе люди съ негодованіемъ возстали противъ такихъ вещей. Блюхеръ «огрызался какъ собака»; Гнейзенау подбивалъ канцлера не принимать молча этого перваго удара, потому что иначе начнутъ угощать его другими; Нибуръ, Шлейермахеръ, Коппе, Фридрихъ, Ферстеръ, Кругъ и многіе другіе писали возраженія, въ которыхъ не отвѣчали ни малѣйшимъ оскорбленіемъ на обидную мысль, что прусскій народъ въ 1813 г. дѣйствовалъ только какъ стая собакъ, спущенныхъ со своры; во всей публикѣ стали бранными названіями имена Шмальца и Кампца и ихъ сотоварищей, прозванія Schmalzgesell — Шмальцовецъ и Kamptzgesell—Кампцовецъ.

Реакціонеры только ждали благовиднаго предлога, чтобы обрушиться на либераловъ и въ то же время мало по малу вели дѣло реставраціи. Въмѣсто обѣщанной конституціи, вѣнскій конгрессъ далъ нѣмцамъ «Союзный Актъ», въ силу котораго нѣмецкій союзъ являлся «соединеніемъ государей и свободныхъ городовъ, въ которомъ, кромѣ императора австрійскаго и короля прусскаго, принимаютъ участіе 4 короля, 8 великихъ герцоговъ, 9 герцоговъ, 11 князей и 4 вольныхъ города». Цѣлью союза было прежде всего подчиненіе мелкихъ государствъ крупнымъ и вѣнш-

ная безопасность, а потомъ, «охрана внутренней безопасности Германіи», т. е. борьба съ либеральными стремленіями къ реформамъ и возстановленіе старыхъ порядковъ. Созданный этимъ актомъ союзный сеймъ оказался такимъ-же ничтожествомъ, какъ и прежній рейхстагъ, и его дѣятельностью никто даже не интересовался. Главною цѣлью союза было торжество реакціи, и хотя въ союзномъ актѣ были снова обѣщаны свобода печати и конституція, но это обѣщаніе давалось съ заднею мыслью, никогда не исполнять его. Началась реставрація, доходившая до нелѣпостей, особенно въ Сѣверной Германіи. Въ Пруссіи король сначала былъ согласенъ на конституцію, но послѣ доноса Шмальца имъ совершенно овладѣла реакціонная партія и онъ рѣшился не давать конституціи, тѣмъ болѣе, что это вполне сообразовалось съ его личнымъ характеромъ. Онъ былъ экономенъ и набоженъ, велъ уединенную жизнь, ему было тяжело даже говорить въ обществѣ, ему все хотѣлось, чтобы не было ему «стѣсненія» и «не тревожили» его (*nicht «genirt» und «turbirt» sein*), онъ тяготился даже близостью берлинскаго университета, ему были невыносимы «сценны»,—конечно такому человѣку было мучительно и подумать о шумныхъ представительныхъ собраніяхъ, о тронныхъ рѣчахъ и адресахъ. Враги реформы все боялись, что нужда въ деньгахъ или воспоминаніе о данномъ словѣ, голосъ совѣсти, заставитъ короля дать конституцію. Но и голосъ совѣсти успокоивался внушеніями державъ, а можетъ быть и руководителей совѣсти короля; по крайней мѣрѣ, епископъ Эйлертъ находилъ, что, не давая обѣщанной конституціи, король поступалъ «какъ мудрый отецъ, который, растрогавшись привязанностью дѣтей въ день своего рожденія или выздоровленія, угрождаетъ имъ и соглашается на ихъ желанія, а потомъ со спокойствіемъ видоизмѣняетъ это и сохраняетъ свою отцовскую власть».

Въ то время какъ реакція сосредоточивалась преимущественно на сѣверѣ Германіи, въ южныхъ государствахъ ея, Нассау, Баденѣ, Веймарѣ, Баваріи, Виртембергѣ, было введено конституціонное устройство. Но даже и въ конституціонныхъ государствахъ правительства не скрывали своей ненависти къ народному представительству, и герцогъ веймарскій объявилъ членамъ палаты, чтобы народъ не смѣлъ ничего просить всею массою; «какъ бы ни былъ я склоненъ изъяснить на то или другое дѣло свое согласіе, но никогда не исполню того, чего будутъ просить у меня многіе, а тѣмъ болѣе всѣ». Въ Баваріи всѣмъ заправлялъ всевластный министръ Мовзела. Добродушный король поддавался внушенію, что члены «Союза Добродѣтели» хотятъ подкопать престолъ и произвести анархію; онъ допустилъ возстановить себя противъ нѣм-

цевъ не-баварскаго рода, даже противъ Фейербаха, своего любимца. И когда Фейербахъ написалъ о «нѣмецкой свободѣ и о представительномъ правленіи въ Германіи», король согласился, чтобы Монжеля удалили его изъ Мюнхена въ Бамбергъ, давъ ему тамъ должность въ апелляціонномъ судѣ, и самъ сталъ громко называть его нѣмецкимъ якобинцемъ, прусскимъ эмиссаромъ, сѣверно-нѣмецкою дрянью, думавшею повелѣвать имъ въ его собственномъ государствѣ. Всякое слово о конституціи онъ уже называлъ оскорбленіемъ своихъ правъ. Но при всемъ томъ, южная Германія съ своими конституціями была пугаломъ для реакціонеровъ сѣвера. «Не смотря на всю «бумажность» этихъ конституцій, говоритъ Шерръ, они все-же были въ рукахъ высшаго бюргерства оружіемъ, пугавшимъ полицейское государство. Уже одно то, что «простые» бюргеры смѣли въ камерахъ разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ и въ особенности объ общественныхъ расходахъ, уже одно это приводило въ ужасъ абсолютизмъ. Требования, которыя либералы представляли правительству и отстаивали съ достойнымъ уваженіемъ мужествомъ, касались главнымъ образомъ свободы печати и уничтоженія цензуры, тупоуміе и грубость которой доходили до невѣроятныхъ размѣровъ. Другими предметами желаній либераловъ были: право сходахъ, охраненіе судовъ отъ вмѣшательства кабинетной юстиціи, большая самостоятельность общиннаго управленія, уничтоженіе бюрократическаго произвола, гласность и публичность уголовного суда съ присяжными, фактическое осуществленіе самоуправления въ раскладкѣ податей, иногда эманципація евреевъ и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ народное представительство на германскомъ сеймѣ».

Реакціонеры ждали только случая, чтобы покончить съ либералами. Случай этотъ представился 18-го октября 1817 г. въ видѣ вартбургскаго праздника въ честь юбилея реформации и годовщины лейпцигской битвы. Йенское Общество Буршей, съ разрѣшенія веймарскаго правительства, разослало ко всѣмъ университетамъ приглашеніе на этотъ праздникъ, и на него собралось до 500 молодыхъ людей. Въ ихъ собраніи, въ ихъ рѣчахъ и тостахъ господствовалъ величайшій и торжественнѣйшій порядокъ; на всемъ лежалъ рыцарско-религіозный оттѣнокъ; рѣчи были исполнены «благочестивыхъ и боголюбивыхъ словъ»; праздникъ начался и кончился духовными пѣснями; заключился церковною службою и таинствомъ причащенія. Только вечеромъ участники развели большой огонь и, среди восторженныхъ рѣчей, предали пламени символы «періода востъ»: шнуровку, косу и капральскую палку, а также антипатріотическія и абсолютистическія сочиненія, въ томъ числѣ брошюры Янке и Шмальца и «Кодексъ Жанدارмовъ» Кампца. Этотъ

невинный эпизодъ поднялъ цѣлую бурю. Кампцъ пустился жаловаться на толпу одичавшихъ профессоровъ и совращенныхъ ими студентовъ и написалъ особую книгу, въ которой находилъ шуточное аутодафе преступнѣйшимъ дѣломъ, но самъ съ дьявольскою шутливостью предлагалъ ввести обычай инвизиціи сожигать еретическія книги и ихъ сочинителей и подвергнуть этому, напримѣръ, «публичныхъ учителей и комедіантовъ», напитывающихъ молодежь ядомъ своихъ демагогическихъ принциповъ! Изъ Вѣны раздавались по Германіи ругательства Генца противъ іенскаго университета и, подобно Шмальцу, Генцъ презрительно позорилъ энтузіазмъ времени освобожденія, утверждая, что Германія обязана успѣхами 1813—1815 годовъ не ему, а государямъ, министрамъ и полководцамъ. Даже Штейнъ, и тотъ обвинялъ іенскихъ профессоровъ, что они проповѣдуютъ «убійство, бунтъ и разрушеніе всего существующаго». Австрія, Пруссія, Россія и Франція открыли по поводу этого праздника цѣлый дипломатическій походъ противъ Веймара и студентовъ. На ахенскомъ конгрессѣ, бывшемъ въ концѣ того же года, по поводу вартбургскаго праздника, толковали уже объ угрожающей Германіи революціи, близость которой доказывалъ въ брошюрѣ состоявшій на русской службѣ молдаванскій бояринъ Стурдза, Въ то-же время другой русскій агентъ, Коцебу, чернилъ печатно либераловъ и студентовъ и доносилъ на нихъ. Когда Коцебу похвалилъ брошюру Стурдзы, прежняя небольшая вражда къ нему обратилась въ сильную. Его стали называть шпиономъ, предающимъ отечество; его можно было порицать тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ отступникъ, — онъ самъ прежде держался либеральнаго направленія. Романтики, тевтоны и приверженцы патріотической гимнастики уже и безъ того сердились на него за нападки на ихъ экзальтированную поэзію и экзальтированный патріотизмъ, и сердились тѣмъ сильнѣе, что его насмѣшки были очень мѣткі. Экзальтированный студентъ Зандъ убилъ Коцебу и вслѣдъ за тѣмъ молодой аптекарь Ленингъ сдѣлалъ въ Швальбахѣ неудачную попытку убить административнаго президента фонъ-Ибелля, бывшаго энергическимъ орудіемъ наполеоновскаго бюрократизма въ Нассау: самоубійство Ленинга отняло возможность узнать, какія именно были у него побужденія, но безъ сомнѣнія они были политическія. Это второе преступленіе запугало всѣхъ призраками кровавыхъ заговоровъ. И дѣйствительно, разныя лица получали письма съ угрозами; неизвѣстно, кто писалъ эти письма, но скоро было официально доказано, что въ составленіи и разсылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ была виновна *полиція*, воспользовавшаяся ими для терроризаціи общественнаго мнѣнія. Такъ, напр., разослалъ государямъ нѣсколько такихъ угрожающихъ пи-

семь фонъ-Мангеръ, директоръ полиціи въ Касселѣ; но, вслѣдствіе своего излишняго усердія и неосторожности, этотъ баринъ попался, былъ для виду присужденъ къ пожизненному тюремному заключенію и въ скорости помилованъ. (Varnhagen, III, 120). Случившееся въ то-же время убійство герцога беррійскаго въ Парижѣ и революціонное броженіе въ Италіи еще болѣе усилили реакціонную панику. При первомъ извѣстіи объ убійствѣ Коцебу, прусскій реформаторъ Гарденбергъ сказалъ: «Ну, теперь конституція невозможна!» Настало владычество Кампцевъ и Витгенштейновъ. Въ Берлинѣ началось преслѣдованіе демагоговъ. Близкіе чиновники и друзья Гарденберга, Доровъ, Фарнгагенъ, Грунеръ были подвергнуты слѣдствію, бумаги братьевъ Вельеровъ и Арндтовъ (въ Боннѣ) были забраны полиціею; Янъ былъ отвезенъ въ Шпандау, потомъ въ Кюстринъ, Фолленъ изъ Эльберфельда, Мюленфельсъ изъ Кельна привезены были въ Берлинъ; Геррестъ спасся отъ ареста бѣгствомъ. Подозрѣніе было распространено даже на самыхъ испытанныхъ людей, даже на Штейна; на Эйхгорна былъ сдѣланъ доносъ, когда онъ сказалъ усердному агенту этихъ преслѣдованій, Чоппе, что онъ занимается нечистымъ дѣломъ; стали перехватывать письма Гнейзенау, и онъ вмѣсто того, чтобы «стать съ смѣлымъ челомъ полководца» противъ враговъ, какъ ожидалъ Арндтъ, пересталъ послѣ убійства Коцебу видѣться съ Шлейермахеромъ и кланяться при встрѣчѣ съ Арндтомъ.

Немедленно послѣ убійства Коцебу императоръ Францъ созвалъ въ Карлсбадѣ конгрессъ, который подъ руководствомъ Меттерниха долженъ былъ обсудить мѣры къ обузданію либерализма во всей Германіи. Карлсбадскія рѣшенія были утверждены союзнымъ сеймомъ, который постановилъ, что нѣмецкія конституціи должны основываться не на иностранныхъ теоріяхъ, а на нѣмецкихъ понятіяхъ и нѣмецкой исторіи, должны быть сообразны съ монархическимъ принципомъ и сохраненіемъ союза, власть котораго не должны онѣ ограничивать, или, какъ уже были тому попытки, прямо отвергать. Далѣе союзный сеймъ (все по камертону австрійскихъ предложеній) единогласно рѣшилъ, что университеты, и профессора, и студенты должны быть отданы подъ надзоръ уполномоченнаго отъ правительства чиновника; кабинетное повелѣніе прусскаго короля, изданное въ исполненіе этого рѣшенія, дѣлало этого уполномоченнаго чѣмъ-то въ родѣ уголовного слѣдователя, карающаго судьи и надсмотрщика за поведеніемъ и образомъ мыслей. Профессоръ, нарушающій общественное спокойствіе и порядокъ, долженъ быть удаляемъ, и никакое другое государство не можетъ давать ему новую кафедру; исключенный студентъ не долженъ быть принимаемъ ни въ какой другой университетъ; члены

тайныхъ обществъ не должны быть терпимы ни на какой должности. Всѣ періодическія изданія, а также и книги, имѣющія менѣе 20 листовъ, были подчинены цензурѣ,—временнымъ образомъ на 5 лѣтъ; потомъ это было продлено на неопредѣленное время. Учреждена была въ Майнцѣ центральная коммисія для изслѣдованія демагогическихъ замысловъ; ей дано было полномочіе производить аресты во всѣхъ государствахъ и брать арестованныхъ въ Майнцъ.

Особенную важность придавалъ карлсбадскимъ постановленіямъ самъ творецъ ихъ Меттернихъ. «Открывается новая эра», восклицалъ онъ съ восторгомъ, въ письмѣ къ принцу-регенту англійскому. «Дитя, которое носилъ я въ себѣ девять мѣсяцевъ, писалъ онъ 3-го сентября 1819 г. послѣ принятія карлсбадскихъ постановленій нѣмецкимъ бундомъ, увидѣло, наконецъ, свѣтъ божій». Еще на пути въ Карлсбадъ Меттернихъ писалъ своей супругѣ: «Съ божіею помощію надѣюсь побѣдить революцію, какъ побѣдилъ прежде завоевателя міра. Нѣмецкіе революціонеры думали, что я упустилъ ихъ изъ виду, находясь въ такой дали, за цѣлыхъ 500 миль» (Меттернихъ былъ передъ тѣмъ въ Римѣ); но они ошиблись, я непрестанно слѣдилъ за ними, я готовъ теперь къ рѣшительному удару». — «Роды окончились», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, «дитя явилось. Я доволенъ результатомъ и имѣю полное право на это: совершилось то, чего я желалъ. Да благословитъ небо наше предпріятіе, оно достойно его покровительства, вѣдь дѣло идетъ о спасеніи міра. Что не могло быть достигнуто 30-ю годами революціи, совершено теперь въ теченіи трехъ недѣль. Впервые явился, наконецъ, на свѣтъ сводъ рѣшительныхъ и годныхъ мѣропріятій для борьбы съ революціею. Теперь все зависитъ отъ выполненія рѣшоннаго, надѣюсь, что оно будетъ хорошо». При извѣстіи о карлсбадскихъ постановленіяхъ Генцъ воскликнулъ: «этотъ день важнѣе лейпцигской битвы!» Реакціонеры ликовали. Напрасно Штейнъ жаловался на то, что у студентовъ и профессоровъ отнята независимость, необходимая для развитія характеровъ и для изслѣдованія истины; Нибуръ обращался даже къ королю, наслѣдному принцу, берлинскимъ министрамъ, избличая слѣпоту рѣшеній, предполагающихъ заговоръ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ только энтузіазмъ, которымъ легко управлять благоразумному правительству. Дальманъ и Фальке отказались участвовать въ изданіи собранія нѣмецкихъ историковъ, потому что въ комисію, завѣдывавшей этимъ великимъ предпріятіемъ, находились четыре посланника при союзномъ сеймѣ, подавшіе голосъ за карлсбадскія рѣшенія. Реакція торжествовала и майнцская слѣдственная коммисія принялась отыскивать нити небывалаго заговора. Ей было поручено «по возможности точное разслѣдованіе открытой во многихъ государствахъ

вахъ злонамѣренной интриги, происхожденія и развитія направленныхъ противъ существующаго порядка вещей бунтовскихъ замысловъ и демагогическихъ союзовъ, на которые уже имѣются или въ продолженіе изслѣдованія будутъ получены хоть какія-нибудь указанія». Коммисія получила право ареста по всей Германіи и столь полную независимость отъ союзаго сейма, что Генцъ называлъ ее средствомъ для сохраненія единства Германіи, оплотомъ противъ мнѣнія, будто-бы Германія не имѣетъ общаго государственнаго существованія, словомъ, замѣною общенѣмецкой конституціи! Все общество негодовало на эту новѣйшую инквизицію, особенно послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстно ея официальное заявленіе, что до учрежденія коммисіи и въ первый годъ ея существованія въ Германіи вовсе не было никакихъ революціонныхъ заговоровъ и демагогическихъ интригъ. «Хитрый австріецъ, говоритъ Гервинусъ, предлагая учредить слѣдственную коммисію, самъ уже выражалъ сомнѣніе въ томъ, найдется-ли «много такихъ виновныхъ, которые достойны тяжелыхъ наказаній», а разсудительные люди впередъ знали, что занятія этой коммисіи будутъ сраженіемъ съ вѣтрынными мельницами. А все-таки эту коммисію держали цѣлыхъ восемь лѣтъ, тратя на нее большія деньги. Разъ поднявъ такое дѣло, чувствовали надобность оправдать его представленіемъ важныхъ открытій; а отголосокъ испанской революціи произвелъ потомъ между молодежью броженіе и тайныя общества, которыхъ не было при основаніи коммисіи; но все-таки не нашлось ни одного «достойнаго тяжелыхъ наказаній», и, много разъ обѣщая обнародовать открытія, сдѣланныя коммисіею, ничего не обнародовали. Правительства Виртемберга, Бадена, Кургессена, Гессена, Люксембурга, обоихъ Мекленбурговъ энергически требовали, чтобы или упразднить коммисію, или представить сейму отчетъ объ ея открытіяхъ, которыя - бы доказывали необходимость ея дальнѣйшаго существованія. Охота на прогрессистовъ, затѣянная реакціонерами, на первый разъ оказалась неудачною, и коммисію хотѣли было уже закрыть, когда начавшіяся въ 1820 г. революціонныя вспышки въ южной Европѣ снова нагнали на реакціонеровъ страхъ и дали имъ поводъ продолжать существованіе коммисіи.

Теперь-то вылѣзли изъ своихъ норъ всѣ эти Янне и Шмальцы, Витгенштейны и Кампцы, которымъ такъ хорошо живется въ мутной водѣ. Настало время политической мифологіи и доносовъ, когда всѣ говорили о какомъ-то всемірномъ заговорѣ, ставили на одну доску скромныхъ нѣмецкихъ профессоровъ съ итальянскими карбонарами и въ каждомъ пьяномъ буршѣ видѣли Робеспьера. Студенты, профессора, литераторы, герои войны за освобожденіе—всѣ поголовно обвинялись въ демагогическихъ замыслахъ и назывались

любимцами. Австрійское правительство утверждало даже, что «всѣ прусскіе чиновники—революціонеры». Министры: Штейнъ, Гарденбергъ, Эйхгорнъ, Савиньи, Гумбольдтъ, Ансильонъ и др. были подъ тайнымъ надзоромъ полиціи, какъ люди крайне опасные. Набожный Шлейермахеръ считался «злѣйшимъ демагогомъ» и на его проповѣди посылались обыкновенно шпионы. Прусскую армію считали наполненною демагогами и карбонарами, а введенный Штейномъ ландверъ—войскомъ мятежниковъ. Стараясь объ уничтоженіи ландвера, реакціонеры отводили ему для королевскихъ смотровъ такую неудобную мѣстность, на которой ландверцы не могли отличиться своимъ знаніемъ фронтовой службы и тѣмъ навлекали на себя неудовольствіе его величества. Даже принцы вносились въ списки неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи людей, а король виртембергскій считался главою карбонаровъ и нѣмецкихъ демагоговъ! Доносъ сдѣлался орудіемъ личной мести.

Всеобщую смуту по обыкновенію поддерживали тѣ, которымъ только и живется хорошо въ подобное время. Они доносили, инсинуировали, бросали грязью въ молодежь, издѣвались надъ нею. Извѣстный историкъ Раумеръ, напр., описавъ свой визитъ О'Коннелю, тотчасъ начинаетъ издѣваться «надъ маленькими демагогами, сидящими въ Копенягъ и другихъ нѣмецкихъ крѣпостяхъ, и говорить, что всѣ они—карлики и жалкія творенія въ сравненіи съ великимъ агитаторомъ. «Какъ будто», восклицаетъ по этому поводу Берне, «какъ будто въ Пруссіи защитнику народа позволять дорости до О'Коннеля! Какъ будто, еслибы въ Пруссіи какимъ-нибудь чудомъ О'Коннель вышелъ изъ-подъ земли совсѣмъ готовый, его не привязали бы къ рогамъ мѣсяца! Да, г. фонъ-Раумеръ издѣвается надъ несчастными нѣмецкими юношами, проводящими лучшіе годы своей жизни въ тюрьмѣ за то, что они произнесли или написали слово *свобода*! Онъ издѣвается надъ ними за то, что они не сдѣлались О'Коннелами! Какимъ именемъ назвать такой гнусный поступокъ? Я могъ-бы назвать его прусскимъ, но это было-бы далеко недостаточно!»

IV.

Подъ предлогомъ спасенія отечества отъ мнимыхъ демагоговъ реакція хотѣла порѣшить со всякою свободою мысли. Въ Пруссіи хотѣли даже закрыть всѣ университеты! Либеральные профессора выгонялись изъ службы, всякія студенческія общества и кружки были запрещены; исключенный студентъ не можетъ быть принятъ ни въ какой другой университетъ; студентамъ запрещено носить старонѣмецкое платье, а въ нѣкоторыхъ университетахъ—даже бороды; въ Берлинѣ министерство цѣлую недѣлю занималось вопро-

сомъ о студенческихъ скруткахъ; студентовъ преслѣдовали за пошеи скрутковъ песочнаго цвѣта, подозрѣвая, что этотъ цвѣтъ служитъ выраженіемъ симпатіи къ убійцѣ Коцебу, Занду (Sand—песокъ)!.. Не менѣе строгой оцѣнкѣ были подчинены среднія и низшія учебныя заведенія, въ которыхъ, по словамъ Гёте, «старались только о томъ, чтобы какъ можно раньше сдѣлать юношей смиренными, изгнать изъ нихъ всякую естественность и оригинальность, и въ концѣ концовъ превратить ихъ въ чистѣйшихъ филистеровъ».

При этомъ была взнудана печать. Новый цензурный уставъ 1813 г., отмѣнивъ уставъ 1788 г., усилилъ надзоръ за антимонархическими теоріями и порицаніемъ дружественныхъ правительствъ; у академій и университетовъ была отнята свобода ихъ изданій отъ цензуры. Всѣ либеральныя изданія превратились и въ литературу нахлынула цѣлая толпа юридивыхъ, вликушъ, шпіоновъ, неистовыхъ романтиковъ и сумасшедшихъ. Однажды прусскій король былъ очень огорченъ тѣмъ, что въ газетахъ говорятъ о Гете гораздо больше, чѣмъ о какомъ-нибудь государѣ, и цензорамъ было предписано не пропускать впередъ ни одной подобной статьи!.. Даже сочиненія извѣстнаго гуманиста Гуттена были запрещены въ Пруссіи, а въ Австріи запрещены почти всѣ произведенія французской литературы. Печатью пользовались для того, чтобы пропагандировать реакціонныя идеи и дискредитировать либерализмъ. Германофильскія бредни о народности были какъ нельзя болѣе на руку всѣмъ представителямъ «полицейскаго государства», которое, по выраженію Шерра, «любило украшать себя блестками такъ называемаго христіанско-германскаго государственнаго принципа. Тогда начинались толки о «нѣмецкой вѣрности и благочестіи», о естественномъ, историческомъ развитіи государства. Это случалось всякій разъ, когда надо было противодѣйствовать либеральнымъ теоріямъ, съ такою ясностью и остроуміемъ, высказаннымъ еще Монтескье, въ его «Esprit des lois» (1790)». Особенною беззастѣнчивостью отличалась при этомъ ханжествующая Пруссія, которая въ одномъ дипломатическомъ документѣ совѣтовала всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ «притворяться ревностно содѣйствующими упроченію и развитію реформъ, которыя необходимо изъ-подъ руки подкапывать по возможности, за исключеніемъ реформъ, относящихся къ военному устройству и къ положенію германскаго союза относительно иноземныхъ государствъ». Прогрессивную же партію, которая хлопочетъ о реформахъ, слѣдуетъ «подвергать въ ея принципахъ, образѣ дѣйствій и органахъ косвенному, но энергическому гласному обсужденію; причемъ, для подорванія довѣрія къ этимъ принципамъ и учрежденіямъ, было бы не трудно задѣть въ разсудительныхъ и здравомыслящихъ нѣм-

цахъ національное тщеславіе, выставивъ это новое ученіе исходящимъ изъ враждебной націи и дѣйствующимъ въ иноземномъ духѣ». Для этого слѣдуетъ приписать «талантливыхъ и благонамѣренныхъ писателей, предоставивъ имъ,—насколько личность каждаго изъ нихъ представляетъ вѣрную гарантію въ ихъ образѣ мыслей,—болѣе широкую свободу слова, не дѣлая однако вообще никакихъ существенныхъ измѣненій въ существующихъ цензурныхъ постановленіяхъ» (Берне, 1, 79 — 81). И не одинъ прусскій дипломатъ, сочинившій эту записку, а весьма многіе правительства, государственные люди, наемные литераторы думали точно также и старались депопуляризовать самоуправленіе, которое они выставляли иноземною выдумкою, неприложимою къ нѣмцамъ, и которое признавалъ кореннымъ нѣмецкимъ первый поклонникъ и проповѣдникъ его, Монтескье. Какія-бы то ни было реформы обвѣщались чуждыми «нѣмецкому духу», «французскими выдумками», затѣями «жидовъ». въ родѣ Гейне и Берне, не перестававшихъ являть реакцію изъ своего изгнанія. По поводу этихъ германофильскихъ разглагольствованій о томъ, что нѣмецкій народъ не походить на всѣ другіе народы и представляетъ собою явленіе совершенно особенное, Берне писалъ: «Да, народъ, который несмотря на свою силу духа и на свободу духа, на свою здоровую натуру, чистоту нравовъ, никогда не могъ добиться того, что другіе народы сумѣли приобрѣсть безъ силы духа, безъ свободы духа, безъ добродѣтели, наконецъ народъ, который не можетъ выдти изъ позорнѣйшаго несовершеннѣйшаго и похожъ на идіота, боящагося привидѣній, или на ребенка, дрожащаго при видѣ розги,—такой народъ, дѣйствительно, явленіе совершенно особенное!..» Опираясь на этотъ народъ, мороча его и прикрываясь его именемъ, реакціонеры оправдали на дѣлѣ то, что говорилъ имъ Гейне о либералахъ: «Не бойтесь вы этихъ маленькихъ дураковъ, смущающихъ васъ иногда своими подозрительными шутками. Большой дуракъ спасетъ васъ отъ маленькихъ. Этотъ большой дуракъ очень великъ, колоссально великъ,—имя ему Нѣмецкій народъ. Да, это величайшій дуракъ! Его пестрый кафтанъ состоитъ изъ 36 доскутковъ; вмѣсто колокольчиковъ, къ его шапкѣ привѣшены настоящіе тяжелые церковные колокола, а въ рукѣ его огромная желѣзная палка. Но грудь его полна скорби; онъ только не хочетъ думать объ этой скорби. Потому-то онъ и выкидываетъ такія веселія штуки и смѣется подъ часъ, чтобы не плакать. Когда-же страданія становятся слишкомъ жгучими и онъ не въ силахъ забыть ихъ,—онъ, какъ безумный, потрясаетъ головой и оглушаетъ себя набожнымъ звономъ колоколовъ, висящихъ на его шапкѣ. Если зайдетъ къ нему вѣрный другъ сочувственно потолковать съ нимъ объ его горѣ и со-

обща придумать противъ него какое-нибудь домашнее средство, онъ тотчасъ-же приходитъ въ ярость и бьетъ друга своей желѣзной палкой. Онъ злѣйшій врагъ друзей своихъ и лучший другъ своихъ враговъ. О, великій дуракъ всегда останется вамъ покорнымъ и вѣрнымъ. Онъ всегда будетъ развлекать вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками; каждый день будетъ въ угоду вамъ показывать свои старые фокусы: балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлятъ сотни тысячъ солдатъ топтать ему брюхо... Но не бойтесь-ли вы, что дурака когда-нибудь утомятъ эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя всѣхъ вашихъ солдатъ, или, распутившись не въ мѣру, такъ придавитъ ваши собственные головы своимъ мизинцомъ, что мозгъ брызнетъ у васъ до звѣздъ... Не бойтесь, я только шучу. Великій дуракъ пребудетъ вамъ послушенъ, и еслибъ маленькіе дураки захотѣли повредить вамъ, вамъ стоитъ только кивнуть головой—большой дуракъ тотчасъ убьетъ ихъ».

Въ Южной Германіи еще кое-какъ держалось конституціонное устройство, въ Сѣверной-же ограничивались старыми сословными сеймами, не имѣвшими никакого значенія. На Сѣверѣ вошло въ обычай презрительно называть конституціонные принципы модными понятіями въ противоположность принципамъ старыхъ сословныхъ сеймовъ, которые одинъ изъ южныхъ жителей удачно назвалъ въ отвѣтъ на эту насмѣшку,—заплескѣлыми понятіями. Въ Верхней Германіи самодовольно смѣялись надъ старо-палочнымъ управленіемъ кассельскаго курфирста и ганноверскаго; а въ Ганноверѣ еще съ 1814 г. начали говорить съ вельможескимъ пренебреженіемъ о метафизическихъ теоріяхъ новаго государственнаго права, которымъ хочеть слѣдовать Югъ, хотя гораздо лучше было-бы, заодно съ Югомъ, бороться противъ «деспотическихъ теорій», въ тонъ которыхъ придворные публицисты наигрывали мелодіи на своихъ лирахъ для слуха правителей. Даже и въ конституціонныхъ государствахъ Юга царилъ произволъ и конституціи были только пустою формою. «Наши нѣмецкія конституціи, писалъ Берне, не что иное, какъ тюрьмы свободы; чтобы она не бѣгала по всей странѣ, ее запираютъ въ палаты». «Развѣ есть въ Германіи конституціонныя государства?» восклицаетъ этотъ замѣчательный публицистъ. «Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ представители народа *обязаны* утверждать бюджетъ, не смѣютъ разсуждать обо всемъ, о чемъ угодно, не смѣютъ обнародывать своихъ рѣчей, не смѣютъ печатать протоколовъ своихъ засѣданій? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ господствуетъ цензура и существуетъ закрытое судопроизводство? Развѣ конституціонно то государство, которое заточаетъ въ тем-

ницы тысячи цвѣтушихъ юношей только потому, что они любили свободу больше, чѣмъ это нужно было для ихъ правительствъ? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ отъ публики скрываютъ имена арестованныхъ, имена обвиненныхъ и свойство самыхъ преступленій, въ которомъ сотнямъ людей, приговоренныхъ къ наказанію, составляется счетъ, словно на бойнѣ: убито столько-то быковъ, столько-то свиней,—такъ и здѣсь: приговорено къ наказанію столько-то теологовъ, столько-то юристовъ, столько-то медиковъ, столько-то офицеровъ! Развѣ конституціонно то государство, гдѣ женщину преслѣдуютъ судебнымъ порядкомъ за высказанное ею участіе къ судьбѣ ея мужа, сидящаго въ тюрьмѣ? Гдѣ мать принуждаютъ выдать полиціи письма, полученныя ею отъ ея бѣжавшаго сына? Гдѣ въ судъ приводятъ четырехлѣтняго ребенка съ цѣлю воспользоваться его невинностью и невѣдѣніемъ и выманить у него показаніе противъ его собственной матери? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ различныя правительства одной и той-же страны заранѣе спорятъ между собою о правѣ завладѣнія и пользованія личностью бѣжавшихъ патриотовъ, которыхъ снова можно поймать,—спорятъ о томъ, которому изъ этихъ правительствъ первому будетъ предоставлено право мучить этихъ пойманныхъ бѣглецовъ,—заключаютъ между собою договоръ, по которому это право получить тотъ, кто успеетъ поймать прежде другихъ, — и затѣмъ спѣшатъ абонироваться на бѣглецовъ заранѣе, точно на первое представленіе оперы!»

Устраняя отъ всякаго участія въ дѣлахъ, реакція вела дѣло спустя рукава и хозяйничала по рутинѣ. Чиновничество отличалось не только продажностью, но и тушуеміемъ, о которомъ такъ много свѣдѣній сообщаетъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе. «Всѣ, пишетъ онъ, жалуются на недостатокъ способныхъ и «благонамѣренныхъ», т. е. крайне-реакціонныхъ (ultraistischen) чиновниковъ...» «Президентъ полиціи, Эзебекъ, ничего не понимаетъ и едва умѣетъ писать...» «Прусскій посланникъ въ Гамбургѣ, графъ Гротъ, чловѣкъ скудоумный, дуракъ...» «Прусскій дворъ и прусское высшее общество вездѣ бранятъ ужасно. Александръ Гумбольдтъ говорить, что во всей Европѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ-бы этотъ кругъ былъ такъ бездаренъ, грубъ и невѣжественъ, какъ здѣсь». При этомъ, всѣ высшіе государственные дѣятели постоянно ссорялись между собою, производя въ дѣлахъ невообразимую путаницу, картину которой оставилъ намъ одинъ современникъ, цитируемый у Гервинуса. «Основаніемъ борьбы въ министерствѣ была конечно, разница политическихъ направленій, но противники столько дѣтъ боролись между собой изъ-за столькихъ мелочей и личностей, что вмѣсто партій вышли личныя котеріи, которыя грызлись

между собою изъ-за чистыхъ пустяковъ. Одни притворялись сочувствующими духу времени, но только притворялись; другіе, хотѣвшіе сохранить или возвратить свои мѣста и привилегіи, прикрывали голый эгоизмъ пышными тряпками, которыя называли «высшимъ взглядомъ» и «глубокимъ соображеніемъ». Нелѣпости и непослѣдовательности—единственные дѣти, которыя могутъ рождаться отъ такого правительства,—и нельзя было порицать тѣхъ людей, которые ждали пользы только въ томъ случаѣ, если будетъ отброшенъ «весь существующій хламъ, чтобы изъ хаоса родилось нѣчто новое». Министры и члены государственнаго совѣта ссорились между собою, старались противодѣйствовать другъ другу и затягивали рѣшеніе дѣлъ на многіе годы. Въ Саксоніи, напр., пересмотръ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, начатый еще въ 1777 г., не былъ оконченъ вплоть до 1830 г. «Никто не знаетъ, что будетъ дѣлаться, пишетъ въ 1823 г. Фаригагенъ,—всѣ только чего-то ожидаютъ; всякая дѣятельность остановилась; поговариваютъ даже, чтобы призвать какого-нибудь министра изъ-за границы». Вотъ до какой степени была неспособна эта лига!

V.

Съ каждымъ днемъ реакція возбуждала все болѣе и болѣе злобы и негодованіи въ обществѣ. «Люди всѣхъ сословій, пишетъ Фаригагенъ фонъ-Энзе,—пасторы, медики, офицеры, камергеры, купцы, чиновники, бюргеры говорятъ о розыскахъ съ насмѣшкою, даже съ досадою и злобою, считая мнимые демагогическіе происки чистыми фантазіями, глупостями, даже положительною ложью, которая выдумана и поддерживается, чтобы, запугивая монарховъ, подчинять ихъ своекорыстнымъ намѣреніямъ министровъ и царедворцевъ». Когда началась реакція, въ Германіи не было революціонныхъ элементовъ и майнцкая слѣдственная комиссія вовсе не могла найти ихъ. Но въ странѣ не мало было уже людей, сознававшихъ настоятельную необходимость внутреннихъ реформъ, освобожденія крестьянъ, свободы слова, конституціи. Еслибы германскія правительства не заботились только о сохраненіи за собою самовластнаго произвола и не вступали для этого въ союзъ съ ретроградной аристократіей, то нѣмецкому народу обезпечено было-бы мирное и свободное развитіе. Но коль скоро восторжествовали принципы реакціи, всякая свобода сдѣлалась подозрительною въ глазахъ правительствъ, всякій либераль — демагогомъ, всякій кружокъ, посвятившій свои силы внутреннему развитію государства — заговоромъ. Воображали, что развитіе народа можно остановить, что средневѣковыя поряд-

ки можно еще поддержать, между тѣмъ какъ эти порядки давно уже разрушились, общество вступило въ возрастъ зрѣлости и не могло выносить тѣхъ пеленокъ, въ которыхъ его хотѣли держать по-прежнему. Преслѣдуя какъ революціонную интригу всякую мысль о реформахъ, реакція только порождала тотъ революціонный духъ, призракомъ котораго она сначала запугивала правительства. Преслѣдуя явныя политическія общества, не имѣвшія въ виду ничего, кромѣ мирной легальной дѣятельности, реакція заставляла ихъ превращаться въ тайныя и сама толкала ихъ на революціонный путь. Преслѣдуя ни въ чемъ неповинныхъ патриотовъ, профессоровъ и студентовъ, она развивала злобу и недовольство во всѣхъ классахъ общества, кругъ недовольныхъ росъ и расширился, всюду распространялось убѣжденіе, что путемъ мирной пропаганды невозможно добиться никакихъ существенныхъ реформъ. До 1820-хъ годовъ въ рядахъ «демагоговъ» была почти исключительно одна учащаяся молодежь, но въ слѣдующее десятилѣтіе либеральная партія значительно усилилась и видѣла въ своихъ рядахъ не однихъ студентовъ и профессоровъ, а также купцовъ, чиновниковъ, пивоваровъ и т. д. Въмѣсто истребленія либераловъ, реакція только расплодила ихъ, придавая революціонный характеръ ихъ стремленіямъ.

Развитію нѣмецкаго либерализма много содѣйствовали заграничныя событія, какъ освобожденіе Греціи, парижская революція 1830 г., война за независимость Бельгіи. Хотя въ Австріи, Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Германіи іюльская революція не произвела замѣтнаго дѣйствія, но она вызвала волненія въ сѣверо-германскихъ государствахъ, правительства которыхъ упорно держались старины, поддерживая привилегіи дворянства и произволъ чиновничества, угнетая народъ налогами. Въ Саксоніи революціонное движеніе вело за собой введеніе конституціи. Въ Брауншвейгѣ былъ изгнанъ герцогъ и его преемникъ долженъ былъ согласиться на представительное правленіе. Въ Гессенѣ одновременно съ городскимъ населеніемъ волновались крестьяне, изгоняли чиновниковъ, сожигали таможи, истребляли судебныя архивы. Подобныя же движенія произошли въ Тюрингенѣ, Шлезвигѣ, Голштейнѣ, Ольденбургѣ, Ганноверѣ. Всюду дѣло кончалось дарованіемъ хартій и друзья стараго порядка съ ужасомъ видѣли, какъ выражался одинъ юстиць-ратъ въ своей брошюрѣ, что «если сволочь одерживаетъ побѣду, то ее перестаютъ называть сволочью и именуютъ націей». Руководимый Меттернихомъ союзный сеймъ, такъ храбро боровшійся съ революціонными призраками, совершенно растерялся въ виду дѣйствительной опасности. Долголѣтнія хлопоты Меттерниха объ от-

мѣнѣ южно-германскихъ конституцій кончились ничѣмъ и примѣру южныхъ государствъ послѣдовали сѣверныя.

Въ то время, какъ нѣмецкій абсолютизмъ началъ оправляться отъ страха іюльской революціи, небольшая фракція либераловъ приняла революціонно-республиканское направленіе. Она состояла почти исключительно изъ студентовъ да энтузіастовъ вродѣ редактора «Нѣмецкой Трибуны», Вирта. Эта фракція основывала самыя блестящія надежды на общемъ недовольствѣ нѣмецкаго народа и на возбужденіи умовъ вслѣдствіе іюльскихъ дней и бельгійской революціи, она была увѣрена, что въ нѣмецкомъ народѣ, такъ горячо сочувствовавшемъ въ 20-хъ годахъ освобожденію «благородныхъ» грековъ, а потомъ не менѣе горячо желавшемъ освобожденія «благородныхъ» поляковъ, можно, наконецъ, безъ особеннаго труда, возбудить сочувствіе и къ его собственному освобожденію. Все ограничивалось у этихъ революціонеровъ фантастическими замыслами, разговорами, литературною пропагандою. Самы ярые изъ нихъ мечтали, напр., овладѣть какою нибудь крѣпостью, которая служила-бы базисомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій предполагавшейся революціи. Одинъ изъ виртембергскихъ демагоговъ хотѣмъ во что-бы то ни стало взволновать крестьянъ въ пользу великой нѣмецкой революціи; но, несмотря на всѣ его усилія, ему удалось завербовать только двухъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ пѣтухъ, приставшій къ демагогу только вслѣдствіе увѣренности, что «передъ приходомъ антихриста должна произойти великая революція», а послѣ антихриста — наступитъ тысячелѣтнее царство благодати. Народъ былъ совершенно чуждъ либераламъ, а сами они по своей малочисленности совершенно безопасны. У нихъ не было ни денегъ, ни оружія, и они только мечтали, что на ихъ сторону перейдутъ войска, особенно артиллерія. Они ошибочно воображали, что во главѣ ихъ движенія стоятъ такія вліятельныя лица, какъ профессоръ Иорданъ, котораго думали выбрать президентомъ будущей республики. Они совершенно ошибочно рассчитывали на множество лицъ, хотя и недовольныхъ правительствами, но въ сущности неспособныхъ къ дѣятельной борьбѣ. Это послѣднее обстоятельство было какъ нельзя болѣе на руку реакціи, которая успѣшила отождествить съ революціонерами всѣхъ либераловъ и ждала только предлога, чтобы снова начать искоренять ихъ.

Въ Баваріи правительственная партія задумала отпраздновать 26 мая 1831 г., около развалинъ гамбахскаго замка, годовщину баварской конституціи. Либералы въ видѣ оппозиціи устроили 27 мая въ Гамбахѣ-же свою демонстрацію, на которую собралось, несмотря на всѣ препятствія полиціи, до 15,000 ч. Митингомъ руководили либеральныя журналисты Виртъ и Зибеншфейферъ; го-

ворились рѣчи, выражались желанія реформъ; во всемъ этомъ не было ничего революціоннаго и гамбахскій праздникъ прошелъ совершенно спокойно. Но реакціонеры увидѣли въ немъ предлогъ для возобновенія своего террора и Меттернихъ при извѣстїи о немъ замѣтили, что «гамбахскій праздникъ, если только имъ хорошо воспользоваться, можетъ сдѣлаться торжествомъ благонамѣренныхъ». Снова поднялись толки о революціонныхъ замыслахъ, снова пошли въ ходъ запугиванья краснымъ призракомъ, и черезъ мѣсяць послѣ праздника союзный сеймъ уже издалъ новыя реакціонныя постановленія, которыми «обуздывалась» печать, представительныя собранія низводились на степень совѣщательныхъ и сейму предоставлялось право силою подавлять всякое либеральное движеніе во всѣхъ государствахъ союза.

Австрійскіе и прусскіе реакціонеры дѣйствовали ничѣмъ не стѣсняясь. О правахъ личности не было и рѣчи; достаточно было обвиненія, доноса, подозрѣнія, чтобы послѣдовалъ арестъ, и если осудить человѣка было нельзя, то его держали цѣлые годы въ предварительномъ заключеніи или отдавали подъ надзоръ полиціи. Этимъ средствомъ пользовались, между прочимъ, для удаленія изъ парламента оппозиціонныхъ членовъ. Гнетъ надъ печатью доходилъ до того, что она была поставлена въ невозможность заниматься внутренними дѣлами, и независимыя изданія прекращались одно за другимъ. Вся политика сводилась къ принципу ежевыхъ рукавицъ. «Эта политика, говоритъ историкъ, желавшая истребить мнимую революціонную партію, дошла до того, что сдѣлала революціоннымъ почти весь нѣмецкій народъ. Эта государственная мудрость создала глубокую пропасть между народомъ и правительствомъ, между подданными и властью, между націей и полицейскимъ государствомъ; благодаря ей, всѣ законы, мѣропріятія, распоряженія, учрежденія, исходившія отъ правительствъ, встрѣчались съ недовѣріемъ. Полицейскими мѣрами легко было обуздать прессу, но это насиліе было для правительствъ гибельнѣе, чѣмъ свобода печати; все, что одобрялось въ подцензурныхъ газетахъ, не возбуждало никакого довѣрія, что выставлялось въ мрачномъ свѣтѣ, считалось въ дѣйствительности еще хуже. Благодаря цензурному произволу, люди порядочные и серьезные устранились отъ журналистики и она попадала въ нехорошія руки. Обычай регулировать всю общественную жизнь официальными правилами и полицейскимъ надзоромъ развивалъ сильную ненависть къ господству канцелярщины, къ бюрократіи и чиновничьему деспотизму. Дошло до того, что всѣ нападки на существующій порядокъ, встрѣчались всюду съ радостью, и составляемыя въ этомъ смыслѣ сочиненія, стихи, газеты, находили огромный бругъ

читателей. Какъ прежде были придворные поэты, такъ и теперь явились свои поэты, посвящавшіе таланты возбуждающимъ картинамъ нищенскихъ рубищъ и страданій пролетаріата. Только оппозиціонныя газеты могли рассчитывать на значительное число подписчиковъ, на прочное и продолжительное существованіе, консервативныя-же считались продажными и скоро погибали. Даже въ науку и беллетристику, гдѣ нѣмецкій умъ пользовался извѣстною свободой, оппозиція пріобрѣтала все болѣе и болѣе широкое поле и придавала произведеніямъ разума и фантазіи тотъ отрицательный и разлагающій характеръ, который встрѣчалъ сильное сочувствіе и отзывъ въ общественномъ мнѣніи». Въ то время, какъ Гейне, Берне, Гуцзовъ и другіе дѣятели «Молодой Германіи», пользуясь заграничною свободой, будили страну посредствомъ поэзіи и публицистики, Штраусъ, тюбингенская школа, Фейсбахъ, Арнольдъ Руге совершали переворотъ въ области теологіи и философіи. Выѣстъ съ тѣмъ росла и крѣпла идея германскаго единства.

Нѣкоторую надежду на лучшія времена подало воцареніе въ Пруссіи Фридриха Вильгельма IV (1840 — 1860). Онъ былъ уменъ и образованъ, но зараженный аристократическими предразсудками, мистикъ, видѣвшій свои идеалы въ среднихъ вѣкахъ. Лица, окружавшія новаго короля, были все крайніе реакціонеры, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Роховъ, закоренѣлый бюрократъ и авторъ теоріи «ограниченнаго вѣрнопопдадническаго разума», Ярке, политическій ищетка и газетчикъ піэтистъ-генераль Гребень, гр. Бранденбургъ и др. Не смотря на такую обстановку, король началъ царствованіе нѣкоторыми либеральными мѣрами, далъ политическую амністію, облегчилъ положеніе печати и т. д. Но, подобно своимъ предшественникамъ, Фр. Вильгельмъ IV и слушать не хотѣлъ о самоуправленіи, настойчиво заявляя при всякомъ удобномъ случаѣ, что будетъ править въ духѣ стараго патриархальнаго абсолютизма и подчиняться только своей совѣсти, а не «общаніямъ на пергаментѣ». Между тѣмъ убѣжденіе въ необходимости представительнаго правленія болѣе и болѣе распространялось въ обществѣ и за него начали высказываться даже нѣкоторые сановники, вродѣ оберъ-президента провинціи Пруссія. Шена, издаваемаго въ 1840 г. знаменитую въ свое время брошюру «Откуда и куда?». Шена не подвергли серьезному преслѣдованію, но онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Еще большаго шума на дѣлало въ 1841 г. сочиненіе лекаря Якоби «Четыре вопроса». Авторъ былъ преданъ суду, но оправданъ, что возбудило восторгъ во всей Германіи. Правительство встревожилось; президентъ суда, оправдаваемаго Якоби, былъ выгнанъ изъ службы; бреславльскій

профессоръ, извѣстный поэтъ Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ за свои «Неполитическія пѣсни» отрѣшенъ отъ должности и самая его книга запрещена; «Рейнская Газета» и «Всеобщая Газета» тоже запрещены за пропаганду конституціонныхъ идей, поэтъ Гервегъ изгнанъ изъ Пруссіи; наконецъ, въ 1842 г. новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Арнимъ Бойценбургъ возстановилъ старыя строгіе законы о печати. Со вступленіемъ на постъ министра просвѣщенія и исповѣданій піэтиста Эйхгорна, реакція пошла на всѣхъ парусахъ. Эйхгорнъ назначилъ профессоромъ въ берлинскій университетъ крещенаго еврея Штала, пройдоху и святошу, который сдѣлался первымъ апостоломъ абсолютизма. Ханжествующіе реакціонеры провозглашали Гегеля «отцемъ лжи» и для борьбы съ его философіей выписали въ Берлинъ Шеллинга. Піэтизмъ и мистицизмъ всюду усиливались, благочестивые союзы, миссіонерскія и библейскія общества находили себѣ всевозможное покровительство, печать болѣе и болѣе подавлялась съ каждымъ днемъ, ибо, по выраженію Эйхгорна, «гласность и свобода слова несомнѣстны съ церковью и государствомъ». Независимые профессора изгонялись изъ университетовъ, чтеніе лекцій было подчинено строгой опецѣ, а всѣ школы подвергнуты самому мелочному надзору. Въ 1844 г. была отмѣнена несмѣняемость судей и судебное вѣдомство скоро наполнилось угодниками правительства.

Между тѣмъ страна разорялась и мучилась отъ множества разбѣдавшихъ ее золъ. Большинство нѣмецкихъ крестьянъ не освободилось еще отъ остатковъ крѣпостнаго права, росъ безземельный пролетаріатъ, нищета и болѣзни свирѣпствовали между рабочими. Вставалъ грозный социальный вопросъ, и въ то-же время въ среднихъ классахъ усиливалось стремленіе къ объединенію Германіи, къ введенію самоуправленія и свободы слова. Какъ ни противились этому правительства, особенно австрійское и прусское, но и они должны были понемногу уступать, стараясь по возможности избѣжать при этомъ сколько-нибудь существенныхъ реформъ, какъ это дѣлало послѣ 1848 г. австрійское правительство, созывавшее для совѣщанія о дѣлахъ не выборныхъ депутатовъ, а «довѣренныхъ людей». Въ Пруссіи еще въ 1842 г. сдѣлана была подобная-же уступка въ видѣ учрежденія комиссіи изъ 96 делегатовъ отъ провинціальныхъ сословныхъ ландтаговъ; но и эту жалкую комиссію правительство могло созывать и не созывать и она имѣла только совѣщательное значеніе. Въ томъ родѣ былъ и созданный въ 1847 г. соединенный ландтагъ.

Въ то время, какъ упорно отстаивались обветшавшіе привилегіи, настроеніе страны дѣлалось все болѣе и болѣе неспокойнымъ. Сельское населеніе было всюду угнетено и не-

рѣдко доходило до открытыхъ бунтовъ, по поводу которыхъ Берне писалъ: «Богъ покваралъ наше правительство слѣпотой, и оно само идетъ на гибель. Оно обнаруживало ненависть и презрѣніе къ спокойнѣйшимъ и благонамѣреннѣйшимъ писателямъ; оно не хотѣло допустить, чтобы жалобы и желанія народа были обсуждаемы въ мирной рѣчи; такъ вотъ, теперь пришли поселяне, теперь они начнутъ писать своими вилами». Еще ужаснѣе было положеніе фабричныхъ рабочихъ, особенно въ Австріи. «Ужасающая нищета этихъ фабричныхъ рабовъ, говоритъ современникъ, особенно зимою, доходила до невѣроятности, и они были еще счастливы, если не лишались своего заработка, послѣ чего имъ остается только умирать съ голода или воровать. Многіе не имѣютъ пропитанія и почти никакой одежды, какъ лѣтомъ такъ и зимою, оставаясь втеченіе дня въ каналахъ съ нечистотами и только ночью выходя на воздухъ, чтобы чѣмъ-нибудь пожитья... Власти обходятся съ рабочими какъ со скотомъ». Для этого обездоленнаго пролетаріата, какъ фабричнаго, такъ и земледѣльческаго, парижская революція 1848 г. должна была показаться началомъ новой эры свободы, равенства и братства. Страна заволновалась, явились агитаторы, говорились возбуждающія рѣчи, пѣлись революціонные гимны, строились баррикады, гремѣли выстрѣлы, провозглашалась единая нѣмецкая республика. Реакціонеры отъ страха потеряли голову и тѣ, которые еще наканунѣ третировали либераловъ какъ злодѣевъ, теперь ухаживали за ними. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, торжественно провозгласили новый порядокъ вещей. Другіе германскіе государи поступили точно такъ-же, а вслѣдъ за ними и всѣ высшіе классы. Самые ярые реакціонеры превращались въ либераловъ, пастеры и пасторы проповѣдывали въ пользу конституціи, пропагандировали социализмъ, прославляли революцію. Чиновничество, въ свою очередь, тоже сдѣлалось либеральнымъ, браталось и заигрывало съ гражданами. Либеральная партія побѣдила, но постаралась одна воспользоваться плодами своей побѣды, вовсе забывая о народѣ.

Съ первыхъ-же моментовъ движенія либеральная буржуазія была встревожена стремленіями пролетаріата, для защиты отъ котораго и начали всюду организовать гражданскую гвардію. Реакціонеры воспользовались этимъ настроеніемъ буржуазіи и усиленно забили тревогу, что обществу грозитъ опасность отъ черни, что собственность, семейство и религія въ опасности. Стремясь къ возстановленію абсолютизма и владычества дворянства, реакція не очень стѣснялась либеральной буржуазіей, такъ какъ послѣдняя болѣе боялась низшихъ классовъ народа, чѣмъ неограченной власти государей. Подготавлиаясь

къ перевороту, стягивая войска, усмиряя возстаніе въ Южной Германіи, реакція, между тѣмъ, постепенно такъ обдѣлывала дѣла, что старый порядокъ быстро возстановлялся. Такъ въ Пруссіи была создана аристократическая верхняя палата, введены двойные выборы. Посредствомъ ценза люди неимущіе устранены не только отъ депутатства, но и отъ обязанностей присяжныхъ; во многихъ мѣстахъ было объявлено осадное положеніе, дѣйствовали военные суды и раздавалась модная въ то время пѣсня:

Gegen Demokraten
Helfen nur Soldaten!

Но какъ ни значительны были успѣхи реакціи, она не столько выиграла, сколько проиграла. Представительное правленіе, свобода печати, независимость университетской науки вполнѣ обезпечены и могутъ служить порукою дальнѣйшаго развитія нѣмецкаго народа, какія-бы возни не строили Бисмаркъ и К°. Реакція только мѣшала мирному развитію страны и обострила соціальный вопросъ, который по всѣмъ признакамъ грозитъ Германіи въ будущемъ такимъ ужаснымъ потрясеніемъ, что, по выраженію Гейне, тогда задрожитъ земля и въ Германіи разыграется драма, сравнительно съ которой французская революція покажется идилліей.

С. Ш.

ИВАНЪ БОСЫЙ.

(Очеркъ).

I.

До того времени, когда съ Иваномъ случилась «притча», онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ ряда самыхъ заурядныхъ мужиковъ. Объ этомъ періодѣ жизни Ивана приходится сказать очень немногое. Онъ былъ женатъ и имѣлъ одного сына, парня на возрастѣ; больше дѣтей не было. Работалъ Иванъ много, и даже очень много, совершенно такъ же, какъ и всѣ его сосѣди. Особенной склонности къ трезвости въ немъ не замѣчалось, но и пьянъ онъ бывалъ не болѣе одного раза въ недѣлю: и въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ большинства своихъ односельцевъ. Жилъ онъ ни бѣдно, ни богато, а такъ, что называется, перебиваясь съ хлѣба на квасъ. Распоисову онъ, подобно своимъ сосѣдямъ и друзьямъ, былъ долженъ, и притомъ много долженъ, и въ уплату долга поставлялъ оброкъ всякими продуктами своего труда: и зерномъ всякаго рода, и овцами, и шерстью овечьею, и щетиной, и саломъ свинымъ, и, наконецъ, самымъ трудомъ. Особенно большихъ недоимокъ Иванъ за собою не накапливалъ, такъ же какъ не накапливали и другіе александровцы: село Александровское сравнительно зажиточно и въ каждомъ дворѣ всегда находится что-нибудь такое, что волостной старшина можетъ продать для пополненія недоимокъ. Къ храму Божьему Иванъ относился съ должнымъ уваженіемъ и пастыря чтилъ. Однимъ словомъ, Иванъ былъ вполне образцовымъ мужикомъ, и всѣ тѣ лица, на обязанности которыхъ лежало блюсти за спокойствіемъ села Александровскаго, были вполне довольны имъ. Если бы въ это время кто-нибудь вздумалъ поинтересоваться Иваномъ и обратился съ рас-

просами о немъ къ александровскимъ властямъ, — духовнымъ, свѣтскимъ и экономическимъ, — то всѣ эти власти аттестовали бы Ивана, какъ человѣка вполне благонадежнаго. А именно, духовная власть заявила бы слѣдующее:

— Что-жь, Иванъ—вполнѣ христіанинъ: своему духовному отцу ни въ чемъ не отказываетъ.

А Распоясовъ, какъ представитель экономической власти, опредѣлилъ бы Ивана, съ своей точки зрѣнія, такъ:

— Въ долги-то онъ залѣзъ дюже,—ну только и овцу «приставляетъ» въ полномъ комплектъ...

Наконецъ, свѣтская власть (волостной старшина) отрекомендовала бы Ивана, какъ кроткаго плательщика:

— Мужикъ безъ нахрапу: къ нему безъ кола можно идти «грабить» корову...

И вдругъ съ этимъ, благонадежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкомъ случилась «притча».

Исторія этого превращенія «мирнаго селянина» въ столь непріятнаго для общественнаго спокойствія человѣка довольно темна и, вѣроятно, будетъ вполне разъяснена еще очень не скоро. Извѣстенъ, однако, случай, послужившій началомъ происшедшей съ Иваномъ «притчи». Случай этотъ состоялъ въ кровавой расправѣ александровцевъ съ однимъ шалапутомъ.

Шалапуты явились въ Александровскомъ лѣтъ десять тому назадъ. Сначала, когда ихъ было всего нѣсколько человѣкъ, мѣстное населеніе относилось къ нимъ равнодушно и отчасти даже презрительно. Тамъ, гдѣ жизнь ставила на первый планъ физическую силу, должны были казаться странными люди, неумѣренно предававшіеся посту и воздержанію; среди здоровыхъ, краснощекихъ лицъ блѣдныя и худыя фізіономіи шалапутовъ казались очень смѣшными. Но мало по малу такое презрительное отношеніе православныхъ къ шалапутамъ исчезло: съ одной стороны увлеченіе шалапутовъ аскетическою стороною своего ученія ослабѣло, а съ другой—успѣхъ проповѣди первыхъ послѣдователей шалапутства чрезвычайно усилился: членами шалапутской общины сдѣлались нѣсколько десятковъ семей, и они стали составлять видную силу въ селѣ. Мало помалу, отношенія между православными и шалапутами сдѣлались очень натянутыми. Такая натянутость обуславливалась очень многими причинами. Прежде всего шалапуты были новаторами, и притомъ новаторами радикальными. Они ломали весь строй деревенской жизни,

не оставляли камня на камнѣ. Правда, если покопаться хорошенько въ «народной душѣ», то въ глубинѣ ея можно найти тѣ самыя начала, на которыхъ основывалась и строилась система шалапутскаго ученья: шалапуты только сбрасывали мусоръ, который отъ времени накопился на этихъ основныхъ началахъ, и придавали имъ дальнѣйшее развитіе. Но александровцамъ копаться въ «народной душѣ» не было ни времени, ни охоты, и они не видѣли никакого родства между началами «народной души» и ученіемъ шалапутовъ. Напротивъ, оно казалось александровцамъ чѣмъ-то небывалымъ, дикимъ, страннымъ. Многимъ это ученіе было невыгодно непосредственно, затрогивая непосредственно ихъ интересы. Это были, вопервыхъ, люди, которые такъ или иначе жили эксплуатаціей ближнихъ и которыхъ шалапутское движеніе грозило лишить возможности эксплуатировать кого-бы то ни было; и, во вторыхъ, тѣ, у которыхъ, благодаря уходу въ шалапутство одного члена семьи, послѣдняя разрушалась. Другіе относились враждебно къ прозелитамъ новаго ученія просто изъ боязни, которую питаютъ слабые умы вообще ко всему новому, непривычному для нихъ. Третьи ненавидѣли сектантовъ, принимая на вѣру тѣ обвиненія въ безнравственности, которыя сознательно и бессознательно взводили на шалапутовъ первыя двѣ категоріи ихъ враговъ и александровское духовенство. Къ концу концовъ вышло такъ, что пять лѣтъ тому назадъ все Александровское раздѣлилось на двѣ неравныя, крайне враждебно настроенныя другъ къ другу части: меньшую составляли шалапуты, а большую — православные. Только нѣсколько человѣкъ, оставаясь православными, не чувствовали никакой вражды къ шалапутамъ и со многими изъ нихъ были даже въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Усилиями этихъ немногихъ вражда между шалапутами и православными долго сдерживалась, но, наконецъ, прорвалась и проявилась въ цѣломъ рядѣ столкновеній.

Дѣло началось съ пьяныхъ. Нѣсколько «православныхъ мужичковъ», раздавивши приличное число косушекъ въ кабацѣ, вышли за село, на выгонъ, и расположились около «вѣтряка». Какъ на грѣхъ, въ это самое время мимо веселой компаніи проходилъ молодой парень-шалапутъ.

— Эй, ты, кадушечникъ! крикнули мужики: — иди-ка сюда!

Ничего не подозрѣвая, шалапутъ подошелъ къ звавшимъ. Одинъ изъ компаніи поднялся и ударилъ шалапуту по лицу.

— За что-жь ты дерешься? успѣлъ только выговорить шалапуту, какъ на него набросились остальные члены компаніи, сбили съ ногъ и начали бить по чемъ попало, приговаривая:

— За что бьешься? А за то, что къ вамъ чортъ изъ кадушки лазить...

— А вы чего хордыбачетесь? Что вамъ чортъ деньги даетъ, такъ вы и рады...

— А, такъ вы нашихъ бабъ портите!..

— Бей его, ребята! Онъ святой, а насъ чертями называютъ!..

Судя по ожесточенію нападавшихъ, битье шалапуты продолжалось бы довольно долго, если бы одному изъ бывшихъ не пришла въ голову такого рода мысль:

— Давай, ребята, заставимъ его креститься!

— Идетъ! повернемъ его въ нашу вѣру, подхватили остальные.

Битье прекратилось. Избитаго подняли и посадили, держа его за ноги и за плечи, чтобъ не убѣжалъ. Затѣмъ началось «поворачиваніе въ нашу вѣру».

— Крестись, собачій сынъ, а то тутъ тебѣ и смерть! кричалъ одинъ изъ этихъ оригинальныхъ миссіонеровъ.

— Сложи ему, ребята, крестъ да и стукни въ лобъ-то, предлагалъ другой.

Шалапуту насильно сложили пальпы правой руки такъ, какъ они складываются для крестнаго знаменія, и затѣмъ стали тыкать этимъ «крестомъ» въ лобъ, въ плечи и животъ. При этомъ всѣ хохотали.

— Ишь какъ ему не хочется въ нашей вѣрѣ быть!

— Ничего, помаленьку «оборекатся» *)!

Шалапуту толкали, щипали, дергали за уши, за виски, — онъ все терпѣлъ молча, ни однимъ звукомъ не выдавая своихъ страданій. Его блѣдная фигура съ крѣпко стиснутыми зубами и горящимъ взоромъ рѣзко выдѣлялась изъ среды его пьяныхъ преслѣдователей съ раскраснѣвшимися, обрюзглыми лицами. Избитый, окровавленный, въ изорванной одеждѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ видъ величія и, навѣрное, произвелъ бы сильное впечатлѣніе на своихъ мучителей, если бы они не были такъ пьяны.

*) Привыкнеть.

Послѣ многихъ издѣвательствъ, одному изъ мужиковъ пришла въ голову новая мысль.

— Потащимъ его къ батюшкѣ: пусть онъ ему наставленіе сдѣлаеть.

И несчастнаго поволокли въ село.

Шествіе это имѣло необычайный для села Александровскаго видъ. Впереди шли два мужика и тащили за уши шалапуту; оба они плохо стояли на ногахъ, шатались и при этомъ тащили уши несчастнаго въ разныя стороны. За ними шли всѣ остальные и время отъ времени пинками подгоняли плѣнника.

Всѣ александровцы, бывшіе въ это время на улицѣ, подходили къ этой странной процессіи и, узнавъ, что она направляется къ батюшкѣ, присоединялись къ ней.

Впечатлѣніе, произведенное этой сценой на присутствующихъ, было довольно разнообразно. Одни сочувствовали компаніи, мучившей шалапуту, и всячески издѣвались надъ послѣднимъ. Другимъ, напротивъ, вся эта исторія очень не понравилась и они уговаривали пьяную компанію отпустить избитаго.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и Иванъ. Онъ былъ въ числѣ немногихъ, которые не чувствовали никакой вражды къ шалапутамъ, но и нисколько не интересовались вопросомъ о томъ, правильно или неправильно поступаютъ враждующіе противъ сектантовъ. До того момента, когда онъ увидѣлъ упомянутую процессію, для него было совершенно безразлично, существуютъ ли шалапуты или нѣтъ. Но за-то теперь тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на него видъ окровавленнаго парня, котораго къ тому-же тащили за уши.

По природѣ своей Иванъ былъ довольно мягкій человѣкъ. Въ дракахъ онъ никогда не участвовалъ; жену и сына билъ всего раза по два въ годъ, и то слегка. Даже животныхъ — лошадей и быковъ — онъ билъ очень рѣдко, въ минуты сильнаго гнѣва, припадки котораго съ нимъ случались рѣдко. Въ теоріи, однако, онъ допускалъ побои, но требовалъ, чтобы они наносились только тогда, когда для этого есть серьезныя основанія. Вообще возрѣнія его по этому вопросу формулировались въ словахъ: «*учить* палкой можно».

И вдругъ передъ его глазами разыгрывалась самая возмутительная расправа, не вызванная притомъ рѣшительно ничѣмъ. Разбитыхъ мордъ и проломанныхъ головъ онъ насмотрѣлся

вволю, и одною окровавленною мордою больше—для него не могло казаться особенно важнымъ дѣломъ. Но всѣ прежніе случаи для него были понятны и объяснимы: дѣло происходило обыкновенно въ дракѣ, и разбитыя морды оказывались у обѣихъ сторонъ. Но здѣсь имѣла мѣсто не драка, а какое-то разбойничье нападеніе цѣлой шайки на одного, нападеніе, къ тому же произведенное безъ всякихъ поводовъ и основаній.

Въ тѣ двѣ-три минуты, въ теченіи которыхъ Иванъ оставался пассивнымъ зрителемъ происходившей передъ нимъ сцены, онъ никакъ не могъ сообразить, за что собственно молодой шалапутъ подвергается такимъ издѣвательствамъ. Догматическихъ тонкостей, раздѣлявшихъ шалапутовъ и православныхъ, онъ не понималъ; а въ житейско-нравственномъ отношеніи онъ отдавалъ всѣ преимущества шалапутамъ предъ православными: шалапуты всѣ были трезвы, а Иванъ высоко ставилъ это качество въ человѣкѣ; всѣ они были очень трудолюбивы,—Ивану, какъ человѣку тоже очень трудолюбивому, было пріятно чувствовать себя солидарнымъ съ ними въ этомъ отношеніи; наконецъ, шалапуты были очень дружны между собою, помогали другъ другу и, главное, не кулачили, хотя имѣли полную къ тому возможность. Ивану, въ видѣ контраста, вспомнились Распоясовъ и компанія.

Всѣ эти соображенія промелькнули въ головѣ Ивана въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Еще минута,—и онъ былъ уже около молодого шалапуты, отпихивалъ отъ него мужиковъ и кричалъ на нихъ:

— Что вы, ошалѣли, что-ли? За что вы мучите человѣка?

Мужики сначала растерялись отъ неожиданнаго нападенія.

— Да ты что, ихній, что-ли? только и нашлись они сказать.

— Не ихній я, сами знаете; а только грѣхъ вамъ надъ человѣкомъ такъ тиранствовать...

И Иванъ хотѣлъ было вывести парня изъ толпы.

Но мужики оправились отъ своего смущенія и вырвали шалапуту изъ рукъ Ивана, крича:

— Не трожь!... Чего ты лѣзешь?.. Мы къ батюшкѣ: онъ разсудитъ, онъ наставленіе ему дастъ...

Иванъ былъ отгѣсненъ толпою, которая плотно окружила шалапуту, и послѣдняго снова потащили. Иванъ послѣдовалъ въ хвостѣ толпы.

Пришли къ поповскому дому, вызвали батюшку, о. Іоанна.

Батюшка предавался послѣбобѣденному сну и былъ очень недоволенъ тѣмъ, что его разбудили. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ почувствовалъ себя въ крайнемъ затрудненіи.

— Да чего-жь вамъ отъ меня-то хочется? переспросилъ онъ толпу.

— Креститься онъ не хочетъ... Ты, значить, пастырь... блюсти долженъ... наставь его...

Батюшка переминался съ ноги на ногу. Наконецъ, чтобы затянуть время, онъ спросилъ:

— Да чей онъ?

— А Петровыхъ, что на Астраханкѣ живутъ...

Батюшку осѣнила гениальная мысль.

— Такъ онъ—не моего прихода. Чего же вы ко мнѣ лѣзете?.. Ступайте къ о. Стефану; а мнѣ съ вами и толковать нечего...

И батюшка хлопнулъ дверью и скрылся.

Толпа повалила къ о. Стефану. Этотъ послѣдній оказался сообразительнѣе своего товарища.

— Вотъ что, ребята, обратился онъ къ мужикамъ, выслушавъ обвиненія противъ шалапута и желанія толпы:—теперь мнѣ возиться съ нимъ некогда, а вы вотъ заприте-ка его ко мнѣ въ амбаръ, а я его вечеромъ испытаю...

Толпѣ понравилось предложеніе священника: шалапутъ немедленно былъ запертъ въ амбаръ, и затѣмъ всѣ мало-по-малу разошлись. Остался только одинъ Иванъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ о. Стефанъ, по уходѣ толпы, собственноручно выпустилъ шалапута.

Вотъ этотъ-то эпизодъ и послужилъ началомъ того перелома, который привелъ Ивана къ отрицанію. Онъ началъ задумываться надъ вопросами изъ такой сферы, которая до сихъ поръ совсѣмъ не привлекала къ себѣ его вниманія. До сихъ поръ его мозгъ работалъ исключительно надъ вопросами чисто хозяйственного характера: онъ думалъ о посѣвѣ, о покосѣ, объ уборкѣ хлѣба, размышлялъ о томъ, какъ сдѣлать все это по возможности лучше, скорѣе и спорѣе; старательно соображалъ, какъ распредѣлить собранные имъ продукты хозяйства, чтобы ихъ хватило на цѣлый годъ, до «нови»; всячески ухитрялся «приставлять» Распоясову поменьше овецъ, хлѣба и проч. Но никогда еще онъ не задумывался надъ взаимными отношеніями людей другъ къ другу. Деревенская жизнь представляетъ очень много фактовъ изъ этой области, могущихъ навести на раз-

мышленіе; но для этого нужно быть человѣкомъ, постороннимъ деревнѣ; нужно, чтобы эти факты были для человѣка чѣмъ-то новымъ, страннымъ, однимъ словомъ—*интереснымъ*, заслуживающимъ размышленія. Иванъ же выросъ въ деревнѣ, привыкъ ко всѣмъ, самымъ дикимъ, самымъ возмутительнымъ фактамъ деревенской жизни, привыкъ относиться къ нимъ какъ къ чему-то естественному, неизбѣжному. Наконецъ, эти факты просто объяснялись условіями деревенской жизни, вытекали изъ нихъ. Нужно было явиться небывалому, невиданному еще Иваномъ факту, чтобы онъ, пораженный этимъ фактомъ, задумался надъ людскими отношеніями. А разъ его мысль стала работать въ этомъ направленіи, матеріаль для этой работы доставлялся деревенскою жизнью въ ужасающемъ изобиліи.

Вскорѣ послѣ эпизода съ шалашомъ, умъ Ивана былъ страшно пораженъ фактомъ, подобные которому случались и прежде, но къ которымъ онъ прежде относился почти равнодушно. Фактъ этотъ былъ—убійство, и притомъ изъ-за причинъ экономическаго характера. Дѣло было въ слѣдующемъ.

Два сосѣда, *болшіе друзья*, посѣяли вмѣстѣ десятину льна. Все шло хорошо, пока совершались предварительныя работы. Но при уборкѣ посѣва произошла ссора. Одинъ изъ пайщиковъ замѣшклся при уборкѣ другихъ хлѣбовъ, а другой въ это время скошилъ ту половину десятины, на которой ленъ уродился лучше. Когда первый пайщикъ явился убирать ленъ и увидѣлъ, что ему осталась худшая половина, онъ предложилъ своему товарищу скосить оставшійся ленъ и затѣмъ раздѣлить пополамъ весь ленъ въ копнахъ. Товарищъ не согласился. Начали ругаться. Отъ ругательства дѣло перешло къ дракѣ. Одинъ компаніонъ оказался значительно сильнѣе другого, свалилъ его и началъ душить. У лежавшаго подъ низомъ былъ братъ, который доселѣ держался въ сторонѣ и въ ссорѣ участія не принималъ; теперь же, видя, что сосѣдъ душитъ брата, онъ схватилъ «вагъ», подбѣжалъ къ борющимся и ударилъ сосѣда «вагомъ» по затылку. Ударъ былъ такъ удаченъ, что сосѣдъ тотчасъ-же, обливаясь кровью, упалъ мертвымъ. Убійца въ ту же минуту пришелъ въ себя, бросился въ село, явился въ волостное правленіе и тамъ со слезами и плачемъ разсказалъ, что онъ убилъ человѣка.

Иванъ присутствовалъ при вскрытіи трупа убитаго, разсматривалъ его проломленный черепъ, слушалъ горькія рыданія

убійцы,—и все это произвело на него крайне сильное впечатлѣніе. Онъ съ удивленіемъ замѣчалъ въ себѣ какое-то новое чувство, доселѣ не испытанное имъ. Это отнюдь не было чувство омерзѣнія къ убійцѣ, ни страхъ, который испытываютъ многія натуры при видѣ трупа, ни простая жалость къ убитому. Это было чувство, которому Иванъ не могъ бы подобрать названія, чувство настолько сложное, что онъ не могъ-бы въ немъ разобраться, если-бы и хотѣлъ. Тутъ была и жалость къ убійцѣ, и сожалѣніе объ убитомъ, и неясное, но, тѣмъ не менѣе, сильное чувство боязни, вызванное мыслью о томъ, что настоящее убійство отнюдь не послѣднее, что подобныя катастрофы еще долго будутъ случаться въ деревнѣ, что онѣ могутъ произойти каждый день, каждую минуту. Всего болѣе поразило Ивана несчастный убійца, когда онъ, падая въ ноги всѣмъ приходившимъ смотрѣть на него, говорилъ: «дѣлайте со мною что хотите, православные! Пропашій я человекъ; пропала моя головушка!... Руки-то мнѣ свяжите, не то я прикончу съ собой»... Ивана тѣмъ болѣе поражало этотъ мучительный крикъ убійцы, что послѣдній всегда былъ тихимъ и смиреннымъ парнемъ, и Иванъ никакъ не могъ представить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ дойти до такого безумнаго остервененія, чтобы забыть все и убить человекъ.

Съ этого времени мысль Ивана начала усиленную работу надъ житейско-нравственными вопросами. Онъ пересмотрѣлъ всю нравственную область деревенской жизни и нашелъ въ ней тысячи «непорядковъ». «Непорядки» эти оказались положительно всюду: и въ семьѣ, и на «міру», и въ отношеніяхъ мірянъ другъ къ другу и къ постороннимъ лицамъ, и въ самой деревенской душѣ. Въ душѣ-то въ особенности оказалось много «непорядковъ». Ивану на первыхъ же порахъ его мыслительной работы понадобилось уяснить себѣ, болѣе или менѣе точно опредѣлить самыя основныя нравственныя понятія, — и вотъ тутъ-то оказалось, что ни въ его душѣ, ни въ душахъ его ближнихъ не было матеріалу для этого опредѣленія. Явился, напр., у Ивана вопросъ: какъ надо жить по правдѣ? и—къ кому онъ ни обращался съ этимъ вопросомъ, никто не могъ дать ему точнаго, опредѣленнаго отвѣта. Всѣ отвѣты получались вродѣ слѣдующихъ:

— По правдѣ-то?... Ишь-ты!... Такъ по правдѣ?... А не выпить-ли намъ косушку?...

Или:

— А, должно, Иванъ, тебя мало пороли?...

Батюшка, къ которому Иванъ тоже обращался за разъясненіемъ, отвѣчалъ:

— Оставь, братъ, ты эту фанаберію!...

Единственный человѣкъ, давшій Ивану *вполнѣ опредѣленный* отвѣтъ на его вопросъ, былъ мѣщанинъ, маклачившій по мелочи въ Александровскомъ. Когда Иванъ задалъ ему вопросъ о жизни по правдѣ, онъ предварительно переспросилъ:

— То-есть, какъ это—по правдѣ? Честно, что-ли?

— Какъ быдто такъ, въ родѣ какъ-бы, отвѣчалъ Иванъ.

— Ну, такъ, честно—это: когда берешь—не кричить, а рѣжешь—не реветь...

Много такихъ вопросовъ возникало въ головѣ Ивана и много отвѣтовъ, подобныхъ приведенному, получалъ онъ. Всѣ эти отвѣты имѣли одинъ и тотъ же характеръ: это было наглое издѣвательство надъ человѣкомъ, надъ его правами, надъ нравственностью. Это было съ одной стороны; а съ другой—этой наглости противопоставлялось какое-то мямленье, какіе-то робкіе, нерѣшительные звуки: «собча», «по старинѣ», звуки, лишенные всякаго реального содержанія, такъ какъ ничего «собча» и «по старинѣ» не дѣлалось, а напротивъ, кругомъ разыгрывалась настоящая оргія индивидуализма и все шло «по новому». Къ концу концовъ у Ивана составилось представленіе о мірѣ какъ объ огромномъ пустомъ пространствѣ, въ которомъ царятъ лишь грабежъ и поруганіе сильного надъ слабымъ.

Когда Иванъ пришелъ къ такому безотрадному выводу, онъ бросился въ самое необузданное отрицаніе. Онъ отвергъ всѣ жизненные обычаи и повелъ жизнь дикаря, отказался отъ своей семьи, фактически отдѣлился отъ официальнаго «общества», забылъ про подати и отказался повиноваться свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Онъ не зналъ, чѣмъ замѣнить существующее, но былъ глубоко убѣжденъ, что все существующее никуда негодно, и потому отвергалъ его. И это беспощадное отрицаніе и составляетъ его силу, благодаря которой онъ дѣлаетъ въ Александровскомъ все, что хочетъ, и которой побаивается даже самъ господинъ становой.

II.

Что съ Иваномъ произошла «притча», это обнаружилось въ церкви, во время произнесенія о. Іоанномъ Любомудровымъ проповѣди. Проповѣдь была написана на тему о безкорыстіи, тему, которую очень любилъ смаковать батюшка. На этотъ разъ, однако, ему невольно пришлось сократить потокъ своего краснорѣчія. Едва только проповѣдникъ успѣлъ выяснить предметъ своей проповѣди, какъ Иванъ закричалъ во все горло:

— Не слушайте его, православные! Ему хорошо толковать, когда у него въ банкѣ пятьдесятъ тысячъ... Ишь онъ пузо-то какое нагулялъ! А посидѣлъ бы онъ на хлѣбѣ съ мякиной!..

Всѣ присутствующіе растерялись и не знали, что дѣлать. Прежде всѣхъ оправился становой и закричалъ сотскимъ:

— Взять его!..

— Кого? Меня взять? обернулся Иванъ къ становому;—это тебя, подлеца, нужно взять...

Становой позеленѣлъ отъ злости: никогда еще не случилось съ нимъ такого афронта.

— Взять его! бить его! кричалъ онъ сотскимъ и уряднику.

Но не успѣли подчиненные станового привести въ исполненіе его приказаніе, какъ Иванъ, со словами: «а, такъ меня бить? такъ вотъ же тебѣ!» бросился на начальника и началъ осыпать его ударами. Произошла безобразная сцена, окончившаяся тѣмъ, что на Ивана напали всѣ близъ стоявшіе, одолѣли его и вытащили изъ церкви. Тщедушный становой очень пострадалъ во время свалки, но еще болѣе пострадалъ Иванъ. Его, страшно избитаго, бросили въ «холодную», а чрезъ нѣсколько дней отправили въ губернской острогъ.

Началось дѣло. Самый фактъ насилія, совершеннаго Иваномъ, казался всѣмъ такимъ страннымъ и дикимъ (какъ потому, что не былъ вызванъ ничѣмъ, такъ и по самой обстановкѣ, при которой совершился), что съ самаго же начала дѣла у всѣхъ лицъ, отъ которыхъ теперь зависѣла судьба преступника, явилось сомнѣніе въ нормальномъ состояніи его психики. Сомнѣніе это еще усилилось при ближайшемъ знакомствѣ съ Иваномъ на допросахъ. Иванъ держалъ себя грубо, отвѣчалъ дерзко, позволялъ себѣ, ни съ того, ни съ сего, выходки вродѣ слѣдующей:

— Знаю я васъ, обдираль, говорилъ онъ на первомъ же

допросѣ слѣдователю: — за деньги вы и въ Сибирь челоуѣка сошлете, и совсѣмъ оправите... Только я вамъ и гроша не дамъ!

— Да съ тебя никто не хочетъ ничего брать, успокоивай Ивана слѣдователь.

— Толкуй тамъ! Мы тоже кой-что видали... Всѣ вы на одинъ *солтыкъ!*..

Когда Ивана спросили, за что онъ билъ становаго, онъ категорически заявилъ:

— А за то, что онъ — разбойникъ...

— Какой-же онъ разбойникъ? Что-же онъ такое сдѣлалъ? допытывался слѣдователь.

— А вы развѣ не знаете, что онъ дѣлаетъ? возразилъ Иванъ и пристально посмотрѣлъ на слѣдователя.

Слѣдователь нѣсколько смутился: онъ дѣйствительно зналъ кое-что, рисовавшее становаго не въ хорошемъ видѣ. Отъ Ивана не укрылось смущеніе слѣдователя, и онъ презрительно замѣтилъ:

— А тоже спрашиваетъ, будто и вправду ничего не слыхалъ... Всѣ вы другъ за дружку стоите!..

— Нѣтъ, Иванъ, видишь-ли, нужно твое показаніе въ протоколъ занести...

— А на что мнѣ ваши протоколы?..

— Да, вѣдь, пойми, — тебѣ будетъ плохо, если не найдется смягчающихъ обстоятельствъ... Вѣдь, ты на каторгу угодишь!..

— Эка испугалъ! Нашему брату вездѣ каторга...

Пробовалъ слѣдователь спрашивать Ивана, зачѣмъ онъ вздумалъ справляться съ становымъ именно въ церкви.

— Ну, положимъ, ты злился на становаго, начиналъ слѣдователь.

Но Иванъ тотчасъ-же перебивалъ его:

— Чего мнѣ на него злиться? Если на всѣхъ васъ злиться, такъ и злости не хватить...

— Ну, хорошо, хорошо!.. А зачѣмъ же ты, все-таки, въ церкви сталъ бить становаго, а не въ другомъ мѣстѣ?

— Ну, а что-жь, что въ церкви?

— Какъ что? Вѣдь церковь — святое мѣсто?

— Было святое.

— А теперь?

— А знаешь, кто у насъ попомъ?

— Знаю; что-же въ немъ особеннаго?

— Затѣмъ особенный, — обнаковенный...

— Ну, и что-же?

— И больше ничего...

Слѣдователь начиналъ сердиться.

— Ну, а попу-то ты затѣмъ помѣшалъ проповѣдь говорить? спрашивалъ онъ уже раздраженнымъ тономъ.

Иванъ тоже сердился.

— И чего ты присталъ ко мнѣ, какъ банный листъ... Маленькое дите ты, что-ли, что тебѣ нужно все рассказывать?.. Отвяжись!..

Слѣдователь горячился, убѣждалъ, грозился... и добился, наконецъ, того, что Иванъ вышелъ изъ себя и заявилъ ему:

— Поколочу я и тебя, если не отстанешь: все равно разомъ за все въ Сибирь пойду...

Возбудили вопросъ объ умственныхъ способностяхъ Ивана. Комиссія врачей освидѣтельствовала его и признала умалишеннымъ. Изъ острога Ивана перевели въ желтый домъ, а черезъ мѣсяцъ онъ былъ отправленъ на родину.

Послѣднее обстоятельство произошло потому, что за содержание Ивана въ домѣ умалишенныхъ некому было платить. Обыкновенно плательщикомъ въ подобныхъ случаяхъ является сельское общество; но александровцы рѣшительно отказались взвалить на свои плечи новый расходъ, на томъ основаніи, что Иванъ *для общества безвреденъ*. Такое рѣшеніе александровскаго общества, помимо экономическихъ расчетовъ, обусловливалось также тѣмъ, что потерпѣвшія отъ Ивана лица популярностью въ населеніи отнюдь не пользовались, и поступокъ Ивана если и не вполне одобрялся александровцами, то и въ особое негодованіе ихъ не приводилъ.

III.

Возвратившись на родину, Иванъ повелъ крайне оригинальный образъ жизни. Семью онъ бросилъ, заявивъ, что она можетъ жить и безъ него, и отправился жить на гору, находящуюся недалеко отъ Александровскаго. Здѣсь онъ вырылъ себѣ пещеру. Пещера эта состоитъ изъ двухъ комнатъ: передняя, побольше, служить для Ивана какъ бы пріемной, гдѣ онъ принимаетъ посѣтителей, а задняя, поменьше, служить соб-

ственно жилищемъ. Жилище это вполнѣ напоминаетъ логово дикаря: никакихъ удобствъ, никакихъ приспособленій въ немъ нѣтъ, не видно никакой мебели, никакой посуды; нѣтъ печи, нѣтъ оконъ. Свѣтъ проникаетъ въ пещеру только черезъ дверь, и, когда она бываетъ заложена двумя досками, въ пещерѣ царитъ мракъ. Спитъ Иванъ прямо на земляномъ полу. Въ одномъ углу пещеры онъ положилъ два камня и на нихъ разводитъ огонь; огонь служитъ ему не для варки пицци, а исключительно для согрѣванія пещеры и для освѣщенія ея въ длинные зимніе вечера.

Ходитъ онъ нечесаный, грязный, оборванный; ноги постоянно, зиму и лѣто, босая (потому-то онъ теперь и извѣстенъ подъ именемъ Ивана Босого). Одежда, которую онъ носитъ, плохо прикрываетъ его тѣло, но онъ на это не обращаетъ никакого вниманія. На него не дѣйствуетъ ни холодъ, ни жаръ, ни вѣтеръ, ни дождь, ни снѣгъ. Когда его спрашиваютъ, неужели ему нехолодно, онъ съ какою-то странною улыбкою отвѣчаетъ:

— Дуракамъ Богъ помогаетъ!..

Питается онъ чѣмъ и когда придется. Его охотно кормятъ, но онъ не отъ всякаго соглашается брать пиццу и многихъ филантроповъ даже всячески ругаетъ въ отвѣтъ на доброжелательное предложеніе. Въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ извѣстнаго рода тенденцію: онъ охотно обѣдаетъ у бѣдныхъ александровцевъ, съ неудовольствіемъ принимаетъ приглашенія среднесостоятельныхъ мужиковъ, а богачей осыпаетъ ругательствами всякій разъ, когда они рѣшаются предложить ему денежное или съѣстное подаяніе.

Какого-либо опредѣленнаго занятія Иванъ на себя не взялъ. Онъ не отказывается поработать въ какомъ-либо бѣдномъ дворѣ, если видитъ, что этому двору нужно помочь. Но никогда онъ не соглашается работать по найму, за деньги или за какія-нибудь вещи. Вообще же работаетъ онъ мало, а большую часть времени тратитъ на «обличенія», какъ выражается мѣстный дьячекъ. Онъ бродитъ по Александровскому и сосѣднимъ селамъ и придирается къ разнымъ лицамъ, кого онъ считаетъ нужнымъ поучить: кому притчу расскажетъ, кого обругаетъ, а кого и просто поколотитъ. Онъ любитъ, чтобъ его считали «дурачкомъ» и пользуется этимъ, безнаказанно совершая все, что ему хочется.

Одни, дѣйствительно, считаютъ его помѣшаннымъ. Другіе зовутъ его «блаженненькимъ», придавая этому слову смыслъ «юродиваго». Есть такіе, которые (особенно, бабы) считаютъ его святымъ. Но есть, наконецъ, люди (и такихъ среди александровцевъ немало), которые вполне убѣждены, что Иванъ только «дурака корчить», а что, въ дѣйствительности, онъ очень умный и хитрый человѣкъ.

По понедѣльникамъ въ Александровскомъ бываетъ базаръ. Базаръ этотъ является базаромъ для всего уѣзда. Въ этотъ день на александровскомъ выгонѣ собирается такая масса народу, какая рѣдко бываетъ на самыхъ большихъ ярмаркахъ нашей губерніи. Иванъ выходитъ на базаръ съ псалтыремъ, становится гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ и начинаетъ читать. Вокругъ него скоро собирается толпа слушателей; послушавъ нѣкоторое время, они уходятъ, положивъ сколько нибудь денегъ на псалтырь, а на ихъ мѣсто приходятъ другіе. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока Иванъ не прекращаетъ чтенія, и все это время онъ бываетъ окруженъ массою народа. Читаетъ Иванъ, почти безъ перерывовъ, съ ранняго утра до полдня, и за это время собираетъ довольно значительное количество денегъ. Въ полдень онъ прекращаетъ чтеніе и начинаетъ раздавать собранныя деньги пришлымъ нищимъ, а также бѣднѣйшимъ александровцамъ. Себѣ онъ не оставляетъ ни копѣйки.

Неудивительно, что, въ виду подобныхъ фактовъ, большинство александровцевъ любитъ Ивана и далеко не всѣ считаютъ его «блаженненькимъ» или «дурачкомъ». А такихъ фактовъ бываетъ множество. Иванъ вообще очень изобрѣтателенъ по этой части. Однажды, дня за два передъ Рождествомъ, онъ явился къ Распоясову и заявилъ ему:

— А я тебя хочу поджечь.

— Какъ поджечь?..

— Да такъ, придетъ вотъ весна—и подожгу...

Распоясовъ испугался: онъ былъ увѣренъ, что Иванъ въ состояніи исполнить самыя безумныя угрозы.

— Да съ чего ты это? Обидѣлъ я тебя, что-ли?

— Обидѣлъ не обидѣлъ, а если выкупа не дашь, подожгу.

— Какой же тебѣ выкупъ?

— Кабана...

— Какого кабана?

— Да что ты трехъ палилъ, такъ одного...

— Да на что тебѣ кабанъ?

— А это ужь мое дѣло...

— Возьми лучше деньгами: трешницу дамъ...

— Говорю тебѣ: давай кабана... да давай скорѣй, а то уйду, тогда хоть проси, не проси, не возьму...

Распоясовъ поежился, поежился и къ концу концовъ согласился.

— Ну, такъ ужь ты мнѣ и лошадь съ дрогами дай, — на базаръ кабана свезть, попросилъ Иванъ.

— Что-же это ты, — торговать хочешь?

— Торговать; хочу капиталы наживать...

Привезши кабана, разрѣзаннаго на части, на базаръ, Иванъ «кликнулъ кличъ»:

— Эй! у кого свининки нѣтъ къ праздничку, — подходи, получай!..

И онъ роздалъ всего кабана бѣднякамъ.

Сунулись было за свининкой двое десятскихъ, но Иванъ набросился на нихъ и чуть не избилъ палкой.

— Ахъ, вы природы этакіе, живодеры! кричалъ онъ: —туда же .Иазаря поють, проклятые!..

Вотъ этакіе-то факты и были причиною громадной популярности Ивана въ Александровскомъ.

Когда онъ долго не показывался на селѣ, многіе приходили къ нему въ пещеру. Здѣсь онъ держалъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ въ селѣ: не ломался, былъ серьезенъ, не ругался, любилъ разговаривать по душѣ и о душѣ. Посѣтителей у него бывало множество. Одни приходили къ нему съ горемъ, какъ къ человѣку святому, горюющему общимъ горемъ и печалющемуся за всѣхъ. Другіе спрашивали у него практическихъ совѣтовъ и указаній, довѣряя его уму, и хотя его совѣты были всегда облечены въ форму аллегоріи, спрашивавшіе оставались довольны. Бабы приходили посмотреть на него, какъ на «блаженненькаго», котораго даже «холодъ боится». Последнее онѣ вывели изъ того, что Иванъ простаивалъ обѣдни возлѣ церкви, стоя босикомъ по колѣно въ снѣгу. Фактъ этотъ очень поражалъ бабъ и онѣ относились къ Ивану съ глубокимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ.

Изъ всѣхъ своихъ посѣтителей Иванъ больше всѣхъ любилъ шалапутовъ. Самъ онъ не былъ шалапутомъ, не бывалъ на ихъ

собраніяхъ, не принималъ участія въ разныхъ шалапутскихъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, въ кассѣ, и вообще стоялъ въ сторонѣ отъ шалапутской общины. Но, тѣмъ не менѣе, отношенія между нимъ и шалапутами были самыя превосходныя. Для шалапутовъ онъ былъ всегда дорогимъ гостемъ и желаннымъ собесѣдникомъ; они любили его и заботились о немъ, насколько это было возможно при его нежеланіи принимать чьи бы то ни было заботы. Въ свою очередь Иванъ любилъ шалапутовъ и стоялъ за нихъ горой. При немъ нельзя было дурного слова сказать о шалапутяхъ: онъ набрасывался съ палкой на хулителя и избивалъ его. Палка Ивана была хорошо извѣстна всему Александровскому и часто пускалась въ ходъ. Самъ Иванъ очень дорожилъ своей палкой, которая, по его словамъ, была получена имъ отъ какой-то старушки, а та принесла ее изъ Кіева. Особенно много пострадалъ отъ этой замѣчательной палки одинъ мужиченко, Илья Вавиловъ. Илья былъ прежде шалапутъ, но не могъ вынести строгаго образа жизни шалапутовъ,—онъ страдалъ слабостью къ вину,—и снова перешелъ въ православіе. Священникъ воспользовался этимъ единственнымъ случаемъ обращенія шалапуты въ православіе и уговорилъ Илью продиктовать ему свою «исповѣдь», подробный рассказъ о томъ, какъ онъ сдѣлался шалапутомъ и что видѣлъ во время пребыванія въ шалапутствѣ. «Исповѣдь» эта была представлена какъ доказательство миссіонерской дѣятельности, и затѣмъ была напечатана въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Вся эта исповѣдь состояла изъ цѣлаго ряда доносовъ на александровскихъ шалапутовъ, и въ особенности на ихъ главу, родного брата Ильи, Василю Вавилова. Вотъ за этотъ-то доносъ Иванъ и не могъ терпѣть Илью; онъ просто не могъ выносить его присутствія. Всякій разъ, когда они встрѣчались, Иванъ безъ пощады билъ ренегата своей палкой до тѣхъ поръ, пока тотъ не убѣгалъ. Бѣдный Илья былъ доведенъ этимъ битьемъ до такого напуганнаго состоянія, что постоянно озирался и высматривалъ, нѣтъ-ли гдѣ Ивана. Только въ пьяномъ состояніи онъ имѣлъ смѣлость не избѣгать своего гонителя, такъ какъ въ этихъ случаяхъ Иванъ не трогалъ его, а, обругавши хорошенько, самъ уходилъ прочь.

IV.

Бабы, посѣщавшія Ивана въ пещерѣ, приносили ему сюда иконы. Это былъ единственный путь, которымъ бабы могли выразить Ивану свое доброжелательство, такъ какъ онъ никакихъ иныхъ подарковъ не принималъ. Однѣ изъ этихъ иконъ презентовались Ивану какъ «священные», т. е. принесенныя изъ Кіева, Моздока и другихъ святыхъ мѣстъ; другія хотя и покупались въ мѣстныхъ лавкахъ, но принимались Иваномъ какъ жертвуемая отъ «чистаго сердца». Всѣ эти иконы Иванъ ставилъ въ передней половинѣ своей пещеры, и такъ какъ каждая баба считала своею обязанностью пожертвовать Ивану хоть одну икону, а нѣкоторыя приносили по двѣ и даже по три, то скоро ими были уставлены до самаго верху двѣ боковыя стѣнки пещеры.

Узналъ о иконахъ батюшка, — тотчасъ-же въ его воображеніи нарисовался цѣлый рядъ ужасныхъ картинъ. Представилось ему, что пещера Ивана служить чѣмъ-то въ родѣ модельни для какой-то новой секты и что Иванъ отправляетъ въ ней нѣчто въ родѣ богослуженія. Самое это предполагаемое богослуженіе рисовалось въ видѣ какого-то безшабашнаго разгула, дикой пляски, хлыстовскаго культа. Вѣрнѣе-ли батюшка всему этому или онъ все это выдумалъ, чтобы былъ предлогъ придратъся къ Ивану и отомстить за его «обличенія», только онъ всѣмъ выражалъ свое возмущеніе тѣмъ «поруганіемъ, которому предаются святые иконы» въ пещерѣ Ивана, и, наконецъ, обратился за «содѣйствіемъ» къ становому. Становой еще не забылъ стараго и потому былъ радъ насолить ему хоть чѣмъ-нибудь. Собравши толпу низшихъ полицейскихъ чиновъ, — урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ, а также захвативши соотвѣтствующее количество понятыхъ, становой двинулся къ жилищу Ивана для производства обыска. Какъ-то случилось, что на селѣ узнали о намѣреніи станового раньше, чѣмъ оно было приведено въ исполненіе, и такъ какъ въ Александровскомъ никогда никакихъ обысковъ не производилось, то александровцы вообразили Богъ знаетъ что. Сейчасъ-же начали передавать изъ устъ въ уста рассказъ о какомъ-то священникѣ, который уронилъ чашу со святыми дарами и котораго за это «увезли» въ темной каретѣ. Куда увезли—объ этомъ не спрашивалось, такъ какъ и такъ было понятно, что нѣ въ

хорошее мѣсто. Такая-же участь предполагалась и для Ивана. Это было жутко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытно. И вотъ толпы александровцевъ потянулись по направленію къ Ивановой пещерѣ. Многихъ, конечно, кромѣ любопытства, влекла и жалость къ Ивану: его очень жалѣли въ толпѣ, и жалѣли искренно.

Когда становой съ своей свитой явился къ пещерѣ и увидѣлъ, что она окружена массою народа, онъ нѣсколько смутился. Но оказалось, что его воображеніе слишкомъ поспѣшило, такъ какъ любопытные александровцы не только не оказали никакого сопротивленія, но еще помогали выносить изъ пещеры иконы и потомъ несли ихъ къ селу.

Иконы были отнесены въ церковь и здѣсь поставлены въ алтарь. Такимъ исходомъ дѣла осталось очень довольно начальство. Не замѣчалось особаго недовольства и среди александровцевъ, которые еще шутили по этому поводу: «вотъ намъ и лишній праздничекъ!» говорили они. Оказался только одинъ недовольный этой исторіей, — Иванъ.

Онъ страшно злился и сталъ необыкновенно мраченъ. На селѣ онъ почти не показывался и все время проводилъ въ своей пещерѣ. Съ посѣтителеми онъ также сталъ не разговаривать. Очевидно онъ задумывалъ что-то, какой-то планъ мести, и разрабатывалъ этотъ планъ въ подробностяхъ.

Однажды, тотчасъ послѣ обѣдни, при которой присутствовали и Иванъ, священникъ съ дьячкомъ отправились причащать какого-то больного. Сторожа, почему-то, въ церкви не было. Этимъ случаемъ воспользовался Иванъ и пробрался въ алтарь. Здѣсь онъ снялъ съ престола евангеліе и антиминсъ, а съ жертвенника дарохранительницу, лжицу, запасную чашу, взялъ крестъ и много другихъ вещей и все это сложилъ въ полу своего бешмета. Изъ церкви ему удалось выйти тоже незамѣченнымъ, и кража была обнаружена только черезъ часъ, когда вернулся священникъ. Поднялась тревога. Священникъ въ отчаяніи рвалъ на себѣ волосы. Дьячекъ и сторожъ бѣжали по селу и спрашивали, не видали-ли кого-нибудь съ церковными вещами. Церковныхъ вещей не видалъ никто, но зато видѣли, какъ Иванъ поспѣшно бѣжалъ съ чѣмъ-то, завернутымъ въ полу. Всѣ тотчасъ-же поняли, что это дѣло Ивана. Узнавъ, что онъ бѣжалъ по направленію къ пещерѣ, бросились туда. За селомъ, не доходя пещеры, былъ колодезь, и

здѣсь-то нашли часть похищенныхъ предметовъ, изломанными и изорванными. Другую часть нашли въ самой пещерѣ. Иванъ, конечно, былъ арестованъ и посаженъ въ «холодную».

Первымъ подвергъ его допросу становой.

— Какъ ты смѣлъ совершить такое страшное кощунство?

— А ты какъ смѣлъ забрать у меня иконы? отвѣчалъ Иванъ.—Я сдѣлалъ то же, что и ты: ты забралъ у меня да отнесъ въ церковь, а я забралъ въ церкви и принесъ къ себѣ,— вотъ мы и квиты.

— Но, вѣдь, ты укралъ священные предметы?

— А мои иконы были грѣшныя, что-ли?

Исторія выходила крупная. Священникъ боялся, чтобы его за нее не разстригли: онъ сознавалъ, что самая возможность кощунства обусловливалась его отношеніемъ къ своему дѣлу и предугадывать, что архіерей непременно обратитъ свое вниманіе на то обстоятельство, что растворенная церковь могла оставаться безъ всякаго присмотра. Въ результатъ такихъ соображеній священника явилась конфиденціальная бесѣда съ становымъ, послѣ которой изъ акта, составленнаго по поводу кощунства Ивана, исчезло упоминаніе объ антиминсѣ, евангеліи, дарохранительницѣ и другихъ болѣе важныхъ предметахъ и осталось только обвиненіе Ивана въ кражѣ *трикирія*, какого-то *плат* и креста, и притомъ не изъ алтаря, а съ клироса.

Опять повезли Ивана въ губернской острогъ и опять стали подвергать допросамъ. На всѣ вопросы слѣдственной власти Иванъ отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ, и какъ ни бился съ нимъ слѣдователь, онъ не услышалъ отъ Ивана ни слова. Снова подвергли его медицинскому освидѣтельствуванію и снова онъ очутился въ домѣ умалишенныхъ. Опять пошла переписка, снова отъ александровскаго общества начальство требовало уплаты денегъ за содержаніе Ивана въ желтомъ домѣ и снова александровцы упорно отказывались отъ этой уплаты. Убѣждалъ ихъ становой, убѣждалъ мировой посредникъ,—александровцы не поддавались и стояли на своемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Иванъ снова былъ «водворенъ на жительство» въ свое село.

V.

Съ этого времени Иванъ сталъ необыкновенно смѣлъ и дерзокъ. Батюшку онъ просто тѣснить на каждомъ шагу, и

тотъ все молча сносить. Не разъ Иванъ прерываетъ его проповѣдь самыми язвительными замѣчаніями,—и о. Іоаннъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ, и продолжаетъ проповѣдь какъ ни въ чемъ не бывало. Много достается отъ Ивана также мѣстнымъ комерсантамъ. Придетъ онъ къ лавкѣ Распоясова или кого другого и начинаетъ:

— Эй ты, толстопузый, иди-ка сюда, будемъ съ тобой разговоръ имѣть...

«Толстопузый» знаетъ по опыту, какой характеръ будетъ имѣть этотъ разговоръ, и потому молчитъ и остается въ лавкѣ.

— Ну, что-же ты не вылазишь изъ своей берлоги? кричитъ между тѣмъ Иванъ:—совѣсть что-ли тебя зазрила, что ты на свѣтъ Божій боишься выглянуть?

На крикъ Ивана собираются любопытные. Иванъ обращается къ нимъ.

— А что, ребята, на чемъ эти лавки выстроены?

— На землѣ! отвѣчаетъ кто-нибудь изъ толпы.

— Экъ, хватилъ!.. На землѣ! Дурачье вы безмозглое!.. На вашихъ хребтахъ эти хоромы выстроены—вотъ на чемъ.^а

Въ толпѣ раздается гулъ подтвержденія. Распоясовъ этого не выносить и какъ ужаленный выскакиваетъ изъ лавки.

— Такъ на вашихъ хребтахъ я выстроилъ лавки? Ахъ, вы черти этакіе!.. Да вы-бъ пропали безъ меня пропадомъ! Кто васъ выручаетъ-то, какъ подати придетъ время платить, либо скотина падетъ, а?!. Кто вамъ хлѣбъ зимой даетъ? Вѣдь вы съ голоду подошли-бы!..

— Ну, ты тоже, дуже ужъ кабенишься! выражаетъ свое неудовольствіе толпа:—отчего у насъ хлѣба не хватаетъ? Вѣдь, ты-жь зимою у насъ его за долги отбираешь да въ полцѣны ставишь...

— Ахъ, вы идолы этакіе! горячитя Распоясовъ.

— Самъ ты идолъ! отвѣчаетъ толпа:—ишь, нашимъ потомъ разжирѣлъ да еще измывается всячески!..

Начинается ругня по всѣмъ правиламъ искусства. Иванъ еще подливаетъ масла въ огонь.

— Такъ его, православные, хорошенько! А то онъ скоро живьемъ глотать всѣхъ будетъ...

И затѣмъ отправляется ругаться къ другому комерсанту.

По отношенію къ полиціи Иванъ просто безчинствуетъ. За десятскими онъ постоянно гоняется съ палкою, и тѣ спасаются

отъ него только благодаря быстротѣ своихъ ногъ. Урядникъ боится показаться ему на глаза. Самого станового онъ не разъ ругаль всячески и грозилъ рано или поздно «добраться» и до него. И, наконецъ, добрался.

Дѣло было на пожарѣ. Горѣлъ бѣдный мужикъ, жившій на самомъ краю села. Самое дѣятельное участіе въ тушеніи пожара принималъ Иванъ. Онъ лазилъ въ самый огонь и спасалъ все, что было можно спасти. Онъ закоптился сажей, раскраснѣлся отъ жара; нѣсколько разъ загорались его лохмотья. Когда пожаръ уже кончился, онъ отбѣжалъ въ сторону и сѣлъ отдохнуть. Въ это время явился становой, только что кончившій пулюку съ слѣдователемъ и мировымъ судьей. Хотя пожаръ былъ уже почти совсѣмъ прекращенъ, становому, тѣмъ не менѣе, захотѣлось показать свою распорядительность. Увидавъ, что какой-то мужиченка сидитъ спокойно въ сторонѣ и не помогаетъ тушить, онъ подбѣжалъ къ нему и схватилъ его за шиворотъ.

— Ты что же, такой-сякой, такъ тебя развѣтакъ, не тушишь... ступай туши!..

И толкнулъ мужика въ затылокъ.

Иванъ, который и былъ этимъ подвернувшимся мужиченкой, разсвирѣпѣлъ. Обернулся онъ, да какъ становому размахнется... Тотъ такъ кубаремъ и полетѣлъ.

Становой былъ что называется «на чеку». Объ его подвигахъ производилось негласное дознаніе, и онъ боялся слетѣть съ мѣста. А тутъ новый скандалъ! Узнаеть губернаторъ — и фить!

Все это быстро промельнуло въ головѣ станового, когда онъ поднялся съ земли. И онъ, оглянувшись, замѣтилъ только:

— Ну, Иванъ, никому не говори!..

И отправился ближе къ пожару...

Вскорѣ послѣ этой исторіи у Ивана произошло новое столкновеніе.

Отправился онъ по уѣзду. Въ одномъ селѣ его оборванный костюмъ показался подозрительнымъ мѣстному уряднику, и тотъ потребовалъ у него паспорта.

— Есть у тебя видъ? спрашиваетъ урядникъ Ивана.

— А у тебя есть видъ? отвѣчалъ Иванъ.

— Какой у меня видъ? удивился урядникъ.

— А у меня какой?

„Дѣло“, № 11, 1882 г. I.

— Да ты знаешь съ кѣмъ говоришь? разсвирѣпѣлъ урядникъ.

— А ты знаешь съ кѣмъ говоришь?, не менѣе задорно спрашиваетъ Иванъ.

— Ахъ, ты негодай! сволочь!

— Ты самъ сволочь!..

— А, такъ ты вотъ какъ!..

И урядникъ схватилъ за шиворотъ Ивана. Иванъ въ свою очередь схватилъ урядника. На помощь уряднику уже бѣжали низшіе полицейскіе чины; они сбили Ивана съ ногъ и стали бить его. Оправившійся урядникъ принялъ участіе въ избіеніи. Били долго и безжалостно, пока Иванъ не потерялъ сознанія. Тогда его бросили въ «темную», а когда онъ пришелъ въ себя, отправили въ «уѣздъ».

Исправникъ съ важностью началъ допрашивать его.

— Какъ-же ты смѣлъ оскорблять урядника?

— А отчего васъ, дьяволовъ, не оскорблять? серьезно замѣчаетъ Иванъ.

— Да ты какъ смѣешь со мной такъ разговаривать?

— А ты какъ смѣешь со мной такъ разговаривать?

Исправникъ только плюнулъ и велѣлъ вытолкать Ивана изъ «присутствія».

— Ты толкать-то меня толкай, а палку мою все-таки отдай!

— Какую тамъ еще палку?

— Такую!.. Ироды-то твои у меня взяли, какъ били!..

— Ну, убирайся! Какая еще палка!..

— Я уберусь, а ты палку мнѣ подай! Она, можетъ, мнѣ дороже тыщи рублей!..

— Пошелъ вонъ!.. Гоните его! приказалъ исправникъ сторожамъ.

Ивана вытолкали изъ присутствія. Но онъ не унимался и кричалъ уже на улицѣ:

— Такъ что же вы, черти эдакіе, замотать палку-то хотите?.. Нѣтъ, шалишь! Я на тебя найду управу... Палка-то, она изъ Кіева, а не то чтобы какая-нибудь!..

Въ это время въ Александровскомъ проживалъ ученый агрономъ, командированный сюда для изученія какого-то насѣкомаго, истреблявшаго хлѣба. Иванъ видѣлся съ нимъ ранѣе и почувствовалъ къ нему уваженіе за его ученость. Вотъ къ нему-то и отправился Иванъ съ жалобой на исправника.

— Скажи мнѣ, прямо приступилъ Иванъ къ дѣлу;—возмо-ли подавать на исправника просьбу?

— Можно.

— А кому?

— Губернатору надо.

— Ну, а губернаторъ этотъ тоже въ родѣ какъ бы членъ какой?

— Да въ родѣ какъ членъ. Чиновникъ...

— Ну, такъ, стало быть, не стоитъ.

— А ты за что хотѣлъ жаловаться на исправника? поинтересовался агрономъ.

— Да видишь-ли, какая исторія...

И Иванъ разсказалъ про свое столкновеніе съ урядникомъ.

— Главное, палку-то мнѣ жалко, закончилъ разсказъ Иванъ:—палку-то мнѣ, вѣдь, изъ Кіева бабушка одна принесла...

— Ну, если только изъ-за одной палки, то просьбы, дѣйствительно, не стоитъ подавать.

— Не воротишь, стало быть, палки-то?

— Не воротишь...

— Ишь ты! Стало быть, правды-то нигдѣ нѣтъ? — То-то и я такъ соображаю: нигдѣ, молъ, правды нѣтъ... И какая со мною, братъ, исторія была, просто чудно говорить. Иду это я, братецъ ты мой, и слышу, кто-то зоветъ меня: «дядя Иванъ! дядя Иванъ!» Да такой-то тоненькій голосокъ!.. Я гляжу туды-сюды, — никого нѣтъ. Что такое, думаю, за притча? А онъ опять кричитъ: «дядя Иванъ! а, дядя Иванъ!» Глядь, а это ракъ: ползетъ, братецъ ты мой, по дорогѣ да и зоветъ меня. Что, говорю, тебѣ нужно? А онъ и говоритъ: «возьми ты меня съ собой, давай вмѣстѣ жить!» Да съ чего ты это? спрашиваю. — «А съ того, говоритъ, что нельзя мнѣ больше въ водѣ жить: не стало у насъ правды». — Да отчего это? говорю. — «А оттого, говоритъ, что Распоясовъ плотину больно высоко на своей мельницѣ поднялъ: намъ-то, говоритъ, хорошо, мѣста больше подъ водой стало, а вотъ мужичкамъ обидно стало, — покосы ихніе затопило. Ну, вотъ, говоритъ, я и убѣждалъ изъ рѣчки-то, чтобъ въ одной компаніи съ разбойникомъ не быть»... Это онъ Распоясова разбойникомъ-то называетъ... «Возьми, говоритъ, ты меня съ собой: потому другіе-то пусть какъ хотятъ, а мнѣ больше несподручно жить въ рѣчкѣ, — совѣсть, говоритъ, зазреть»... Ну, и взялъ я его и отнесъ въ управленіе...

Иванъ говорилъ все это съ самымъ серьезнымъ лицомъ. Агрономъ слушалъ тоже серьезно, но подь конецъ улыбнулся.

— А ты чего смѣешься? съ неудовольствіемъ спросилъ Иванъ: думаешь, — брешу? Поди-ка въ управленіе: тамъ ракъ въ казенной бумагѣ припечатанъ лежитъ... А ты лучше скажи, какъ по твоему, по ученому: правильно-ли ракъ разсудить на счетъ правды-то?

— Кажется, правильно...

— Ну, вотъ ты и мотай это на усъ...

И Иванъ повернулся и ушелъ; а агрономъ невольно задумался надъ его судьбой: долго-ли, думалъ онъ, будутъ терпѣть Ивана въ селѣ, или, наконецъ, его спустятъ.

Я. Абрамовъ.

БОГЪ СНА.

Новелла въ стихахъ, Поля Гейзе.

Отъ духоты и уличнаго шума
Неаполя, скрываясь, какъ-то разъ,
Я за-городъ направился. Хотѣлось
Мнѣ свѣжестью вечерней подышать
И побродить по берегу морскому,
Прекраснѣйшему въ мѣрѣ. На челѣ
Волгана гасъ послѣдній отблескъ дня,
И пурпурнымъ сіяніемъ облить
Сорренто берегъ высился скалистый.
Изъ всѣхъ садовъ несло благоуханье
Навстрѣчу мнѣ. Безъ цѣли шелъ впередъ
Я, но найти желаемой прохлады
Не могъ, средь улицъ зноемъ раскаленныхъ.
Гдѣ желтый пыли столбъ, слѣпя глаза,
Вставалъ и опускался каждый разъ,
Когда, звеня бубенчиками, мимо
Телѣжка мчалась легкая. И вотъ
Я, наконецъ, ища уединенья,
Въ пустынный переулокъ повернулъ,
Тянувшійся межъ стѣнъ и приводившій
Къ полямъ, гдѣ чистый воздухъ ждалъ меня.
И тысячи шаговъ еще не сдѣлалъ
Я позади пустыхъ дворовъ и вилъъ,
Какъ былъ объять глубокой тишиной...
Передо мной тонула въ полусвѣтѣ
Нѣмая даль... И только трескотня
Кузнечиковъ молчанье нарушала:
А впереди меня блестяль свѣтлякъ
И словно мнѣ указывалъ дорогу.

Страна, казалось, вымерла. Нигдѣ
 Въ домахъ очагъ, привѣтливо пылая,
 Не звалъ къ себѣ. Ни у однихъ дверей
 За прялкой не сидѣла поселянка.
 Порой лишь въ темной комнатѣ нащѣвъ
 Чуть слышался... то молодая мать
 Свое дитя укачивала въ люлькѣ.
 И самъ я шель, какъ будто убаюканъ,
 Въ раздумьи тихомъ. Вдругъ мои мечты
 Шумъ голосовъ прервалъ и звонкій хохоть,
 И на краю дороги, предо мной
 Предсталъ красивый, загородный домигъ,
 Стоявшій противъ низенькой лачуги.
 Тамъ—на балконѣ дачномъ—молодой
 И стройный образъ женскій я замѣтилъ;
 А здѣсь—на кровлѣ плоской—хохоча
 И прыгая, два смуглыхъ мальчугана
 Бросали апельсины на балконъ.
 А мать ловила ихъ и отсылала
 Назадъ... И если золотистый плодъ,
 Не долетѣвъ до цѣли, по дорогѣ
 Катился, дѣти съ крикомъ, въ тотъ же мигъ,
 Другой срывали съ дерева, вершина
 Котораго до крыши достигала,
 И на балконъ летѣлъ ужъ новый мячъ.
 Тогда восторгъ дѣтей не зналъ предѣла.
 А я стоялъ, любуясь ихъ игрой.
 Когда же мать, присутствіе мое
 Замѣтивъ вдругъ, смутилась и хотѣла
 Прервать игру,—я продолжалъ свой путь,
 Чтобъ не мѣшать веселью ихъ, и долго
 Средь тишины вечерней мнѣ во слѣдъ
 Звучали дѣтокъ радостные крики.

Едва они затихли—услыхалъ
 Другіе я ласкающіе звуки:
 Журчаньемъ ключъ привѣтствовалъ меня.
 Разгоряченный долгою ходьбою,
 Я жажду радъ былъ утолить свою
 И поспѣшилъ на этотъ зовъ отрадный,
 Дивясь тому, что ключъ въ равнинѣ бьетъ.
 Пройдя немного, рощицу густую
 Увидѣлъ я средь поля. Темный миртъ,
 Оливы, лавръ, насаженные часто,

Въ ней разрослись, и древній саркофагъ,
 Котораго лѣпныя украшенья
 Не пощадила времени рука,
 Служилъ струямъ свѣжительнымъ оправой.
 Ключъ билъ изъ пасти льва; а позади
 Надъ мраморной гробницей возвышался
 Четырехгранный столбъ, мужскою головою
 Кончавшійся, подобно древнимъ Гермамъ.
 Она была вѣнкомъ изъ розъ покрыта,
 И два крыла шли отъ висковъ у ней.

Какая-то старушка на краю
 Бассейна, прислонясь къ столбу, сидѣла,
 Въ дремоту погруженная. Ее,
 Казалось, ключъ журчаньемъ убаювалъ.
 Войдя тихонько въ рошу, утолить
 Хотѣлъ я жажду, зачерпнувъ рукою
 Себѣ воды, и прочь уйти, покамѣстъ
 Старушка спитъ; но голову она
 Вдругъ подняла, и кроткимъ яснымъ взоромъ
 Привѣтливо взглянула на меня.

— «Вы пить хотите, ласково сказала
 Старушка мнѣ.—Возьмите, вотъ стаканъ.
 Изъ этого ключа я каждый вечеръ
 Напитокъ усыпляющій беру,
 И еслибы хоть разъ его лишилась,
 То вѣрно не заснула-бы въ ту ночь.»—
 И подала мнѣ, съ этими словами,
 Она стаканъ серебряный. Онъ старый,
 Но цѣнный былъ. Я очень удивился,
 Что поселянка пьетъ изъ серебра;
 Но, разсмотрѣвъ ее потомъ поближе,
 Я по ея одеждѣ заключилъ,
 Что не была она изъ деревенскихъ.
 Вуаль изъ черныхъ кружевъ покрывалъ
 Ея сѣдины; а межъ тѣмъ она,
 Ни говоромъ своимъ, ни обращеньемъ
 На женщинъ городскихъ не походила.
 Напился молча я, и, возвращая
 Назадъ стаканъ, сказалъ ей:—Вы себѣ
 Здѣсь уголокъ уютный отыскали,
 Чтобъ въ сумракѣ прохладномъ любоваться,
 Какъ vyplываетъ мѣсяцъ золотой.
 Прекрасенъ этотъ мраморный бассейнъ,

Что нѣкогда служилъ жилищемъ смерти
 И что теперь живительный источникъ
 Въ себѣ хранить. Но эта голова,—
 Скажите,—что она такое значить?
 И чья рука на строгое чело
 Вѣнокъ изъ розъ душистыхъ возложила?—
 Тутъ на меня она взглянула вновь,
 И, головой качая, отвѣчала:
 — «Какъ! Неужель богъ сна вамъ незнакомъ?
 Когда-то мой отецъ поляной этой
 Владѣль. Онъ былъ каменотесъ искусный.
 Охотно-бъ онъ за лучшій взялся трудъ,
 Ваять-бы сталъ изъ мрамора фигуры
 Людей красивыхъ, статуи боговъ,
 Какими восхищаются въ музеяхъ;
 Но бѣдность не давала. Каждый день
 Онъ въ городъ на тяжелую работу
 Ходить былъ долженъ. Въ это время я,
 Вдвоемъ оставшись съ матушкой, сдѣла
 За прялкой иль сажала что-нибудь
 У насъ въ саду, на грядкахъ. Но однажды,
 Когда я землю рыла, заступъ мой
 На что-то жесткое наткнулся... Дальше
 Я стала рыть—и эта голова
 Наружу вскорѣ вышла. Мой отецъ,
 Домой вернувшись вечеромъ, находкой
 Безмѣрно былъ обрадованъ. Онъ мраморъ
 Очистилъ и въ свободные часы
 Вотъ этотъ цоколь сдѣлалъ; а источникъ
 Зеленою листвою окружилъ.
 Здѣсь долгіе часы я проводила,
 Смотри на этотъ образъ, въ типинѣ.
 Меня черты прекрасныя и взглядъ,
 Исполненный невѣдомой печали,
 Влекли къ себѣ. И лучшіе вѣнки
 Свои ему сплетала я. Однажды
 Ученый, здѣсь изъ Рима проѣзжавшій,
 Взглянувъ на эту голову, сказалъ,
 Что богу сна она принадлежала.
 И лишь въ тотъ мигъ понятно стало мнѣ,
 Что такъ влекло меня неодолимо
 Къ нему всегда... и почему мнѣ снились
 Все свѣтлыя и радостныя сны.

Имъ—свѣтлымъ другомъ юности безпечной,
Имъ, были мнѣ ниспосланы они!»

— Но вотъ что мнѣ хотѣлось-бы, однакожь,
Отъ васъ узнать, сказали старушкѣ я.—
Вы добрая, конечно, католичка
И чтите Матерь Божью и святыхъ,
Но какъ-же съ нимъ они мириться могутъ,
Съ тѣмъ демономъ языческимъ, кому
Приносите вы въ жертву ваши розы?
Что говорить о томъ вашъ духовникъ?

Старушка, помолчавъ, мнѣ отвѣчала:

— «Не знаю я, что съ старыми богами
Исчезнувшими стало; на землѣ-ль
Здѣсь властвуютъ они—какъ злые духи,
Съ чертями-ли живутъ они въ аду,
И патерь мнѣ сказать не могъ объ этомъ.
Но отпустилъ мой грѣхъ онъ мнѣ охотно,
Когда ему покаялась я, чѣмъ
Обязана была чужому богу.

Ни ангеламъ Господнимъ, ни святымъ
Заботиться о нашихъ свахъ, быть можетъ.
Нѣтъ времени; такъ вотъ они пока
И терпятъ бога стараго, который
Во снѣ насъ бѣдныхъ смертныхъ утѣшаетъ...
Что онъ изъ «добрыхъ» духовъ—на себѣ,
Мой милый господинъ, я испытала.
И ни одинъ святой надъ человѣкомъ
Не могъ-бы чуда большого явить!»

— Ахъ! Если-бъ рассказать вы согласились,
Воскликнулъ я, что сдѣлалъ онъ для васъ;
Быть можетъ и меня вы обратили-бъ
Въ смиреннаго служителя его!
Я былъ всегда мечтателемъ и грезы
Всегда любилъ... Но радостей немного
Дарили мнѣ, къ несчастью, грезы тѣ!
Лишь то, что мной утрачено, являлось
Мнѣ въ нихъ... и силу ту, что мнѣ онъ
Ниспосылали,—не благословлять,
А проклинать я долженъ былъ скорѣе...
У насъ въ крови, быть можетъ, наши сны.
Вотъ вы всегда добры и кротки были,
А потому, лишь добрые во снѣ
Васъ посѣщали духи...

Тутъ опять,
 Взоръ опустивъ, старушка помолчала.
 Когда-жъ потомъ молчанье прервала,
 То въ старческихъ глазахъ ея, какъ будто,
 Свернули солнца юности лучи.
 — «Я васъ не знаю, милый господинъ,
 Но чувствую, что такъ вы говорите
 Не съ тѣмъ, чтобъ насмѣхаться надо мной;—
 Что горе есть у васъ и утѣшенья
 Вы жаждете, хотя-бы лишь во снѣ.
 И потому, я рассказать готова
 Вамъ о судьбѣ своей, чтобъ знали вы
 Что этотъ духъ могущественный, свѣтлый,
 Творить для тѣхъ, кто искренно къ нему
 Съ смиренною мольбою прибѣгаетъ.
 Я молода, неопытна была.
 Какъ истинная матушкина дочка,
 Застѣнчивой я выросла и робкой.
 Мужчины мнѣ не грезились во снѣ;
 И какъ могли-бы грезиться? Бывало
 Мать говорить: «Кто можетъ на тебѣ
 Жениться, Граціэлла? Бѣдны мы.
 Такъ берегись-же, дочка, дерзкихъ взглядовъ
 И льстивыхъ словъ, которыя бросать
 Тебѣ мужчины будутъ мимоходомъ»
 И цѣлне просиживала дни
 За прялкой я, усердная къ работѣ.
 А по ночамъ мечтала о лугахъ
 Цвѣтушихъ, о богатыхъ, пышныхъ платяхъ,
 О камняхъ драгоценныхъ, а подь-часъ—
 О лакомствахъ, о кушаньяхъ хорошихъ
 И поданныхъ на блюдахъ золотыхъ;
 Иль о большихъ, красивыхъ, пестрыхъ пти-
 цахъ,
 Которыя по воздуху меня
 Несли на крыльяхъ мягкихъ. Наконецъ,
 Семнадцать лѣтъ мнѣ минуло, въ убогомъ
 И низенькомъ домишкѣ при дорогѣ.
 Все это время вила, противъ насъ
 Стоявшая, пустою оставалась.
 Не нравилось ея владѣльцу жить
 Здѣсь, вдаль отъ моря, знойнымъ лѣтомъ.
 Судите-же, какъ удивилась я,

Когда однажды утромъ окна виллы
Открылись всё, и на балконѣ вдругъ
Мужчина появился. Онъ сидѣлъ,
Въ раздумьѣ грустномъ, блѣдною рукою
Поддерживая голову свою.

И сильно вдругъ мое забилося сердце;
Но почему—не знаю я сама.
Моложе и красивѣй незнакомца,
Мужчины увивалися за мной.
Онъ подъ окномъ моимъ, когда гвоздики
Свои я поливала, не бродилъ.
Потупившись, смотрѣлъ онъ молча въ землю...
Казалось, онъ желалъ, чтобы разверзлась
Земля подъ нимъ и чтобъ она его,
Съ его печалью вмѣстѣ, поглотила.
Изнеможенный, блѣдный, походилъ
Лицомъ онъ на больного лихорадкой.
Глубокая тоска затаена
Была въ усталыхъ взорахъ незнакомца.
Когда-жъ онъ всталъ и въ комнаты пошелъ,
Я видѣла, что не-хотя и вяло
Передвигалъ онъ ноги. Мать моя
Его не знала такъ-же. Одного
Слугу держалъ онъ при себѣ, но дѣломъ
Обремененъ и тотъ немного былъ
И лишь обѣдъ простой ему готовилъ.
Онъ со двора совѣмъ не выходилъ.
Въ саду любилъ бродить онъ долго ночью,
А днемъ въ прохладныхъ комнатахъ сидѣлъ.
Дня черезъ три или четыре, въ полѣ
Его слугу я встрѣтила, и мнѣ
Онъ поклонился. Я остановилась...
И, движима однимъ лишь сожалѣньемъ,
Спросила, не смертельной-ли какой
Болезнью господинъ его страдаетъ?

— Не тѣломъ боленъ онъ—душой, слуга
Отвѣтилъ мнѣ.—Ужасное несчастье
Его постигло. Около Girgenti,
Въ Сицилии, помѣстье онъ имѣлъ.
И былъ на этомъ островѣ однимъ
Изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ; мирно
И счастливо, съ молоденькой женой
И отъ нея родившейся малюткой,

Онъ жилъ себѣ... Но вотъ, однажды ночью.
 Когда заснули въ домѣ всѣ давно,
 Къ пустынной части берега причаливъ,
 Разбойники внезапно вторглись въ домъ,
 Добычею богатой поживиться
 Надѣясь тамъ. И госпожу мою
 Одинъ схватилъ, грозя ей пистолетомъ.
 Когда-же мужъ, къ ней подоспѣвъ на помощь,
 Освободилъ ее изъ рукъ злодѣя,
 И повалилъ его ударомъ сильнымъ—
 Онъ, падая, прицѣпился въ нее,

И мертвою несчастная упала.
 Малютка дочь, среди кровавой схватки,
 Погибла также; да и самъ онъ былъ
 Опасно раненъ въ голову; убитымъ
 Его сочтя, грабители на мѣстѣ
 Побоища оставили его,
 И не одна прошла недѣля прежде,
 Чѣмъ онъ совсѣмъ оправился. Тогда
 Покинулъ онъ могилы дорогія
 И берегъ тотъ злосчастный; и, отплывъ
 Въ Неаполь, тамъ у друга поселился,
 Который ждалъ къ себѣ его давно.

Но развѣ могъ найти успокоенье

Онъ въ суетѣ и шумѣ городскомъ?

И другъ его, владѣющій здѣсь виллой,
 Въ ней предложилъ ему пожить. Но мнѣ
 Сдается все, что ранъ его душевныхъ
 И тишина полей не изцѣлитъ.
 Онъ днемъ еще спокойнѣй; помогаютъ
 Занятія разсѣяться ему.
 Онъ что-нибудь читаетъ, или пишетъ.
 Но по ночамъ мучительные сны
 Приходятъ кровь ему сосать изъ сердца;
 И съ крикомъ ужаса, съ холоднымъ потомъ
 На лбу, проснувшись, вскакиваетъ онъ.
 Воюсь, чтобъ этой жизни молодой
 Не унесла безвременно кручина.»

Такъ говорилъ слуга... Его словами

Глубоко я растрогана была.

Едва отъ слезъ могла я удержаться.

И грусть меня томила цѣлый день.

Но лишь настали сумерки, поспѣшно

Съ вѣнкомъ изъ розъ скользнула я сюда.
 И къ богу сна съ мольбою обратилась.
 «О добрый духъ! И радостей, и бѣдъ
 Всесильный расточитель! Скромной жертвой
 Моей тронись. Склони ко мнѣ свой слухъ
 И бѣдному страдалцу ниспошли
 Прекрасныя и свѣтлыя видѣнья,
 Какія мнѣ всегда ты посылаешь.
 А мнѣ пускай явятся во снѣ
 Тѣ мрачныя, ужасныя картины,
 Что видитъ онъ, когда сомкнетъ глаза!
 И наяву страдаетъ онъ довольно,—
 Дозволь-же время тяжкое его
 Мнѣ хоть во снѣ взять на себя. О! скалься.
 Услышь мою молитву, добрый богъ!»
 Когда замолкла я, мнѣ показалось,
 Что у него усмѣшка на устахъ
 Мелькнула вдругъ... Но я въ усмѣшкѣ той
 Ни гнѣва, ни презрѣнья не прочла.
 Ободрена, тогда я возложила
 Ему вѣнокъ на кудри—и ушла.

Повѣрите-ль, мой милый господинъ,
 Что въ ту-же ночь мнѣ страшный сонъ приснился,
 Едва закрыть успѣла я глаза.
 Передо мной была толпа людей,
 Съ какимъ-то звѣрскимъ въ лицахъ выраженьемъ.
 Я слышала неистовый ихъ крикъ,
 Оружія бряцанье, плачь и стоны.
 И видѣла я, ужаса полна,
 Какъ молодая женщина напрасно
 Изъ рукъ злодѣя вырваться старалась,
 И за нее малютка уцѣпясь
 Молила о пощадѣ. Незнакомца,
 Во снѣ принявши образъ, я сама
 Отчаянно съ разбойникомъ боролась,
 Пока безъ чувствъ на землю не упала.
 И много страшныхъ призраковъ еще
 Въ ту ночь мнѣ снилось. Но какое дѣло
 Вамъ до того, что испытать могла
 Ничтожная и бѣдная дѣвчонка.
 Когда настало утро, въ первый разъ
 Проснулась я не съ свѣжей головой.
 Усталая и блѣдная къ окну

Я подошла, чтобъ голову немножко
 Мнѣ утренній обвѣялъ вѣтерокъ,
 И у перилъ балкона незнакомца
 Увидѣла. Но онъ ужъ не смотрѣлъ
 Угрюмо внизъ, а ласково и кротко
 Остановилъ глаза свои на мнѣ.
 Смutilась я... вся кровь моя къ лицу
 Прихлынула,—я чувствовала это;
 И, отъ окна поспѣшно отойди,
 Въ своей коморкѣ робко притаилась.
 А ночью тѣ-же сны... и по утра
 Все тотъ-же мимолетный взглядъ съ балкона
 И на балконъ... Такъ восемь дней прошло,
 А незнакомца взоры все яснѣли.
 И даже на щекахъ ужъ заалѣлъ
 Румянецъ легкій, словно жизни новой
 Заря... И вотъ его слугу однажды
 Спросила я, съ нимъ встрѣтившись опять:
 — Должна-ли я, скажи мнѣ Нино, вѣрить
 Своимъ глазамъ? Мнѣ кажется, что сталъ
 Твой господинъ немножко поборѣе,
 Что скорбь его стихаетъ? Воздухъ нашъ
 Ему помогъ... Не такъ-ли, добрый Нино?
 Скажи, вѣдь я не ошибаюсь,—нѣтъ?
 И все, что я сказала, подтвердилъ
 Онъ мнѣ.—«Какъ будто чудо совершилось»!
 Ужъ цѣлую недѣлю ночи всѣ
 Проводить господинъ его спокойно,
 И свѣтлыя ему все снятся сны.
 И на слова скупой, обыкновенно,
 Объ этомъ онъ рассказываетъ самъ.
 Тутъ радости наполнившей мнѣ сердце
 Я не могла сдержать, и усмѣхнулась.
 «Да, Нино, я сказала; да, ты правъ.
 Хоть это все, повидимому, просто,
 Но чудо здѣсь я вижу, какъ и ты.»
 И я тогда во всемъ ему созналась,
 Какъ богу сна молилась я, какъ онъ
 Мнѣ ниспослалъ, исполненъ милосердья,
 Ужасные тѣ сны, что незнакомцу
 Предназначались... а ему замѣнъ
 Мои видѣнья свѣтлыя. И Нино
 Довѣрчиво мой выслушалъ рассказъ.

Когда-жъ просить я стала, чтобъ объ этомъ
Молчалъ онъ и чтобъ хитрости моею
Не выдалъ какъ-нибудь предъ господиномъ,
Онъ головой съ усмѣшкою кивнулъ
И прочь пошелъ. Тогда я испугалась,
Что тайну ту, которой я была
Такъ счастлива, предъ нимъ я разболтала.
И въ эту рошу мирную бѣжать
Пустилась, чтобъ отъ взглядовъ незнакомца
Спасть... Но образъ бога сна,—увъ!—
Мнѣ показался чуждымъ въ ту минуту:
Онъ холодно, сурово на меня
Смотрѣлъ... почти съ угрозою... И точно
Меня постигла кара въ ту-же ночь...
Не берегъ мнѣ Силиціи приснился,
Я родину увидѣла свою—
Нашъ садикъ; въ немъ я грядки поливала,
Но жгучими слезами—не водой.
Отъ этихъ слезъ—цвѣты мои всѣ блекли.
Но вдругъ ея замѣтила я... Шолъ
На встрѣчу мнѣ съ недоброй онъ улыбкой,
Какъ будто насмѣхаясь надо мной,
Какъ надъ ребенкомъ глухимъ. А потомъ
Схватилъ меня онъ за руку сердито
И, сказавъ ее такъ сильно, что отъ боли
Я вскрикнула, сказалъ мнѣ: «Что тебѣ
До сновъ моихъ, дѣвчонка? Иль ты хочешь
Похитить у меня воспоминанье?
Такъ знай,—какъ ни мучительно оно,
Но это все, что мнѣ теперь осталось
Отъ счастья прожитого. Берегись!
Не прикасайся, дерзкая воровка,
Къ моей печали». Тутъ онъ оттолкнулъ
Меня сурово; и съ глухимъ рыданьемъ
На розы я упала... Ихъ шипы
Вдругъ выросли и длинными иглами
Вонзились въ сердце бѣдное мое.
Когда глаза открыла я, проснувшись,
Мнѣ все еще казалось, будто кровь
Изъ ранъ его безчисленныхъ струится.
Весь этотъ день, безмолвна и грустна,
Скрывалась я отъ взоровъ постороннихъ
Въ уединенныхъ дома уголкахъ.

И только разъ уградкою взглянула
 Я на балконъ. Онъ снова тамъ стоялъ
 И улыбался тою-же улыбкой,¹
 Что истерзала сердце мнѣ; а взглядъ
 Свой устремилъ на домъ нашъ такъ упорно,
 Какъ-бы хотѣлъ сквозь стѣны его проникнуть,
 И пристыдить меня въ моемъ страданьи.
 Но лишь луна взошла, я пробралась
 Сюда тихонько—бога сна молить
 Чтобъ больше мнѣ не посылалъ ужасныхъ
 Видѣній онъ. Я, на колѣни ставъ,
 Къ нему простерла руки и страданья
 Вполголоса повѣдала свои.
 Но въ этотъ мигъ на головѣ своей
 Я чью-то вдругъ почувствовала руку,
 И чей-то голосъ ласково сказалъ:
 «Такъ вотъ оно, святилище, гдѣ добрый
 Мой другъ скрывался все... О, не забудь
 Меня въ своей молитвѣ, дорогая!»
 Кто это былъ—вы знаете; но я
 Ушамъ своимъ не вѣрила сначала.
 Хоть вѣжностью дышала рѣчь его,—
 Въ испугъ поднялась я и хотѣла
 Бѣжать скорѣй... Но за руки меня
 Онъ удержалъ, не съ гнѣвомъ, не насильно,
 Какъ снилось мнѣ... Да, впрочемъ, надо мной
 Тогда насилье было-бъ бесполезно,
 И безъ того я далеко уйти
 Едва-ль могла... Мнѣ измѣняли ноги.
 И на краю бассейна сѣвъ, меня
 Къ себѣ привлекъ онъ тихо.—«Граціэмла!»
 Онъ произнесъ: «ужели это правда,
 Что о моихъ страданьяхъ ты скорбишь,
 Что, надо мною сжалившись, молила
 Ты бога сна, чтобъ ниспослалъ онъ мнѣ
 Твои видѣнья свѣтлыя... тебѣ-же,
 Дитя, мои мучительные сны?»
 И вотъ твое исполнилось желанье!
 Я, въ тотъ-же день, какъ Нино рассказалъ
 Мнѣ о твоёмъ сочувствіи глубокомъ,
 Во снѣ себя увидѣлъ на лугу,
 Гдѣ дѣвушки рѣзвились и плясали,
 Гдѣ пѣли птицы райскія въ кустахъ.

И самъ я будто весь переродился...
 Спокойно кровь въ моихъ струилась жилахъ,
 И рана головы моей не ягла.
 Когда-же я къ водамъ пруда зеркальнымъ
 Нагнулся—на лицо свое взглянуть,
 Твой милый образъ, свѣтлый и безпечный,
 Оттуда мнѣ съ улыбкою бивалъ.
 Такъ дай-же на него мнѣ наглядѣться
 Не торопясь, чтобъ милыя черты
 Я той, кому обязанъ исцѣленьемъ,
 Запечатлѣть глубоко въ сердцѣ могъ.»

Я, покраснѣвъ, поникла головой.
 Мое лицо обѣими руками
 Онъ взялъ тогда... и долго на меня
 Смотрѣлъ съ любовью, кротко. Наконецъ
 Пустилъ меня, слегка лишь прикоснувшись
 Губами къ волосамъ моимъ. Потомъ
 Разспрашивать меня онъ сталъ о нашемъ
 Житьѣ-бытьѣ. Хоть рассказать ему
 Немного любопытнаго могла я,
 Но онъ меня съ такимъ вниманьемъ слушалъ,
 Какъ будто рѣчь здѣсь шла о чудесахъ.
 Я на него смотрѣть не смѣла; взора
 Не отводила я отъ бога сна,
 И добрый богъ, казалось, дружелюбно
 Опять мнѣ улыбался, примиренный
 Съ ребяческою глупостью моей.

Хотите-ли дослушать до конца?
 То, что потомъ случилось—такъ прекрасно.
 Какъ въ пѣсняхъ лишь бываетъ у поэтовъ.
 Здѣсь, у ключа, мы были каждый вечеръ
 Рука съ рукой, пока идти ко сну
 Не наставало время. Сновидѣній
 Мы не видали больше никакихъ.
 Порой лишь развѣ мелькомъ проносилась
 Предъ нами счастья будущаго тѣнь...
 Когда душа дѣйствительнаго счастья
 Полна,—въ ней мѣста призракамъ ужъ нѣтъ.
 И вотъ, мой милый къ намъ войдя однажды,
 У матери моей спросилъ, согласна-ль
 Она ему свою довѣрить дочь.
 Моя старушка добрая, конечно,
 На облакахъ была. Ей никогда

Такое счастье даже и не снилось,
 А потому она и мой отецъ
 На нашъ союзъ сейчасъ-же согласились:
 И вскорѣ свадьба сыграна была.
 Мой милый не хотѣлъ покинуть мѣсть,
 Гдѣ миръ сошелъ въ его большую душу.
 Помѣстье-жъ сицилійское свое,
 Гдѣ все ему о призракахъ кровавыхъ
 Напоминало, онъ продать рѣшился.
 А виллу, на которой жилъ онъ здѣсь,
 Другъ уступилъ ему совсѣмъ. Взгляните,
 Вонъ тамъ два рѣзвыхъ, смуглыхъ шалуна
 Играютъ въ мячъ. То дочери моей
 Единственной возлюбленной дѣтки,
 Мои внучата милые. Увы!
 Мнѣ суждено лишиться было рано
 Того, кто былъ всего дороже мнѣ.
 Мой добрый мужъ скончался, не дождавшись
 Замужства нашей дочери. Съ тѣхъ поръ,
 Остатокъ дней здѣсь грустно доживая,
 Хожу я каждый вечеръ въ эту рошу,
 Къ виновнику пережитого мной,
 Теперь на вѣкъ утраченного счастья.
 И все еще свой слухъ къ моимъ мольбамъ
 Склоняетъ онъ. И вотъ три ночи къ ряду
 Показывалъ мнѣ друга моего,
 Какимъ онъ былъ въ живыхъ; и мужъ мой
 милый,

Меня цѣлуя крѣпко, говорилъ:
 «Ко мнѣ придешь ты скоро, Граціэлла,
 Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки,—гдѣ сердца,
 Нашедшія другъ друга, безконечнымъ
 Блаженствомъ наслаждаются, какого
 Не можетъ дать прекраснѣйшій изъ сновъ!»

А. Плещеевъ.

ЗОЛОТОЙ ФОНТАНЪ.

Романъ Бенито Переса Гальдоса.

(Перев. съ испанскаго).

ГЛАВА XXXVIII.

ПОКУШЕНІЕ.

Послѣ обѣда явился присланный Бопмедіано докторъ, который, осмотрѣвъ больную сказалъ, что ничего серьезнаго нѣтъ, но предписалъ полнѣйшій покой. Выпивъ нѣсколько капель прописаннаго ей лекарства, Клара уснула, на этотъ разъ спокойно, какъ младенецъ. Лацаро сидѣлъ у ея изголовья до такой степени погруженный въ свои думы, что не замѣчалъ, какъ уходили часы за часами. Онъ думалъ, что ему необходимо сдѣлать рѣшительный шагъ и порвать разъ на всегда со своимъ дядей, котораго онъ считалъ виновникомъ всѣхъ своихъ несчастій. Этого требовали его честь, его незапятнанное имя. Старый фанатикъ казался ему еще отвратительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ маску либерализма и сблизился съ крайней фракціей республиканцевъ. Лацаро понималъ, что подъ этимъ либерализмомъ должна скрываться какая-нибудь западня. Нужды нѣтъ, что онъ останется безъ всякихъ средствъ къ существованію: онъ будетъ работать, онъ не откажется ни отъ какого занятія, лишь бы оно давало ему честный заработокъ. Если же ему нельзя будетъ остаться въ Мадридѣ—чтожь?—онъ вернется въ Атеку, гдѣ у него всегда обезпеченъ по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба.

Съ такими мыслями онъ вышелъ изъ дома, поручивъ Паскуалѣ присматривать за Кларой. Такъ какъ дядя сказалъ, что вернется не раньше какъ дня черезъ три, онъ подумалъ, что застанетъ его всего вѣрнѣе либо въ *Фонтанъ*, либо у аббата, и направился въ клубъ, такъ какъ это было ближе. Войдя въ боковую комнату, гдѣ обыкновенно собирались вожаки, онъ, къ удивленію, никого тамъ не засталъ. Только сеньоръ Пинилья, сильно взволнованный, расхаживалъ взадъ и впередъ, засунувъ руки въ карманъ и надвинувъ на глаза шляпу.

— Эй, пріятель! вскричалъ онъ, завидѣвъ Лацаро,—какъ вы попали сюда въ такую пору?

— Ищу дядю и думалъ встрѣтить его здѣсь. Не знаете ли, гдѣ я бы могъ его найти.

— Какъ не знать — знаю! многозначительно отвѣчалъ Пинилья,—онъ въ такомъ мѣстѣ, куда допускаются только немногіе....

— А сюда онъ не придетъ сегодня?

— Что вы! Какъ же онъ можетъ придти?

— Что же сегодня особеннаго?

— То, о чемъ болтать не слѣдуетъ... таинственно прошептала Пинилья.— Впрочемъ, вѣдь вы это знаете лучше меня, такъ какъ вы его племянникъ...

— Я ничего не знаю, удивился Лацаро.

— Какъ, развѣ вамъ не назначили поста? Не указали, что дѣлать? Не можетъ быть! Навѣрное вы будете играть одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ великомъ дѣлѣ.

— Въ какомъ дѣлѣ?

— Да въ томъ, которое совершится сегодня вечеромъ.

— Такъ стало быть что-то замышляется? Дѣйствительно, я замѣтилъ какое-то движеніе въ городѣ.

— Увидите, что еще будетъ потомъ...

— Въ самомъ дѣлѣ! Значитъ засѣданія сегодня не будетъ?

— Засѣданія? Ха-ха! Нашелъ время для засѣданій! Время для разговоровъ прошло: наступила пора дѣйствовать. И безъ того болтали языкомъ слишкомъ много.

— Я, право, ничего не знаю.

— Ну, такъ разыщите Лекаренка: онъ долженъ быть недалеко отъ портика Пенюэласъ,—отъ него вы все узнаете, и онъ же укажетъ вамъ ваше мѣсто, потому что, надѣюсь, вы не захотите отстать отъ другихъ. Прочь всякій страхъ! Я знаю,

что это немножко страшно въ первый разъ, особливо для того, кто никогда не держалъ ружья въ рукахъ, но все-таки, при хорошемъ примѣрѣ...

— А, вотъ какъ! Такъ значить дѣло разыгрывается не на шутку? сказалъ Лацаро.

— Еще-бы! Сегодня ночью долженъ произойти окончательный ударъ, который опрокинетъ модерантистовъ. Завтра, другъ, у насъ будетъ, наконецъ, настоящее демократическое правительство.

— Полно!.. Какъ и всегда, дѣло кончится пустяками. Что можетъ сдѣлать какая-нибудь демонстрація, презрительно сказалъ Лацаро.

— Демонстрація? Нѣтъ тутъ пахнетъ чѣмъ-то посерьезнѣе, отвѣчалъ Пинилья, подбрасывая нѣсколько полѣнъ въ потухавшій каминъ.

Робеспьеръ вскочилъ ему на колѣни и свернулся на нихъ клубкомъ съ безцеремонностью истиннаго республиканца.

— Если такъ, то и я не прочь принять участіе въ этомъ дѣлѣ, сказалъ Лацаро.

— Что-жь? Нѣтъ ничего легче: розыщите Лекаренка и онъ тотчасъ-же укажетъ вамъ мѣсто. Мнѣ даже кажется, что съ вашей стороны было-бы неприлично остаться сзади послѣ той рѣчи, которую вы произнесли третьяго дня. Ахъ, что за рѣчь, другъ, что за рѣчь! У васъ громадный талантъ. Если-бъ вы знали, какъ она понравилась публикѣ. Всѣ наши отъ нея просто въ восторгѣ.

— Но объясните-же, пожалуйста, что будетъ сегодня? съ нетерпѣніемъ спросилъ Лацаро.

— Штука самая простая: нужно устранить съ дороги живыхъ либераловъ, держащихъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ власть. Ну, вотъ, сегодня ночью они и будутъ устранены.

— Какимъ-же способомъ?

— Способъ на это всего одинъ. Вы это сами знаете. Революція требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Нужно попросту ихъ истребить.

— Истребить! съ ужасомъ воскликнулъ Лацаро.

— А какъ-же иначе? Только такимъ способомъ можно вырвать съ корнемъ вредное сѣмя. Согласенъ, что средство это ужасно, но за-то и рѣшительно.

— Такъ что, значить, дѣло сводится къ убійству цѣлой кучи людей?

— Народъ раздраженъ противъ модерантистовъ и по-моему совершенно правъ. Мы опрокинули тиранію и думали, что завоевали себѣ свободу и вдругъ—насъ обманули! Въмѣсто одного, у насъ завелось шесть маленькихъ тиранчиковъ, именуемыхъ министрами, которые командуютъ нами при конституціи, какъ командовали абсолютисты, когда ее не было. Что же мы выиграли? Ничего! Ну, такъ впередъ!

— Но, прибѣгая къ ужаснымъ средствамъ, мы, вѣдь, губимъ то дѣло, за которое беремся...

— Слыхали, слыхали эту пѣсню! перебилъ его Пинилья.

— Это не мѣшаетъ ей быть горькой правдой, горячился Лацаро,—и если мои друзья, члены этого самаго клуба, способны дойти до такого безумія—я отрекаюсь отъ нихъ...

— Какъ? воскликнулъ Пинилья, бросая на него удивленный взглядъ.—Развѣ вы забыли конецъ вашей собственной рѣчи: «Неужели мы остановимся на половинѣ дороги, испугавшись собственной тѣни? Нѣтъ! Передъ нами ужасная дилема: мы должны либо идти впередъ, либо повернуть назадъ. Выбрать середину хуже, чѣмъ погибнуть, хуже чѣмъ было-бы вовсе не начинать»?

— Такъ, съ смущеніемъ проговорилъ Лацаро,—но я вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что дозволительно устранять убійствомъ противниковъ, если съ ними можно бороться благороднымъ оружіемъ слова.

— Можетъ быть вы этого и не хотѣли сказать, но другіе именно такъ васъ и поняли. И повѣрьте, дружище, что иначе васъ и понять нельзя было. Въ революціонныя эпохи препираться некогда, потому что время не ждетъ и нужно ловить счастливыя случайности. Такую-же, какая представляется сегодня ночью, упустить было-бы поистинѣ грѣшно. Представьте: всѣ они, какъ нарочно, собрались въ одномъ мѣстѣ, такъ что нѣтъ нужды отмѣчать краснымъ крестомъ дома cadaго изъ нихъ.

— Кто-же эти «они»? съ тревогой спросилъ Лацаро.

— Извѣстно кто! Модерантисты. Они устраиваютъ тайныя сборища въ домѣ Алавы, на площадкѣ Афлигидосъ, гдѣ, очевидно, организуется какой-нибудь заговоръ, съ цѣлью лишить насъ и той незначительной доли свободы, какой мы еще

пользуемся. Благодаря какой-то счастливой случайности, удалось открыть мѣсто ихъ постоянныхъ сборищъ, послѣ чего не трудно было узнать и личный ихъ составъ.

— И вы знаете все это навѣрное? спросилъ Лацаро, стараясь скрыть свое смущеніе.

— О, въ этомъ не можетъ быть болѣе сомнѣнія. Не знаю, кому удалось открыть ихъ сборный пунктъ, но мнѣ достоверно извѣстно, что однимъ изъ первыхъ узналъ объ этомъ Лекаренко. Потомъ онъ-же узналъ, что тамъ бывають Квинтано, Мартинецъ де ла Роза, Калатрава и другіе, въ томъ числѣ и Алкала Галиано, приставшій къ нимъ въ послѣднее время.

Лацаро онѣмѣлъ отъ ужаса.

— Меня-же лично, продолжалъ Пинилья,—радуется болѣе всего то, что въ числѣ обреченныхъ находится и молодой Боцмедіано, который, подъ вліяніемъ отца, тоже пустился въ политику.

— Боцмедіано! вскричалъ Лацаро.

— Да, Клавдіо Боцмедіано, котораго я такъ ненавижу, что готовъ-бы сдѣлаться краснымъ только для того, чтобъ имѣть возможность раздѣлаться съ нимъ.

— Что-же онъ вамъ сдѣлалъ?

— О, это длинная исторія. Дѣло началось со ссоры по поводу одной моей рѣчи—но этимъ не кончилось... Ну, да все равно: у васъ, вѣдь, тоже какіе-то счеты съ нимъ, такъ что и вамъ должно быть пріятно узнать, что на этотъ разъ не ускользнуть не только ему, но и его отцу—этой воплощенной спѣси,—который потребовалъ въ совѣтѣ декрета о закрытіи патриотическихъ клубовъ. Нѣтъ, имъ не убѣжать — я вамъ въ томъ порукой. Ужъ въ двѣнадцать часовъ самъ чортъ не оттащить меня съ площади Афлигидосъ.

— И такъ, выходитъ, что сегодня ночью намѣрены напасть врасплохъ на кучку безоружныхъ людей и перерѣзать ихъ, какъ телятъ?

— Говоря безъ обиняковъ—да! Въ десять часовъ назначено собираться на разныхъ пунктахъ... Охотниковъ будетъ не мало... Ну а вы-то въ концѣ концовъ какъ-же? Намѣрены принять участіе въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ?

— О, разумѣется, отвѣчалъ Лацаро, чтобы скрыть свои намѣренія.—Сейчасъ иду.

— Ну, а мнѣ нужно еще кое-кого дождаться здѣсь.

— Прощайте! сказалъ Лацаро и почти выбѣжалъ изъ кафе.

Рѣшеніе его было принято безповоротно. Онъ не могъ допустить совершенія такого ужаснаго дѣла. Черезъ него, черезъ него одного узнали о мѣстѣ, гдѣ собирались жертвы, приговоренныя къ гибели; на немъ лежить, стало быть, обязанность предотвратить ее. Онъ направился къ знакомому дому на площади Афлигидось, съ намѣреніемъ предупредить собравшихся тамъ патріотовъ о грозящей имъ опасности. Роковая минута еще не наступила, и онъ надѣялся попасть въ-время. Но его пугала мысль, что всѣ входы и выходы, быть можетъ, уже заняты заговорщиками и его, пожалуй, не пропустятъ.

По дорогѣ онъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ группы подозрительныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями и пистолетами; иные держали въ рукахъ толстыя дубины. Всюду замѣтно было сдержанное, напряженное волненіе. Понимали-ли всѣ эти люди, на что они идутъ?

Группы вооруженныхъ и невооруженныхъ гражданъ попадались все чаще и чаще. На улицѣ Ангасъ онъ увидѣлъ толпу людей, гораздо болѣе многочисленную, чѣмъ всѣ предыдущія. Онъ думалъ было проскользнуть мимо, не обративъ на себя вниманія, но вдругъ чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо. Это былъ ни кто иной, какъ доблестный цирюльникъ Кальеха, краса улицы Санъ-Херонимо. Загородивъ своей объемистой особой дорогу молодому человѣку, онъ замахалъ руками и громко пропичалъ своимъ бабьимъ голосомъ:

— Ребята, вотъ нашъ молодецъ, вотъ нашъ великій ораторъ! Я говорилъ, что онъ не отстанетъ! Ребята, сюда, сюда!

Въ одну минуту Лацаро былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

— Это онъ произнесъ третьяго дня рѣчь въ *Фонтань*. Молодецъ! Золотой языкъ! крикнулъ одинъ.

— Возьмемъ его съ собой. Мы его выберемъ капитаномъ! сказалъ Пезета, который самъ себя произвелъ въ поручики и носилъ желтую перевязь на рукѣ.

— Нѣтъ, пусть онъ влѣзетъ на эту тумбу и скажетъ намъ рѣчь! возразилъ его сосѣдъ, въ которомъ, по примѣтамъ, можно было узнать контрабандиста, чуть было не зарѣзавшаго когда-то Эліаса на улицѣ Санъ-Херонимо.

— Рѣчь, рѣчь! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Сеньоры, проговорилъ Кальеха, поднимая указательный

палецъ вверхъ, съ такимъ видомъ, точно онъ былъ намѣренъ проколоть небесный сводъ,—сеньоры, время рѣчей прошло, теперь нужно дѣйствовать.

Лацаро весь дрожалъ отъ нетерпѣнія и безпокойства, но рѣшительно не зная, какъ прорваться сквозь эту сплошную стѣну атлетовъ. Онъ сталъ извиняться недосугомъ, толкнулся въ одну сторону, толкнулся въ другую,—стѣна не подавалась. Неизвѣстно, какъ долго продолжалась бы эта неравная борьба, если бы у Лацаро не явился неожиданный союзникъ въ образѣ самого Кальеха. Неотвязная мысль вдругъ проникла въ крѣпкую голову цирюльника, и онъ желалъ поскорѣй удостовѣриться, въ какой мѣрѣ его подозрѣнія справедливы. Поэтому, схвативъ Лацаро подъ руку, онъ вытащилъ его изъ толпы и, отведя въ сторону, съ конфиденціальнымъ видомъ, приличнымъ двумъ великимъ людямъ, сообщающимъ другъ другу государственную тайну, проговорилъ:

— Вотъ видите-ли, сеньоръ донъ-Лацаро, весь этотъ отрядъ отданъ подъ мое начальство. Теперь васъ послали сюда... Ну, конечно, говоря по совѣсти, я не считаю себя такимъ хорошимъ ораторомъ, какъ вы... Но все-таки...

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я хочу сказать, сеньоръ донъ-Лацаро, что я нѣсколько разъ спасалъ отечество и проливалъ кровь въ защиту свободы. За это-то меня назначили начальникомъ, отряда и мнѣ кажется, что онъ въ хорошихъ рукахъ. Поэтому мнѣ хочется знать, не за тѣмъ-ли васъ прислали сюда, чтобы занять мое мѣсто... потому что послѣ вашей рѣчи, гдѣ вы высказали столько прекрасныхъ вещей, которыя и я чуть было не сказалъ... ну, однимъ словомъ, васъ можетъ быть захотѣли отличить и назначить на почетный постъ... Я хоть и не успѣлъ произнести рѣчи, но все-таки свое дѣло знаю, и если вамъ приказано смѣнить меня, то я буду протестовать, потому что, сами понимаете... я спасалъ отечество, проливалъ кровь...

Взволнованный цирюльникъ никогда бы не кончилъ, если-бы Лацаро не успѣшилъ его успокоить.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ,—мнѣ вовсе не приказано смѣнить васъ по командованію.

— Я такъ и думалъ, проговорилъ утѣшенный толстякъ.— Комитетъ не можетъ смѣнить ни-за-что ни-про-что заслуженнаго патріота. Но мнѣ казалось, что, можетъ быть, тамъ воз-

никли какія-нибудь сомнѣнія насчетъ нашего отряда, и васъ послали удостовѣриться, каково здѣсь настроеніе умовъ. Смѣю васъ завѣрить, что гдѣ Кальеха, тамъ дѣлу свободы не грозитъ никакой опасности.

— О, не сомнѣваюсь въ томъ, успѣшилъ заявить Лацаро, стараясь освободиться отъ тяжелой руки, которая совершенно пригнетала его къ землѣ. И такъ, будьте спокойны... и до свиданія.

— У васъ какое-нибудь порученіе отъ Лекаренка или Лобо?

— Да, отвѣчалъ Лацаро, чтобы какъ-нибудь отъ него отдѣлаться.—Прощайте, я тороплюсь.

— Желаю вамъ успѣха! крикнулъ Кальеха уже въ догонку ему.

«Что сказалъ-бы этотъ человѣкъ, если-бъ зналъ куда онъ идетъ!» подумалъ про себя Лацаро. Онъ зналъ, что противъ него будутъ беспощадны, если узнаютъ, что, благодаря ему, рушился устроенный замыселъ Закорючки. Но онъ не боялся даже смерти, если цѣною ея ему удастся отворить отъ головы многихъ лучшихъ людей Испаніи опасность, которую онъ самъ навлекъ на нихъ своей неосторожностью. Мысль, что въ эту ночь, можетъ быть—черезъ нѣсколько минутъ, будетъ перерѣзана дюжина невинныхъ и беззащитныхъ людей, заставляла его содрогаться. Какова могла быть цѣль этого кроваваго замысла? Повидимому, руководителями его были крайніе, но ни на минуту онъ не могъ допустить, чтобы убійство Квируги и Калатравы могло послужить дѣлу свободы. Это было абсурдомъ, съ вторымъ не могла помириться его совѣсть. Только абсолютисты могли извлечь пользу изъ этой братоубійственной рѣзни. Они-то и устроили это дѣло. Онъ съ горечью вспомнилъ о своей злополучной рѣчи и проклиналъ слѣпоту, съ какой онъ позволилъ завлечь себя въ ловушку, разставленную ему дядей... Нѣтъ, нѣтъ, если-бы даже ему предстояло быть растерзаннымъ живымъ, онъ не остановится передъ задуманнымъ имъ дѣломъ. Себя онъ считалъ самымъ преступнымъ изъ невольныхъ виновниковъ предстоящей катастрофы, потому что лучше кого-бы то ни было онъ могъ догадаться о тайныхъ замыслахъ хитраго старика и предупредить товарищей... Если онъ погибнетъ жертвою своего поступка—это будетъ лишь искупленіемъ того зла, которое онъ причинилъ.

Съ такими чувствами подошолъ онъ къ площади Афлигидось. Она была пуста. Но, внимательно осмотрѣвши окрестные дома, онъ замѣтилъ какія-то тѣни, мелькавшія за колоннами портиковъ и въ углубленіяхъ воротъ... Очевидно, за ровнымъ домомъ слѣдили зоркіе глаза. На углу улицы Неграсъ онъ увидѣлъ даже нѣчто въ родѣ патруля, человѣкъ въ десять. Закутавшись въ свой плащъ, Лацаро смѣло подошолъ къ знакомой калиткѣ. Она оказалась запертой; было уже около одиннадцати часовъ; всѣ находились въ сборѣ. Схвативъ въ руки молотъ, онъ нѣсколько разъ громко стукнулъ въ желѣзную скобу. Дверь задрожала, тѣни, видѣвшіяся въ разныхъ пунктахъ небольшой площадки, зашевелились. Калитка все не отворялась. Вдругъ какая-то черная фигура прошмыгнула мимо Лацаро... Онъ застучалъ въ дверь еще сильнѣе.

Клавдіо Боцмедіано, которому мы обязаны всѣми свѣдѣніями послужившими основаніемъ для составленія этой книги, въ особенности послѣднихъ ея главъ, разсказалъ намъ подробно все, что происходило во внутреннихъ покояхъ дома Алавы, тѣмъ временемъ, какъ Лацаро стучалъ въ наружную калитку. Всѣ собравшіеся тамъ знали, что въ эту ночь въ городѣ должно произойти какое-то движеніе. Но никто не придавалъ этому особеннаго значенія, полагая, что все кончится, какъ и всегда, нѣсколькими выстрѣлами, при нѣсколькихъ раненыхъ и массѣ арестованныхъ. Всѣ были увѣрены, что мѣсто ихъ собранія никому неизвѣстно и потому они въ всякой опасности. Внезапный стукъ, произведенный очевидно рукою врага, засталъ ихъ совершенно врасплохъ. Въ одно мгновеніе всѣ смолкли и съ ужасомъ и недоумѣніемъ посматривали другъ на друга. Нѣсколько минутъ они прислушивались, чтобы убѣдиться—повторится-ли онъ. Стукъ повторился съ удвоенной силой.

— Нужно спуститься и узнать въ чемъ дѣло: ничего другого не остается, проговорилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Я спущусь, сказалъ Боцмедіано-сынъ. — Но только вы должны рѣшить, что мнѣ отвѣтить, если окажется, что это... Кто-бы это въ самомъ дѣлѣ могъ быть?

— Видите: я былъ правъ, сказалъ другой голосъ. — Движеніе сегодняшней ночи направлено противъ насъ. Мѣсто нашихъ собраній открыто, и король пожелалъ воспользоваться

этимъ. Я уже предупреждалъ васъ въ самомъ началѣ собранія, но никто не обратилъ вниманія на мои слова.

— Однако, нужно-же идти внизъ, сказала Клавдіо, слыша, что стукъ въ дверь повторился.— Пусть сойдутъ трое изъ наименѣе скомпрометированныхъ. Нѣтъ-ли здѣсь кого-нибудь еще, кто не былъ-бы ни депутатомъ, ни государственнымъ совѣтникомъ?

Одинъ молодой человѣкъ и одинъ старикъ встали со своихъ мѣсть.

— Мы спустимся внизъ, а тѣмъ временемъ остальные черезъ садъ могутъ выйти на улицу Принсипе Піо. Нельзя терять ни минуты времени. Нужно забрать всѣ бумаги и—въ садъ.

— Сжечь ихъ гораздо короче, сказала одинъ изъ присутствующихъ, бросая въ каминъ пукъ бумагъ, тотчасъ-же вспыхнувшихъ яркимъ пламенемъ.

Затѣмъ всѣ сошли задней лѣстницей въ садъ, тѣмъ временемъ какъ Клавдіо съ двумя своими товарищами подходилъ къ двери, за которой стоялъ трепещущій Лацаро.

— Кто тамъ? крикнулъ Боцмедіано.

— Отворите! отвѣчалъ глухой голосъ снаружи.

— Кто тамъ? Кого нужно?

— Мнѣ нужно видѣть сеньора Клавдіо Боцмедіано.

Послѣднему показалось, что онъ узнаетъ голосъ племянника Эліаса, и у него мелькнуло въ головѣ, что, можетъ быть, вся эта тревога кончится какими-нибудь пустяками, интересными только для нихъ лично. Онъ поспѣшно отворилъ дверь и впустилъ незнакомца со словами:

— Кто вы?

— Сеньоръ Клавдіо Боцмедіано здѣсь? спросилъ Лацаро, не узнавая его въ темнотѣ.— Мнѣ необходимо поговорить съ нимъ по дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

— Проходите, другъ, сказалъ Клавдіо.

Лакей принесъ свѣчу, Лацаро вошелъ въ прихожую и, узнавъ своего пріятеля, безъ всякихъ предисловіи воскликнулъ:

— Уходите всѣ отсюда какъ можно скорѣй — еще есть время.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Боцмедіано.

— Ужасный замыселъ направленъ противъ васъ всѣхъ. Я

это знаю достовѣрно... Дѣло идетъ о вашихъ головахъ. Уходите сейчасъ, сію минуту—не то будетъ поздно.

— Но кто-же наши враги? Кто? съ гнѣвомъ вскричали оба спутника Клавдіо.

— Тутъ адская интрига... Ну, да объ этомъ—потомъ. Я все узналъ и явился предупредить васъ и помѣшать выполнению этого ужаснаго замысла.

Клавдіо, не говоря ни слова, пожалъ руку Лацаро. Затѣмъ онъ пригласилъ его идти вмѣстѣ съ ними къ остальнымъ членамъ собранія, ожидавшимъ ихъ въ саду.

-- Сеньоры, сказалъ Боцмедіано, выйдя къ своимъ товарищамъ,—что намъ дѣлать? Сегодняшнее движеніе направлено противъ насъ..

— Что-же намъ дѣлать?

— Здѣсь въ двухъ шагахъ казармы, сказалъ ораторъ, принадлежавшій къ числу главныхъ начальниковъ мадридскаго гарнизона.—Въ полчаса я буду здѣсь съ двумя ротами и чрезъ заднюю калитку проведу ихъ въ садъ. Снаружи ни одного патруля, ни часового. Пусть къ намъ явятся, пусть выламываютъ ворота, въ увѣренности, что захватятъ насъ врасплохъ.

— А мы тѣмъ временемъ уйдемъ?

— Нѣтъ: предлагаю всѣмъ остаться на мѣстѣ.

— Да, да,—всѣмъ оставаться на мѣстѣ!

Въ полночь толпа наводнила улицы Санъ-Бернардино и герцога Осунскаго. Она съ двухъ сторонъ направилась на площадку Афлигидосъ и заняла ее почти сплошной массой, соединившись со своимъ лѣвымъ хвостомъ чрезъ улицу Пренсипе Піо. Ворота описаннаго уже нами дома задрожали подъ ударами нѣсколькихъ десятковъ топоровъ и прикладовъ, тѣмъ временемъ какъ стоящая вокругъ толпа оглашала воздухъ неистовыми «*eviva*» и «*шюга*», чтобы опьянить себя и придать себѣ бодрости шумомъ.

Когда ворота были разнесены, всѣ ринулись во дворъ съ громкими торжествующими криками, но вдругъ остановились какъ вкопанные, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ: передъ ними сверкали своимъ тонкимъ зловѣщимъ блескомъ два ряда штыковъ. Солдаты стояли угломъ, заграждая дорогу переднимъ рядомъ.

— Назадъ! крикнулъ офицеръ.

— Впередъ! Смерть предателямъ! раздался голосъ во мракѣ свода.

Въ то-же время раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ солдатъ упалъ мертвымъ. Офицеръ скомандовалъ залпъ и крикнулъ: въ штыки!

Солдаты бросились впередъ; толпа отступила, но въ воротахъ произошла остановка. Заговорщики, почти не имѣвшіе оружія, схватились за ножи, и во время общей свалки не мало погибло солдатъ. Однако, войска все подвигались впередъ, заставляя толпу отступить и совершенно очистить всю темную арку. Въ то-же самое время эскадронъ кавалеріи двигался по улицѣ Санъ-Бернардино, а батальонъ національной гвардіи приближался со стороны Санъ-Марціала, захватывая въ плѣнъ толпы невинныхъ зрителей. Тщетно нѣкоторые изъ предводителей старались остановить панику краснорѣчивыми филиппиками. Народъ бѣжалъ по всѣмъ направленіямъ, такъ что на площади скоро остались лишь Лобо, Перико, Пинилья, а также и трупъ Лекаренка, смертельно раненнаго въ голову при первомъ залпѣ. Человѣкъ десять или пятнадцать пріятелей или зѣвакъ окружили его, не зная на что рѣшиться: бѣжать-ли вмѣстѣ съ толпой, или-же защищаться. Войска заняли всѣ прилегающіе къ площади дома, но на улицу не показывались, предоставляя кавалеріи роль невода, захватывающаго въ своемъ движеніи какъ крупную, такъ и мелкую рыбку. Всадники оцѣпляли площадь все тѣснѣе и тѣснѣе.

— Но вѣдь это сумасшествіе оставаться здѣсь въ такую пору. Бѣжимте, сказалъ Пинилья.

— А что-же намъ дѣлать вотъ съ этимъ? отвѣчалъ Чалеко, указывая на трупъ Лекаренка.

— Вотъ еще, стоитъ погибать изъ-за такихъ мощей.

— Но прежде нужно осмотрѣть, нѣтъ-ли у него при себѣ важныхъ бумагъ.

Пинилья тщательно обшарилъ всѣ карманы Лекаренка.

— Бумагъ никакихъ нѣтъ, но вотъ маленькій кошелекъ съ деньгами.

— А ну-ка, дай посмотрѣть.

Но Пинилья не счелъ нужнымъ исполнить эту просьбу.

— Пора, пора! вскричалъ онъ, пряча кошелекъ въ карманъ и бросаясь бѣжать.

Всѣ послѣдовали его примѣру, и черезъ минуту совершенно опустѣвшая площадь была спокойно занята войсками.

XXXIX.

ФЕРНАНДО ЖЕЛАННЫЙ.

Не разъ уже чувствовалъ авторъ этой книги страстное желаніе проникнуть рука объ руку съ читателемъ во внутренность королевскаго дворца, извѣстнаго больше въ ту эпоху, какъ и въ наше время, подъ вульгарнымъ именемъ Большого Дома. Источникомъ такого желанія была надежда найти въ этихъ завѣтныхъ стѣнахъ много любопытнаго, способнаго дать ключъ къ пониманію рассказанныхъ нами событій. Не даромъ-же народная молва упорно называла жилище короля Фердинанда центромъ и главнымъ очагомъ всѣхъ политическихъ махинацій, не дававшихъ покоя ни Мадриду, ни Испаніи. Но до сихъ поръ мы довольствовались скромной ролью бытописателя, рисующаго лишь факты обыденной жизни. Высшія политическія сферы оставались для насъ, какъ и для большинства испанцевъ того времени, заповѣдной областью. Теперь-же намъ необходимо сдѣлать экскурсію и въ этотъ таинственный міръ, чтобы показать, хотя и вскользь, кто былъ инициаторомъ заговора, изображеннаго нами въ предыдущихъ главахъ.

Въ одной изъ залъ павильона, образующаго восточный выступъ дворца, сидѣлъ Фердинандъ въ ночь, когда должно было разыгратъ кровавое дѣло на площади Афлигидосъ. Въ этой маленькой комнатѣ не принимались ни министры, ни генералы: сюда имѣлъ доступъ только небольшой кружокъ королевскихъ приближенныхъ и друзей—если только можно употребить это слово, разъ дѣло касается Фердинанда VII. Когда-то здѣсь часто сживали герцога Алагонъ, Лоцано де-Торресъ, Чаморро, Татищевъ и прочіе царедворцы, игравшіе важную роль въ первыя шесть лѣтъ послѣ возвращенія изъ Валенсіи. Иногда, очень впрочемъ рѣдко, министры приглашались въ эту святая святыхъ коварства и лести, послѣ чего осчастливленный министръ всегда ожидалъ какого-нибудь предательскаго удара, и почти всегда ожиданія его оправдывались. Особенная любезность Фердинанда всегда предвѣщала какую-нибудь западню,—эта придворная аксіома была въ большомъ ходу между 20-мъ и 23-мъ годами.

Въ эту ночь король былъ съ Заключкою, своимъ любимымъ бульдогомъ. Оба они сидѣли другъ противъ друга у маленькаго стола, заваленнаго бумагами, по всей вѣроятности очень важными, если судить по вниманію, съ какимъ Фердинандъ читалъ ихъ, и очень пріятными королевскому сердцу, если судить по одобрительнымъ восклицаніямъ, срывающимся отъ времени до времени съ его устъ. Иногда Фердинандъ снисходилъ даже до шутокъ, почти всегда остроумныхъ, такъ какъ въ этомъ дарѣ природа не отказала ему. Эліась, не имѣвшій привычки смѣяться, покатывался со смѣху, такъ какъ ему казалось непочтительнымъ не отражать на своемъ рабскомъ лицѣ всѣхъ измѣненій фізіономіи своего господина и повелителя.

— Сеньоръ, сегодняшняя ночь будетъ ночью искушенія, проговорилъ Эліась.— Богъ, въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ пославшій намъ столько испытаній, преложилъ, наконецъ, гнѣвъ на милость. Сегодня наше предпріятіе придетъ къ вождедѣльному окончанію: я не сомнѣваюсь въ доблести людей, взявшихъ на себя его выполнение. Вы возвратите себѣ, сеньоръ, всѣ ваши священныя права, узурпированныя толпой бессовѣстныхъ и безбожныхъ болтуновъ. Испанія встрепенется какъ отъ долгаго сна, и горе тѣмъ, кого она застанетъ погруженными въ мерзость заблужденія.

Фердинандъ ничего не отвѣчалъ: наклонивъ голову, онъ, казалось, погрузился въ глубокую задумчивость. Свѣтъ роскошной лампы падалъ прямо ему въ лицо, освѣщая его антипатичную фізіономію, которую воспроизводило такое безчисленное множество живописцевъ, начиная съ Гоіа и кончая Мадрацо. Невозможно представить себѣ, до какой степени многочисленны портреты Фердинанда VII, на полотнѣ, на деревѣ, на бумагѣ. Испанія просто наводнена ими. Наружность этого государя такъ-же своеобразна, какъ и онъ самъ: большой носъ, который, не будучи ни уродливъ какъ у герцога Оливареца, ни длиненъ какъ у Цицерона, ни толстъ какъ у Квеведо, ни мясистъ какъ у Людовика XI, былъ однако безобразнѣе, чѣмъ у всѣхъ ихъ— составлялъ самую характерную часть его круглаго, довольно полнаго лица. Подъ этимъ мясистымъ, чисто бургонскимъ носомъ, символомъ двуличности, виднѣлся правильный австрійскій ротъ съ короткой верхней губой и толстой властолюбивой нижней. Маленькіе черные бакенбарды съ прямыми стоячими волосами, казалось, были даны ему природою для того, чтобы сдѣлать его

похожимъ на тигра каждый разъ, когда трусость позволяла ему не быть шакаломъ. Большіе совершенно черные глаза, отбѣненные густыми бровями, никогда не смотрѣли прямо въ лицо собесѣднику, а лишь по временамъ, точно крадучись, вскидывались на него. Вертикальная морщина, пересѣкавшая его лобъ, и сильно развитыя надбровныя дуги свидѣтельствовали о желѣзномъ упрямствѣ и цѣпкости этого человѣка, который среди столькихъ революціонныхъ бурь сумѣлъ удержаться на престолѣ, благодаря своей кошачьей увертливости и живучести. Революція несомнѣнно опрокинула бы Нерона или Филиппа II, но она не могла опрокинуть Фердинанда VII, потому что онъ былъ не только тираномъ съ головы до ногъ, но и актеромъ до мозга костей, искушеннымъ въ лицемѣріи чуть не съ пеленокъ. Будучи еще совершеннымъ ребенкомъ, онъ уже составлялъ заговоры противъ временщика князя Годоя и тѣмъ приобрѣлъ въ народѣ ту популярность, за которую Испанія вскорѣ заплатила кровью лучшихъ своихъ сыновъ.

Юношей Фердинандъ составлялъ заговоры противъ своего отца Карла IV, а возмужавъ ползалъ у ногъ Наполеона I, тѣмъ временемъ, какъ вся Испанія поднялась какъ одинъ человѣкъ на защиту его правъ противъ ненасытнаго завоевателя и выдерживала неслыханную борьбу съ его закаленными полчищами. Вернувшись изъ плѣна, онъ отплатилъ за геройскія усилія своихъ подданныхъ самой безсердечной неблагодарностью, изгнаніемъ и казнью самыхъ знаменитыхъ и доблестныхъ испанцевъ, отміной всѣхъ постановленій кадикскаго учредительнаго собранія, возстановленіемъ средневѣковаго деспотизма съ попыткой зажечь снова костры инквизиціи. Когда-же свобода, вотированная кадикскимъ собраніемъ, была возстановлена торжествующей революціей, онъ притворился горячимъ другомъ свободы, которому только давленіе европейскихъ державъ, настроенныхъ тогда очень реакціонно, помѣшало давно завести у себя дорогія его сердцу свободныя учрежденія. Нѣсколько лѣтъ онъ грызъ свои удила, глотая душившее его бѣшенство, скрывая злобу клоковатившую въ его груди подъ благосклонными улыбками и клятвами въ своей преданности конституціи. Это не мѣшало ему, однако, быть душою всѣхъ роялистическихъ заговоровъ и возстаній, происшедшихъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ и закончившихся экспедиціей «пяти тысячъ сыновъ Святого Людовика въ Трокадеръ». Возвративъ себѣ наконецъ свои «священныя права», онъ открылъ

кровавую эпоху разстрѣливанія массаи и политическихъ преслѣдованій, закончившихся только его смертью. Но этотъ король, обманувшій своего отца, своихъ друзей, своихъ министровъ, своихъ сторонниковъ и своихъ враговъ, своихъ братьевъ и своихъ четырехъ женъ, своихъ союзниковъ и свой народъ — однимъ словомъ, всѣхъ и вся, ухитрился обмануть и самую смерть, которая думала отправить его на тотъ свѣтъ раньше, чѣмъ это случилось. Онъ оставилъ намъ послѣ себя брата и его дочь... Однако, мы пишемъ не исторію и потому вернемся къ нашему разсказу.

— Осмѣлюсь-ли, сеньоръ, напомнить о мѣстѣ, обѣщанномъ моему племяннику? проговорилъ Эліасъ. . . Ахъ, еслибъ вы его видѣли! Такого сорви-голова еще свѣтъ не производилъ. Третьяго дня онъ произнесъ рѣчь въ *Фонтанъ* и свелъ ихъ всѣхъ съ ума. Ему аплодировали такъ, что просто стѣны дрожали. Я тоже аплодировалъ. Съ тремя такими ораторами намъ не пришлось бы затратить на это дѣло ни одного реала. Онъ много намъ помогъ, очень много и заслуживаетъ награды.

— Съ меня довольно того, что онъ твой племянникъ и что ты хлопчешь о его назначеніи на это мѣстечко, сказалъ Фердинандъ.— Можешь быть спокоенъ: онъ будетъ совѣтникомъ интендантства Филиппинскихъ острововъ. Его карьера обезпечена. Я вѣдь, знаешь, люблю такихъ юношей, красныхъ, какъ огонь.

— Сеньоръ, сказалъ Эліасъ, кланяясь такъ низко, что кончикъ его носа чуть не коснулся скатерти стола,—не знаю какъ благодарить васъ за такія милости. Но такъ какъ я никогда не утаиваю отъ васъ истины, то осмѣлюсь доложить, что мой племянникъ, собственно говоря, не заслуживаетъ такой чести. Это сумасбродъ, съ головой, набитой всякимъ вздоромъ, и я опасуюсь, что изъ него никогда не будетъ проку. Если я осмѣлился ходатайствовать объ этой милости, то лишь въ виду услугъ, оказанныхъ имъ нашему святому дѣлу.

— Твой племянникъ вполне заслуживаетъ награды. Вотъ здѣсь, между новыми декретами, лежитъ приказъ о его назначеніи.

Король указалъ на кипу бумагъ, лежащихъ на столѣ, и съ улыбкой прибавилъ:

— Наконецъ-то наступитъ день, когда я получу возможность издавать законы на свой страхъ и совѣсть, не спрашивая ничего разрѣшенія. Воображаю, какую гримасу сдѣлалъ бы Феліу,

увидавъ столько декретовъ, подписанныхъ мною даже не посовѣтовавшись съ нимъ...

— Но только ихъ не увидить ни Феліу, ни многіе изъ его товарищей и единомышленниковъ,—въ этомъ я ручаюсь, зловѣщимъ тономъ проговорилъ Эліасъ.—Богъ дастъ, законы справедливаго и премудраго государя будутъ выходить въ свѣтъ и встрѣчать уваженіе и повиновеніе, не ожидая, чтобы какойнибудь Феліу—сынъ уличнаго разнощика, подписалъ подъ нимъ свои каракули. Завтра, государь, завтра! Самое важное, продолжалъ Эліасъ послѣ небольшой паузы,—назначить генералъ-капитановъ и регентовъ для всѣхъ провинцій. Это должны быть люди вполнѣ надежные, способные выполнить во всей точности постановленія относительно общественной безопасности, которое вамъ угодно будетъ издать. Справедливое наказаніе должно постигнуть всѣхъ виновныхъ...

Король сдѣлалъ свой обычный жестъ: поднявъ раскрытую ладонь, онъ быстро опустилъ ее сверху внизъ.

Эліасъ закивалъ головой въ знакъ почтительнаго одобренія.

— Всего вреднѣе, продолжалъ онъ,—излишняя снисходительность, какъ это показалъ примѣръ 1814 года, когда ваше величество изволили ограничиться отправкой нѣсколькихъ сотъ человѣкъ на каторжныя работы въ Цеуту, откуда они вернулись теперь мучениками и героями, вмѣсто того, чтобы...

Эліасъ, хотя и соблюдалъ даже при самыхъ интимныхъ бесѣдахъ со своимъ повелителемъ всѣ правила абсолютистскаго этикета, поднесъ руку къ шеѣ и слегка сдавилъ ее двумя пальцами,—жестъ, который Фердинандъ понялъ какъ нельзя лучше.

— Ужь мы увидимъ, какъ намъ поступить, отвѣчалъ король, при чемъ движеніе его губъ свидѣтельствовало о его рѣшимости не быть столь снисходительнымъ, какъ въ 1814 году.

— Однако, прибавилъ Фердинандъ, взглянувъ на часы, уже двѣнадцатый часъ, а съ той стороны не слышно ничего. Что бы это значило?

— Съ этой стороны они ни въ какомъ случаѣ явиться не могутъ. Они знаютъ, что тамъ стоятъ казармы королевской гвардіи, которая шутить не любитъ.

— Знаю, что гвардія не допуститъ демонстраціи въ чью бы то ни было пользу. Но все-таки...

— Мнѣ кажется, что слышенъ гулъ голосовъ... оттуда...

со стороны площади Воплощенія, сказалъ Эліась, подходя къ балкону и настороживъ уши, какъ воръ.

— Да, точно... сказалъ король. — На площади Афлигидось, кажется, что-то началось.

— Я тоже думаю; они должны уже быть тамъ. Теперь какъ разъ пора начинать. Въ домѣ Алавы всѣ въ сборѣ, карающая рука Провидѣнія поразитъ злодѣевъ на мѣстѣ преступленія... Хотѣлъ-бы я знать, что-то у нихъ замышлялось... Какое-нибудь покушеніе противъ престола, можетъ быть противъ вашей священной особы, сеньоръ. Отъ либераловъ всего можно ожидать.

— Вздоръ! сказалъ король; — просто какая-нибудь парламентская коалиція. Они, вѣроятно, собираются представить какой-нибудь новый законъ и хотятъ сговориться раньше.

— Но для этого, сеньоръ, столько людей не станетъ собираться каждый день да еще съ такими предосторожностями.

— Дѣло въ томъ, что они боятся меня, они знаютъ, что своей парейанской тактикой я могу разрушить всѣ ихъ планы. Кромѣ того, они, можетъ быть, провѣдали о моихъ сношеніяхъ съ Священнымъ Союзомъ или о моей тайной перепискѣ съ Людовіомъ XVIII. Впрочемъ, лишь бы предпріятіе сегодняшней ночи кончилось благополучно, все остальное — пустяки.

Во дворцѣ тѣмъ временемъ началось тревожное движеніе, такъ какъ получены были первыя извѣстія о начавшемся въ городѣ движеніи, смыслъ котораго никому, кромѣ небольшой кучки посвященныхъ, извѣстенъ не былъ. Выслушавъ докладъ дежурнаго офицера, король притворился очень удивленнымъ и даже поклялся, что виновники беспорядка понесутъ строгое и примѣрное наказаніе. Затѣмъ онъ вернулся въ маленькую залу къ своему приближенному совѣтнику, который взволнованный стоялъ у окна, прислушиваясь къ возрастающему шуму.

— Сеньоръ, проговорилъ онъ, — если судить по шуму... они, кажется, уже возвращаются.

— Возвращаются? съ безпокойствомъ спросилъ король.

— Да, возвращаются. И можетъ быть несутъ въ видѣ трофеевъ...

Оба стояли у окна, прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ къ малѣйшему шуму. Въ теченіи получаса въ комнатѣ царило молчаніе, нарушаемое лишь отрывочными фра-

зами Эліаса и отдѣльными восклицаніями короля. Наконецъ, они услышали стукъ колесъ приближающагося экипажа, который вдругъ прекратился у воротъ дворца. Король измѣнился въ лицѣ.

— Кто-бы это могъ быть? проговорилъ онъ, проходя въ пріемную.

Камергеръ доложилъ о прибытіи предсѣдателя кабинета министровъ.

Фердинандъ вернулся на минуту назадъ и, устремляя на Эліаса взглядъ, полный негодованія и испуга, проговорилъ:

— Предсѣдатель кабинета! Но вѣдь ты увѣрялъ меня, что и онъ будетъ тамъ?

— Государь, отвѣчалъ Эліасъ, припадая къ землѣ, какъ собака, надъ которой занесена палка,—навѣрное случилось что-нибудь необыкновенное. Феліу тоже тамъ былъ.

— Онъ здѣсь! крикнулъ Фердинандъ, топая ногой. — Все погбло; Феліу сейчасъ придетъ. Спрячься, я приму его здѣсь. Мнѣ хочется, чтобъ ты слышалъ все, что онъ скажетъ.

Эліасъ спрятался. Король приказалъ провести предсѣдателя министровъ въ маленькій кабинетъ. Феліу вошелъ, вѣ себя отъ волненія; что-же касается короля, то онъ былъ невозмутимо спокоенъ, по крайней мѣрѣ по виду. Онъ встрѣтилъ министра заявленіемъ, что только что выслушалъ отъ дежурнаго офицера докладъ о вспыхнувшемъ въ городѣ возмущеніи, но что онъ не придаетъ ему серьезнаго значенія.

— Сеньоръ, отвѣчалъ Феліу,—это не вспышка, вызванная народнымъ броженіемъ, а настоящій заговоръ, организованный людьми, смотрящими на народъ лишь какъ на орудіе для достиженія своихъ разрушительныхъ стремленій.

— Но кто-же они? Кто? спросилъ Фердинандъ съ притворнымъ негодованіемъ.

— Они враги вашего правительства, сеньоръ...

— Изъ-за чего-же начали они возмущеніе сегодня?

— Они хотѣли ворваться въ домъ Алавы, съ намѣреніемъ убить его, какъ можно было догадаться по крикамъ и поведенію толпы. Но Алава былъ предупрежденъ однимъ молодымъ человѣкомъ, случайно узнавшимъ о кровавомъ заговорѣ. Увѣдомленный обо всемъ, комендантъ города ввелъ въ домъ двѣ роты солдатъ и такимъ образомъ преступленіе было предупреждено.

— Гдѣ-же все это происходило?

— На площади Афлигидось.

— Но вѣдь Алава живетъ, кажется, на улицѣ Аманіель? проговорилъ король такимъ наивнымъ тономъ, который на минуту смутилъ министра.

— Да, сеньоръ, онъ дѣйствительно жилъ тамъ до послѣдняго времени, но теперь перебрался на площадь Афлигидось, гдѣ у него тоже есть домъ.

— Но я все-таки не могу понять, какимъ образом поднимается толпа съ цѣлью убить одного человѣка. Не было-ли въ домѣ какого-нибудь собранія людей, ненавистныхъ народу? Какъ-бы то ни было, необходимо примѣрное наказаніе. Надѣюсь, па этотъ разъ вы не смутитесь криками этой сволочи. Нужно прекратить, наконецъ, эти постоянныя возмущенія черни. Право-же, съ тѣхъ поръ какъ Испанія стала свободной, мы ни одной ночи не спимъ спокойно.

— Когда я разстался съ своими товарищами, военный министръ получилъ нѣсколько рапортовъ о томъ, что толпы бунтовщиковъ разсѣялись и спокойствіе восстановлено повсюду. Но репрессивными мѣрами, сеньоръ, невозможно предупредить повторенія подобныхъ-же беспорядковъ на будущее время. Необходимы серьезныя предупредительныя мѣры, безъ которыхъ министерство совершенно не въ силахъ отвѣчать за спокойствіе города. Недовольные элементы кишатъ повсюду, даже въ тѣхъ сферахъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно-бы ожидать, потому что существуютъ люди слабые умомъ, которые никакъ не могутъ повѣрить, что интересъ вашего величества и всего народа заключается въ поддержкѣ свободныхъ учреждений, одинаково дорогихъ какъ сердцу вашего величества, такъ и большинству испанскаго народа. Есть люди до такой степени ослѣпленные, что они не видятъ, что вы, сеньоръ, больше всѣхъ любите конституцію и больше всѣхъ желаете ея долговѣчности. Всѣ либеральные законы, санкціонируемые вашимъ величествомъ, не въ состояніи разубѣдить этихъ людей. Что-же можетъ предпринять противъ нихъ министерство?

Фердинандъ чуть не скрежеталъ зубами отъ бѣшенства, потому что прекрасно понималъ довольно прозрачныя намеки своего министра. Но положеніе его было безвыходно и ему ничего не оставалось, какъ излить свой гнѣвъ на голову своихъ сторонниковъ, мечтающихъ о восстановленіи абсолютизма.

— Покушеніе сегодняшней ночи, продолжалъ министръ, — окончилось ничѣмъ. Но если мы хотимъ помѣшать ему возобновиться завтра, то должны доискаться источниковъ этого зла. Я убѣжденъ, что не «крайніе» виновники всѣхъ волненій послѣдняго времени.

— Кто-же? спросилъ, весь вспыхнувъ Фердинандъ, который, не смотря на всю свою трусость, почувствовалъ себя задѣтымъ весьма недвусмысленными намеками министра.

— Сеньоръ, я сочту своей обязанностью разобрать это дѣло и представить вамъ подробный докладъ о немъ. Теперь-же, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, могу сообщить, что среди людей крайняго образа мыслей вращаются лица, не только никогда не пользовавшіяся репутаціей либераловъ, но даже, наоборотъ, слышшія за отчаянныхъ реакціонеровъ, что не мѣшаетъ имъ подстрекать на крайности, которыхъ мы являемся свидѣтелями. Мнѣ кажется, сеньоръ, что эти люди злѣйшіе изъ враговъ вашего величества. На нихъ должно быть сосредоточено вниманіе правосудія.

— Да, отвѣчалъ король, со своимъ обычнымъ лицезрѣемъ; — если существуютъ безумцы, полагающіе, что для меня можетъ быть слава или честь внѣ конституціи, то я готовъ наказывать ихъ съ еще большей строгостью, чѣмъ самыхъ бѣшеныхъ демагоговъ.

— Сеньоръ, продолжалъ Феліу, — нѣтъ словъ, чтобы заклеймить поведеніе чловѣка, весьма извѣстнаго въ Мадридѣ, который имѣлъ дерзость употреблять имя вашего величества, чтобы прикрыть и оправдать свои гнусныя интриги. Этого чловѣка зовутъ Эліасомъ Орехономъ, хотя въ клубахъ его знаютъ больше подъ именемъ Закорючки.

— Этого негодяя и всѣхъ ему подобныхъ нужно истребить, сказалъ король, повторяя свое любимое выраженіе. — Подобные мерзавцы приносятъ мнѣ больше вреда, чѣмъ всѣ красные республиканцы вмѣстѣ взятые, потому что они роняютъ меня въ общественномъ мнѣніи.

— Ручаюсь вамъ, сеньоръ, что на этотъ разъ этотъ чловѣкъ не уйдетъ изъ рукъ правосудія. Министерство уже отдавало предписаніе объ его арестѣ, но каждый разъ, неизвѣстно какимъ образомъ, ему удавалось обмануть бдительность полиціи, и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, онъ нагло прохаживался по улицамъ столицы, прикрываясь мнѣомъ какихъ-то

высокихъ покровительствъ. Но теперь онъ ужь не ускользнетъ отъ насъ.

— Хорошо. Назначьте хорошую премію за его поимку. Я прибавляю пятьсотъ дублоновъ изъ собственной шкатулки.

— Слушаю, сеньоръ! Завтра буду имѣть честь представить подробный отчетъ о принятыхъ нами мѣрахъ; полагаю, что военный министръ не замедлитъ явиться къ вашему величеству съ докладомъ....

— Сегодня? спросилъ король съ выраженіемъ скуки.

— Вижу, что вашему величеству угодно отдохнуть. За сегодняшнюю ночь опасаться нечего. Вы можете опочить спокойно.

— Хорошо. Можете удалиться.

Министръ ушелъ, по всей вѣроятности, очень довольный собою; онъ высказалъ хорошо то, чего никогда не осмѣлился бы произнести въ болѣе спокойную минуту. Феліу былъ чело-вѣкъ робкій и нерѣшительный и многія изъ неудачъ либеральной партіи за это время объясняются тѣмъ, что партія имѣла такого малодушнаго вождя.

Оставшись одинъ, Фердинандъ подошелъ къ ширмамъ, за которыми стоялъ Эліасъ, и быстрымъ движеніемъ чуть не опрокинулъ ихъ на землю. Фигура Эліаса освѣтилась стоявшей на столѣ яркой лампой. Онъ былъ ужасенъ. Пересохшія отъ горячаго дыханія губы его дрожали, кулаки были судорожно сжаты и онъ, что есть мочи, колотилъ ими по своей лысой головѣ.

— Слышалъ? крикнулъ, внѣ себя отъ гнѣва, король, стукнувъ ногою объ полъ такъ, что задрожали окна. — Слышалъ, что вышло? И ты еще смѣлъ увѣрить меня, что все подготовлено какъ нельзя лучше, что ты за все ручаешься, что я могу вполне положиться на тебя? О, что мнѣ за несчастіе! прибавилъ онъ. — Человѣка, одного только человѣка, который былъ-бы мнѣ искренно преданъ, прошу я у тебя, Боже!

— Сеньоръ, вскричалъ Эліасъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и протягивая костлявыя руки къ своему повелителю. — Сеньоръ, насъ предали; это все подлець мой племянникъ. Я догадываюсь.

— Нѣтъ! воскликнулъ король, обращая къ нему пылавшее гнѣвомъ лице. — Не племянникъ, а ты самъ меня предалъ; ты скомпрометировалъ меня своимъ неосторожнымъ поведеніемъ.

Ты слышалъ: весь городъ знаетъ, что ты былъ моимъ агентомъ. Феліу намекалъ на это довольно ясно. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось вырвать ему языкъ.... Ты, ты меня предалъ!

— Сеньоръ, сказалъ Эліасъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы;— сеньоръ, пронзите мнѣ лучше сердце, но не говорите, что я васъ предалъ. Я не могу предать васъ. Избейте меня, плюньте мнѣ въ лице, но не говорите такихъ вещей.... Ваше дѣло было всегда единственнымъ моимъ помышленіемъ. Ему отдалъ я всю свою душу и всѣ свои способности, и если оно не удалось, то не по моей винѣ. Богъ подвергаетъ испытанію наше мужество и нашу вѣру и дозволяетъ совершаться ужаснымъ вещамъ. Не вините же меня напрасно, сеньоръ, я вамъ служилъ какъ собака.

Въ эту минуту—можемъ увѣрить читателя—Эліасъ былъ бы очень счастливъ, еслибы Фердинандъ схватилъ въ свою руку славный мечъ своихъ предковъ и пронзилъ ему сердце. Но король не сдѣлалъ этого. Фердинандъ не удостоилъ его даже взглядомъ. Весь погруженный въ свои думы, онъ по временамъ топалъ ногой и хватался руками за голову, не произнося ни слова. У порога Эліасъ въ послѣдній разъ обернулся въ надеждѣ удостоиться королевскаго взгляда. Но не дождался его и вышелъ, низко опустивъ голову, съ сердцемъ, переполненнымъ горечью и тоской.

XL.

Рѣшительное объясненіе.

Лацаро оставался въ домѣ Алавы все время, пока продолжалась стычка. Вмѣстѣ со своими товарищами, онъ нѣсколько разъ думалъ, что пришелъ его послѣдній часъ, потому что толпа, отхлынувшая въ первую минуту при видѣ штыковъ, снова ворвалась въ домъ, оспаривая у войска обладаніе темнымъ проходомъ. Когда всякая опасность миновала, въ домъ вошло всего три человѣка, остальные же одинъ за другимъ вышли изъ сада, пользуясь ночной темнотой. Все было устроено такимъ образомъ, чтобы въ предстоящемъ рапортѣ генераль-капитана не фигурировало ничего, могущаго навести на мысль о тайномъ собраніи, имѣвшемъ мѣсто въ этомъ домѣ.

Лацаро воспользовался первой удобной минутой, чтобы от-

правиться на улицу Умильядеро, гдѣ Клара съ величайшимъ безпокойствомъ ожидала его возвращенія. Отъ Паскуалы она узнала о начавшемся въ городѣ движеніи, и такъ какъ ей было извѣстно, что Лацаро занимается политикою, то ей тотчасъ же представилось, что онъ непременно участвуетъ въ немъ и если не возвращается, то это значитъ, что съ нимъ случилось что-нибудь ужасное. Лихорадка, мучившая ее утромъ, по какой-то милости природы мало по малу ослабѣвала сама собою по мѣрѣ того, какъ увеличивалась тревога ожиданія. При малѣйшемъ шумѣ на улицѣ Клара бросалась къ окну; всякій отдаленный гулъ заставлялъ ее вздрагивать. Паскуала вполне раздѣляла волненіе своей бывшей госпожи. Она прибѣгала къ всевозможнымъ хитростямъ, чтобы помѣшать своему мужу присоединиться къ возстанію, и запрятала въ самый дальній уголъ погреба его ружье. Трактирщикъ, который въ сущности былъ смиреннѣйшій изъ людей, видя, что ему такъ усердно преграждаютъ путь къ неуваждаемой славѣ, успокоился за бутылкой своего лучшаго вина, которое на этотъ разъ жена не думала отнимать у него. А такъ какъ къ тому-же онъ былъ очень тихъ во хмѣлю, то, напившись, спокойно растянулся на скамейкѣ.

Всю ночь провела Клара въ мучительномъ ожиданіи, посматривая ежеминутно на стрѣлку часовъ, двигавшуюся такъ томительно медленно. Она перечитала всѣ знакомыя ей молитвы, не забывъ и тѣхъ, которымъ научила ее донья Паулиты, но молодой человекъ все не являлся. Когда-же, наконецъ, рано утромъ, онъ показался въ дверяхъ и Клара убѣдилась, что онъ не раненъ, что ему не отрубили ни руки, ни ноги, не снесли полчерепа, что на груди его не зіяло кровавое отверстіе, какъ это рисовала ей болѣзненная фантазія, она вскочила съ своего мѣста, бросилась ему на шею и нѣсколько минутъ не могла проговорить ни слова.

— Еслибъ ты знала, что меня задержало, то не стала-бы сердиться, сказалъ Лацаро въ отвѣтъ на ея нѣжные упреки. — Я спасъ жизнь двадцати знаменитѣйшимъ людямъ Испаніи. Ихъ чуть было не перерѣзали всѣхъ въ эту ночь.

— Иезусъ! вскричала Паскуала, хватаясь за голову. — Какъ хорошо, что я не пустила на улицу своего мужа; его навѣрное тоже бы зарѣзали.

— Адскій заговоръ былъ составленъ съ цѣлью захватить

ихъ въ расплохъ въ одномъ домѣ, гдѣ они собирались, и перебить ихъ всѣхъ до послѣдняго. И всему виною этотъ гнусный старикъ...

— Но ты больше не уйдешь отсюда, неправда-ли? съ волненіемъ спросила Клара.

— Мнѣ необходимо уйти. Хотятъ арестовать и по всей вѣроятности казнить моего дядю. Онъ этого вполне заслуживаетъ, но онъ братъ моей матери... Я сдѣлалъ все, чтобы помѣшать осуществленію его кровавыхъ замысловъ и теперь хочу сдѣлать все, чтобы спасти его. Необходимо предупредить его и притомъ немедленно, иначе будетъ поздно и смерть его останется на моей совѣсти.

Клара не могла преодолѣть въ себѣ чувства жалости къ человѣку, который, хотя и былъ ея тираномъ, все же замѣнилъ ей отца.

— Иди, иди, если такъ, сказала она.—Бѣдный старикъ! Что-же онъ могъ сдѣлать? Но не лучше-ли, вмѣсто того, чтобъ идти тебѣ самому, послать къ нему хотя-бы Паскуалу съ запиской?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ необходимо поговорить съ нимъ лично. Я сейчасъ же вернусь, не бойся ничего. Что можетъ со мной случиться?

— Ахъ, Боже мой, мнѣ все еще кажется, что я слышу ужасные крики сегодняшней ночи... Ну, а что если онъ на тебя разсердится?

— Кто?

— Дядя. Теперь вѣроятно онъ злѣе, чѣмъ когда-бы то ни было.

— Мнѣ все равно. Сегодня я съ нимъ увижусь въ послѣдній разъ.

— Но вѣдь ты можешь встрѣтиться въ домѣ съ двумя старухами... Что если донья Саломе чѣмъ-нибудь тебя обидитъ, или начнетъ бранить меня и скажетъ, что я безвозвратно гибшая...

— Если она скажетъ что-нибудь обидное мнѣ, то это, право, нисколько не огорчитъ меня. Если же она вздумаетъ оскорблять тебя, то послѣ этого она едва-ли когда-нибудь рѣшится произнести твое имя.

— А что если онѣ узнаютъ, гдѣ я, и придутъ всѣ втроемъ

мучить меня и говорить мнѣ, что я великая грѣшница? О, я умру, какъ только ихъ увижу!

— Не придуть, отвѣчалъ Лацаро, улыбаясь.—А если придуть, я съумѣю ихъ принять.

— Что до этого, вмѣшалась Паскуала, то вамъ, синьорита, бояться нечего. Здѣсь не онѣ хозяйки, и если онѣ придуть, то у меня про нихъ припасена качалка. Да и мужъ мой шутить не любитъ. Онъ смиренъ, но какъ разсердится—бѣда.

— Ну, иди - же, проговорила Клара съ грустью, заставившей на минуту поколебаться молодого арагонца.

— Да, нужно! воскликнулъ онъ.—Прощай, я скоро вернусь.

Онъ вышелъ и быстрыми шагами направился на улицу Белень. Было около восьми часовъ утра, когда онъ вошелъ въ домъ высокоблагородныхъ сеньоръ. Доньи Марія и Саломе ушли искать квартиру, такъ что донья Паулита осталась совершенно одна. Когда святая отворила дверь и увидѣла передъ собою Лацаро, удивленіе и смущеніе ея были такъ велики, что довольно долго она не могла выговорить ни слова и только смотрѣла на него пристальнымъ и удивленнымъ взглядомъ, точно это было видѣніе, которое съ минуты на минуту можетъ исчезнуть, растворившись въ пространствѣ.

— Ахъ! воскликнула она, затворяя за нимъ дверь,—я думала, что никогда больше васъ не увижу.

Лацаро очень обрадовался, узнавъ, что обѣихъ гарпій нѣтъ дома. Къ доньѣ Паулитѣ онъ чувствовалъ искреннее уваженіе и признательность. Никогда не слыхалъ онъ отъ нея ни малѣйшаго упрека и Клара тоже говорила ему, что ни въ чемъ не можетъ на нее пожаловаться. Однако, воспоминаніе о мистическомъ разговорѣ, происходившемъ между ними въ день внезапной болѣзни святой, заставило его сильно задуматься. Не зная самъ почему, когда онъ очутился въ этомъ мрачномъ домѣ наединѣ съ этой блѣдной женщиной, лицо которой хранило слѣды трехдневнаго лихорадочнаго бреда, — когда онъ замѣтилъ ея порывистое дыханіе, легкую дрожь, пробѣгавшую по ея плечамъ, когда онъ увидѣлъ эти жгучіе глаза—ему сдѣлалось страшно.

— Дядя дома? спросилъ онъ.—Мнѣ нужно его видѣть.

— Нѣтъ, со вчерашняго дня онъ не показывался.

— Какая досада! Мнѣ необходимо повидаться съ нимъ, какъ можно скорѣй.

— Подождите, онъ можетъ быть вернется къ обѣду.

— Нѣтъ, это будетъ поздно. Пойду искать его. Прощайте, сеньора, мы больше никогда не увидимся.

Донья Паулита взглянула на Лацаро съ такимъ видомъ, какъ будто онъ сказалъ нѣчто въ высшей степени неправдоподобное и даже нелѣпное.

— Никогда не увидимся? сказала она, закрывая глаза.— Нѣтъ, я этому не вѣрю; этого не можетъ быть.

— Нѣтъ, сеньора, это, къ сожалѣнію, правда. Мнѣ невозможно ни одного дня оставаться болѣе въ этомъ домѣ. Прощайте.

— Лацаро! воскликнула она, хватая его за руку, какъ утопающій хватается при кораблекрушеніи за послѣднюю доску;— вы уходите?.. Я остаюсь одна на вѣки! О, я готова лучше тысячу разъ умереть!

Лацаро смутился. Дрожащія пересохшія губы Паулиты, выраженіе ея лица и глазъ, все дышало такимъ безпредѣльнымъ отчаяніемъ, что арагонецъ не зналъ, что сказать въ отвѣтъ.

— Вѣдь я не живу.... Я мертвая, а я хочу жить! Я могу еще возродиться, могу спастись и спасти свою душу, которая погибнетъ, если такое существованіе продолжится. Видя, что вы не приходите, я начинала терять надежду; но вы вернулись, и я снова вѣрю, что воскресну. Когда-то я думала, что Богъ предназначаетъ меня для примѣрной жизни, полной молитвъ и спокойствія; но Богъ насмѣялся надо мной, Онъ показалъ мнѣ, что все то, чѣмъ я такъ гордилась—пустой фарсъ и мое мнимое совершенство—одинъ мыльный пузырь. Я еще не жила и не знала себя до сихъ поръ. Теперь глаза мои раскрылись и потому я не могу продолжать этого самообмана; то, что прежде было моимъ величайшимъ наслажденіемъ, теперь было-бы для меня непрерывной пыткой.

— Сеньора, сказалъ Лацаро, понявъ наконецъ все то, что составляло для него задачку въ этой женщинѣ,—сеньора, не волнуйтесь черезъ мѣру. Возвратите себѣ вашу свободу и не приносите въ жертву своего счастья прихотямъ семьи. Обѣ ваши тетки—особы черезъ-чуръ нетерпимыя.

Таковыми словами Лацаро думалъ уклониться отъ категори-

ческаго объясненія, котораго очевидно ожидала отъ него Паулита.

— Что мнѣ за дѣло до моихъ тетокъ! отвѣчала она.—Я ихъ люблю; онѣ мои родственницы и подруги всей моей жизни. Но разъ я приняла рѣшеніе, мнѣ рѣшительно все равно, что онѣ обо мнѣ подумаютъ или что скажутъ. Мое рѣшеніе безповоротно, Лацаро.

Но напрасно глаза ея искали въ лицѣ молодаго человѣка, хотя-бы слабого отраженія тѣхъ чувствъ, которыя клокотали въ ея груди. Не зная чѣмъ отвѣтить на горячую исповѣдь этой женщины, онъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ двери.

— Нѣтъ! воскликнула Паулита, силою удерживая его за руку.—Вы не уйдете. Что за мысль? Развѣ я могу остаться одна? Вѣдь для меня это медленная смерть; ужъ вы-бы лучше просто убили меня. А вы еще говорили, что всю жизнь останетесь благодарны мнѣ за то, что я для васъ сдѣлала. Да послѣ этого вы олицетворенная неблагодарность! Вы одинъ изъ тѣхъ безсердечныхъ эгоистовъ, которые ничего не заслуживаютъ кромѣ равнодушія.... Зачѣмъ, зачѣмъ судьба устроила такъ, что величайшія сокровища любви отдаются именно тѣмъ, кто ея вовсе не стоитъ!

— Нѣтъ, я не эгоистъ и не безсердечный человѣкъ, сказалъ Лацаро, чувствуя, что ему невозможно уклониться отъ объясненій, которыхъ съ такой настойчивостью добивается эта странная женщина.—Нѣтъ, если меня и можно назвать неблагодарнымъ, то никакъ не по отношенію къ вамъ, единственному существу, въ которомъ я встрѣтилъ сочувствіе и расположеніе въ самую горькую минуту моей жизни.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?... Знаете, что мнѣ пришло въ голову? Счастье дѣлаетъ человѣка добрымъ. Я тоже хочу сдѣлаться доброй. Я хочу счастья и мнѣ чудится, что я его дождусь и что со мной его кто-то раздѣлитъ. О, вы очень удивитесь, услышавъ то, что я вамъ скажу. Вы можете быть даже и не повѣрите мнѣ. Это непостижимо.

Лацаро, который былъ убѣжденъ, что донья Паулита Пореньосъ и безъ того уже наговорила много удивительнаго, внутренно затрепеталъ, услышавъ обѣщаніе новыхъ еще болѣе удивительныхъ признаній.

— Для полнаго счастья, о которомъ я мечтаю, одной любви недостаточно; т. е. ея собственно говоря достаточно, но, чтобы

устранить множество огорченій, ее отравляющихъ, нужно кое-что еще. Когда является неумолимая бѣдность, любовь мало по малу гаснетъ, каждый трепещетъ за другаго и оба трепещутъ за дѣтей; счастье всей жизни ежеминутно виситъ на волоскѣ. Завтрашній день встаетъ, какъ чудовищное пугало; начинается сожалѣніе и раскаяніе. Все это я поняла послѣ долгихъ размышленій, хотя мнѣ кажется, что я уже читала это въ какой-то книгѣ.

— Вы совершенно правы, сеньора, отвѣчала Лацаро, обрадовавшись, что разговоръ принимаетъ такой оборотъ.

— Ну, такъ я вамъ должна сказать одну вещь, которая васъ очень удивитъ, проговорила Паулита, устремляя на молодого человѣка свои меланхолическіе нѣжные глаза.—Я очень богата.

Дѣйствительно Лацаро разинулъ ротъ отъ удивленія.

— Да, повторила она,—я очень богата. Васъ это удивляетъ, потому что вамъ извѣстно въ какой крайней нуждѣ мы до сихъ поръ жили..... Но это секретъ, который я довѣряю только вамъ. Вы, конечно, догадываетесь какое употребленіе я намѣрена сдѣлать изъ своего богатства. Всякія объясненія между нами излишни. Мы вѣдь вполне понимаемъ другъ друга, не правда-ли?

— Да, сеньора, въ извѣстномъ смыслѣ, уклончиво отвѣчала Лацаро.

— Я богата. Нѣсколько времени тому назадъ это было для меня совершенно безразлично и я могла разбогатѣть или же раззориться совершенно не замѣтивъ этого. Теперь не то. Я смотрю на свои сокровища какъ на средства къ жизни. Мнѣ самой ничего не нужно; но люди съ честолюбіемъ нуждаются въ большихъ средствахъ. Вѣдь намъ они нужны, не правда-ли?

Послѣ минутнаго, довольно непріятнаго колебанія, Лацаро рискнулъ отвѣтить:

— Да, сеньора.

— Я была еще совершеннымъ ребенкомъ, когда умеръ мой дядя. Въ домѣ всѣ были въ отчаяніи; мы раззорились. Нужно было оставлять дворецъ нашихъ предковъ и перебираться въ эту лачугу. Тетки мои все время плакали и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотали о скорѣйшемъ переѣздѣ въ новое помѣщеніе. Я ни во что не вмѣшивалась и только и дѣлала, что молилась въ

старой капеллѣ у своего наложника изъ чернаго дерева, который былъ мнѣ очень дорогъ, потому что весь былъ уставленъ статуями моихъ любимыхъ святыхъ. День переѣзда былъ для меня очень тяжелымъ днемъ: пришлось снимать наложника и вынимать изъ нишъ моихъ святыхъ, такъ какъ они непременно поломались-бы при перевозкѣ. Я принялась за эту работу, потому что никому не хотѣла ее довѣрить. Снимая статую святой Либрады, я нечаянно отломила кусочекъ доски, служившей ей подставкой и, въ образовавшейся щели, увидѣла что-то блестящее. Это возбудило мое любопытство. Я стала внимательно осматривать наложника и замѣтила тонкую щель, какъ отъ хорошо пригнаннаго ящика. Засунувъ въ нее лезвие ножа, я безъ труда выдвинула довольно большой ящичекъ, который весь оказался наполненнымъ золотыми монетами стариннаго чекана. Я задвинула ящикъ, закрыла отверстіе у подножья святой Либрады и никому ничего не сказала о своемъ открытіи. Наложники увязали веревками, перевезли сюда и поставили въ мою комнату, гдѣ онъ находится до сихъ поръ. Въ началѣ я смотрѣла на это золото какъ на игрушку или какъ на память отъ моего отца, такъ какъ я знала, что этотъ наложникъ принадлежалъ ему. По ночамъ, когда въ домѣ все спало, я выдвигала иногда ящикъ и любовалась красивыми монетами. Нѣсколько разъ мнѣ хотѣлось рассказать обо всемъ теткамъ, но всегда меня останавливалъ какой-то суевѣрный страхъ. Мнѣ казалось, что эти деньги предназначены для какого-то великаго дѣла и потому, не смотря на всю нужду, которую намъ приходилось иногда испытывать, я ни разу не взяла оттуда ни одного дублона. Мнѣ чудилось, что мое сокровище растаетъ какъ снѣгъ, лишь только я унесу отъ него хотя-бы малѣйшую частицу. Теперь великая минута наступила. Эти сокровища дадутъ мнѣ возможность воскреснуть, наверстать все, чего не додала мнѣ жизнь. Эти деньги мои—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Наложникъ принадлежалъ отцу и только онъ или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ могъ сложить туда эти деньги. Разумѣется, я подѣлюсь съ тетками, но и того, что достанется на мою долю, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы дать мнѣ все, чего только я могу пожелать въ жизни.

Не желая осложнять и безъ того запутанное положеніе, Лацаро отвѣчалъ:

— Да, сеньора.

Паулита вошла въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, неся въ рукахъ ящикъ.

— Вотъ оно. Это все мое, наше.

Съ этими словами она подошла къ Лацаро, держа въ обѣихъ рукахъ свое сокровище.

— Вы очень хорошо дѣлаете, что рѣшаетесь пустить все это въ обращеніе, сказалъ онъ.—Зачѣмъ хранить деньги, которыя могутъ быть такъ полезны вамъ и.... другимъ.

— О, да! съ увлеченіемъ воскликнула Паулита.—Это все наше.

Лацаро не зналъ, какъ ему быть и рѣшился разомъ вырваться изъ этого непріятнаго положенія.

— Сеньора, сказалъ онъ,—я уйду. Мнѣ невозможно оставаться здѣсь долѣе.

— И мнѣ тоже, отвѣчала она.— Пойдемъ. Я тоже уйду.

— Вы, сеньора? воскликнулъ смущенный Лацаро.

— Да, мы оба. Пойдемъ!

— Сеньора, вы бредите. Это невозможно.

— Твоя правда, невозможно. Мы не можемъ оставаться больше здѣсь.

— Намъ необходимо разстаться, сеньора, если мы не хотимъ сдѣлать другъ друга несчастными.

— Какъ? что ты сказалъ? проговорила Паулита съ удивленіемъ.

Она была блѣдна и только губы горѣли отъ внутренняго огня. Голосъ ея, обыкновенно столь пронзительный, пріобрѣлъ какой-то глубокой грудной тембръ. Огромные, черные какъ ночь, глаза пожирали юношу страстнымъ, безумнымъ взглядомъ.

— Что ты сказалъ? прошептала она.

— Вы больны, вы очень больны, сеньора, проговорилъ Лацаро, стараясь ее успокоить.

Паулита улыбнулась какой-то блаженной улыбкой и, взявъ Лацаро за руку, нѣжно привлекла его къ себѣ.

— Пойдемъ вонъ изъ этого гроба.

— Вамъ нельзя уходить. Что подумаютъ о васъ.... Успокойтесь, ради Бога, и подумайте....

— Пойдемъ.

— Куда-же мы пойдемъ? Зачѣмъ? Развѣ вы не видите, что это невозможно? Зачѣмъ намъ уходить вдвоемъ?

Паулита вся вздрогнула и, устремивъ на Лацаро взглядъ, въ которомъ, казалось, сосредоточилась вся сила подавленной страсти, проговорила:

— Глупый, развѣ ты не видишь, что я тебя обожаю?

Лацаро окаменѣлъ, точно бездонная пропасть развернулась подъ его ногами. Паулита въ изнеможеніи опустилась на стулъ, какъ будто вмѣстѣ со страстнымъ признаніемъ половина души вырвалась изъ ея груди. Много времени прошло, прежде чѣмъ Лацаро заговорилъ.

— Я не стою такого чувства, сеньора. Ваше сердце ошиблось, обративъ свои сокровища на человѣка, который настолько ниже васъ. Сохраните его для другого, достойнѣйшаго, который съумѣетъ оцѣнить васъ, какъ вы того заслуживаете. Препятствія непреодолимая, которыхъ ничто не въ состояніи устранить, отдѣляютъ насъ. Мы должны разлучиться на вѣки.

Паулита сдѣлала рукою движеніе, точно хотѣла заговорить, но языкъ не повиновался ей. Она схватилась за грудь, откинула голову назадъ, зашаталась и съ крикомъ грохнулась на землю, опрокинувъ при своемъ паденіи ящикъ съ деньгами, стоявшій на стулѣ. Золото покатилося по комнатѣ. Лацаро бросился къ Паулитѣ, чтобы положить ее на диванъ, но въ эту самую минуту загремѣлъ ключъ и донья Марія и Саломе спокойно вошли въ комнату.

Легко представить себѣ удивленіе старухъ при видѣ такого необычнаго зрѣлища: Паулита безъ чувствъ на полу, смущенный Лацаро около нея, куча золотыхъ монетъ, бывшихъ такими рѣдкими гостями въ этомъ домѣ, въ изобиліи разсыпанныхъ по полу.

Первый предметъ, привлекшій вниманіе Саломе, было золото; первой ея мыслью было броситься собирать его. Донья Марія посмотрѣла на Лацаро, потомъ на Паулиту и съ величественнымъ жестомъ проговорила:

— Это что такое?

— Сеньора, сказалъ Лацаро, стараясь оправиться;— очень непріятный случай.. Донья Паулита упала въ обморокъ. Мы съ ней разговаривали, и вдругъ, передъ самымъ вашимъ приходомъ, она упала безъ чувствъ.

— Но эти деньги? спросила донья Марія.

— Это все принадлежитъ ей, отвѣчалъ Лацаро.

— Ей! воскликнула старуха, и глаза ея загорѣлись алчностью.

Затѣмъ обратившись къ Саломе, которая ползала на колѣняхъ по полу, собирая разсыпавшіяся монеты, она крикнула:

— Дай его сюда, дай сюда, я его спрячу.

— Я сама спрячу.

— Но откуда она взяла столько денегъ? спросила донья Марія.

— Она давно нашла ихъ въ одной старой мебели, сказалъ Лацаро, который старался привести въ чувство больную, тѣмъ временемъ какъ старухи были поглащены золотомъ.

Лацаро не хотѣлъ оставаться ни минуты въ этомъ проклятомъ домѣ. Онъ взглянулъ съ глубокой тоскою на безгранично несчастную дѣвушку, все еще лежавшую безъ чувствъ, и выбѣжалъ вонъ.

XLI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Желая во что бы то ни стало повидаться съ дядей въ то же утро, Лацаро отправился къ аббату Караскозѣ, у котораго часто бывалъ Эліасъ, и здѣсь увидѣлъ слѣдующую печальную картину: Караскоза сидѣлъ на стулѣ, поджавъ подъ себя ноги, что дѣлало его похожимъ на птицу, сидящую на вѣткѣ. Локтями онъ оперался на колѣни, подпирая руками голову, точно она не держалась у него на плечахъ и сама клонилась къ землѣ. Лицо его было такъ печально, что Лацаро хотя и былъ занятъ совершенно другимъ, не могъ удержаться, чтобъ не спросить:

— Что съ вами, донъ-Хиль?

— Ахъ, что за низость, что за низость! Представьте, она меня бросила, она ушла... А я ее такъ любилъ!..

Лацаро понялъ, что дѣло касается доньи Леонсіи, перерѣлой бискайской красавицы.

— Но какже это случилось? Изъ-за чего?

— О, это все дѣло того проклятаго мальчишки, того поэта, который жилъ въ этой комнатѣ. Какое предательство! Нездаромъ я всегда такъ ненавидѣлъ поэтовъ.

— Успокойтесь, донъ-Хиль; не вы первый, не вы послѣдній. Поговоримте о другомъ. Не знаете-ли, гдѣ теперь мой дядя?

— Этакая низость! продолжалъ донъ-Хиль, не обращая никакого вниманія на вопросъ. — Кто-бы могъ подумать, что она такъ заплатитъ мнѣ за мою преданность? Наслѣдство такъ и пропало... О, проклятый мальчишка!

— Что-жь будешь дѣлать, донъ-Хиль? Въ жизни такъ всегда бываетъ. Нужно съ этимъ мириться.

— У нея было наслѣдство... Я это нечаянно открылъ, когда былъ еще писаремъ.

— Такъ гдѣ-же мнѣ найти дядю? Не можете-ли мнѣ связать?

— Говоря по правдѣ, продолжалъ аббатъ, — ея-то мнѣ не особенно жалко... Но наслѣдство... Зачѣмъ-же я хлопоталъ столько времени?

— Отвѣтите-же пожалуйста на мой вопросъ.

— О, наслѣдство такое, что впору хотъ кардиналу.

— Да скажите-же, мнѣ ради Бога...

— И все пошло прахомъ!.. Столько хлопоталъ...

Лацаро понялъ, что ему здѣсь ничего не добиться. Онъ ушелъ, оставивъ аббата въ той-же позѣ, и направился на Умильядеро. Тамъ онъ засталъ Боцмедіано, съ нетерпѣніемъ его поджидавашаго.

— Любезный другъ, сказалъ Клавдіо, идя ему на встрѣчу; — на васъ точать зубы. Необходимо принять предосторожности.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы, конечно, поймете, что есть люди, которымъ пришелся не по вкусу вашъ вчерашній поступокъ. Я имѣю несомнѣнные доказательства, что они за вами слѣдятъ.

— Ну такъ что-жь? спросилъ Лацаро.

— Нужно быть осторожнымъ. Они очевидно хотятъ вамъ отомстить и конечно самымъ ужаснымъ способомъ. Шутить съ этимъ нельзя. Только что изъ трактира вышли четыре человѣка, которые, я увѣренъ, должны были высмотрѣть, когда вы вернетесь. Мнѣ кажется, что вамъ слѣдуетъ сегодня-же вечеромъ уѣхать изъ Мадрида.

— Какая досада! Мнѣ еще нужно повидать кое-кого.

— Дядю? спросилъ Клавдіо, отъ котораго Клара не скрыла цѣли ухода Лацаро.

— Да, дядю, отвѣчалъ молодой арагонецъ, не желая обманывать своего друга.

— Это совершенно излишне, возразилъ Боммедіано; — повѣрьте, что онъ не нуждается въ вашемъ предупрежденіи и узналъ о грозящей ему опасности гораздо раньше, чѣмъ мы съ вами. Вамъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выходить на улицу до вечера. Тѣмъ временемъ я приготовлю все необходимое къ путешествію и устрою такъ, чтобы никто не могъ васъ прослѣдить. Васъ ищутъ. Я въ этотъ не сомнѣваюсь и ваши враги умѣютъ отлично дѣлать свое дѣло.

— Но какъ могли они узнать, что я здѣсь?

— Это все равно; они знаютъ и вамъ необходимо уѣхать какъ можно скорѣй. Будьте очень осторожны. Когда вернусь, мы поговоримъ, какъ вамъ выйдти изъ дому незамѣченными. Надѣюсь, мы устроимъ все какъ слѣдуетъ. До свиданья!

Боммедіано ушелъ и Лацаро отправился въ комнату Клары.

— Ну, что? Ты ихъ засталъ? спросила молодая дѣвушка съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ.

— Да, засталъ, отвѣчалъ Лацаро и рассказалъ ей во всѣхъ подробностяхъ свой визитъ къ старухамъ, не опустивъ ни сцены съ деньгами, ни неожиданнаго признанія Паулиты.

Послѣднее Клара выслушала съ большимъ вниманіемъ и съ грустью проговорила:

— Я это знала.

— Какъ? Неужели она что-нибудь говорила тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ, но я догадалась сама.

Клара принялась рассказывать ему разные случаи, возбуждившіе въ ней увѣренность во внезапной страсти къ нему со стороны этой странной женщины. До самыхъ сумерекъ просидѣли они вмѣстѣ, разговаривая о разныхъ предметахъ. Клара совершенно оправилась отъ своей болѣзни. Но она была очень печальна. Часто посреди разговора она вдругъ умолкала, устремляя взглядъ въ пространство. О чемъ она думала? Можетъ быть она мечтала о будущемъ счастьи; можетъ быть ее тревожило опасное положеніе, въ которомъ они оба находились. Вечеромъ къ нимъ вошла Паскуала.

— Ахъ, что за страсти! воскнула она.—Какъ только стемнѣло, передъ домомъ такъ и пошли шмыгать разные люди да съ такими подозрительными лицами.

— Заприте поскорѣй дверь на засовъ.

— Ужь я заперла.

— Потушите огонь! проговорила испуганная Клара.

Прежде чѣмъ Паскуала успѣла исполнить эту просьбу, Клара вдругъ громко вскрикнула и съ ужасомъ показала рукой на небольшую отдушину, выходящую во внутренній дворъ.

— Что такое, что съ тобой? съ испугомъ спросилъ Лацаро.

Молодой дѣвушка, быть можетъ подъ вліяніемъ страха, показалось, что въ этой отдушинѣ мелькнула костлявая голова ея тирана и покровителя Эліаса Орехона.

— Ты съ ума сошла! сказалъ Лацаро.—Вѣдь тамъ никого нѣтъ?

Онъ нарочно осмотрѣлъ маленькій дворикъ; ничего подозрительнаго тамъ не оказалось. Большія скирды хвороста загромождали его на всемъ пространствѣ, но ни между ними, ни за ними никого не было видно. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что Кларѣ пригрезилось.

Дойдя до этого мѣста нашего разсказа, авторъ считаетъ своей обязанностью остановиться на минуту, чтобы сдѣлать читателю одно важное признаніе.

Онъ написалъ уже заключеніе и развязку этой повѣсти, сообразно требованіямъ эстетики и морали, наградивъ своихъ бѣдныхъ героевъ за всѣ ихъ страданія долгимъ супружескимъ счастіемъ и цѣлой кучей дѣтей. Такое окончаніе всего болѣе удовлетворяло артистическимъ вкусамъ автора и, быть можетъ, читателя. Но, къ сожалѣнію, въ дѣло вмѣшался очевидецъ всѣхъ этихъ событій, разсказы котораго послужили главнымъ основаніемъ при составленіи этой книги, и принялся доказывать необходимость сохранить историческую вѣрность и въ ея окончаніи. Долго колебался авторъ: оставить-ли своему произведенію развязку, соответствующую его личному вкусу или же сдѣлаться рабомъ исторической правды до такой степени, чтобъ даже закончить свою повѣсть разсказомъ о фактѣ до послѣдней степени неприятномъ. Но Боцмедіано—такъ какъ упомянутый очевидецъ былъ не кто иной, какъ онъ — такъ упорно настаивалъ на своемъ, что авторъ рѣшился наконецъ вычеркнуть собственное заключеніе, какъ ни сильно оно ему нравилось, и замѣнить его тѣмъ, которое предлагалъ Боц-

медіано. Однако, желая снять съ себя всякую отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, авторъ уступаетъ мѣсто своему сотруднику, переписывая лишь собственноручную замѣтку послѣдняго о безвременной гибели несчастныхъ молодыхъ людей.

«Лишь только Боцмедіано вошелъ въ комнату, такъ начинается эта замѣтка, составленная по просьбѣ автора въ формѣ, вполне приспособленной къ беллетристическому произведенію, — лишь только Боцмедіано вошелъ въ комнату, Лацаро тотчасъ же замѣтилъ, что онъ далеко не спокоенъ.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Домъ окруженъ, отвѣчалъ Боцмедіано. Васъ подкарауливаютъ. Но не безпокойтесь, я пришелъ не одинъ. Мы васъ выведемъ отсюда и сегодня же вы уйдете.

— Отлично! весело вскричала Клара, которой казалось, что всѣ ея страданія прекратятся, лишь только она покинетъ этотъ скверный Мадридъ, гдѣ люди только и думаютъ, что объ убійствахъ и возмущеніяхъ.

— Я уже приготовилъ карету, которая отвезетъ васъ въ Торехонъ, гдѣ у меня есть вилла. Тамъ вы можете переждать до послѣ завтра, когда мимо будетъ проходить дилижансъ въ Алкалу. А изъ Алкалы вамъ уже легко будетъ пробраться въ Арагонъ.

— А когда мы приѣдемъ въ Терехонъ?

— Завтра чуть свѣтъ. Васъ повезетъ мой кучеръ и будетъ сопровождать довѣренный слуга. Бояться вамъ нечего—надежные мулы и надежные люди. Въ Торехонѣ вы будете внѣ всякой опасности.

— Ну что-жь? Если такъ, идемъ. Времени терять нечего, рѣшительно сказалъ Лацаро.

Оба они быстро одѣлись.

— Нѣтъ-ли въ домѣ хода на другую улицу? спросилъ Боцмедіано у Паскуалы.

— Есть, отвѣчала трактирщица, но только нужно пройти черезъ квартиру угольщика.

— Пройдемъ черезъ его квартиру. Карета ждетъ у портика Гилимона. Со мною человекъ тридцать. Они ждутъ въ нижней залѣ. Я ихъ сейчасъ позову.

Нѣсколько минутъ спустя всѣ вышли изъ дому, не исключая и собачки Пореньосъ, которую Клара не хотѣла бросить. Расповавшись съ Паскулой, они направились къ портику Гили-

мона въ сопровожденіи Боцмедіано и его людей. Карета поджидала ихъ въ указанномъ мѣстѣ. На козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ егеръ Боцмедіано. Слуга, высокій и сильный человекъ съ ружьемъ въ рукѣ, сѣлъ въ карету, вмѣстѣ съ путешественниками. Наскоро распрощавшись со своимъ другомъ, Боцмедіано далъ знакъ кучеру, тотъ тронулъ возжами и карета быстро понеслась. Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, они выѣхали за городъ у Алкальскихъ воротъ. Но тутъ Лацаро показалось, что онъ слышитъ сзади конскій топотъ. Выглянувъ въ окошко, онъ замѣтилъ, что за ними дѣйствительно ѣдетъ всадникъ, хотя на довольно большомъ разстояніи. Экипажъ ѣхалъ очень быстро; всадникъ не отставалъ.— «Можетъ быть это простой путешественникъ, который ѣдетъ позади ихъ, потому что экипажъ ѣдетъ впереди его», подумалъ Лацаро, усаживаясь снова. Но на первомъ поворотѣ дороги онъ замѣтилъ, что къ всаднику присоединился другой. Это показалось подозрительнымъ молодому арагонцу и онъ сообщил свои опасенія слугѣ, который тоже началъ беспокоиться. Клара, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижималась къ своему другу».

«Экипажъ миновалъ Позито и выѣхалъ на Алкальскую дорогу. Всадники все не отставали, но теперь ихъ было четверо. Давъ экипажу выѣхать на открытое поле, они вдругъ прищипорили коней и вихремъ обогнали путешественниковъ. Кларѣ показалось, что мимо нея пронеслась кавалькада демоновъ. Карета продолжала свой путь и на этотъ разъ всадники не торопились и позволили приблизиться къ себѣ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Не доѣзжая до трактира «Благочестивый пилигримъ», они вдругъ повернули назадъ и чей-то голосъ крикнулъ: «стой!» Въ то же мгновеніе одинъ изъ муловъ, смертельно раненный въ лѣвую лопатку чей-то искусной рукойъ, упалъ на землю, разомъ остановивъ экипажъ. Егеръ, сидѣвшій на козлахъ выстрѣлилъ, слуга, сидѣвшій въ каретѣ, взвелъ курокъ; Лацаро заскрежеталъ зубами, вспомнивъ, что онъ не взялъ съ собою даже ножа. Клара повисла у него на груди, обхвативъ его руками, почти лишая его возможности двигаться. Всадники тѣмъ временемъ сѣшпились. Лацаро понялъ, что послѣдняя минута его наступила. Однако, нужно было защищаться. Спутникъ его, открывъ дверцу, уже прыгнулъ на землю, держа въ рукѣ ружье, но въ ту же минуту на него бросились со всѣхъ сторонъ и обезоружили послѣ короткой борьбы. Кучеръ и егеръ отбива-

лись тѣмъ временемъ ножами. Лацаро снова отворилъ дверцу, съ намѣреніемъ кинуться на помощь, своимъ защитникамъ, но едва только онъ высунулся, на половину изъ экипажа, какъ одинъ изъ всадниковъ, человекъ маленькаго роста съ сѣдой головой, бросился на него, какъ тигръ, и нанесъ ему такой ужасный ударъ въ грудь, что бѣдный араговецъ только вскрикнулъ, но не могъ произнести ни слова. Эліасъ обладалъ твердой рукой и вѣрнымъ глазомъ».

«Когда мертвая голова Лацаро упала на плечо несчастной Клары, ужасная кавалькада вскочила на своихъ коней и унеслась съ быстротою вѣтра. Одинъ изъ нихъ—не тотъ, впрочемъ, который поразилъ Лацаро—на небольшомъ разстояніи, свалился съ коня и упалъ замертво, тяжело раненый въ свалкѣ съ кучеромъ и егеремъ. Остальные, не обращая на него никакого вниманія, поскакали дальше».

Таковъ рассказъ, составленный объ этомъ событіи Боцмедіано, который ручается за его полную достовѣрность. Мы не сочли себя въ правѣ скрыть его отъ читателя, хотя и не вполне отказались отъ развязки, придуманной нами раньше. Читатель можетъ принять тотъ изъ двухъ вариантовъ, который приходится ему больше по вкусу.

Добрый донъ Клавдіо рассказывалъ намъ, что всю жизнь онъ не могъ избавиться отъ угрызений совѣсти, при каждомъ воспоминаніи объ этой катастрофѣ. По его совѣту, Лацаро рѣшился уѣхать изъ Мадрида. Можетъ быть, онъ остался-бы въ живыхъ, укрывшись въ самомъ городѣ. Но Клавдіо находитъ грустное утѣшеніе въ убѣжденіи, что никакія промедленія въ отъѣздѣ не могли бы заставить Эліаса отложить свой кровавый замыселъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что инициатива убійства племянника принадлежитъ именно ему.

Друзья положили на могилѣ бѣднаго Лацаро плиту, съ надписью о благородномъ поступкѣ, за который онъ заплатилъ жизнью. Боцмедіано пожелалъ воздвигнуть ему другой, болѣе прочный памятникъ, издавъ его біографію, съ отрывками изъ его лучшихъ рѣчей. Изъ этой книги читатель убѣдился, что Испанія лишилась въ немъ не только одного изъ благороднѣйшихъ своихъ сыновъ, но, быть можетъ, одного изъ лучшихъ своихъ ораторовъ.

Тотъ-же Боцмедіано рассказалъ намъ кое-что о судьбѣ прочихъ дѣйствующихъ лицъ этого рассказа. Бѣдная Клара всего

на четыре дня пережила своего возлюбленнаго. Она впала въ какой-то глубокой маразмъ, прерываемый ужаснымъ бредомъ. Ей все грезилась роковая сцена и она рыдала, какъ только рыдаютъ брошенные родителями маленькія дѣти, когда они бѣгутъ на улицѣ за кѣмъ-нибудь похожимъ на отца или мать. Наканунѣ смерти она цѣлый день пролежала въ полномъ безпамятствѣ. Можно было подумать, что душа съ нетерпѣніемъ вырвалась изъ тѣла несчастной, не дождавшись ея смерти.

Рассказывалъ донъ Клавдіо и объ Эліасѣ. Старый фанатикъ получилъ самое ужасное изъ наказаній, которое только могло постичь человѣка съ его характеромъ. Послѣ своего торжества въ 1824 г. король не хотѣлъ пускать его къ себѣ на глаза. Однажды Эліасъ пришелъ во дворецъ, умоляя объ аудіенціи. Онъ только-что вернулся съ войны, гдѣ боролся за абсолютизмъ, какъ только могъ бороться такой человѣкъ, какъ онъ. Но Фердинандъ, который былъ олицетвореніемъ неблагодарности, приказалъ одному изъ лакеевъ вытащить его на дворъ и тамъ избить палкой въ присутствіи всей дворцовой челяди, что и было съ точностью исполнено. Послѣ этого приключенія старикъ заболѣлъ и уже не вставалъ съ постели. Одни говорятъ, что онъ уморилъ себя голодомъ; другіе, что онъ сошелъ съ ума; третьи утверждаютъ, что его свела въ могилу мрачная ипохондрія.

— А что случилось съ тремя дѣвицами Пореньосъ? спросилъ я его.

— Относительно Саломе я не могъ узнать ничего достойнаго, отвѣчалъ Клавдіо.— По всей вѣроятности, она навсегда покинула Мадридъ. Донья Марія перебралась въ Сеговію, гдѣ открыла маленькую гостинницу. Что-же касается доньи Паулиты, то о ней мнѣ извѣстно нѣсколько больше.

— Какое удивительное пробужденіе страсти!

— Да, она никогда не отличалась здоровыми нервами. Въ послѣдствіи она сильно страдала падучей болѣзнью. Относительно-же ея поздней страсти, замѣчу, что это вовсе не такъ удивительно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Все ея прошлое, воспитаніе, образъ жизни, привычки подготовили такой внезапный взрывъ чувства. Она оставалась ребенкомъ до тридцати лѣтъ и думала, что останется такою-же до могилы. Но природа—а не Богъ, какъ она думала—насмѣялась надъ ней. Вскорѣ послѣ описанной сцены она удалилась въ мона-

стырь, гдѣ пользовалась репутаціей святой, чему не мало способствовала и ея болѣзнь. Нѣсколько разъ припадки бывали такъ продолжительны, что ее считали уже мертвой и однажды понесли даже хоронить. Но во время отпѣванія она вдругъ очнулась и произнесла фразу, которая еще болѣе укрѣпила убѣжденіе въ ея святости. «Лацаро, возстань!» воскликнула она, подымаясь изъ гроба, и никто не сомнѣвался въ томъ, что она повторяетъ слова Иисуса. Не вѣрить послѣ этого въ ея святость было преступленіемъ; восемь теологовъ доказывали это восемьюстами силлогизмовъ. Жизнь ея была образцовой; характеръ грустнымъ; она много молилась, почти никогда не спала, но за то по цѣлымъ днямъ оставалась въ оцѣпенѣніи экстаза. Одинъ изъ такихъ экстазовъ оказался до такой степени продолжительнымъ, что монахини заподозрили, что она уже не очнется. Такъ дѣйствительно и случилось: она больше не приходила въ себя. Однако, монахини, не желая снова потерпѣть фіаско, прождали еще нѣсколько дней и наконецъ рѣшились похоронить ее, убѣдившись, что на этотъ разъ она дѣйствительно умерла.

КОНЕЦЪ.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВЪ ПРИРОДѢ.

I.

Когда мы хотимъ обозначить ограниченность какого-нибудь человѣка, мы часто говоримъ:—«онъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса». И, однако-же, деревья мѣшаютъ видѣть лѣсъ даже очень умнымъ людямъ, мѣшаютъ до такой степени, что въ наукѣ до сихъ поръ наименѣе понятными являются именно области, ближайшія къ человѣку, гдѣ, повидимому, наблюденіе всего легче, и ужь, во всякомъ случаѣ, даетъ наиболѣе обильные матеріалы фактовъ. Масса фактовъ, подавляющая своимъ количествомъ, обступаетъ здѣсь наблюдателя, какъ густая чаща деревьевъ, и мѣшаетъ ему ориентироваться, какъ заблудившемуся путнику въ тропическомъ лѣсу. Мы живемъ въ непрерывномъ водоротѣ собственнаго чувства, мысли, воли, и не имѣемъ до сихъ поръ сколько-нибудь научной психологіи. Мы окружены со всѣхъ сторонъ обществомъ, жизнь котораго проникаетъ въ самые укромные уголки нашей личной жизни, но общества до сихъ поръ не знаемъ, и научной социологіи не имѣемъ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ поставлена, положимъ, астрономія или физика, хотя, казалось-бы, гораздо естественнѣе было знать лучше собственное чувство, чѣмъ какіе-нибудь электрическіе токи, и законы развитія своего отечества—скорѣе, чѣмъ комбинаціи мірового движенія въ безконечно отдаленныхъ отъ насъ небесныхъ пространствахъ.

Замѣчательная вещь! Для насъ до сихъ поръ еще существуютъ даже такіе *вопросы*: что такое общественная жизнь? Что такое общество? Составляетъ-ли общество какое-нибудь постоянное, неизбѣжное явленіе животной жизни, вродѣ тѣхъ явленій, которыя создаются вѣчными законами химіи, физики, міровой механики? Составляетъ-ли общество простое скопленіе личностей, или ихъ сростокъ, *агрегатъ* или *организмъ*? Эти первые вопросы, представляющіеся намъ при мысли объ обществѣ, начинаютъ уясняться до нѣкоторой степени только въ самое послѣднее время, хотя и до сихъ поръ оставляютъ все-таки мѣсто для совершенно пролога позволяеть ему считать возможными такія странныя возра-

тивуположныхъ рѣшеній. Общество до сихъ поръ остается какимъ-то уравненіемъ съ нѣсколькими неизвѣстными, гдѣ величину X приходится опредѣлять при помощи столь-же необслѣдованнаго Y. Опредѣлить, напр., степень постоянства общественныхъ явленій—можно лишь прослѣдивши различныя проявленія общественности въ природѣ. Но что должно считать проявленіемъ общественности? Для этого, очевидно, нужно предварительно знать, что такое общественность. Между тѣмъ, опредѣлить ея типичныя, отличительныя черты можно не иначе, какъ сравнивъ различныя проявленія ея въ природѣ, и сдѣлавъ изъ нихъ извѣстный средній выводъ. Приходится, такимъ образомъ, одно неизвѣстное опредѣлять посредствомъ другого неизвѣстнаго.

Насколько серьезны пріостекающія отсюда затрудненія, можно судить по тому колеблющемуся шагу, какимъ вступаетъ въ область соціологін напрімѣръ Спенсеръ, мыслитель чрезвычайно крупный. Онъ задается даже вопросомъ, не есть-ли общество лишь собирательное имя для обозначенія извѣстнаго числа индивидовъ: нельзя-ли, спрашиваетъ Спенсеръ, сказать, что «подобно тому» какъ существуютъ только отдѣльные члены извѣстнаго вида (species), самый-же видъ, взятый независимо отъ нихъ, не имѣетъ дѣйствительнаго существованія, такъ точно существуютъ одни только общественныя единицы, т. е. люди, существованіе же самаго общества есть чисто словесное *)? Конечно, Спенсеръ приводитъ это соображеніе лишь для того, чтобы его немедленно отвергнуть, но не странно-ли было имъ даже задаваться? Если общество, допустимъ, есть даже простое отвлеченіе, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не такого рода, какъ видъ—species. Видъ есть группировка чисто логическая: мы причисляемъ къ одному виду массу животныхъ, не потому, чтобы они находились между собою въ какой-нибудь связи, въ какихъ-либо, вообще, отношеніяхъ, а исключительно по сходству ихъ физической организаціи. Общество-же, во всякомъ случаѣ — это группировка совсѣмъ другого порядка, это группировка *отношеній* между извѣстными существами. Малороссъ Кубанской области и малороссъ галиційскій — принадлежать, въ антропологическомъ отношеніи, къ одному виду, а соціологически, къ совершенно различнымъ обществамъ, тогда какъ малороссъ и полякъ въ Галиціи, принадлежа къ различнымъ видамъ (или, по крайней мѣрѣ—различнымъ разновидностямъ), составляютъ одно общественное тѣло. Вообще, между видомъ (species) и обществомъ до такой степени нѣтъ ни малѣйшей аналогіи, что только полное отсутствіе почвы подъ ногами соціо-

*) Основ. Соціолог. стр. 497.

женія и уподобленія. Не менѣе характеристична и дальнѣйшая аргументація Спенсера. «Сославшись на примѣръ аудиторіи, продолжаетъ онъ рѣчь своего воображаемаго оппонента, собирающейся на лекціи профессора, и представляющей такой агрегатъ, который *самымъ своимъ исчезновеніемъ* по окончаніи лекціи показываетъ, что онъ *не есть нѣкоторый дѣйствительно существующій предметъ* (?), но лишь извѣстная *группировка* личностей, онъ могъ-бы доказывать, что тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ гражданамъ, составляющимъ собою каждый данный народъ». «Не отрицая остальныхъ звеньевъ этой аргументаціи (?!), говоритъ далѣе Спенсеръ уже отъ себя, мы можемъ указать, что группировка, которую мы видимъ въ обществѣ, имѣетъ не *временный*, а постоянный характеръ... Общество, хотя и слагается изъ отдѣльныхъ единицъ, однако-же постоянное сохраненіе, въ теченіи цѣлыхъ поколѣній и *даже вѣковъ* (!) извѣстнаго общаго сходства въ группировкѣ единицъ указываетъ на извѣстную конкретность составляемаго имъ агрегата. Эта именно идея и доставляетъ намъ нашу идею объ обществѣ, ибо мы не даемъ этого имени тѣмъ переменчивымъ скопленіямъ, которыя образуютъ первобытные люди, но принимаемъ его лишь тамъ, гдѣ замѣчаемъ хоть нѣкоторое постоянство въ соотношеніяхъ отдѣльныхъ членовъ общества» (стр. 498).

Итакъ реальность или конкретность общества доказывается *постоянствомъ* группировки, и что всего интереснѣе — постоянствомъ въ смыслѣ *продолжительности*. Какое, однако, шаткое мѣрило и какое легкое отношеніе къ факту самой *группировки*. А между тѣмъ, перечитывая внимательно самого Спенсера, нетрудно видѣть, какое огромное значеніе имѣетъ именно *группировка*, и что «постоянство», дающее агрегату конкретность, зависитъ именно отъ характера группировки, а вовсе не отъ ея продолжительности. Иная монада существуетъ гораздо менѣе времени, чѣмъ продолжается лекція. Но хотя монада умираетъ, и частички ея распадаются на цѣлые $\frac{1}{2}$ часа скорѣе, чѣмъ расходятся студенты съ лекціи, тѣмъ не менѣе монада все-таки несомнѣнно конкретное существо, «бытіе» (intity), а толпа студентовъ въ аудиторіи — простой случайный агломератъ, конкретнаго существованія не имѣющій. Причемъ-же тутъ, стало быть, *продолжительность* группировки? Что касается *постоянства* отношеній, то оно состоитъ вовсе не въ продолжительности, а въ *опредѣленности и неизбѣжности*, т. е. *внутренней необходимости*, которая зависитъ отъ взаимодѣйствія составляющихъ агрегатъ единицъ. Но взаимодѣйствіе ихъ находится въ самой тѣсной связи съ группировкой, такъ какъ при одной группировкѣ единицъ — ихъ взаимодѣйствіе пред-

ставляется въ одномъ видѣ, а при измѣненіи группировки — въ свою очередь совершенно мѣняется и можетъ даже совершенно утратить характеръ «постоянства».

Не будемъ, однако, забѣгать впередъ. Мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что въ социологію даже войти не особенно-то легко, не говоря уже о трудности разобраться въ ея содержаніи. Эти трудности такъ велики, что дѣлаютъ почти невозможною задачу — держаться, при изученіи социологіи, строго научнаго метода. Здѣсь до сихъ поръ остаются подчасъ одиночные законы какъ эмпиризмъ, весьма первобытнаго свойства, такъ и наведеніе, гораздо болѣе смѣлое, чѣмъ это допускается въ области наукъ болѣе точныхъ. Самое опредѣленіе *общественности*, ея типичныхъ чертъ, мы можемъ дѣлать не иначе, какъ на ощупь. Для этого мы беремъ прежде всего какое-нибудь явленіе, общественность котораго априорно признаемъ аксіомой. Такова, положимъ, жизнь любаго народа. Анализируя это явленіе, мы останавливаемся на болѣе выдающихся сторонахъ его, которыя, также по глазомѣру, признаемъ наиболѣе типичными. Затѣмъ мы смотримъ, нѣтъ-ли въ природѣ другихъ явленій, представляющихъ приблизительно тѣ-же выдающіяся черты, находимъ ихъ, наблюдаемъ, и при помощи полученныхъ при этомъ данныхъ исправляемъ и дополняемъ свое первое опредѣленіе. Такимъ путемъ слагалось въ нашемъ умѣ понятіе «общественности». Отъ высшаго, человѣческаго общества мы должны спуститься не только въ «перемѣнчивыхъ скопленій диварей», въ которымъ такъ презрительно относится Спенсеръ, но даже гораздо ниже — въ общество высшихъ и низшихъ животныхъ, доходя мало по малу вплоть до той границы, которая отдѣляетъ биологію отъ социологіи. Въ то-же время, по мѣрѣ расширенія области нашего анализа, для насъ все лучше и точнѣе выясняются и мѣрила общественности, установленныя сперва наугадъ, на-глазомѣръ, такъ что, возвращаясь обратно къ высшимъ человѣческимъ обществамъ, мы оказываемся уже гораздо болѣе способными подвергнуть ихъ снова анализу; на этотъ разъ болѣе научному. Такимъ путемъ, повторяю, не только волей-неволей должно идти изученіе общества, но развивалась исторически и сама идея о немъ *).

Безъ сомнѣнія, такой способъ изслѣдованія оставляетъ каждому отдѣльному изслѣдователю чрезвычайно широкій произволъ при выборѣ «типичныхъ» чертъ. Отъ этого и происходятъ противорѣчія среди ученыхъ, разрабатывающихъ общественную науку, тѣмъ болѣе, что тѣсная связь этихъ теоретическихъ вопросовъ съ

*) См. Эспинасъ — Истор. Введеніе въ „Соп. жизнь жив.“

практической политикой далеко не способствуетъ, конечно, сохраненію научнаго безпристрастія. Достаточно указать на тотъ фактъ, что реакціонеры всѣхъ временъ обѣими руками всегда хватались за теорію «общественнаго организма», надѣясь при помощи ея подавить личность. «Какъ, восклицаетъ знаменитый Жозефъ де-Местръ,—развѣ ты, незамѣтная песчинка, называющая себя человекомъ, можешь возжечь священный огонь, воодушевляющій народы, слить всѣ разнородныя стремленія въ одну коллективную волю, дать имъ единство своими законами?.. Замолчи!». Замолчи—и подчинись, конечно. Съ другой стороны человекъ противоположнаго направленія особенно охотно отыскиваетъ въ жизни народовъ именно возможность для личности, для этой «незамѣтной песчинки»—возжигать «священный огонь» и вліять на перестройку общества. Сохранить безпристрастіе въ этомъ случаѣ очень трудно, а потому при первоначальномъ анализѣ, который даетъ руководящую нить для всего дальнѣйшаго изслѣдованія, слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ. Лучше, на первый разъ, довольствоваться немногимъ, да — вѣрнымъ. Это я и предлагаю читателямъ.

Но что-же признать вѣрнымъ? Какія черты общественной жизни можно признать несомнѣнно существующими? О! разумѣется, ихъ найти можно. Мы, напр., видимъ, что общество состоитъ изъ *личностей*, т.-е. изъ особей, обладающихъ нѣкоторою самостоятельною жизнью. Можно спорить о степени самостоятельности, но нельзя, безъ явнаго пристрастія, отрицать самого факта. Съ другой стороны, нельзя не признать, что эти личности находятся между собою въ нѣкоторой связи, образуютъ скопленіе, но не простой агрегатъ, а нѣчто скорѣе напоминающее организмъ. Мы дѣйствительно замѣчаемъ въ обществѣ постоянное взаимодействіе личностей, ихъ группировку въ нѣкоторыхъ постоянныхъ отношеніяхъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, мы не видимъ и общества. Я говорилъ уже, что «постоянство» означаетъ не продолжительность, а *опредѣленность* и *необходимость*. Эта-же опредѣленность и необходимость во взаимодействіи, и въ соотношеніяхъ личностей составляющихъ общества, замѣчается вполне рельефно. Каждый изъ насъ живетъ извѣстнымъ образомъ только потому, что такъ, а не иначе живутъ остальные члены общества. Когда измѣняется ихъ жизнь, мы неизбежно принуждены соотвѣтственнымъ образомъ измѣнять свою. Пусть каждый прослѣдитъ хоть собственную жизнь: что въ ней не связано съ жизнью общества? Рожденіе, воспитаніе, трудъ, способы добыванія пищи, бракъ, семья, умственные интересы, и даже личныя фантазіи—все это переплетено съ разными проявленіями жизни окружающихъ насъ людей. Эта тѣсная связь, и зависимость каж-

даго ото всѣхъ настолько бросается въ глаза что многіе изслѣдователи прямо называютъ общество *оргианизмомъ*. Мы воздержимся пока отъ такихъ категорическихъ опредѣленій, но во всякомъ случаѣ можемъ признать несомнѣннымъ, что *общество представляетъ совмѣстную жизнь особей, сохраняющихъ при этомъ свою индивидуальность, но въ то-же время находящихся въ постоянныхъ, т.-е. опредѣленныхъ и необходимыхъ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ цѣлому агрегату*. Этимъ общимъ опредѣленіемъ мы покажемъ и удовольствуемся.

II.

Если мы, заручившись такимъ опредѣленіемъ, переходимъ къ природѣ, то встрѣчаемъ въ ней множество явленій, вполне аналогичныхъ. «Совмѣстная жизнь, говоритъ Эспинасъ, не составляетъ случайнаго явленія, она появляется не по прихоти или какому-нибудь капризу, то тамъ, то здѣсь; это совѣтъ не привилегія нѣсколькихъ отдѣльно стоящихъ на зоологической лѣстницѣ видовъ, а напротивъ—нормальный, постоянный и всемірный фактъ... Соціальная среда составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни. Это біологическій законъ» *). Дѣйствительно, полного отсутствія элементовъ общественности, если въ число ихъ включить и семейственность, не представляетъ ни одинъ видъ животныхъ, и кажущіяся исключенія постоянно оказываются просто результатомъ недостаточныхъ наблюденій. Скопленіе особей въ болѣе или менѣе обширныя стаи мы замѣчаемъ повсюду, и эти скопленія всегда оказываются результатомъ нѣкотораго взаимодѣйствія составляющихъ изъ особей, т.-е. не случайными, стало-быть, а въ большей или меньшей степени необходимыми.

Общество высшихъ животныхъ достигаютъ уже значительной степени развитія. Это каждый можетъ наблюдать даже на примѣрѣ домашнихъ животныхъ, не смотря на то, что вмѣшательство человѣка производитъ самое гибельное вліяніе на животную общину. Тамъ, гдѣ животныя предоставлены своимъ собственнымъ наклонностямъ и поставлены лицомъ къ лицу съ природою, безъ посредничества человѣка, животная община развиваетъ гораздо болѣе опредѣленныя формы. Этотъ фактъ, впрочемъ, настолько общеизвѣстенъ, что мы можемъ ограничиться немногими примѣрами. Такъ *навіяны*, напр., живутъ въ строго опредѣленныхъ стадахъ, занимающихъ собственную территорию и имѣющихъ постоянного вожака. Эта почетная должность замѣщается не по выборамъ, конечно: самый сильный, опытный и въ боль-

*) Соц. жизнь животныхъ, стр. 3.

пшинствѣ случаевъ старый самецъ дѣлался вожакомъ просто «въ силу вещей», но власть его отъ этого не менѣе прочна. Ему подчиняется всѣ семьи, изъ которыхъ состоитъ стадо, хотя внутри семейства каждый самецъ дѣйствуетъ, въ свою очередь, вполне деспотически. Безопасность стада охраняется систематически и правильно. Вожакъ зорко слѣдитъ за общественной безопасностью, а прочіе самцы, составляющіе боевую силу стада, соображаютъ всѣ свои движенія съ распоряженіями вожака. Солидарность дѣйствій и самоотверженность павіановъ поистинѣ изумительны и дѣлаютъ ихъ опасными противниками даже для человѣка. Забираясь на скалы, они общими силами сбрасываютъ на врага огромные камни. При отступленіи — самки и дѣтеныши пропускаются впередъ, а самцы составляютъ аррьергардъ, всѣми силами отбивая нападеніе. Благодаря тѣсной сплоченности, крупные павіаны не боятся хищныхъ животныхъ, легко справляясь даже съ леопардомъ или львомъ. Тѣ-же черты общественности замѣчаются у другихъ обезьянъ. Бремъ приводитъ любопытный случай, какъ неосторожный орелъ вздумалъ напасть на молодого *црконоитска*: все стадо тотчасъ вскочило, кучи взрослыхъ самцовъ окружили хищника и такъ отдѣляли его, что орелъ, оставивши добычу, едва успѣлъ улетѣть и самъ, значительно пострадавши въ схваткѣ. У тѣхъ-же толстокожихъ обезьянъ организація стада очень прочна. Вожакъ часто взбирается на вершину большого дерева и внимательно осматриваетъ окрестности. Если результатъ осмотра благоприятный, онъ даетъ знать объ этомъ стаду особыми гортанными звуками; въ случаѣ-же опасности предупреждаетъ товарищей своеобразнымъ крикомъ (Эспинасъ).

Внутренняя жизнь въ стадахъ обезьянъ полна взаимныхъ услугъ, или просто обмѣна различныхъ впечатлѣній. *Ревуны*, напр., ежедневно собираются передъ восходомъ солнца, и цѣлой компаніей занимаются оглушительными вокальными упражненіями. Путешественники говорятъ, что это оригинальное зрѣлище очень напоминаетъ суевѣрныя идолослуженія дикарей. Игры обезьянъ всякій могъ лично наблюдать въ зоологическомъ саду. Многіе виды обезьянъ производятъ опустошительные набѣги на обработанныя поля, причемъ разставляютъ часовыхъ, и даже, какъ говорятъ, практикуютъ нѣкоторое раздѣленіе труда при переносѣ добычи. Точно такъ-же, когда стадо обезьянъ переправляется черезъ ручей, нѣсколько штукъ изъ нихъ, сдѣлаясь между собой, образуютъ въ своемъ родѣ гирлянду, которая перебрасывается съ одного дерева на другое и образуетъ такимъ образомъ висячій мостъ, по которому и переправляется стадо. Точно также обезьяны соединяютъ усилія для того, чтобы устранить съ пути какое-нибудь препят-

ствіе и т. д. Что касается мелкихъ услугъ, въ родѣ взаимнаго очищенія отъ насѣкомыхъ, болючеѣ, шиповъ и т. д. — то, какъ извѣстно, это составляетъ самое обычное времяпровожденіе обезьянъ. Ихъ заботливость другъ о другѣ иногда вполнѣ трогательна. Такъ Бремъ рассказываетъ, что когда одна обезьяна въ зоологическомъ саду заболѣла, всѣ товарищи наперерывъ старались облегчить ея страданія всевозможными услугами.

Точно такія-же проявленія общности замѣчаются у млекопитающихся *травоядныхъ*. *Сѣверные олени*, напр., расходящіеся въ разбродъ во время любовнаго сезона, въ остальное время года живутъ стадами штукъ по 300—400. Стадомъ предводительствуетъ старѣйшій олень, и, когда остальные отдыхаютъ, онъ остается на ногахъ, исполняя должность часового. Если онъ ложится, ему на смѣну тотчасъ поднимается какой-нибудь другой олень. Эспинасъ передаетъ лю опытную сцену, свидѣтелемъ которой былъ экипажъ корабля «Германія», и которая показываетъ у оленей нѣкоторые приемы дисциплины. Стадо этихъ животныхъ, штукъ 30—40, расположилось на отдыхъ, а затѣмъ снова пустилось въ путь. Но нѣкоторые олени остались на мѣстѣ, продолжая лежать. Тогда вожакъ, замѣтивъ это, даетъ знакъ стаду остановиться, возвращается къ отставшимъ лѣннвцамъ и начинаетъ ихъ поднимать ударами роговъ, пока они не встали и не потянулись гуськомъ вслѣдъ за товарищами.

Одиачные *быки*, свободно пасущіеся въ безпридѣльныхъ стѣпяхъ Ла-Платты, организуются совершенно самостоятельно, къ большей, между прочимъ, выгодѣ своихъ хозяевъ. Дѣйствительно, усмотрѣть за огромнымъ стадомъ, въ 10000 головъ, было-бы совершенно невозможно, если-бы быки не складывались сами въ небольшіе отряды, штукъ по 50. Каждая такая группа имѣетъ своего вожака, *лидера*, какъ выражаются пастухи, который ужъ не позволитъ заблудиться ни одному изъ своихъ товарищей. Для того, чтобы убѣдиться въ цѣлости скота, достаточно пересмотрѣть, цѣлы-ли лидеры. Скотоводы такъ и поступаютъ. Въ случаѣ-же перекочевокъ дикіе быки соединяются огромными массами. Противъ дикихъ звѣрей они защищаются совмѣстно, причемъ выстраиваются въ каре: въ срединѣ каре помѣщаются коровы и телята, а быки окружаютъ ихъ плотной стѣной. Тѣ-же черты замѣчаются у дикихъ лошадей. Ихъ табуны состоятъ изъ косяковъ, т. е. семействъ. Каждый косякъ заключаетъ въ себѣ жеребца и нѣсколькихъ кобылицъ съ жеребятами. Извѣстно, что жеребецъ не терпитъ въ своемъ косякѣ никакого соперничества и изъ предосторожности изгоняетъ вонъ даже cadaго подрастающаго жеребенка. Но въ случаяхъ опасности, лошади соединяются большими табунами и защи-

щаются такими-же кареями, помѣщая въ срединѣ кобылицъ и жеребятъ.

Дикія собаки живутъ большею частью стадами. Индійскіе *калсуны* *), благодаря тѣсной солидарности, успѣшно выдерживаютъ борьбу даже съ медвѣдемъ и тигромъ. Извѣстно, впрочемъ, что даже домашнія собаки самостоятельно образуютъ небольшія стаи для охоты. Въ Египтѣ собаки живутъ настоящими общинами; ихъ норы составляютъ цѣлыя городки, причемъ каждая община имѣетъ собственную территорію, куда постороннія собаки не допускаются, подъ страхомъ быть изорванными ѣзъ клочья. Обыкновенно собаки выбираютъ для своихъ городковъ мѣсто, защищенное какимъ-нибудь откосомъ отъ вѣтра, а норы имѣютъ два выхода: на востокъ и на западъ, такъ что собственникъ того обиталища можетъ въ разные часы дня выбирать себѣ болѣе прохладное помѣщеніе. Вообще нужно сказать, что хотя сообщества хищныхъ животныхъ не особенно развиты и часто представляются больше въ видѣ семейства, однако ассоціація и кооперація нерѣдко замѣчаются у нихъ. Такъ *львы* производятъ совмѣстную охоту на буйволовъ и другую крупную дичь. Что касается волковъ, то ихъ крупныя стаи извѣстны, хоть по наслышкѣ, каждому. Въ зимнее время они охотятся даже большею частью артелью. Также артелью волки ловятъ напр. собакъ: одинъ старается заманить собаку подалеже отъ дома, а другой ее ловко подстерегаетъ и схватываетъ. Семейства *медвѣдей* составляютъ скорѣе маленькую общину, т. е. молодые медвѣди долго не рѣшаются покидать родную берлогу. Сверхъ того, полагаютъ, что къ семейству ихъ пристають и посторонніе члены.

Толстокожія — *слоны, бегемоты, свиньи*, за рѣдкими, такъ сказать, чисто личными исключеніями, никогда не живутъ въ одиночку. Крайній недостатокъ наблюденій зачастую не позволяетъ, къ сожалѣнію, рѣшить, имѣемъ-ли мы дѣло съ семействомъ или стадомъ. Существуютъ, напр., мнѣнія, будто стадо слоновъ представляетъ собственно семью, но этому рѣшительно противурѣчатъ случаи, когда въ стадѣ замѣчается нѣсколько взрослыхъ самцовъ. Такъ, Бремъ рассказываетъ случай, когда стадо охраняли два огромные самца, которые смѣло встрѣтили нападеніе охотниковъ и пали подъ ихъ выстрѣлами, доставивши, однако, своею смертью возможность убѣжать всему остальному стаду. Различныя породы *свиней* живутъ, говорятъ, то семействами, то стадами. Особенно многочисленны, напр., стада *пекари*, которыя совмѣстно защищаются отъ нападеній и яростно атакуютъ обидчика.

*) Стая *калуповъ* составляеть, кажется, семейство, а не общину.

Грызуны постоянно составляютъ болѣе или менѣе многочисленныя общества. Таковы, напр., общины *сурковъ*, у которыхъ для общественной охраны всегда выставляются часовые. *Вискачи* живутъ въ сложной норѣ, состоящей изъ цѣлой системы помѣшеній, которыя всѣ сообщаются между собою, хотя каждое имѣетъ въ тоже время свой отдѣльный выходъ. Въ такой общинѣ живутъ совместно нѣсколько семействъ (стр. 8—10). У *бобровъ* каждое семейство имѣетъ свою хижинку, но самыя хижины располагаются, такъ сказать деревней, и плотина у нихъ общая. Постройка плотины и ремонтъ ея производится цѣлымъ обществомъ также совместно. Точно также у бобровъ практикуется и система часовыхъ. Многіе грызуны имѣютъ общественные склады пищевыхъ запасовъ и т. д.

Такимъ образомъ мы замѣчаемъ проявленіе общественности у всѣхъ высшихъ животныхъ, но, оцѣнивая силу этихъ проявленій, нельзя ни на минуту упускать изъ виду того разрушительнаго вліянія, которое оказываетъ человѣкъ на развитіе животной общины. Война на жизнь и смерть давно объявлена высшимъ животнымъ: смерть или рабство—вотъ единственная участь каждаго изъ нихъ. Борются противъ человѣка высшія животныя не могутъ, въ какія-бы общины ни соединялись, даже напротивъ—совмѣстная жизнь подвергаетъ ихъ гораздо большей опасности. Ихъ единственное спасеніе—бѣгство, а бѣжать удобнѣе въ разбродъ *). Вотъ почему развитая община замѣчается въ средѣ высшихъ животныхъ только тамъ, гдѣ они сколько-нибудь безопасны отъ нападенія человѣка, и въ большинствѣ случаевъ у животныхъ мелкихъ, или обитающихъ неприступныя труппы, или, наконецъ, не съѣдобныхъ. Что касается другихъ, то, принимая во вниманіе всѣ неблагоприятныя условія, мы можемъ только удивляться силѣ естественнаго влеченія, которое заставляеть животныхъ группироваться даже въ пораженномъ состояніи, даже въ виду явной опасности, какъ напр. у бобровъ. Впрочемъ, колоніи бобровъ, со временъ усиленной охоты на этихъ животныхъ, почти уже исчезли; бобры принуждены были даже измѣнить типъ своихъ старыхъ построекъ, чтобы сдѣлать ихъ менѣе замѣтными.

Въ лучшихъ условіяхъ находятся птицы, съ которыми человѣкъ до сихъ поръ не легко справляется. Зато и общественность птицъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе формъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлыя арміи, въ нѣсколько милліоновъ особей, собирающихся во время переселеній (*американскій голубь*), или для кладки яицъ (на такъ называемыхъ птичьихъ островахъ, особенно

*) См. хорошія страницы объ этомъ у Эспинаса.

на сѣверѣ); здѣсь можно видѣть общины, живущія въ сложномъ домѣ, который состоитъ изъ множества гнѣздъ подѣ общей крышей (*страусы*); другія общины образуютъ нѣчто вродѣ деревеньки (*вороны*). Птицы собираются вмѣстѣ для различныхъ экспедицій на засѣянные поля (*попугаи*), для защиты отъ хищныхъ животныхъ, для простой забавы, для разныхъ любовныхъ цѣлей. Семейство птицъ представляетъ тавія - же разнообразныя формы, какъ ихъ общины. Эспинасъ приводитъ разныя проявленія общественности изъ жизни *воронъ, илокъ, попугавъ, воробьевъ, пиполицъ, журавлей, цапель, коноплянокъ, тукомовъ, голубей, жаворонковъ, овсянокъ, ласточекъ, стрижей, шуровъ, зимородковъ, соекъ, синицъ* и т. д. и т. д. Но этотъ списокъ, если продолжать его, охватить все царство птицъ, за исключеніемъ немногихъ хищныхъ, у которыхъ общественность проявляется только въ слабой формѣ семейства. Мы со своей стороны ограничимся, однако, лишь немногими примѣрами.

Тамъ, гдѣ птицы собираются для переселенія, онѣ не представляютъ еще, собственно говоря, общества. Тѣмъ не менѣ этихъ скопленій нельзя все-таки объяснить иначе, какъ при существованіи нѣкотораго внутренняго побужденія быть вмѣстѣ. Что-же касается птичьихъ острововъ, то скопленіе пернатыхъ здѣсь вообще объясняется, конечно, тѣмъ, что число мѣстъ вполнѣ уединенныхъ и удобныхъ для спокойнаго насиживанія—ограничено. Однако-же, отдѣльныя группы птицъ, находящіяся въ этой толпѣ, организуются въ нѣчто болѣе стройное. Такъ онѣ совмѣстно защищаются отъ хищниковъ. Свои гнѣзда онѣ располагаютъ группами, по породамъ. Около гнѣздъ, на выступахъ скаль, каждая птица, можно думать, имѣетъ свое опредѣленное мѣсто. *Гагирь* (самки) помогаютъ другъ другу насиживать яйца. *Гавки* даже несутся по нѣсколько штукъ въ одномъ гнѣздѣ и высиживаютъ яйца также совмѣстно. Общественное насиживаніе яицъ замѣчается и у другихъ породъ (*Leiroa, Megarodius*). Интересное зрѣлище представляютъ скалистые островки, гдѣ собираются *пингвины*. Эти птицы всегда сидятъ правильными группами, выстраиваясь въ линіи, какъ солдаты, причемъ въ одной линіи располагаются молодыя особи, другая состоитъ изъ насѣдокъ, третья изъ взрослыхъ самцовъ, и въ четвертой выстраиваются свободныя самки и т. п. Эта сортировка наблюдается весьма строго и каждая категорія прогоняетъ пришельца изъ другой категоріи. Трудно усматривать во всѣхъ этихъ продѣлкахъ какія-либо утилитарныя цѣли; скорѣе всего—это просто игра общественнаго чувства, тѣмъ болѣе, что линіи пингвиновъ очень любятъ совмѣстно упражняться въ разныхъ эволюціяхъ: они передвигаются правильными рядами, сразу, словно по

командѣ поворачиваются въ одну, въ другую сторону и т. д., сильно напоминая вообще солдатскіе маневры.

Помимо этихъ собраній, вызванныхъ первоначально все-таки вы́шними условіями, птицы, почти всѣхъ видовъ, устраиваютъ сборища, имѣющія цѣлью просто пріятное препровожденіе времени. Эспинасъ сообщаетъ, что онъ видѣлъ въ Дижонѣ каждый вечеръ такія собранія *воронъ*. Онѣ слетались со всѣхъ сторонъ, вереть изъ-за 15, въ портъ Конде, и тамъ предавались въ воздушной высотѣ всевозможнымъ развлечениямъ, сопровождая ихъ громкимъ карканьемъ. Въ Гаврѣ *воробьи* чуть не со всего порта каждый вечеръ собираются на *gandez-vous* въ рощицу у театра, т. е. въ такое мѣсто, гдѣ они не могутъ найти никакой пищи, и здѣсь вплоть до ночи оглашаютъ воздухъ своими беззаботными кривами. Бремъ рассказываетъ, что скворцы, совмѣстно самецъ и самка, выкармливаютъ птенцовъ, при чемъ самецъ бываетъ очень озабоченъ своими семейными обязанностями: однако-же, онъ всегда ухитряется урвать часокъ другой свободы и улетаетъ подъ вечеръ на общее сборище.

Собранія птицъ во время любовнаго сезона, въ началѣ весны, имѣютъ самый разнообразный характеръ*). У однихъ породъ при этомъ происходятъ состязаніе въ пѣніи, у другихъ—пляски (*тетерева*); нѣкоторыя птицы въ это время щеголяютъ другъ передъ другомъ смѣлымъ или грандіознымъ полетомъ (*жаворожки*). Австралійская *чиря* для любовныхъ собраній устраиваетъ большія изящныя бесѣдки изъ яркой зелени и разукрашиваетъ ихъ цвѣтами, раковинами и всевозможными блестящими предметами, и т. д.

Мы говорили до сихъ поръ о собраніяхъ болѣе или менѣе экстраординарныхъ. Но совмѣстная жизнь птицъ самая обыденная представляетъ совершенно такія-же проявленія общественности. Семейственность у нихъ очень развита. Нѣкоторыя птицы придерживаются полигаміи (куриныя), другія живутъ парами, обнаруживая иногда самую трогательную привязанность. Самецъ сплошь и рядомъ помогаетъ самкѣ въ насиживаньи или развлекаетъ ее въ то время своими пѣснями, и ужъ во всякомъ случаѣ усердно питаетъ. Птенцовъ своихъ птицы иногда обучаютъ очень тщательно. Такъ, орелъ носитъ своего птенца на себѣ, чтобы приучить его къ воздушнымъ путешествіямъ. *Нирки* учатъ дѣтей ловить рыбу. Нирокъ сперва ловитъ рыбу самъ и кладетъ ее передъ самымъ носомъ у птенцовъ, потомъ въ слѣдующій урокъ показываетъ рыбку только издали, заставляя дѣтей плыть за ней и побуждая ихъ къ

*) Эти сборища продолжаются во время спариванья и прекращаются съ того момента, какъ птицы приступаютъ къ насиживанью и выводу птенцовъ.

этому громкими криками. Рыба достается тому, кто быстрѣе всѣхъ подплыветъ къ учителю. Далѣе начинается урокъ нырянья: учитель, держа рыбу во рту, ныряетъ съ нею и заставляетъ такимъ образомъ дѣтенышей также погружаться подъ воду (Эспинасъ).

Но хотя такимъ образомъ птицы живутъ въ гнѣздахъ отдѣльными семействами, гнѣзда нерѣдко располагаются городками. *Ткачикъ* устраиваетъ даже общее гнѣздо для нѣсколькихъ паръ (3—8): для этого они нагромождаютъ на деревѣ кучу вѣтвей, а внутри этой кучи устраиваютъ ложе для общей кладки яицъ. *Салончикъ* (китайская ласточка) живетъ въ отдѣльныхъ гнѣздахъ, но каждое гнѣздо устраивается совмѣстною работою всѣхъ сосѣдей. У *щира* надъ колоніей гнѣздъ устраивается общая крыша. Наши *вороны* всегда живутъ городками. Вообще, между прочимъ, община воронъ и галокъ очень развита. У нихъ замѣтны нѣкоторые признаки управленія, и даже нѣчто вродѣ суда надъ провинившимися, причѣмъ обвиняемый, послѣ долгаго карканія всей стаи, заклеывается или изгоняется.

Для того, чтобы закончить съ царствомъ птицъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о ихъ солидарности и взаимной привязанности. Взаимная помощь при набѣгахъ на поля или при самооборонѣ практикуется почти у всѣхъ видовъ. У *попугаевъ* постоянно бывають сторожа, по знаку которыхъ вся стая или предается втихомолку грабежу, или стремительно улетаетъ. Эту роль сторожа исполняютъ, впрочемъ, самопроизвольно. *Пиголицы* славятся какъ особенно искусный часовой и приводятъ въ отчаяніе охотниковъ. Пиголицы защищаются совмѣстно и отъ нападенія хищниковъ, онѣ наступаютъ сообща, и тѣмъ храбрѣе, чѣмъ больше ихъ число. Передъ этой дружною защитой нерѣдко принуждены отступать даже коршуны и орлы. У *журавлей* развѣдочная служба организована чрезвычайно тщательно. Они постоянно ставятъ часовыхъ. Брѣмъ рассказываетъ, что въ Африкѣ, когда журавли познакомились съ дѣйствіемъ ружейныхъ выстрѣловъ, они, желая гдѣ-нибудь остановиться, всегда посылали предварительно развѣдчиковъ. Послѣдніе тщательно осматривали мѣстность, искали нѣтъ-ли гдѣ чего подозрительнаго и возвращались въ коммуну. Случалось, что общество не давало имъ полной вѣры, и тогда посылались новые развѣдчики, какъ-бы для контроля, послѣ чего уже и вся стая рѣшается, наконецъ, отправиться на избранное мѣсто. Такого рода явленія замѣчаются у многихъ породъ. Но еще лучше рисуется общественность птицъ въ самыхъ поразительныхъ примѣрахъ взаимной привязанности. Одюбонъ рассказываетъ, что когда въ стаѣ попугаевъ убили нѣсколько штукъ, остальные съ криками взвились вверхъ, покружились минутъ 5, и затѣмъ вернулись къ трупамъ

товарищей, и, испуская жалобные крики, сами пали жертвою своей дружбы (Эспинасъ). Если въ стадѣ *сципирей* олень убитъ, въ другіе начинаютъ жалобно кричать, и не могутъ покинуть мѣста, гдѣ лежитъ убитый товарищъ; ови стараются увлечь его за собой и могутъ быть такимъ образомъ всѣ перебиты. Симпатія совершенно заглушаетъ чувство страха и самосохраненія.

III.

Общественность у *пресмыкающихся* представляется, повидимому, гораздо менѣ развитой, или во всякомъ случаѣ менѣ замѣтна. Семейство существуетъ, однако, у многихъ изъ нихъ, и, быть очень можетъ, только недостаточно. Наблюденія создаютъ здѣсь кажущіяся исключенія. Не у всѣхъ дѣйствительно пресмыкающихся можно видѣть существованіе семей такъ легко, какъ напр. у *лягушки-повитухи*, гдѣ самецъ носитъ на себѣ вещественныя доказательства своихъ отеческихъ чувствъ: яицы повитухи приклеены одно къ другому въ видѣ длинной гирлянды, которую самецъ потомъ наматываетъ вокругъ дѣта, охраняя такимъ образомъ безопасность своего потомства. Самецъ *пыль суринамской* помогаетъ своей подружкѣ прикрѣплять яица въ особыхъ ямочкахъ на ея спинѣ. *Лицерца* также живетъ парами и водить съ собою дѣтенышей. Тоже самое замѣчается у *черепахи*, по краймѣрѣ сухопутной. Чрезвычайной привязанностью къ дѣтенышамъ отличаются многія *змеи*. Вообще совмѣстная жизнь пресмыкающихся въ формѣ семейнаго союза не подлежитъ сомнѣнію. Что касается скопленій многихъ особей, какъ напр. въ «змѣиныхъ городкахъ»,—то факты этого рода слишкомъ мало обследованы, и мы ихъ оставимъ покамѣсь въ сторонѣ.

Далеко не чужды общественности и *рыбы*, но у нихъ наоборотъ стадная жизнь замѣтна болѣе чѣмъ семейная. Большая часть рыбъ живетъ стадами, а иногда—весмѣтными массами. Эти стада называются у насъ *косяками*. Они состоятъ постоянно изъ рыбы одной какой-нибудь породы и имѣютъ своего вожака, который всегда плыветъ впереди стада. Всѣ движенія такого косяка—очень стройны, цѣлесообразны и вообще обнаруживаютъ извѣстнаго рода дисциплину, разобравъ которую вполне, разумѣется, очень трудно въ такой недоступной наблюдению области. Замѣчательно, что косяки держатся, какъ и стаи птицъ, только до эпохи метанія икры. Что касается союза семейнаго, то онъ подмѣченъ только у нѣкоторыхъ породъ. Такъ напр., *лосось* и *форель* устраиваютъ въ пескѣ гнѣзда для своихъ яиць. *Губачь*, *зел. луза*, *морская собака*, *колжиска*, *бычокъ*—устраиваютъ гнѣзда изъ водорослей, иногда очень искусно, въ видѣ трубки. Надъ устройствомъ ихъ трудятся

совмѣстно самецъ и самка. У *chromis paterfamilias* отеческія заботы самца проявляются болѣе оригинальнымъ способомъ: онъ собираетъ себѣ икру въ ротъ и между жабрами, гдѣ молодь выводится въ полной безопасности, но за то отецъ принужденъ очень долго поститься: все время, пока ротъ его набитъ собственными дѣтенышами.

Для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ общую тенденцію этихъ фактовъ, мы должны, однако, вспомнить, какъ трудно поддается наблюденію жизнь пресмыкающихся и рыбъ, и какъ она мало обследована. Каждый фактъ, который намъ извѣстенъ въ этой области—составляетъ чистый подарокъ слѣпой случайности, а отсутствіе твердо установленнаго взгляда на животную жизнь и множество предрассудковъ заставляютъ людей въ большинствѣ случаевъ легкомысленно терять даже эти случайные подарки. Если такой глубокомысленный социологъ, какъ Спенсеръ, позволяетъ себѣ не видѣть общества въ «переменчивыхъ скопленіяхъ» дикарей, то тѣмъ болѣе простительно обыкновенному, рядовому наблюдателю оставлять безъ вниманія проявленія общественной какой-нибудь лягушки. Нужно, чтобы животное предъявило, такъ сказать, документальное свидѣтельство о бракѣ, вродѣ лягушки-повитухи, или *chromis paterfamilias*, для того чтобы наблюдатель удостоился замѣтить семейство у этихъ парій животнаго царства. Нужно, чтобы всякъ рыбы цѣлую недѣлю уходилъ отъ всевозможныхъ ухищреній цѣлой сотни рыбаковъ, для того, чтобы мы удостоили, наконецъ признать въ этихъ маневрахъ расчетъ, солидарность и дисциплину. Наблюдатель въ этихъ случаяхъ не ищетъ фактовъ, а прямо убѣгаетъ отъ нихъ, если имѣетъ малѣйшую на то возможность. Это обстоятельство необходимо твердо помнить, для того чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе извѣстныхъ намъ проявленій общественной жизни пресмыкающихся и рыбъ.

Насѣкомыя находятся, по отношенію къ наблюдателю, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, и общественность ихъ извѣстна несравненно лучше. Общины *пчелъ и муравьевъ* извѣстны каждому. Еще болѣе, повидимому, развита община *термитовъ*. *Осы* живутъ, даже болѣе многочисленными ульями, чѣмъ пчелы. Менѣе многочисленны общины *шмелей и лилипоновъ*. *Antrenid*ы живутъ иногда въ одиночку, иногда штукъ по 8—10 въ одномъ гнѣздѣ. Вообще—насѣкомыя, живущія совмѣстно, составляютъ самое обычное явленіе. Что касается коопераціи и вообще взаимной помощи, то она замѣчается, даже у насѣкомыхъ, совмѣстно не живущихъ. Такъ напримѣръ, жуки-могильщики зарываютъ крупную падаль (мышь, напр.) цѣлыми компаніями штукъ по 5 — 6, причемъ не обра-

щается вниманія на пользу работающих. Тоже самое замѣчается у жука *священнаго* и т. д. Общественная жизнь насѣкомыхъ вообще такъ развита, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ, при помощи небольшой фантазїи, можно писать цѣлыя драматическія хроники, вродѣ того, какъ дѣлаетъ Мишле. Я напому, однако, читателямъ лишь немногіе факты этой жизни, интересной, между прочимъ, по совершенно неожиданнымъ сближеніямъ съ жизнью простѣйшихъ животныхъ.

До какой высокой степени развитія достигаетъ община насѣкомыхъ, можно видѣть на примѣрѣ хотя-бы муравьевъ. Ихъ община состоитъ изъ 400,000 и больше индивидовъ. Они имѣютъ въ своемъ владѣніи опредѣленную территорию, пути сообщенія *), держатъ у себя нѣчто вродѣ домашнего скота **), имѣютъ нѣкоторыя зачатки земледѣлія ***), устраиваютъ обширныя запасныя магазины, а жилища ихъ, если брать сравнительно, далеко превосходятъ по величинѣ крупнѣйшія созданія рука человѣческихъ. *Термиты* въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно опередили даже муравьевъ: ихъ постройки, на примѣръ, возвышаются на 1¹/₂, на 2 сажени, а подземныя галереи уходятъ на глубину 30 и болѣе футовъ; общественныя работы совершаются подъ правильнымъ присмотромъ воиновъ (хотя это не вполне еще доказано), и т. д. *Пчелы* — вообще говоря, гораздо менѣе развиты, но и ихъ улей все-таки со стороны многихъ наблюдателей удостоивался эпитета «государства». Несмотря, однако, на удивительныя проявленія смысленности, сотрудичества и т. д., всѣ эти животныя въ своемъ социальномъ строѣ представляютъ одну странную черту, болѣе приличную для простаго организма, чѣмъ для общества. Я говорю о ихъ зословіяхъ или *стазахъ*, употребляя научный терминъ.

Число стазъ у этихъ насѣкомыхъ бываетъ различно. Въ ульѣ — матки, трутни и рабочія пчелы; у муравьевъ матки (которыхъ въ

*) Ихъ тропинки соединяютъ всѣ уголья муравейника и охраняются такъ же бдительно, какъ самыя жилища.

**) Сюда относятся — *тля* и жуки *булавчики*. Тѣ и другіе доставляютъ муравьямъ питательныя жидкости, хотя совершенно различныя. По наблюденіямъ Мюллера, муравьи даже *разводятъ* булавчинокъ у себя и кормятъ ихъ настолько аккуратно, что булавчики, подобно нашему домашнему скоту, совершенно разучиваются жить самостоятельно. (См. Зоологію Богданова).

***) Муравьи часто разсыпаютъ около своего жилища сѣмена полезныхъ для нихъ растений. Дѣлается-ли это нарочно, или сѣмена роняются случайно — вопросъ до сихъ поръ спорный. Но когда сѣмена пускаютъ ростки, муравьи, во всякомъ случаѣ — выгрызаютъ около нихъ всю сорную траву, и такимъ образомъ помогаютъ полезному растенію развиваться. Это дѣлается, очевидно, совершенно преднамѣренно, и уже безспорно относится къ области земледѣльческой культуры. (Эспинаса: Соц.-ж. ж. в.)

муравейникѣ хотя немного, но все-таки нѣсколько штук), затѣмъ самцы, рабочіе муравьи, солдаты, а иногда еще и такъ называемые *рабы* *). У термитовъ нѣкоторые наблюдатели насчитываютъ даже 12 стазъ. Но сколько-бы ихъ ни было, мы видимъ, если не всегда, то по большей части, что раздѣленіе на сословія у общественныхъ насѣкомыхъ сопровождается раздѣленіемъ *физиологическихъ отправленій*. Въ ульѣ матки и трутни представляютъ чисто половые органы и больше ничего. Работницы, представляющія сглу мускульную, напротивъ лишены половой способности. Тоже самое замѣчается у муравьевъ **). У термитовъ ***) раздѣленіе физиологическихъ отправленій идетъ еще дальше. У нихъ солдаты умѣютъ только кусаться своими страшными челюстями, но они не только бесполы и совершенно неспособны къ работѣ, а даже слѣпы. Едвали могутъ быть сомнѣнія, что болѣе тщательное изученіе покажетъ намъ у общественныхъ насѣкомыхъ еще больше примѣровъ физиологическаго раздѣленія труда, и анатомическія спеціализаціи сословій: когда мы видимъ солдата-муравья, бессмысленно стоящаго передъ пищей, которой онъ, очевидно, не замѣчаетъ, пока ему ее не положить въ ротъ—мы не можемъ объяснить себѣ этого иначе, какъ атрофіей тѣхъ или другихъ органовъ воспріятія, а можетъ быть и движенія. Эта-то спеціализація физиологическихъ отправленій составляетъ основу цивилизаціи насѣкомыхъ, точно такъ-же какъ развитіе организма производится путемъ спеціализаціи органовъ. Сближеніе въ высшей степени важное.

Отмѣтивъ это обстоятельство, оставимъ теперь міръ насѣкомыхъ и спустимся еще ниже—въ туманную и расплывчатую область простѣйшихъ животныхъ. Есть-ли здѣсь что-нибудь напоминающее общественность?

Безъ сомнѣнія—здѣсь замѣчаются постоянно скопленія животныхъ одного вида, и притомъ въ обширѣйшихъ размѣрахъ. Коралловые *полипы* выстроили цѣлыя части свѣта. *Морскіе свѣчи*

*) Названіе совершенно не точное. Это просто сограждане другой породы (хотя-бы выросшіе изъ награбленныхъ яицъ). Но эти „рабы“, по всѣмъ наблюденіямъ, не находятся ни въ малѣйшій подчиненіи у „господъ“. Скорѣе, напротивъ, „рабы“ даже бьютъ „господъ“ за чрезмѣрную требовательность. Вообще здѣсь, очевидно, простое раздѣленіе труда, а не подчиненности.

**) *Mutricoscytus mexicanus* представляетъ крайне рѣзкій примѣръ физиологической спеціализаціи. Это муравьи—медоносные, превратившіеся въ шмѣлокъ вырабатывающій медъ, ихъ держатъ въ муравейникахъ, какъ домашнее животное. Они находятся взаперти, ихъ кормятъ и доятъ: въ этомъ состоятъ вся жизнь выродившагося насѣкомаго.

***) У термитовъ рабочіе и солдаты это уже не самки (какъ у муравьевъ), а самцы, но, конечно, съ атрофированными половыми органами.

плаваютъ такими громадными массами, что образуютъ на черномъ фонѣ ночного океана свѣтлыя пятна величиной въ Ладожское озеро или Финскій заливъ. *Губки* образуютъ на днѣ озеръ огромныя тюки слизи. *Медузы* всегда плаваютъ стаями, иногда не больше сотни штукъ, иногда въ числѣ безконечныхъ милліоновъ и т. д. Но какія причины производятъ эти скопленія? Не составляютъ-ли они механическій результатъ размноженія, морскихъ теченій, вѣтровъ и т. д.? Эти вопросы можно рѣшать только произвольно, и мы оставимъ ихъ въ сторонѣ. Гораздо сильнѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе социологіи другое явленіе, замѣчаемое въ мірѣ простѣйшихъ животныхъ. Я говорю о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда наблюдатель совершенно не можетъ рѣшить, видитъ-ли онъ переодъ собою организмъ или цѣлое общество. Это поразительное явленіе замѣчается у *губокъ*, *сальпъ*, *асцидій*, *трубчатниковъ*, *листовъ* и т. д. На немъ стоитъ остановиться съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ.

Возьмемъ для перваго раза хоть *сальпу* *). Она встрѣчается и одиночкой и цѣлой колоніей. Строеіе отдѣльной сальпы въ обоихъ случаяхъ одинаковы. Это—круглое, студенистое тѣло, величиною съ орѣхъ, имѣющее пищеварительную полость и довольно развитую систему органовъ: сердце, нервный узелъ, половые органы и органъ движенія, въ видѣ особой полости, куда сальпы набираютъ воду, быстро выбрасывая которую сообщаютъ движеніе всему своему тѣлу: пихаются, такъ сказать, въ водѣ. Такъ устроена отдѣльная сальпа. Но вотъ мы встрѣчаемъ въ морѣ цѣлую гирлянду этихъ животныхъ, длиною около фута. Они соединены между собою, вродѣ четокъ, но сохраняютъ все свое строеіе, всѣ органы, самостоятельно, каждая отдѣльно, питаются, самостоятельно размножаются. Только движеніе у нихъ общее для всей колоніи: всѣ особи разомъ и въ одну сторону опорожняютъ свои двигательныя мѣшки и двигаютъ всю колонію, какъ гребецъ дружными ударами веселъ подвигаетъ лодку. Теперь мы спрашиваемъ себя: что такое представляетъ гирлянда сальпъ? Есть-ли это организмъ или община? Можнo-бы признать ихъ общиною, но замѣтите, что сальпы все-таки срослись между собою, во-первыхъ, а во-вторыхъ, отдѣльная сальпа, если ее оторвать отъ товарищей — умираетъ. Сверхъ того, колонія и генетически происходитъ не отъ сліянія отдѣльныхъ сальпъ, а такъ и родится въ видѣ цѣлой гирлянды **). Вопросъ выходитъ весьма затруднительный.

*) Анатомія сальпы и нижесл., см. «Зоологію» Богданова.

**) Сальпа, живущая въ колоніи, порождаетъ одиночныхъ сальпъ, которыя при размноженіи рождатъ уже цѣлую гирлянду сразу и т. д., въ перемежающемся порядкѣ.

Тѣ-же явленія замѣчаются у *асцидій*. Онѣ также живутъ и отдѣльно и колоніально, причемъ колонія состоитъ изъ группъ асцидій, соединившихся особыми отростками; иногда-же нѣсколько асцидій срастаются своими передними концами, образуя нѣчто вродѣ звѣзды: при этомъ (интересное явленіе) на мѣстѣ сращенія всѣхъ асцидій образуется полость, служащая общей клоакой (выходное отверстіе для переваренной пищи). Тутъ, стало быть, мы видимъ, что колонія начинаетъ уже вырабатывать себѣ общіе органы, т. е. дѣлаетъ шагъ къ превращенію въ организмъ. *Трубчатники* (*Siphonophora*) дѣлаютъ еще шагъ въ этомъ направленіи. Надо замѣтить, что трубчатникъ съ виду похожъ на какую-то фантастическую вѣтвь съ листьями или отростками. Первый отростокъ очень сложной формы находится у передней части ствола: этотъ отростокъ есть органъ движенія. Отъ него, какъ я сказалъ, идетъ стволъ, въ которомъ есть внутренняя полость, а на стволѣ насажены одинъ за другимъ цѣлый рядъ новыхъ отростковъ: одинъ служитъ органомъ питанія, имѣя собственный ротъ, но клоакой для него служитъ полость въ общемъ стволѣ; затѣмъ, далѣе, на стволѣ висятъ щупальцы, а за ними идутъ половые органы; все это прикрывается еще однимъ отросткомъ—лопастью (охранительный органъ), который помѣщается впереди органовъ питанія. Затѣмъ по стволу идутъ опять отростки въ такомъ-же порядкѣ, т. е. сперва охранительная лопасть, потомъ органъ питанія, щупальцы, половые органы и т. д., все въ томъ-же порядкѣ. Такимъ образомъ у трубчатки есть нѣсколько органовъ питанія, размноженія и т. д.; но органъ движенія—одинъ, общій для всей колоніи, и клоака тоже одна, общая. Что-же представляетъ изъ себя это фантастическое существо? Здѣсь колонія первоначально свободныхъ животныхъ начинаетъ, очевидно, сливаться въ организмъ, но процессъ слиянія еще не вполне завершился и мы застаемъ его на пол-дорогѣ. Зоологи долго спорили, что считать здѣсь за отдѣльную особь? Одни признавали здѣсь особью каждый отростокъ на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ развивается изъ отдѣльной почки. Другіе принимаютъ, что отдѣльною особью должно считать все, помѣщенное подъ каждой охранительной лопастью, т. е. самую лопасть, органъ питанія, воспроизведенія и щупальцы. Мнѣ кажется, что, соглашая оба мнѣнія, позволительно видѣть въ каждомъ отдѣльномъ органѣ—древнюю особь, уже специализировавшуюся совершенно; эти особи слились нѣкогда въ организмъ, который представляетъ теперь отрѣзокъ, помѣщенный подъ лопастью; затѣмъ, въ болѣе недавнее время, эти уже болѣе сложные организмы слились еще разъ и образовали еще болѣе сложное тѣло—чтубатникъ, въ которомъ снова начался процессъ

физиологической спеціализаціи, уже превратный, — напр. одну особь въ органъ движенія, но вообще еще не закончившійся.

Этотъ процессъ сліянія и спеціализаціи, превращающій организмъ въ органъ болѣе сложнаго организма, не трудно себѣ представить, такъ сказать, схематически. Но читатель замѣтитъ, можетъ быть, что въ дѣйствительности, на собственныхъ глазахъ, мы этого сліянія, положимъ, у трубчатника не видимъ. Если сліяніе и было, то когда-то очень давно. Это, конечно, такъ. Но дѣло въ томъ, что примѣръ сліянія, сростанія организмовъ происходитъ иногда и на нашихъ глазахъ. Эспинасъ сообщаетъ, напр., крайне поучительныя наблюденія Жіара относительно *circinalium congrescens*: если нѣсколько женскихъ особей этого вида асцидій живутъ бокъ-о-бокъ, то онѣ, разрастаясь, легко приходятъ въ соприкосновеніе; тогда они сростаются мало-по-малу и сливаются въ колоніальное животное: «это даетъ начало новому виду общественныхъ асцидій». Не менѣе любопытныя явленія происходятъ, по словамъ Бюшля *), у *topobia confluens*. Это животное имѣетъ видъ маленькой звѣздочки съ лучами. Иногда они сближаются и сливаются своими лучами, образуя цѣлую колонію. Иногда эта колонія, продержавшись нѣсколько времени, снова распадается на отдѣльныя звѣздочки. Иногда колонія образуется временно, какъ будто съ утилитарными цѣлями. Если крупинки, которыми питаются топобіае, слишкомъ велики, то нѣсколько штукъ этихъ животныхъ сходятся, сливаются, окружаютъ крупинку сообща, высасываютъ сообща питательные соки и обратно выталкиваютъ остатки, при чемъ колонія можетъ распаться снова на отдѣльныя звѣздочки. Впрочемъ, сліяніе нѣсколькихъ низшихъ животныхъ вообще не представляетъ ничего необыкновеннаго: такъ *идры* сростаются очень легко, также постоянно сростаются *полипы*. Жизнь обыкновенной *губки*, къ сожалѣнію мало обследованная, представляетъ много любопытныхъ явленій такого-же рода. Каждая губка въ молодости бываетъ свободна, подвижна, даже рѣзва, и живетъ въ одиночку. Къ старости—она живетъ въ одномъ комкѣ съ массой другихъ губокъ. Это скопленіе, какъ говорятъ, происходитъ путемъ почкованья. Но исключительно-ли? Нѣтъ-ли здѣсь и прямого приростанія? Извѣстно, во всякомъ случаѣ, что *отдѣльныя колоніи губокъ* могутъ сростаться, если очень сближаются. Впрочемъ, какимъ-бы путемъ ни происходило скопленіе губокъ, — все таки онѣ сростаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ формахъ

*) Новая Зоологія. «Загр. Вѣстн.» 82, Май.

и степеняхъ. Если какая нибудь губка очутится крѣпко сжатой между другими, то она направляетъ свой выводной каналъ въ kloaku какой-нибудь сосѣдки, такъ что внутреннія полости цѣлаго десятка губокъ приходятъ въ сообщеніе; иная губка сообщается съ вѣшнимъ міромъ, получаетъ пищу и извергаетъ остатки — не иначе какъ сквозъ тѣла своихъ сообщниковъ. Вообще степень независимости особи въ колоніи губокъ представляетъ нѣчто крайне условное и перемѣнчивое.

Всѣ явленія этого рода, наполняющія жизнь простѣйшихъ животныхъ, естественно выдвигаютъ передъ нами вопросъ — что же такое организмъ? Не есть-ли каждый организмъ—община, составленная изъ организмовъ болѣе простыхъ? Эта мысль настойчиво врывается въ наши соображенія, и въ настоящее время уже получила въ наукѣ всѣ права гражданства. Для того, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, остановимся еще на нѣсколькихъ фактахъ. Возьмемъ, напр., *марскую звѣзду*: это несомнѣнный организмъ, имѣющій геометрически правильную форму звѣзды, тѣло довольно плотное, представляющее сконцентрированную систему нервовъ, кровеносныхъ сосудовъ и т. д. Теперь послушайте рассказъ Льюиса о неудачныхъ попыткахъ Э. Форбеса поймать эту звѣзду *). «Всплыла, говоритъ Э. Форбесъ, морская звѣзда... самый роскошный экземпляръ... Я весьма осторожно и заботливо погрузилъ свое ведро на уровень съ отверстіемъ сачка, и чрезвычайно тихо сталъ подводить животное къ болѣе чистому элементу. Была-ли слишкомъ холодна вода, или видъ ведра испугалъ мою звѣзду, не знаю, но только тѣло ея *миновенно риспалось*, и я видѣлъ, какъ сквозъ каждую петлю сачка проскальзывали его обломки. Въ отчаяніи я бросился за самымъ большимъ изъ нихъ, и вытащилъ отростокъ съ заканчивающимъ его глазомъ, который мигалъ своею колючею вѣкою, какъ будто съ какою-то насмѣшкой». Что же мы должны заключить при видѣ такого зрѣлища, читатель? Не напоминаетъ ли это вамъ толпу, которая, при видѣ опасности, бросается въ разсыпную? И такую способность разбивать свое тѣло на части обладаютъ многія низшія животныя. Очевидно, что особи, изъ которыхъ слилось такое животное, хотя уже специализировались и превратились въ простые органы и даже утратили способность жить самостоятельно **), но все-таки еще не на столько слиты, чтобъ не имѣть возможности разбѣжаться въ особенно экстренномъ случаѣ. Общинный характеръ организма проявляется въ этихъ случаяхъ очень ярко, и происхождение организма ста-

*) На берегу моря.

**) Отростокъ морской звѣзды, оторванный отъ ея тѣла, скоро умираетъ.

новится ясно. А между тѣмъ замѣтите, что нѣкоторые слѣды самостоятельности органовъ мы до сихъ поръ замѣчаемъ даже въ собственномъ тѣлѣ: у низшихъ-же животныхъ она нерѣдко достигаетъ степени достаточно высокой для того, чтобы сбивать съ толку даже ученыхъ систематиковъ. Оторванные ноги *Nectocotylus* (самецъ аргонавта), напр., долго считались въ наукѣ отдѣльнымъ животнымъ; такъ прекрасно эти ноги движутся и вообще обходятся безъ своего организма.

Принимая во вниманіе всѣ указанныя явленія, нельзя не видѣть, что попытки къ совмѣстной жизни составляютъ самое обычное дѣло въ мірѣ низшихъ животныхъ. Но, съ другой стороны — эти попытки очень быстро приводятъ колонію, общество — къ полному сліянію и превращенію въ одинъ, болѣе сложный организмъ. Черта въ высшей степени характерна, истинный смыслъ которой мы ниже постараемся уяснить себѣ.

И. Кольцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новое направленіе въ нѣмецкой беллетристикѣ.

„Господинъ и г-жа Беворъ“ (Herr und Frau Bewer), романъ Поля Линдау.

Въ то время, когда русская и англійская литература давно создали (русская еще раньше англійской) такъ называемую натуральную, реалистическую школу въ беллетристикѣ, — первая въ лицѣ Гоголя, вторая—Диккенса,—въ то время, какъ французская переживаетъ это направленіе (самодовольно воображая, что она первая на этомъ пути), беллетристика нѣмецкая дѣлаетъ на этомъ пути первые шаги. До сихъ поръ область ея ограничивалась почти исключительно или романомъ психологическимъ и, въ весьма небольшомъ количествѣ, социальнымъ въ широкомъ значеніи этого слова (напр., первые романы Шпильгагена), или отчасти романтическимъ, въ старомъ смыслѣ понятія «романтической», отчасти такъ называемымъ сенсационнымъ, во вкусѣ французовъ Монтепень, Февала и т. п. Теперь стали появляться романы съ реалистическимъ направленіемъ, явно имѣющимъ въ виду новую французскую школу,—и явленіе это до такой степени въ Германіи новое и до такой степени цѣнное въ глазахъ критики, что еще на дняхъ въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ, именно «Die Gegenwart», мы встрѣтили, по поводу недавно появившагося романа «Die Betrogenen» («Обманутые») статью, привѣтствующую это произведеніе, какъ *первый* чисто-реалистическій романъ въ Германіи,—реалистическій именно въ духѣ французскомъ, и, притомъ, Альфонса Доде, котораго эта новая нѣмецкая критика ставитъ гораздо выше Эмиля Зола. Объ этомъ новомъ романѣ мы еще поговоримъ съ читателями «Дѣла»,—а теперь познакоимъ ихъ съ другимъ романомъ, имѣющимъ большой успѣхъ, вышедшимъ уже шестымъ изданіемъ, переводящимся на нѣсколько языковъ и выставленнымъ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ съ заманивающею публику подписью: «Sensationeller Erfolg».

Собственно это не романъ, а повѣсть; заглавіе выписано нами выше. Авторъ ея, Поль Линдау—редакторъ вышеупомянутаго журнала «Die Gegenwart» и, слѣдовательно, раздѣляющій взгляды своихъ сотрудниковъ на новый поворотъ въ нѣмецкой беллетристикѣ. Линдау не только романистъ; онъ также и драматургъ и критикъ,—и всюду обнаруживается въ немъ вообще, какъ по складу ума, такъ и по формѣ изложенія, гораздо больше французъ, чѣмъ нѣмецъ,—и французъ именно новаго, реалистическаго, или, опредѣляя болѣе специально, реалистическаго à la Доде направленія. Новая повѣсть его, о которой мы будемъ говорить здѣсь, представляетъ, какъ увидятъ читатели, большое сходство съ внутреннею и внѣшнею, если можно такъ выразиться, манерою Доде,—и въ этомъ отношеніи она и интересна для насъ не только *an sich und für sich*, хотя говорятъ нѣмцы, и не только какъ хорошій образчикъ новаго направленія въ нѣмецкой беллетристикѣ, но и по своему успѣху въ нѣмецкой публикѣ, доказывающему измѣненіе вкуса и въ этой послѣдней, по крайней мѣрѣ—въ значительномъ большинствѣ ея. Замѣтимъ здѣсь однако, что *такою* успѣха книга эта — при многихъ своихъ достоинствахъ, очень напоминающихъ достоинства извѣстнаго романа Доде «Fromont jeune» не заслуживаетъ. Она только одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ новинокъ въ этомъ родѣ... А послѣ этого короткаго вступленія, обращаемся къ самой повѣсти.

Герой ея — господинъ Беверъ, по имени Клаусъ. По происхожденію, онъ сынъ любекскаго купца и именитаго гражданина, Якова Бевера. Отличительными чертами его съ молодости были добродушіе, впечатлительность, способность увлекаться и т. п.—вообще такія свойства, которыя мало гармонировали съ возложенною на него отцемъ обязанностью—заниматься въ его купеческой конторѣ. Единственнымъ наслажденіемъ его было каждый вечеръ отправляться въ театръ, потомъ ужинать въ сообществѣ актеровъ и актрисъ, вообще вращаться въ этой сферѣ. Наконецъ, такая жизнь въ родительскомъ домѣ сдѣлалась для него невыносимою, и въ одно прекрасное утро онъ пришелъ къ своему отцу и сказалъ ему вотъ что: «Можетъ быть, ты найдешь меня, батюшка, неблагодарнымъ, но я не могу скрыть отъ тебя: здѣсь мнѣ живется нехорошо! Купеческое дѣло меня нисколько не интересуетъ, а то, что мнѣ приходится непременно исполнять, я исполняю очень неохотно. Съ каждымъ днемъ становлюсь я вяглѣе и лѣнивѣе... Это существованіе за письменнымъ столомъ не по мнѣ. Я жажду свѣжаго воздуха, жажду физическаго труда, движенія. Мнѣ необходимо ухъать. Здѣсь я засну и пропаду. Будь теперь война, я пошелъ-бы въ дѣйствующую армію. Но мы заключили миръ съ Австріею, на новую

войну надежды мало, а служба гарнизонная для меня немислима. Мнѣ теперь двадцать пять лѣтъ. Отпусти меня за море—на пять лѣтъ, на болѣе долгое время, если это понадобится; я стану работать и стараться, чтобы изъ меня вышелъ человѣкъ. Здѣсь я и вамъ всѣмъ, и себѣ въ тягость...»

Отецъ согласился, и сынъ поѣхалъ прямо черезъ Марсель, въ Сингапуръ, а оттуда, черезъ нѣсколько времени, на Суматру.

«Тутъ, рассказываетъ авторъ, началась для него жизнь, полная большихъ трудовъ и лишеній. Но такая-то именно жизнь и была предметомъ его стремленій. Онъ находилъ какое-то сладострастное наслажденіе въ томъ, чтобы доводить себя физическимъ трудомъ до полного изнеможенія и затѣмъ отказывать своему тѣлу въ отдыхѣ, котораго оно такъ жаждало. Онъ исполнялъ работы самаго послѣдняго изъ своихъ слугъ и работалъ за троихъ. Страшные жары этой мѣстности были ему ни по чемъ. Европейцы смотрѣли на него какъ на чудака, туземцы признавали въ немъ какое-то высшее существо, приближаться къ которому они дерзали только съ робостью и смиреніемъ. Клаусъ основательно ознакомился съ характеристическими особенностями страны и въ относительно короткое время приобрѣлъ себѣ громкую репутацію дѣятельнаго и способнаго негоціанта. Торговый домъ его процвѣталъ и благоденствовалъ, и, къ концу пятого года своего пребыванія на Суматрѣ, онъ обладалъ уже солиднымъ состояніемъ»...

Какъ разъ въ это время умеръ его отецъ. На его долю, благодаря интригамъ двухъ старшихъ братьевъ, пришлась только небольшая часть наследства, да и ту онъ раздѣлилъ между своею сестрою и двумя младшими, тоже обдѣленными, братьями, а самъ остался на Суматрѣ.

«Съ возобновленными силами (продолжаетъ рассказывать авторъ), почти съ лихорадочною страстностью, снова кинулся Клаусъ въ дѣятельную жизнь. И чѣмъ больше онъ зарабатывалъ, тѣмъ сильнѣе развивалась въ немъ жажда дальнѣйшаго обогащенія. Приобрѣтеніе денегъ сдѣлалось для него конечною цѣлью жизни. Неестественное наслажденіе обладаніемъ овладѣло его душою. И счастье улыбалось ему почти невѣроятнымъ образомъ. Что-бы онъ ни предпринималъ—все приносило блистательные результаты. Съ каждымъ днемъ расширялся кругъ этихъ колоссальныхъ предпріятій и дѣлъ, съ каждымъ днемъ грандіозно увеличивались барыши. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ обогналъ всѣхъ своихъ конкурентовъ. Онъ стоялъ во главѣ торговаго дома, пользовавшагося всемірною извѣстностью. Онъ устроилъ свою домашнюю обстановку такъ, что ей могъ-бы позавидовать государь. У него была цѣлая толпа слугъ, конюшня съ самыми дорогими лошадьми и самый лучший поваръ

всего западнаго полушарія. Народъ прозвалъ его «королемъ». И дѣйствительно, на царственную ногу поставилъ онъ себя и все его окружавшее, точно также какъ царственно было гостепріимство, оказывавшееся хозяиномъ всѣмъ, посѣщавшимъ его. Каждый разъ какъ этотъ бѣлокурый великанъ, въ гордомъ сознаніи своего полновластія, смотрѣлъ на все, созданное его собственными руками, и на всѣхъ подчиненныхъ, дрожавшихъ передъ нимъ, въ умѣ его проходили однѣ и тѣ-же двѣ мысли: грустная—отчего старикъ отецъ его не дожилъ до этой поры?—и радостно-торжествующая,—что слухъ о его могуществѣ и богатствѣ достигъ, конечно, до братьевъ, такъ скверно поступившихъ съ нимъ!

«И такъ, Клаусъ Беверъ былъ богатъ, богаче, чѣмъ онъ могъ надѣяться, богаче даже, чѣмъ онъ самъ когда-либо желалъ. Но не особенно большому пространству времени нужно было пройти для того, чтобы богатство, ради самаго себя, какъ само себѣ цѣль, перестало радовать его обладателя. Въ душѣ Клауса зашевелился роковой вопросъ: «Какое-же наслажденіе доставляетъ мнѣ обладаніе такими сокровищами? И если я еще больше умножу,—удвою, утрою мое состояніе, сдѣлаетъ-ли оно меня довольнѣе и радостнѣе, доставить-ли оно мнѣ здѣсь то, отсутствіе чего я чувствую такъ болѣзненно?»

Результатомъ всего этого было то, что Клаусъ рѣшился вернуться въ Европу. Поручивъ другому ликвидацию своихъ дѣлъ, онъ не долго собирался—и въ началѣ романа мы находимъ Клауса въ Берлинѣ, въ сообществѣ его старшаго пріятели, «актера Шнейдера, который за это время тоже успѣлъ сдѣлаться знаменитостью—въ театральномъ мірѣ. Клаусъ хочетъ веселиться;—Шнейдеръ самый удобный, самый пригодный человекъ для этого: онъ отлично знаетъ всѣ увеселительныя мѣста, онъ самъ «жуиръ» въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ первый-же день пріѣзда Клауса въ Берлинъ, Шнейдеръ везетъ его въ «Валгаллу»—нѣчто въ родѣ нашей «Аркадіи», «Ливадіи» и т. п. Клаусъ былъ человекъ далеко не разочарованный и съ большимъ интересомъ смотрѣлъ на выдѣлывавшіяся передъ нимъ штуки акробатовъ. Но онъ весь обратился въ слухъ и зрѣніе, когда на сцену вышла дѣвушка, видимо принадлежавшая къ числу второстепенныхъ «сюжетовъ» труппы, но поражавшая мало-мальски опытный глазъ не только своею миловидностью и граціею, но и особенною оригинальностью, своеобразностью въ манерѣ, голосѣ—(она была пѣвица)—движеніяхъ. Она сперва спѣла веселую пѣсенку,—и Клаусъ пришелъ въ такой шумный восторгъ, сталъ такъ аплодировать своими исполненными ладонями, что обратилъ на себя вниманіе не только пѣвицы, пославшей къ нему въ ложу особенно пріятливый по-

клонъ, но и публики. По его настоянію, потребовали «бистъ» — и пѣвица вышла снова на эстраду...

«Ея лице, до сихъ поръ сохранявшее милую и привѣтливую улыбку, вдругъ приняло очень тоскливое, болѣзненное выраженіе, и дрожащимъ *pianissimo* запѣла она чудесную пѣсню Кошама:

«Ахъ, въ тоскѣ, кручинѣ и тревогѣ
Я одна, какъ камень на дорогѣ...
Позабылъ меня любезный мой,
Не спѣшить вернуться онъ домой!
Въ божій храмъ теперь пойду я,
На колѣнѣ стану я.
Тамъ-то выплачется въ волю,
Въ волю душенька моя!

«Ни одна рука не пошевелилась. Въ публикѣ господствовало настроеніе, которое можно было-бы назвать почти благоговѣйнымъ. Шнейдеръ хотѣлъ было шепнуть Клаусу какое-то замѣчаніе; но тотъ порывистымъ движеніемъ руки заставилъ его замолчать и сердито наморщилъ лобъ. Катя (имя пѣвицы) запѣла послѣднюю строфу:

„Дерево растетъ въ лѣсу: одѣто
Зеленью и лѣтомъ, и зимой;
Ахъ, подъ нимъ на мнѣ жениться клялся
Столько разъ другъ вѣроломный мой.
Ахъ, туда съ утра до ночи
Рвется все душа моя;
Только тамъ я вижу ясно,
Что одна на свѣтѣ я...“

«Лице Кати выражало глубокую скорбь и голосъ ея звучалъ, какъ подавленное мелодическое рыданіе. Но какъ только замолкъ послѣдняя нота, это лице снова приняло свое веселое, плутовское выраженіе, и пѣвица, привѣтливо раскланявшись во всѣ стороны, въ припрыжку удалилась за кулисы. Теперь вся публика разразилась аплодисментами. Катю вызвали нѣсколько разъ...»

Само собою разумѣется, что нашъ Клаусъ былъ въ числѣ самыхъ шумныхъ рукоплескателей, — но этимъ дѣло не ограничилось. Онъ выразилъ своему спутнику Шнейдеру желаніе познакомиться съ очаровательною дѣвушкою, — желаніе, которое ему, наивному обитателю Суматры, представлялось почти неисполнимымъ. Но, конечно, дѣло оказалось какъ нельзя болѣе простымъ, — до того простымъ, что черезъ полчаса оба пріятели были уже въ уборной Кати, а черезъ часъ сидѣли втроемъ въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Шнейдеръ сталъ что-то наигрывать на старомъ пьянино, помѣщавшемся въ комнатѣ, а Клаусъ и Катя, въ ожиданіи заказаннаго ужина, расположились у стола...

«Разговоръ, однако, шелъ между ними не особенно оживленно.

Клаусъ сидѣлъ со скрещенными руками, облокотившись локтями на столъ, противъ Кати, которая занималась приведеніемъ въ порядокъ своей прически и нѣкоторыхъ частей туалета, и не говорилъ ни слова. Да онъ и не чувствовалъ никакой потребности говорить, -- ему и такъ было очень хорошо. Такъ прошло съ четверть часа. Вдругъ Клаусъ протянулъ къ дѣвушкѣ широкія ладони своихъ мощныхъ рукъ и посмотрѣлъ на нее тепло и сердечно, съ самою ласковою улыбкой. Катя безъ всякаго жеманства отозвалась на безмолвное приглашеніе и протянула свои руки. Великанъ сжалъ пальцы и долго держалъ въ заточеніи эти маленькія ручки; когда онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться и наклониться къ Катѣ, она увернулась и освободила свои руки. Но тотчасъ-же послѣ того дѣвушка снова ласково положила свои пальцы на руку великана и стала выбивать ими въ тактъ мелодію гавота, которую въ это время продолжалъ барабанить на пьянино Шнейдеръ. Она играла также большимъ брильянтовымъ кольцомъ, красовавшимся на правомъ мизинцѣ Клауса, и, повидимому, наслаждалась блестящими отраженіями драгоцѣннаго камня. Клаусъ снялъ кольцо и надѣлъ его на указательный палецъ Кати. Обоихъ забавляла сравнительная величина кольца и миниатюрность пальчика. Катя снова сняла перстень и протянула его Клаусу. Тотъ покачалъ головою.

— Оставьте это себѣ, тихо сказалъ онъ;— оставьте изъ дружбы ко мнѣ... И на память обо мнѣ!.. Мнѣ такъ хотѣлось-бы что-нибудь подарить вамъ... Пожалуйста!

«Катя на минуту дѣйствительно пришла въ смущеніе. Она смотрѣла на кольцо и съ замѣшательствомъ видѣла, что Клаусъ дѣлаетъ ей подарокъ очень цѣнный. Глаза его выражали трогательную преданность и искреннюю просьбу.

— Но вѣдь это не идетъ! сказала она такъ-же тихо, какъ онъ, если, пожалуй, не такъ искренно.

— Пожалуйста! повторилъ онъ съ настойчивою нѣжностью;— вы очень меня обрадуете.

«Катя чувствовала потребность заставить еще немного просить себя.

— Да какъ же мнѣ можно брать отъ васъ такіе драгоцѣнные подарки? Мы вѣдь повуда совсѣмъ не знакомы.

— Мы не знакомы, но вы нравитесь мнѣ, Fräulein Катя! И мнѣ хотѣлось-бы выразить вамъ это чѣмъ-нибудь. Не придавайте такого значенія совершенной мелочи. Вы доставили мнѣ уже большую радость тѣмъ, что приняли мое предложеніе пріѣхать сюда; порадайте-же еще больше дозволеніемъ отблагодарить васъ за это.

— Ну, если вы дѣйствительно этого хотите и не жалѣете,— дѣлать нечего, беру и отъ всей души благодарю васъ! Брильянтъ

удивительный! Я такъ рада, такъ рада, что и сказать вамъ не могу! Вотъ ужъ мнѣ даже и не снилось, что сегодня меня ожидаетъ такой сюрпризъ! Очаровательно, совсѣмъ очаровательно!

«Она снова подошла къ зеркалу, распустила концы своего галстука и вдѣла ихъ въ кольцо, радужные лучи котораго заиграли еще ярче. Катя отъ всей души наслаждалась, Клаусъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ, глядя на нее, а Шнейдеръ наигрывалъ гавотъ съ самымъ чувствительнымъ выраженіемъ.

— Вы всамомъ дѣлѣ уѣзжаете завтра? спросила Катя, вернувшись на свое мѣсто и устремивъ глаза внизъ, такъ, чтобы видѣть игру брильянта на своемъ галстухѣ.

— Это совершенно зависитъ отъ васъ.

— Отъ меня?

— Только отъ васъ. Я пріѣхалъ изъ чужой земли и теперь куда не имѣю родины. У меня нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ плановъ. Тамъ, гдѣ мнѣ понравится, тамъ я и останусь. Здѣсь мнѣ бы-понравилось, если-бы вы согласились быть со мною. Если не согласитесь, ну, я отправлюсь дальше.

— Что это вы такое говорите? Хотите вѣрно позабавиться надо мною?

— О, нисколько! Не знаю, право, какъ мнѣ все это объяснить вамъ и не казаться смѣшнымъ? Я на счетъ разговора не мастеръ, и есть вещи, которыя мнѣ особенно трудно высказывать. Но если вы только захотите, то поймете меня. Вы мнѣ правитесь; я радуюсь, когда смотрю на васъ, и мнѣ тяжело думать, что я снова останусь одинъ. Ужели нужно еще что-нибудь прибавлять?

«... Катя испытывала какое-то смущеніе и не могла дать себѣ ясный отчетъ, что ей дѣлать съ этимъ громаднымъ бѣлокурнымъ человѣкомъ, который говорилъ съ нею совсѣмъ для нея необычнымъ тономъ... Въ этомъ тонѣ было что-то удивительно почти-тельное и серьезное. Этотъ господинъ говорилъ совсѣмъ не такъ, какъ напр. валахскій принцъ (обычный посѣтитель ихъ театра), который, правда, тоже не позволялъ себѣ относительно ея какихъ-нибудь особыхъ вольностей, но который, однако, обращался къ ней только въ студенчески-фамиллярномъ тонѣ и всегда произносить только такія слова, надъ которыми ей нечего было задумываться ни минуты. И тутъ вдругъ сдѣлала она открытіе, что ей вообще никогда не случалось надъ чѣмъ-нибудь задумываться, или—еще меньше—что-нибудь предварительно обдумывать. Очень ее поразило, что она принялась обсуждать въ своемъ умѣ странности этого великана, старалась объяснять себѣ то, что представлялось ей въ немъ загадочнымъ, и уже теперь безпokoилась насчетъ того, что могло случиться впереди. И какъ скоро, какъ

впезапно сдѣлалось все это! То настроеніе, которое теперь овладѣло ею, — эта странная смѣсь тревожнаго любопытства и радостнаго изумленія, — поражало ее какъ нѣчто для нея совершенно новое. Такъ, стало быть, она была не въ такой ужъ степени поверхностна, какъ это казалось ей самой до сихъ поръ? Такъ, стало быть, скрывалось въ ней нѣчто болѣе глубокое, о существованіи чего она сама не знала и что расшевелить никто даже и не попытался до настоящей минуты? Какимъ-же образомъ именно этому, совсѣмъ чужому человѣку удалось затронуть эти струны?

«Она смотрѣла на Клауса долгимъ испытующимъ взглядомъ. Только теперь съ удовольствіемъ замѣтила она прекрасную мужественность всей фигуры его и ощущала нѣчто въ родѣ гордости при мысли, что этотъ огромный, сильный человѣкъ казался такимъ смиреннымъ, такимъ незащитнымъ передъ нею, маленькою, худенькою, слабою женщиной. И, подъ вліяніемъ этихъ ощущеній, она вдругъ подняла свой бокалъ (дѣйствіе происходитъ уже во время ужина), чокнулась съ Клаусомъ и сказала: «Вы должны остаться у насъ!»

— Я останусь, если вы этого хотите, отвѣчалъ Клаусъ, глубоко посмотрѣвъ ей въ глаза, и затѣмъ до дна осушилъ свой бокалъ. — Да, я останусь, повторилъ онъ, взявъ ее за руку, — сколько вы пожелаете. Не хочу вдаваться въ сентиментальность, но долженъ вамъ сказать, что уже много лѣтъ я не былъ такъ доволенъ и счастливъ, какъ въ настоящую минуту, около васъ. Мы не знаемъ другъ друга — это правда! Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Того, что я уже знаю о васъ, съ меня совершенно достаточно. Я стремился къ чему-нибудь невѣдомому, — и мнѣ сдается, мнѣ чувствуется, что я нашелъ его. Вотъ все, что я теперь чувствую, и все, что я могу сказать вамъ. Какъ все это сдѣлалось ни съ того, ни съ сего, въ нѣсколько минутъ — самъ не знаю. Взглядѣ-ли вашъ подѣйствовалъ на меня, ростъ-ли, восхитительный-ли звукъ вашего голоса или, можетъ быть, только какая-то особенная прелесть вашей рѣчи? Напрасно спрашиваю себя и не нахожу отвѣта. Знаю только, что вы теперь дѣлаете меня счастливымъ и что я боюсь той минуты, когда мнѣ придется разстаться съ вами.

«Катя слушала съ возрастающимъ удовольствіемъ, но нашлась отвѣтить только одно слово: «Чудно!» Она медленно высвободила свою руку, встала и подошла къ пьянино... Катя играла не особенно бѣгло, но очень музыкально. Не дожидаясь просьбы, она начала затѣмъ пѣть одну австрійскую пѣсню за другою. Клаусъ былъ въ полномъ восторгѣ. Онъ вспоминалъ тотъ жаркій день на Суматрѣ, въ который у него созрѣлъ планъ вернуться въ Гер-

манію, — и говорилъ себѣ, что теперь жажда его утолена. Когда, наконецъ, Катя снова пропѣла съ глубокимъ выраженіемъ грустную пѣсню объ оставленной дѣвушкѣ, у него вѣрно выступили-бы на глазахъ слезы, еслибъ онъ не постыдился Шнейдера, въ эту минуту снова наполнившаго свой бокалъ. Простая народная пѣсня: «Я одна, какъ камень на дорогѣ», снова произвела на него непостижимое впечатлѣніе и глубоко вѣзалась въ его памяти..»

Такова завязка повѣсти. Дальнѣйшее дѣйствіе идетъ быстро, — не даромъ Клаусъ Беверъ столько времени разогрѣвался солнцемъ Суматры. Черезъ часъ послѣ вышеприведеннаго разговора и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Катя была отвезена домой, позволивъ своему новому знакомому навѣстить ее на слѣдующій день, Клаусъ уже весьма положительно объявлялъ своему пріятелю и руководителю Шнейдеру, что такъ или иначе — въ качествѣ ли жены, если окажется, что Катя порядочная дѣвушка, или въ качествѣ любовницы, если окажется противное — но это очаровательное созданіе должно принадлежать ему, — ему и никому другому. На возраженія совершенно пораженнаго — особенно вопросомъ о женитьбѣ — товарища, Клаусъ со своей стороны возражалъ, между прочимъ такъ: «Я знаю, что всякій честный и аккуратный бюргеръ осудилъ-бы мое намѣреніе жениться такимъ образомъ. Но ты, какъ артистъ, долженъ понимать, что рутинная нравственность и систематичность не всякому приходится по вкусу. Каждый разъ, какъ во мнѣ возникала мысль объ устройствѣ для себя домашняго очага, я съ робостью прогонялъ ее, потому что единственно возможнымъ фундаментомъ его представлялась мнѣ именно эта правильность и аккуратность. И когда я воображалъ себѣ нравственную, прекрасную супругу въ бѣломъ чепчикѣ, бѣломъ передникѣ и со связкою ключей, женщину, которая въ то время, какъ я говорилъ-бы ей о своей любви, думала-бы о счетѣ своей кухарки и о предстоявшей большой стиркѣ, тогда, совмѣстно съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, которое поселяла во мнѣ эта достоуважаемая особа, на меня нападалъ тайный страхъ закончить дни мои въ этой добродѣтельной обстановкѣ... Но теперь я смотрю на эту возможность устройства домашняго очага совсѣмъ съ иной, гораздо болѣе привлекательной стороны. Мнѣ нѣтъ никакой нужды въ спокойствіи и такъ называемомъ порядкѣ. Я хочу жить и наслаждаться. Мнѣ не нужна жена, пришивающая пуговицы къ моимъ рубашкамъ, я хочу имѣть веселое существо, которое шевелило-бы, расталкивало-бы меня, которое пѣло-бы мнѣ чудесныя пѣсни, которое я слушалъ-бы съ величайшимъ наслажденіемъ съ утра до вечера, — хочу имѣть артистическую натуру, подругу, возлюбленную!..» И при этихъ эгоистическихъ стремленіяхъ, у Клауса

Бевера были еще мысли другого рода, — мысли о томъ, что онъ разовьетъ, облагородитъ эту дѣвушку, сниметъ съ нея то нехорошее, что, вѣроятно, наложила на нее среда, въ которой она находилась до тѣхъ поръ. «Какъ знать—разсуждалъ онъ—въ какой обстановкѣ прошло дѣтство этого бѣднаго созданія и какіе примѣры были у нея передъ глазами? Это недурная, искренняя натура — я нисколько не сомнѣваюсь. Стоитъ только посмотрѣть въ ея привѣтливые, свѣтлые глаза! Такъ не смотреть дѣвушка, умышленно сошедшая съ той дороги, которая была указана ей какъ надлежащая. Тутъ можетъ быть рѣчь о несчастіи, но никогда — о винѣ. И если есть человѣкъ, имѣющій полное право стать на болѣе свободную, чисто-человѣческую точку зрѣнія и судить мягче, чѣмъ обыкновенно судить сухое и холодное общество, то этотъ человѣкъ—я, совершенно чуждый этому обществу, и не имѣющій никакого желанія сблизиться съ нимъ. Да и въ сущности, что я дѣлаю? Въ худшемъ случаѣ — женюсь на вдовѣ, которая никогда не была замужемъ».

Само собою разумѣется, что не только въ назначенный часъ, но и въ назначенную секунду нашъ влюбленный явился на слѣдующій день къ своему божеству. Очень правдиво и забавно описываетъ нашъ авторъ приготовленія къ этому визиту: какъ Клаусъ, не зная, куда ему дѣваться, пока пробьетъ двѣнадцать, слоняется по городу, какъ онъ покупаетъ брильянты, громадные букеты, цѣлые возы конфетъ и, нагруженный всѣмъ этимъ, радостно-торжественно является въ скромную меблированную комнату пѣвицы. Не менѣе хорошо описаны и ея ожиданья, ея радость при видѣ этихъ подарковъ, особенно брильянтоваго кольца, ея изумленіе, когда онъ предлагаетъ ей сейчасъ же переѣхать на другую квартиру и болѣе не выступать на сцену, для чего онъ разрушаетъ ея контрактъ, заплативъ всю нужную неустойку; ея практическій смыслъ при изъявленіи согласія на это предложеніе и т. п. Черезъ какихъ-нибудь полчаса она уже съ нимъ на *ты*; по его тону, по своему женскому чутью она видитъ, что имѣетъ дѣло не съ какимъ-нибудь легкомысленнымъ волокитой, но съ дѣйствительно влюбленнымъ серьезнымъ человѣкомъ, который на вѣтеръ словъ не пускаетъ. И на слѣдующій день Катя—уже въ роскошной обстановкѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ, нанятыхъ для нея въ одномъ изъ лучшихъ отелей. А въ это время Клаусъ получилъ уже отъ своего пріятели Шнейдера нѣсколько, добытыхъ этимъ послѣднимъ, свѣдѣній на счетъ своей новой подруги. Свѣдѣнія не такого свойства, чтобы милую Катю можно было признать вполнѣ весталкой, но въ то-же время нѣтъ въ нихъ и ничего особенно дурного; да Клаусъ и не особенно докапывается, а Шнейдеръ

счелъ болѣе благоразумнымъ передать изъ добытаго имъ матеріала часть болѣе успокоительную. Къ чему—основательно разсуждалъ онъ — напрасно огорчать и тревожить человѣка, который — вѣдь все равно—отъ своего рѣшенія не отступитъ ни за что на свѣтѣ?..

И такъ, бѣдная опереточная пѣвица — въ новой, роскошной обстановкѣ, и авторъ очень тонко замѣчаетъ (обращая вниманіе на эту черту и въ послѣдствіи)—что она съ этою новою обстановкою освоилась изумительно быстро.

«При первыхъ покупкахъ въ магазинахъ она выказывала еще нѣкоторую робость и находила все слишкомъ хорошимъ и слишкомъ дорогимъ. Когда же она увидѣла, что ей приходилось дѣйствовать за совершенно непрактическаго Клауса, взять въ свои руки все дѣло, и когда для нея стало ясно, какимъ именно образомъ Клаусъ намѣревался устроить ихъ дальнѣйшую жизнь, тогда Катя принялась распоряжаться съ такою увѣренностью, какъ будто ей помогала опытъ многихъ лѣтъ. Она ничему больше не удивлялась и находила все совершенно естественнымъ. Прикащикамъ въ магазинахъ она отдавала свои распоряженія съ дѣловымъ спокойствіемъ знатной и богатой барыни, между тѣмъ какъ Клаусъ спокойно стоялъ въ сторонѣ. Двухъ часовъ было достаточно, чтобы совершить метаморфозу вполне,—и дочь бѣднаго сапожника изъ предмѣстья Вѣны, недавняя хористка и шансонетная пѣвица, еще за недѣлю до того торговавшаяся со своею квартирною хозяйкой изъ-за цѣны завтрака, превратилась въ даму, которая въ теченіи двухчасоваго объѣзда магазиновъ преспокойно покупала разныхъ вещей на нѣсколько тысячъ марокъ...

«... Клаусъ ушелъ въ этотъ день къ себѣ домой довольно рано, такъ какъ Катя чувствовала себя очень утомленною. Но съ горничною въ отелѣ она послѣ него вела еще довольно продолжительный разговоръ. Когда горничная спросила, прикажетъ-ли барыня помочь ей раздѣться, Катя не ограничилась простымъ отклоненіемъ этого предложенія, но еще рассказала, не будучи на то вызвана, что у нея есть разныя маленькія привычки, которыя надо изучить, и безъ знанія которыхъ прислуживающему ей въ первый разъ очень трудно справиться. Она прибавила, что поэтому для нея было большимъ несчастіемъ, когда на дняхъ представилось необходимымъ внезапно отпустить горничную, выучить которую ей стоило большихъ трудовъ, но она наняла уже другую, которая явится завтра. Къ слѣдующему дню она заказала себѣ на девять часовъ ванну, на десять—завтракъ, на одиннадцать — парикмахера, и велѣла, чтобъ раньше двѣнадцати къ ней не принимали никого...»

На слѣдующій день Клаусъ уже прямо объявилъ ей о своемъ

рѣшеніи жениться и просилъ поскорѣе приготовить нужныя для этого бумаги. Катя очень изумилась, но скрыла и изумленіе, и волненіе. Да, такъ вотъ что! Женитьба? Впрочемъ, нѣсколькихъ минутъ было достаточно для того, чтобы она и это нашла совершенно естественнымъ. И вотъ, черезъ нѣсколько дней, *fräulein* Катя Шене—госпожа Беверъ. Клаусъ, само собой разумѣется, былъ на-верху блаженства, Катя тоже была... очень довольна, и когда въ Берлинѣ бывшая ея товарка по сценѣ спросила ее, любить ли она своего мужа, та отвѣчала: «Какъ же его не любить? Вѣдь онъ исполняетъ всѣ малѣйшія желанія, какія только читаетъ въ моихъ глазахъ!» Только въ послѣдніе дни, предшествовавшіе браку, начала она... немного скучать.

«Постоянное пребываніе наединѣ съ Клаусомъ, который не отличался особенною разговорчивостью, дѣлалось слишкомъ однообразнымъ! Онъ ей непрерывно говорилъ все одно и то же—то, что она уже хорошо знала, — что онъ ее любитъ выше всего на свѣтѣ! Не признаваясь себѣ, она, однако, чувствовала, что ея прежняя жизнь представляла больше веселости и разнообразія. Въ кафе-шантанъ «Валгаллѣ» вѣдь не было недостатка въ неожиданностяхъ, развлеченіяхъ, сюрпризахъ. То ссора за кулисами съ соперницею-пѣвицею Левини, — а въ битвахъ язычкомъ Катя одержала въ жизни уже столько блистательныхъ побѣдъ!—то веселыя *parties de plaisir* по окончаніи представленій... А теперь одинъ день проходилъ совершенно какъ другой. Катя скоро усвоила привычку принимать драгоценныя подарки, и подарки сдѣлались наконецъ единственною вещью, которую нельзя было заранѣе поставить въ программу дня съ безусловною увѣренностью въ выполненіи этой части. Компаньонка, нанятая Катей въ Берлинѣ, оказалась невыносимо скучною; это была дочь чиновника, образованная дѣвушка, обладавшая всевозможными достоинствами, за исключеніемъ одного—умѣнья понимать Катю. Впрочемъ, черезъ три дня она сама попросила отпустить ее. Гораздо больше подходящую преемницу ей Катя нашла себѣ въ дочери своей прежней квартирной хозяйки, семнадцатилѣтней Августѣ Мильке, одной изъ тѣхъ необыкновенно ловкихъ, рано созрѣвающихъ дѣвушекъ какія возможны только въ столицѣ. Съ этою Густель госпожѣ Беверъ было гораздо удобнѣе проводить время, чѣмъ съ Клаусомъ. Обѣ онѣ выросли въ одной и той-же умственной и нравственной атмосферѣ и стояли на одинаковой ступени образованія и развитія....»

Молодые супруги отправляются путешествовать. Первая станція ихъ—веселый Висбаденъ, конечно, производящій на Катю самое благоприятное впечатлѣніе. Здѣсь, на одномъ изъ танцеваль-

ныхъ вечеровъ, она встрѣчаетъ кавалерійскаго офицера, барона Алберсдорфа, одного изъ обычныхъ посѣтителей той «Валгаллы», гдѣ нынѣшняя мадамъ Беверъ еще недавно распѣвала игривыя шансонетки, а слѣдовательно, и короткій—можетъ быть даже слишкомъ короткій—знакомый ея. Но, какъ джентльмень, баронъ, рекомендуясь Клаусу и прося его представить г-жѣ Беверъ, не подаетъ ни малѣйшаго виду, что даже когда-либо встрѣчалъ ее,—и только когда они усѣлись въ кадрили, на далекомъ разстояніи отъ мужа, начинается между ними оживленный разговоръ, полный кафешантаннаго воспоминаній. Катя совсѣмъ въ своей тарелкѣ. «Она давно не вела такой искренней бесѣды. Уже очень давно, уже цѣлыхъ четыре недѣли не было ей такъ весело, какъ теперь... Отчего-же добрякъ Клаусъ, котораго она такъ любила, не могъ попадать въ этотъ надлежащій тонъ? Вѣдь онъ вообще такой милый человѣкъ... Но онъ болтаетъ рѣшительно не умѣетъ,—вотъ бѣда. Если онъ говорить и безпрестанно повторяетъ ей, что любитъ ее, что она составляетъ его счастье и что онъ хочетъ сдѣлать ее счастливою,—то на этомъ и оканчивается его мудрость. Все это, конечно, очень хорошо, прекрасно. Но вѣдь хочется слышать и кое-что другое,—напр. о своихъ прежнихъ подругахъ и соперницахъ, поклонникахъ и другихъ интересныхъ личностяхъ!..» А Клаусъ въ это время сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ на танцующую оживленную пару въ невеселомъ, даже мрачномъ настроеніи,—еще въ первый разъ со времени знакомства съ Катей. Дѣло въ томъ, что послѣ нѣкоторыхъ усилій памяти, онъ припомнилъ, гдѣ ему приходилось уже слышать эту фамилію барона Алберсдорфа: въ первый вечеръ своего посѣщенія «Валгаллы» пріятель Шнейдеръ назвалъ этого барона въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые должны были въ этотъ вечеръ ужинать съ Катей и другими дѣвицами увеселительнаго заведенія... И вотъ, съ этимъ самымъ Алберсдорфомъ она танцуетъ, черезъ сутки послѣ своей свадьбы! И оба скрываютъ отъ Клауса, что они старые знакомые! И оба такъ оживлены!.. Оживлены до такой степени, что за все время танцевъ Катя ни разу не взглянула даже на своего супруга, оставленнаго ею въ углу залы съ порученіемъ держать ея вѣреть и мантилью! Въ душѣ Клауса зашевелилось нѣчто въ родѣ ревности... Не удивительно, поэтому, что когда баронъ, предварительно условившись о томъ съ Катей, попросилъ у Клауса позволенія отужинать съ ними вмѣстѣ,—тотъ холодно, но вѣжливо отклонилъ это удовольствіе, подъ предлогомъ, что уже очень поздно, что женѣ его вредно и т. п. Само собою разумѣется, что оба супруга вернулись домой въ нехорошемъ настроеніи,—Катя дулась, Клаусъ былъ погруженъ въ печальныя размышленія...

На слѣдующее утро послѣ пересказаннаго нами вѣратцѣ эпизода, авторъ вводитъ насъ въ столовую молодыхъ — заставляетъ Клауса держать своей женѣ слѣдующую поучительную рѣчь:

— Катя, сцена подобная вчерашней, не должна болѣе повторяться. Ссориться намъ вовсе не встаетъ, — мы вѣдь соединились для того, чтобы улаживать жизнь другъ друга. Намъ необходимо, особенно въ это первое время нашего брака, стараться идти по одной и той-же дорогѣ и не расходиться ни на шагъ. Фальшивое направленіе принять легко, и чуть только одинъ изъ насъ возьметъ вправо, другой — влево, несчастіе неминуемо. Мы не должны ни на минуту забывать, что между нами не существуетъ никакой рѣзкой противоположности, что рѣчь можетъ быть только о различіи мнѣній, которое всегда можетъ быть сглажено взаимною уступчивостью, или о недоразумѣніи, которое точно также скоро устраняется добрымъ словомъ. Если я вчера увезъ тебя съ бала противъ твоего желанія, то это не было нисколько упрямымъ эгоизмомъ съ моей стороны. Что-бы ты ни говорила, а танцы тебѣ положительно вредны! Ты была въ такомъ возбужденіи, въ какомъ я до сихъ поръ никогда не видѣлъ тебя. И этому лихорадочному возбужденію приписываю я также то, что ты обошлась со мною хуже, чѣмъ я этого заслуживалъ... Наконецъ — и это самое главное — мнѣ было непріятно, что ты встрѣтилась съ однимъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Это ты, надѣюсь, понимаешь. Насчетъ того прежняго времени ты никогда не услышишь отъ меня ни одного непріятнаго слова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не желаю, чтобы мнѣ чѣмъ-бы то ни было напоминали о немъ. Ну, а теперь покончимъ этотъ разговоръ. Я больше не сержусь, — ты тоже взгляни опять на меня ласково и подумай, что у насъ всѣ данныя для того, чтобы наслаждаться жизнью. Протяни же мнѣ руку, Катя!

«Катя (продолжаетъ рассказывать авторъ), во все время этой длинной рѣчи, не сдѣлала даже попытки прервать ее. Она не спускала глазъ съ бѣлой скатерти и лице ея не выражало ровно ничего. На немъ не было ни печали, ни гнѣва, ни умиленія, ни желанія примириться. Апатически положила она свою руку въ руку мужа, не отвѣтивъ на его дружеское пожатіе.

— Неужели-же ты не имѣешь ничего сказать мнѣ? спросилъ Клаусъ послѣ небольшой паузы.

— Когда я сердита, то отъ меня не добьешься ни слова!

— Но тебѣ не слѣдуетъ сердиться, дитя!

«Клаусъ сталъ снова доказывать ей, что ея неудовольствіе противъ него совершенно неосновательно. Катя слушала и не возражала. Она не соглашалась съ нимъ и не спорила. Можетъ быть, она совсѣмъ не понимала его. Клаусъ слишкомъ ужъ вдавался въ

отвлеченности и обобщенія, превосходившія ея пониманіе. Для нея доступно было только положительное. Она знала очень хорошо, что значить новое платье, увеселительная прогулка, балъ, ужинъ въ веселой компаніи. Но всѣ эти разсужденія Клауса насчетъ обязанностей супруговъ, нравственнаго долга и т. п. были слишкомъ глубокомысленны для нея, и въ шарадамъ она не питала никакого расположенія.

«Клаусъ былъ совершенно правъ, когда, послѣ первой встрѣчи съ нею, сказалъ Шнейдеру, что она совсѣмъ не испорченная натура, что это видно по ея глазамъ. Дѣйствительно, испорченнаго, порочнаго въ ней ничего не было; она была просто неразвита. Она выросла, не имѣя передъ собою ничего, что могло-бы ей послужить хорошимъ примѣромъ и образцемъ; никогда никакая серьезная и благородная мысль не забрасывалась въ молодой умъ. Воспитаніе, полученное ею въ мастерской отца,—мать ея умерла рано,—состояло въ томъ, что ее кормили, одѣвали и посылали въ начальную школу. Къ установленію того, что обыкновенно называютъ нравственнымъ фундаментомъ, не дѣлалось даже попытки, и во всемъ томъ, что зиждется на этомъ фундаментѣ и только при существованіи его возможно, ощущался полнѣйшій недостатокъ. Единственный долгъ, который она когда-либо понимала, состоялъ въ томъ, что она обязана не нарушать контракта съ содержателемъ театра, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось-бы заплатить штрафъ. Такимъ образомъ, не смотря на то, что ея умъ превосходилъ уровень посредственности, она все-таки представляла собою ничтожество. Но это нравственное ничтожество прикрывалось врожденною ей физическою граціею. Во всей фигурѣ ея было нѣчто неодолимо-обаятельное. И она вполне сознавала свою силу въ этомъ отношеніи, и природный инстинктъ подсказывалъ ей способъ искуснаго обращенія съ этимъ опаснымъ оружіемъ. Когда она чувствовала себя не совсѣмъ ловко, то, вообще не разговаривая, совсѣмъ умолкала и предоставляла дальнѣйшее дѣйствію своей физической прелести.

«Это молчаніе было для Клауса адскимъ мученіемъ... Онъ все готовъ былъ перенести, онъ согласенъ былъ подвергнуться явной несправедливости,—лишь бы только Катя не молчала! Вѣдь не на бездушнѣй-же статуѣ женился онъ! Все, что хотите, — только не давайте проповѣдывать въ пустынѣ! Правъ онъ или нѣтъ, — это другой вопросъ; но только, Бога ради, говори, не молчи! «Рѣзвъ я такой тиранъ—разсуждалъ онъ—что предо мною всякое противорѣчіе должно замирать на устахъ моего собесѣдника». И при этой мысли онъ постепенно разгорячался и, наконецъ, договаривался до слѣпота гнѣва. Въ этомъ настроеніи онъ высказывалъ

вещи, въ которыхъ потомъ дѣйствительно приходилось раскаяваться. Своимъ молчаніемъ Катя доводила дѣло до того, что въ концѣ концовъ онъ на самомъ дѣлѣ оказывался неправымъ, сознавалъ свою вину, и ему же еще приходилось просить прощенія у женщины, огорчавшей его. И онъ упрекалъ себя въ томъ, что своими капризами и своею рѣзкостью мучилъ бѣдное созданіе, не имѣвшее на свѣтѣ ничего и никого, кромѣ его.

«Съ теченіемъ времени великанъ сдѣлался такимъ маленькимъ и слабымъ, что дитя могло-бы пожалѣть его. Онъ дрожалъ при мысли о малѣйшей брачной ссорѣ, такъ какъ каждое такое несогласіе принимало размѣры, далеко не соответствовавшіе ничтожности повода къ нему. Онъ трепеталъ предъ этой маленькой Катей, какъ рабъ передъ разгнѣванной повелительницей. «А тамъ, на Суматрѣ,—сказалъ онъ однажды съ горькою улыбкою,—меня называли королемъ!» Катя, молчаливая на первыхъ порахъ, вслѣдствіе своей словесной беспомощности, потомъ, узнавъ силу своего молчанія, начала молчать по принципу...»

Разъ возникли такія натянутыя, ненормальныя отношенія и разъ существуетъ такое солидное основаніе для поддержанія ихъ,—дѣло, само собою разумѣется, должно портиться все больше и больше, хотя оба супруга или дѣйствительно не сознаютъ этого, или стараются не сознавать. Клаусъ все пытается увѣрить себя, что онъ счастливъ, что это пройдетъ, что наконецъ поймутъ-же они другъ друга и т. п. Катя убѣждена—и въ этомъ случаѣ не ошибается—что она очень любитъ своего мужа и, стало быть, тоже счастлива, тѣмъ болѣе, что нѣтъ такого желанія ея, котораго онъ не исполнилъ-бы, но... все та же пѣсня... ей скучно, невыносимо скучно!... Да, дѣло портится и, очевидно, рано или поздно должно завершиться катастрофой. Началомъ или, вѣрнѣе, первымъ вѣскимъ поводомъ къ ускоренію этой послѣдней послужило обстоятельство, повидимому весьма пріятное и ужъ никакихъ элементовъ катастрофическихъ въ себѣ не заключавшее.

Мы упоминали выше, въ краткой біографіи Клауса, что изъ всѣхъ своихъ братьевъ онъ оставался въ дружескихъ отношеніяхъ только съ двумя младшими. Одинъ изъ нихъ, Вильгельмъ, давно уже уѣхалъ въ Америку, тамъ женился, и вотъ теперь, главнымъ образомъ для свиданія съ любимымъ братомъ, вернувшимся съ Суматры, пріѣзжаетъ съ женою въ Берлинъ. Замѣтимъ тутъ-же, что у жены Вильгельма, родомъ американки, есть сестра Белла, окончившая только что курсъ ученія въ Дрезденѣ и тоже пріѣхавшая теперь въ Берлинъ для свиданія съ сестрою и, затѣмъ, для возвращенія съ нею въ Америку; эта Белла — очаровательное созданіе и по красотѣ, и по уму, и по нравственнымъ достоинствамъ,

и по разнымъ дарованіямъ. Клаусъ, понятно, въ восторгѣ; понятно также, что онъ немедленно знакомить пріѣзжихъ со своею женою, — и вотъ тутъ-то начинается проявляться ужъ слишкомъ наглядно тотъ *внутренній* супружескій разладъ, который съ нѣкотораго времени стоитъ такимъ зловѣщимъ призракомъ предъ бѣднымъ Клаусомъ Беверомъ, напрасно пытающимся отогнать его... На сколько Клаусъ чувствовалъ себя хорошо и привольно среди этой семьи, равной ему по уму и развитію, на столько неловко Катѣ. Вотъ мы, напримѣръ, на обѣдѣ у Клауса въ первый же день пріѣзда его родственниковъ.

«Катя сидѣла между Вильгельмомъ и Эленъ (его женой). Направо отъ Клауса помѣщалась Белла, налѣво—Вильгельмъ. Разговоръ шель оживленный. Вѣдь было столько матеріала для бесѣды, вѣдь они столько лѣтъ не видались: сестры — три года, братья — цѣлыхъ одиннадцать! Всѣ четверо видимо хотѣли заставить и Катю принять участіе въ этомъ разговорѣ, но дѣло не клеилось. Эленъ напрасно старалась затрогивать всевозможныя темы, долженствовавшія, по ея основательному соображенію, интересовать молодую женщину, — но Катя оставалась равнодушною. Она на всякій вопросъ и замѣчаніе отвѣчала нѣсколькими словами, совершенно разумными, но не служившими стимуломъ для продолженія бесѣды. Эленъ очень одобрительно отзывалась объ устроенной съ большимъ вкусомъ домашней обстановкѣ новобрачныхъ, что, какъ она замѣтила, всегда болѣе или менѣе есть дѣло руеъ жены; она говорила о причудливости и эксцентричности американскихъ модъ и похвалила простое изящество костюма Кати; она стала расспрашивать, успѣла-ли Катя, вѣнка, уже освоиться съ жизнью берлинскою, и замѣчается-ли разница между сѣверомъ и югомъ Германіи такъ-же, какъ между этими частями въ Америкѣ, — ничто не брало. Эленъ, не отличавшаяся особенно музыкальностью, сочла однако себя обязанною даже притвориться большою любительницею музыки: она спросила, что ощущаетъ пѣвица, когда ей приходится выступать передъ публикой, и не боится-ли Катя, что она захвораетъ современемъ тоской по сценѣ... Катя не оставляла безъ отвѣта ни одного вопроса, но этимъ дѣло и ограничивалось. Она не позволяла себѣ ни малѣйшей нелюбезности, она и не конфузилась нисколько, — ее просто ничто въ этихъ разговорахъ не интересовало. Ея собесѣдники протягивали руки, чтобы поймать ее; она-же никакъ не могла попасть на дорогу, по которой они шли, и оставалась все въ сторонѣ».

Понятно, что всѣ замѣтили это, но глубже всѣхъ отозвалось оно, конечно, въ душѣ Клауса. Зародыши, съ нѣкотораго времени образовавшіеся въ ней, теперь начинали шевелиться больше и

больше. А тутъ еще подвертывалось крайне невыгодное, если не въ физическомъ, то въ духовномъ отношеніи, для Кати сравненіе съ Беллою, о достоинствахъ которой мы упоминали и которая, безотчетно для Клауса, производила на него уже теперь сильное впечатлѣніе. Какъ это могло случиться? спрашиваетъ авторъ—и отвѣчаетъ: «Белла принадлежала къ числу тѣхъ посвященныхъ, которые понимаютъ массонскіе знаки высшей нравственности и образованія; для Кати-же это были знаки и движенія только механическіе, лишенные всякаго смысла...» Клаусу не нужно было быть особенно проникательнымъ для того, чтобы тутъ-же понять, что между его женою и семьею его брата не можетъ быть никакого общенія, и когда гости разѣхались, онъ сказалъ женѣ, между прочимъ, вотъ что: «Я замѣтилъ, что тебѣ съ моими родными неловко... Ты не умѣешь владѣть собою, и при твоёмъ характерѣ весьма возможно, что выйдетъ какая-нибудь непріятная сцена, чего я во что-бы-то ни стало желаю избѣжать... Такимъ образомъ, о дружескомъ сожителствѣ съ семействомъ Вильгельма, т. е. о томъ, чего я такъ желалъ, нечего и думать. Но изъ этого не слѣдуетъ, что между нами долженъ произойти рѣзкій и серьезный разрывъ. Надо устроить такъ, чтобы сношенія наши оставались пріязненными, не переходя въ интимность...» Дѣло это Клаусъ, конечно, принимаетъ на себя—и на первый разъ находитъ необходимымъ разстроить семейную вечеринку, которая должна была состояться у него въ домѣ на слѣдующій день—канунъ Рождества. Отъ этой вечеринки въ кругу милыхъ, близкихъ людей и въ такой день, когда у многихъ живо воскресаютъ отрадныя дѣтскія воспоминанія,—онъ, столько лѣтъ остававшійся одинокимъ на отдаленномъ островѣ, ожидалъ столько наслажденій,—и вотъ... Послѣдуемъ съ авторомъ за бѣднымъ Клаусомъ, который обратился къ брату для общенія ему,—подъ предлогомъ болѣзни жены,—что вечеръ наканунѣ Рождества не можетъ состояться:

«Клаусъ направился по Гильдебрандовой улицѣ. Дойдя до конца ея, онъ услышалъ вправо отъ себя шаги и голоса. Ему было тяжело теперь встрѣчать людей. Онъ перешелъ черезъ замерзнувшую плотину и двинулся узкою тропинкой черезъ Тиргартенъ. Подъ его ногами скрипѣлъ и трещалъ твердый снѣгъ. Деревья стояли въ своей ледяной корѣ, и вѣтви ихъ, фантастически переплетенныя, сверкали при свѣтѣ мѣсяца. Не смотря на весьма чувствительный холодъ, Клаусъ шелъ довольно медленно.

«...Могъ-ли онъ еще и теперь, какъ было до сихъ поръ, стараться обманывать себя? Нѣтъ, это правда, неумолимая правда: онъ глубоко несчастливъ—и несчастливъ по собственной винѣ. Онъ соединилъ свою судьбу съ судьбой женщины, которая никогда не

могла сдѣлаться ему близкою, родною. Она не понимала его и заставляла страдать, вовсе того не желая. Она принадлежала къ совсѣмъ иному пошибу людей,—тому, въ которомъ господствуютъ иныя понятія о томъ, что хорошо и правильно, что прилично и нравственно. И все это онъ замѣтилъ только теперь,—теперь, когда было уже слишкомъ поздно!

«Но развѣ въ ту пору онъ былъ съумасшедшій? Или неразумительный ребенокъ? Развѣ онъ нисколько не обдумалъ важнаго шага, который намѣревался сдѣлать въ то время?

«О, нѣтъ,—онъ все взвѣсилъ, все зрѣло обдумалъ. Но, странно, полное различіе въ происхожденіи, въ нравственныхъ принципахъ и умственномъ развитіи были вещами въ то время наименѣе его беспокоившими. «Все это сгладится,—говорилъ онъ себѣ,—достоинство жены устанавливаетъ мужъ». Если онъ въ ту пору боялся чего, то именно—неизвѣстнаго для него прошедшаго ея, о которомъ онъ и по сей часъ никогда не хотѣлъ добыть себѣ точныхъ свѣдѣній...

«...Далеко, далеко не такъ, какъ онъ ожидалъ и надѣялся, устроилась его судьба! Не то, что могло случиться *прежде*, безповоило его теперь; не прошедшее, а настоящее дѣлало его несчастливимъ, а при мысли о будущемъ, на него нападалъ ужасъ...

«Онъ думалъ о Катѣ безъ гнѣва, онъ думалъ о ней съ состраданіемъ и скорбью. Вѣдь бѣдное созданіе въ самомъ дѣлѣ нисколько не виновато въ его мукахъ! Да и ея участь вѣдь нисколько не завидна, хоть у нея и богатѣйшіе туалеты, домъ, лошади, экипажи. Вѣдь онъ вырвалъ ее изъ той сферы, въ которой она и дышала, и жила, и радовалась, и благоденствовала, а поднять ее въ свою у него не хватило ни силъ, ни умѣнья! Никогда еще не чувствовалъ онъ такъ жестоко, какъ сегодня, неизмѣримости бездны, раздѣлявшей эти два міра. Напрасно старался онъ подавить, заглушить въ себѣ самосознаніе,—оно насильственно прорывалось наружу и начертывалось на его лицѣ какъ ярко-красные слѣды самого грубаго оскорбленія: да, онъ стыдился своей жены!

«...Клаусъ глубоко вздохнулъ.—Да, я бросилъ мое счастье въ пропасть! Я былъ слѣпъ, но крѣпко любилъ ее!—Морозъ вызвалъ у него изъ глазъ слезы, которыя побѣжали по щекамъ и замерзли въ бородѣ... «Вѣдь мы женаты *уже* четыре мѣсяца!... *только* четыре мѣсяца!...» Его мысли сдѣлали рѣзкій скачокъ. «Да, люби она меня, все было-бы иначе! Любовь развиваетъ и совершенствуетъ человѣка. Но вѣдь она, бѣдная, не любитъ меня! Я давно знаю это...» Онъ повернулъ въ одну изъ главныхъ аллей и направился болѣе скорымъ шагомъ къ Бранденбургскимъ Воротамъ, за которыми жилъ его братъ.

Все пересказанное нами Катю нисколько не волновало; напротивъ, она была даже рада, что отдѣлалась отъ общества, приходившагося ей совсѣмъ не по вкусу, хотя она и находила этихъ людей очень добрыми и милыми людьми. Что касается собственно до разстроенной вечеринки въ сочельникъ, то Катя, довольная тѣмъ, что любезныхъ родственниковъ не будетъ, находила, однако, скучнымъ провести этотъ вечеръ наединѣ съ мужемъ и попросила его пригласить Шнейдера, уже давно выпущеннаго нами изъ виду. Клаусъ грустно улыбнулся и согласился. Но такъ какъ Шнейдеръ увѣдомилъ, что онъ уже заранѣе условился провести сочельникъ съ пріѣхавшимъ на короткое время въ Берлинъ искреннимъ пріателемъ его Арнольдомъ Шпехтомъ, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ *jeune-premiers*, — то, по желанію Кати, былъ приглашенъ и Шпехтъ. Въ такой компаніи и состоялся вечеръ, — и на описаніи его мы остановимся, какъ потому, что онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а слѣдовательно и на развязку романа, такъ и оттого, что это описаніе принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ мѣстъ въ произведеніи.

«... Елка была готова и поставлена на большомъ, выдвинутомъ на середину гостиной столѣ. На бѣлой скатерти разставили тарелки съ яблоками, орѣхами и конфектами, а рядомъ съ ними лежали подарки для Клауса и обоихъ гостей. Все это производило мизерное впечатлѣніе... ни смысла, ни чувства.

«Клаусъ, въ теченіи послѣдней недѣли, накупилъ всего, что только казалось ему пригоднымъ для Кати. Шкафъ въ его кабинетѣ былъ набитъ сверху донизу пакетами всевозможныхъ форматовъ. Онъ заранѣе радовался уборкѣ елки, — но теперь вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда лакей таинственно доложилъ ему, что пришелъ садовникъ съ заказанными цвѣтами. У Клауса не было уже ни малѣйшей охоты самому заниматься этимъ дѣломъ, представлявшимся ему, при теперешнемъ душевномъ настроеніи его, дѣтскою забавою. Не подымаясь съ кушетки, онъ далъ лакею надлежащія указанія — снести и положить на столъ у елки находившіяся въ шкафу пакеты; развязывать не надо, а остальное все устроить садовникъ.

«Гости были приглашены къ обѣду въ шесть часовъ. Открытіе елки должно было совершиться въ восемь.

«Шнейдеръ и Шпехтъ явились съ актерскою аккуратностью, ровно въ шесть часовъ. Шнейдеръ разсыпался въ преувеличенной благодарности за несказанную любезность, которая его столько-же удивила, сколько сконфузила. Шпехтъ былъ совершенно подавленъ столь великимъ и незаслуженнымъ вниманіемъ. Онъ сладко улы-

бался, медленно поворачивая во всѣ стороны интересную головку, и находился въ такомъ волненіи, что могъ произнести только «Ахъ!».

«Арнольдъ Шпехтъ могъ назваться красавцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ лѣтъ сорока, онъ былъ довольно высокаго роста,—если-бъ исполинская фигура Клауса не подавляла его, можно было-бы даже признать его очень высокимъ, — очень строень, имѣлъ маленькія ноги и изящныя, весьма тщательно хранившіяся, руки. Ногтю на мизинцѣ лѣвой руки онъ далъ вырости въ формѣ красиваго птичьяго когтя и затѣмъ обточилъ его по всѣмъ правиламъ искусства. Держался онъ какъ человѣкъ, привыкшій къ тому, что на него смотрять въ театральнѣйшій бинокль: очень прямо, выпяливъ грудь, граціозно округливъ руки, поднявъ голову съ сознаниемъ собственнаго достоинства. Цвѣтъ лица — былъ очень смуглый, глаза темные и полные выраженія, волосы завитые въ кудри рукою парикмахера. Одинъ гамлетовскій локонъ меланхолически опускался на лобъ. Голосъ онъ выработалъ до достаточной степени мягкости и благозвучія, по образцу Эмиля Девриента. Говорилъ онъ медленно, внятно и слегка картавилъ.

«Справившись со своимъ волненіемъ, которое онъ выразилъ наглядно тѣмъ, что приложилъ правую руку къ сердцу, jeune-pretre не могъ найти достаточно словъ для выраженія своей признательности.

— И именно сегодняшній вечеръ, воскликнулъ онъ, — долженъ былъ доставить мнѣ столько наслажденія! Смѣйтесь послѣ этого надъ чудесною дѣтскою вѣрою въ появленіе «Божиньки» у елки!.. Да, вы открываете мнѣ дверь въ милый чертогъ рожденческой феи!..

«Онъ былъ глубоко растроганъ, голосъ его дрожалъ, и если бѣдный не заплакалъ, то только потому, что было еще слишкомъ рано.

«Клаусъ встрѣтилъ своихъ гостей просто и вѣжливо. Онъ старался осилить свое тяжелое настроеніе, но пронизательный глазъ Шнейдера замѣтилъ во всемъ существѣ стараго пріятеля сильную перемену. Онъ отозвалъ Клауса въ сторону.

— Что съ тобою? У тебя такой растроенный видъ.

— Я со вчерашняго дня страдаю мигренью, отвѣтилъ Клаусъ и, подойдя съ Шнейдеромъ къ Катѣ и Шпехту, прибавилъ:— Я долженъ заранѣе извиниться передъ моими гостями и просить ихъ о снисхожденіи, если они найдутъ меня не совсемъ радужнымъ хозяиномъ. Мнѣ что-то нехорошо.

«Шпехтъ былъ такъ глубоко потрясенъ этими словами и на лицѣ его выразилось такое искреннее огорченіе, какъ будто ему

сообщили извѣстіе о потерѣ самага дорогаго для него въ свѣтѣ.

— Моя жена, продолжалъ Клаусъ, — постарается исправить то, что я испорчу. Поэтому я очень прошу васъ не смущаться нисколько моею молчаливостію и веселиться въ волю... Ну, а теперь, милости просимъ откушать! Herr Шпехтъ, могу я васъ просить подать руку моей женѣ?

«Шпехтъ низко поклонился и исполнилъ желаніе Клауса съ прелестнѣйшей улыбкой, какая только находилась въ его распоряженіи, и съ меланхолически-кроткимъ взглядомъ.

«Катя — неужели это та самая женщина, которая вчера такъ безжизненно сидѣла за этимъ самымъ столомъ? — Катя находилась въ самомъ розовомъ настроеніи духа, она цвѣла какъ роза, она, можетъ быть, никогда не была такъ восхитительна, какъ теперь. За третьимъ блюдомъ Шпехтъ тоже сбросилъ сентиментальную маску и замѣнилъ ее пламенною, страшною. Ноздри его раздувались, глаза метали молнію, изъ устъ его вылетали уже не меланхолическія, а веселыя междометія.

— Славное, чортъ возьми, вино! воскликнулъ онъ, отвѣдавъ шампанскаго, и затѣмъ, поднявшись съ мѣста и стянувъ лицо въ тѣ фатально-роковыя складки, которыя обыкновенно предшествуютъ произнесенію тоста, сказалъ: — А теперь, друзья мои, такъ какъ вино веселитъ душу, отчего намъ не веселиться? Мое сердце полно признательности къ нашимъ милымъ хозяевамъ, которыхъ я, еще за часъ совершенно чужой въ домѣ, теперь-же смѣю называть друзьями,—а чье сердце полно... Какъ ты думаешь на этотъ счетъ, Шнейдеръ? прервалъ онъ себя.

«Шнейдеръ молчалъ и не шевелился.

— А чье сердце полно, у того уста безмолвствуютъ, заключилъ ораторъ.

«Онъ соорилъ очень глубокомысленную фізіономію и, послѣ паузы, устроенной по правиламъ театральнаго искусства, продолжалъ:

— Я поэтому не стану говорить, что вѣчно съ глубокою благодарностію буду помнить объ этомъ радушномъ приѣмѣ; я не стану говорить, что лучшій рождественскій подарокъ, какой можетъ быть принесенъ къ этому очагу такимъ бѣднымъ человѣкомъ, какъ Гамлетъ,—это молитва о всегдашнемъ благосостояніи этого дома; я не стану говорить о прекрасной мужественности хозяина, котораго мы видимъ здѣсь твердымъ и вѣрнымъ, какъ наша родная «Wacht am Rhein»; я не стану говорить о дѣвической граціи молодой женщины, съ улыбкою сидящей теперь около меня и которой, по словамъ поэта — «на голову руки я въ этотъ мигъ-бы возложилъ, молясь, чтобъ набожной, прекрасной и чи-

стой Богъ ее хранилъ». Я не стану говорить ничего, я буду только просить васъ поднять бокаль и выпить за милыхъ хозяевъ и за то (снова сценическая пауза), о чемъ мы умалчиваемъ!

«Всѣ чокнулись. Шнейдеръ съ непріятнымъ изумленіемъ замѣтилъ, что при этомъ мизинцы Кати и Арнольда умышленно вытянулись и коснулись одинъ другого, между тѣмъ какъ Арнольдъ очень умилненно смотрѣлъ на «набожную, прекрасную и чистую» хозяйку.

«Арнольдъ замолчалъ, улыбаясь точно такъ-же, какъ во время своей рѣчи, и опустился на стулъ съ выраженіемъ самоуслажденія. Тостомъ своимъ онъ остался очень доволенъ. Онъ находилъ его весьма оригинальнымъ и умнымъ. Катя прослушала рѣчь съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Шнейдеръ слегка похвалилъ. Клаусъ оцѣнилъ болтовню по достоинству уже послѣ перваго періода и дальше не слушалъ.

«За жаркимъ трое собесѣдниковъ, которыхъ дѣйствительно насколько не смущало безучастное отношеніе къ нимъ хозяина, были уже оживлены до такой степени, что Арнольдъ, по настоянію Шнейдера и неодолимымъ просьбамъ Кати, отложилъ въ сторону достоинство своего искусства и значеніе своего общественнаго положенія и пустилъ въ ходъ всѣ увеселительныя штучки, какія только были ему знакомы. Онъ подражалъ шуму токарнаго станка, онъ стругалъ и пилилъ указательнымъ пальцемъ, онъ вывелъ на сцену весь скотный и птичій дворъ—будахталъ курицей, кричалъ пѣтухомъ, хрюкалъ свиньей, мычалъ коровой, ревелъ быкомъ, ржалъ лошадю, блеялъ козю и лаялъ собакой, изобразивъ въ заключеніе, какъ этой послѣдней наступили на хвостъ и какъ она удираетъ съ воемъ и визжаніемъ.

«Катя хототала до слезъ. Такъ божественно она уже давно, давно не веселилась. А вѣдь Арнольдъ не показалъ еще самой главной штуки своей: какъ жужжащая муха садится на носъ пьянаго, который заснулъ и храпитъ, какъ онъ постоянно отгоняетъ ее во снѣ и какъ она каждый разъ опять возвращается на носъ. Это было нѣчто великолѣпное! Катя не помнила себя отъ наслажденія и была готова обнять этого восхитительнаго человѣка!

«Стрѣлы Шнейдера оставались еще покамѣстъ въ колчанѣ. Онъ ждалъ, чтобъ подали кофе. Когда чашка очутилась въ его рукахъ, началось и его представленіе. Онъ изобразилъ борьбу съ невидимымъ противникомъ, яко-бы старавшимся вырвать у него чашку, и при этомъ балансировалъ ею на блюдечкѣ, такъ что она постоянно стояла бокомъ и въ такомъ положеніи скользя взадъ и впередъ, но не падала и не давала пролиться ни одной каплѣ кофе. Чисто-жонглерская штука! Арнольдъ, какъ чуждый

зависти коллега, смѣялся за троихъ; Катя была тоже очень довольна, — но жужжащая муха! нѣтъ, съ этимъ ничто сравниться не можетъ!

«За кофе рассказывались тоже разные анекдоты, въ каждомъ изъ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся польскій жидъ. Всѣ трое были въ восторгѣ... А Клаусъ сидѣлъ въ сторонѣ и думалъ: «Вотъ и мой сочельникъ! Два комедьянта и... и моя жена! А тѣ, которые мнѣ близки, тѣ, которыхъ мнѣ такъ хотѣлось-бы и слѣдовало видѣть около себя, — тѣ немислимы здѣсь, подъ моею крышей, — и я благодарю Бога, что ихъ нѣтъ здѣсь, чтобы чувствовать эту страшную пустоту!»

— Ты сегодня совсѣмъ невозможенъ, Клаусъ, — сердито сказала Катя, подойдя къ нему; — такимъ я тебя никогда еще не видѣла! И именно сегодня! Тебя, пожалуй, злитъ, что мы веселы?

— Напротивъ, Катя. Я-же сказалъ тебѣ, что мнѣ нехорошо.

— Тебѣ хотѣлось-бы быть со своими? Да? Ну, сознайся. Я за это нисколько не въ претензiи. Хотѣлось-бы быть съ братомъ? Я очень понимаю это. Знаешь что? Я хотѣла сейчасъ послать къ нимъ подарки, которые приготовила для ихъ мальчика. Признаться, совсѣмъ забыла! Вели запречь и отвези эти вещи самъ. Тамъ будетъ тебѣ и весело и приятно, а здѣсь ни то, ни другое... Уйди потихоньку, не говоря ни слова, а я ужъ извинюсь за тебя передъ гостями. Едва наша зажжена. Черезъ пять минутъ раздадимъ подарки,—и тогда исчезни... Согласенъ?

«Она снова отошла къ гостямъ. Клаусъ былъ въ одно и то-же время возмущенъ и очень доволенъ. Ему, конечно, сердечно хотѣлось уйти отсюда, и онъ обрадовался, когда увидѣлъ, что сдѣлать это возможно и легко, — но его не могло не приводить въ негодованiе, что Катя согласилась разстаться съ нимъ въ такой вечеръ не только безъ принужденiя, но даже съ явнымъ удовольствiемъ. Онъ ощущалъ желанiе уйти отъ нея и въ то-же время былъ достаточно несправедливъ, чтобы гнѣваться на нее за то, что она хотѣла остаться безъ него.

«Шнейдеръ и Шпехтъ были совершенно растроганы поднесенными имъ хозяйкой подарками. Первый любовникъ постоянно увѣрялъ, что это слишкомъ, слишкомъ много, что онъ никогда не видѣлъ болѣе богатаго и изящнаго бювара, — и снова нѣсколько разъ воскликнулъ: «Ахъ!» Клаусъ поблагодарилъ жену за подаренныя ему мейсенскiя статуэтки и нашелъ въ себѣ достаточно добродушiя, чтобы подивиться прелести кружевъ на муфтѣ фарфоровой дамы, на что Катя старалась особенно обратить его вниманiе. Затѣмъ внесли приготовленный Клаусомъ для жены столъ съ удивительными цвѣтами и массою пакетовъ. Катя какъ дитя

запрыгала вокругъ него, потомъ начала вынимать изъ пакетовъ одну драгоценную вещь за другой, каждый разъ громко выражая свое восхищеніе, которому вторили также восторженно оба пріятели; когда-же она, окончивъ эту работу, снова пересмотрѣвъ всѣ подарки и сознавъ себя дѣйствительно счастливою отъ такихъ чудесныхъ сюрпризовъ, подняла голову, ища мужа, чтобы поблагодарить его, то оказалось, что его уже не было въ комнатѣ: онъ незамѣтно исчезъ.

— А, вотъ что!—сказала она. И тутъ-же обратившись къ пріятелямъ, прибавила тономъ капризнаго ребенка: — Давайте веселиться, дѣти мои! Моему мужу дѣйствительно нездоровится. Я разрѣшила ему уйти. Тамъ ему будетъ лучше... Ну, а теперь, любезный Шпехтъ, представьте еще разъ пьянаго съ мухой! Пожалуйста!

«Такой незначительный эпизодъ, какъ исчезновеніе хозяина, дѣйствительно нисколько не нарушилъ веселаго настроенія компаніи,—только на Шнейдера онъ произвело на нѣсколько минутъ непріятное впечатлѣніе. Арнольдъ, по желанію публики, еще разъ прожужжалъ, какъ муха, а Шнейдеръ, тоже усиливъ рвеніе, рассказалъ анекдотъ, въ которомъ фигурировали не одинъ, а цѣлыхъ три польскихъ жида.

«Арнольдъ по всѣмъ правиламъ ухаживалъ за красавицей-хозяйкой. Онъ осыпалъ ее самыми отборными комплиментами, кидаль на нее меланхолически-страстные взгляды и придвигался въ ней, какъ только могъ поближе. Катя смотрѣла на все это какъ на шутку и отвѣчала самой искренней привѣтливостью. Шнейдеру эта возня представлялась такою безвредною, какою она была на самомъ дѣлѣ, и такъ какъ это наконецъ надоѣло ему, то онъ раскрылъ фортепьяно и заигралъ свою любимую пѣсню—гавотъ.

«Послѣ этого Арнольдъ пропѣлъ съ глубокимъ чувствомъ: «Ахъ, отчего я не луна»? Катя акомпанировала ему, хвалила его голосъ и особенно выраженіе. Сама она исполнила нѣсколько игривѣйшихъ пѣсень своего прежняго репертуара. Бутылки шампанскаго опораживались прилежно. И такимъ образомъ время проходило необыкновенно пріятно и весело.

— Шнейдеръ! закричала Катя, — сыграйте намъ вальсъ, настоящій вѣнскій вальсъ! Мы потанцуемъ.

«Большой столъ отодвинули въ сторону, коверъ отвернули, фортепьяно откатали къ дверямъ, и Шнейдеръ бойко ударилъ по клавишамъ.

«Арнольдъ и Катя неслись по комнатѣ такъ быстро, что стеклянная посуда на буфетѣ звенѣла. Кавалеръ крѣпко прижи-

малъ къ себѣ свою даму. Она немного откинула назадъ голову, страстность танца зажигала въ ней какой-то ядовитый огонь, кровь быстрѣе бѣжала отъ шампанскаго, она полузакрыла глаза и въ дикомъ вихрѣ вальса впала почти въ забытіе, когда почувствовала жаркій поцѣлуй на своей пылающей щекѣ.

— Что это вы? сказала она, не переставая танцевать.

— Катя, я люблю васъ! шепнулъ ей на ухо Арнольдъ.

— Ладно, ладно! Но пожалуйста сдержите себя! Что подумаютъ люди? Посмотрите-ка въ дверь! Тамъ кто-то стоитъ!..

«Шнейдеръ тоже замѣтилъ поцѣлуй. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ за своего отсутствующаго друга, но не хотѣлъ дѣлать никакой сцены и докончилъ вальсъ. Послѣ этого онъ всталъ.

— Еще, еще! кричала танцовавшая пара.

— Не желаю! Шпехтъ дѣлаетъ глупости, а я долженъ подыгрывать! Не желаю...

«Катя высвободилась изъ объятія своего кавалера и подошла къ полуотворенной двери, ведущей во внутреннія комнаты. Кто-то подсматривалъ сквозь эту дверь. И дѣйствительно, Катя видѣла, какъ, при ея приближеніи, быстро убѣжала какая-то человѣческая фигура. Въ головѣ Кати со скоростью молніи пробѣжало подозрѣніе, но она смѣло и рѣшительно пошла навстрѣчу опасности. Она выбѣжала изъ столовой, кинулась за бѣглецомъ и—поймала Густель, которая какъ разъ въ эту минуту намѣревалась спрятаться въ кухнѣ.

— Ахъ, это ты! проговорила Катя;—ну, напугала-же ты меня! Знаешь что, Густель, ступай въ угловую комнату и смотри тамъ въ окно. Какъ только баринъ подѣдетъ,—онъ вѣдь отправился въ нашей каретѣ?—приди сказать мнѣ. Я тебѣ тоже подарю что-нибудь хорошенькое.

«Густель была очень довольна, что дѣло окончилось такъ благополучно. Она украдкой лукаво засмѣялась и помѣстилась на указанномъ ей аванпостѣ.

«А въ это время Шнейдеръ читалъ поученіе пламенному любовнику:

— Во первыхъ, нехорошо въ приличномъ домѣ, куда вводитъ тебя другъ этого дома, при первомъ-же посѣщеніи цѣловать хозяйку. А во-вторыхъ, это неосторожно. Мой пріятель Беверъ, на сколько я его знаю, не изъ тѣхъ людей, которые шутятъ подобными вещами. Ты видѣлъ его. Мужчина онъ достаточно здоровый. Десятокъ лѣтъ провелъ онъ среди дикарей, тамъ гдѣ о европейской культурѣ нѣтъ и рѣчи. Ты понимаешь? Если-бы онъ засталъ

тебя на этой штуцѣ, то безъ всякой церемоніи положишь-бы на мѣстѣ.

«Перспектива такого результата произвела надлежащее дѣйствіе. На Арнольдѣ не было теперь ни сентиментальной, ни страстно-пламенной маски; искреннее смущеніе рисовалось на его лицѣ, имѣвшемъ теперь неособенно умное выраженіе.

— Да, вотъ что! протянулъ онъ;—такъ ты полагаешь, что онъ безъ церемоніи...

— Безъ малѣйшей. Ручаюсь тебѣ за это.

— Вотъ что! повторилъ Шпехтъ.

«Катя вернулась въ столовую страшно расбраснѣвшаяся.

— Еще галопъ, Шнейдеръ!

— Весьма сожалью, не могу...

— Но если я васъ очень, очень прошу...

— Весьма сожалью.

— У, не добрый. Ну, въ такомъ случаѣ, мы и безъ васъ обойдемся! Шпехтъ, подите ко мнѣ! Я буду подпѣвать.

«И она облокотилась на плечо кавалера, которому такимъ образомъ—хотя охота танцовать собственно пропала у него—не оставалось ничего больше, какъ обнять талію Кати и, подъ бѣшено-веселую мелодію, напѣвавшуюся ею, пуститься по комнатѣ съ такою-же бѣшеною быстротою. Катя почти задыхалась, но это не мѣшало ей пѣть, вѣрнѣе—уже выкрикивать все громче и громче, и теперь уже она увлекала своего кавалера, когда онъ выказывалъ намѣреніе остановиться, и прижимала его къ своему, стремительно колотившемуся, сердцу. Она была точно внѣ себя,—точно звѣрь проснулся въ ней и вырвался на волю. Безумно мчалась она въ объятіяхъ Арнольда, и голосъ ея, наконецъ, совсѣмъ ослабѣвшій, звучалъ какъ болѣзненный стонъ.

— Баринъ! вдругъ крикнула появившаяся въ дверяхъ и немедленно исчезающая Густель.

«Это слово подѣйствовало какъ электрической ударъ на Арнольда, у котораго уже отъ танцевъ выступилъ на лбу потъ и смуглое лице покрылось яркимъ румянцемъ. Теперь онъ весь позеленѣлъ, ноги его задрожали... Катя упала на кресло и прохрипѣла: «Мнѣ все равно! Такъ или этакъ!» Только Шнейдеръ оставался спокойнымъ. Онъ здраво сообразилъ, что надо въ возможной степени смягчить для вернувагося домой друга ненавистное зрѣлище. Подозвавъ Арнольда, онъ съ его помощью не очень-то впрочемъ дѣйствительною—откатилъ рояль на прежнее мѣсто, почти вытащилъ Катю въ гостиную и заперъ дверь въ столовую. Катя взяла изъ холодильной вазы съ шампанскимъ кусочекъ льда, потеряла себѣ имъ лобъ и щеки и принялась обмахиваться вѣеромъ.

«Клаусъ провелъ нѣсколько дѣйствительно отрадныхъ для него часовъ съ Вильгельмомъ и его семьей. Въ эти немногіе часы онъ почти забылъ то, что такъ глубоко огорчало его. Они интимно бесѣдовали, вспоминали старое время, Белла играла, и незамѣтно прошло время, освѣживъ и укрѣпивъ бѣднаго Клауса.

— Боже мой, что съ тобою, Катя, что случилось? спросилъ онъ, искренно и сердечно остановившись на порогѣ комнаты при видѣ жены.

— Что со мною? — отвѣчала она хриплымъ голосомъ и съ трудомъ перевода дыханіе;—ровно ничего. Мы немного потанцовали, вотъ и все...

«Клаусъ смѣрялъ гостей холоднымъ взглядомъ. Когда онъ увидѣлъ актера, оставленнаго имъ въ весьма величественной позѣ и теперь изображавшаго собою фигуру совершенно растеряваго труса, имъ овладѣло чувство отвращенія, подавить которое стоило ему немалого труда.

— Потанцовали? повторилъ Клаусъ, скоро овладѣвшій собою.— Ну, хоть я и не люблю, когда ты танцуешь, но это мнѣ доказываетъ, что мое отсутствіе ничего здѣсь не нарушило и что ты исполнила мое желаніе удвоить твою лббезность. Садитесь, пожалуйста, господа. Надѣюсь, что я не гоню васъ.

— Мы уже собрались уходить, сказалъ Шнейдеръ, чувствовавшій себя такъ-же неловко, какъ Арнольдъ, хотя гораздо менѣе виноватый.

— Да, мы совсѣмъ собрались, съ усиліемъ выпустилъ изъ себя жеппе-репиег.

— Ты, конечно, не сердись? Дѣйствительно, уже очень поздно... Клаусъ,—прибавилъ Шнейдеръ шопотомъ, дрожавшимъ отъ непритворнаго волненія голосомъ,—не обвиняй меня. Я не сдѣлалъ ничего такого, за что ты могъ-бы быть недовольнымъ мною,—клянусь тебѣ.

— Да вѣдь я совершенно вѣрю...

— Въ самомъ дѣлѣ вѣришь?.. Знаешь, для меня было-бы ужасно, еслибъ ты только что-нибудь могъ подумать...

— Я ничего не думаю, Леонъ.

— Я человѣкъ надежный, Клаусъ, и ты мой другъ! Богъ свидѣтель мнѣ...

— Да повторяю тебѣ, что я вѣрю, вполне вѣрю!.. Оставимъ это! Если ты имѣешь что-нибудь сказать мнѣ, то скажешь въ другой разъ. Въ самомъ дѣлѣ, поздно. Спокойной ночи!

«Клаусъ протянулъ ему руку, которую тотъ пожалъ такъ крѣпко, что причинилъ боль даже такому силачу.

— Вѣрь мнѣ! повторялъ Шнейдеръ;—я твой другъ! Спокойной ночи!

«Арнольдъ отвѣсилъ по всѣмъ правиламъ искусства поклонъ Катѣ, все еще тяжело дышавшей, и распростился съ Клаусомъ. Когда онъ при этомъ обнаружилъ попытку возобновить въ громкихъ выраженіяхъ свою благодарность, Клаусъ прервалъ его и сдѣлалъ такъ, какъ будто не замѣтилъ, что Шпехтъ желалъ протянуть ему руку. Затѣмъ оба пріятели отправились, унеся свои дорогіе подарки, но менѣе довольные, чѣмъ при своемъ вступленіи въ этотъ домъ.

«Клаусъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на жену. Ея лице горѣло, волосы были въ безпорядкѣ, глаза смотрѣли тускло, грудь сильно вздымалась, дыханіе обличало страшное утомленіе и возбужденіе. А онъ еще за нѣсколько минутъ до этого глядѣлъ въ кроткіе спокойные глаза Белли и наслаждался гармонією въ загородной красотѣ этой дѣвственной жизни... Клаусъ отвернулся отъ Кати, какъ отъ совершенно чужого существа, и, не сказавъ ни слова, пошелъ.

— Клаусъ! крикнула она ему востлѣдъ.

«Онъ не обернулся, оставилъ гостиную и заперся въ своемъ кабинетѣ»...

Послѣ этого эпизода дѣло быстро подвигается къ развязкѣ. Авторъ не даетъ намъ никакихъ эффектныхъ, а подавно уже мелодраматическихъ сценъ. Между молодыми супругами все происходитъ спокойно, тихо,—такъ спокойно и тихо, что трудно и предположить плачевный конецъ. Всего менѣе можетъ предположить его Катя. Клаусъ обращается съ нею ласково, предупредительно, избѣгаетъ всякихъ неприятныхъ для нея замѣчаній, — его любезность въ отношеніи къ ней даже увеличилась. И въ этомъ поведеніи не было ни малѣйшаго притворства; Клаусъ продолжалъ говорить себѣ, что она, бѣдная, во всемъ этомъ нисколько не виновата, что онъ гораздо больше долженъ винить себя за необдуманннй шагъ и т. п., — однимъ словомъ, тѣ соображенія и разсужденія, которыя намъ уже извѣстны. Притомъ-же, онъ чувствовалъ, что любить ее, любить еще всѣми силами души, испытываетъ ея обаяніе!.. А Катя? Катя была очень довольна этою перемѣною въ мужѣ и, по-своему, наслаждалась жизнью. Если читатель думаетъ, однако, что въ этомъ «наслажденіи» было что нибудь такое, чего наиболѣе боялся Клаусъ,—что-нибудь, серьезно затрогивавшее его супружескую честь, — то онъ ошибается. Маленькая сцена увлеченія съ Арнольдомъ Шпехтомъ не имѣла никакихъ серьезныхъ результатовъ, къ великому разочарованію восхитительнаго *jeune-premier*; другихъ обожателей,

опасныхъ для чести Клауса, тоже не было. Наслажденіе состояло въ томъ, что Катя, пользуясь свободой, предоставленною ей мужемъ, все чаще и чаще ѣздила, конечно тайкомъ отъ него, къ своимъ прежнимъ «товаркамъ» по сценѣ, ходила за кулисы своего прежняго театра и т. п. И вотъ, въ одно изъ этихъ посѣщеній, случившееся въ тотъ вечеръ, когда Клаусъ поѣхалъ на одинъ день въ Гамбургъ, проводить семью своего брата въ Америку, — произошла между Катей съ ея бывшей соперницей, долговязой Тони, скандальная ссора, вслѣдствіе которой Тони, ядовито оскорбленная надменностью богатой барыни—Кати, послала черезъ нѣсколько дней анонимное письмо Клаусу. Въ этомъ письмѣ сообщалось ему не только о тайныхъ визитахъ его жены за кулисы «Ваггалы», но и о томъ, что ее иногда сопровождалъ нѣкій красивый брѹнетъ (Арнольдъ Шпехтъ). Клаусъ показалъ письмо женѣ, — она сперва начала было увертываться, но потомъ во всемъ созналась, поспѣшивъ разсыпаться въ увѣреніяхъ, что серьезнаго ничего не случилось, что это все пустяки, о которыхъ нечего и думать. «Клаусъ — говоритъ авторъ — остался очень спокоенъ. Онъ вѣрилъ искреннимъ увѣреніямъ Кати, онъ вѣрилъ, что его супружеская честь дѣйствительно еще не была запятнана. Но чѣмъ рукамъ была ввѣрена эта честь? Не твердимъ правиламъ своей жены, а простому случаю Клаусъ былъ обязанъ тѣмъ, что дѣло не дошло еще до плачевной катастрофы. Утка возвращается въ свою лужу,—его жена снова и тайкомъ отъ него водила компанію съ комедьянтами...»

Характеристично и тонко то разсужденіе, которое авторъ влагаетъ въ уста Катѣ, когда она остается одна послѣ упомянутаго нами эпизода съ анонимнымъ письмомъ. «Очень мнѣ любопытно узнать, что онъ станетъ дѣлать теперь? Поступить со мной очень круто онъ не можетъ! Я вѣдь ничѣмъ особеннымъ не провинилась... Конечно, не можетъ... Ну, а ужъ коли рѣшится, то я на улицѣ все-таки не останусь! Опять поступлю въ трупшу и задушу эту скверную Тони! Ей до меня все-таки еще далеко!... И никакого несчастья въ этомъ-бы не было! Тамъ я право меньше сучала, чѣмъ здѣсь, въ этой тошнотворной улицѣ... Мнѣ все равно. Такъ или этакъ—все равно!»

А Клаусъ въ это время рѣшился покончить все дѣло,—но конечно не такъ, какъ этого боялась Катя. Рѣшился онъ и по собственномъ зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, и потому, что помнилъ послѣднія слова, сказанныя ему братомъ Вильгельмомъ, передъ отъѣздомъ въ Америку. «Если—сказалъ братъ—будетъ тебя мучить нѣчто такое, чему можно помочь, не опускай уныло рукъ, старый дружище, — и маршъ впередъ, работай изо

всѣхъ силъ, пока все снова придетъ въ порядокъ! А коли измѣнить нельзя, — не мучься понапрасну. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе рѣшишься, тѣмъ лучше. Ты понимаешь, что я хочу сказать...»

Въ тотъ самый день, какъ произошла сцена съ анонимнымъ письмомъ, мы находимъ Клауса въ кабинетѣ его адвоката, объявляющимъ, что онъ рѣшился разстаться — не разводясь формальнымъ образомъ—со своею женою, и совѣщающимся о той процедурѣ, которая необходима для предоставленія женѣ матеріальнаго обезпеченія,—(дѣлающагося, какъ легко сообразить читатель, въ очень широкихъ размѣрахъ). А чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того присутствуемъ при такой сценѣ:

«Отъ адвоката Клаусъ вернулся прямо домой. Онъ засталъ Катю въ ея будуарѣ, въ компаніи портнихи, примѣрившей ей новое платье. Катя осталась работою довольна.

— Когда ты кончишь, сказалъ Клаусъ—прійди, пожалуйста, въ гостиную. Я буду тамъ ждать тебя.

— Я готова.

«Катя кинула еще одинъ взглядъ въ зеркало, отпустила портниху и послѣдовала за своимъ мужемъ.

«Она стала позади низенькаго кресла, положила обѣ руки на его подушку и, слегка наклонивъ голову, какъ обвиненная предъ судебнымъ допросомъ, приготовилась слушать, что имѣлъ ей сказать Клаусъ. Она чувствовала, что рѣчь идетъ не о пустякѣ.

— Катя, началъ Клаусъ,—мы должны разстаться.

«Блѣдное лице Кати позеленѣло. Уголки ея рта задрожали. Но вѣдь она обладала такимъ искусствомъ молчать,—и молчала.

— По крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, продолжалъ онъ.— Я уже прежде говорилъ тебѣ, что дѣла мои на Суматрѣ страдаютъ отъ моего отсутствія, и, волей-неволей, мнѣ надо было рѣшиться на дальнее путешествіе. Само собою разумѣется, что я не уѣзжаю, не приведа здѣсь всего въ порядокъ и, главнымъ образомъ, не позаботившись обо всемъ, что касается тебя. Отправляясь въ такой далекій путь, надо подумать обо всемъ, даже о возможности не свидѣться никогда больше. Поэтому я устрою все такъ, что ты останешься совершенно независимою, не будешь ни въ чемъ терпѣть недостатка и можешь сама доставить себѣ все то, что до сихъ поръ доставлялъ тебѣ я. Твои интересы довѣрилъ я опытному, милому и надежному человѣку, адвокату Квинтусу, живущему въ Медвѣжьей улицѣ. Онъ всегда будетъ служить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ. Этотъ домъ и все, что въ немъ находится—твоя собственность. Ты можешь держать его и впредь на такой ногѣ, какъ было до сихъ поръ. Въ Европѣ я пробуду еще три-

четыре недѣли, чтобы покончить нѣкоторыя дѣла. Здѣсь останусь еще недѣлю; ты можешь въ это время совершенно откровенно обращаться ко мнѣ со всякою просьбою. Затѣмъ мое мѣсто заступитъ адвокатъ, котораго я еще разъ особенно настоятельно прошу принять тебя подъ свое покровительство. Отъ тебя я требую только одного: не забывать обязанностей, которыя жена имѣетъ относительно мужа,—не забывать до тѣхъ поръ, пока ты будешь связана со мною какими-нибудь обязанностями. Объ этомъ я очень прошу, и ты исполнишь эту просьбу, потому что ты хорошая женщина. Я отправлюсь въ дальній, очень дальній путь. Если ты найдешь, что онъ слишкомъ долго длится и захочешь снова «возвратить себѣ полную свободу,—твой адвокатъ и въ этомъ случаѣ будетъ твоимъ совѣтникомъ и помощникомъ. А теперь, прощай, Катя! Въ эти послѣдніе дни мы будемъ видѣться рѣдко, потому что я буду все время занятъ приготовленіями къ отъѣзду... Прощай, Катя!

«Она все время стояла неподвижно, руки ея не шевелились. При послѣднихъ словахъ мужа, крупныя слезы повалились по ея блѣднымъ щекамъ. Она зарыдала.

— Я понимаю... все понимаю!.. Но я все-таки ничего такого не сдѣлала... Слезы помѣшали ей говорить.

— Ты ровно ничего не сдѣлала. Я вѣдь и не упрекаю тебя ни въ чемъ. Но повѣрь мнѣ—такъ будетъ лучше! Не затрудняй нашего разставанья... Я могъ-бы много сказать тебѣ, но ты не поняла бы меня... Да вѣдь и тебѣ не особенно весело было со мною!.. Такъ будетъ лучше...

— Меня больше всего сердить, проговорила Катя, громко рыдая, — что ты такой скверной дѣвчонкѣ—(т.-е. автору анонимнаго письма)—вѣришь больше, чѣмъ мнѣ.

— Нѣтъ, ты дѣйствительно не понимаешь меня, добродушно возразилъ Клаусъ.—Я совершенно тебѣ вѣрю.. Но такъ будетъ лучше!

«Онъ медленно повернулся и направился въ свой кабинетъ. Тамъ онъ заперся и вышелъ оттуда только поздно вечеромъ.

«Катя въ волю выплакалась, для чего покомфортнѣе усѣлась въ кресло. Наконецъ, она вытерла раскраснѣвшіеся отъ слезъ глаза и сказала: «Ну, пускай, мнѣ все равно!»

Дѣйствіе послѣдней главы романа—на пароходѣ:

«Уже пять часовъ, какъ прекрасный пароходъ французскихъ Messageries вышелъ изъ Марсельской гавани. Случайно, это было то самое судно, на которомъ, осенью прошедшаго года, возвращался на родину «король Суматры». Теперь везъ его обратно тотъ-же самый капитанъ. Солнце стояло высоко на удивитель-

номъ темноглубомъ майскомъ небѣ, по которому проносились въ причудливыхъ очертаніяхъ блестящія бѣлыя облака. Море было спокойно и величественно.

«Клаусъ стоялъ у борта и пристально смотрѣлъ въ зеленую воду, на которой колеса парохода взбивали кудрявыя, увѣчанныя бѣловатыми гребнями волны. Глаза его не уставали наблюдать за непрерывно повторявшимся зрѣлищемъ; уши не переставали машинально слушать плескъ колесъ и равномерный стукъ однообразно жужжавшей машины.

«Разстаться съ Катей оказалось для него тяжело, — гораздо тяжелѣе, чѣмъ онъ думалъ. «Такъ будетъ лучше!» — постоянно твердилъ онъ въ утѣшеніе себѣ, — «такъ должно бытъ!» Но никакія разсужденія не могли уничтожить въ немъ несомнѣнную истину, что онъ оставилъ женщину, которую любилъ больше всего на свѣтѣ.

«Машина все стучала и жужжала, колеса вторили ей плескомъ. Клаусъ не спускалъ глазъ съ воды. И вотъ изъ всѣхъ этихъ звуковъ тихо выдѣлилась мелодія, и нашъ одинокій странникъ началъ безотчетно напѣвать ее. То была простая, трогательная пѣсня, — та самая, которая звучала у него въ ушахъ въ печальный рождественскій вечеръ — народная мелодія, въ которой онъ въ то время не могъ приискать словъ. Клаусъ мрачно улыбнулся. Теперь онъ вспомнилъ. То была пѣсня, которую онъ услышалъ въ первый вечеръ своего знакомства съ Катей. И тихо пѣлъ онъ теперь: «Я одна, какъ камень на дорогѣ...»

Таковъ разсказъ Поля Линдау. Намъ нечего объяснять, что основная тема его — несостоятельность браковъ, заключаемыхъ между людьми, стоящими на неодинаковой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Тема не особенно новая, но одна изъ самыхъ современныхъ, и разработана здѣсь опытною и умѣлою рукою, при существованіи однако многихъ пробѣловъ, отсутствія въ нѣкоторыхъ случаяхъ правильной мотивировки, погрѣшности даже въ выборѣ главнаго дѣйствующаго лица (такъ какъ вѣдь и самъ Клаусъ не представленъ намъ человѣкомъ особенно ужъ развитымъ и образованнымъ) и т. п. Мы не останавливаемся ни на одномъ изъ этихъ недостатковъ, точно также какъ и не пускаемся въ подробныя разсужденія о достоинствахъ, потому что имѣли въ виду простой (и — замѣтимъ тутъ-же — довольно сокращенный) *пересказъ* произведенія, хорошаго само-по-себѣ и интереснаго какъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ новаго направленія въ нѣмецкой беллетристикѣ.

П. В.

* *
* *

Милый другъ,—я знаю, я глубоко знаю,
Что безсилень стихъ мой, блѣдный и больной:
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ музъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холодень и жалокъ нищій нашъ языкъ!..

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеаль и слезы о свободѣ,
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
Какъ безбрежный мѣръ, раскинутый предъ нами,
И душевный мѣръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?..

Но молчать, когда вокругъ звучать рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья,
Брать,—я не хочу, я не могу молчать!..

Семень Надсонъ.

1882 г.

ТЯЖЕЛЫЙ УРОКЪ.

(изъ прошлой школьной жизни).

Очеркъ.

I.

Кабинетъ Якова Ивановича Густенева не поражалъ зрителя изяществомъ отдѣлки и обстановки. Никого не могли удивить диваны, похожіе на вѣчно бодрящихся, хотя и сильно потасканныхъ старичковъ. Обои слишкомъ ужъ ясно сохраняли слѣды булки, которою хитроумные маляры пытались стереть пыль годовъ и возвратитъ когда-то розовымъ букетамъ свѣжесть первой весны....

Но эту скучную, заурядную внѣшность мебелированной провинціальной квартиры скрашивала изящная, очевидно „собственная“ этажерка, стоявшая на самомъ видномъ мѣстѣ, между двухъ оконъ. Густо застановленная самыми разнообразными вазочками, большею частью пустыми, — она представляла довольно красивое зрѣлище. Какихъ только тутъ не было окрасокъ, формъ и украшеній? — глаза разбѣгались, а на умѣ вертѣлся вопросъ: какими судьбами собралась сюда, въ кабинетъ холостого мужчины, подобная хрупкая коллекція?

Яковъ Ивановичъ былъ учителемъ N-ской гимназіи — вотъ половина отвѣта. Большинство гимназистовъ «обожало» Якова Ивановича — вотъ и весь отвѣтъ.

Въ гимназіи съ давнихъ поръ жилъ поэтической обычай весной подносить любимымъ учителямъ букеты живыхъ цвѣтовъ въ вазахъ. Вазы пріобрѣтались на подписныя деньги, иногда за большую цѣну.

Какъ возникъ этотъ трогательный обычай и что онъ первоначально долженъ былъ обозначать — никто не помнилъ и не зналъ, — но ученики ревниво охраняли его, какъ един-

ственное средство заявленія симпатій и антипатій своимъ наставникамъ.

Густеневъ въ душѣ сильно гордился большимъ количествомъ своихъ вазочекъ... Да надо и правду сказать, было чѣмъ гордиться: Яковъ Ивановичъ читалъ словесность и русскій языкъ всего четвертый годъ, а ужъ на этажеркѣ красовалось одиннадцать почетныхъ сосудовъ, да три на окнахъ... Даже на письменномъ столѣ стояли двѣ вазочки; въ одной изъ нихъ былъ воткнутъ пучекъ очиненныхъ гусиныхъ перьевъ, ибо Густеневъ писалъ только гусинымъ перомъ, объясняя эту по нынѣшнимъ временамъ странность привычкой. Впрочемъ, въ глубинѣ души онъ думалъ, что всѣ замѣчательные люди имѣли свои странности.

Яковъ Ивановичъ сидѣлъ, развалившись на широкомъ креслѣ, очень удобномъ для послѣобѣденнаго кейфа.

На столикѣ около него лежала книга толстаго формата, переплетеная и видимо недавно разрѣзанная. Это былъ одинъ изъ новыхъ трудовъ по исторіи литературы. Трудъ капитальный.

Густеневъ долго мечталъ о приобрѣтеніи этой книги. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея прибытія послѣ выписки. Не разъ говаривалъ онъ товарищамъ, хлопая ихъ по ляжкѣ или животу:—„Ну, батенька, выписалъ я себѣ штучку!“—и на вопросъ: что такое?—распространялся о значеніи въ литературѣ выписаннаго сочиненія. Съ восторгомъ разрѣзалъ онъ толстый томъ и даже въ этотъ вечеръ не пошелъ играть въ сибирку, несмотря на усиленные приглашенія. Съ чувствомъ самоуваженія и нѣкоторой благородной гордости бралъ онъ каждый разъ въ руки увѣсистый фоліантъ и, прочитавъ три страницы, откладывалъ его въ сторону, предаваясь мечтамъ, вѣроятно о значеніи литературы.

Вотъ за эгимъ-то занятіемъ его и засталъ звонокъ.

II.

Въ комнату вошелъ гимназистъ средняго роста, худощавый и стройный.

Блѣдное лицо слегка было опушено юношеской растительностью, которая приводила съ перваго взгляда въ нѣкоторое удивленіе, какъ будто слишкомъ замѣтные усики на молодой женской фізіономіи.

Синева подъ глазами, сквозившая чрезъ тонкую кожу, сухой носъ съ подвижными ноздрями и живые глаза выдавали въ пришедшемъ человѣкѣ нервнаго темперамента... Онъ держалъ въ одной рукѣ кѣпи, въ другой пачку тетрадей, свернутыхъ трубкой и перевязанныхъ веревочкой.

— А, это вы, мой Телемакъ! воскликнулъ Густеневъ, замѣтно довольный приходомъ гостя, который давалъ ему право не читать замѣчательнаго сочиненія по исторіи литературы, а также и тѣмъ, что случился свидѣтель его трудовъ.

— Я, я, отвѣчалъ гимназистъ, пожавъ руку и развязывая пачку:—я вамъ тетрадки принесъ... Просмотрѣлъ ихъ согласно вашимъ указаніямъ... Дѣло въ томъ...

— Ладно, ладно, небось онѣ вамъ и такъ надоѣли, перебивъ Густенева:—бросьте тамъ на столѣ! Я знаю, что вы постарались... Садитесь-ка сюда... Есть новости поинтереснѣй.

— Что такое? Или съ директоромъ говорили? оживился Граховъ, усаживаясь на мягкомъ стулѣ.

— Говорить-то говорилъ, отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ, глядя на ногти:—да вѣдь директоръ-то вашъ вотъ что...

И онъ постучалъ согнутымъ пальцемъ по гулкой доскѣ стола.

Густеневъ въ разговорахъ съ учениками и своими товарищами всегда употреблялъ выраженія: «ваша гимназія, вашъ директоръ, ваши порядки». Словомъ, стоялъ внѣ этого мірочка или не хотѣлъ связываться съ нимъ...

— Говорить, что вечера можно устроить только по прежней программѣ, какъ было назадъ тому три года... Вы вѣдь помните эти вечера... Меня здѣсь не было вѣдь тогда...

— Какъ-же, помню, съ досадой отвѣчалъ Граховъ:—даже самъ имѣлъ глупость участвовать... Неужели такъ-таки наотрѣзъ не согласился на нашъ планъ устройства?..

— Да, вѣдь вы знаете его... Уперся... Говорить, не имѣю полномочій... Придется ужъ, если устраивать литературныя чтенія, подчиниться... Сила солону ломить...

Густеневъ вздохнулъ.

— Надо только выборъ получше сдѣлать, продолжалъ онъ:—ну, да объ этомъ я ужъ позабочусь и ему не уступлю въ этомъ. Я вѣдь тоже изъ хохловъ.

Яковъ Ивановичъ съ самодовольнымъ видомъ тронулъ свой лобъ указательнымъ пальцемъ.

— Ну, а публику можно не пускать? спросилъ Граховъ, о чемъ-то задумавшійся и разсѣянно слушавшій послѣднія слова Густенева.

— Да... вотъ опять... Объ этой публикѣ, заговорилъ Густеневъ, словно сразу посовѣстился прежде разочаровать Грахова на всѣхъ пунктахъ:—говорить, что чтенія должны быть непременно публичны... Что это, говорить, за таинственныя конференціи... Цѣлую рѣчь двинулъ по этому поводу.

— Ну, такъ значить и затѣваться нечего! раздраженно кинулъ Граховъ и, вставъ со стула, зашагалъ вдоль комнаты, опустивъ голову и глядя сосредоточенно на носки сапоговъ...

— Это по-прежнему, значить, по-казенному, заговорилъ онъ, немного погодя, какъ-бы думая вслухъ: — нагонять родителей и начальства разнаго полну залу. Казенный чай, казенныя свѣчи, казенныя рожи, казенное чтеніе и казенныя апплодисменты. Словомъ: — «ахъ, что съ вами?» — «Все казенное», какъ говорятъ солдаты.

Грахову было страшно досадно.

Его мечты объ устройствѣ товарищескихъ литературныхъ вечеровъ теперь рушились.

Нельзя сказать, чтобы онъ вполне „понималъ“, но онъ чувствовалъ недостатокъ общаго образованія, даваемого гимназіей, чувствовалъ отсутствіе общества, которое-бы собиралось и жило иными интересами помимо сплетенъ и прочихъ рычаговъ провинціальной жизни... Онъ задумалъ пополнить замѣченный недостатокъ слѣдующимъ образомъ: устроить литературные вечера въ высшихъ классахъ. Эти вечера должны были быть засѣданіями кружка товарищей подъ предсѣдательствомъ какого-нибудь учителя. Тутъ читались-бы новыя произведенія, разбирались-бы ихъ достоинства и недостатки, возникали-бы споры, которые регулировались - бы учителемъ. Можно было-бы даже писать разборы и устраивать диспуты. Какъ-бы все это было пріятно и весело... Граховъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ наполнялся какимъ-то восторгомъ. Конечно для приведенія задуманнаго плана необходимо было найти поддержку между учителями.

Граховъ сообщилъ свои желанія и надежды Густеневу, съ которымъ былъ знакомъ частнымъ образомъ; они часто сходились у общихъ городскихъ знакомыхъ.

Граховъ съ перваго взгляда очаровался Яковомъ Иванови-

чемъ. Ему сразу показалось, что къ этому человѣку можно прилѣпиться и идти за нимъ, онъ поведетъ далеко, далеко на пути къ доброму и великому. Граховъ былъ именно въ томъ возрастѣ, когда душа инстинктивно ищетъ путеводной звѣзды и въ своемъ желаніи часто заходитъ столь далеко, что за звѣзду готова принять простой фонарь.

Густеневъ пригласилъ Грахова къ себѣ на домъ и частенько просилъ его поправлять ученическія тетрадки первыхъ классовъ. Свои просьбы онъ мотивировалъ собственнымъ недосугомъ.

— Работа! говаривалъ онъ, устало косясь на какой-нибудь только что разрѣзанный трудъ, а также той пользой, какую можетъ извлечь изъ этого занятія самъ Граховъ.

— Приучаетъ къ анализу! Сильно полезно! важно сопѣлъ Яковъ Ивановичъ не разъ, передавая тетрадки и вдыхая въ себя воздухъ вмѣстѣ съ папироснымъ дымомъ.

Хотя Грахову не очень нравилось возиться съ улавливаніемъ пропущенныхъ запятыхъ и грамматическихъ ошибокъ, но онъ дѣлалъ это ради своего уваженія къ Якову Ивановичу.

Между учителемъ и ученикомъ установился какъ-бы родъ дружбы. Граховъ довѣрялъ своему наставнику свои молодые мечты и неокрѣпшія мысли. Густеневъ, конечно, не отвѣчалъ ему соответствующей откровенностью, но выслушивалъ его и часто вставлялъ въ пылкія разсужденія Грахова удачныя фразы и слова, достаточныя для того, чтобы Граховъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что Густеневъ его понимаетъ и ему сочувствуетъ...

Граховъ, принадлежалъ къ числу людей, которые, изъ боязни быть осмѣянными, чрезвычайно неохотно дружатся съ кѣмъ-либо или довѣряютъ свои сокровенныя мысли... Такие люди выбираютъ въ свои повѣренныя обыкновенно особъ гораздо старше и опытнѣй себя; имъ кажется, что если такой другъ и посмѣется надъ признаніемъ, то снести насмѣшку легче, ибо самолюбіе менѣе страдаетъ. Большая разница, когда тебя осмѣетъ равный или когда небрежно къ тебѣ отнесется человѣкъ завѣдомо умнѣйшій и старѣйшій.

Граховъ сильно привязался къ Якову Ивановичу, онъ просто чувствовалъ потребность его общества. Не бывая долго въ закуреномъ кабинетѣ Густенева, Граховъ начиналъ тосковать... Поэтому послѣ обѣда, между пятью и семью часами

онъ частенько забѣгалъ къ Густеневу... Яковъ-же Ивановичъ въ это время обыкновенно мучился за какимъ-нибудь замѣчательнымъ трудомъ по исторіи литературы, которыхъ у него была цѣлая полка и всѣ были значительно засушены на первыхъ сорока или пятидесяти страницахъ, а дальше блистали дѣвственной чистотой,—а потому тоже бывалъ радъ своему юному Телемаку.

Когда Граховъ сообщилъ, предварительно обдумавъ до мелочей, свой планъ устройства литературныхъ вечеровъ Густеневу, тотъ съ жаромъ взялся за его проведеніе предъ начальствомъ.

Якову Ивановичу улынулась эта мысль съ двухъ сторонъ: во-первыхъ—новшество и оппозиція въ нѣкоторомъ родѣ, во-вторыхъ—заманчивость предстоящей роли руководителя и предсѣдателя... Но директоръ довольно таки сурово обрѣзалъ Густенева, когда послѣдній съ большимъ было апломбомъ и развязными жестами сталъ разворачивать предъ генеральскими очами граховскій планъ. Послѣ такого афронта Яковъ Ивановичъ сразу охладѣлъ, и планъ товарищескихъ собраній тотчасъ-же показался ему нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде... Теперь ему было чуть-чуть совѣстно предъ искренней досадой и негодованіемъ Грахова и даже немного досадно на молодого человѣка за эти чувства... Какъ онъ могъ испытывать то, чего самъ Густеневъ не испытывалъ?

— Да и не пойдетъ никто изъ нашихъ на эту комедію, продолжалъ развивать свою мысль Граховъ.

— Это почему? нѣсколько недовольнымъ тономъ спросилъ Густеневъ, нахмуривъ слегка брови и свертывая папиросу.

— Да помиуйте, Яковъ Ивановичъ! Вѣдь это-же комедія... Что мы тутъ? Жалкіе актеришки. Даже и то нѣтъ,—просто маріонетки, на которыхъ, какъ на географической картѣ, хотять показать обществу все высокое состояніе нашей гимназіи.

— Граховъ развелъ даже руками.

— Нѣтъ ужъ, это пиво и стучолка лучше, право... На прохоровскихъ субботнихъ ассамблеяхъ, по крайней мѣрѣ, всѣ себя свободно чувствуютъ и веселятся.

Онъ опять заходилъ пе комнатѣ.

— Отчего же вы у Прохорова не устроили чтевій? спросилъ Яковъ Ивановичъ.

— Да пробовали... Не выходило... Нужень руководитель, который-бы съумѣлъ поставить споръ въ должвыя границы, да и авторитетъ внушалъ самому собранію... А-то такъ заспоримъ всегда безъ толку... Охрипнемъ, разругаемся даже....

Густеневъ былъ польщенъ... Тотъ руководитель, необходимый руководитель, про котораго говорилъ Граховъ, навѣрно былъ онъ, Густеневъ... Граховъ навѣрно думалъ о немъ, говоря о неуспѣшности прохоровскихъ чтеній и споровъ.

— Чтожь, заговорилъ Яковъ Ивановичъ примиряющимъ голосомъ:—товарищескіе вечера за стаканомъ пива подь-часъ стоять литературнаго чтенія... Наши великіе писатели образовались на нихъ; среди шумнаго веселья, звона стакановъ и хлопанія пробокъ зрѣли въ геніальныхъ головахъ геніальныя вещи... Вспомните Арзамасъ... Огаревскія вечера... Да, да... Вы не шутите... Взгляните, какое вліяніе имѣли на нашу литературу подобныя собранія...

— Ну... знаете, вѣтъ... Стуколка! вотъ что северно... Я ужъ спорилъ, спорилъ—не выводится что-то! задумчиво говорилъ Граховъ, покусывая губы и продолжая мѣрить комнату большими шагами:—Скверно, скверно... И всегда такъ, жаловался Граховъ! — Ну, и почему не позволить... Эхъ, чортъ его возьми...

Нахмуривъ брови, гимназистъ взглянулъ на часы.

— Однако, пора мнѣ... Восьмой часъ... Прощайте, Яковъ Ивановичъ... Такъ ужъ досадно право!

Граховъ повернулъ головой, сжавши губы.

— Неужели все потеряно? спросилъ онъ, протягивая руку.

— Да, ужъ съ вашимъ директоромъ каши не сварить... Хоть ты лопни... Ужъ я ему и такъ и этакъ. Все свое краснорѣчіе истощилъ... Слушаетъ внимательно, даже головой въ таетъ качаетъ, а потомъ и откажетъ... Просто—взорвало меня, говорилъ Густеневъ, удерживая руку Грахова въ своей рукѣ.

Граховъ сочувственно улыбнулся...

— Право, жаль... Ну, до свиданія, проговорилъ онъ какъ-то нехотя...

— Прощайте, Граховъ! сказалъ Густеневъ:—да, вотъ сегодня я буду у Эбертса... Поговорю еще... Можетъ...

Онъ, въ заключеніе, любезно улыбнулся и взглянулъ на книгу, словно не вѣсть какъ дорывался до работы...

— Ага! Забѣгу къ вамъ на дняхъ...

III.

Бываютъ личности, которыя на внимательнаго наблюдателя производятъ чрезвычайно странное, даже удручающее впечатлѣніе.

Представьте статую изъ прекраснаго мрамора, надъ которой работало много художниковъ. Были тутъ и великіе артисты, были вдохновенные геніи добра и зла, были просто мастеровые и были, наконецъ, просто шарлатаны... Всѣ эти разношерстные лица работали надъ своимъ коммунальнымъ трудомъ съ одинаковымъ правомъ дѣлать работу по-своему, руководясь только своей фантазіей, своими цѣлями и задачами. Они во всей полнотѣ пользовались предоставленной имъ свободой, иногда только останавливаясь предъ недостаткомъ мрамора въ заранѣе высѣченныхъ мѣстахъ...

Косно, недвижно стоялъ мраморъ, послушно воспринималъ всякій штрихъ, хорошій и дурной, и вышелъ изъ мастерской въ ужасномъ видѣ. Статуя могла явиться въ тысячѣ видахъ, и въ чистыхъ и въ смѣшанныхъ типахъ, смотря по тому, съ какой стороны и на какую точку мрамора устремите вы глаза. Издали она кажется даже недурнымъ произведеніемъ рѣзца; но чѣмъ ближе вы всматриваетесь въ это дѣтище многихъ отцовъ, тѣмъ тяжелѣе становится на сердцѣ.

Яковъ Ивановичъ Густеневъ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ людей, которыхъ нравственный, внутренній обликъ, храмъ убѣжденій, чаяній, вѣрованій и надеждъ, былъ созданъ такимъ же способомъ, какъ только что описанная статуя...

Самъ надъ собой никогда не работавшій и потерявшій способность воздѣйствовать на себя, онъ былъ созданъ другими людьми.

Много вѣяній, много горячихъ убѣжденій разныхъ лагерей вліяло на него. Онъ, на свое горе, а можетъ и къ своему благополучію, не прилѣпился ни къ одному, но и не забылъ ни объ одномъ...

Не имѣя подъ ногами твердой почвы, не имѣя постоянной отправной точки, онъ, смотря по обстоятельствамъ, могъ

показаться радикаломъ, либераломъ, и консерваторомъ, могъ внушить къ себѣ отвращеніе, могъ возбудить восхищеніе и удивленіе, какъ смѣлый поборникъ правды. Увлекающійся по самой натурѣ, онъ во всемъ доходилъ до крайностей, не разбирая послѣдствій, такъ что дѣйствительно могъ пострадать за хорошее дѣло, если игрою судьбы попадалъ на него.

И Густеневъ не мучился отсутствіемъ въ себѣ твердыхъ принциповъ... Напротивъ даже. Ему начинало казаться, что всѣ эти „отправныя точки“—ерунда, надъ которой не стоитъ задумываться.

Изъ всей школы, въ которой вырабатывалась личность Якова Ивановича, у него запало въ душу одно только неизмѣнно твердое убѣжденіе, что онъ выше другихъ, выше окружающихъ его. Произошло это, можетъ быть, оттого, что каждый новый наставникъ начиналъ прежде всего съ униженія и низведенія во прахъ своихъ предшественниковъ... Новый проповѣдникъ, конечно, не предполагалъ, что его самого постигнетъ та-же участь.

Такъ какъ Густеневъ не перерабатывалъ преподаваемыхъ ему идей своими собственными средствами, то всѣ направленія въ свое время казались ему сначала правыми, а потомъ абсурдными. Всѣ они одинаково горячо защищались своими приверженцами, всѣ они имѣли за себя нѣкоторый смыслъ и всѣ они переходили предъ духовными очами Густенева, лишь временно трогая его душу. Кто-либо другой, можетъ быть, вывелъ-бы отсюда какое-нибудь важное обобщеніе, но Густеневу показался неопровержимо вѣрнымъ лишь слѣдующій выводъ: ни одно миросозерцаніе не могло его заполнить со-всѣмъ,—значить для него все это еще не конецъ, для него, Густенева, еще не создалось или ему не встрѣтилось то направленіе, съ которымъ-бы онъ могъ слиться.

«Я выше всѣхъ этихъ идей, ибо ни къ одной изъ нихъ не присталъ,»—такой выводъ былъ единственно крѣпкимъ убѣжденіемъ Густенева, которымъ онъ опредѣлился въ свой дѣятельности...

Въ силу сладостнаго убѣжденія въ своей непогрѣшимости, Густеневъ на свое положеніе всегда смотрѣлъ какъ на недостойное его, а потому—какъ на временное. Ему вѣчно казалось, что теперь онъ такъ, перебивается, словно-бы на бивуакѣ... Онъ на пути къ Елисейскимъ полямъ, гдѣ нико-

гда не заходитъ солнце... Что-то должно случиться такое, что перевернетъ его судьбу, это даже непременно должно случиться... Густеневъ не зналъ—что именно. Онъ привыкъ, что объ немъ заботится случай, и онъ вѣрилъ... Поэтому не было человѣка беззаботнѣй, веселѣй Якова Ивановича.

Товарищи долго не понимали Густенева, ибо судили о немъ съ своей, спеціальной, такъ сказать, точки зрѣнія... Густеневъ-же радикально расходился съ рѣзко выдѣлившимся и ясно установившимся типомъ губернскаго педагога... Поэтому Яковъ Ивановичъ казался учителямъ то однимъ, то другимъ... Разныя партіи принимали его за своего сообщника, даже повѣряли ему свои партійные секреты... Густеневъ слушалъ, но вскорѣ какъ-нибудь случайно оказывался, къ огорченію прежнихъ друзей, въ рядахъ иного направленія... Такъ обманулись въ Яковѣ Ивановичѣ всѣ, обманулись, подумали-погадали и нѣкоторое время считали его тонкой штукой...

Въ концѣ концовъ признали Густенева за то, чѣмъ онъ никогда не переставалъ быть. На него всѣ партіи стали глядѣть, какъ на стихійную случайность: могъ и поддержать, могъ безсовѣстно всякаго продать. Всѣ убѣдились въ его искренней безпартійности и инстинктивно немножко уважали его за это, ибо за собой невольно чувствовали грѣшки, послѣдствія крайняго преслѣдованія партійныхъ интересовъ.

Ученики вообще тоже любили Густенева, — въ младшихъ классахъ за легкое отношеніе къ дѣлу, въ старшихъ за панибратство... Болѣе же всего гимназистамъ въ Яковѣ Ивановичѣ нравилась та черта, что онъ не попадалъ въ ритмъ тогдашней гимназической жизни... Это въ глазахъ молодежи было такимъ высшимъ достоинствомъ, что истинная причина такого его положенія въ гимназическомъ мірѣ совсѣмъ затемнялась. Молодые люди совершенно не соображали того, что Яковъ Ивановичъ неспособенъ войти душой въ какую-бы то ни было жизнь, ни въ хорошую, ни въ дурную. Онъ имъ казался свѣтлымъ метеоромъ... Кромѣ того, Густеневъ имѣлъ многія средства для одержанія побѣдъ надъ молодыми сердцами... Онъ выразительно тянулъ слова, какъ-то мудро сопѣлъ и умѣлъ иронически улыбаться, въ силу чего казался высокимъ и глубокимъ. Природа надѣлила его также сильнымъ рычагомъ для возбужденія обаянія—это искусствомъ говорить намсками, полумыслями, полусловами... А ужъ извѣстно, если сказано

первая половина мысли и прибавлено ловкое многоточіе, то вторая половина покажется, изъ тысячи девятьсотъ случаевъ, великой, интересной и замѣчательной... Впрочемъ, не всѣ думали о Густеневѣ такимъ образомъ. Наибольше сухія, прямолинейныя натуры, которыя не вносили въ свои понятія о людяхъ собственныхъ мечтаній и желаній, которыя обладали плохо развитымъ воображеніемъ и не имѣли сладкой способности обманываться въ людяхъ, ибо не имѣли способности и очаровываться чѣмъ-либо — эти люди инстинктивно понимали Густенева, и онъ имъ претилъ, какъ плохой паточный пряникъ.

Но такихъ скептиковъ было немного...

IV.

Оставшись одинъ, Густеневъ нѣкоторое время неподвижно лежалъ въ креслѣ, положивъ локти на ручки и вдумчиво созерцалъ фигуру изъ пальцевъ, которую соорилъ передъ самымъ носомъ...

— Да, да, да-а-а-дась! пропѣлъ онъ вдругъ и, встряхнувшись, вскочилъ, какъ будто что-то рѣшилъ въ умѣ.

Сегодня его звала на чашку чаю жена Эберса, учителя древнихъ языковъ. Будетъ сибирка, будетъ закусочка съ приличной, соответствующей выпивкой... Эберсъ никогда на это не скупится. Онъ игралъ большую роль въ совѣтѣ и былъ въ нѣкоторомъ родѣ главой партіи. Поэтому у него часто собирались товарищи-единомышленники.

Хотя Густеневъ стоялъ внѣ партіи, но его приглашали, можетъ быть, именно за это рѣдкое качество.

Пора было отправляться... Стрѣлка подвигалась къ восьми.

На одной изъ небольшихъ, неважныхъ улицъ Н-ска, стоялъ низенькій деревянный домикъ, принадлежавшій Эберсу. Потоки свѣта изъ пяти лицевыхъ оконъ свѣтлыми полосами прорѣзали темную, снѣжную улицу и озаряли невѣрнымъ свѣтомъ двухъ-трехъ собственныхъ учительскихъ «лошадокъ», стощихъ въ рядъ, и кучеровъ, склоненныхъ дремотой на облучки саней...

Господа-же этихъ несчастливцевъ, за тюлевыми занавѣсками, въ ярко освѣщенномъ и жарко натопленномъ залѣ, кончали ужинъ. За столомъ, весьма прилично сервированнымъ, сидѣло четверо мужчинъ и три дамы. Дамы очевидно не могли

преодолѣть дремоты, которой не разогналъ даже ужинъ. Съ восьми часовъ до самаго ужина, во все то время, когда мужья играли въ карты, онѣ обречены были засѣдать въ гостиной и, сложивши руки на животахъ, пялить глаза другъ на друга...

Только хозяйка была нѣсколько оживлена, выбѣгала распорядиться по хозяйству или вызванная криками одного изъ своихъ шести ребятъ... Беременная седьмымъ, она все-таки проявляла значительную живость.

Голоса мужчинъ были громки, ибо бутылки были болѣе чѣмъ наполовину пусты.

На концѣ стола сидѣлъ хозяинъ, уже пожилой человекъ, съ гладко выбритымъ лицомъ и выпученными глазами. Двадцатипятилѣтняя педагогическая служба положила неизгладимую печать на его лицо... Даже когда его душа вкушала мирный сонъ, то все-таки по вѣшнему виду каза лось, что онъ разсерженъ или раздраженъ: непремѣнные слѣды постоянного мелочнаго раздраженія, которое болѣе чѣмъ наполовину требуется скрывать, но оно взяло свое и вышло на свѣтъ Божій глубокими морщинами, которыя, какъ клеймо каторжника, громко гласили: „это—педагогъ!“

Онъ усердно подливалъ Густеневу, сидѣвшему около него, и другимъ товарищамъ.

Бесѣда, долго вертѣвшаяся около только-что оконченнаго робера сибирки, теперь перешла къ гимназическимъ дѣламъ. Судили о томъ, чей классъ лучше. Всѣ присутствовавшіе, кромѣ Густенева, были классными наставниками.

— Гм... да... Мнѣ удалось, громко растягивалъ Эберсъ:— удалось довести почти до конца курсъ классъ, которымъ я горжусь... Въ семьѣ, какъ говорится, не безъ... не безъ...

— Урода, подсказалъ Густеневъ, сильно охмѣлѣвшій.

— Да, да, урода, обрадовался Эберсъ, прожившій двадцать пять лѣтъ въ Россіи, но еще не успѣвшій выучиться по-русски:—но что-жь, говоря положила руку на душу, такіе молодые люди, что просто джентльмены... Директоръ даже недавно... Хэ-хэ-хэ...

Эберсъ засмѣялся, сладко зажмуривши глаза, словно райскаго фрукта вкусилъ.

— «Ну, Вячеславъ Викентьевичъ, говорить: ваши джентльмены...» Самъ онъ джентльменъ—вотъ и нравится.

Эберсъ отхлебнулъ пива изъ стакана.

— О!..

— Э-э!..

Протянули на разные лады и съ разными выраженіями упитавшіеся и упившіеся собесѣдники.

— То-есть «въ семьѣ не безъ хорошаго!» хотѣли вы сказать, Вячеславъ Викентьевичъ! раздался громкій, вызывающій голосъ Густенева.

Яковъ Ивановичъ совершенно захмѣлѣлъ.

Онъ сильно проигрался... Не смотря на его мастерскую игру всѣ робберы онъ оставался въ проигрышѣ... Страшно было досадно Якову Ивановичу отдавать ассигнаціи Эберсу, который, корча спокойную рожу, передалъ ихъ тутъ-же женѣ .. Густеневъ терпѣть не могъ проигрывать .. Онъ становился желчнымъ, злымъ и придирчивымъ въ эти рѣдкіе вечера, когда богиня сибирки отворачивалась отъ него.

Яковъ Ивановичъ давно старался освободиться отъ непріятнаго чувства утраты—проигрыша, сорвать на комъ-либо зло. Въ этихъ же видахъ онъ усердно опорожнялъ стаканы и рюмки. аполненные разными питьями.

Густеневу вдругъ стало нестерпимо досадно видѣть розовую отъ пива и довольную отъ милыхъ разговоровъ и выигрыша физиономію Эберса, его рачьи глаза, подернутые слегка пьянымъ туманомъ, и слегка трясущуюся руку съ обручальнымъ кольцомъ и со стаканомъ. Чѣмъ бы то ни было, страстно захотѣлось ему оборвать кичливаго товарища... Не разсуждая, ибо разсуждать ему было не подъ силу, увлекся Густеневъ своей мыслью...

— Какъ это? обратился къ Якову Ивановичу Эберсъ, позволявшій себѣ иногда, подъ веселую руку, подымать голову и воображать себя немного начальникомъ предъ молодежью... Даже глаза полузакрывъ, словно на Густенева не стоило глядѣть во всю... Онъ вѣдь не былъ даже класснымъ наставникомъ...

— Да такъ... Прежде чѣмъ восхищаться, Вячеславъ Викентьевичъ, слѣдуетъ поглядѣть поглубже, влѣзть въ нутро, а то вѣдь можно и разочароваться...

Густеневъ, замѣтившій къ своей пущей досадѣ мину Эберса, провозглашалъ свои слова все тѣмъ же форсированнымъ голосомъ и при этомъ довольно глупо хихикалъ...

— Позвольте, Яковъ Ивановичъ, заговорилъ Эберсъ, мигая глазами на всю компанію: — мои восьмиклассники учатся хорошо, — за послѣднюю четверть — ни одной двойки, — въ поведеніи меньше пяти никто не имѣеть... Вы же сами выставили всѣмъ имъ пятерку, Яковъ Ивановичъ!

Эберсъ очень обрадовался послѣднему аргументу, которымъ надѣялся основательно заткнуть ротъ дерзкому...

Но Густеневъ не унимался.. Не въ его правилахъ было уступать поле битвы врагу...

— Я то-что? кричалъ онъ: — я совсѣмъ другое дѣло... Я небольшую выпивку за ничто ставлю... Вотъ развѣ стукочка — явленіе зазорное... Знаете, игра азартная... Можетъ дурно вліять... А то чтожь? Ничего... Вспомните, какое значеніе для литературы...

— Да про что вы говорите? Вы шутите! раздались годоса.

— Я-съ шучу? Нѣтъ, не шучу... Говорю я про субботніе вечера у Прохорова... Кажется, Прохоровъ — восьмиклассникъ? сязвиль Густеневъ.

Если-бы мѣсяцъ, уже нѣкоторое время выплывшій изъ-за тучъ и усердно старавшійся изгладить съ улицы отраженіе оконъ, сошелъ съ небесной выси и протанцовалъ-бы предъ Вячеславомъ Викентьевичемъ качучу, то доблестный педагогъ удивился и огорчился-бы менѣе, чѣмъ услыша невѣроятную вѣсть Густенева.

Давно уже Эберсъ позабылъ всякую другую жизнь, кромѣ гимназической... Другіе интересы, кромѣ классныхъ и совѣтскихъ, для него не существовали. Онъ ничего не читалъ, въ томъ числѣ и газетъ, ужъ много лѣтъ, весь погруженный въ отиѣтки, выговоры, уроки, упражненія — однимъ словомъ, во все то, что на его языкѣ называлось воспитаніемъ молодежи.

Скажите ему: — слышали, Гамбетта то? Тю-тю! — Онъ посмотритъ на васъ какъ-то лукаво, скажетъ: — «Ага-га-га! и хлопнетъ по плечу съ такимъ видомъ, словно только изъ деликатности не говорить: «глупостями, батенька, занимаетесь!» — Но скажите ему, что въ седьмомъ классѣ въ среду написали экстермпорале лучше, чѣмъ у него въ четвергъ, онъ проговорить съ вами цѣлый часъ и съ его лица не сойдетъ выраженіе любовнаго отношенія къ предмету разговора...

Много силъ еще у Эберса уносила постоянная забота о нравственности учениковъ. Какая-нибудь продѣлка, болѣе или

менѣе остроумная шалость, вдохновляла Вячеслава Викентьевича и будила въ немъ природный талантъ сыщика... Сколько выдумокъ, часто необыкновенно тонкихъ, сколько подходовъ, даже обмановъ, пускалось въ ходъ для открытія виновниковъ. Никакими средствами не пренебрегаль Эберсъ, чтобы доставить торжество добродѣтели и казнь пороку. Само собою разумѣется, что и воспитаніе и нравственность Вячеславъ Викентьевичъ понималь по-своему, какъ можетъ понимать человѣкъ, лѣтъ восемнадцать ничего не читавшій, кромѣ Цезаря, Саллюстія, Ксенофонта и проч. Это не мѣшало, конечно, Эберсу воображать себя воплощенной справедливостью, неумолимо строгимъ судьей и проникательнѣйшимъ администраторомъ... Въ этомъ сознаніи заключалась его гордость, на немъ лежало его самолюбіе и самоуваженіе.

И такому-то человѣку Густеневъ въ глаза сказалъ, что ученики его, Эберса, ведутъ себя не такъ, какъ прилично молодымъ людямъ, которыхъ еще такъ недавно самъ директоръ обозваль джентльменами.

— Выпивка!.. Стуолка! протянулъ Эберсъ, ставя медленно стаканъ на бѣлую скатерть:—я самъ не играю въ стуолку!..

V.

Была суббота.

Черезъ полчаса въ гимназической церкви должна была начаться всенощная...

Входная дверь хлопала все чаще и чаще, пропуская спѣшившихъ не опоздать гимназистовъ.

Въ ожиданіи звонка, призывавшаго къ молитвѣ, въ коридорѣ образовалось цѣлое гулянье... Пахло сырими полами. Гимназисты съ веселыми лицами вдыхали этотъ запахъ. Онъ нравился имъ. Онъ напоминалъ о свободномъ субботнемъ вечерѣ и завтрашнемъ воскресномъ днѣ.

Шмурыганье подошвъ о вытертыя, почти бѣлыя половыя доски и тихій разговоръ смѣшивались въ одно шумное гудѣнье, которое не позволяло различать отдѣльные голоса.

Гимназисты весьма цѣнили эти краткосрочныя собранія. Съ какою напряженною веселостью жилось на нихъ въ ожиданіи звонка, неизбѣжнаго какъ смерть! Здѣсь передавались въ сжатой, острой формѣ летучія новости, сообщались

недосказанныя тайны, велись задушевные разговоры, которые интересно прерывались колокольчикомъ.

Пришелъ директоръ. Значить—часъ пробилъ.

Раздался звонокъ.

Гимназисты, построившись въ корридорѣ парами, потянулись подъ наблюдениемъ надзирателей въ церковь.

Стройныя пары разбѣренными шагами входили въ церковную залу и становились каждая на заранѣе опредѣленныхъ мѣстахъ, причемъ особенно строго наблюдалось, чтобы ни одинъ ученикъ не оперся объ стѣну и не потерялъ-бы черезъ это своего молитвеннаго настроенія.

Церковь N—ской гимназіи представляла собою собственно громадную залу, къ которой примыкалъ алтарь, отдѣлявшійся отъ нея въ случаѣ надобности громадными створчатыми воротами. Такимъ образомъ церковь стараніями двухъ сторожей всегда могла быть обращена въ простую залу.

Младшіе классы помѣщались впереди, старшіе позади.

Восьмому классу приходилось стоять въ самой отдаленной отъ алтаря части залы, куда едва достигалъ свѣтъ двухъ люстръ съ восковыми свѣчами и хрустальными подвѣсками.

Вслѣдъ за учениками въ церковь вошло все наличное начальство, ихъ семьи и постороннія лица «мужеска и женска» пола.

Ученики смотрѣли на эту входящую процессію, и на нѣкоторыхъ лицахъ, особенно изъ тѣхъ, которыя были подалеже отъ алтаря, при видѣ нѣкоторыхъ особъ прекраснаго пола, почтившихъ гимназію своимъ посѣщеніемъ, вспыхивало зарево стыдливаго румянца. Чтобы объяснить это явленіе, надо замѣтить, что гимназическая церковь часто служила мѣстомъ «неожиданныхъ», но въ то-же время страстно ожидаемыхъ свиданій...

Раздался голосъ дьякона, словно нарочно зажавшаго себѣ носъ рукой, до того гнусливо онъ произносилъ начальный возгласъ...

Всѣ сразу пошевельнулись, смолкли и подтянулись.

Торжественное пѣніе недурного хора, составленнаго изъ гимназистовъ, сильное освѣщеніе, клубы кадильнаго дыма, восходящіе голубоватыми облаками къ высочайшему росписному потолку и, застилаемые синеватой дымкой, стройныя, неподвижныя ряды голубыхъ мундировъ съ ясными пуговицами—

все это способно было произвести пріятное, умиротворяющее душу, впечатлѣніе...

— Какая прелесть! Какая трогательная картина! думаль какой-нибудь глубоко-религіозный посѣтитель гимназической церкви изъ старичковъ:—Какъ возвышаетъ душу эта братская молитва... Трудъ вмѣстѣ — вмѣстѣ и благодареніе Господу!.. Чистыя, дѣтскія души! твердилъ онъ, обводя довольнымъ слезащимся взглядомъ слегка волнующееся отъ поклоновъ море гимназическихъ головъ.

— Приходи сегодня!.. Слышишь? Будетъ пиво, водка и стучалка...

— Ну?!

— Приходи... Ужъ пропусти одну-то субботу... Авось, твоя зазноба не соскучится, продолжалъ шептать первый голосъ, сдерживая насмѣшливый смѣхъ.

— Ладно, ладно... Ты ужь... отвѣчалъ второй и нѣжно толкнулъ кулакомъ въ животъ своего собесѣдника. Тотъ долженъ былъ неловко поклониться и, чтобы замаскировать на всякій случай свое движеніе, сталъ усердно махать рукой, словно креститься.

Такія бесѣды велись въ глубинѣ залы, гдѣ помѣщались восьмиклассники.

Начальство или надѣялось на твердое вкорененіе въ сердцѣ старшихъ учениковъ религіозныхъ началъ, или благоразумно сознавало простую до-нельзя истину, что по командѣ, по звонку молиться невозможно—только восьмой классъ оставался въ церкви почти безъ надзора: все начальство стояло далеко впереди его. Поэтому на восьмиклассникахъ особенно ярко было видно, въ какомъ направленіи были устремлены мысли всѣхъ вообще учениковъ, наполнявшихъ залу. Восьмиклассникамъ не нужно было лицемѣрно скрывать свое настроеніе, что было необходимо для другихъ несчастливцевъ, находящихся всегда подъ перекрестными выстрѣлами проницательныхъ взоровъ начальническихъ.

Восьмиклассники не стѣснялись...

Служба кончилась.

Надзиратель Швецовъ появился въ церкви со списками въ рукахъ. Ему подставили аналойчикъ. Началась перекичка, неизмѣнно съ буквы *а* потянулись длинные ряды фамилій.

Швецовъ, почти не глядя въ списки, выкрикивалъ имена учениковъ и съ гордостью косился при этомъ на директора: «вотъ, моль, какъ службу справляю, замѣчай!»

Директоръ стоялъ у выходной двери въ статуеобразной, замороженной позѣ, приподнявъ плечи и держа въ согнутой лѣвой рукѣ поднесенный гундосымъ дякономъ хлѣбецъ.

Первый вызванный гимназистикъ, какой-то Араповъ, съ сияющимъ лицомъ расшаркнулся передъ нимъ и собирался уже шмыгнуть въ дверь.

Дома его ждали новые оловянные солдатки, о которыхъ онъ промечталъ всю всюнощную и поэтому только такъ смиренно стоялъ.

— Назадъ! Вернитесь! вылетѣло изъ устъ директора. Къ этому присодинился выразительный жестъ.

Гимназистикъ сразу спустилъ по швамъ радостно растопыренные руки и, поникнувъ головой, отправился на свое мѣсто.

При видѣ такого происшествія, довольно свободный говоръ въ залѣ стихъ. Всѣ ученики переглянулись, не скрывая своего безпокойства.

— Неужели разводъ? мельзало въ головѣ у каждаго.

Сомнѣнію не оставалось мѣста

Два сторожа, въ неуклюжихъ мундирахъ, съ ясными пуговицами, которые видимо были «построены», а не шиты, закрывали дверьми иконостасъ.

Скрипъ мѣдныхъ колесецъ по паркету тоскливо отзывался въ сердцахъ молодежи.

Директоръ N—ской гимназіи большое вниманіе обращалъ на выправку гимназистовъ съ внѣшней стороны. Ему нравилось безпрестанно разстанавливать ихъ по росту, разсаживать по партамъ, въ новомъ, болѣе красивомъ порядкѣ, заставлятъ маршировать и т. п. Но онъ, надо отдать ему должную справедливость, постоянно старался дать ученикамъ понять, какое важное общественное и чуть не государственное значеніе имѣютъ всѣ эти упражненія.

Въ описываемую субботу онъ не измѣнилъ своему обыкновенію начинать всякое дѣло рѣчью.

Подошедши мѣрными шагами къ аналойчику, съ котораго только что перекликалъ Швецовъ, и картинно опершись на него, глава гимназическаго ареопага обратился къ молчавшей толпѣ

гимназистовъ, тонувшей теперь, за погашеніемъ люстръ, въ полумрагѣ.

— Мною было неоднократно замѣчаемо, началъ онъ, выпуская слова какъ-то сквозь зубы:—что многіе изъ васъ, господа, при встрѣчѣ со мною и съ господами наставниками въ корридорахъ и на улицахъ кланяются крайне, крайне неумѣло, почти смѣшно... Порядочному человѣку необходимы хорошія манеры... Э... э... э... Что это? Развѣ можно назвать поклономъ какое-то искривленіе стана?.. Вы готовитесь вступить въ общество, дѣйствовать въ семь обществъ... Очевидно, необходимо... э... э... необходимо, чтобы вы... э., чтобы дѣятельность ваша была.... э.... облечена въ.... приличную форму... Поэтому я попросилъ господина Бевиньяни не отказывать намъ въ содѣйствіи своемъ.... Прошу васъ, господинъ Бевиньяни...

Директоръ обратился съ привѣтливымъ жестомъ къ низенькому человѣку съ выпяченной впередъ грудью и сильно тронутой сѣдиной эспаньолкой. Господинъ Бевиньяни былъ учителемъ танцевъ въ N—ской гимназіи.

Онъ подобострастно поклонился директору, почти въ поясъ, и, обратившись къ ученикамъ, сказалъ:

— Прошу васъ, господа, повторяйте то, что я буду имѣть честь сейчасъ вамъ показывать.

Онъ говорилъ съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ.

Близъ Бевиньяни стоялъ ученикъ съ кепи въ рукѣ. Учитель танцевъ выхватилъ ее изъ рукъ гимназиста и молодеватымъ движеніемъ надѣлъ себѣ на голову.

Съ такимъ украшеніемъ, выгнувши колесомъ руки, елико возможно распрямивъ свой старческій станъ, Бевиньяни козыремъ, шаркающей походкой прошолся передъ директоромъ и отвѣсилъ ему граціозный поклонъ.

— Ну-съ. Commencez! распорядился итальянецъ, обратившись къ ученикамъ: — по одному.

И, заложивши руку за бортъ сюртука, онъ принялъ рядомъ съ директоромъ величественную позу.

Гимназисты понадѣвали шапки и стали раскланиваться передъ директоромъ, который все такъ-же невозмутимо созерцалъ всю эту комедію.

Бевиньяни нѣкоторыхъ хвалилъ, особенно тѣхъ, у кого

на дому давалъ уроки, нѣкоторыхъ пропускалъ молча, иныхъ же заставлялъ повторять поклонъ.

Эта послѣдняя горькая доля доставалась всегда бѣднякамъ въ потеряхъ мундирахъ, съ блѣдными, истощенными лицами и робкими взглядами изъ подлобья.

— Назадъ, назадъ! закричалъ итальянецъ воспитаннику пятаго класса, устроившему такой поклонъ, что даже неподвижное лицо директора улыбнулось...

Гимназистъ вернулся.

Некрасивое лицо, все въ угряхъ, неуклюжая фигура, какъ-то сбитая на одинъ бокъ, кривая шея, сильно поношенный мундирчикъ,—все представляло грустный видъ и возбуждало невольное чувство жалости.

— Еще разъ! Encore! распорядился Бевиньяни.

Ученикъ развалистой утиной походкой снова прошелся мимо директора и отвѣсилъ поклонъ еще смѣшнѣе перваго, даже какъ-то подмигнувъ въ сторону директора, словно обѣщавшись сказать пикантный секретецъ...

Въ толпѣ учениковъ раздавался смѣхъ.

Бевиньяни презрительно вздернулъ плечами.

Директоръ мягкой, душистой рукой закрылъ ротъ: смертные не должны видѣть веселья боговъ.

На рѣсницѣ бѣдняка задрожала горькая слеза...

— Еще разъ! не унимался Бевиньяни, поднимая высоко голову.

Но ученикъ, не слыша подъ собою ногъ, бѣжалъ изъ залы, глотая слезы.

Бевиньяни махнулъ ему въ слѣдъ рукой, можетъ быть потому, что не хотѣлось ему догонять ослушника, а можетъ и потому, что замѣтилъ онъ блеснувшую слезу и проникся уваженіемъ къ ней...

Директоръ стоялъ, словно не замѣтилъ разыгравшейся передъ нимъ нѣмой, но больной сцены...

Послѣдній гимназистъ, самый длинный во всей гимназіи распаркался довольно нескладно. Но его уже не останавливали.

Зала опустѣла.

Не прошло и нѣсколькихъ мгновеній, какъ обѣ швейцарскія наполнились шумомъ, гамомъ и свистомъ, котораго не унимали даже надзиратели, съ довольнымъ видомъ расхажива-

вавшіе по корридору и съ нетерпѣніемъ ожидавшіе, когда это уберутся ученики и имъ развяжутъ руки...

— Вотъ... каждую субботу... Словно манежъ у него послѣ всенощной! кричалъ какой-то недовольный голосъ.

— Ну, полно тебѣ... Что горло даромъ дерешь? Небось расшаркался примѣрнѣйшимъ образомъ.

— Право... Расшаркался... Ну, и чтоже?

— Такъ черезъ полчаса... Не опоздай... Итакъ уже не рано. Съ этимъ Бевиньяни... слышалось въ томъ мѣстѣ вѣшалокъ, гдѣ висѣли большія шинели восьмиклассниковъ:—у Прохорова... Приходи же, не запаздывай.

— Ладно. Ты самъ-то поспѣшай...

— Толкуй... Ну, такъ до свиданья...

Скоро въ гимназіи потемнѣли всѣ стекла.

VI.

Гимназія, съ необходимостью для учениковъ жить въ городѣ, непременно создаетъ цѣлый промыселъ такъ называемаго «содержанія гимназистовъ». Всѣ почти дамы, даже обладающія достаточными средствами, бросаются на это выгодное предпріятіе, которое даетъ имъ новую, иногда полную пикантныхъ подробностей, тему для разговоровъ. Но хозяйка той комнаты, о которой пойдетъ рѣчь, была далеко не богата и жила доходами со своихъ постояльцевъ... Она очень дорожила ими поэтому... Они оба были люди состоятельные, платили аккуратно и хорошо, стояли у нея уже давно.

Въ этой комнатѣ, довольно просторной, горѣли двѣ лампы средняго размѣра и весело освѣщали всю потасканную, но еще приличную обстановку. Въ одномъ углу стоялъ раскрытымъ ломберный столъ... На немъ мигали своимъ красноватымъ пламенемъ двѣ свѣчки и лежали двѣ колоды распечатанныхъ, но еще новыхъ картъ...

Въ другомъ углу пряталась за стулъ большая корзина съ пивомъ, а на комодѣ были разложены разныя незатѣйливыя закуски и стояла раскупоренная бутылка водки...

На окнѣ цѣломудренно скрывалась въ бумажную обертку, еще одна посудинка съ „очищеннымъ нектаромъ“.

Столъ передъ диваномъ былъ заставленъ чайнымъ приборомъ; въ стаканахъ привѣтливо звучали ложечки, когда по комнатѣ кто-нибудь проходилъ...

Очевидно ждали гостей.

Хозяевъ было двое. Одинъ—Граховъ, другой—Прохоровъ; оба восьмиклассники...

Субботнія вечеринки, на которыя обыкновенно приглашались товарищи за всенощной, устраивались по инициативѣ и желанію Прохорова... Онъ всегда былъ жуиромъ. Граховъ же не особенно одобрялъ эти ассамблеи. Ему все казалось, что тутъ что-то не ладно, что время можно и даже должно было бы проводить иначе. Нѣсколько разъ въ классѣ онъ возражалъ противъ затѣи Прохорова. Его осмѣивали и конфузили за проповѣдываніе «бабьихъ» идей...

Самъ лично Граховъ почти всегда оставался по субботамъ дома. Эти вечера для него, какъ для молодого человѣка, имѣли также свою прелесть, тѣмъ большую, что онъ считалъ ихъ запретными плодами. Кромѣ того, ему ужасно нравилось неизмѣнно и постоянно отказываться отъ водки, пива, картъ и прочихъ запретныхъ удовольствій.

— Вотъ аскетъ-то еще! говорили про него товарищи, не то съ упрехомъ, не то съ завистью.

Граховъ удовлетворялся сознаниемъ своей чистоты и на субботнихъ попойкахъ бывалъ всегда необыкновенно веселъ, болталъ и пѣлъ безъ умолку...

Прохоровъ сидѣлъ на диванѣ и перелистывалъ съ разсѣяннымъ видомъ послѣдній нумеръ журнала. Онъ нетерпѣливо трясъ ногой, иногда взглядывалъ на дверь и прислушивался.

Граховъ, доселѣ также державшій въ рукахъ книгу и лихорадочно бѣгавшій глазами по строчкамъ, какъ видно, спѣшилъ дочитать, даже зарумянился немного.

Бросивъ книгу на столъ, онъ всталъ и, наскоро одѣваясь въ мундиръ, проговорилъ:

— Ну, такъ прощай. Приятнаго веселья.

— Такъ и не останешься, сказалъ Прохоровъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ: — вотъ, ей-Богу, приспичило. Завтра успѣешь...

— Ого, братъ, не знаешь ты моего дядю. Не поздравить его въ день ангела?! Да онъ съѣстъ потомъ. А я его не хотѣлъ-бы обидѣть. Ужь одну субботу, куда ни шло. Прощевай.

— Ну, приходи скорѣй. Такъ право разбиваешь компанію. А мы еще пѣть хотѣли. Какъ-же безъ тебя.

— Ну, что дѣлать, отвѣчалъ Граховъ уже въ дверяхъ.

Цезарь бывалъ и въ худшемъ положеніи, чѣмъ вы безъ меня. Желаю веселья.

И Граховъ съ веселымъ смѣхомъ затворилъ за собою дверь.

Прохоровъ же недовольно зашелестилъ листами. Онъ страшно не любилъ, когда «всѣ врозь лѣзуть».

VII.

Скоро стали сходитьсь товарищи, къ великой утѣхѣ слушающаго Прохорова.

Гости большею частью были «въ штатскомъ».

Входили по-двое. Такихъ паръ вошло три.

Разговаривали о дневныхъ новостяхъ и, раздѣваясь, не прекращали начатой бесѣды. Другъ съ другомъ не здоровались, раздавались только восклицанія.

— А, Петровъ!

— А, Косовъ!

— Наконецъ-то и ты, Трофимовъ, ползешь.

Молодежь немедленно усѣлась кругомъ чайнаго стола. Старая хозяйка, кряхтя и переваливаясь, втащила самоваръ обширныхъ размѣровъ.

Задымились папиросы. Раздалось короткое и торопливое прихлебываніе.

— А мы сейчасъ встрѣтили Грахова на улицѣ. Смотримъ— бѣжить куда-то. «Стой! Отъ гостей?» Такъ нѣтъ! «Некогда»; говорить, и зашагалъ, словно за нимъ гонятся. Куда это онъ? Не знаешь, Прохоровъ?

— Дядю своего поздравлять побѣждалъ. Старикъ-то чуть не въ девять часовъ ложится на одръ свой, отвѣчалъ Прохоровъ, — такъ опоздать видно боится.

— Ишь ты, товарищей на старичишку промѣнялъ!

— Я его ужъ уговаривалъ-уговаривалъ остаться. Нѣтъ, говорить, нельзя...

— Ну, да этотъ дядя, кажется, очень его любить...

— Экъ вамъ дался этотъ Граховъ! Ну, ушелъ и ладно. Можетъ и въ самомъ дѣлѣ, нужно, заговорилъ миниатюрный гимназистъ съ насмѣшливымъ лицомъ, до сихъ поръ молчаливо прислушивавшійся къ разговору товарищей; — вотъ я вамъ лучше новость расскажу. Сейчасъ мнѣ сестра передавала, какъ у нихъ, въ гимназiи, приготовляли барышень къ пріѣзду и достойной встрѣчѣ архіерея. Потѣха!

— А что? раздался вопросъ со всѣхъ сторонъ.

— Да какъ же! Это ужъ геркулесовы столбы. Есть тамъ у нихъ учитель французскаго языка, старичишка, безногій совсѣмъ. Такъ вотъ онъ, по желанію начальства, изображалъ архіерея, сидя въ креслахъ. Къ нему со смиреніемъ подходили барышни и продѣлывали передъ нимъ всякіе артикулы, словно и въ самомъ дѣлѣ передъ архіереемъ. Многія, поменьше которыя, такъ и руку французу дѣловали. Это очень потѣшало начальство. Какова картиночка?

Маленькій гимназистикъ съ торжествомъ обвелъ всѣхъ присутствовавшихъ довольнымъ взоромъ, словно хотѣлъ сказать: вотъ я какую интересную вещь рассказалъ.

— Чтожъ? дѣло почти обыкновенное. Развѣ у насъ не бывало подобныхъ комедій? сказалъ Петровъ и спокойно затянулся папирской:—помните, предъ пріѣздомъ министра?

Всѣ улыбнулись.

Гимназистамъ живо припомнились эти три тяжелые дня, когда ихъ часа по четыре послѣ уроковъ манежили на дворѣ и учили по классамъ снимать шапку по особому способу.

Припомнилось также, какъ надзиратель по нѣскольку разъ въ день вбѣгалъ въ классъ и восклицалъ:

— Здравствуйте, господа!

Нужно-ли прибавлять, что онъ при этомъ всѣми силами старался походить на гостя.

— Эхъ, что терять дорогое времячко, какъ говорятъ игроки, возгласилъ Прохоровъ:— нуте-ка въ стучолку. Надоѣли эти разводы, да и разговоры объ нихъ тоже.

— А, вотъ чай дай кончить.

— Да я-то ничего пожалуй. Я собственно вотъ для Фастова. Скучаетъ онъ тутъ.

Фастовъ безпокойно пошевелинулся, предчувствуя какую-нибудь выходку на свой счетъ.

— Это безъ Машеньки-то? подмигнувъ спросилъ Петровъ и засмѣялся.

— Эхъ, далась вамъ эта Маша, съ досадой, но не сердясь произнесъ Фастовъ:—чудаки, право...

— А, знаете, господа, вѣдь онъ на ней жениться хотѣлъ по окончаніи курса.

Фастовъ всталъ и отошелъ къ столу съ картами.

— Эхъ вы, бурчалъ онъ: — Что-же! Въ карты-то будемъ играть, что ли?

Чай всё отпили, а потому не было препятствій послѣдовать приглашенію Фастова. Засѣли въ стуюлку. Народъ все былъ состоятельный, а потому игра шла довольно большая. Бутылки пива стали постепенно покидать свои плетенныя гнѣздышки и опоражнивались съ примѣрной быстротой. Голоса раздавались все громче и громче. Слышались прибаутки, игривыя шуточки.

— Вотъ, ребята, обомлѣль-бы нашъ грекъ, кабы ему удалось подглядѣть насъ въ такой компаніи.

— Да, могу сказать, проговорилъ нѣсколько заплетающимся языкомъ Прохоровъ:—волкъ его зарѣжь... Ужь прочитай-ль-бы рацею.

— Ну, ну, не философствуй, сдавай-ка.

Было уже половина двѣнадцатаго.

Многіе успѣли очень значительно захмѣлѣть и находили, что пора уже по домамъ. Въ комнатѣ дымъ стоялъ столбомъ, колыхались и переливались его то синеватыя, то желтыя облака. Воздухъ былъ насыщенъ винными парами. Можно было опьянѣть, дыша въ этой атмосферѣ и не выпивъ ни рюмки водки.

Раздался стукъ во входную дверь.

— Ну, пришла наша красна дѣвица! съострилъ Прохоровъ, намекая на Грахова, который никогда долго не засиживался въ гостяхъ и ворочался обыкновенно къ этому времени.

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось кряхтѣнье престарѣлой хозяйки, которая, слѣзая съ теплой лежанки, не то благословляла, не то проклинала кого-то.

Слышно было, какъ она, шлепая башмаками, подошла къ двери и подняла желѣзный крюкъ.

— Стучу! мрачно возгласилъ проигравшійся Петровъ.

Въ передней послышался какой-то вопросъ.

Дверь въ комнату пира отворилась.

— А, возгласилъ Прохоровъ, не глядя на вошедшаго:—объявился, наконецъ. А мы ужъ думали, что ты и ночевать домой не придешь. Тоже къ какому ни на есть бутончику сунешься...

Всѣ улынулись, доканчивая интересную игру.

— Господа, что-же это? внушительно проговорилъ вошедшій.

Игроки быстро оглянулись и неожиданно для самихъ себя привстали съ своихъ мѣстъ. Прохоровъ довольно некрасиво разинулъ ротъ; Петровъ, схвативъ стоявшую передъ нимъ рюмку водки, зачѣмъ-то быстро перекувыркнулъ ее въ пепельницу, а Трифоновъ бросилъ свою папиросу въ стаканъ съ чаемъ.

Передъ растерянными гимназистами, съ поднятой головой, оттопыренной нижней губой, словно генераль, стоялъ ихъ классный наставникъ, Вячеславъ Викентьевичъ Эберсъ.

За нимъ, въ вызывающей позѣ, виднѣлся надзиратель Швецовъ, на которомъ былъ надѣтъ пурпуровый плюшевый жилетъ. Эта принадлежность мужского туалета надѣвалась Швецовымъ лишь въ торжественныхъ и официальныхъ случаяхъ.

Послѣ первой минуты остолбенѣнія, пойманные съ поличнымъ гимназисты оглянулись кругомъ, вспомнивъ про Грахова.

Его не было въ комнатѣ.

VIII.

Переночевавъ у дяди, Граховъ вернулся домой утромъ въ воскресенье.

Прохорова онъ засталъ ходившимъ по комнатѣ и тершимъ безпрестанно свой обширный лобъ ладонью.

Граховъ шутливо проговорилъ:

— Vale, amice.

Прохоровъ подумалъ нѣкоторое время надъ протянутой товарищемъ рукой, но, словно съ усиленіемъ, все-таки взялъ ее, но на привѣтствіе не отвѣтилъ ни однимъ словомъ.

Долго онъ ходилъ по комнатѣ, вдоль и поперекъ мѣряя ее своими тревожными шагами.

Долго слѣдилъ за нимъ Граховъ насмѣшливыми взорами. Онъ привыкъ видѣть Прохорова сильно не въ духѣ послѣ субботнихъ пооекъ. Онъ зналъ, что теперь лучше не лѣзть къ Прохорову съ разспросами. Голова у него, надо полагать, жестоко трещитъ. „Очухается“ — самъ все расскажетъ.

Прохоровъ раза два задерживалъ шаги около Грахова, но остановиться все не рѣшался.

Наконецъ, онъ облокотился на окно и ни съ того, ни съ

сего засвисталъ какую-то глупѣйшую арію, но скоро бросилъ. Взялъ книгу — тоже бросилъ. Какъ-то нетерпѣливо рванулъ въ сторону Грахова и заговорилъ:

— Послушай, Ваня! — онъ очень рѣдко называлъ его такимъ образомъ: — Зачѣмъ ты донесъ на насъ? А?

Граховъ вздрогнулъ и, широко раскрывши глаза, уставился ими на товарища; онъ даже раскрылъ ротъ, чтобы выругаться, но Прохоровъ не далъ ему выговорить ни слова.

— Ты, можетъ, замѣтилъ, когда вошелъ, продолжалъ онъ, быстро выговаривая слова: — можетъ замѣтилъ, что я блѣденъ. Да, я чувствую себя очень скверно. Я не спалъ всю ночь. Всю ночь до разсвѣта я думалъ о томъ, что ты донесъ на насъ. Я не боюсь того, что выйдетъ изъ этого обыска Эберса. Клянусь тебѣ, не отъ этого сонъ отлетѣлъ отъ меня. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Но ты? Ты, котораго я глубоко уважалъ, котораго привыкъ видѣть честнымъ, ты вдругъ оказался такимъ... Зачѣмъ?

— Прохоровъ! Пстой... Замолчи... Ты... вскричалъ Граховъ, словно ужаленный.

Но рѣзкое слово опьянило Прохорова, подобно тому, какъ звѣря раздражаетъ видъ имъ же пролитой крови. Сначала Прохоровъ говорилъ, видимо приготовивъ свою обличительную рѣчь, теперь же онъ продолжалъ уже экспромтомъ, брызгая во всѣ стороны слюной и сильно выпрямляясь.

— Молчать! Вѣрно говорю. Мы долго думали. Никто не могъ этого сдѣлать, кромѣ тебя. Никто. Вотъ дружба твоя съ учителями! Я тебя не разъ предостерегалъ. И ты еще осмѣлился издѣваться надъ нами. Пріятнаго веселья пожелалъ, а самъ отправился извѣстить кого слѣдуетъ... Ха, ха, ха... Самъ спрятался. Жалкій трусъ, искаріотъ. И кому донесъ? Эберсу! Не понимаю зачѣмъ. Одного этого не понимаю. За пятерку что-ли продалъ насъ; говори, зачѣмъ? съ уничтожающимъ злобнымъ презрѣніемъ воскликнулъ Прохоровъ и перевелъ духъ.

Лицо его было искажено негодованіемъ. Глаза горѣли. Но молчалъ онъ не долго; почти въ ту же минуту онъ заговорилъ снова, болѣе низкимъ голосомъ, недоумѣвая насчетъ молчанія и страннаго выраженія лица Грахова.

— Впрочемъ не надо, почти шепотомъ продолжалъ Прохоровъ, надѣвая пальто: — Одно скажу тебѣ, что когда я вер-

нись вечеромъ, чтобы тебя не было здѣсь... Вонъ твои шесть рублей... А то я тебя вытолкаю въ шею...

Прохоровъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Онъ спѣшилъ кончить эту сцену... Онъ чувствовалъ, что искусственно раздувалъ въ себѣ гнѣвъ... Онъ понималъ, что можетъ быть и пересолилъ нѣсколько... Его немного мучила совѣсть, что онъ не далъ выговорить Грахову ни слова въ оправданіе... Но онъ боялся это допустить... Онъ могъ размякнуть... Что сказали-бы товарищи? Поэтому онъ спѣшилъ высказать все, что ему казалось необходимымъ, чтобы уйти съ глазъ Грахова...

Граховъ въ первыя мгновенія послѣ ухода Прохорова все еще молчалъ... Мысли его работали, усиленно работали... Сердце еще не вступало въ свои права... Мучительно соображалъ онъ, откуда на него такая напасть, такое великое горе... Онъ сидѣлъ какъ очарованный...

Когда Прохоровъ затворилъ за собою дверь, Граховъ какъ-бы очнулся...

— Понимаю, да, понимаю, словно застоналъ онъ:—Прохоровъ, Прохоровъ!...

Выходная дверь громко хлопнула въ отвѣтъ.

IX.

Граховъ остался одинъ.

Донесъ, донесъ?? Онъ донесъ?..

— Да, донесъ! явственно слышался внутренній голосъ.

Донесъ на своихъ товарищей, которые его любили, которые ему вѣрили, съ которыми онъ пѣлъ одну пѣсню, пилъ изъ одного стакана, смѣялся одной остротѣ.

Прохоровъ его предостерегалъ отъ Густенева... Въ томъ то и дѣло, что предостерегалъ, и очень настойчиво... Ему памятенъ этотъ вечеръ... Прохоровъ, блѣдный, истомленный упорнымъ тифомъ, и онъ, Граховъ, уставшій ходить за нимъ, сидѣли на диванѣ... Въ домѣ было тихо... Лампа не была зажжена... Еще свѣтлые сумерки затопляли комнату густыми тѣнями. Пахло лекарствами... Нервы у обѣихъ были ослаблены... Души на распашку... Хотѣлось поговорить откровенно... Хотѣлось выдумать тайну, чтобы повѣрить ее сейчасъ, въ эту именно минуту; было досадно, что такой тайны нѣтъ

— Люблю я тебя и уважаю, Граховъ, говоритъ Прохоровъ слабымъ голосомъ:—потому и говорю тебѣ... Другому не сказалъ бы... Что мнѣ? Напрасно ты такъ очаровываешься Густеневымъ... Онъ — малый дрянъ, совсѣмъ дрянъ... Право такъ, братъ...

Онъ, Граховъ, горячо тогда всталъ на защиту своего любимаго наставника... Онъ сталъ даже больше вѣрить Густеневу послѣ этого разговора...

Да, его предупреждали! Ему приводили факты... Онъ на все закрывалъ глаза... Гдѣ у него былъ разсудокъ?

Еще воспоминаніе...

И это, даже это не остановило его влеченія къ Якову Ивановичу... Густеневъ не постыдился выболтать ему, Грахову, въ первое время ихъ знакомства про свою побѣду надъ одной барышней. Густеневъ хвастался своимъ успѣхомъ... Робко, какъ раскрывающійся бутонъ, она открылась ему въ любви. Какими глазами, вѣроятно, она глядѣла на него... А онъ съ самодовольной улыбкой разсказалъ объ этомъ Грахову... Пустой болтунъ... Однимъ словомъ, однимъ раскрытіемъ устъ онъ загрязнилъ чистое чувство... Тогда было очень больно Грахову... Ему было очень, очень жаль эту наивную барышню... Густеневъ ему нѣкоторое время былъ противень... Но онъ забылъ почему-то объ этомъ случаѣ... Почему забылъ? Не помнить. Но какъ смѣлъ забыть? Какъ смѣлъ вѣрить подобному человѣку... Ослѣпъ...

Виновать, виновать, виновать!

Онъ довелъ товарищей до крайне неприятнаго, а нѣкоторыхъ, можетъ быть, до ужаснаго положенія.

Эта мать Петрова... Онъ знаетъ, что для нея сынъ—это все, альфа и омега всего ея бытія... Онъ видѣлъ ея полныя слезы глаза, видѣлъ ея дрожащія губы, когда на актахъ Петровъ получалъ награду... Онъ зналъ, что въ сынѣ — ея счастье, и то, что выше счастья и жизни—материнская любовь. И Петрова, пожалуй, исключать изъ гимназін, благодаря винѣ его, Грахова... А другіе?.. Сколько слезъ прольется, сколько упрековъ вынесутъ товарищи... И все по его винѣ.

Надо заглазить это, «непремѣнно надо»... Но какъ?

Эберсъ взялся за это дѣло... Онъ не простить... Онъ не понимаетъ, что такое „простить“... Да и на мѣстѣ преступ-

ленія... Тутъ ничего нельзя сдѣлать... Ничего, ужасное слово, безнадежное понятіе... Оставь надежду навсегда. И онъ всему виной... Онъ одинъ... О, какъ ему хотѣлось, чтобы все было по-старому! Какъ сильно хотѣлось! Если бы это хотѣнье перевести въ дѣйствующую силу, то она мощно остановила бы водопадъ, заставила бы самый ураганъ дуть обратно... Но онъ все-таки ничего не можетъ сдѣлать... Онъ одно знаетъ, что исправить сдѣланнаго нельзя. Это несомнѣнно... Только муки, муки... Внутри Грахова все дрожало, дыханіе было неровно...

Безотчетно чувствовалось ему, что надо что-то сдѣлать, что нибудь дѣлать, куда-нибудь пойти...

«Пойти къ товарищамъ? Зачѣмъ? что онъ расскажетъ? зачѣмъ пойдетъ? Высказать, что онъ сказалъ не Эберсу самому, а Густеневу... Сугубый срамъ. Что онъ имъ объяснить, что прибавить къ извѣстному?.. Да и захотятъ-ли они сказать съ нимъ хоть одно слово...

Вонъ Прохоровъ не хочетъ даже видѣть его...

Граховъ подумалъ о Густеневѣ.

Вотъ куда нужно пойти...

Граховъ не зналъ, зачѣмъ это такъ нужно, но чувствовалъ, что Густеневъ—сообщникъ... Съ нимъ не стыдно, съ нимъ можно говорить съ меньшими муками... Да и онъ не отвернется отъ него, Грахова... Безотчетно тянуло его къ Густеневу...

Да надо было вообще уйти отсюда.

Граховъ помнилъ слова, сказанныя Прохоровымъ на прощаньи.

Взглядъ его упалъ на лежавшія на комодѣ деньги, оставленные Прохоровымъ. Остановился передъ ними Граховъ.

— Братъ или не братъ?

Денегъ у него не было. Отецъ пришлетъ нескоро. Но нѣтъ. Все-таки онъ не возьметъ ихъ.

Эти зеленыя бумажки казались ему вещественнымъ проклятіемъ, знакомъ отверженія, укоромъ, который и «на вороту можетъ повиснуть». Нѣтъ!

Граховъ остановился задумчиво среди комнаты и обвелъ ее грустнымъ взоромъ.

Сколько разъ онъ выходилъ отсюда, уѣзжалъ на цѣлые

мѣсяцы, и ни разу его душу не волновала даже тѣнь тѣхъ чувствъ, которыя теперь тѣснили и давили его грудь.

Вотъ его столъ у окна. Сколько передумано за нимъ. Здѣсь составлялъ онъ планы литературныхъ чтеній. Помнить онъ: недавно это трудное мѣсто изъ Горація онъ перевелъ здѣсь. Какое торжество для него было въ классѣ! Самъ учитель выжидалъ, что онъ скажетъ. Хитрый тоже. Небось, самъ не посмотрѣлъ дома.

А вотъ кушетка, на которой уже шесть лѣтъ, какъ онъ сиживалъ ежедневно по вечерамъ съ книгой въ рукахъ. Сколько героевъ проходило передъ нимъ.

Вотъ и дерево у самага окна... Береза, кажется; такъ душисто пахнетъ весной. Весенній вѣтеръ сносилъ сквозь открытое окно пахучую пыль на его столъ. Все это было его; все ему принадлежало по праву привычки, великому праву.

Онъ какъ-то машинально, автоматически наслаждался всѣмъ этимъ, самъ не замѣчая, отчего ему пріятно въ этой уютной комнатѣ. Теперь ему нужно уѣхать отсюда. Все это нужно оставить. Надо отвыкнуть отъ всего этого.

Грахову было тяжело, словно дорогого покойника опускали въ могилу.

Къ прежнимъ ощущеніямъ уколотой совѣсти присоединилась скорбь объ утраченномъ невозвратно прежнемъ положеніи. Что онъ теперь? Его любили. Главное, его уважали. И онъ себя уважалъ... Теперь...

Х.

Какъ у всякаго барона есть своя фантазія, такъ у каждаго изъ насъ, простыхъ смертныхъ, есть свой «пунктивъ», свой главенствующій, всезаглушающій стимулъ.

Когда онъ говорить—все молчать, уступаетъ сразу или послѣ долгой, упорной борьбы, но непременно уступаетъ... Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, всегда нужно подразумѣвать, что имъ руководить именно этотъ рычагъ, подобно тому, какъ если говорится: «пожалъ руку», то подразумѣвается, что пожатіе произошло посредствомъ руки.

Стимулы бываютъ разные, ибо создаются въ человѣкѣ различными условіями; бываютъ хорошіе и дурные.

Впрочемъ, и хорошее и дурное—это вещи настолько отно-

сительныя, что говорить о нихъ въ сопоставленіи по меньшей мѣрѣ тщетно...

Скажемъ прямо, что у Грахова тоже былъ свой «пунктикъ». Именно—самолюбіе...

Самолюбіе его выражалось въ замѣчательно тонкомъ чувствѣ чести. Это въ существѣ Грахова была вѣчно свѣжая больная ранка, — и малѣйшее прикосновеніе къ ней остро и глубоко отдавалось въ чуткой душѣ.

Граховъ болѣе всего дорожилъ мнѣніемъ другихъ. Самое несправедливое, ошибочное нареканіе на него мучило его и долго не давало ему успокоиться. Несмотря на то, что онъ, глубоко проанализировавши себя, находилъ, что онъ въ данномъ случаѣ правъ, не смотря на то, что онъ не могъ не сознавать, что мнѣніемъ даннаго лица не стоитъ дорожить, настолько ничтоженъ субъектъ, — все-таки его гнело и давило неприятное чувство, пока новыя впечатлѣнія не сглаживали мало-по-малу прежнихъ чувствъ.

Не было для него болѣе строгаго судьи, какъ онъ самъ. Постоянно слѣдилъ онъ за собой, постоянно обсуждалъ свои поступки, постоянно обнажалъ самыя сокровенныя закоулки души, ловя себя на полумысляхъ, — и часто краснѣлъ въ ночной тиши за какой-нибудь пустякъ, который, въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ своего происхожденія, кому-нибудь могъ показаться немножко неблаговиднымъ.

Самолюбіе Грахова доходило до страшной неувѣренности въ себѣ, до затягивающей склонности всѣхъ оправдывать, всѣхъ извинять... Оно дѣлало его оптимистомъ въ отношеніи къ другимъ.

Но ему самому было отъ этого еще хуже. Самолюбіе часто доводило его до самоуничженія, которымъ онъ снова мучился, ибо думалъ, что другіе примутъ его слова за напускную скромность, которая „паче гордости“. Часто страдалъ онъ глубоко ради мелкихъ предметовъ.

Понятно, что долженъ былъ почувствовать Граховъ, когда получилъ въ глаза отъ человѣка, котораго считалъ вполне порядочнымъ, клеймящее: «вонь»!

Но его положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что никогда не угасавшій и вѣчно сжигавшій его огонь сомнѣній и самобичеванія ярко и больно вспыхнулъ... и имѣлъ причину вспыхнуть.

Граховъ видѣлъ предъ собой какую-то пропасть, дышав-

шую на него муками и бѣдой .. Способный всегда увѣриться въ своей винѣ, часто только воображаемой по словамъ другихъ, — теперь онъ ясно видѣлъ, что сталъ несомнѣнной единственной причиной несчастья многихъ близкихъ ему людей...

И онъ страдалъ...

До сихъ поръ имя Грахова не было запятнано ничѣмъ... Оно такъ ревниво оберегалось имъ, что это обстоятельство многихъ приводило въ сильное смущеніе и искушеніе. За это многіе не особенно жаловали Грахова... Самъ Граховъ, какъ ни копался въ тайникахъ своей души, не находилъ тамъ все-таки такихъ проступковъ, чтобы могъ потерять самоуваженіе.

Нынѣ въ первый разъ Граховъ чувствовалъ, что сдѣлалъ неблаговидный, непростительный проступокъ... Не логичной рѣчью, не анализомъ, — но языкомъ чувства, тономъ голоса, недомолвкой, жестомъ пояснилъ-бы онъ, если-бы могъ уловить, тонкіе оттѣнки отношеній, поставившихъ его въ настоящее положеніе.

XI.

Скоро квартира Густенева.

У Грахова съ быстрой ходьбой мысли смѣнялись такъ-же быстро. Одно только ему постоянно и неизмѣнно казалось, что нужно что-то кончить... Онъ не зналъ точно — что, но ему хотѣлось скорѣй окончить... Его подмывало, словно за нимъ гнались...

Уже виднѣлся знакомый подъѣздъ... Двѣ тонкія желѣзныя жердочки поддерживали зонтикъ.

— Не сказать-ли Густеневу, какъ дурно онъ поступилъ, выдавши чужую тайну?

Но Граховъ думалъ объ этомъ какъ-то спокойно, словно самъ сознавалъ, что ничего подобнаго не скажетъ.

Густеневъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и, казалось, былъ сильно занятъ...

Столъ стоялъ противъ окна...

Яковъ Ивановичъ обѣими руками держалъ стереоскопъ.

Цѣлая груда картинокъ своимъ живописнымъ беспорядкомъ украшала столъ... На картинкахъ преобладали жанровыя сцены, дѣйствующія лица которыхъ были, по большей части, представлены въ небрежныхъ костюмахъ.

Въ сторонѣ лежало очень интересное изображеніе Леды, среди одного изъ столкновеній, «когда мы нехотя грѣшимъ».

Вошелъ Граховъ.

Яковъ Ивановичъ повернулъ къ нему свое горящее сухимъ, жаркимъ румянцемъ лицо.

— Ахъ, это вы? слишкомъ ужъ любезно привсталъ онъ, словно стараясь ласковымъ голосомъ заранѣе расположить вошедшаго въ свою пользу.

Но любезность была явно дѣланная.

Досада охватывала Густенева... Онъ не любилъ, когда ученики заставляли его за подобными занятіями, да и прервать раскладываніе интересныхъ картинокъ ему вовсе не хотѣлось такъ скоро и неожиданно.

Но Граховъ не замѣтилъ ни занятія своего учителя, ни впечатлѣнія, которое произвелъ на него своимъ приходомъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ собой, своими мыслями и соображеніями. Онъ вошелъ, словно не замѣчая куда, не замѣчая самого Густенева.

Склонивъ низко голову, подошелъ онъ къ креслу... Сѣлъ на него и опустилъ голову на руки, спрятавъ лицо въ ладоняхъ.

Нѣкоторое время оба сидѣли молча.

Густеневъ нѣсколько недоумѣвалъ.

— Что вы сдѣлали со мной, Яковъ Ивановичъ? проговорилъ наконецъ Граховъ, тихимъ, дрожащимъ голосомъ: — что вы со мной сдѣлали?

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Яковъ Ивановичъ, пошевелившись въ креслахъ.

— Вы рассказали Эберсу... Я вамъ повѣрилъ... Эберсъ обыскалъ моихъ товарищей!

Граховъ говорилъ словно самъ съ собой.

Густеневъ слушалъ его и начиналъ понимать въ чемъ дѣло...

Онъ, кажется, выболталъ чужую тайну... Не совсѣмъ хорошо. Густеневъ сжалъ губы...

Ему даже стало какъ-то неловко, словно совѣсть заговорила... Но скоро ему стало досадно, что этотъ мальчишка поставилъ его въ такое непріятное положеніе... Ужасно это непріятно, когда на сердцѣ что-то колобродитъ, словно кто тебя собираетъ выпороть.

И съ чего онъ связался съ этимъ Граховымъ? Глупо, глупо и глупо... Надо все это кончить.

Яковъ Ивановичъ въ затруднительныхъ случаяхъ кончалъ сразу, подобно Александру Македонскому, закрывши глаза, лишь-бы выпутаться, устранить причину неприятнаго положенія, а какъ это выйдетъ, какія послѣдствія произойдутъ для другихъ,—объ этомъ онъ мало думалъ.

Сильная досада закипала въ немъ...

— Еще упрекать пришелъ, обличитель... Самъ виноватъ, да еще...

— Я васъ не понимаю, вдругъ вскипѣлъ онъ, заговоривши громкимъ досадивымъ голосомъ: — Очень жаль... Но я-то тутъ при чемъ? Конечно, очень жаль, — Яковъ Ивановичъ иронически улыбнулся:—Конечно, очень скверно, что вы, какъ старая баба, не умѣете держать языкъ за зубами... Да, вообще, я вамъ долженъ сказать, что вы забываетесь, господинъ Граховъ. Помните, кто вы и кто я... Есть поговорка: посади свинью за столъ, она и ножки на столъ... Къ несчастью, я это узналъ нѣсколько поздно... Стараюсь исправиться, а потому попросилъ-бы васъ не докучать мнѣ своими посѣщеніями. Я слишкомъ мало имѣю времени, чтобы впутываться въ ваши дѣла, да еще такія грязныя... Прощайте!

Густеневъ еще разъ иронически скривилъ ротъ и вышелъ въ другую комнату, и переставлялъ тамъ досадливо мебель, въ ожиданіи ухода Грахова.

Граховъ, не ожидаль того, что случилось, но, услышавъ горькія слова, не особенно удивился уже... Его сердце такъ уже долго и сильно страдало, что новый ударъ вызвалъ только покорную, горькую улыбку... Словно Граховъ хотѣлъ сказать:—«ну, что-же? Бей, еще бей!» Все съ этой улыбкой, или скорѣе гримасой, онъ и вышелъ изъ квартиры...

Только на улицѣ, прошедшись нѣсколько, Граховъ началъ соображать въ точности, что такое только-что случилось съ нимъ. Сердечное онѣмѣніе, подѣ влияніемъ движенія и воздуха, прошло, и было, застывшія боли и муки снова неистово накинудись на свою добычу...

Граховъ шель, не обращая вниманія на толчки, которыми надѣляли его прохожіе и которыми онъ съ своей стороны безпокоилъ встрѣчавшихся пѣшеходовъ. Погруженный въ себя,

созерцая свое больное сердце, онъ не слышалъ подъ собою ногъ...

Его мучилъ вопросъ: зачѣмъ онъ приходилъ къ Густеневу? Онъ не давалъ себѣ отвѣта на этотъ вопросъ, не могъ его дать, но просто мучился. Это было чистое, такъ сказать, не мотивированное страданіе. Все было для него непонятно теперь, бессмысленно. Онъ только внималъ тоскливому сжатію сердца, онъ заслушивался своихъ страданій...

Мысли роились въ головѣ помимо его воли, и онъ глядѣлъ на нихъ часто съ удивленіемъ, словно на сюрпризъ, совершенно неожиданный...

Чувство виновности и угрызения совѣсти продолжало охватывать Грахова. Оно даже прогрессировало...

Вѣрно сказалъ Густеневъ, что онъ, Граховъ, одинъ виновать. Мало-ли какъ могъ выболтать Густеневъ. Онъ, Граховъ, даже не попросилъ его молчать.

Грахову показалось, что онъ себя словилъ на желаніи свалить свою вину на другого. Эта мысль его утвердила еще болѣе на мысли о собственной виновности, такъ сказать, дала новое доказательство въ пользу виновности...

Но вѣдь онъ самъ участвовалъ на субботнихъ прохоровскихъ вечерахъ. Самъ присутствовалъ. Онъ даже чувствовалъ извѣстную пріятность подобнаго препровожденія времени, хотя и не игралъ въ стуюлку и ничего не пилъ...

Это соображеніе, какъ свѣтлый лучъ въ потемкахъ, поразило Грахова и несказанно его обрадовало... Послѣ многихъ часовъ стѣсненія, его грудь расширилась какъ будто свободнѣй...

Грахову показалось, что находится желанный выходъ изъ невыносимаго положенія...

Онъ долженъ, онъ обязанъ, ему страшно хочется, ему необходимо понести наказаніе вмѣстѣ съ товарищами... Да, да.

Глаза его заискрились.

Онъ сколько возможно готовъ былъ отстаивать свое право быть наказаннымъ самымъ строгимъ образомъ, строже всѣхъ. Это право казалось ему священнымъ его правомъ, частью его существованія...

Къ Эберсу... Къ Эберсу!...

Граховъ лихорадочно оживился, вскочилъ на извощика и все погонялъ его, погонялъ...

XII.

На мягкомъ низенькомъ диванѣ, подъ шелковымъ одѣяломъ, полученнымъ въ приданое за женой, отдыхалъ послѣ обѣда, въ своемъ кабинетѣ Вячеславъ Викентьевичъ Эберсъ.

Глаза его были уже открыты.

Ему удалось выспаться такъ хорошо, что онъ самъ собой проснулся и былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Голова была свѣжа. Онъ совершенно не чувствовалъ на плечахъ ея присутствія. Онъ ласково гладилъ одною рукою свой лобъ, терявшій свои границы въ обширной лысинѣ, а другою держалъ сигару.

Взоры Вячеслава Викентьевича блуждали по удобной, комфортабельной обстановкѣ кабинета и съ особенной любовью останавливались на множествѣ цвѣтговъ. Эберсъ очень любилъ комнатныя растенія и держалъ великолѣпные и дорогіе экземпляры.

— Амалія! Амалія-а-а-а! сладко и протяжно зѣвнулъ Эберсъ, закрывая ротъ рукою и вытирая при этомъ наворачнувшіяся на глазахъ слезы.

Въ комнату вошла госпожа Эберсъ, съ сильно возвышеннымъ животомъ, пятнистымъ краснымъ лицомъ, въ затрапезной блузѣ, которая спереди подымалась отъ пола четверти на полторы.

Въ рукѣ Амалія Карловна держала большую кружку графенанаго хрусталя, наполненную пивомъ и увѣчанную пятнистымъ буторкомъ.

Эберсъ любилъ холодное пиво послѣ сна. Пиво онъ любилъ однако во всѣхъ видахъ, ибо на днѣ кружки съ этой влагой часто мерещились ему картины далекаго дѣтства, родныя лица, гористые пейзажи, гордость былого отечества....

Добрая жена сѣла на диванѣ около мужа, поставивши кружку на столикъ.

— О, спасибо, спасибо! Ну, такъ вотъ—хорошо, говорилъ Эберсъ, въ перемежку съ жадными глотками.

— А я лежу здѣсь да и думаю, что недостаетъ у меня **камелій**.

Эберса прервалъ стукъ въ дверь.

Стукъ былъ остороженъ и кратокъ.

Эберсъ не любилъ, чтобы его тревожили въ это время.

Даже дѣти не смѣли нарушать его послѣобѣденнаго супружескаго tête-a-tête.

— Э-э-э... Кто тамъ? Что нужно? досадливо вскрикнулъ Вячеславъ Викентьевичъ, поднявши брови.

Амалия Карловна вышла и скоро вернулась.

— Къ тебѣ, Вячеславъ Викентьевичъ, гимназистъ какой-то пришелъ... Приказать ему обождать? Отдохни право... Что это? Покою нѣтъ совсѣмъ...

Но Вячеславъ Викентьевичъ уже вскочилъ и надѣвалъ халатъ.

Онъ былъ очень доволенъ, что можно будетъ поболтать о гимназическихъ дѣлахъ. Этому именно ему не доставало для полнѣйшаго довольства настоящей минутой.

Кромѣ того, крайне пріятно было сознавать послѣ хорошаго «храповицкаго», что вотъ ему, бѣдному Эберсу, не даютъ покоя. Все дѣла, дѣла!

Вячеславъ Викентьевичъ, нахмуривши для формы брови и принявши солидный видъ, приказалъ ввести посѣтителя.

Въ комнату быстрыми шагами вошелъ Граховъ.

Лицо его было словно радостно, какъ-то лучилось.

Глаза горѣли надеждой.

Весь онъ былъ настроенъ какъ-то увѣренно и развязно, словно рѣшилъ труднѣйшую задачу и теперь пришелъ сдать ее, чтобы получить хорошую награду.

— Здравствуйте, Вячеславъ Викентьевичъ! проговорилъ онъ, кланаясь.

— А, Граховъ! Ну, такъ вотъ... Здравствуйте, заговорилъ Эберсъ, не то удивленный, не то что-то соображавшій или смаковавшій какую-то новую мысль:—Садитесь. Вы съ чѣмъ?..

— Я по дѣлу, Вячеславъ Викентьевичъ, храбро было началъ Граховъ, но тотчасъ-же запнулся:—Вы, Вячеславъ Викентьевичъ, словили моихъ товарищей въ предосудительныхъ занятіяхъ... Они, конечно, понесутъ наказаніе... Я, Вячеславъ Викентьевичъ, пришелъ къ вамъ за тѣмъ, чтобы сказать, что и я виноватъ такъ-же, какъ всѣ они... Я тоже присутствовалъ на этихъ вечерахъ... Я тоже участвовалъ.

Граховъ заволновался, ибо видѣлъ устремленнымъ на себя какой-то искрящійся, мигающій взглядъ Эберса...

— Я виноватъ одинаково...

— Тэ, тэ, тэ... Пойдите, голубчикъ мой, пойдите, добро-

душно и фамиллярно прервалъ Грахова Эберсъ:—Пусть языкъ не забѣгаетъ впередъ ума... *Вспомните греческую пословицу... Ваши товарищи (при этомъ имени лицо Эберса выразило солидную строгость судьи), ваши товарищи прямо и единодушно заявили, что вы лишь подчинялись необходимости, присутствуя на ихъ предосудительныхъ попойкахъ, что вы никогда не пили, никогда не играли и даже были на столько благоразумны, что часто уходили по субботамъ изъ дому... О, повѣрьте, Граховъ—(Эберсъ лукаво улыбнулся),—что если-бы вы были виноваты, то я самъ васъ позвалъ-бы... Но, я понимаю васъ... О, великолѣпно понимаю...

Вячеславъ Викентьевичъ дружески похлопалъ Грахова по плечу и на его лицѣ разцвѣла улыбка самодовольства...

Граховъ невольно отодвинулся отъ своего наставника. Гадко, гадко стало ему... Онъ понялъ, что товарищи возгнушались имъ, не хотѣли, чтобы онъ былъ наказанъ вмѣстѣ съ ними, поэтому и выгораживали его.

Горе сдавило горло горше прежняго...

Онъ молчалъ, тупо уставившись глазами въ козеръ, на которомъ изображено было единоборство желтаго тигра съ зеленой змѣей...

— О, вы знаете, Граховъ, я всегда справедливъ! *Regeat mundus justitia maneat!*.. Да, да... продолжалъ философствовать Эберсъ.

— Но, Вячеславъ Викентьевичъ, заговорилъ Граховъ съ рыданіями въ голосъ:—Вы... все-таки... меня... накажите... Накажите меня, Вячеславъ Викентьевичъ... Право накажите... Поймите, Бога ради, мое положеніе...—Граховъ покраснѣлъ до корня волосъ при послѣднихъ словахъ.

Въ головѣ его въ какомъ-то вихрѣ пронеслось множество самыхъ нелѣпыхъ, сумасшедшихъ средствъ заставить Эберса привлечь его къ отвѣтственности... Зарыдать громко, заломивши руки... Стать развѣ на колѣни?.. Или силой какъ-нибудь заставить?... Одно мгновенье Граховъ крѣпко стиснулъ зубы.

Но эти мысли также скоро исчезли... Отъ нихъ осталось только одно думанье, если можно такъ выразиться, осталась одна потребность выдумать.

— Ради всего святого, Вячеславъ Викентьевичъ, еще разъ повторилъ Граховъ.

— О, я понимаю васъ, заговорилъ снова Эберсъ, самымъ дружескимъ образомъ хлопая Грахова по колѣнкѣ: — Но по чести совѣтую вамъ: спрячьте эти чувства въ карманъ.. Въ карманъ... Хэ-хэ... Право, спрячьте...

Эберсъ два раза повторилъ свою фразу, считая подвернувшееся выраженіе необыкновенно русскимъ и острымъ.

Граховъ сидѣлъ молча, склонивъ свое блѣдное лицо и теребя руками полу мундира... Онъ ждалъ... Что еще скажетъ Эберсъ? Можетъ только ломается?

— Я ничего не могу сдѣлать... Ничего... Повторяю: я справедливъ... Вы не виноваты... Но я понимаю васъ и уважаю, голубчикъ... Вы не могли съ своею чистою юношеской душой выносить долго грязи этихъ вечеровъ... Это такъ понятно... И вы сообщили о нихъ кому слѣдуетъ...

Эберсъ видѣлъ, что Грахову не по себѣ и старался утѣшить его по добротѣ сердечной. Въ этихъ видахъ онъ рисовалъ Грахову его поступокъ, сообразно своимъ идеаламъ, съ самой выгодной точки зрѣнія.

— Теперь вы, продолжалъ Эберсъ свой анализъ:—право немного того... Изъ это бываетъ съ молодыми людьми... О, я понимаю... Всѣ мы были молоды... Право такъ...

— А-а-а, протянулъ безсмысленно Граховъ, вставая.

XIII.

Если-бы мы описывали только то, что чувствовалъ и ощущалъ Граховъ, удаляясь отъ низенькаго?домика Эберса, то мы были-бы обязаны оставить безъ вниманія слезы, катившіяся по лицу Грахова, ибо онъ ихъ не чувствовалъ и не замѣчалъ.

Послѣдній косвенный выходъ, который мерещился Грахову, оказался закрытымъ потому, что Эберсъ былъ «очень справедливъ».

Терпѣть горе можно. Бываютъ случаи, когда переносятся ужасающія нравственныя пытки, когда невольно думаешь, какъ это не разорвется сердце, какъ не растопится мозгъ. Но къ такимъ страданіямъ надо привыкнуть постепенно. Хуже-же всего, если среди мукъ вдругъ покажется просвѣтъ и также неожиданно исчезнетъ. Тогда... О, что тогда? Тогда именно бываетъ то, что теперь переживалось Граховымъ.

Надежда быстро въ немъ возрастала. Пострадать вмѣстѣ съ товарищами для него стало синонимомъ — помириться съ

ними, возвыситься до нихъ. При этомъ онъ непремѣнно предполагалъ, что это обстоятельство всѣ поймутъ именно такъ, какъ понималъ онъ самъ.

Теперь ему казалось, что страшнымъ ударомъ его сшибли съ почвы, на которую только-что стали всходить его усталыя ноги, что какая-то мутная, грязная волна схлестнула его съ зыбкаго песчанаго берега, въ который только-что начали вливаться его скрюченныя руки. Онъ чувствовалъ: все потеряно! — и все вспоминалъ, мучительно долго вспоминалъ, какъ его хвалили этотъ Эберсъ.

Его лишили, такъ тонко-предусмотрительно лишили послѣдняго средства хоть отчасти загладить свою вину, и Граховъ понялъ это такимъ образомъ, что его этимъ хотѣли наказать. Онъ такъ понялъ потому, что трудно было въ данную минуту придумать наказаніе горше...

Сильно измученъ былъ Граховъ предшествовавшими тревоженіями. Теперь онъ испытывалъ чувство подобное тому, какое бываетъ, когда прорвется мучительный нарывъ. Долго онъ зудилъ и дергалъ, и наконецъ съ болью лопнулъ. Вы чувствуете, что болѣзнь кончается, но все-таки сильно страдаете. Такъ и Граховъ. Онъ чувствовалъ, что уже наказанъ, что его вина до нѣкоторой степени разрѣшена. Онъ наказанъ за дѣло, справедливо, но все-таки онъ мучился самимъ наказаніемъ и чувствомъ полнѣйшей неизвѣстности. Что будетъ дальше? Какъ установятся его отношенія съ товарищами на новой почвѣ?...

Да и слишкомъ сильно болѣла душа, чтобы сразу успокоиться.

А слезы все текли, замерзая на сѣромъ драпѣ, покрывавшемъ пальто Грахова...

Понемногу Граховъ сталъ замѣчать ихъ. А потомъ обрадовался имъ и заплакалъ...

XIV.

На квартиру своего дяди Граховъ пришелъ только въ концѣ девятаго часа. Въ столовой уже накрыли столъ для ужина. Кое-какъ объяснивъ свое появленіе и намѣреніе временно поселиться у старика, Граховъ съ нетерпѣніемъ дожидался того времени, когда его оставятъ одного.

Послѣ недавнихъ слезъ, онъ находился въ томъ отупѣніи,

какое всегда сопровождаютъ долгія рыданія. Чувствуется усталость.

Послѣ короткаго ужина, котораго Граховъ почти не замѣтилъ, онъ вошелъ, наконецъ, въ приготовленную для него комнату, еще болѣе потерянный и усталый отъ необходимыхъ разговоровъ въ столовой.

Дѣйствія его были механическими.

По привычкѣ онъ опустился въ кресла, по привычкѣ протянулъ ноги на стулъ, вовсе не потому, чтобы заботился въ настоящее время объ удобствахъ, а, повторяю, только по привычкѣ. Также машинально вынулъ онъ изъ ряда переплетовъ на этажеркѣ книгу, просто потому, что чтеніе передъ сномъ давно вошло въ кругъ ежедневныхъ его привычекъ.

Но спроси его кто-нибудь: что ты дѣлаешь?—едва-ли его отвѣтъ обрисовалъ-бы собою весь рядъ совершенныхъ имъ дѣйствій. А глаза были пустыми какими-то...

Довольно долго глядѣлъ онъ въ книгу, и губы его шептали прочитанныя слова, но мысль еще не участвовала въ работѣ.

Въ головѣ было пусто, но въ то-же время суетливо.

Подобно тому, какъ огромный коршунъ, среди яснаго дня, падаетъ съ небесъ на цѣлую стаю весело щебечущихъ птичекъ, и жалкія, хрупкія созданія разлетаются во всѣ стороны, сами не зная, куда направить полетъ свой, — такъ несчастіе неожиданно ударило на голову Грахова, и мысли его были разбиты и бродили въ головѣ рѣшительно безъ всякаго строя.

Наконецъ, одно слово, попавшееся на страницѣ, пробудило Грахова отъ забытья.

Странныя чувства поднялись въ душѣ... Странныя чувства возникли въ мозгу...

Граховъ опустилъ книгу на колѣна, откинулся на спинку кресла и полузакрѣлъ глаза.

Неотступно лѣзло въ голову воспоминаніе изъ давно пережитой и уже, по большей части, забытой дѣтской жизни...

Онъ въ своемъ родительскомъ домѣ.

Мать Грахова больна, очень больна.

Уже нѣсколько дней сестра его, мамки, няньки и приживалки, которыхъ что-то особенно много теперь въ квартирѣ, тайкомъ отираютъ слезы и часто между собой шепчутся, ка-

чая головами. Отецъ часто вздыхаетъ (Ваня не помнилъ его плачущимъ) и тоскливо ласкаетъ Ваню по головкѣ.

Но Ванѣ не скучно. Ваня не плачетъ. Ему даже нравится эта безшумная, мертвенная суета. Онъ доволенъ также тѣмъ, что ему каждый день даютъ все новые и новые пузырьки и баночки отъ лекарствъ, истребленныхъ больно́й. Онъ ихъ моетъ, у него цѣлая аптека въ углу. Есть даже много полочекъ и всѣ полны. Въ его аптекѣ такъ чисто, хорошо. Ваня самъ моетъ полъ два раза въ недѣлю.

Маму Ваня видитъ ежедневно.

Она худа, блѣдна, но ласково ему улыбается, говорить съ нимъ немножко, и онъ доволенъ, совершенно доволенъ.

Матери становилось все хуже и хуже...

— Милый Ваня, сказалъ однажды отецъ: — сейчасъ принесутъ изъ монастыря икону, и будутъ служить священники. Молись Богу и угоднику святому Пантелеймону, чтобы мама не умерла.

И папа какъ-то захлебнулся.

— Какъ умерла? спросилъ Ваня, схвативъ отца за руку.

— Такъ, не станеть твоей мамы съ нами. Унесутъ ее въ гробу и заркоутъ въ землю. А мы съ тобой одни останемся, съ братишками.

Отецъ отвернулся и вынулъ зачѣмъ-то платокъ...

— Маму заркоутъ въ землю!

Ванѣ стало ужасно жалко маму.

Принесли большую икону, въ богатой золотой ризѣ. Поставили ее въ уголъ на столѣ, зажгли передъ ней много, много свѣчей, и «священники», въ блестящихъ одеждахъ, стали пѣть въ полголоса.

Вани не было видно.

Въ отдаленномъ углу, за креслами, стоялъ онъ на колѣнахъ и молился.

Онъ не видалъ ничего вокругъ, пересталъ даже слышать пѣніе. Только изъ за высокаго по́па сіялъ ему въ глаза край свѣтлой ризы, облитый красноватымъ трепетнымъ свѣтомъ, и, глядя на него, молился Ваня.

— Боже, спаси маму! Угодникъ, спаси маму!

Двѣ фразы составляли молитву; но въ нее Ваня вкладывалъ всю свою дѣтскую душу, все свое вниманіе, всѣ свои стремле-

нiя. Это былъ согласный аккордъ, въ которомъ сливалось все его духовное существо.

Ваня зналъ, что «молитва съ вѣрой»,—двигаетъ горы. Это такъ часто ему повторяли. Теперь Ваня старался произносить слова съ вѣрой и даже словно приказывалъ Божеству, и самъ, въ концѣ концовъ, увѣрился вполнѣ, что мама останется съ нимъ и съ папой, что маму не зарюютъ.

Божинька долженъ сдѣлать это: Ваня молился съ вѣрой...
Пронесся слабый крикъ...

Всѣ бросились въ спальню, гдѣ лежала больная мать Вани.

Священникъ и дьяконъ, оставшись одни, въ замѣшательствѣ остановились.

Они чувствовали такое-же ощущенiе, какое испытываешь, натагивая крѣпко струну и ожидая, что вотъ, вотъ она сейчасъ лопнетъ и хлестнетъ тебя больно, больно по лицу, а то и глазъ выбьетъ.

Изъ дверей спальни вышелъ докторъ, старавшiйся скорчить огорченную рожу. Священникъ, давнишнiй духовникъ больной, быстро спросилъ его:

— Ну, что тамъ, докторъ?

— Все кончено, отвѣчалъ эскулапъ, огорченно потрясая головой:—Умерла сію минуту.

Попъ медленно повернулся къ иконѣ, посмотрѣлъ на нее, на псалтырь, потомъ на дверь, за которой теперь лежалъ трупъ—и, нервно перекрививши губы, почти сорвалъ съ себя эпитрахиль и сунулъ книгу въ руки псаломщика.

Онъ ушелъ, не кончивши службы.

Ваня, услышавъ слова доктора, сначала не повѣрилъ, что его мать умерла. Вѣдь онъ-же молился съ вѣрой!.. Ваня въ недоумѣнiи оставался на колѣнахъ, схватившись рукой за ручку кресла.

Вышелъ отецъ, съ красными глазами; онъ порывисто дышалъ и вздрагивалъ.

— Папа, папа! вскричалъ мальчикъ, подбѣгая къ отцу:— вѣдь мама останется съ нами, ее не зарюютъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, маму твою взялъ Боженька. Она умерла...

— Но вѣдь я, папа, молился... Я съ вѣрой молился, папа!
Отецъ махнулъ рукой и вышелъ.

— Умерла!

У Вани словно оборвалось что-то внутри.

XV.

Гимназическій корридоръ пусть...

Но чувствуется жизнь за этими стеклянными дверями, что вытянулись двумя длинными линиями по бѣлымъ стѣнамъ.

Тамъ дрогнетъ стекло; оттуда донесется и гулко раздастся подъ сводами возгласъ крикливаго учителя; наконецъ, откроется классная дверь и, оглядываясь, нѣтъ-ли по близости директора, выскочить изъ нея гимназистикъ и на ципочкахъ побѣжить куда-то вдаль...

Директоръ N—ской гимназiи до такой степени не любилъ выходовъ учениковъ изъ класса во время лекцій, что не разъ маленькимъ мальчикамъ приходилось со второго-же урока отправляться прямо домой, а нянька, приводя въ порядокъ такого, несвоевременно возвратившагося питомца, долго ворчала и отшлеивалась, называя его «не маленькимъ», утверждая, что «его уже женить пора», а онъ, и проч.

Да еще тишину нарушаютъ чьи-то мѣрные шаги. То прохаживается соскучившійся въ дежурной комнатѣ надзиратель, тоскливо поглядывая въ классныя двери и наивно воображая, что дѣлаетъ дѣло.

Однако, не смотря на эти шумы, корридоръ прежде всего производилъ впечатлѣніе чиннаго, даже таинственнаго молчанія.

На монументальныхъ часахъ пробило двѣнадцать. Средишепчущей тишины раздалась звонкая трель колокольчика, производимая искусной рукой швейцара, худоцаваго отставнаго унтера, объяснявшагося со всѣми не иначе, какъ аллегоріями и загадками. Эта особенность столь глубоко лежала въ натурѣ Стратона, что онъ и директору какъ-то, подъ веселую руку, загнулъ такую притчу, что едва не лишился насиженнаго мѣстечка.

Вышелъ Стратонъ изъ швейцарской, глянулъ на часы и важно, съ чувствомъ исполняемаго долга, трясетъ рукой, вооруженной звонкомъ довольно почтенныхъ размѣровъ. Даже глаза полузакрываетъ сѣдой старикъ и голову склонилъ на одинъ бокъ, словно прислушивался къ какимъ-нибудь чуднымъ, невѣдомымъ звукамъ. Онъ чувствуетъ себя до нѣкоторой степени волшебникомъ, способнымъ однимъ мановеніемъ руки напол-

нить этотъ тихій корридоръ веселымъ смѣхомъ, говоромъ и торопливыми шагами.

Звонокъ разсыпчато заливался, отражаясь подъ сводами высокаго потолка.

По всему корридору разлилось какое-то сдавленное жужжаніе или гудѣніе, потомъ сразу распахнулось нѣсколько дверей, и оттуда выбѣжали педагоги въ синихъ фракахъ, съ журналами въ рукахъ, привыкшіе уже сохранять въ этихъ случаяхъ достоинство на своихъ геморроидальныхъ лицахъ, но въ сущности довольные не менѣ шумливой молодой толпы, хлынувшей за ними въ корридоръ и оставившей за собою двери открытыми настежь.

Впереди «перемѣна» въ полчаса, такъ называемая большая перемѣна.

Гимназисты спѣшаютъ внизъ, въ подвальный этажъ зданія, гдѣ уже давно стоитъ булочникъ Степанъ, разложивъ на коробкахъ свои, соблазнительные для отощавшихъ желудковъ, гастрономическіе припасы, въ видѣ разнаго рода булокъ, кусочковъ вареной колбасы, пирожковъ, яблокъ и т. п.

Торгашъ ласково улыбался обступившей его толпѣ и, ни мало не конфузясь, наживалъ двѣсти на сто. Голодные ученики быстро хватали закуски.

Какой-то толстый семиклассникъ важно стоялъ впереди всѣхъ и съ достоинствомъ богатаго человѣка запикивалъ въ ротъ пирожокъ за пирожкомъ. Изъ-за него, почти изъ подъ него, бѣлобрысенькій, хорошенькій мальчикъ высматривалъ завтракъ по карману. Дѣло въ томъ, что ему отецъ отпускалъ всего три копѣйки въ день. Теперь противоположные интересы смущали душу ребенка.

— Взять пирожокъ? думалось ему:— Голодно. Лучше сайку! Не вкусно.

Долго выбиралъ онъ и, тяжело вздохнувъ, остановился на колбасѣ съ пеклеванникомъ.

Съ другой стороны къ Степану подошелъ высокій, сухой воспитанникъ съ длинными руками и быстрыми глазами. Онъ что-то толковалъ булочнику, который смотрѣлъ въ свою долговую книжку и съ сомнѣніемъ качалъ головой. Гимназистъ трепалъ развязно торгаша по плечу, приговаривая: «ну, дурашка, дурашка!» и протягивалъ руку къ булкамъ.

Булочникъ уступилъ. Длиннорукой гимназистъ съ облегчен-

ной душой запустилъ свои желтые зубы въ румяный бокъ розана.

Проходили мимо коробовъ Степана и ничего не покупавшіе ученики, бросавшіе на товары булочника или проницскіе, или скорбные взгляды, смотря по силѣ характера. Они нѣсколько разъ сознавались товарищамъ, что, откровенно говоря, не хотятъ портить обѣденнаго аппетита всякой «дрянью».

Подходилъ къ незатѣшливому буфету и надзиратель Швецовъ, Семень Ивановичъ, приземистый старикъ, чрезвычайно напичкавшій приказнаго стараго типа, при воспоминаніи о которомъ въ воображеніи невольно рисуются: ситцевый росписной платокъ, запахъ табаку съ жасминомъ, длиннополый скюртукъ, сизый носъ съ вѣчнымъ катарромъ.

На свои средства, впрочемъ, Швецовъ никогда не завтракалъ: его всегда «подводили» ученики.

Теперь его подъ руку, фамиллярно и въ то-же время съ должнымъ почтеніемъ подталкивалъ гимназистъ съ плутоватымъ лицомъ и что-то нашептывалъ ему на ухо. Швецовъ хитродобродушно мигалъ глазами, грозилъ пальцемъ и въ то-же время, какъ-то склонивъ голову на бокъ, высматривалъ въ коробкѣ добычу.

— Пожалуйста ужъ, Семень Ивановичъ! лебезилъ гимназистъ.

— Ладно, ладно, хэ, хэ!...

Такъ текла здѣсь, въ этой сводчатой, грязной и холодной комнатѣ нижняго этажа, «перебѣнная» жизнь. Но въ этотъ день въ ней чувствовался пробѣлъ: не завтракало ни одного восьмиклассника. Особенно по поводу сего событія скорбилъ Степанъ, считая оставшіяся, наиболѣе дорогія, закуски. Восьмиклассники ѣли много и выбирали всегда что получше.

XVI.

Въ восьмомъ классѣ происходило что-то необычайное. Послѣ ухода учителя сразу поднялся невообразимый шумъ. Говоръ загремѣлъ, словно хлынулъ долго сдерживаемый потокъ. Отрывки горячихъ рѣчей, энергическія восклицанія потрясали душную классную атмосферу. Никто, противъ обыкновенія, не вышелъ изъ класса, даже двери были крѣпко захлопнуты.

Молодые люди расположились каждый по своему, въ самыхъ свободныхъ и чепринужденныхъ позахъ.

Одни стояли, заложивъ руки въ карманы и раскачиваясь взадъ и впередъ. Другіе сидѣли на партахъ, небрежно посваливъ на полъ и посявлявъ свои учебники. Смирнѣйшіе остались на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ, и только по вытянутымъ шеямъ и внимательнымъ взорамъ можно было догадаться о важности минуты.

Было похоже на то, что продолжался горячій разговоръ, прерванный назадъ тому часъ приходомъ учителя. Кричали всѣ сразу, мало кто слушалъ.

— Невиданная гадость! гремѣло въ одномъ углу.

— Онъ! Больше никому! За это его... раздавалось въ другомъ концѣ класса.

— И струсилъ самъ, не явился! Дѣло явное...

Можно было схватить отдѣльные слова, короткія фразы, но угадать—отъ кого они исходятъ было-бы очень трудно, когда чей-то зычный голосъ прорѣзалъ эту шумную бесѣду.

— Господа!.. Тише! Такъ мы никогда ни къ чему не придемъ... Слушайте!..

Это былъ голосъ плотнаго гимназиста съ бычачьей шеей, Лопарева. Лопаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣются непременно въ каждомъ кружкѣ. Они сами ничего обыкновенно не говорятъ, внимательно слушаютъ, мало понимаютъ, но при возникающемъ беспорядкѣ немедленно пускаютъ въ дѣло свои могучія легкія и разыгрываютъ роль вѣчеваго колокола. Сдѣлавши свое дѣло, они снова слушаютъ рѣчи другихъ, сохраняя неизмѣнное достоинство въ позѣ и лицѣ.

Гамъ стихъ настолько, что ясно была слышна тихая рѣчь высокаго, худощаваго гимназиста, сидѣвшаго на столѣ.

— Господа, зажурчалъ его пріятный теноръ: — позвольте формулировать все, что здѣсь было говорено сегодня... Такимъ образомъ мы скорѣй придемъ къ цѣли... Не перебивайте меня, господа! Дайте досказать!.. Очевидно, всѣ наши желанія сводятся къ тому, чтобы наказать Грахова.

— Ну, да! раздалось нѣсколько голосовъ, обладателямъ которыхъ начало рѣчи показалось слишкомъ важнымъ и скучнымъ.

— Что наказать его слѣдуетъ,—это несомнѣнно... Остается лишь рѣшить—какъ? продолжалъ спокойно умозаключать Храбровъ и обвелъ глазами товарищей.

Этотъ высокій юноша былъ почти во всемъ антиподомъ Лопарева. Его дѣломъ было привести споръ къ разрѣшенію, воспользовавшись тишиной, водворенной «гласомъ велимъ» Лопарева. Онъ представлялъ внутреннюю, умственную силу, тогда какъ Лопаревъ былъ олицетвореніемъ внѣшняго порядка, поскольку онъ водворяется грубой внѣшней силой...

— Вздуть его!

— Отколотить негодя! сразу раздались два голоса и прозвучали какимъ-то диссонансомъ въ молчавшемъ классѣ. Многіе хотѣли сказать то-же, но когда услышали свою мысль громко высказанною, то про себя устыдились.

Оба энергичные оратора сразу осѣклись и почувствовали себя ужасно неловко.

• — Какъ было-бы хорошо, если-бы я этого не говорилъ! вертѣлось у каждаго изъ нихъ въ головѣ.

На нихъ обернулись и нѣсколько строго посмотрѣли. Особенно старались показать недовольство именно тѣмъ, которые чуть сами не попали въ подобное положеніе.

«Вздуть!» Въ восьмомъ классѣ и «вздуть!».

Подобная расправа приличествуетъ ученикамъ приготовительнаго класса, «приготовишкамъ»... Но они, восьмиклассники, люди взрослые, почти самостоятельные; какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, и они — студенты.

— Фи, господа, заговорилъ Храбровъ, являясь выразителемъ общаго настроенія:—бить! Это негодится... Избивши его, мы сами пожалуй почувствуемъ, что виноваты передъ нимъ... Всегда такъ бываетъ.—А этого-то и не хотѣлось бы! Вотъ что я хотѣлъ вамъ предложить...

Всѣ насторожились... Перебивать никто не думалъ уже. Дѣло и такъ хорошо выяснялось.

— Ну! даже воскликнулъ одинъ, не сдержавъ нетерпѣнія. Храбровъ медлилъ.

— Господа, какъ-то важно, наконецъ, началъ онъ, и волненіе слышалось въ голосѣ:—мы не маленькіе уже... Онъ, Граховъ, поступилъ тоже не какъ мальчишка...

Дверь дрогнула и открылась.

Вошелъ Эберсъ съ журналами въ рукахъ.

Всѣ встали. Нѣкоторые потупили голову, другіе смотрѣли

куда-то за учителя, словно не замѣчали еще его... Всѣ оставались подъ впечатлѣніемъ предшествовавшей минуты.

Лекція пошла своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Эберсъ что-то объяснялъ, что-то выговаривалъ; ученики строили привычныя внимательныя фізіономіи, хотя мало понимали его рѣчи.

По рукамъ ходила мелко исписанная бумажка, начавшая свое движеніе отъ Храброва.

Всякій украдкой отъ учителя прочитывалъ ее, какъ-то скося глаза и держа лице неизмѣнно обращеннымъ къ кафедрѣ, что-то писалъ на ней и расчеркивался, затѣмъ также украдкой передавалъ опасную бумажку дальше и дальше. Такимъ образомъ она дошла и до жалкаго, позабитаго гимназистика, который одинъ изъ всего восьмого класса былъ безотвѣтною мишенью для всевозможныхъ издѣвокъ и остротъ товарищей и учителей... Его тихій и сдержанный характеръ, конечно, только усиливалъ нападенія...

Прочитавши секретное посланіе, робкій юноша вдругъ вспыхнулъ весь, какъ маковъ цвѣтъ, и чего-то засуетился... Домбовскій сразу какъ-то вообразилъ себя на мѣстѣ Грахова.

Эберсъ, въ качествѣ проникательнаго начальника и тонкой штуки по части открытія всякихъ ученическихъ продѣлокъ, сейчасъ-же замѣтилъ смущенное положеніе бѣднаго Домбовскаго.

— Что съ вами, Домбовскій? Что это у васъ въ рукахъ? неожиданно прервалъ свои розказы педагогъ, быстро соскочивши съ кафедры и подбѣгая къ смущенному ученику.

Всѣ напряженно слѣдили за развитіемъ этой сцены...

Вдѣ время замѣтивъ приступъ учителя, Домбовскій моментально скомкалъ бумажку и сунулъ ее въ карманъ. Наставникъ, ничто же усумняся, схватилъ догадливаго питомца за руку и также полѣзъ къ нему въ карманъ... Онъ никогда не останавливался предъ подобными мелочами, когда предстояло открыть какое-нибудь любопытное проказничество...

Растерявпійся Домбовскій успѣлъ, однако, энергичнымъ движеніемъ вырвать свою руку и запихнуть злополучную бумажку себѣ въ ротъ, точно такъ, какъ дѣлывалъ это въ далекомъ дѣтствѣ, когда маленькая сестренка Зина хотѣла иной разъ отнять у него вкусный пряникъ,—дѣлалъ потому, что всегда считалъ свой ротъ мѣстомъ священнымъ и неприкосно-

веннымъ, откуда даже самъ отецъ не дерзалъ что-либо взять...

Доблестный наставникъ, видя, что все потеряно, неловко остановился и, поворотивъ озаряемое глупой улыбкой лицо къ классу, произнесъ такимъ тономъ словно раздумывалъ объ чемъ-то:

— Ну, такъ вотъ... Всегда такъ...

Ученики невольно улыбнулись.

Домбовскій, неловко проглотивши бумажку, скривилъ лицо невозможнѣйшимъ образомъ и даже закаплялся.

— Вы пойдете со мной послѣ класса къ директору! неожиданно озлился и закричалъ Эберсъ:—Это чортъ знаетъ что! Невѣжи!..

Книга, которую педагогъ держалъ въ рукѣ, полетѣла подъ классную доску и, растрепавшись отъ быстрого воздухоплаванія, крѣпко шлепнулась корешкомъ объ стѣну.

Тихими, словно усталыми шагами, отправился Эберсъ къ кафедрѣ и молча сѣлъ въ кресло, закрывъ лицо руками; онъ старался успокоиться. Онъ чувствовалъ, что въ классѣ произошло что-то неладное, и съ разу почему-то замѣтилъ, что обычное мѣсто Грахова пусто. Долго сидѣлъ такимъ образомъ Вячеславъ Викентьевичъ, ожидая, не догадается-ли кто поднять его книгу.

Всѣ молчали и неподвижно держали голову, стараясь не встрѣчаться съ Эберсомъ взоромъ.

Кряхтя подъ своими пятидесятью годами, полѣзъ педагогъ подъ доску за книгой и уловилъ легкую улыбку учениковъ, которою они привѣтствовали его гимнастическое упражненіе.

Урокъ пошелъ еще вялѣе.

Скоро раздался звонокъ... Всѣ вздохнули свободнѣе...

Домбовскій былъ оставленъ директоромъ безъ обѣда въ карцерѣ за «скрытность» и даже почему-то за «обманъ».

На роковой-же бумажкѣ подробно была изображена судьба, ожидавшая Грахова въ самомъ близкомъ будущемъ.

XVII.

Послѣ Эберса наступала послѣдняя лекція, французскаго языка.

«Нѣмцы», т. е. слушающіе одинъ нѣмецкій языкъ, пособрали свои ранцы и отправились домой, подсмѣиваясь надъ своими исконными врагами, «французами».

Между оставшимися французами не заходило болѣе и рѣчи о событіяхъ предшествовавшей лекціи. Всѣ, словно сговорившись, обходили больное мѣсто. Тяжело было вспоминать почему-то. Хотѣлось отдохнуть отъ сильныхъ впечатлѣній, только-что пережитыхъ.

Въ классѣ царило большое оживленіе, но оно отзывалось какою-то нервностью, лихорадочностью, даже какъ будто дѣланностью, какъ бываетъ это послѣ окончанія труднаго, но интереснаго дѣла.

Остроты, буффонады, болѣе или менѣе удачныя, сыпались со всѣхъ сторонъ. Смѣялись всякому слову.

Ученики были очень довольны, что наступаетъ урокъ Ивана Ивановича Гарнье. Предстояло много потѣшнаго. Будетъ на чемъ отдохнуть взволнованному уму и сердцу.

Были сдѣланы кой-какія приготовленія.

На кафедре вмѣсто чернильницы поставлена была высокая аптекарская стеклянка съ чернилами на самомъ донышкѣ и положена коротенькая ручка.

Со вторымъ звонкомъ быстрой, размахистой походкой вошелъ въ классъ Гарнье.

Это было добрѣйшее и бесполезнѣйшее существо. Ученики и ихъ родители много разъ упорно задавали себѣ вопросы: зачѣмъ Гарнье торчитъ въ гимназіи? Почему французскій языкъ не преподается хоть мало-мальски сносно?

Отвѣчать на эти докучливые вопросы могъ-бы только директоръ N—ской гимназіи, который неизмѣнно покровительствовалъ Гарнье и оставлялъ его уже два раза на пятнадцатилѣтіе послѣ двадцатипятилѣтней службы. Конечно, нельзя было не любить этого въ высшей степени приличнаго старика, всегда вылощеннаго, благоухающаго и, въ свою очередь, видѣвшаго въ директорѣ воплощеніе разума на землѣ.

Ученики не были озлоблены противъ Гарнье, но безконечно презирали его, какъ человѣка ничего не понимающаго въ своемъ присяжномъ дѣлѣ и получающаго жалованье даромъ.

Когда Гарнье вошелъ въ классъ, ученики съ комической послѣдностью повскакивали со своихъ мѣстъ и громко провозгласили:

— Здравсте, Иванъ Иванчъ! Этого они не позволяли себѣ ни съ однимъ учителемъ, кромѣ Гарнье.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! мелко закиваль

своей маленькой головкой Гарнье, направляясь къ кафедру и стараясь показать, что подобная встрѣча учителю — вещь необыкновенно приличная и пріятная.

Развернувъ журналъ для необходимыхъ отмѣтокъ, Гарнье съ добродушной улыбкой скосилъ прищуренные глазки на пузырьки съ чернилами и сталъ осторожно опускать туда ручку за самый кончикъ. Онъ производилъ эту операцію граціозно и отчетливо; ученики улыбались, словно созерцали искусное акробатическое представленіе.

На лицѣ почтеннаго педагога неизмѣнно было начертано:

— Нѣтъ ужъ, господа, меня-то вы не разсердите! Изъ-за васъ сердиться я не стану!

И дѣйствительно, его нельзя было раздражить. Если онъ и кипятился иногда, то «нарочно», для видимости, наивно воображая, что можетъ этимъ устроить шалуновъ.

Справившись съ чернилами, Гарнье съ облегченіемъ вздохнулъ и сошелъ съ кафедры.

— Что у насъ сегодня, господа? спросилъ онъ, потирая руки и ласково улыбаясь, при чемъ его свѣтлые глазки со всѣмъ спрятались въ набѣжавшихъ со всего лица морщинахъ

— Понедѣльникъ!

— Понедѣльникъ!

— Понедѣльник-о-о-о...

Разнеслось по классу громко и съ раскатцемъ.

— Нѣтъ, тряхнулъ головою Гарнье:—Что задано?

— Ничего! Ничего! Ничего-о-о...

Снова раскатилось по почти пустой комнатѣ.

— Какъ ничего? проговорилъ Гарнье, поднимая плечи.

Онъ казался страшно изумленнымъ, даже пораженнымъ, не смотря на то, что подобная-же исторія повторялась почти каждый классъ.

— Такъ, ничего-о-о!..

— Ну, полно-же, полно! отечески внушалъ Гарнье той части учениковъ, которая особенно усердно выводила громогласное «о-о-о».

— Ну, будемъ переводить à livre ouvert, вздохнулъ Гарнье:— Начинайте, Скоростевъ, пожалуйста. Je vous prie.

Со скамьи поднялся, вовсе не ожидавшій такой напасти, Скоростевъ, со ртомъ до того набитымъ булкой, что онъ не могъ произнести ни малѣйшаго звука, а издавалъ только мы-

чапіе. Онъ былъ знакомъ съ Гарнье, говорилъ съ нимъ по-французски, а потому никогда не былъ вызываемъ въ классѣ, и вдругъ—такая оплошность со стороны Гарнье.

Теперь для выигранія времени пришлось искать книгу. Ея, конечно, нигдѣ не оказывалось.

— Вотъ тутъ была, мычалъ Скоростевъ, залѣзая зачѣмъ-то подъ столъ.

Наконецъ, кое-какъ справившись, Скоростевъ началъ переводить, затыкаясь за незнаніемъ словъ чуть не на каждомъ словѣ. Переводъ попался трудный...

— Директоръ... Директоръ... Директоръ!.. вдругъ разнесся по классу сначала тихій, а потомъ все усиливающійся шепотъ. И взоры учениковъ устремились на двери.

Гарнье, сидѣвшій на партѣ спиной ко входу, безпокойно передернулъ бровями и пытливо всматривался въ лица учениковъ, стараясь угадать, правду-ли они говорятъ.

Шепотъ продолжался. Ученики суетились.

Директоръ былъ очень строгъ насчетъ дисциплины. Двое даже застегнули свои мундиры.

Гарнье не выдержалъ. Онъ очень побаивался своего великодушнаго покровителя. Неравно придется послушать урокъ, а тутъ и урока-то совсѣмъ не задано... Переводятъ тоже кое-какъ.

— Продолжайте, кинулъ онъ Скоростеву и, быстро вставъ, прошелся по классу, заглянувъ въ стеклянную дверь.

Въ корридорѣ никого не было видно.

Гарнье прошелся еще разъ по комнатѣ и, наконецъ, растворилъ двери настежь. Уже вышедши въ корридоръ, Иванъ Ивановичъ убѣдился, что ученики его надували, какъ надували по крайней мѣрѣ черезъ урокъ.

Между тѣмъ веселость учениковъ все болѣе и болѣе увеличивалась. Легко и свѣтло становилось на сердцѣ. Хотя и закрадывалась въ душу по временамъ холодная струйка не то раскаянія, не то жалости о жестокомъ приговорѣ надъ Граховымъ, но какая-нибудь выходка класснаго шутника снова возвращала классному обществу хорошее настроеніе.

Урокъ кончился. Гарнье моментально исчезъ изъ класса и уже бѣжалъ по корридору, весело потряхивая фалдочками своего фрака и размышляя о вкусномъ обѣдѣ, вечерней пулкѣ

«сибирки» и многих другихъ вещахъ, скрашивающихъ тяжелую жизнь труженника.

Черезъ десять минутъ онъ уже трусилъ на своей лошади въ компаніи Скоростева, съ которымъ ему было по дорогѣ.

Учитель и ученикъ оживленно дѣлились впечатлѣніями по поводу стройнаго стана и восхитительныхъ ножекъ новой опереточной актрисы. Слушая горячія похвалы юноши, Гарнье мило жмурился глазки и какъ-то мурлыкалъ своимъ беззубымъ ртомъ.

XVIII.

Ночь прошла для Грахова въ тревожныхъ снахъ и грезахъ полного, сладостнаго усыпленія, утишающаго самыя тяжкія душевныя страданія.

Утромъ онъ проснулся очень рано и былъ непріятно пораженъ пасмурнымъ днемъ, непривѣтливо глядѣвшимъ въ окна. Ощущеніе холода было первымъ его ощущеніемъ, и мысль, столько часовъ тяготившая и ежесекундно пожирившая его, снова привязалась къ нему, какъ неотвязная фурія.

Тоска и скука разбирали Грахова въ большой и неуютной комнатѣ его дяди, куда онъ уже совсѣмъ перебрался со своей прежней квартиры. Ожиданіе чего-то нехорошаго, неопредѣленно-нехорошаго, еще худшаго, чѣмъ было, наполняло его душу и не давало спокойно посидѣть на мѣстѣ.

Граховъ постоянно старался поддержать свое душевное состояніе въ равновѣсіи, не давая особеннаго преобладанія горькимъ чувствамъ, которыя старался иногда подавить недуманіемъ о нихъ.

Но слишкомъ часто нарушалось это неустойчивое равновѣсіе, что ужасно мучило и утомляло его.

Нужно было идти въ гимназію...

Идти или не идти?

Граховъ думалъ объ этомъ вчера, сегодня ночью, назадъ тому часъ, полчаса,—и все отодвигалъ это трудное рѣшеніе, все его откладывалъ.

Когда-нибудь нужно-же идти... Нужно встрѣтиться со всѣми своими товарищами... Неизбѣжно! Нужно, наконецъ, выяснитъ свое положеніе, разсѣять туманъ недоумѣній и тягостныхъ ожиданій... Лучше-же скорѣй рѣшить все и узнать, что и какъ...

Неужели они не простятъ послѣ того, что уже выстрадано Граховымъ? Онъ всегда былъ такимъ хорошимъ товарищемъ... Нѣтъ, нѣтъ, не простятъ, не простятъ, навѣрно не простятъ! Тѣмъ хуже, что онъ былъ хорошимъ товарищемъ...

Но надежда робкимъ огонькомъ все-таки тлѣла въ сердцѣ измученнаго Грахова, та самая надежда, которая такъ часто лишь продляетъ страданія, уменьшая ихъ жгучесть... А можетъ это было только затаенное желаніе, чтобы они простили...

Онъ страдалъ, страдалъ долго и сильно...

Онъ слишкомъ хорошо помнилъ свои муки потому, что до сихъ поръ не переставалъ испытывать ихъ. Самъ собою возникалъ вопросъ: неужели все это даромъ? Неужели эти страданія не зачтутся?

Граховъ вовсе не размышлялъ на эту тему, не анализировалъ свое положеніе съ этой точки зрѣнія, но онъ какъ-бы замѣчалъ эту мысль и наслаждался ею... Она его чуть-чуть успокаивала.

Нельзя горевать вѣчно, нельзя вѣчно страдать. Всѣ ощущенія затиснуты въ человѣческой организаціи, слѣдовательно, имѣютъ тѣсныя и точно опредѣленные границы. Горе восходитъ crescendo. Все гуще и тяжелѣй нависаютъ тучи, все плотнѣй сдвигается мракъ передъ очами страдающаго. Но все до предѣла... Разъ онъ наступилъ, страданіе замерзаетъ въ одномъ и томъ-же положеніи, оно теряетъ движеніе впередъ, теряетъ жизнь. Силы же все возрождаются, ибо человѣкъ живетъ, и не уходитъ уже безъ остатка на то, чтобы догнать и опередить растущую и ширящуюся боль. Страданіе какъ-то примелькивается, словно обособляется, какъ мертвый языкъ, и человѣкъ, съ тупой, замученной улыбкой, глядя на него, какъ на копье, вырванное изъ раны и окрашенное его кровью, думаетъ: — «вотъ чѣмъ я страдалъ.»

И долго, долго думаетъ одну и ту-же мысль, одно и то-же внутреннее слово...

Страданіе становится ясно реальнымъ фактомъ, фактомъ пережитымъ въ прошедшемъ, которое непрестанно чревато настоящимъ и грозитъ будущимъ.

Невольно сопоставляешь свою вину съ этими пережитыми фактами, и чѣмъ больше страдаешь, чѣмъ дольше дышешь этой губительной атмосферой, тѣмъ дальше закрадывается въ душу

надежда, что хоть небольшую часть вины изстрадалъ, смыль своими слезами, сжегъ своими жаркими думами.

А все, все, сама жизнь, само рожденіе минутою минуты, само существо — все зоветъ страдальца къ душевному миру, все кличетъ къ счастью, все старается раздуть надежду на благополучное окончаніе всѣхъ тревоженій...

И Грахову не хотѣлось такъ скоро подвергать риску эту послѣднюю надежду... Онъ зналъ, что въ ней лишь таятся секретъ его жизни, секретъ его силы перенести до сихъ поръ выпавшія на его долю страданія, а тамъ за ней, за этой надеждой, тамъ холодъ, мракъ, тамъ сама смерть...

Граховъ отправился къ дядѣ просить, чтобы онъ написалъ классному наставнику извѣщеніе о томъ, что его племянникъ на лекціяхъ не будетъ по уважительнымъ причинамъ.

XIX.

Прошелъ еще длинный день уединенія и мрачныхъ мыслей...
Прошла еще томительная ночь.

Наступилъ вторникъ.

Выглянуло утреннее солнце и привѣтливо озарило широкую старинную кровать Грахова, на которой много отдыхало и умирало его дѣдовъ и прадѣдовъ. Грахову пріятно было видѣть веселье природы. На это живо отзывалось его изболѣвшееся сердце, жаждущее хоть минуты покоя. Почему-то ему, подъ влияніемъ этихъ ясныхъ лучей, стало казаться, что все можетъ, быть, и обойдется, можетъ все по старому пойдеть. Вотъ было-бы хорошо! Какъ будто ничего не было совсѣмъ!

Изрѣдка только проскакивала болѣзненная мысль...

— Я прошу извиненія. Извинить нельзя. Ну, я прошу прошенія — старался Граховъ формулировать себѣ свои надежды. Моя предшествовавшая жизнь должна хоть защитить меня. Нѣтъ, право, все сойдетъ, сойдетъ.

Грахову сегодня, въ эту минуту, казалось возможнымъ то, что вчера пугало его своею роковой неисполнимостью.

Граховъ быстро, даже какъ будто весело, одѣлся и отправился въ гимназію, наскоро выпивъ стаканъ чаю. Лицо его было спокойно, только огромные синяки подъ глазами придавали ему видъ крайне болѣзненный.

— Смотри, вонъ идетъ... раздался позади Грахова сдержанный шепотъ, когда Граховъ былъ уже недалеко отъ зданія гимназіи.

Грахова словно посторонняя сила обернула назадъ. За нимъ шли два четвероклассника и нахально глядѣли ему въ глаза, кажется, готовые громко повторить сказанное только шепотомъ. Въ ихъ взорахъ сквозило то-же неприятное выраженіе, какое замѣчается у людей, съ наслажденіемъ мучающихъ животное: мускулы лица непроизвольно сочувственно искажаются, а глаза горятъ наслажденіемъ.

— Ужь всё знаютъ! Это ужь придется сносить! съ глубокимъ, покорнымъ вздохомъ подумалъ Граховъ, и густая краска залила и согрѣла его остывшее на морозѣ лицо, а слезы выступили изъ глазъ. Онъ чувствовалъ, что даже шея и грудь горятъ отъ стыда.

Онъ прибавилъ шагу, и скоро входная дверь гимназіи захлопнулась за нимъ...

XX.

Свѣжій, подрумяненный морозомъ быстро вошелъ Граховъ въ классъ. Первый звонокъ уже былъ поданъ, и всё сидѣли на своихъ мѣстахъ. При входѣ Грахова обычный, даже необычно оживленный разговоръ, какъ-бы жужжаніе,—вдругъ стихъ.

Слишкомъ замѣтно стало, что говорили о немъ.

Дѣйствительно шелъ споръ: придетъ-ли Граховъ сегодня или нѣтъ?

Граховъ съ излишней развязностью подошелъ къ Домбовскому, сидѣвшему на краю скамейки, и, подавъ ему руку, проговорилъ какимъ-то звенящимъ голосомъ:

— Здравствуйте, Домбовскій!

Тотъ ужасно сконфузился и растерялся. Онъ вспыхнулъ, вскочилъ, сдѣлалъ неопредѣленное движеніе руками, потомъ, закинувъ ихъ за спину, крѣпко сжалъ одну другою и снова сѣлъ на мѣсто, старательно избѣгая встрѣчи со взглядомъ Грахова.

Граховъ стоялъ съ протянутой рукой и казался совершенно уничтоженнымъ.

Глаза погасли, вся кровь отлила къ сердцу. Онъ машинально, привычной дорогой около стѣны направился къ своему мѣсту. Глаза затемнялись какой-то влагой. Онъ все видѣлъ словно сквозь частую сѣть, которая постоянно двигалась передъ глазами...

Всѣ молчали и тяжело переводили дыханіе.

Вошелъ учитель.

Граховъ добрался до своего мѣста.

Прохоровъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, быстро его оглянулъ. Граховъ съ какимъ-то отчаяніемъ сунулъ ему руку. Тотъ, послѣ замѣтнаго колебанія, протянулъ и съ своей стороны руку, но тотчасъ-же отвернулся.

— Вымой руку-то послѣ лекціи, Прохоровъ! явственно донеслось сзади.

Граховъ сидѣлъ, ничего не понимая, блѣдный и потерянный. Мыслей не было въ головѣ, только давило отовсюду и подавляло. Онъ ожидалъ многого, ожидалъ самыхъ неприятныхъ, мучительныхъ объясненій; но такой тонкой мести, такого ужаснаго для него наказанія не могъ себѣ представить. Его ударили очень ловко, изучивши прежде самое больное и слабое мѣсто.

На перемиѣнѣ всѣ стали шумно разговаривать. Казалось, что они нарочно такъ веселы и привѣтливы другъ съ другомъ, чтобы больнѣй казалось одиночество осужденному. Ни слова не было обращено къ Грахову, словно его не было въ классѣ.

Сознавать себя брошеннымъ, нарочно брошеннымъ въ пространство, быть сведеннымъ къ нулю — это показалось столь ужаснымъ Грахову, что онъ выбѣжалъ изъ класса и бродилъ всю перемиѣну по корридору одинъ. Куда ему теперь? Онъ совсѣмъ, совсѣмъ одинъ... Вездѣ!

На пятой лекціи были заданы письменныя работы. Всѣ въ классѣ молча сидѣли и, сопя, уставились въ свои тетради. Скрипъ пера, вздохи Домбовскаго, туго справлявшагося съ темой, нарушали тишину.

— Петровъ, сказалъ довольно громко Граховъ, чтобы учитель могъ цензуровать его вопросъ:—дай пожалуйста пера!

Петровъ молчалъ, словно не слышалъ его просьбы.

Граховъ повторилъ-бы ее громче, если-бы не видѣлъ, какъ дрогнула рука Петрова при звукѣ его голоса, и какъ большая клякса водрузилась на алгебраической формулѣ. Это была послѣдняя попытка со стороны Грахова разбить ледь.

— Не говорятъ! въ тысячный разъ сконстатировалъ онъ себѣ свое несчастье.

Это молчаніе, это нѣмое презрѣніе начинало раздражать Грахова. Онъ чувствовалъ, что вина его наказана черезъ-чуръ сурово, что вовсе не такую казнь заслужилъ онъ, что ужь очень

тяжело ложилаь эта казнь на него. Грахову показалось, что съ него деруть другую шкуру...

На другой день Граховъ не былъ въ классахъ на урокахъ.

Классный наставникъ восьмого класса, Вячеславъ Викентьевичъ Эберсъ, получилъ отъ дяди Грахова записку...

На большомъ листѣ почтовой бумаги, стариннымъ готическимъ почеркомъ было изображено извѣстiе о болѣзни ученика восьмого класса Грахова и о невозможности для него посѣщать лекціи...

Была названа и болѣзнь Грахова—это нервная горячка...

М. Лининъ.

ОПАСНЫЕ ЛЮДИ.

Романъ Христіана Эльстера.

(Съ норвежскаго).

Весною прошлаго года въ небольшемъ норвежскомъ городкѣ умеръ Христіанъ Эльстеръ, одинъ изъ талантливейшихъ представителей современной датско-норвежской литературы. Онъ жилъ и умеръ въ своемъ захолустѣ одинокій, забытый, оцѣненный только очень немногими. Лучшія повѣсти его, помѣщавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ то время еще не удостоились отдѣльнаго изданія. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, въ печати появился послѣдній романъ его «Опасные люди» (Farlige Folk), и критика заговорила объ Эльстерѣ, какъ о выдающемся талантѣ. Забытыя повѣсти его были собраны и вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ роскошномъ золоченомъ переплетѣ, а имя автора ихъ, боровшагося всю жизнь съ нуждою и интригами въ узкой мѣщанской средѣ, въ которой онъ задыхался и которая относилась къ нему враждебно, какъ къ «опасному человѣку», вдругъ заняло почетное мѣсто въ отечественной литературѣ. Горькая пророчія судьбы!

Предлагая читателямъ переводъ посмертнаго романа Эльстера «Опасные люди» и намѣреваясь въ ближайшемъ будущемъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ его мелкихъ повѣстей, мы считаемъ не лишнимъ предпослать нашему переводу краткую біографію этого, безъ сомнѣнія, высоко-талантливаго писателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привести нѣсколько выдержекъ изъ предисловія къ его роману, написаннаго знаменитымъ датскимъ критикомъ Георгомъ Брандесомъ.

Христіанъ Эльстеръ родился 4 марта 1841 г., въ маленькомъ городкѣ Норвегіи, гдѣ отецъ его занималъ должность мэра (Foged). На пятнадцатомъ году родители отправили сына въ Христіанію съ цѣлью посвятить его военной карьерѣ. Къ счастью его, осуще-

ствленіе этого плана оказалось невозможнымъ, благодаря сильной близорукости мальчика, и въ семейномъ совѣтѣ было рѣшено замѣнить военную карьеру юридическою. Пришлось засѣсть за латинскую грамматику, чтобы имѣть возможность поступить въ университетъ; но живая, впечатлительная натура юноши не могла долго помириться съ такимъ скучнымъ, сухимъ занятіемъ; латинскій языкъ не давался ему, и, наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ, онъ забросилъ грамматику и римскихъ классиковъ и жадно принялся за чтеніе, поставивъ себѣ задачею ознакомиться со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ отечественной и иностранной литературѣ за послѣднее время. На девятнадцатомъ году жизни онъ въ первый разъ написалъ комедію «На берегу фіорда», и нѣсколько времени спустя заявилъ желаніе дебютировать на сценѣ театра въ Христіаніи. Пьеса его удостоилась одобренія нѣсколькихъ компетентныхъ людей, которымъ она была представлена въ рукописи; что-же касается его игры, то на первыхъ же репетиціяхъ будущіе товарищи его единогласно признали въ немъ замѣчательный сценическій талантъ. Тѣмъ не менѣе, онъ вскорѣ востребовалъ у дирекціи свою рукопись обратно, такъ какъ пьеса уже стала казаться ему неудовлетворительною, а вслѣдъ затѣмъ, накануне перваго дебюта, покинулъ и сцену, не столько потому, что сомнѣвался въ своемъ дарованіи, сколько подъ вліяніемъ новыхъ стремленій, тянувшихъ его теперь болѣе къ публицистической, литературно-политической дѣятельности. Побокъничавъ съ театромъ и провалившись вскорѣ послѣ этого на бакалаврскомъ экзаменѣ, Эльстеръ, тѣмъ не менѣе, остался въ Христіаніи и началъ сотрудничать въ нѣсколькихъ газетахъ. Въ это-же время онъ написалъ нѣкоторые изъ своихъ мелкихъ рассказовъ, которые, несмотря на свои недостатки, уже обнаруживали въ молодомъ писателѣ недюжинный талантъ. Въ этомъ періодѣ своей жизни Эльстеръ всею душою отдался національному литературно-политическому движенію норвежской молодежи, — такъ называемому «Maalstræen», — которое ознаменовало собою шестидесятые года и заключалось въ стремленіи создать изъ разнообразныхъ крестьянскихъ нарѣчій Норвегіи одинъ общепонятный норвежскій языкъ и положить такимъ образомъ начало чисто національной литературѣ и самобытной національной политикѣ.

Совершенно отказавшись отъ мысли поступить въ университетъ, Эльстеръ въ 1867 году поѣхалъ въ Германію, чтобы изучить лѣсное хозяйство. Въ слѣдующемъ году онъ вернулся на родину съ дипломомъ, прожилъ одинъ годъ дома, въ Сундерфіордѣ, а затѣмъ поселился въ Христіаніи и снова принялся за литературную работу, сотрудничая главнымъ образомъ въ двухъ норвежскихъ газетахъ «Aftenbladet» и «Norsk Folkeblad». Зимѣ 1872 — 73 г. онъ

прожилъ въ Копенгагенѣ и, между прочимъ, слушалъ лекціи Брандеса. Къ несчастію, одною изъ особенностей характера Эльстера было чувство не то робости, не то гордости, мѣшавшее ему сходиться съ такими людьми, которые могли-бы благотворно подѣйствовать на развитіе его литературнаго таланта.—«Насколько онъ былъ робокъ и нелюдимъ, говорить Брандесъ,—лучше всего показываетъ его отношеніе ко мнѣ. Онъ придавалъ большое значеніе моему сужденію въ литературныхъ вопросахъ, и я глубоко сожалею, что не былъ въ состояніи подвергнуть его произведенія обстоятельному разбору еще при жизни его. Къ тому-же между нами существовала еще другая связь: то броженіе умовъ, которое было вызвано моими первыми лекціями и въ которомъ самъ Эльстеръ принималъ живое участіе, производило на него глубокое впечатлѣніе, и подъ впечатлѣніемъ агитаціи, поднявшейся противъ этихъ лекцій, онъ и задумалъ, какъ мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, свой романъ «Опасные люди», самыя существенныя части котораго были написаны въ Копенгагенѣ въ 1872 г. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что мы уже прежде состояли въ перепискѣ, Эльстеръ былъ настолько робокъ, что не рѣшался посѣтить меня и даже не извѣстилъ о своемъ пребываніи въ Копенгагенѣ».

Въ 1873 году Эльстеръ получилъ, наконецъ, мѣсто помощника лѣсничаго въ Вальдерсѣ, и здѣсь, въ глуши, вдали отъ центровъ умственнаго движенія, долженъ былъ прозять цѣлыхъ семь лѣтъ, вплоть до самой смерти. Не трудно вообразить себѣ, какъ страстно онъ желалъ вырваться изъ этой душной атмосферы, какъ стремился повидать свѣтъ и окунуться въ то широкое умственное и политическое движеніе, которое до сихъ поръ ему было извѣстно только изъ книгъ и газетъ.—«Въ февралѣ 1880 года, говорить Брандесъ,—я получилъ отъ Эльстера трогательное письмо. Онъ просилъ у меня рекомендаціи для полученія освободившейся въ это время норвежской стипендіи на путешествіе за-границу; онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе взглянуть на свѣтъ за предѣлами Норвегіи.—«Я добиваюсь очень маленькой стипендіи, писалъ онъ;—это не такая стипендія, которая выдается лишь признаннымъ и знаменитымъ людямъ, а ничтожная и невинная, въ которой ежегодно не отказываютъ многимъ живописцамъ, музыкантамъ и литераторамъ, хотя-бы имя ихъ произносилось при этомъ въ первый и послѣдній разъ. Поэтому я не думаю, что задаюсь слишкомъ большими претензіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ напередъ уверень, что тѣ, отъ кого зависитъ въ этомъ дѣлѣ рѣшеніе, рѣшатъ его въ неблагопріятномъ для меня смыслѣ, если только въ мою пользу не выскажется какой-нибудь безусловно компетентный человекъ...» Это былъ первый случай, чтобы ко мнѣ обращались съ

просьбой выхлопотать правительственную стипендію въ Скандинавіи,—ко мнѣ, рекомендація котораго, какъ я напередъ былъ увѣренъ, могла во всѣхъ случаяхъ произвести только противоположный эффектъ. Тѣмъ не менѣе, не желая совершенно разочаровать Эльстера и отчасти вѣря, что словамъ моимъ придадутъ нѣкоторое значеніе, хотя-бы какъ чисто литературному отзыву, я написалъ самую убѣдительную рекомендацію, которую началъ съ заявленія, что какъ религіозныя, такъ и политическія убѣжденія Эльстера мнѣ совершенно неизвѣстны, но, что они, какъ я полагаю, существенно разнятся отъ моихъ собственныхъ. Но это нисколько не помогло дѣлу. Правительство, которое въ Норвегіи, точно такъ-же какъ и въ Даніи, служитъ представителемъ политической реакціи и ортодоксальной религіи, изъ чувства мелочной мести, отказало бѣдному писателю въ стипендіи, которой онъ добивался, хотя комитетъ экспертовъ и представилъ его какъ перваго кандидата...»

Весною 1881 года, когда послѣдняя книга его «Опасные люди» готовилась къ печати въ Копенгагенѣ, Христіанъ Эльстеръ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и 11 апрѣля, послѣ девятидневной болѣзни, умеръ. Онъ оставилъ послѣ себя вдову и трехъ сыновей, изъ которыхъ старшему было 5 лѣтъ, а младшему 3 недѣли.

Вотъ, что говорить, между прочимъ, Брандесъ о романѣ:

«Только послѣ смерти Эльстера, когда появился его романъ «Опасные люди», стало ясно, какого писателя потеряла въ его лицѣ Норвегія. Надъ этой книгой, до выхода которой онъ не дожился, ему пришлось проработать цѣлыхъ восемь лѣтъ.

«Романъ этотъ, быть можетъ, не вполне по достоинству былъ оцененъ критикой, потому что появился въ одно время съ первыми блестящими работами Килланда, а между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ норвежско-датской литературѣ мало, очень мало такихъ книгъ. Несмотря на нѣкоторые недостатки и странности, это такой романъ, который поставилъ автора на одинъ уровень съ лучшими писателями сѣвера. Въ немъ обнаруживаются такая увѣренность въ изображеніи характеровъ, такая мужественная серьезность во взглядѣ на жизнь, которыя могутъ считаться положительно единственными въ своемъ родѣ... Самъ Эльстеръ полагалъ, что въ романѣ есть «большой недостатокъ», но боялся, что передѣлка его займетъ слишкомъ много времени и что, благодаря этому, онъ въ такомъ случаѣ запоздаетъ точно такъ-же, какъ запоздалъ его первый романъ «Тора Трондалъ». Въ чемъ заключался, по его мнѣнію, этотъ предполагаемый недостатокъ, онъ мнѣ не сообщалъ; но мнѣ кажется, что Эльстеръ самъ не одобрялъ несомнѣнной шаткости композиціи.

«Лучшія повѣсти Эльстера во взглядахъ и въ пріемахъ творчества обнаруживаютъ родственныя черты съ произведеніями Тургенева. Женскіе типы, въ особенности молодая дѣвушка, въ повѣстяхъ и романахъ Эльстера, его героини, въ которыхъ такъ много душевнаго благородства и такъ мало культуры, такъ много энтузіазма и такъ мало общественнаго этикета, которыя отличаются такою любовью къ правдѣ и такимъ тонкимъ, нечувственнымъ эротизмомъ, для которыхъ, наконецъ, общимъ фономъ служить все тотъ-же норвежскій береговой ландшафтъ, — живо напоминаютъ задуманныхъ русскихъ дѣвушекъ Тургенева».

Христіанъ Эльстеръ началъ съ того, что изучилъ великихъ писателей своей родины и научился чувствовать и творить по ихъ образцу; затѣмъ, къ началу семидесятыхъ годовъ, онъ расширилъ свою національную норвежскую индивидуальность до всесторонне-воспримчиваго современнаго духа, и его творческое дарованіе выросло параллельно съ этимъ духовнымъ развитіемъ. Въ концѣ десятилѣтія онъ уже стоялъ въ первомъ ряду тѣхъ людей, которые отмѣчаютъ собою высшій уровень цивилизаціи скандинавскаго сѣвера. Онъ еще не былъ знаменитостью, не былъ да и не могъ быть даже очень извѣстенъ, такъ какъ лучшія его работы частью были изданы послѣ его смерти, а частью только собраны въ это время. Но онъ былъ близокъ къ совершенству, когда умеръ.

I.

Большой пароходъ приближается къ одному изъ приморскихъ городовъ Норвегіи. Пассажиры его давно уже не видѣли ничего, кромѣ воды и горъ, — обнаженныхъ, поблѣвшихъ отъ времени и непогоды горъ. Наконецъ, ландшафтъ нѣсколько измѣняется. Вдоль берега видны скалы, частью поросшія бурною травкою, и кое-гдѣ одинокая сосна, словно въ отчаяніи, протягиваетъ всѣ свои вѣтви по направленію къ сушѣ. Послѣ того какъ пароходъ миновалъ множество маленькихъ островковъ, на сѣромъ фонѣ берега выступаютъ какія-то бѣлыя пятна. Это городъ.

Пароходъ направляется ко входу въ гавань. По ту сторону мола, на крайней оконечности котораго стоитъ маякъ, высятся корабельныя мачты и трубы пароходовъ. Сквозь лѣсъ мачтъ виднѣется городъ. Внизу, у самаго моря, тянется тѣсный рядъ обпирныхъ амбаровъ. Нѣсколько выше, на террасообразныхъ

уступахъ горнаго склона, расположены остальные дома; нижніе вытянулись рядами, верхніе—разбросаны безъ всякаго порядка. Нѣкоторые одиноко стоятъ на высотахъ, гдѣ безпрестанно бушуетъ вѣтеръ, и какъ будто зорко оглядываютъ широкій горизонтъ моря; другіе робко столпились въ углубленіяхъ почвы, гдѣ они болѣе защищены отъ вѣтра и непогоды.

Въ маленькой гавани царитъ оживленное движеніе. Подальше отъ берега стоятъ большія суда подъ норвежскими и иностранными флагами, ближе размѣстились небольшіе пароходы и суда, и, наконецъ, у пристаней толпятся маленькія лодки. Большая часть всѣхъ этихъ судовъ нагружается исключительно рыбою. Рыбу привезли маленькія барки, только что прибывшія съ рыболовныхъ пунктовъ; рыбой грузятся какъ маленькіе пароходы, такъ и тѣ, которые служатъ посредниками въ сношеніяхъ города съ большими всемірными рынками; рыбой нагружены и лодки, стоящія вдоль набережной. Главная масса того, что поглощаетъ и извергаетъ громадная пасть всѣхъ этихъ сараевъ, также состоитъ изъ рыбы. Многочисленныя фабрики, находящіяся въ окрестностяхъ города, вырабатываютъ исключительно продукты, которые такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ рыбахъ или рыбной ловлѣ. Наконецъ, даже самъ городъ обязанъ своимъ существованіемъ рыбахъ. Благодаря морю, выпозли мало по малу эти свѣтлые деревянные дома, посящіе на себѣ всѣ признаки комфорта и довольства, поднялись эти широкіе громадныя амбары, на которыхъ большими буквами намалеваны имена ихъ владѣльцевъ, выросла и церковь съ своими сверкающими башенками, съ латинскою школою, которая считается твердынею науки и составляетъ предметъ гордости всего города.

Оставимъ пароходъ и поднимемся по главной улицѣ города, узкой, крутой и извилистой, какъ горная тропинка. Въ верхней части улицы дома покоятся на широкихъ фундаментахъ, вышиною въ нѣсколько футовъ и настолько выступающихъ за плоскость фасада, что передъ окнами есть мѣсто для маленькихъ садиковъ. На этихъ террасахъ, къ которымъ ведутъ крутыя лѣсенки, растутъ вьющіяся растенія, покрывающія стѣны и свѣшивающіяся до самой мостовой. Въ нижней же части улицы дома, напротивъ, расположены такъ низко, что только верхнія окна выглядываютъ изъ-за каменной ограды; здѣсь строенія обращены къ улицѣ своимъ заднимъ фасадомъ,

и между ними и краемъ улицы находится глубокой оврагъ, на днѣ котораго растутъ громадныя деревья, осѣняющія улицу своими верхними вѣтвями.

Съ обѣихъ сторонъ на главную улицу выходятъ темныя переулки, въ которые никогда не забирается солнечный лучъ. Здѣсь царить самая безцеремонная жизнь. Здѣсь стираютъ и моютъ и тутъ-же передъ домомъ выливаютъ помои, которые потоками направляются къ главной улицѣ и затѣмъ устремляются къ морю; здѣсь вывѣшиваютъ для просушки бѣлье и выколачиваютъ постели; здѣсь всюду валяются обломки черепицы, куски ржаваго желѣза, разбитыя бутылки, ломанная мебель и всякій выкуда негодный хламъ; здѣсь вѣчно рыщутъ собаки, толпятся, кричатъ и роются въ землѣ куры и утки, повидному чувствующія себя въ подобной обстановкѣ чрезвычайно уютно. Въ этихъ закоулкахъ, наконецъ, пріютились мрачные, отвратительные шивки, изъ которыхъ, шатаясь, выходятъ мѣстные и иноземные матросы.

Въ защищенномъ отъ вѣтра углубленіи берегового склона, въ верхней части города, находится нѣчто въ родѣ парка, гдѣ служанки катаютъ въ телѣжкахъ маленькихъ дѣтей, а учителя латинской школы въ свободные отъ занятій часы обсуждаютъ свѣжія городскія новости.

Дѣло было раннею весною. Погода стояла теплая; отъ многочисленныхъ садовъ въ воздухѣ пахло землею и распускающимися почками. Двери домовъ всюду были отворены. Люди работали въ садахъ, стребали желтоватобурую, слоями спрессованную листву,—поблекшее лѣтнее убранство минувшаго года,—вскапывали землю кирками и заступами, сажали, сѣяли и поливали.

Внизу, возлѣ гавани, поблизости отъ таможи, стоялъ домъ купца Вика, скрытый за большими деревьями и окруженный зеленымъ заборомъ. Пространство за стѣною сада было выложено большими каменными плитами и спускалось прямо къ морю. На дальнемъ краю его былъ водруженъ высокій шестъ съ флагомъ.

Въ саду молодая дѣвушка ровняла граблями гряды. У нея было блѣдное лицо съ товкими чертами и нѣсколько меланхолическимъ выраженіемъ; вся фигура ея, слегка сторбленная, съ худыми руками и костлявыми плечами указывала на несовсѣмъ крѣпкое здоровье. Когда пароходъ приблизился, она

оставила грабли и направилась къ калиткѣ. Здѣсь она остановилась и стала оглядывать гавань, глубоко вдыхая мягкій воздухъ и съ видимымъ удовольствіемъ подставляя лицо подъ теплый вѣтерокъ. На щекахъ ея заигралъ легкій, нѣжный румянецъ; на одно мгновеніе въ глазахъ ея блеснулъ лучъ любопытства и напряженнаго ожиданія; на безкровныхъ губахъ появилось довольное выраженіе.

Въ корридорѣ дома послышались шаги. Хозяинъ вышелъ на лѣстницу и направилъ на пароходъ предлинную подзорную трубу. Это былъ невысокаго роста человѣкъ, съ большой головой, съ густыми, нависшими бровями и прямыми, сзади коротко стриженными, волосами, изъ подъ которыхъ видѣлась его широкая, мясистая шея. Ноги его были сильно искривлены и узкія брюки плотно обтягивали крѣпкіе мускулы на бедрахъ и икрахъ. Руки у него были короткія, толстыя и жесткія. Низко опущенные углы рта придавали лицу его угрюмое выраженіе.

Съ пристани, на которой стала собираться публика, три человѣка направились къ саду Вика. Прежде всѣхъ вопель высокій мужчина съ гладко выбритымъ лицомъ, тщательно подстриженными сѣдыми волосами, маленькой изящной эспаньолкой и такимъ свѣжимъ, блестящимъ и туго накрахмаленнымъ бѣлымъ, которое, казалось, только-что вышло изъ подъ утюга. Это былъ Клаусъ Гамре, судохозяинъ, торговецъ рыбою, фабрикантъ и т. д. — самый старій и богатый «домъ» въ цѣломъ городѣ.

Что касается того человѣка, который шелъ позади щеголевато одѣтаго капиталиста, то его можно-бы было принять за какого-нибудь уличнаго комиссіонера, вѣчно гоняющагося за чемоданами путешественниковъ. Черный скуртукъ его былъ сильно поношенъ, черный галстукъ, обмотанный вокругъ шеи, тоже не отличался особенною свѣжестью. На ногахъ у него были высокіе матросскіе сапоги, слишкомъ просторные и видимо стѣснявшіе его движенія. Шетинистая борода пепельнаго цвѣта и такіе-же усы окаймляли толстыя, негритянскія губы; глаза у него были почти бѣлые, а руки маленькія, морщинистыя и грязныя. Входя въ садъ, онъ запутался въ своихъ собственныхъ ногахъ, споткнулся и наступилъ при этомъ на нѣсколько только-что посаженныхъ растеній, что, впрочемъ, ни мало его не смутило.

Этот невзрачный господинъ былъ, однако, никто иной, какъ старшій учитель городской латинской школы и редакторъ официальной газеты, Кристоффъ Біорнгольтъ.

Біорнгольтъ слылъ за чрезвычайно ученаго человѣка и имѣлъ степень кандидата не только богословія, но и философіи. Все, что проникало въ этотъ замѣчательный мозгъ, по видимому, оставалось тамъ на вѣчныя времена. Ему предрекали великую будущность. Понятно, что человѣкъ съ его удивительною памятью и рѣдкими способностями не могъ не удостоиться высокихъ отличій.

Онъ, былъ, какъ мы уже сказали, редакторомъ городской официальной газеты. Въ этой сферѣ своей дѣятельности онъ приводилъ въ изумленіе своимъ тонкимъ чутьемъ, благодаря которому задолго предугадывалъ всѣ грозящія обществу опасности, и строгою дисциплиною, которую умѣлъ поддерживать въ своей собственной партіи. Кромѣ того, ни въ одной другой газетѣ не было такого количества утокъ и столькоихъ, часто довольно двусмысленныхъ, старыхъ поповскихъ исторій. Поэтому газета его была извѣстна во всей странѣ, а редактора ея боялись въ маленькомъ приморскомъ городѣ, какъ смерти. «Онъ соваль свой носъ во всякое блюдо», какъ говорили въ городѣ, и пользовался добытыми свѣдѣніями, какъ онъ самъ выражался, — въ борьбѣ за священные интересы общества». Ректоръ школы дрожалъ передъ нимъ точно такъ-же, какъ капиталистъ Гамре. Первый боялся тайныхъ докладовъ, которые Біорнгольтъ долженъ былъ посылать вліятельнымъ друзьямъ въ главный городъ, а послѣдній побаивался его газеты. Впрочемъ, съ нимъ обращались любезно не только вслѣдствіе страха, но и потому, что онъ дѣйствительно съ необыкновеннымъ успѣхомъ защищалъ вышеупомянутые священные интересы противъ притязаній оппозиціонной партіи, которая причиняла городу не мало хлопотъ.

Послѣдній изъ вошедшихъ былъ человѣкъ, съ которымъ все казалось круглымъ, — круглая плѣшивая голова, круглое брюшко, круглыя руки и круглыя уши съ свинцовыми сережками. Это былъ отставной морской капитанъ, а нынѣ рантъ, — Куртъ Стубъ.

— Вы ждете племянника? спросилъ Визъ, обращаясь къ Гамре.

У него былъ низкій, глухой голосъ.

Гамре кивнулъ головой и усѣлся на одной изъ зеленыхъ скамеекъ, стоявшихъ на площадкѣ лѣстницы.

— А знаете, кто еще къ намъ пожаловалъ? спросилъ старшій учитель, глубоко засовывая свою палку въ свѣжую грядку.

Викъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Кантъ Гольтъ.

— Вотъ какъ?

— Да, я видѣлъ стараго Гольта на набережной, замѣтилъ бывшій капитанъ.

— Стало быть, опять приходится рассчитывать на смуты и волненія, продолжалъ Біорнгольтъ. — Помните его, Викъ? Въ рабочемъ обществѣ? А въ газетѣ адвоката Гэйзена? Да-съ, это бунтовщикъ самаго перваго сорта, почтеннѣйшій! Хорошо еще, что мы съ нимъ тогда справились. Да, могу похвастаться, я таки поприжалъ его. Мнѣ удалось выпроводить его понемногу изъ рабочаго общества, изъ клуба, изъ Атенеума и, наконецъ, изъ всего порядочнаго общества; мало того, я заклеилъ его въ глазахъ просвѣщеннаго общества всей страны. Поэтому онъ уѣхалъ; его положеніе стало просто невозможнымъ.

— О, это былъ пребезпокойный человѣкъ, прибавилъ капитанъ.

— Ничтожная личность, замѣтилъ Гамре съ презрительной гримасой.

— Дерзкій, нахальный человѣкъ, возразилъ Біорнгольтъ. — Помнишь, Гамре, какъ онъ произносилъ свою знаменитую рѣчь «объ этихъ орлахъ, которые спускаются съ высотъ въ душную атмосферу современнаго общества, впиваются когтями въ откормленныхъ тирановъ и наводятъ спасительный страхъ»!..

— У васъ дьявольская память, воскликнулъ Стубъ съ искреннимъ изумленіемъ. — Но я думаю, что эта была не болѣе какъ шутка.

— Шутка? Вы думаете, что это была шутка? Чорта съ два!.. А ты, Гамре, слушай; я еще не кончилъ. Вѣдь это онъ тебя подразумѣвалъ подъ откормленными, пресыщенными... Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ: у тебя дѣйствительно такой видъ, какъ будто ты вѣчно сытъ и даже пресыщенъ... ха, ха, ха!

Куртъ захохоталъ во все горло. Въ лицѣ Вика не дрог-

нуль ни одинъ мускулъ. Гамре сдѣлалъ гримасу, какъ будто отвѣдалъ чего-нибудь горькаго.

Біорнгольтъ продолжалъ декламировать, подражая позѣ и манерамъ оратора, котораго онъ копировалъ. — «Я знаю, такихъ людей боятся и ненавидятъ. Когда они борются противъ подавляющихъ всякое развитіе предрасудковъ и обычаевъ, мы не только изгоняемъ ихъ изъ своихъ домовъ и сердецъ, но натравливаемъ на нихъ всѣхъ этихъ уважаемыхъ мерзавцевъ въ рясахъ и мундирахъ, стараемся сгноить въ одной изъ многочисленныхъ тюремъ, которыя общество всегда держитъ наготовѣ для тѣхъ, кто разоблачаетъ низости сильныхъ міра сего. Что-же касается до меня, то я люблю эту смѣлую, протестующую натуру, этотъ безстрашный умъ, полный жгучей ненависти, не страшящійся никакихъ преградъ; я люблю этого гордаго, отважнаго человѣка, въ глазахъ котораго отражается свѣтлая картина будущаго, и я буду защищать его!».

— Однако, у васъ просто дьявольская... снова началъ Куртъ Стубъ, но, подавленный безграничностью своего собственного изумленія, не окончилъ и умолъ.

Корнелія подошла къ лѣстницѣ и съ удивленіемъ слушала рѣчь Біорнгольта. Она, правда, плохо понимала всѣ эти странныя, непривычныя для нея слова, но они произвели въ ней такое ощущеніе, какъ будто она вдругъ заглянула въ раскаленное горнило кузницы и дышала какою-то жгучею атмосферою. Безотчетный страхъ охватилъ ее; ей чудилась близость какой-то невѣдомой могучей силы, грозившей нарушить спокойствіе повседневной жизни; но къ этому страху невольно примѣшивалась доля любопытства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ей часто приходилось слышать, какъ отецъ и Біорнгольтъ говорили про этого ужаснаго Канута Гольта, и она помнила, какую бурю онъ вызвалъ во всемъ обществѣ во время своего послѣдняго пребыванія въ городѣ. Единственныя необыкновенныя событія, которыя ей приходилось видѣть въ окружавшемъ ее узкомъ мірѣ, были связаны съ именемъ этого человѣка; поэтому его фигура принимала въ ея глазахъ все болѣе фантастическій, таинственный и грозный характеръ.

— А помнишь ли, что я отвѣтилъ на эту его ходульную лирику? спросилъ Біорнгольтъ.

— Вотъ идетъ пасторъ Фоннъ! воскликнулъ Гамре, видимо обрадовавшись возможности переимѣнить тему разговора. Онъ

не принадлежалъ, подобно Стубу, къ числу поклонниковъ не обыкновенной памяти Біорнгольта.

Біорнгольтъ обернулся.—Да, а съ нимъ и его адъютантъ, прибавилъ онъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ Стубу и продолжалъ болгоса:

— Послушай, знаешь, что рассказываютъ про Фонна и его новаго конкurrentа, пастора...

Стубъ вдругъ сильно закашлялся, затѣмъ отвелъ Біорнгольта въ сторону и шепотомъ сказалъ ему:

— Молчите, ради Бога... развѣ вы не знаете... вѣдь Викъ... Собесѣдникъ его многозначительно засвисталъ.

— Принадлежитъ къ той же кликѣ! Чортъ меня побери,—вѣдь это правда!

Два новые посѣителя тѣмъ временемъ вошли въ садъ. Пасторъ былъ молодой человѣкъ и вапоминалъ своею фигуурою длинный стебель съ несоразмѣрно тяжелымъ цвѣткомъ. На длинныхъ ногахъ его, повидимому, всюду были сочлененія; его узкія руки были всегда холодны и влажны. Волосы онъ носилъ гладко зачесанными за уши. Цвѣтъ лица его имѣлъ сѣроватый оттѣнокъ; гладкая кожа лоснилась, какъ будто смазанная масломъ. Щеки были покрыты жидкою, невзрачною бородкою. Болѣзненное, безкровное лицо нѣсколько скрашивалось большими, выразительными, но недоуѣрчивыми глазами, которые никогда не смотрѣли на того, съ кѣмъ онъ говорилъ.

Стубъ когда-то очень удачно замѣтилъ, что у него такой видъ, «какъ будто онъ вѣчно подслушиваетъ дурныя помыслы людей».

«Адъютантъ» пастора, столяръ Вильдгагенъ, предсѣдатель всѣхъ миссіонерскихъ обществъ, церковный староста, бывшій свѣтскій проповѣдникъ, былъ дородный человѣкъ съ тяжелыми широкими ногами, обращенными носками внутрь, съ полнымъ, желтовато-блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ посѣдѣвшею бородою. Слащавая улыбка и женственный тонкій голосокъ плохо гармонировали съ внушительною фигуурою.

— Мы только что говорили про Канута Гольта, сказалъ Біорнгольтъ, когда всѣ обмѣнялись привѣтствіями.—Вѣдь вы помните его, Фоннъ?

— Да... восторженный ораторъ народныхъ собраній, мягко замѣтилъ Фоннъ, но съ такою интонаціею, которая показы-

вала, что и онъ не допускаетъ Гольта въ среду порядочныхъ людей.

— Впрочемъ, перебилъ его капитанъ,—нельзя сказать, чтобы въ этомъ Канутъ Гольтъ не было и хорошихъ сторонъ. Онъ безусловно храбрый человѣкъ. Когда я еще служилъ капитаномъ у его отца, ему случилось сопровождать меня во время плаванія въ Черное море, и я помню, какъ онъ разъ прыгнулъ въ море за матросомъ, который упалъ за бортъ и не умѣлъ плавать. Волненіе было сильное, и, чортъ меня возьми, если-бы я самъ рѣшился на такой подвигъ. А онъ не задумался и спасъ человѣка.

Пароходъ бросилъ якорь. Шлюбки окружили его и начали доставлять свою добычу къ берегу.

Общество, собравшееся въ саду Вика, также вышло на набережную. Въ ту минуту, когда они подходили къ пристани, къ ней пристала выкрашенная сѣрою краскою шлюбка, и на лѣстницу прыгнулъ молодой человѣкъ въ англійскомъ дорожномъ костюмѣ. Это былъ племянникъ и наслѣдникъ богача Гамре, консулъ Робертъ Гиль. Онъ отличался необыкновенно длиннымъ лицомъ, нѣсколько отвислою нижнею губою и огромными, какъ у хищнаго звѣря, зубами. Онъ считался первымъ спортсменомъ города, одѣвался какъ англичанинъ, на англійскій манеръ произносилъ свою фамилію и избѣгалъ въ разговорѣ всѣхъ норвежскихъ словъ, которымъ нельзя было придать англійской интонаціи. Всѣ языки, кромѣ англійскаго, онъ презиралъ, и потому въ сущности не говорилъ ни на какомъ изъ извѣстныхъ языковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ городѣ появлялись англичане; обычные разговоры онъ замѣнилъ чѣмъ-то въ родѣ не то хрюканья, не то бурчанья, что, вѣроятно, все-таки напоминало ему единственный языкъ, который, по его мнѣнію, былъ достоинъ названія чело-вѣческой рѣчи.

— Здра... здра... буркнулъ онъ, протягивая дядѣ руку и кланяясь съ остальными. Гамре сохранилъ на лицѣ своемъ полнѣйшее равнодушіе. Однимъ глазомъ онъ украдкой посматривалъ на свои фабрики и амбары, а другимъ презрительно косился на толпу народа.

Онъ пригласилъ своихъ пріятелей на стаканъ вина, — «по случаю такого дня», какъ онъ выразился.

Приглашеніе было принято, и общество тронулось въ путь

по свободному пространству, оставленному между рядами амбаровъ. Корнелія осталась на пристани.

На возвышенномъ мѣстѣ набережной стоялъ человекъ, одѣтый въ черное пальто, которое довольно мѣшковато сидѣло на его костлявой фигурѣ. Онъ опирался на палку и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на пароходъ. Когда Гамре и его пріатели проходили возлѣ него, они нерѣшительно поклонились ему. Человекъ въ пальто повернулся въ ихъ сторону, снялъ шляпу и обнаружилъ при этомъ заостренную кверху голову, на которой отъ одного уха къ другому тянулся тонкій слой волосъ, тщательнo зачесанныхъ въ этомъ направленіи, но все-таки не вполне прикрывавшихъ совершенно плѣшивое темя. Когда онъ кланялся, шея его вытянулась впередъ, узкій носъ загнулся, тонкія губы раскрылись и обнажили рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ. Странная улыбка, подобно молниеобразному свѣту выстрѣла, внезапно озарила его лицо, придавъ ему любезное и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливое выраженіе. Онъ былъ похожъ на ястреба, который разсыпается въ комплиментахъ передъ своею добычею.

Это былъ судохозяинъ и фабрикантъ Арне Гольтъ. Онъ отправилъ къ пароходу шлюбку за сыномъ, который возвращался домой послѣ многолѣтняго пребыванія за границей.

Вдругъ онъ послѣшно направился къ пристани, увидавъ, какъ отъ парохода отвалила съ пассажиромъ посланная имъ лодка. Спустившись по лѣстницѣ, онъ остановился на послѣдней ступенькѣ. Когда шлюбка приблизилась настолько, что онъ могъ разглядѣть сына, ястребиное лицо его просіяло, на глазахъ навернулись слезы, изъ груди невольно вырвался подавленный, судорожный смѣхъ.

— Здравствуй, здравствуй! Наконецъ-то ты пріѣхалъ, сказалъ онъ, съ лихорадочною горячностью потрясая руку сына, въ то время какъ тотъ вылѣзалъ изъ шлюбки. — Мнѣ, къ сожалѣнію, невозможно было самому пріѣхать на пароходъ.

Кануть Гольтъ не былъ похожъ на отца. Это былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, ни блондинъ, ни брюнетъ, средняго роста, широкоплечій, но съ нѣсколько плоскою грудью. Безбородое лицо съ прямымъ носомъ и сѣрыми, довольно тусклыми глазами имѣло нѣсколько хмурое выраженіе, которое не исчезло даже тогда, когда онъ довольно

сдержанно здоровался съ отцомъ, точно вернувшись съ небольшою прогулки.

Они молча пошли вдоль набережной. Возлѣ дома Вика они поровнялись съ Корнеліей. Кануть увидѣлъ два любопытныхъ глаза, которые, какъ будто спрятавшись, украдкою поглядывали на него, въ то время какъ дѣвушка, на половину обернувъ къ нимъ лицо, входила въ калитку своего сада. Онъ выронилъ изъ рукъ сигару.

— Кто это былъ? спросилъ онъ.

— Корнелія Викъ.

— Неужели? Я ее не узналъ. Она стала такая.... она очень измѣнилась.

Гольтъ ничего не отвѣтилъ.

Они пошли дальше.

— Хорошо-ли тебѣ живется? спросилъ отецъ нерѣшительнымъ, сдержаннымъ тономъ.

— Да, хорошо.

Когда они стали подниматься по улицѣ, которая вела къ владѣніямъ Гольта, Кануть снова остановился и сталъ оглядывать мѣстность.

— Замѣчательно, какъ у насъ дѣла все осталось въ прежнемъ видѣ, сказалъ онъ; — такъ, напримѣръ, я не думаю, чтобы мнѣ приходилось приставать хоть къ одному норвежскому городу, гдѣ-бы, тотчасъ по прибытіи парохода, на палубѣ не появлялись какіе-то толстые, красные люди, которые привѣтствуютъ капитана фамильярнымъ «mogning»! по возможности съ трескомъ растворяютъ дверь курительной комнаты и непременно требуютъ себѣ коньяку съ сельтерскою водою. На меня такъ и пахнуло родиной, когда та-же процедура повторилась и сегодня. А вотъ и знакомая лавка на углу улицы; въ окнѣ ея по прежнему красуются галантерейные товары, глиняная посуда, клеенчатое платье и рыболовные крючки. А тамъ—все та-же книжная лавка, въ которой, вѣроятно, и теперь еще главнымъ образомъ торгуютъ шоколадомъ и одеколономъ, а изрѣдка продаютъ и религіозныя брошюры!

Онъ подошелъ къ окну.

— Такъ и есть! Все тѣ-же самыя книги... да, да! Ни малѣйшей перемѣны.

— Еще-бы, сказалъ старикъ Гольтъ, смѣясь; — не даромъ девизъ нашъ гласить: «Мы знаемъ, чѣмъ владѣемъ».

Домъ Гольта, слывшій въ городѣ подъ названіемъ «зѣмка», былъ расположенъ на довольно высокому холмѣ; вокругъ дома тянулся садъ, который съ одной стороны спускался къ улицѣ, а съ другой — къ морю. Когда они вошли въ садъ, Кануть указалъ на одну изъ скамеекъ и спросилъ:

— Неужели ты все еще ловишь людей?

— Какъ-же, какъ-же! возразилъ Гольтъ, самодовольно улыбаясь.— Все идетъ превосходно. Былъ правда, одинъ случай... ха, ха, ха!.. это нужно тебѣ рассказать. Дѣло въ томъ, что въ одинъ прекрасный день я поймалъ здѣсь, — вѣришь-ли, — самого себя!

— Ну, въ такомъ случаѣ твои капканы дѣйствительно хороши.

— Ха, ха, ха! Видишь-ли, какъ это случилось: я вышелъ въ садъ, чтобы читать тамъ газету; рассказывая по дорожкамъ, подхожу къ одной изъ скамеекъ, забываю, что она не простая, сажусь... и попадаю въ собственную ловушку. Но случилось мнѣ ловить и другихъ. А что за прелесть моя калитка! При случаѣ, ты непременно долженъ взглянуть на нее. Она устроена такъ, что всякій можетъ войти въ садъ, а выйти безъ моей помощи невозможно... ха, ха, ха!

— Послушай, отецъ, неужели мы не можемъ жить, какъ живутъ цивилизованные люди? Направляя свою страсть къ живой добычѣ противъ мышей и крысъ и оставъ въ покоѣ людей.

— О, нѣтъ; все это устроено именно для человѣка, самаго опаснаго изъ хищныхъ животныхъ...

— Я не понимаю, какъ это ты не сдѣлался продавцомъ невольниковъ или не избралъ какой-нибудь другой подобной карьеры?

— Ха, ха, ха! Я вижу, ты сегодня въ ударѣ, расхохотался Гольтъ, потирая себѣ руки.

Они поднялись по ступенямъ каменной лѣстницы къ террасѣ передъ домомъ.

— Кто здѣсь теперь хозяйничаетъ? спросилъ Кануть, оставившись на верхней ступени.

— Кто теперь хозяйничаетъ?... въ домѣ?...

— Да.

— Хозяйничаетъ... гмъ... Катерина, заиналась пробормоталъ Гольтъ и покраснѣлъ какъ ракъ.

— Катерина? Эта толстуха?

— Гмъ... да. Она очень дѣльная дѣвушка, сказала Гольтъ, еще болѣе смутившись и поспѣшно направляясь къ дому.

II.

Комната, въ которую Гольтъ повелъ сына, была отдѣлана и меблирована почти роскошно, но тѣмъ не менѣе напоминала своимъ убранствомъ деревенскую гостиницу. Диванъ стоялъ возлѣ окна; стулья и столы были размѣщены какъ попало; гардины висѣли криво; въ драгоцѣнной вазѣ торчало нѣсколько луковиць; на стѣнахъ, рядомъ съ цѣнною живописью, висѣли копѣчныя картины и прескверныя фотографіи; столы и этажерки были завалены всякими безвкусными бездѣлушками, между которыми красовались превосходныя художественныя произведенія изъ мрамора и алебаstra. Казалось, въ этой комнатѣ, какъ на выставкѣ, были сосредоточены вся рухлядь и всѣ предметы искусства, все, что только находилось въ домѣ.

Кануть на минуту остановился и осмотрѣлся. Затѣмъ онъ растворилъ окно.

— Ну, вотъ ты опять дома, началъ старикъ Гольтъ, потирая руки и поглядывая на сына съ тѣмъ-же нѣжнымъ, смущеннымъ выраженіемъ.— Чѣмъ тебя потчивать? Хочешь вина? Или кофе? Или...

Дверь растворилась, и въ комнату вошла толстая женщина, лѣтъ сорока слишкомъ. Одежда на ней была наполовину деревенская, наполовину городская; на пальцахъ блестяли золотыя кольца, въ ушахъ красовались серьги въ видѣ поплавковъ. Лицо ея пылало, на лбу выступили крупныя капли пота, какъ будто она только что жарилась у огня. Въ лицѣ ея и во всѣхъ манерахъ выражалась какая-то смѣсь фамильярности и смущенія; она, очевидно, не знала, какъ ей встрѣтить вернувшася домой сына. Наконецъ, она подошла къ Кануту, протянула ему руку и сказала, стараясь принять степенное выраженіе:— Добро пожаловать, Кануть!

Кануть остановился, не выпуская ея жирной, влажной руки, и, ничего не отвѣчая, вопросительно смотрѣлъ то на нее, то на отца. Наступило неловкое молчаніе, и Кануть, наконецъ, выпустилъ жирную, влажную руку. Гольтъ усѣлся на диванъ и, откашлявшись, началъ нѣсколько подавленнымъ голосомъ:

— Что-же ты не сядешь Кануть? Ты навѣрное усталъ послѣ путешествія...

Толстая женщина нѣкоторое время стояла неподвижно, не зная, на что рѣшиться; лицо ея разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, она съ рѣшительнымъ видомъ подошла къ Гольту и сѣла возлѣ него на диванъ. Гольтъ вскочилъ какъ ужаленный, но тотчасъ снова овладѣлъ собою и обратился къ Кануту.

— И такъ, мы говорили... да, скажи, что тебѣ принести? Катерина, ты приготовила...

— Я сварила кофе, отвѣтила Катерина, которая вдругъ поблѣднѣла. Гольтъ вопросительно смотрѣлъ на сына.

— Хочешь?...

Кануть утвердительно кивнулъ головой, и Катерина исчезла.

Кануть медленно закурилъ сигару и усьмлся въ кресло, стоявшее возлѣ окна.

— А что, отецъ, можетъ быть Богъ далъ мнѣ братца или сестрицу?

Старикъ Гольтъ попытался захохотать, но это ему какъ-то плохо удалось.

— Тебя это удивляетъ?... Видишь-ли, вѣдь она давно служить въ домѣ... ну, со временемъ отношенія и становятся фамиллярны... Впрочемъ, увѣряю тебя...

— Полно, отецъ. Ты имѣешь такое-же право выбирать себѣ друзей, какъ и я.

Подали кофе, но его принесла уже другая дѣвушка. Катерина не показывалась болѣе. Когда дѣвушка удалилась, Кануть замѣтилъ, потягивая кофе.

— Она умѣетъ варить кофе; это дѣлаетъ ей честь... Ну, отецъ, теперь набей себѣ трубку, а затѣмъ покажи себя во всемъ блескѣ: изготовь для сына самыхъ жирныхъ тѣльцовъ города.

— Ха, ха, ха! разсмѣялся Гольтъ, и на этотъ разъ смѣхъ его былъ непринужденный.— Подожди, придетъ время, когда ты получишь и тучныхъ, и тощихъ. А теперь расскажи мнѣ про свои путешествія.

Онъ закурилъ трубку, взялъ стулъ и подсѣлъ къ сыну.

— Помнишь, когда ты въ послѣдній разъ вернулся изъ-за границы? Слушаешь тебя, бывало,—точно Дарвина читаешь; ей-Богу!

— Это ужь твое отцовское сердце разукрашивало мои рассказы.

— Отцовское сердце... да, можетъ быть; не спорю... и то правда, вѣдь за всѣ эти годы я сидѣлъ здѣсь одинъ одинешенекъ...

Онъ закаплялся и судорожно покусывалъ наконецникъ чубука. Кануть смотрѣлъ въ окно и нѣкоторое время молчалъ.

— Мнѣ не о чемъ рассказывать, сказала онъ наконецъ; но голосъ его принялъ мягкій, нѣжный отгвнокъ.

— Ты шутишь! Возможно-ли, чтобы ты при твоей впечатлительной натурѣ...

— Увѣряю тебя, отецъ; я, право, не знаю, о чемъ говорить.

Гольтъ нѣсколько времени съ тревожнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на сына и машинально потиралъ свои загнутые когтеобразные ногти о длинныя зубы.

— Такъ скажи-же мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ все это случилось? Вѣдь ты думалъ поселиться въ Лиссабонѣ?..

— Да.

— Стало быть, раздумалъ?

— Да... Оказалось такое обстоятельство, которое...

— Значить, ты внезапно измѣнилъ всѣ свои планы?

Кануть пылливо посмотрѣлъ на отца.

— Да; а развѣ ты что-нибудь о нихъ слышалъ?

Гольтъ покраснѣлъ. Вѣдь онъ поднялъ на ноги всѣхъ лиссабонскихъ купцовъ, съ которыми состоялъ въ торговыхъ сношеніяхъ, чтобы узнать хоть что-нибудь объ этихъ планахъ.

— Ты слышалъ, что я намѣревался жениться? продолжалъ спрашивать Кануть.

— Да... признаюсь, слышалъ.

— Это правда.

— Но?..

— Она умерла.

Гольтъ съ участіемъ посмотрѣлъ на сына.

— Бѣдный малый; какое это для тебя горе. Теперь я понимаю, почему твое настроеніе...

— Ты ошибаешься отецъ. Я не горюю о ней.

Гольтъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Кто была эта дѣвушка? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Норвежская американка изъ Буеносъ-Айреса. Я поѣхалъ въ Лиссабонъ безъ нея, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія. Пароходъ, на которомъ она выѣхала вслѣдъ за мною нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пропалъ безъ вѣсти. Я до сихъ поръ не могъ получить никакихъ свѣдѣнй о постигшей ее судьбѣ.

Наступило молчаніе. Старикъ Гольтъ былъ доволенъ и чувствовалъ признательность за откровенность сына. Эта американка, о которой онъ, впрочемъ, не имѣлъ, да теперь и не желалъ имѣть ни малѣйшаго понятія, не разъ тревожила его въ долги безсонныя ночи. Сколько разъ онъ мысленно проклиналъ эту чужую женщину, которая грозила похитить у него сына; сколько разъ онъ желалъ, чтобы ее поглотила морская пучина; и вотъ, наконецъ, желаніе его исполнилось.

Кто-то постучалъ въ дверь. Гольтъ крикнулъ: — «Входите!» и въ полуотворенной двери показалось молодое, румяное лицо, окаймленное густыми, золотистыми бѣлокурными кудрями.

Кануть вскочилъ.

— Петръ! Урра, урра!

Онъ бросился къ входившему, вытащилъ его на середину комнаты, обвилъ рукою его плечи и воскликнулъ:

— Отъ всей души радуюсь, что вижу наконецъ твое безсовѣстно-веселое лицо. Оно совершенно такое-же, какое было передъ моимъ отъѣздомъ. Право, стоитъ только посмотрѣть на тебя, чтобы выздоровѣть отъ всякой болѣзни.

Молодой человѣкъ, бухгалтеръ Петръ Стрѣмъ, крѣпко пожалъ руку Канута и съ любовью смотрѣлъ на него своими добрыми голубыми глазами, на которыхъ навернулись слезы, Онъ былъ не въ состояніи вымолвить хоть одно удобопонятное слово.

— Пойдемъ, сядемъ вотъ здѣсь, сказалъ Кануть, ведя его за собою къ дивану.— Отецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Гольту, — распорядись-ка, чтобы подали самаго лучшаго вина для моего лучшаго друга! Надо провести сегодняшній вечеръ повеселѣе.

Старикъ Гольтъ засуетился и поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты. Взбурораживъ и изумивъ своими распоряженіями весь кухонный персоналъ, онъ самъ спустился въ громадный, глубокій, какъ пропасть, погребокъ и нѣсколько времени спустя вернулся съ корзиной, наполненной запыленными бутылками

всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ. Были тутъ бѣлыя, прозрачныя бутылки съ желтымъ сургучемъ, отечествомъ которыхъ была Франція, были длинныя и зеленатовыя — съ Рейна, широкія, съ посеребренными головками — изъ Шампани, и наконецъ приземистыя, почти черныя — съ мыса Доброй Надежды. Бѣгая и суетясь, онъ то и дѣло твердилъ: — «Слава Богу! Слава Богу! Да, да, я его угощу на славу». Вѣдь это онъ привелъ Канута въ хорошее расположеніе духа; съ его приходомъ недовольное выраженіе исчезло въ лицѣ сына безъ слѣда. — «Да, да, я угощу его такимъ виномъ, какое немногимъ приходилось пить въ этомъ городѣ. Слава Богу!».

Вскорѣ всѣ трое сидѣли за круглымъ столомъ и пробовали вино Гольта. Впрочемъ, Кануть не рассказывалъ про свои путешествія, а исключительно говорилъ о томъ, какъ они въ прежнее время жили съ Петромъ. — «Помнишь-ли?... Помнишь-ли?» повторялъ онъ то и дѣло. И оказалось, что Петръ не забылъ ничего. Все, что они пережили вмѣстѣ, сохранилось въ его вѣрной памяти. И какъ онъ былъ счастливъ, какъ онъ гордился тѣмъ, что Кануть Гольтъ, его школьный товарищъ и другъ, лучший, величайшій изъ извѣстныхъ ему людей, давалъ себѣ трудъ вспоминать про старое время.

Старикъ Гольтъ молчалъ, потиралъ ногтями свои зубы и думалъ: «Другого такого человѣка, какъ мой молодецъ, не найти во всей странѣ».

Когда они поужинали и, закуривъ сигары, опять сидѣли за виномъ, Петръ полузастѣнчиво замѣтилъ: — А мы въ своемъ народномъ обществѣ дружно боролись противъ Біорнгольта и Гамре.

— Народное общество?.. Что это такое?

— Неужели ты забылъ про народное общество, которое самъ-же основалъ?

— Ахъ да... Стоить-ли помнить о такихъ пустякахъ?

Петръ весь побагровѣлъ.

— Да, конечно, теперь оно не представляетъ собою ничего особеннаго, сказалъ онъ, какъ будто извиняясь. — Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, у насъ не было настоящихъ ораторовъ. Но мы все-таки старались по мѣрѣ силъ, и если Біорнгольтъ и Гамре за все это время не были избираемы, то этимъ они, смѣю надѣяться, до нѣкоторой степени обязаны намъ. Не правда-ли, Гольтъ?

Гольтъ утвердительно кивнулъ.

— Что за несносное постоянство, пронически зимѣтилъ Кануть; — я вижу, здѣсь рѣшительно все вѣчно и неглѣбно.

— Но... но... забормоталъ Петръ,—развѣ мы не хорошо поступали?

— Ходи на рынокъ, покупай и продавай, обростай жиромъ и заведи себѣ высокіе воротнички, какъ Гамре, мой милый Петръ. Грѣшно вамъ было мѣшать его избранію. Теперь онъ уже могъ-бы быть министромъ.

— Гамре! Ты не можешь серьезно думать, что...

— Милый другъ, будемъ рассуждать, какъ серьезные люди. Случалось-ли тебѣ видѣть когда-нибудь, какъ Гамре провозглашаетъ тость? Обращалъ-ли ты вниманіе, какой видъ принимаетъ во время такой торжественной церемоніи его носъ? Нѣтъ? Напрасно; слѣдуетъ обращать вниманіе на все. Увѣряю тебя, что въ такомъ государствѣ, какъ наше, въ личности министра главное значеніе имѣетъ носъ. Онъ долженъ быть торжественный; министру необходимо обладать способностью къ официальной мимикѣ. У Гамре совершенно министерскій носъ; пускай-же онъ слѣдуетъ своему естественному призванію.

— Ты шутишь?

— Да. Но развѣ обо всемъ этомъ стоитъ говорить серьезно? Какого дьявола вы добиваетесь? Ну, чего, на примѣръ, ты самъ, Петръ, можешь достигнуть? Можетъ быть, ты желаешь быть вожакомъ или министромъ?

— Я? Сохрани Боже!

— А въ такомъ случаѣ, повторяю тебѣ еще разъ: ходи себѣ на рынокъ да на биржу и читай своихъ классиковъ: «Съ пшеницею—слабѣе, съ сиропомъ — твердо». Пускай дерутся между собою тѣ, кто добивается лавровыхъ вѣнковъ и орденовъ!

— Но вѣдь борются-же люди въ другихъ странахъ...

— Сытые и голодные?.. да, на жизнь и смерть; и эта борьба дойдетъ когда-нибудь и до насъ. Впрочемъ, сегодня вечеромъ позабудемъ какъ о великой борьбѣ на широкомъ всемірномъ поприщѣ, такъ и о грызнѣ въ нашей узкой сферѣ. Пью за твое круглое, здоровое лицо, Петръ! Позаботься о

томъ, чтобъ родъ твой сдѣлался безсмертнымъ; тогда намъ не придется бояться ни сытыхъ, ни голодныхъ!

Но прежній веселый тонъ уже не возвращался. — «Онъ очень измѣнился», подумалъ про себя старикъ Гольтъ, и это открытіе заставило его задуматься. Петръ былъ сильно разочарованъ. Онъ съ гордостью готовился сказать Кануту: «Мы твердо, непоколебимо держались твоей программы»;—и вдругъ пришлось услышать, что они занимались пустяками. «Впрочемъ, Кануть, конечно, правъ», подумалъ онъ;—«мы вѣроятно поступали не такъ, какъ слѣдовало».

Кануть замѣтилъ, что огорчилъ друга; онъ хлопнулъ его по плечу и сказалъ:—Не обращай вниманія на мои слова! Я прежде времени умеръ для всѣхъ серьезныхъ вопросовъ и «по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ» удалился отъ общественныхъ дѣлъ...

Уже поздно вечеромъ Петръ, пожелавъ доброй ночи, удалился, а Кануть поднялся въ свою комнату. Онъ подсѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на городъ. Крыши домовъ, расположенныхъ на самыхъ высокихъ точкахъ, церковная колокольня и нѣсколько небольшихъ черныхъ деревьевъ, которыя росли на высотѣ, рѣзко обрисовывались на болѣе свѣтломъ фонѣ безоблачнаго неба. Въ морѣ, на оконечности мола, сверкалъ маякъ. Въ домахъ кое-гдѣ виднѣлись еще освѣщенные окна. За городомъ, какъ мрачная пропасть, зяло море.

Изъ своего окна Кануть могъ видѣть вымощенную каменьями площадку передъ домомъ купца Вика. Ему помнилось, какъ онъ, бывало, часто игралъ тамъ ребенкомъ. Съ того времени еще сохранилось въ немъ живое, неизгладимое впечатлѣніе, которое произвели на него обитатели этого дома. Личность самого Вика была для него особенно сильно связана съ представленіемъ объ одномъ эпизодѣ изъ его дѣтской жизни. Дѣло происходило зимою, въ теплый день, въ воскресенье; вмѣстѣ съ другими ребятами онъ соорудилъ на этой площадкѣ изъ влажнаго снѣга великолѣпныя насыпи и крѣпости. Партія Канута съ громкими криками «ура!» только-что принялась штурмовать непріятельскую позицію, какъ вдругъ между ними очутился возвращавшійся изъ церкви Викъ; торжественно одѣтый въ черную воскресную одежду, онъ однимъ своимъ присутствіемъ вызвалъ мертвую тишину. У самыхъ храбрыхъ задрожали колѣни, когда онъ съ укоризною началъ

оглядывать каждого въ отдѣльности и, наконецъ, сказалъ своимъ замогильнымъ голосомъ: «Развѣ родители васъ такъ учили соблюдать воскресеніе? Убирайтесь домой и съ молитвою и покаяніемъ падите ницъ предъ лицомъ Господа!» Оба войска въ ту-же секунду исчезли, словно разсѣянные бурей, и площадь опустѣла.

Послѣ этого памятнаго дня Кануть рѣдко спускался на эту площадку и всегда боязливо сторонился, когда встрѣчалъ Вика на улицѣ. Ему все слышались слова — «съ молитвою и покаяніемъ», а самъ Викъ представлялся шествующимъ по толпѣ молящихся на колѣняхъ людей, которыхъ онъ безжалостно растапывалъ ногами. Образъ этого человѣка надолго сохранилъ для него мистическій характеръ. Когда ему приходилось слышать или читать про мстительнаго Бога Израиля, передъ нимъ всегда рисовалось каменное лицо купца Вика.

Въ томъ-же домѣ скрывалось для него еще и другое страшилище. Это была сестра Вика, высокая женщина, всегда ходившая въ черномъ платьѣ и даже носившая черныя лаковыя манжетки. И ей Кануть также отвелъ мѣсто въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, въ обществѣ пророковъ и патриарховъ.

Корнелію Кануть обыкновенно видалъ только въ церкви. Здѣсь эта маленькая, хилая дѣвочка, съ сѣроватымъ цвѣтомъ лица, съежившись, сидѣла на скамейкѣ и изрѣдка поглядывала на прихожанъ глазами, въ которыхъ свѣтились глубокое смиреніе и покаяніе. Кануту всегда казалось, что она въ сущности принадлежитъ къ царству мертвыхъ и появляется въ этомъ мѣстѣ только для того, чтобы смотрѣть на него своимъ серьезнымъ, сострадательнымъ взглядомъ. Поэтому онъ не мало удивился, когда однажды увидѣлъ, какъ она играла передъ отцовскимъ домомъ съ дочерями сосѣда кузнеца въ «рай». Видѣніе это, впрочемъ, быстро исчезло. «Корнелія!» крикнулъ изъ дома грубый мужской голосъ, и она скрылась съ быстротою вѣтра, между тѣмъ какъ остальные дѣвочки попрытались, кто куда могъ.

Когда онъ сдѣлался взрослымъ, они встрѣчались только мелькомъ, и послѣ каждой встрѣчи онъ выносилъ убѣжденіе, что она уже не выбѣгала украдкою на улицу, чтобы играть въ «рай».

Долго сидѣлъ онъ у окна, глядѣлъ на вымощенную камнемъ площадку и думалъ о тѣхъ, кто жилъ за этимъ зеленымъ заборомъ.

III.

Однажды, въ непогодный, дождливый ноябрьскій день, въ мастерскую переплетчика и типографа Ольсена вошелъ худощавый человекъ съ красивымъ, но очень исхудалымъ лицомъ и большими бѣлыми зубами. Онъ только-что пріѣхалъ на единственномъ маленькомъ пароходѣ, который въ то время ходилъ къ фюрдамъ, и весь его багажъ заключался въ висѣвшей черезъ плечо черной кожаной сумкѣ. Онъ искалъ работы и вручилъ переплетчику письмо отъ одного чиновника изъ сосѣдняго приморскаго городка. Чиновникъ этотъ, съ которымъ у переплетчика были дѣловыя отношенія, писалъ слѣдующее:

«Онъ дѣльный человекъ, но безпокойная голова. Отецъ его былъ неисправимымъ прожектеромъ и пьяницею. Вы оказали-бы мнѣ услугу, если-бы могли доставить занятіе подателю письма, отъ котораго-бы намъ очень хотѣлось отдѣлаться».

Переплетчикъ почесалъ себѣ голову. Рекомендація показалась ему далеко неудовлетворительною. Впрочемъ... онъ былъ многимъ обязанъ этому чиновнику, который доставлялъ ему ежегодно не мало работы. Слѣдовательно, «безпокойной головой» невозможно было безъ дальнѣйшихъ разсужденій указать на дверь. Онъ приступилъ къ разспросамъ.

— Ваше имя?

— Гольтъ.

— Вы были подмастерьемъ въ переплетной мастерской или...

— Я механикъ.

— Ме... ме...?—Переплетчикъ выпучилъ глаза отъ удивленія.

— И семинаристъ...

— Се... се...?—Переплетчикъ такъ и замеръ на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ. Какое занятіе могъ онъ дать въ своей мастерской механикамъ и семинаристамъ?

— А кромѣ того — отчасти столяръ и садовникъ, прибавилъ незнакомецъ, оскаливъ зубы съ такою улыбкою, которая совсѣмъ не понравилась почтенному ремесленнику.

Онъ еще разъ перечиталъ письмо и плюнулъ отъ досады.

— Чортъ меня возьми, если я знаю, что ему отвѣтить! воскликнулъ онъ наконецъ.

— Я имѣю нѣкоторое понятіе и о типографскомъ дѣлѣ.

Нельзя-ли мнѣ будетъ помогать вамъ при изданіи газеты? замѣтилъ пріѣзжій.

— При изданіи газеты! И то правда! — Переpletчикъ издавалъ единственную въ городѣ газету. Для того, чтобы ее редактировать, требовалась, положимъ, не Богъ вѣсть какая мудрость; но переpletчикъ Ольсенъ, къ сожалѣнію, не былъ литературнымъ гениемъ. Его газета всегда блистала самыми фантастическими опечатками. Слѣдовательно, ему нуженъ былъ человекъ, который-бы умѣлъ читать корректуры, а такъ какъ Гольтъ называлъ себя семинаристомъ, то, вѣроятно, онъ былъ посвященъ въ тайны правописанія. Быть можетъ, представлялся даже случай дешевымъ способомъ пріобрѣсти драгоценнаго помощника. Переpletчикъ рѣшился приступить къ переговорамъ насчетъ условій. Пріѣзжій не заявлялъ высокихъ требованій, и они скоро сошлись. Такимъ образомъ Арне Гольтъ сдѣлался жителемъ этого приморскаго городка.

«Отецъ его былъ неисправимымъ прожектеромъ и пьяницею», гласила краткая біографія въ письмѣ чиновника. И это было совершенно вѣрно. Онъ былъ человекомъ, которому въ жизни положительно не везло. По ремеслу онъ былъ, собственно говоря, столяръ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считался оружейникомъ, часовщикомъ и корабельнымъ мастеромъ. Въ каждой изъ этихъ профессій онъ сдѣлалъ какое-нибудь изобрѣтеніе, но всѣ они являлись какъ-то не во время, слишкомъ поздно, какъ послѣ ужина горчица. Будучи подмастерьемъ, онъ пѣшкомъ исходилъ Данію и Германію, гдѣ, между прочимъ, познакомился съ писателями эпохи просвѣщенія. Вернувшись домой, онъ ревностно началъ пропагандировать тѣ взгляды, которые почерпнулъ изъ книгъ; но и въ этомъ случаѣ, какъ оказалось, опоздалъ. То, что считалось когда-то просвѣщеніемъ, теперь представлялось ересью, а онъ самъ вскорѣ пріобрѣлъ репутацію опаснаго человека, пересталъ получать работу, сдѣлался желчнымъ и нелюдимымъ, въ концѣ концовъ сталъ заниматься исключительно моделями машинъ, которыя никогда не доводилъ до конца, зачастую голодалъ, сильно пилъ и умеръ въ крайней нуждѣ, всѣми забытый.

Сынъ его Арне унаслѣдовалъ умную голову отца и въ первое время, казалось, собирался сдѣлаться такимъ-же неудачникомъ, какъ отецъ. Сначала онъ попалъ въ ученые къ механику, затѣмъ поступилъ въ семинарію и вездѣ былъ первымъ,

но какъ скоро заявлялъ, на основаніи своихъ аттестатовъ, претензію на какое-нибудь мѣсто, непремѣнно терпѣлъ фіаско. Несчастье его состояло въ томъ, что никто не могъ его выносить. Его манера всегда держаться прямо казалась начальникамъ вызывающею, его дерзко-пытливый, пронизывающій взглядъ, его внезапная улыбка, обнаруживавшая цѣлый рядъ жемчужно-бѣлыхъ зубовъ, напоминавшихъ шеренгу солдатъ, выступающихъ подъ солнцемъ съ саблями на-голо, казались имъ насмѣшливыми, его откровенная, искренняя рѣчь—непочтительною и дерзкою. «Что касается способностей, гласить общій отзывъ,—ему нельзя не отдать справедливости; но характеръ... гмъ!...». Онъ во всѣхъ отношеніяхъ считался достойнымъ сыномъ своего отца.

Послѣ смерти отца онъ остался одинъ, какъ перстъ, безъ средствъ и безъ работы. Все его наслѣдство состояло изъ неоконченныхъ моделей разныхъ машинъ и изъ имени, которое пользовалось плохую репутаціей. Но сынъ, повидимому, обладалъ болѣе упругою натурою, чѣмъ отецъ. Неудачи не сломили его энергіи. Онъ началъ съ того, что еще разъ обошелъ всѣхъ вліятельныхъ людей города и просилъ, чтобы ему доставили средства окончить свое образованіе. Его всюду встрѣчали по-христіански, но холодно. Ему указывали на искушенія честолюбія и на сладкіе плоды смиренія, а въ концѣ концовъ совѣтовали поступить въ ученіе къ мѣстному кузнецу, пользовавшемуся репутаціей истиннаго христіанина. Единственнымъ результатомъ всѣхъ хлопотъ была рекомендація къ переплетчику Ольсену, который далъ ему работу при своей газетѣ и въ переплетной мастерской.

Такимъ образомъ онъ сталъ переплетать книги, набиралъ газету и держалъ корректуры. Нѣсколько времени спустя онъ удостоился повышенія. Переплетчикъ имѣлъ очень высокое понятіе о его знаніяхъ и умственныхъ способностяхъ и возложилъ на него важную обязанность отмѣчать краснымъ карандашемъ тѣ новости, которыя должно было перепечатывать въ «Официальномъ листкѣ» изъ другихъ газетъ. Гольтъ работалъ за четверыхъ, мерзнулъ, нерѣдко даже голодалъ, но успѣвалъ откладывать деньги. Въ одинъ прекрасный день онъ предложилъ своему патрону войти съ нимъ въ долю по типографскому дѣлу и по изданію газеты. Хозяинъ проникся къ нему еще болѣшимъ уваженіемъ и тѣмъ охотнѣе принялъ его

предложеніе, что самъ почти всегда нуждался въ деньгахъ. Начиная съ этого времени, Гольтъ сдѣлался единственнымъ редакторомъ газеты. Вступивъ въ эту должность, онъ немедленно прославился во всемъ городѣ, да такъ основательно, что съ тѣхъ поръ о немъ уже не забывали никогда. Безобидная маленькая газетка, печатавшаяся на синеватой бумагѣ, въ которой плохѣ разработанная масса образовала лепешки, не особенно способствовавшіе ясности печати, до тѣхъ поръ никогда еще не покидала нейтральной области новостей и объявленій. Но когда власть перешла въ руки Гольта, дѣло измѣнилось. Онъ началъ съ того, что написалъ презадорную статью насчетъ «глубокаго сна», въ который погружень городъ. Общество нуждается отъ времени до времени въ будильникѣ, въ небольшомъ зажигательномъ снарядѣ, говорилъ онъ, и редакція намѣрена впредь заботиться объ удовлетвореніи этой потребности. За эту статью послѣдовали другія, еще болѣе смѣлыя и выразительныя. Ничтожная газетка, которая прежде была покорнымъ органомъ торговыхъ объявленій и коммунальныхъ рѣшеній, вдругъ стала безжалостно клеймить самыхъ почетныхъ представителей городского населенія и потрясать священныя основы общества. Естественнымъ послѣдствіемъ такой метаморфозы было то, что всѣ благомыслящіе подписчики отказались отъ нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончилась и редакторская дѣятельность Гольта. За статьи свои онъ заплатился долею, внесенною имъ въ основной капиталъ газеты; переплетчикъ снова вступилъ на редакторскій престолъ, принесъ покаяніе и былъ прощенъ.

Тогда Гольтъ продалъ свою долю въ капиталѣ типографіи и открылъ въ какомъ-то подвалѣ мелочную лавку. Дѣло пошло успѣшно. Благодаря своему обширному знакомству, онъ сталъ наживать деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ весело проводить время. Изъ его подвала по городу разносились ѣдкия, попадавшія прямо въ цѣль, остроты; онъ въ нѣкоторомъ родѣ продолжалъ свою прежнюю публицистическую дѣятельность и былъ тѣмъ опаснѣе, что теперь уже никто не могъ зажать ему ротъ. Истинное избавленіе почувствовали почтенные горожане, когда Гольтъ, нѣсколько лѣтъ спустя, закрылъ свою лавочку и возвратился въ свое родное мѣстечко.

Здѣсь онъ купилъ себѣ домъ, началъ торговлю, быстро пошелъ въ гору и скоро сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Въ быт-

ность свою въ этомъ приморскомъ мѣстечкѣ онъ и женился. Онъ полюбилъ молодую дѣвушку, которая въ то время уже была помолвлена съ богатымъ купцомъ Викою. Оригинальный, независимый характеръ, желчныя, но умныя разговоры Гольта, который жилъ и обѣдалъ у ея матери, небогатой вдовы, отдававшей въ наймы меблированныя комнаты, производили на молодую дѣвушку сильное впечатлѣніе. Отношенія ея къ Викоу сдѣлались холоднѣе; она стала сторониться отъ благочестиваго общества, собиравшагося въ его домѣ, и, наконецъ, отказала своему жениху.

Отцы Якова Вика и Арне Гольта были смертельными врагами. Послѣдній утверждалъ, что старый Вискъ былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ его несчастій. Сынѡвья-же, напротивъ, были въ дѣтствѣ товарищами и, насколько было извѣстно, никогда не ссорились. Но въ послѣднее время всякое знакомство между ними прекратилось и они уже нѣсколько лѣтъ не говорили другъ съ другомъ. Но когда Яковъ Вискъ узналъ объ отношеніяхъ, которыя существовали между его бывшею невестою и Гольтомъ, онъ явился къ старому товарищу дѣтства и спросилъ его, какія у него намѣренія относительно дѣвушки. Гольтъ отвѣчалъ шутками и насмѣшками. Тогда Вискъ положилъ ему на плечо свою тяжелую руку и сказалъ:— «Ты меня знаешь, Арне Гольтъ; тебѣ извѣстно, что я никогда не былъ трусомъ. Слушай-же, на что я рѣшился: если ты ее обманешь, я тебя убью. Я знаю, что меня ожидаетъ въ этомъ случаѣ; но если мнѣ даже придется навѣки погубить свою душу, я тебя все-таки убью».

Весною Гольтъ женился на дочери вдовы; лѣтомъ родился Кануть, а вскорѣ послѣ этого его мать умерла.

Гольтъ еще разъ перемѣнилъ мѣсто своего жительства. Онъ продалъ домъ и переехалъ въ городъ, гдѣ Яковъ Вискъ поселился уже раньше. Начиная съ этого времени, Гольтъ вступилъ въ самый блестящій періодъ своей жизни. Онъ опять затѣялъ неслыханное дѣло, рѣшившись конкурировать съ самыми крупными рыбными торговцами города. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, его рыбная торговля считалась второю въ городѣ; первое мѣсто по прежнему сохранилъ за собою Гамре. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приобрѣлъ нѣсколько кораблей для перевозки грузовъ, основалъ заводъ для приготовленія гуано, бочарню, лѣсопильню въ одномъ изъ фюрдовъ, — словомъ, началъ конкур-

ренцію съ старыми домами во всѣхъ областяхъ промышленности, и счастье ему всюду благопріятствовало.

Сначала населеніе города съ недовѣріемъ смотрѣло на его дерзкія предпріятія и пророчило, что все кончится страшнымъ крахомъ. Но ожидаемый крахъ не наступалъ, и мало по малу люди стали проникаться уваженіемъ къ практическимъ способностямъ Гольта.

Внѣ дѣловой жизни Гольтъ обращалъ на себя вниманіе только своею необыкновенною благотворительностью. Онъ жертвовалъ крупныя суммы на различныя учрежденія и всегда являлся первымъ на всякихъ базарахъ и подпискахъ въ пользу нуждающихся. «Онъ хочетъ покаяться въ старыхъ грѣхахъ и заставить насъ забыть прежнія его выходки», поговаривали въ «старыхъ домахъ» города. И дѣйствительно, Гольтъ видимо желалъ примириться съ вліятельными представителями городского населенія, на которыхъ когда-то нападалъ съ такою яростью, и всѣми силами старался проникнуть въ общество мѣстной аристократіи. Но недавніе враги его не вѣрили въ такое быстрое исправленіе; за немногими исключеніями, двери «старыхъ домовъ» не растворялись передъ Гольтомъ.

И «старые дома» не ошиблись. Въ одинъ прекрасный день ястребъ снова закружился надъ ними и надъ тѣми, кто ихъ поддерживалъ.

Въ то время городомъ правилъ Гамре, которымъ далеко не всѣ были довольны. Онъ пользовался властью и вліяніемъ для своихъ личныхъ интересовъ, окончательно пренебрегалъ интересами города и покровительствовалъ только тѣмъ, кто принадлежалъ къ его кликѣ. Гольтъ повелъ противъ него дѣятельную агитацію. Число недовольныхъ возросло съ каждымъ днемъ; вскорѣ онъ занялъ мѣсто Гамре, и въ городѣ наступило время реформъ: улицы были вымощены заново, городъ сталъ лучше освѣщаться, въ гавани произведены были обширныя работы, по инициативѣ Гольта возникло новое общество каботажныхъ пароходовъ, былъ основанъ новый банкъ, и всѣ эти предпріятія процвѣтали, не мало содѣйствуя популярности его имени.

Наконецъ, онъ встрѣтился съ своимъ противникомъ и на политическомъ поприщѣ. Гамре былъ, разумѣется, непоколебимымъ оплотомъ и защитникомъ всего существующаго, а Гольтъ принадлежалъ, конечно, къ оппозиціонной партіи. Онъ опирался,

главнымъ образомъ, на ремесленне населеніе и на своихъ рабочихъ. Впослѣдствіи въ этомъ обстоятельствѣ стали отыскивать причину того, что Гольтъ съ такою нѣжностью заботился о своихъ рабочихъ, давалъ имъ высокую заработную плату, пытался даже доставить имъ возможность сдѣлаться пайщиками его предпріятія и въ особенности хлопоталъ, чтобы они приобрѣтали поземельную собственность. Понятное дѣло, что они подавали голоса въ его пользу, и на первыхъ-же выборахъ Гольтъ одержалъ блестящую побѣду. Изъ года въ годъ онъ былъ назначаемъ избирателемъ, и всѣ стали ожидать, что вскорѣ онъ явится кандидатомъ на званіе представителя города въ національномъ собраніи. Но, ко всеобщему удивленію, Гольтъ дальше не пошелъ и довольствовался только тѣмъ, что препятствовалъ избранію Гамре и его друзей.

Тѣмъ временемъ Кануть сдѣлался студентомъ. Затѣмъ онъ въ продолженіи нѣкотораго времени посѣщалъ коммерческую академію, но, не чувствуя никакого призванія къ торговлѣ, опять поступилъ въ университетъ и выдержалъ медицинскій государственный экзамень. Послѣ этого онъ отправился на одномъ изъ шведскихъ кораблей во многія страны Европы, а впослѣдствіи посѣтилъ Америку.

Изъ этихъ путешествій Кануть вернулся домой пламеннымъ демократомъ, который жаждалъ только одного, — борьбы на жизнь и смерть противъ всякаго рода неправды. Въ маленькомъ рыболовномъ городѣ, насквозь пропитанномъ рыбьимъ жиромъ, изъ рода въ родъ удерживалось и передавалось предпочтеніе ко всему старому: къ старымъ людямъ и именамъ, — что вполнѣ похвально, — къ старымъ капиталамъ, къ старымъ взглядамъ и привычкамъ, что далеко не всегда похвально. А Кануть, который явился домой наэлектризованный безчисленными новыми впечатлѣніями, напротивъ, любилъ именно все молодое и новое и, какъ мы уже сказали, чувствовалъ призваніе бороться противъ всего, что ему казалось дурнымъ и несправедливымъ. Въ основанномъ имъ новомъ обществѣ онъ сталъ читать лекціи по всемірной исторіи, въ которыхъ называлъ многихъ историческихъ героевъ шайкою враговъ прогресса. Здѣсь-же онъ подробно рассказывалъ о томъ, что ему пришлось видѣть на чужбинѣ: онъ видѣлъ благородныхъ, образованныхъ мужчинъ, великодушныхъ, самоотверженныхъ женщинъ, которыя были осуждены проводить всю свою жизнь въ обществѣ грубыхъ пре-

ступниковъ,— мужчины за свое непреодолимое стремленіе къ независимости, женщины за то, что оплакивали участь своихъ мужей, отцовъ и сыновей. Здѣсь-же, наконецъ, ему пришлось говорить и про «героя свободы, въ глазахъ котораго отражается свѣтлая картина будущаго».

Не мудрено, что мирные, осторожные обитатели маленькаго приморскаго городка, которые искони спокойно жили за своими «шерами», продавали рыбу и пуще всего дорожили своими сокровищами и привычками, стали молить Бога, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ этой чумы, и съ необычайнымъ для нихъ одушевленіемъ прижкнули къ Біорнгольту, который немедленно ополчился «за старую вѣру противъ новаго ученія».

Всѣ ждали продолжительной борьбы, но, къ всеобщему удивленію, Кануть очень скоро сошелъ съ своей профессорской кафедрѣ и покинулъ городъ и страну. Біорнгольтъ собственно-ручно преподнесъ себѣ въ своей газетѣ лавровый вѣнокъ, объявивъ, что онъ проучилъ этого молокососа; но въ дѣйствительности внезапный отъѣздъ Канута объяснялся иначе. Самъ старикъ Гольтъ побудилъ сына покинуть поле битвы. Дѣло въ томъ, что даже сторонники его собственной партіи пришли въ ужасъ отъ пропаганды молодого идеалиста, котораго они въ сущности совсѣмъ не понимали. «Неблагоданѣреннѣмъ» точно такъ-же какъ и «благоданѣреннѣмъ» «герой свободы съ картиною будущаго въ глазахъ» пришелся совсѣмъ не по вкусу. Старикъ Гольтъ понялъ, что сынъ грозитъ подорвать его собственное вліяніе и что его слѣдовало удалить на нѣкоторое время, пока онъ не «остепенится». — «Тебѣ рано еще становиться на якорь передъ нашимъ маленькимъ неисправимымъ городомъ», сказалъ онъ однажды Кануту;— «путешествуй, осмотри, изучи все, что мнѣ самому когда-то хотѣлось осмотрѣть и изучить». Такъ какъ въ то-же время получены были извѣстія о рабочемъ движеніи въ нѣсколькихъ государствахъ Европы, то уговорить Канута было не трудно. Онъ поспѣшилъ на болѣе широкое поле дѣятельности.

Послѣ его отъѣзда отецъ не имѣлъ о немъ почти никакихъ извѣстій. Отъ времени до времени приходило, правда, письмо изъ Берлина, изъ Вѣны или изъ Парижа, но и въ нихъ было очень мало свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Кануть. Затѣмъ наступилъ долгій періодъ, въ продолженіи котораго совсѣмъ не было писемъ. Наконецъ, одинъ лиссабон-

скій торговый домъ извѣстилъ Гольта, что Кануть въ непродолжительномъ времени долженъ прибыть изъ Буенось-Айреса въ Лиссабонъ. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ письмо отъ самого Канута, который въ короткихъ словахъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи вернуться на родину.

А дома тѣмъ временемъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Вліянію Гольта грозила опасность со стороны новонарождавшейся силы. Столяръ Вильгагенъ, который прежде славился только своею необыкновенно ломкою мебелью, въ одинъ прекрасный день произнесъ чрезвычайно назидательную рѣчь «о мертвомъ христіанствѣ», и это событіе послужило исходною точкою религіознаго движенія, которое охватило сначала среднее сословіе, а впослѣдствіе проникло, при посредствѣ нѣсколькихъ молодыхъ священниковъ, и въ «старые дома». Теперь вдругъ стали замѣчать, что Гольтъ никогда не ходитъ въ церковь, никогда не присутствуетъ въ молебнѣ при библейскихъ чтеніяхъ и никогда ничего не жертвуетъ въ пользу миссіонеровъ. Въ господствующихъ семьяхъ города такое поведеніе Гольта прежде не вызывало никакого порицанія; этотъ слой общества никогда не отличался особенною религіозностью. Но теперь такое «равнодушіе къ высшимъ интересамъ» съ большимъ успѣхомъ приводилось какъ доказательство пустоты и безсодержательности всей его натурѣ.

Существенною опорю Гольта были его рабочіе, но враги его не отчаявались сломить и ее. Въ торговомъ мірѣ наступилъ опасный кризисъ. Всѣ фабриканты были вынуждены ограничить свое производство и понизить заработную плату, а въ будущемъ предвидѣлась необходимость еще большихъ ограниченій. Только у Гольта вездѣ работали попрежнему. Но такая непонятная дерзость не могла пройти безнаказанно; въ городѣ опять стали поговаривать о неизбѣжности «краха».

Приближались новые выборы; обѣ стороны готовились къ рѣшительной битвѣ. Прежніе представители отказались отъ новой кандидатуры, и теперь въ партіи Гольта не было подходящаго кандидата. Въ виду неожиданнаго союза между «старыми домами» и партіей молодого духовенства, Гольтъ нѣсколько утратилъ прежнюю увѣренность. Къ тому-же онъ становился старъ и чувствовалъ, что ему-бы пора уступить мѣсто свѣжей силѣ. И вдругъ приходитъ письмо отъ Канута. Это было равносильно извѣстію о побѣдѣ. Кануть былъ самый под-

ходящій человекъ; ему теперь было болѣе тридцати лѣтъ, онъ обладалъ солидною собственностью, и къ тому-же избиратели его хорошо знали. Спрашивалось только, не измѣнилъ-ли Кануть своимъ демократическимъ убѣжденіямъ и захочетъ-ли онъ посвятить свои силы ничтожной борьбѣ въ маленькомъ городѣ.

Теперь Кануть, наконецъ, возвратился; но старикъ Гольтъ далеко не успокоился послѣ разговора, который онъ въ первый вечеръ имѣлъ съ сыномъ. До середины ночи онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ и недоумѣвалъ, что означаетъ перемѣна, которая произошла въ его сынѣ. Онъ «остепенился»,—въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Но теперь старшій Гольтъ едва-ли не раскаявался, что самъ способствовалъ этому процессу, пославъ сына путешествовать во второй разъ.

IV.

Дѣло происходило на второй день послѣ прибытія Канута. Гольтъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и рассказывалъ сыну «внутреннюю исторію» города за послѣдніе годы.

— Вотъ тебѣ скелетъ событій, закончилъ онъ.—Теперь ты долженъ сдѣлаться вожакомъ партіи, Кануть.

— При помощи одного твоего голоса?

— О голосахъ не заботься; голосовъ у тебя будетъ больше, чѣмъ нужно! Ты, съ твоими дарованіями...

— Но скажи мнѣ, ради Бога, отецъ, отчего ты самъ не выступаешь кандидатомъ?

Гольтъ нѣкоторое время жевалъ наконецникъ чубука.

— У меня нѣтъ достаточныхъ знаній...

— А у твоихъ противниковъ ихъ развѣ больше?

— Нѣтъ, еще меньше. Но меня удерживаетъ гордость. Я хотѣлъ-бы быть первымъ, а это для меня невозможно. Кромѣ того... теперь... противъ этой новой силы... нѣтъ, это ни къ чему-бы не повело. Но ты,—ты обладаешь всѣми необходимыми способностями.

— Я? Нѣтъ, отецъ, моя энергія надломлена; я не способенъ сказать одного воспламеняющаго слова.

Наступило долгое молчаніе. Гольтъ сидѣлъ, опершись локтями на столъ, и неподвижно смотрѣлъ въ одну точку.

— Это плохо, сказалъ онъ, — очень плохо. Я такъ тебя ждалъ, такъ на тебя рассчитывалъ...

Кануть всталъ.

— Мнѣ очень жаль, отецъ, что я не оправдалъ твоихъ ожиданій; но измѣнить этого я не въ силахъ; что погибло, того уже не вернешь.

Петръ пріотворилъ дверь и заглянулъ въ комнату. Онъ объявилъ, что окончательно неспособенъ работать въ такой чудный весенній день и пришелъ спросить Канута, не желаетъ-ли онъ навѣстить ихъ общихъ друзей.

— Хорошо, пойдѣмъ, сказалъ Кануть, закуривая сигару.

Они вышли. Гольтъ долго еще просидѣлъ все въ томъ-же положеніи.—Да... такъ что-же теперь дѣлать? сказалъ онъ, наконецъ, въ полголоса.—Ограничить производство... отпустить рабочихъ... а потомъ предоставить врагамъ побѣду?

Онъ быстро всталъ и хлопнулъ по столу кулакомъ.

— Такъ нѣтъ-же, чортъ возьми! Не мало буръ уже испыталъ я въ своей жизни; попытаю еще разъ!..

Петръ и Кануть пошли по узкимъ, кривымъ улицамъ, миновали латинскую школу и, наконецъ, вышли за городскія ворота. Они остановились передъ одинокимъ домомъ, выкрашеннымъ въ красный цвѣтъ. Здѣсь жилъ Ааге Стормъ.

Они вошли въ длинную узкую комнату, посерединѣ которой стоялъ тяжелый дубовый столъ; по обѣ стороны помѣщались скамейки. Ёдкій запахъ табачнаго дыма встрѣтилъ приходившихъ. Вокругъ стола сидѣло шесть человѣкъ, которые всѣ пили домашнее пиво изъ большихъ каменныхъ кружекъ. Самъ хозяинъ, Ааге Стормъ, медленными, тяжелыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и говорилъ. Одна рука его была засунута за бортъ домашней куртки, другою онъ держалъ непомѣрно длинную старинную трубку. Отъ времени до времени онъ останавливался у окна и смотрѣлъ въ пространство. Въ такія минуты можно было замѣтить то, что, помимо громадной бороды и гривы русыхъ волосъ, болѣе всего поражало въ этомъ человѣкѣ, — его глубокіе, задумчивые глаза.

Это былъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ мѣстной демократической партіи, фанатикъ, твердо вѣрившій, что истинный прогрессъ заключается въ возвратѣ къ первобытнымъ учрежденіямъ старины, когда великій, непогрѣшимый духъ народа, способный рождать только добро и истину, не

встрѣчалъ никакихъ препятствій. Изъ остальныхъ присутствовавшихъ здѣсь демократовъ выдающуюся роль въ политической жизни города игралъ редакторъ Гейзенъ, человѣкъ, славившійся своими непоколебимыми убѣжденіями, которыя, впрочемъ для него лично оказывались всегда выгодными. Это былъ пожилой, довольно упитанный господинъ съ жирнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ небольшими, прищуренными глазами, въ роговыхъ очкахъ съ большими круглыми стеклами, въ галстухѣ военнаго покроя, въ застегнутой до верху и засаленной возлѣ кармановъ жилеткѣ, въ потертомъ черномъ сюртукѣ и фризовыхъ панталонахъ. Онъ началъ съ военной службы, потомъ сдѣлался юристомъ, занимался ходатайствомъ по разнымъ сомнительнымъ дѣламъ, а кончилъ тѣмъ, что основалъ въ городѣ демократическую газету, которая расходилась очень хорошо, давая ему возможность обезпечить свое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пропагандировать свои непоколебимыя убѣжденія.

Послѣ первыхъ привѣтствій завязался, разумѣется, политическій разговоръ. Гейзенъ изобразилъ въ живыхъ краскахъ взаимныя отношенія различныхъ политическихъ партій въ городѣ; Ааге Стормъ, при всеобщемъ благоговѣйномъ молчаніи, началъ разсуждать о первобытной жизни, объ озарившемъ ее божественномъ свѣтѣ истины, проявленіе котораго, по его словамъ, можно встрѣтить въ народѣ и теперь.

Кануть сталъ возражать. Онъ не вѣритъ въ существованіе этого легендарнаго счастливаго вѣка, когда процвѣтали невинность и всякія вѣчныя истины, а слѣдовательно не вѣритъ и въ прогрессъ, заключающійся въ возвратѣ къ прошлому. Съ другой-же стороны онъ нимало не сомнѣвается въ существованіи доисторическихъ пещерныхъ жителей и «кухонныхъ остатковъ» и въ прогрессивномъ развитіи той или другой первобытной общественности...

Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ и негодованіемъ. Не соглашайся съ Ааге Стормомъ! Не вѣритъ въ божественный свѣтъ, исходящій отъ народа! Возможно-ли это?

Ааге Стормъ остановился и вопросительно посмотрѣлъ на Канута. — «Развѣ ты не нашъ?» казалось, говорилъ онъ.

Скоро завязались оживленныя пренія. Гейзенъ говорилъ о «сильныхъ убѣжденіяхъ», Ааге Стормъ — объ инстинктѣ народа; остальные вторили обоимъ. Кануть возражалъ довольно ѣдко.

Наконецъ, когда уже всѣ заговорили вдругъ, Петръ и Кануть распрощались и вышли. Они направились обратно къ городу. Петръ былъ видимо встревоженъ; лицо его пылало.

— Зачѣмъ ты говорилъ такъ рѣзко съ Стормомъ? спросилъ онъ.

— А право не знаю; можетъ быть, потому, что онъ самъ такъ ловко подвертывался подъ удары.

— Это не хорошо съ твоей стороны, Кануть.

— Согласенъ, милый другъ. Но согласисъ и ты, что твои друзья пренесносные люди. Всѣ эти фразы!.. Я думалъ, что онъ давно уже вышли изъ употребленія.

— Но развѣ ты самъ уже не вѣришь?..

— Въ святой народъ? Нѣтъ.

— А отечество, отечество? Развѣ ты не любишь своего отечества?

— Нѣтъ, я не вижу въ немъ ничего, что было-бы достойно любви.

Петръ опустилъ голову; на глазахъ его навернулись слезы.

Когда они остановились на холмѣ возлѣ гавани, онъ сказалъ:

— Помнишь, какъ ты въ первый разъ говорилъ въ рабочемъ обществѣ и какъ по окончаніи твоей рѣчи всѣ поднялись и закричали тебѣ «ура»! Тогда мы тоже отправились съ тобою сюда, на берегъ моря, и смотрѣли на корабли. А помнишь-ли, о чемъ ты тогда говорилъ?—О нашей родинѣ! о томъ, что она снова станетъ тѣмъ, чѣмъ была прежде...

— Вѣрю, что я все это говорилъ. Вѣдь я жилъ тогда въ самомъ блаженномъ невѣдѣніи и не имѣлъ понятія о томъ, чѣмъ была наша дорогая родина прежде и что она представляетъ собою теперь. Смѣшнѣе всего то, что я готовъ былъ идти на смерть за эти фразы.

— Фразы?!.. Знаешь-ли, Кануть, что тогда я въ первый разъ почувствовалъ, какое высокое, чудное призваніе—жить и бороться за эти фразы.

— Да благословить тебя Богъ, Петръ; какая ты добрый-шая душа!

— Послушай, Кануть, неужели ты не можешь...

— Сдѣлаться ояте поэтомъ? Нѣтъ, такихъ высокихъ претензій я не имѣю. Если-бы можно было превратиться хоть въ простого, надѣющагося рабочаго! Да, впрочемъ, даже это...

Однако, перестанем толковать о высоких матеріяхъ. Присядемъ здѣсь, да Расскажи-ка мнѣ что-нибудь, какую-нибудь изъ этихъ веселыхъ рыбацкихъ исторій, которыя ты, бывало, такъ мастерски умѣлъ рассказывать.

Но Петръ былъ не въ ударѣ Разговоръ съ Канутомъ видимо раздражалъ его.

Послѣ обѣда друзья снова вышли на улицу.

— Нѣтъ-ли здѣсь гдѣ-нибудь кофейной или чего-нибудь въ этомъ родѣ? спросилъ Кануть. — Мнѣ-бы хотѣлось опять взглянуть на норвежскую газету.

Нѣчто въ этомъ родѣ существовало въ одномъ темномъ закоулкѣ. Они вошли въ мрачную комнату съ пыльными окнами, нижняя половина которыхъ была заслонена зелеными ширмами. Посерединѣ стоялъ старый, засаленный билльардъ, а вдоль стѣнъ были разставлены маленькіе, грязные столики. На одномъ изъ этихъ столовъ лежали «Биржевыя Извѣстія» и нѣсколько истрепанныхъ норвежскихъ газетъ. При болѣе внимательномъ осмотрѣ оказалось, что это были все старые номера. «Гости, то-есть нахлѣбники, приходящіе сюда обѣдать, читаютъ теперь новыя газеты», объяснила какая то грязная женщина въ туфляхъ и въ огромномъ, совершенно криво надѣтомъ шиньонѣ.

— Стыграемъ хоть партію на билльардѣ, благо мы ужъ пришли сюда, сказалъ Кануть. Но и это оказалось невозможнымъ, такъ какъ право пользоваться билльардомъ въ это время принадлежало исключительно «гостямъ». Къ величайшему удивленію прислужницы, Кануть разразился громкимъ смѣхомъ и уже взялся было за шляпу, какъ на лѣстницѣ послышались шаги. Дверь растворилась, и въ комнату вошелъ Біорнгольтъ въ сопровожденіи остальной компаніи, которая разъ навсегда завладѣла билльардомъ отъ трехъ до четырехъ часовъ. Біорнгольтъ искоса смотрѣлъ на Канута, когда пыхтя направился въ уголь за кіемъ. Онъ былъ похожъ на собаку, которая собирается укусить сбоку, исподтишка. Остальные посѣтители также косились на Канута и одинъ за другимъ направлялись въ уголь. Наконецъ, Біорнгольтъ не вытерпѣлъ и устремился на свою добычу.

— Смѣю-ли спросить, Гольтъ, гдѣ вы на этотъ разъ начнете поджигать?

— Нигдѣ.

— Вотъ какъ! Да развѣ вы...

— Да, я сдѣлался миролюбивымъ человѣкомъ и имѣю твердое намѣреніе найти себѣ мирную дѣятельность, занять какую-нибудь должность и заслужить всеобщее уваженіе.

— Вы остались все такимъ-же шутникомъ. Но неужели-же правда, что вы уже не поджигатель?

— На политической биржѣ мое настроеніе было-бы охарактеризовано терминомъ «твердо». Я записался въ члены общества равнодушныхъ.

Біорнгольтъ направился къ нему съ распростертыми объятіями.—Въ такомъ случаѣ вы нашъ, нашъ! Позвольте обнять васъ, молодой человѣкъ. Не уклоняйтесь съ благого пути, ведущаго къ исправленію... Не желаете-ли сыграть съ нами партію?

— Нѣтъ, благодарю. Я зашелъ сюда только для того, что бы взглянуть на норвежскую газету.

Біорнгольтъ схватилъ его за сюртукъ и потащилъ за собою въ уголь.

— Непремѣнно прочитайте сегодняшнюю передовую статью въ «Оффиціальной газетѣ»; прекрасная статья! Она направлена противъ Фонна. Онъ насъ тиранизируетъ. За то теперь ему досталось на орѣхи, будетъ помнить... вѣдь онъ изъ нашихъ.

Наконецъ, онъ отпустилъ Канута и, обратившись къ другимъ игрокамъ, какъ истый школьный учитель, громовымъ голосомъ крикнулъ:—Начинать!

Петръ во время этого разговора едва не перекусилъ себѣ нижнюю губу; шляпу свою онъ превратилъ въ безобразный комокъ. Когда они вышли на улицу, онъ сказалъ:

— Какъ это ты могъ говорить такъ любезно съ этимъ... съ этимъ... Я съ большимъ усиліемъ сдерживаю себя каждый разъ, какъ его встрѣчаю. И всѣ-то его боятся, всѣ, кромѣ Ааге Сторма.

— Вотъ какъ! Твой другъ его не боится?

— Онъ хоть разъ въ публичномъ собраніи сказалъ ему въ глаза правду: «Вамъ-бы быть палачемъ, господинъ Біорнгольтъ; вы, по всей своей натурѣ, настоящій палачъ».

— Чортъ возьми! Твой рыцарь Ааге, я вижу, шутить не любить...

Они молча продолжали путь. Вдругъ Кануть остановился.

— Послушай, сказалъ онъ,—я схожу еще разъ навѣстить твоего друга.

— Ты хочешь...

— Извиниться передъ нимъ.

Петръ не находилъ словъ отъ радостнаго изумленія. Онъ чувствовалъ себя маленькой, ничтожной, благодарной точкой въ безконечномъ благодатномъ мірѣ. Давно уже не переживалъ онъ такого счастливаго дня...

Въ то время, какъ оба друга во второй разъ собирались посѣтить Ааге Сторма, въ гостиной купца Вика засѣдало небольшое избранное общество. Незадолго передъ тѣмъ здѣсь происходило собраніе дамскаго кружка, но члены его уже удалились, за исключеніемъ предсѣдательницы, мадамъ Тветъ, высокой, костлявой дамы, которая счесывала себѣ волосы въ видѣ двухъ большихъ полукруговъ до середины щекъ и обнаруживала два огромныхъ клыка. Кромѣ нея, общество состояло изъ Вильдгагена, пастора Фонна и другого, только что прибывшаго священника, Странда. Послѣдній былъ коренастый маленькій человѣчекъ, котораго манеры, въ минуты забывчивости, напоминали то удалого бурша, то добродушнаго, грубоватаго капитана. И дѣйствительно, прежде чѣмъ сдѣлаться лихимъ студентомъ, онъ былъ морякомъ. Сдавши государственный экзамень, онъ сначала служилъ въ должности флотскаго священника, а позднѣе получилъ мѣсто въ маленькомъ приморскомъ городкѣ, изъ котораго, перешель, наконецъ, сюда.

Какъ Фоннъ, такъ и Страндъ пользовались репутаціей великихъ проповѣдниковъ. Страндъ говорилъ могучимъ голосомъ, дѣйствовалъ на слушателей высокимъ, потрясающимъ пафосомъ и старался поразить и уничтожить ихъ нѣсколькими сильными ударами. Фоннъ, напротивъ, говорилъ сдержаннымъ голосомъ и нѣсколько нараспѣвъ; какъ падающая капля, онъ дѣйствовалъ тихими, но частыми и непрерывными ударами. Оба, какъ ораторы, были неутомимы.

Сначала разговоръ шель о духовныхъ предметахъ. Затѣмъ съ негодованіемъ стали говорить о старомъ Гольтѣ, который всевозможными средствами мѣшалъ дѣятельности мѣстнаго духовенства и въ особенности Фонна, систематически помогая тѣмъ, кого послѣдній старался лишить всякихъ средствъ къ существованію за слишкомъ независимый образъ мыслей. Фоннъ тутъ-же узналъ отъ Вика два новыхъ подвига Гольта. Онъ по-

могъ перебраться въ другой городъ дѣльной и способной учительницѣ, которая, благодаря вліянію Фонна, окончательно потеряла возможность зарабатывать себѣ здѣсь хлѣбъ, и приняла къ себѣ на фабрику рабочаго, котораго Фоннъ отлучилъ отъ всего остального общества за то, что онъ осмѣлился держаться своего собственнаго мнѣнія относительно нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ. Въ заключеніе, Страндъ сталъ рассказывать о своей плодотворной дѣятельности между рабочими и объ учрежденномъ имъ миссіонерскомъ обществѣ, по поводу котораго ходили не совсѣмъ благопріятныя для него слухи.

Во время этого разсказа Корнелія вышла изъ комнаты и спустилась въ садъ. Она пороку смертельно уставала, видя изо дня въ день однихъ и тѣхъ-же людей, слушая все тѣ-же мысли, выражаемая всегда одними и тѣми-же словами. Священники, миссіонерствующія женщины, отецъ, тетка, — всѣ твердили одно и то-же. Съ утра и до вечера ничего, кромѣ религіозныхъ трактатовъ, религіозныхъ собраній и коллективнаго изготовленія благотворительныхъ ковровъ и миссіонерскихъ чулокъ. Рѣчи и разговоры, которые приходилось слышать, иногда не только утомляли, но и возмущали ее, какъ, напримѣръ, то, что только-что рассказывалъ теперь Фоннъ. Неужели-же онъ совершилъ добродѣтельный подвигъ, отнявъ заработокъ у бѣдной учительницы и у голодающаго рабочаго? Она боролась съ своими сомнѣніями, силилась принудить себя къ покорности, но иногда, — о, иногда было невыносимо тяжело заставить себя вѣрить, что истина заключалась въ томъ, что проповѣдывали Фоннъ и остальные посѣтители отца.

Какъ скучно и однообразно проходила зима! Единственное выдающееся событіе состояло въ томъ, что послѣ новаго года въ домѣ появлялись переѣзжавшіе изъ города въ городъ купцы, отъ которыхъ несло сигарами и помадой. Они привозили съ собою старыя анекдоты и новыя галстухи, — вотъ и все. Иногда ей попадалась въ руки новая книга, вносящая въ ея умственный горизонтъ новыя, незнакомыя образы; но возлѣ нея не было никого, съ кѣмъ-бы можно было поговорить о прочитанномъ, и наполовину непонятныя мысли скоро забывались.

Весною съ особенною силою просыпалась въ ней жгучая

жажда новых впечатлѣній. Теплая, ясная погода, синее море, свѣжій запахъ оттаявшей земли, распускающихся листьевъ и травы, толпа бѣлыхъ парусовъ и дымящихся пароходовъ приводили ее въ состояніе какого-то постоянного тревожнаго ожиданія; ей казалось, что теперь непременно должно произойти что-нибудь новое, что ей удастся, по крайней мѣрѣ, увидѣть новое лицо, услышать новый голосъ. Когда она сидѣла въ комнатѣ и машинально слушала разглагольствованія мадамъ Твель и Фонна или духовныя бесѣды отца, ей не разъ приходилось ловить себя на желаніи, чтобы вдругъ въ ихъ домѣ раздался свѣжій, громкій, молодой, беззаботный смѣхъ. Ей становилось жутко отъ такихъ нечестивыхъ мыслей; она сама налагала на себя покаяніе, но и оно не помогало.

Вскорѣ послѣ нея спустилось въ садъ и остальное общество. Страндъ закурилъ трубку, Фоннъ—папиросу. Страндъ, который считалъ себя ботаникомъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно времени, когда распускаются листья на различныхъ деревьяхъ, и по этому поводу заговорилъ объ условіяхъ растительности на Мадагаскарѣ.—«На Мадагаскарѣ»... началъ онъ такимъ тономъ, судя по которому можно было ожидать двухчасовой лекціи, но въ это мгновеніе за калиткою сада показался Біорнгольтъ. Онъ вошелъ, какъ всегда, съ необыкновенною поспѣшностью и на ходу непременно что-нибудь ломалъ или портилъ.

— Доброга вечера, доброга вечера! крикнулъ онъ, прикасаясь палкой къ своей шляпѣ.—А вы уже принялись за дѣло? началъ онъ, обращаясь къ Странду.—Я слышалъ, вы были въ Африкѣ. Только надѣюсь, что вы будете заниматься не одними черными язычниками, а обратите вниманіе и на красныхъ.

Страндъ захохоталъ. Онъ былъ охотникъ до «духовныхъ шутокъ». Онъ обѣщаль содѣйствовать учрежденію религіозной миссіи среди «бѣлыхъ расъ» и спросилъ Біорнгольта, нѣтъ-ли у него на примѣтѣ какого-нибудь «субъекта», которой-бы нуждался въ духовномъ попеченіи.

— Какъ-же, какъ-же! Объ немъ-то я и хотѣлъ рассказать вамъ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ докторомъ Гольтомъ.

Фоннъ насторожилъ уши и весь превратился въ слухъ. Корнелія приблизилась къ лѣстницѣ.

— Уже Гиль рассказывалъ, продолжалъ Біорнгольтъ, — что этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ ѣхалъ на пароходѣ, сталъ придерживатьса болѣе солидныхъ принциповъ. Впрочемъ, Гиль, какъ вамъ извѣстно, не отличается особенно пронизательнымъ умомъ. Но теперь я имѣлъ случай говорить съ самимъ Гольтомъ. Онъ положительно провелъ насъ всѣхъ и произвелъ на меня впечатлѣніе совершенно разочарованнаго человѣка. Вѣроятно, онъ велъ за границею бурную, безпутную жизнь. Одинъ мой знакомый, который встрѣтился съ нимъ у Ааге Сторма, рассказывалъ мнѣ, что онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ спорилъ съ глубокомысленнымъ поклонникомъ первобытныхъ порядковъ. И такъ, куйте желѣзо, пока горячо, Страндъ.

— Положитесь на насъ, сказалъ Страндъ;—государство и церковь должны слиться и дѣйствовать заодно.

— Гмъ... замѣтилъ Фоннъ, — я не могу съ этимъ вполне согласиться...

— Любезнѣйшій коллега... началъ Страндъ, и скоро обѣ священныя особы были совершенно поглощены споромъ насчетъ отношеній между церковью и государствомъ. Біорнгольтъ пошелъ своею дорогою; ему нужно было побывать еще въ десяти или двѣнадцати мѣстахъ, чтобы рассказать про Гольта и собрать новости.

Корнелія тоже ушла изъ сада. Викъ, его сестра, Вильдагенъ и мадамъ Тветъ, напротивъ, съ благоговѣніемъ слушали разглагольствованія Странда о «святой государственной церкви».

Корнелія пошла вдоль узкой дорожки, которая вела къ холмамъ, расположеннымъ на берегу моря. Солнце садилось. Ближайшій къ горизонту слой облаковъ, принявшихъ причудливыя формы куполовъ, башенъ и зубчатыхъ стѣнъ, былъ залитъ огненнымъ сіяніемъ. Игра цвѣтовъ становилась все ярче и живѣе. Багровый цвѣтъ смѣнялся фіолетовымъ, свѣтло-сѣрымъ и мѣдно-бурымъ. Вереница облаковъ пришла въ волнообразное движеніе. Куполы, башни и зубчатыя стѣны заколебались, расплылись въ противоположныя стороны и на мгновеніе образовали двѣ громадныя огненные губы, которыя согрѣвали болѣе высокія облака своимъ жгучимъ дыханіемъ, но въ слѣдующую минуту снова сомкнулись и сами сгорѣли въ глубокой огненной пучинѣ, изъ которой взлетали раскаленные

ядра, переносившія пожаръ въ огромныя облака. Казалось, какъ будто съ краевъ пылающихъ огненныхъ массъ капала кровь. Наконецъ, всё цвѣта образовали вѣеръ, который съ быстротою молніи раскрылся надъ горизонтомъ. Потомъ мало-помалу все потухло. Облака уныло потянулись къ востоку, какъ большія хлопья синей шерсти.

Въ былое время такія чудныя картины вызывали въ Корнелии всегда однѣ и тѣ-же мысли: она думала о висѣвшей въ ея комнатѣ картинѣ, которая изображала Іегову, окруженнаго лучезарнымъ сіяніемъ. Но сегодня впечатлѣніе было совсѣмъ иное. Ей казалось, что это зарево поднимается надъ тѣми далекими странами, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ революціи, убійства и пожары. Она стала думать о Гольтѣ, истинное отечество котораго въ сущности тоже было тамъ. Какихъ ужасныхъ вещей не пришлось ей слышать про этого человѣка? Вотъ и сегодня Біорнгольтъ рассказывалъ, что онъ велъ безпутную жизнь...

— Какъ здѣсь все безобразно, послышался за нею чей-то голосъ.

Она вздрогнула и схватилась за грудь. Она едва не вскрикнула, когда увидѣла, что за нею стоитъ тотъ самый человѣкъ, о которомъ она только-что думала.

— Простите, я испугалъ васъ, сказалъ онъ, улыбаясь.

Губы ея зашевелились, но отвѣта не было слышно.

Мало-по-малу она успокоилась и прежде всего стала думать о томъ, что онъ сказалъ.—Безобразно? Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.—Здѣсь безобразно? Всѣ въ одинъ голосъ утверждали противоположное.—Она рѣшилась высказать ему это.

— Да, я знаю... но изъ этого еще не слѣдуетъ, что общее мнѣніе справедливо. Здѣшняя мѣстность мнѣ кажется безобразною, потому что все кругомъ бесплодно, страшно бесплодно. Не угодно-ли вамъ взглянуть на нее теперь, когда праздничное освѣщеніе потухло? Случалось-ли вамъ видѣть что-нибудь болѣе унылое, чѣмъ это сѣрое небо и это бушующее море? А эти громады обнаженныхъ горъ! Конечно, къ нимъ можно привыкнуть точно такъ-же, какъ современемъ привыкаешь выносить господствующій здѣсь запахъ сельдей, рыбаго жира, смолы и дегтя; но возможно-ли восторгаться этою родною голью?!...

Она была возмущена его словами, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала какую-то неувѣренность и ничего не отвѣчала. Вдругъ она вспомнила, кто этотъ человѣкъ, который вздумалъ заговорить съ нею, и ей стало страшно слушать его. Она повернулась и медленно пошла домой. Онъ провожалъ ее и продолжалъ говорить о положеніи ихъ родины. Она понимала его не вполнѣ, но всѣ его мнѣнія казались ей необыкновенно смѣлыми и далеко не справедливыми. Только разъ она рѣшилась вставить въ разговоръ нѣсколько словъ. Она спросила его, лучше-ли живется людямъ въ другихъ странахъ большого свѣта. При этомъ она думала о возстаніяхъ и убійствахъ, о которыхъ рассказывалъ Біорнгольтъ. Онъ удивилъ ее своимъ отвѣтомъ. — «Лучше?.. О нѣтъ». Немного спустя, онъ однако прибавилъ: — «Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, пожалуй, и лучше: жизнь человѣка тамъ не такъ легко, какъ здѣсь, становится тихимъ кладбищемъ, на которомъ схоронены самыя смѣлыя, справедливыя и великія изъ его мыслей и ощущеній.»

Она была рада, когда они достигли садовой калитки. Онъ простился и пошелъ далѣе; она-же поспѣшила въ домъ и совершенно успокоилась только тогда, когда заперла за собою дверь.

Гости ушли. Отецъ и тетки одни сидѣли въ комнатѣ.

— Ты уходила? спросилъ Викъ, когда она вошла. — Очень много потеряла; разговоръ былъ чрезвычайно поучительный.

— Да, это правда, согласилась тетка. — Боже мой, какъ назидательно говорить этотъ Страндъ!

Корнелия едва слышала, что ей говорили. Она думала о своемъ приключеніи. Весь вечеръ оно волновало и тревожило ее, какъ опасная тайна; отправившись спать, она не могла заснуть и долго, долго думала, лежа въ постели. Какъ это она рѣшилась говорить съ Канутомъ Гольтомъ и даже спокойно идти рядомъ съ нимъ, — съ нимъ, при одномъ имени котораго, бывало, содрогалась и крестилась. Онъ смотрѣлъ на нее и, что всего удивительнѣе, его взглядъ былъ не дерзкій и не злой, какъ она ожидала, а совсѣмъ скромный и кроткій...

Она украдкой наблюдала за нимъ. Такъ, напримѣръ, она тотчасъ замѣтила, что онъ одѣтъ по европейской модѣ, а между тѣмъ нисколько не напоминаетъ своею одеждою проѣзжихъ купцовъ, которые посѣщали ихъ домъ. Она замѣтила, что у него довольно большія руки и онъ часто сжималъ ихъ, когда

говорилъ о чемъ-нибудь, что вызывало его негодованіе. Когда онъ надъ чѣмъ-нибудь насмѣхался, его голосъ становился рѣзкимъ и походилъ на голосъ отца, а когда воодушевлялся, то говорилъ такимъ мягкимъ, благозвучнымъ голосомъ, совсѣмъ, совсѣмъ иначе...

Она спрятала лицо подъ одѣяло. Господи, да что-же это она дѣлаетъ? Лежить и думать о чужомъ человѣкѣ, на котораго ей даже не слѣдовало-бы обращать вниманія. Съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялась она читать свою вечернюю молитву, а послѣ нея прочитала еще нѣсколько другихъ. Она чувствовала стремленіе очиститься отъ этой встрѣчи.

V.

Кануть видимо измѣнился. Во время послѣдняго своего пребыванія въ домѣ отца, передъ отъѣздомъ за-границу, онъ всегда чѣмъ-нибудь занимался, много говорилъ, пѣлъ, катался по морю въ лодкѣ, ловилъ рыбу, занимался столярной работой, сумѣлъ приобрести не мало вѣрныхъ друзей и не мало непримиримыхъ враговъ; теперь-же онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на диванѣ, курилъ сигары и смотрѣлъ въ пространство. Онъ, правда, никого не обижалъ, но зато и не заботился ни о комъ изъ своихъ прежнихъ друзей, за исключеніемъ Петра. На все, что предлагалъ ему отецъ, у него былъ одинъ отвѣтъ:—«Не хочется».

Гольтъ былъ очень озабоченъ. Если-бы еще онъ могъ сказать сыну: — «Кануть, скажи мнѣ, что съ тобою; я ни въ чемъ не стану стѣснять тебя, только не скрывай отъ меня своего горя». Но тутъ-то и являлось затрудненіе; между ними сложились престранныя отношенія...

За эти дни Гольтъ много думалъ о томъ, какъ постепенно выработались эти отношенія, въ чемъ, собственно говоря, заключалась причина такого страннаго явленія и по чьей винѣ оно могло развиться; но размышленія не приводили его ни къ какому опредѣленному выводу.

Послѣ смерти жены Гольтъ очутился въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ ему быть съ молодымъ гражданиномъ, который лежалъ еще въ люлькѣ. Онъ не хотѣлъ поручить его чужому человѣку, а самъ недостаточно былъ посвященъ въ тайны дѣтскаго воспитанія. Однако, онъ быстро принялъ рѣшеніе, задавшись цѣлью изучить это трудное дѣло. Онъ обра-

тился къ одной опытной сосѣдкѣ, которая помогла ему преодолѣть трудности, представлявшіяся въ теченіи первыхъ недѣль. Отъ нея онъ заимствовался многими драгоценными свѣдѣніями и, когда пріобрѣлъ нѣкоторую увѣренность при исполненіи разныхъ манипуляцій, рѣшился дѣйствовать самостоятельно. Онъ проводилъ ночи у колыбели ребенка, одѣвалъ, мылъ, кормилъ его, игралъ съ нимъ въ свободное время. Въ своей заботѣ о крошечномъ созданіи онъ обнаруживалъ неимоверное терпѣніе и необыкновенную нѣжность. А между тѣмъ онъ вовсе не чувствовалъ пристрастія къ дѣтямъ. Дѣти, напротивъ, всегда были для него чѣмъ-то непонятнымъ и скучнымъ.

Когда ребенокъ сталъ подростать, возникли новыя затрудненія. Покуда Гольтъ старался объясняться съ нимъ мимическимъ способомъ, все шло прекрасно. Но когда ребенокъ началъ говорить и сталъ требовать, чтобы удовлетворяли его любознательность, забавляли его играми и шутками и, наконецъ, обращали должное вниманіе на его собственные затѣи, Гольтъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ положительно былъ неспособенъ усвоить себѣ дѣтскую логику и дѣтскія выраженія, какъ этого требовалъ маленькій деспотъ. А между тѣмъ онъ дѣлалъ все, что могъ. Онъ накупилъ себѣ книгъ, основательныя нѣмецкія сочиненія и практическія руководства англійскаго происхожденія, и просиживалъ надъ ними ночи, чтобы постигнуть тайну. Онъ сталъ посѣщать семейства, въ которыхъ были маленькія дѣти и съ величайшимъ благоговѣніемъ прислушивался къ разговорамъ матерей и нянекъ съ дѣтьми; но все было тщетно. Онъ говорилъ, обращаясь къ скакавшему мальчугану, такъ, какъ профессоръ говоритъ въ аудиторіи, и результатъ неизмѣнно былъ одинъ и тотъ-же: оба теряли терпѣніе, негодуя на обоюдную неспособность къ пониманію самыхъ простыхъ вещей. Ребенокъ выражалъ свое настроеніе ногами, а Гольтъ восклицалъ: — «Да неужели-же ты не понимаешь?» Такимъ образомъ онъ резонировалъ иногда до того, что на лбу у него выступали крупныя капли пота, а въ концѣ концовъ все-таки долженъ былъ прибѣгать къ помощи няньки.

Онъ непремѣнно самъ хотѣлъ быть учителемъ своего сына. Рѣшено было, что ребенокъ будетъ учиться азбукѣ по новой, несравненно болѣе раціональной методѣ. Все преподаваніе

было такъ хорошо обдуманно, такъ ясно, такъ логично, что тайна процесса чтенія, по мнѣнію Гольта, при этомъ методѣ должна была уясниться ребенку въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Но и въ этомъ отношеніи надежды Гольта окончились полнымъ разочарованіемъ. Они никакъ не могли столковаться. Ребенокъ протестовалъ самымъ энергическимъ образомъ; онъ ни за что не хотѣлъ согласиться, что изъ *b* и *a* выходитъ *ba*; онъ находилъ, что эти двѣ буквы могли-бы выговариваться и какъ ни-будь иначе.

Гольтъ отправился въ дѣтскую школу, чтобы посмотрѣть, какъ относятся къ этому вопросу другія дѣти. Онъ былъ приятно пораженъ, увидѣвъ, что и здѣсь учились по его методѣ. А тѣмъ не менѣе результатъ былъ совсѣмъ иной. Ни одинъ ребенокъ и не думалъ протестовать противъ того, что изъ *b* и *a* выходитъ *ba*; всѣ они повидимому находили это вполнѣ естественнымъ.

— Замѣчательно оппозиціонный ребенокъ! думалъ Гольтъ, возвращаясь домой. — Наслѣдственное предрасположеніе!

Наконецъ, онъ рѣшился нанять учителя и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что Кануть тотчасъ-же примирился съ существующими понятіями относительно того, что выходитъ изъ сочетанія буквъ *b* и *a*.

Начиная съ этого времени, Гольтъ поручилъ дѣло преподаванія другимъ, но по прежнему занимался ребенкомъ очень много. Онъ велъ съ нимъ длинные разговоры, чтобы провѣрять его успѣхи, и принималъ дѣятельное участіе въ его воспитаніи; но опять-таки по своему. Онъ не убѣждалъ, не бранилъ его и не наказывалъ, а только смѣялся надъ нимъ; онъ заставлялъ его чувствовать все неразумное и смѣшное въ его поведеніи.

Ни одинъ промахъ, ни одна шалость сына не избѣгали ѣдкой, сатирической критики отца, и ребенокъ боялся ея пуще всего другого. Этотъ методъ воспитанія привелъ къ такому результату, котораго Гольтъ совсѣмъ не ожидалъ: сынъ боялся быть съ нимъ довѣрчивымъ. Гольтъ обращался съ нимъ какъ съ взрослымъ человѣкомъ и предоставилъ ему всѣ права, которыми пользуется взрослый; но и это не помогало: Кануть держалъ свои мысли и чувства при себѣ; онъ не хотѣлъ подвергаться критикѣ отца.

— Молчаливая натура матери! думалъ Гольтъ и не зналъ,

какъ-бы ему пріобрѣсти довѣріе сына. Онъ не мало страдалъ отъ всего этого, но рѣшительно не умѣлъ помочь горю и, наконецъ, привыкъ къ этимъ отношеніямъ. •

Гольтъ догадывался, что для сына будетъ полезно, если онъ попадетъ въ чужой домъ. Онъ помѣстилъ его къ одному священнику въ деревню. Ему было очень тяжело разстаться съ сыномъ. Въ первое время онъ по цѣлымъ днямъ ходилъ, не будучи въ состояніи работать, а вечеромъ просиживалъ цѣлые часы наверху, въ комнатѣ сына. Каждую недѣлю онъ ѣздилъ къ нему. Ему показалось, что мальчикъ сталъ чуждаться его еще больше прежняго. Въ особенности когда у него явились религіозныя сомнѣнія, онъ началъ посматривать на отца съ какимъ-то особеннымъ недоувѣріемъ. Отецъ теперь только и думалъ о томъ, какъ-бы возвратить его поскорѣе домой, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за такой шагъ. Въ это время онъ рѣшился переселиться въ городъ, и Кануть былъ отданъ въ латинскую школу. Гольтъ сталъ его видѣть гораздо чаще, но и теперь отношенія между ними нисколько не измѣнились. Отъ самого Канута Гольтъ никогда не узнавалъ, какъ ему живется въ школѣ; онъ всегда долженъ былъ справляться объ этомъ у другихъ, въ особенности у Петра, который былъ однимъ изъ немногихъ друзей Канута.

Позднѣе, когда Кануть сдѣлался уже взрослымъ, между ними сложились извѣстныя товарищескія отношенія. Они обмѣнивались мыслями по поводу того, что читали, острили и подсмѣивались другъ надъ другомъ; во всемъ остальномъ каждый попрежнему жилъ своею замкнутою жизнью. Объ этой интимной жизни они никогда не говорили другъ съ другомъ. То-же самое случилось и теперь: Кануть молчалъ, а отецъ не рѣшался его разспрашивать.

Настало лѣто, но дождь лилъ по цѣлымъ недѣлямъ и на дворѣ было холодно. Однажды, въ такую пасмурную погоду, Кануть рано утромъ шель по одной изъ улицъ городского предмѣстья, направляясь къ Петру Стрѣму. Въ то время, какъ онъ проходилъ передъ однимъ изъ самыхъ невзрачныхъ домовъ улицы, изъ двери его выбѣжалъ какой-то человекъ безъ шляпы и закричалъ: — «Онъ умираетъ, онъ умираетъ!... Боже мой, ребенокъ умираетъ!...»

Онъ наткнулся на Канута. Это былъ Куртъ Стубъ.

— Что случилось? спросил Кануть.

Стубъ схватилъ его за руку.—А, слава Богу! Вѣдь это Кануть Гольтъ. Ради всего святого, скорѣе... тамъ въ домѣ лежитъ ребенокъ... повѣрите-ли, онъ весь почернѣлъ... Я сидѣлъ у моряка, который живетъ здѣсь, въ нижнемъ этажѣ... вдругъ она вскрикнула... впрочемъ, послушайте, бѣгите скорѣе... ахъ, да вѣдь вы сами докторъ!... Да благословить васъ Богъ! Ступайте скорѣе въ домъ, а я позову на подмогу какую-нибудь женщину. Бѣдная мать одна одинешенька и въ совершенномъ отчаяніи. Торопитесь! Она живетъ на самомъ верху, въ мансардѣ.

Съ этими словами коротконогій толстякъ, несмотря на свою дородность и препорядочное брюшко, опрометью бросился по направленію къ городу.

Кануть вошелъ въ домъ и по крутой, довольно грязной лѣстницѣ поднялся въ верхній этажъ. Въ корридорѣ оказалась всего одна дверь. Такъ какъ на стукъ его не послѣдовало никакого отвѣта, то онъ отворилъ ее и вошелъ.

Въ маленькой комнаткѣ съ покатою крышею, съ сѣрыми полотняными, мѣстами заштопанными обоями и съ окномъ, которое выходило на крышу сосѣдняго дома, на колѣняхъ передъ колыбелью стояла какая-то женщина. Она прижалась щекою къ краю люльки и лихорадочными, заплаканными глазами, съ выраженіемъ смертельнаго ужаса въ лицѣ, смотрѣла на ребенка, который лежалъ въ колыбели.

Она даже не замѣтила, что кто-то вошелъ въ комнату. Кануть остановился возлѣ двери и осмотрѣлся. Комната видимо служила и спальнею, и жилымъ покоемъ. На столикѣ стояла швейная машина; на подоконникѣ—цвѣты; на веревочкѣ, передъ печкою было развѣшено дѣтское бѣлье. Вѣроятно ребенокъ заболѣлъ внезапно. Постель, стоявшая возлѣ колыбели, была смята; одѣяло и простыни соскользнули на полъ. Мать была въ юбкѣ и въ ночной кофтѣ; на голыя ноги были, очевидно, наскоро надѣты туфли; распущенные волосы въ беспорядкѣ раскинулись по спинѣ.

Вдругъ она вскрикнула и вскочила.

— Опять, опять начинается! Боже мой, Боже мой! Онъ умираетъ!

Кануть бросился къ колыбели. Мать, повидимому, не замѣчала его; дрожащая, съ блѣдными губами, съ короткимъ,

порывистымъ дыханіемъ, она стояла передъ колыбелью и, казалось, не видѣла ничего кромѣ ребенка, съ которымъ тоже произошла внезапная перемѣна. Онъ уже не лежалъ неподвижно, блѣдный и безмолвный, какъ въ то мгновеніе, когда Кануть вошелъ въ комнату. Его вѣки медленно поднимались, глаза сначала закатились кверху, а потомъ книзу, ножки скорчились, ручки судорожно сжимались, ротъ перевернуло, лицо сначала покраснѣло, потомъ посинѣло, изъ тяжело работавшей груди вырывался какой-то свистящій стонъ.

Кануть поспѣшно растворилъ окно, вынулъ ребенка изъ колыбели и выставилъ его на свѣжій воздухъ.

— Скорѣе, холодной воды и какой-нибудь платокъ или полотенце!

Мать бросилась куда-то и принесла требуемые предметы. Руки ея такъ сильно дрожали, что она пролила часть воды изъ таза на полъ.

— Держите ребенка; я буду ему дѣлать компрессы.

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царила тишина. Слышно было только дыханіе матери и плескъ воды, когда Кануть мѣнялъ компрессъ.

Мало по малу судороги стихли. Изрѣдка только еще передергивало губы, да одно вѣко медленно поднималось и снова опускалось. Лицо было мертвенно-блѣдно, съ синеватымъ отливомъ вокругъ рта и глазъ.

— На этотъ разъ припадокъ кончился, сказалъ Кануть;— положите ребенка въ колыбель.

Мать бросилась на колѣни и зарыдала...

Она, повидимому, совсѣмъ забыла, что въ комнатѣ есть посторонній человѣкъ. Только когда Кануть сталъ ее спрашивать, какъ начался первый припадокъ, она посмотрѣла на него съ удивленіемъ, какъ будто недоумѣвая, кто онъ и какъ онъ сюда попалъ. Она рассказала ему, что была разбужена страннымъ стономъ ребенка; онъ лежалъ неподвижно, словно окоченѣлый, и бессмысленнымъ взглядомъ смотрѣлъ въ пространство. Она бросилась было, чтобы бѣжать за докторомъ, но вспомнила, что не можетъ оставить ребенка. Послѣ этого одинъ припадокъ слѣдовалъ за другимъ. Въ отчаяніи, не зная, что дѣлать, она стала звать моряка, что живетъ внизу, такъ какъ кромѣ ихъ двоихъ въ домѣ нѣтъ ни души. Наконецъ, пришелъ Стубъ, который услышалъ ея крики.

На лѣстницѣ слышались шаги. Въ комнату вошелъ Стубъ въ сопровожденіи Корнеліи Викъ. Кануть далъ нѣсколько указаній относительно ухода за ребенкомъ, прописалъ лекарство, общалъ прислать сидѣлку, которая могла-бы помогать матери, сказалъ, что вечеромъ зайдетъ опять, и вмѣстѣ съ Стубомъ вышелъ изъ дома.

— Кто эта женщина? спросилъ онъ, когда они шли по улицѣ.

— Марія Ганзенъ. Несчастное созданіе. Она откуда-то съ юга и служила здѣсь горничной у Гамре. Это была необыкновенно кроткая и скромная дѣвушка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ несчастью, красавица, что, въ числѣ другихъ, замѣтилъ и Гиль. Дальше да больше, дѣвушка къ нему привязалась; онъ тоже полюбилъ ее не на шутку, задумалъ было жениться, но дядюшка-то и слышать не захотѣлъ объ этомъ бракѣ. Долго не поддавался Гиль увѣщаніямъ дяди и все стоялъ нѣ своему; наконецъ, вмѣшался въ дѣло Фоннъ и такъ прональ Гилія разными текстами и разсужденіями, что онъ, наконецъ, не выдержалъ и уѣхалъ за границу. Ну вотъ она теперь и осталась съ ребенкомъ на шеѣ.

— Какая низость!

— Я это и самъ говорилъ Фонну. «Нѣтъ, это высшее милосердіе, которое непонятно людямъ, погруженнымъ въ мірскую суету», отвѣтилъ онъ мнѣ. — «Чортъ-бы побралъ», возразилъ я; — «вѣдь вы такимъ образомъ поощряете обольстителей, которые впредь со спокойною совѣстью будутъ покидать обманутыхъ ими женщинъ». Но, Богъ знаетъ, какъ это случилось, — тутъ онъ принялся цитировать мнѣ библію и такъ меня запуталъ, что я долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

— Чѣмъ-же она живетъ?

— Шитьемъ, какъ и прежде; отъ отца она не хочетъ принимать ничего. Средства у нея очень скудны. Во-первыхъ, на рукахъ ребенокъ, а во-вторыхъ, вѣдь ей принуждены потихоньку, тайкомъ заказывать работу, потому что Фоннъ не допускаетъ ее къ причастію. Если-бы она не была такою ловкою, работающею женщиною и не работала такъ дешево, никто-бы и не давалъ ей работы.

— Меня удивляетъ, что Корнелія Викъ...

— Корнелія добрая и разумная дѣвушка, несмотря на

все, что эти... эти... Онъ осторожно осмотрѣлся.—Ну, да вы понимаете?..

— Не совсѣмъ.

Стубъ пожалъ плечами.—Эти священники, видите-ли... Конечно, никакого зла они не дѣлаютъ; Боже сохрани! Но за-то такъ забрали въ руки весь городъ, что просто...

— Да, я объ этомъ слышалъ.

— Ну, а Корнелія, видите-ли, правда, провела до сихъ поръ всю свою жизнь чуть не подъ замкомъ; но мнѣ, признаться, приходилось видѣть такіе случаи, когда ея воля сталкивалась съ волею отца и пророковъ; и тогда въ этомъ маленькомъ созданіи обнаруживается дьявольская энергія; никакая сила въ мѣрѣ неспособна заставить ее подчиниться.

Въ концѣ улицы они разстались. Кануть отправился домой, чтобы поговорить съ отцомъ относительно сидѣлки. Затѣмъ онъ пошелъ къ Петру Стрѣму, который, какъ онъ выразился, былъ «чертовски радъ», что Кануть принялъ такое живое участіе въ судьбѣ Маріи Ганзень. Когда Кануть къ обѣду возвратился домой, отецъ сообщилъ ему, что Катерина сама взялась ухаживать за больнымъ ребенкомъ.

Вечеромъ Кануть снова навѣстилъ своего маленькаго пациента. Онъ встрѣтилъ у его постели Корнелію и Катерину. Онъ узналъ, что припадки повторялись часто и что во время промежутковъ ребенокъ лежалъ въ забытьѣ.

Корнелія стала собираться въ дорогу; ей нужно было сходить домой, предупредить отца и тетку, что она рѣшилась провести ночь возлѣ ребенка, чередуясь съ двумя другими женщинами.

Кануть и Корнелія одновременно вышли изъ дома и вмѣстѣ пошли по мокрымъ, почти безлюднымъ улицамъ.

— Думаете-ли вы, что она лишится ребенка? спросила Корнелія.

— Да, я опасюсь этого.

— Это будетъ тяжкимъ наказаніемъ для матери, сказала она съ отгѣнкомъ той абсолютной религіозной морали, которую такъ странно встрѣчать въ молодыхъ дѣвушкахъ, никогда не знавшихъ въ жизни ни нужды, ни искушеній. Произнося эти слова, она впрочемъ думала не столько о несчастной матери

больного ребенка, сколько о своемъ спутникѣ, который вѣдь тоже принадлежалъ къ числу легкомысленныхъ людей. Она хотѣла дать ему понять, что ей это извѣстно, и ожидала, что онъ обнаружитъ нѣкоторое смущеніе. Каково-же было ея удивленіе, когда онъ вдругъ заговорилъ суровымъ, жолчнымъ тономъ:

— Какую возмутительную мысль вы высказали! И вообще, какое вы имѣете понятіе о преступленіи столь несчастной женщины? Быть можетъ, она только искреннѣ любила и сильнѣ привязалась къ любимому человекѣ, чѣмъ большинство остальныхъ. Но допустимъ даже, что она совершила проступокъ; и развѣ вамъ не стыдно признаваться, что вы поклонялись такому жестокому богу, который истязаетъ ребенка, чтобы наказать его мать?

Оробѣвъ и испугавшись, она перешла на противоположную сторону улицы, и уже оттуда до слуха ея спутника едва слышно донеслись слова:

— Но вѣдь въ писаніи...

— Знаю, прервалъ онъ ее рѣзко и тѣмъ-же негодующимъ тономъ продолжалъ говорить о томъ, какъ дико ея представленія о Богѣ, который создаетъ миліоны несчастныхъ существъ, зная напередъ, что въ этомъ мірѣ они обречены на всевозможныя страданія, а въ загробномъ мірѣ также осуждены на вѣчныя муки.

Корнелія была совершенно подавлена ужасомъ и изумленіемъ. Она вся дрожала и не чувствовала, какъ ея ноги прикасались къ землѣ. Никогда въ жизни еще не слышала она такихъ дерзкихъ словъ. Теперь она поняла, почему этого человекѣ считали опаснымъ.

Кануть говорилъ съ такимъ жаромъ, а Корнелія слушала его такъ внимательно, что ни тотъ, ни другая не замѣтили, какъ прошли мимо дома Вика, пока не очутились на противоположномъ концѣ города.

Здѣсь они остановились въ недоумѣніи и затѣмъ молча пошли назадъ.

Корнелія застала отца и тетку за ужиномъ. Она сѣла за столъ. Викъ объявилъ, что намѣренъ нанять женщину, которая могла-бы ухаживать за ребенкомъ.

— Это лишнее; насъ и такъ уже двое, возразила Корнелія.

— Стало быть, ты хочешь...

— Да, послѣ ужина я опять вернусь туда.

Викъ ничего не отвѣтилъ; но когда кончили ужинать, онъ снова обратился къ дочери:

— Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы ты туда ходила.

Корнелія промолчала.

Викъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Затѣмъ онъ вышелъ въ корридоръ, заперъ наружную дверь, какъ всегда, и положилъ ключъ въ карманъ. Когда онъ вернулся, Корнелія стояла посерединѣ комнаты; она уже надѣла шляпу и ватерпруфъ.

— Дашь ты мнѣ ключъ? спросила она.

— Такъ ты серьезно рѣшилась идти?

— Да.

И отецъ, и дочь говорили, повидимому, спокойнымъ голосомъ, безъ всякаго раздраженія; но за каждою репликою слѣдовала такая краснорѣчивая пауза, которая все-таки придавала разговору характеръ спора. Викъ нѣсколько мгновений смотрѣлъ на дочь мрачнымъ, пытливымъ взглядомъ, затѣмъ, не говоря ни слова, отдалъ ей ключъ и вышелъ изъ комнаты.

Когда Корнелія пришла въ маленькій домикъ, гдѣ жила Марія, для нея была уже постлана постель со свѣжими наволочками на подушкахъ. Марія и Катерина желали просидѣть у ребенка первую половину ночи. Поэтому она, не раздѣваясь, легла на кровать, но не могла заснуть. Въ тишинѣ ночи ей слышались слова Канута, и при этомъ ее волновалъ не столько смыслъ этихъ словъ, сколько тотъ особенный тонъ, которымъ они были сказаны. Этого рода паѳосъ былъ ей совершенно незнакомъ. Такимъ тономъ не говорилъ ни священникъ въ церкви, ни Біорнгольтъ, когда гремѣлъ противъ крамолы, ни отецъ, когда распекалъ прислугу. Въ его рѣчи звучали какія-то страстно-злобныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальныя и горькія ноты, которыя все болѣе и болѣе принуждали ее задумываться надъ тѣмъ, что онъ говорилъ.

Двѣ другія женщины молча сидѣли по обѣ стороны колыбели, которая стояла въ углу комнаты, тускло освѣщенной ночникомъ. Онѣ знали, какого мнѣнія была о нихъ строгая дочь Вика и чувствовали въ ея присутствіи нѣкоторую неловкость. Но когда имъ показалось, что она заснула, онѣ шопотомъ начали вести между собою разговоръ, который мало-по-

малу сталъ громче, такъ что его могла слышать и Корнелія.

Говорила Марія Ганзенъ.

— Онъ каждый день приходилъ сюда и толковалъ мнѣ, какой это ужасный грѣхъ. Я вѣдь и сама знаю, что нехорошо поступила... къ тому-же, мы хотѣли обвиняться. Я столько думала обо всемъ этомъ, что иногда мнѣ, право, казалось, что я сойду съ ума... Вотъ и Гиль тоже говоритъ, что въ другихъ странахъ водится не такъ, какъ у насъ. Женихъ и невѣста могутъ обойтись и безъ священника... Чиновникъ запишетъ ихъ имена въ какую-то книгу, и они все равно, что обвиняны.

— Но вѣдь это-же навѣрное язычники, Марія?

— Нѣтъ, онъ говоритъ, что они такіе-же христіане, какъ и мы.

— Да развѣ это возможно?

— Стало быть, возможно, если онъ говоритъ.

Послѣ этого наступило молчаніе. Потомъ опять заговорила Марія такимъ-же тономъ, какъ будто собиралась повѣрить своей пріятельницѣ важную тайну.

— Катерина, вѣдь въ Библии-то ничего не сказано про то, что нужно вѣнчаться передъ священникомъ.

— Господь съ тобой, Марія! Кто это тебѣ сказалъ?

— Тоже Гиль рассказывалъ.

— Какъ ты могла ему повѣрить? Вѣдь онъ тебя обманывалъ.

— Я спрашивала пастора.

— Ну, и что-же онъ тебѣ отвѣтилъ?

— Онъ только сказалъ, что будетъ молиться за мою заблудшую душу.

— Ну, вотъ, видишь!

— А знаешь-ли что, Катерина? Послѣ этого я и сама перечитала всю Библию; вѣдь тамъ въ самомъ дѣлѣ ничего про это не сказано.

Катерина задумалась. Марія стала смотрѣть на ребенка и заговорила о томъ, какою онъ для нея былъ радостью, какимъ утѣшеніемъ, съ какимъ удовольствіемъ она готова и впредь работать и голодать, лишь-бы Господь его не отнял у нея.

Вдругъ она вскочила; у ребенка опять начался припадокъ. Въ продолженіи нѣкотораго времени Корнелія слышала только тихіе шаги, когда нужно было что-нибудь принести, да отры-

вистыя слова, которыми обмѣнивались изрѣдка двѣ женщины, глядя на страданія ребенка. Наконецъ, припадокъ окончился.

Корнелія чувствовала необыкновенное смущеніе. Она не сразу рѣшилась остаться въ обществѣ этихъ женщинъ, про которыхъ всѣ окружающіе ее люди говорили такимъ тономъ, которымъ обыкновенно говорятъ о погибшихъ созданіяхъ; это рѣшеніе стоило ей нѣкотораго усилія. И какъ ей теперь было стыдно! Что она сама испытала въ жизни? Развѣ она знала, что значить одиноко брести по жизненной дорогѣ, безъ семьи, безъ друзей? Развѣ она любила, развѣ она имѣла понятіе о томъ, что такое разлука съ любимымъ человѣкомъ? Быть можетъ, она на ихъ мѣстѣ пала-бы еще глубже!

Кануть пришелъ рано утромъ. Корнелія сидѣла возлѣ ребенка; двѣ другія женщины спали. Она должна была рассказать, какъ ребенокъ провелъ ночь. Все это придавало ея отношеніямъ къ Кануту такой интимный характеръ, который былъ ей крайне непріятенъ. Ей пришлось было въ голову разбудить мать, но почему-то она не привела въ исполненіе этого намѣренія. Къ счастью, онъ ограничился нѣсколькими короткими, сухими фразами и ни разу не взглянулъ на нее. Изслѣдовавъ ребенка, онъ сказалъ:

— Есть надежда на выздоровленіе.

— Боже мой! воскликнула Корнелія, и изъ глазъ ея брызнули слезы. Всякая сдержанность была забыта, все смущеніе исчезло. Кануть вдругъ превратился въ стараго, дорогого друга, къ которому она чувствовала безконечную благодарность. Она схватила его руку и чуть не съ благоговѣніемъ смотрѣла на него влажными, сіяющими отъ радости глазами. Затѣмъ она быстро наклонилась къ колыбели, поцѣловала ребенка, на щекахъ котораго начала появляться краска, потомъ вскочила и снова принялась его благодарить.

— Мы можемъ надѣяться, повторилъ Кануть,—но никто не въ состояніи поручиться, что ребенокъ опять станетъ такимъ-же, какимъ былъ прежде. Только тогда, когда онъ снова улыбнется матери, она можетъ быть покойна и насчетъ этого.

Онъ ушелъ, а Корнелія не вытерпѣла и разбудила спавшихъ женщинъ, которыя вскочили въ испугъ, думая, что что-нибудь случилось.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Корнелія.— Докторъ приходилъ и сказалъ, что есть надежда.

Радостно вскрикнувъ, бросилась мать на колѣни передъ колыбелью, залилась слезами и стала осыпать ребенка поцѣлуями.

Корнелія схватила и пожимала руки Катерины, а когда Марія встала и подошла къ нимъ, она обняла и поцѣловала ее...

Ребенокъ сталъ поправляться, но болѣзнь сильно отразилась на его развитіи. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ тупымъ, безучастнымъ взглядомъ и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ радости, когда мать съ нимъ играла. Но въ одинъ прекрасный день, когда Кануть подходилъ къ дому, чтобы сдѣлать свой обычный медицинскій визитъ, изъ двери, пыхтя какъ китъ, выбѣжалъ къ нему навстрѣчу Куртъ Стубъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на людей, которые ходили по улицѣ, онъ закричалъ, размахивая шляпою.

— Ура! Онъ улыбнулся! Онъ улыбнулся! Я только что собрался бѣжать къ вамъ. Вообразите себѣ, онъ улыбается совсѣмъ такъ-же, какъ прежде, тою-же веселою, лукавою улыбкою. Замѣчательный ребенокъ!

Кануть вошелъ въ домъ, а Куртъ во весь духъ побѣжалъ по улицѣ, останавливалъ каждаго попадавашагося ему навстрѣчу чужого человѣка и всѣмъ сообщалъ невѣроятную новость:— «Онъ улыбнулся!» Такимъ образомъ весь городъ узналъ, что ребенокъ Маріи Ганзенъ снова сталъ улыбаться.

Наконецъ Куртъ добрался и до запертого дома Гамре и проникъ въ высокую, отдѣланную темнымъ деревомъ комнату, въ которой помѣщалась контора консула, т. е. Гили. Онъ влетѣлъ, какъ бомба, не постучавшись, и съ необыкновенно рѣшительною миною усѣлся на свободной сторонѣ двойной конторки, за которою работалъ Гиль. Нѣсколько времени онъ молча сидѣлъ, сжавъ губы и уставившись на консула, котораго длинное лицо при такомъ загадочномъ поведеніи капитана вытянулось еще больше. Наконецъ, онъ выговорилъ коротко и грубо:

— Онъ улыбнулся.

Лицо Гили еще болѣе вытянулось; онъ что-то пробурчалъ; поведеніе капитана его видимо безпокоило.

— Я говорю—онъ улыбнулся.

Сосѣдъ его издалъ какой-то звукъ, который означалъ:— Кто?...

— Кто? крикнулъ маленькій, дородный человѣчекъ, вскакивая съ мѣста.— Ты еще спрашиваешь? Я полагаю, чортъ

возьми, что тебѣ не мѣшало-бы знать то, что уже знаетъ весь городъ и чему всѣ радуются.

Консуль вытаращилъ глаза; нижняя губа его, казалось, отвисла больше прежняго.

— Дѣло въ томъ, что твой собственный ребенокъ, который былъ при смерти боленъ, котораго лечилъ молодой Гольтъ и за которымъ ходили Корнелія Викъ и Гольтова Катерина, — этотъ ребенокъ, говорю я, сегодня въ первый разъ послѣ своей болѣзни улыбнулся и обрадовалъ этимъ мать и всѣхъ, у кого не одеревенѣло сердце; а ты сидишь здѣсь и въ усъ себѣ не дуешь. Скажи, пожалуйста, консуль, — можетъ быть это и значить, по твоему выраженію, вести себя какъ «джентльмэнъ»?

Консуль побагровѣлъ и принялся ходить по комнатѣ. Отъ времени до времени онъ издавалъ какіе-то звуки, которые Куртъ, знакомый съ его языкомъ, переводилъ слѣдующимъ образомъ.

— Дьявольская исторія... вѣдь я въ этомъ не виноватъ... старикъ, самъ знаешь... кромѣ того религіозныя соображенія...

Но тутъ Куртъ остановилъ его, крѣпко ударивъ кулакомъ по конторкѣ:

— Нѣтъ, ужъ постой, милѣйшій консуль! Охотно сознаюсь, что я не ученый человѣкъ и что за мной, быть можетъ, тоже водятся грѣхи, которыхъ я могъ-бы и не дѣлать. Но вѣдь и у меня, я полагаю, тоже есть своя набожность, точно такъ-же, какъ и у другихъ порядочныхъ людей. Только одно я готовъ сказать Фонну и всѣмъ прочимъ прямо въ лицо: — «Богъ, которому я долженъ служить, не можетъ требовать такой гнусности». Да и тебѣ, консуль, не мѣшало-бы сказать имъ это, вести себя во всемъ честно и не очень-то заниматься религіозными соображеніями.

— Но, ты знаешь дядю... не могу-же я... оправдывался консуль.

— Хорошо. Я его знаю. Онъ судохозяинъ, это правда. Но въ такихъ дѣлахъ распоряжается самъ капитанъ. Мнѣ самому приходилось командовать на чужихъ корабляхъ. Но на палубѣ я былъ полнымъ господиномъ и, видитъ Богъ, не поцеремонился-бы связать и посадить въ трюмъ самого судохозяина, если-бы онъ вздумалъ совать свой носъ въ мои судовыя дѣла.

Консуль задумался. Наконецъ, онъ сказалъ на своемъ особенномъ нарѣчїи:

— Дьявольски-непрїятная, запутанная исторїя!... Я очень люблю эту дѣвушку... Глупыя семейныя исторїи!... Думалъ было прокатиться за-границу... Тамъ болѣе широкая жизнь... Тутъ самъ чортъ не выдержитъ... Со всѣхъ сторонъ интриги. Впрочемъ, я попытаюсь.

Куртъ свистнулъ.

— Стой, у меня явилась мысль!

Онъ вскочилъ съ своего мѣста и принялся маленькими шажками бѣгать по комнатѣ. Пока онъ собирался подробно развить озарившую его мысль, кто-то постучался.

Въ комнату вошелъ Кануть.

— Вотъ онъ! воскликнулъ Стубъ.—Консуль, благодари его; если-бы не онъ, ты, быть можетъ, лишился-бы сына.

Нѣсколько гортанныхъ звуковъ, необыкновенно низкихъ даже для Гиля, выразили его смущеніе и благодарность.

— Не могу-ли я съ своей стороны оказать вамъ какую-нибудь услугу? сказалъ онъ, наконецъ, уже болѣе внятно.

— Ловлю васъ на словѣ, сказалъ Кануть;— у меня есть до васъ просьба.

Куртъ щелкнулъ пальцами.

— Бьюсь объ закладъ, что вы пришли по тому-же дѣлу, какъ и я... Насчетъ матери ребенка... не правда-ли?

Консуль опять сталъ сбнаруживать признаки безпокойства.

— Куртъ, какъ ты думаешь?... Не лучше-ли намъ уйти отсюда?...

Онъ отворилъ дверь, которая вела во внутреннюю комнату.

— Ты правъ, сказалъ Куртъ.—Тамъ мы сообща обсудимъ мою мысль.

Комната консула отличалась. во-первыхъ, огромнымъ умывальникомъ, совершенно заваленнымъ всевозможными пузырьками, щеточками и разными сортами мыла, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ стѣны были увѣшаны самыми разнообразными охотничьими ружьями и принадлежностями рыбной ловли.

Хозяинъ позвонилъ, и въ дверяхъ появился «собственный слуга» консула. Вслѣдъ затѣмъ онъ принесъ портвейну и сигарь. Куртъ сталъ развивать свою мысль, которая тутъ-же была одобрена. Когда это дѣло было покончено и Кануть началъ разсматривать ружья и удочки, консуль вдругъ повесе-

дѣль и почти совершенно внятно заговорилъ на своемъ родномъ языкѣ.

На слѣдующій вечеръ маленькій капитанъ явился къ Кануту. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи духа, спросилъ себѣ трубку, «да большую», да стаканъ грога, «да покрѣпче», и когда всѣ эти желанія были удовлетворены, принялся рассказывать свои похождения.

Планъ его удался какъ нельзя лучше. Онъ сумѣлъ расположить въ пользу этого брака пастора Странда, намекнувъ ему, что и здѣсь главнымъ препятствіемъ является Фоннъ, влиянію котораго, повидимому, нѣтъ предѣловъ. Послѣ такого дипломатическаго вступленія онъ росписалъ пастору ужасное положеніе молодой четы, принужденной жить безъ церковнаго благословенія, указалъ на вредное влияніе, которое долженъ былъ имѣть на общество подобный примѣръ въ наше время, когда общество и безъ того склонно считать вмѣшательство церкви въ семейную жизнь излишнимъ и бесполезнымъ, и, наконецъ, добился таки того, что Страндъ, поломавшись немного, обѣщавъ взяться за это дѣло и поговорить съ Гамре.

— Вотъ что значитъ быть дипломатомъ! воскликнулъ маленький капитанъ, закончивъ свой рассказъ, и залпомъ выпилъ стаканъ грога.

VI.

Въ густомъ слоѣ сѣрыхъ облаковъ, которыя нависли надъ сушею и моремъ, образовалось нѣсколько свѣтлыхъ пятенъ. Сквозь порѣдѣвшую вуаль смотрѣли голубые глаза; косые лучи солнца, какъ золотыя струны, протянулись между небомъ и землею.

Наконецъ, передъ жителями маленькаго города вполне раскрылась чудная картина яснаго неба и сверкающихъ, не окутанныхъ облаками горныхъ вершинъ, которыя съ вышины своей еще долго слѣдятъ за солнцемъ, когда оно давно уже скрылось отъ взоровъ долины. Но бѣлые, клубящіеся пары еще скрывали большую часть моря, береговъ и долинъ и хлопьями висѣли по высокимъ горнымъ обрывамъ. Здѣсь они поясомъ обвивались около конусообразной горы и перерѣзывали ее пополамъ, тамъ, въ видѣ зыбкаго, всякаго моста, тянулись черезъ узкій Зундъ, ограниченный съ обѣихъ сторонъ высокими горами. На одномъ, равномерно спускавшемся гор-

номъ склонѣ, по мѣрѣ того, какъ сползаль съ него туманъ, деревья словно бѣжали къ вершинѣ.

Наконецъ, солнце пересилило, и туманъ исчезъ. Море было ярко синее; дуга и долины блистали влажною, свѣжею зеленью; маленькіе, бѣленькіе домики, разбросанные по берегу, весело смотрѣли другъ на друга во всѣ свои окна. Казалось, какъ будто на морѣ, на горахъ, на домахъ,--всюду вспыхивали и снова потухали милліоны искръ; какъ будто вся природа устроила праздникъ по случаю исчезновенія тумана.

Петръ, Кануть и Корнелія сидѣли на палубѣ маленькаго парохода, направлявшагося къ южнымъ фіордамъ. Всѣ трое собирались навѣстить лавочника Бранта. Это былъ старый знакомый Петра, который жилъ и работалъ у него, прежде чѣмъ поступилъ къ Гольту. Кануть познакомился съ нимъ недавно въ городѣ, черезъ Петра-же, и долженъ былъ обѣщать радушному лавочнику непременно навѣстить его вмѣстѣ со своимъ другомъ.

Подъ тентомъ толпилась масса пассажировъ. Здѣсь были горожане, которые отправлялись на свои дачи, лавочники, которые возвращались изъ ежегоднаго путешествія по деревнямъ, студенты, которые на каникулы отправлялись домой, иностранные туристы всевозможныхъ національностей и туземные любители горныхъ путешествій, въ короткихъ, доходившихъ до колѣнъ брюкахъ, въ подбитыхъ гвоздями балмакахъ, съ вуалью на шляпѣ, съ длинною подзорною трубою, висѣвшею на ремнѣ черезъ плечо, и длинною палкою въ рукахъ.

Пароходъ тихо скользилъ по блестящей поверхности воды; съ одной стороны по берегу тянулись темныя цѣпи горъ, съ другой—между низкими островами и шхерами виднѣлось открытое море.

Петръ былъ въ восторгѣ. Каждый пронесившійся мимо парохода рыбацкій челнъ, каждая крестьянская усадьба, виднѣвшаяся въ какой-нибудь узкой долинѣ, радовали и вдохновляли его; онъ то и дѣло восхищался и пѣлъ патріотическія пѣсни.

Кануть, напротивъ, былъ не въ духѣ. Петръ никакъ не могъ его заставить видѣть всѣ окружавшіе ихъ предметы въ томъ розовомъ, ясномъ свѣтѣ, въ какомъ они представлялись его собственнымъ глазамъ; повтому онъ скоро оставилъ его въ покоѣ и обратился къ Корнеліи, которая сидѣла и читала

какую-то книгу въ черномъ переплетѣ, повидимому—религіознаго содержанія. Она понимала его. Прежде она казалась Кануту такою сухою, мѣщански-сдержанною; теперь-же она вся разгорѣлась, смѣялась и казалась такою-же счастливою, какъ Петръ.

Отрывки ихъ разговора доносились до Канута. Они говорили о лѣтнихъ прогулкахъ на морѣ и на сушѣ. Въ самомъ Канутѣ проснулись воспоминанія объ экскурсіяхъ, которыя онъ, бывало, дѣлалъ, когда еще былъ студентомъ. Припомнились ему одинокія горныя озера, пустынные, плоскія, черныя вершины, узкія, каменистыя долины и пріютившіеся гдѣ-нибудь въ углу домики, съ садами, изъ которыхъ на улицу доносился запахъ розъ и гвоздики. Онъ подумалъ объ однообразной жизни въ такихъ уединенныхъ далекихъ селеніяхъ. Корнелія представлялась ему нѣжнымъ растеніемъ, выросшимъ въ тѣни, гдѣ-нибудь въ такой-же средѣ. «Не мудрено, думалось ему, что она любить все блѣдное и тихое».

Пароходъ повернулъ въ бухту. Онъ приставалъ здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вездѣ находились пристани съ флагомъ на высокомъ шестѣ; вездѣ подъѣзжали лодки съ людьми, одѣтыми по лѣтнему. Здоровались, прощались. Петръ кивалъ головою, пожималъ руки, махалъ шляпою, платкомъ и былъ всеневольно, какъ ракъ, отъ постоянной суетни.

Канутъ подѣлъ къ Корнеліи. Онъ предложилъ ей нѣсколько вопросовъ относительно семейства, которое они собирались навѣстить. Долго онъ не могъ отъ нея добиться ничего, кромѣ самыхъ скудныхъ свѣдѣній, въ сухихъ одностороннихъ выраженіяхъ. Но когда онъ, наконецъ, спросилъ ее, такъ-же ли любезна дочка Бранта, какъ его жена, съ которою онъ познакомился въ городѣ, она вдругъ оживилась.

Канутъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее, пока она говорила. Онъ невольно сравнилъ лучи, которые теперь вдругъ загорѣлись въ ея глазахъ съ тѣми лучами, которые испускаетъ солнце, но которые становятся для насъ замѣтными только при извѣстныхъ условіяхъ.

Нѣсколько времени они молчали. До ихъ слуха долетали отрывочныя фразы изъ разговоровъ остальныхъ пассажировъ. Канутъ взялъ въ руки книгу, которую читала Корнелія, и началъ ее перелистывать. Это были какія-то «Миссіонерскія картины». Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Неужели вамъ не надоѣстъ читать подобныя вещи?

Пара необыкновенно испуганныхъ глазъ уставились на него. Казалось собесѣдница опрометью убѣжала въ чащу лѣса; спрятавшись за деревьями, она выглянула немного и спросила:

— Надоѣдаетъ?

— Я хотѣлъ спросить, занимають ли васъ такія книги?

Она вышла изъ своей засады и пріяняла холодную, строгую мину.

— Развѣ подобное чтеніе не полезно для каждаго человѣка? спросила она.

Кануть засмѣялся. Онъ положительно не могъ удержаться отъ смѣха. Молодое лицо, назидательный тонъ, серьезная, старушечья мина,—все это были такіе контрасты, которые казались ему необыкновенно комичными.

Она вся вспыхнула. Въ ней заговорила миссіонерская жилка. Она принялась разсуждать о далекой негритянской странѣ, какъ о центрѣ вселенной, и о тамошнихъ приключеніяхъ, какъ о величайшихъ событіяхъ исторіи. Въ воздухѣ зажужжали звуки какихъ-то странныхъ именъ; это были начальники племени, съ которыми вступали въ переговоры, или обращенные въ христіанство дикари, или, наконецъ, «упорные» язычники, которые твердо держались вѣры въ своихъ старыхъ боговъ и готовы были жертвовать для нихъ всѣмъ. Послѣднихъ Господь всегда поражалъ своею карою.

— За то, что они повинуются волѣ своихъ боговъ?

— Но вѣдь это ложные боги.

— Конечно. А вѣрность и самопожертвованіе вѣдь такіе пустяки!

Она посмотрѣла испытующимъ взглядомъ.

— Вѣдь у васъ... у васъ... нѣтъ религіи? нерѣшительно спросила она.

— Знаете, что говорятъ китайцы? «Есть много религій, и всѣ онѣ различны; но разумъ есть только одинъ. Мы всѣ братья»...

Въ эту минуту пароходъ проходилъ мимо вереницы могучихъ голубовато-сѣрыхъ ледниковъ.

Пассажиры любовались и восхищались. Раздавались восклицанія нѣмецкаго, англійскаго, шведскаго и норвежскаго восторга. Горные туристы подняли громкій диспутъ относительно того, возможно-ли причислить эти вершины къ горамъ

первой величины; одинъ изъ нихъ горячо оспаривалъ это и, въ концѣ концовъ, заявилъ, что ни одна изъ этихъ горъ не оставитъ своего имени въ исторіи.

Петръ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые восхищались. Эти горы принадлежали къ его приходу, и онъ былъ твердо убѣжденъ, что онѣ во всѣхъ отношеніяхъ принадлежать къ самой первостепенной категоріи.

Корнелія сидѣла сложивъ руки, какъ для молитвы.

— Вы, вѣроятно, съ благоговѣніемъ думаете о всемогуществѣ творческой силы? спросилъ ее Кануть.

— А по вашему все это не прекрасно, не правда-ли? воскликнула она съ негодованіемъ.

Онъ постарался объяснить ей, что онъ видитъ въ этихъ высокихъ громадахъ, которыя пережили разные неизвѣстные намъ солнечные и ледяные періоды, просуществовали миллионы лѣтъ и теперь съ холоднымъ равнодушіемъ взираютъ на долины, гдѣ люди копошатся всего въ теченіи какихъ-нибудь ничтожныхъ тысячелѣтій.

Она посмотрѣла на него съ недовѣріемъ и видимо усомнилась въ правдивости ея словъ.

— Вотъ вамъ прекрасное созданіе! воскликнулъ Кануть, указывая на своего воодушевленнаго друга. — Что за чудесный человѣкъ! Не правда-ли?

— Да... конечно, согласилась она нѣсколько нерѣшительно.

— Вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ... я право не знаю... я только думала... Біорнгольтъ говорить, что онъ придерживается опасныхъ принциповъ, пробормотала она.

Кануть засмѣялся. Она смущенно улыбнулась, но, повидимому, не обидѣлась.

— Вы, кажется, интересуетесь политикой? снова началъ Кануть.

Она отрицательно покачала головой.

— Отецъ и Біорнгольтъ такъ часто говорятъ о...

— Объ опасныхъ людяхъ? Въ такомъ случаѣ я льщу себя надеждой, что вамъ приходилось слышать и о бунтовщикѣ молодомъ Гольтѣ.

Она засмѣялась.

— Да... одинъ разъ...

— Правда, я и забылъ, что уже успѣлъ образумиться.

— Скажите мнѣ, отчего это съ вами случилось? быстро проговорила она.

— Отчего я сталъ разумнымъ? Очень просто—оттого, что утратилъ свои суевѣрія.

— Суевѣрія?

— Или вѣрнѣе, оттого, что уже пережилъ періодъ мечтаній. Такое время бываетъ въ жизни каждаго человѣка. Мои мечты имѣли всемірно-историческій, возвышенный характеръ.

— Я васъ вѣроятно не понимаю.

— Охотно вѣрю вамъ; но, къ несчастью, не могу объяснить, въ чемъ дѣло, не познакомивъ васъ съ поэтическими произведеніями моеѣ юности, а этого...

— Вы не хотите?

— Кому-же охота выкапывать трупы?

Въ это мгновеніе къ нимъ въ необыкновенной ажитациі подбѣжалъ Петръ.

— Мы сейчасъ приѣдемъ, Кануть! Пойдемъ, ты непременно долженъ взглянуть на эту картину!

— Изволь, мой другъ, я вполне готовъ восхищаться, сказалъ Кануть, вставая.

Раздалась команда убавить ходу. Пароходъ обогнулъ выдающійся мысъ, и передъ взорами путешественниковъ открылись—сначала, какъ и вездѣ, пристань съ флагомъ на высокомъ шестѣ, за нею группа домовъ, вытянувшихся по обѣ стороны улицы, а далѣе—плоская долина, поросшая листовнымъ лѣсомъ, съ мелькавшими кое-гдѣ небольшими, бѣлыми строеніями.

— Ну что? спросилъ Петръ и съ напряженнымъ ожиданіемъ посмотрѣлъ на Канута.

— Ты правъ, сказалъ Кануть; — дѣйствительно, уютный уголокъ.

На пристани толпились люди и лошади. Крестьяне въ желтыхъ кожаныхъ брюкахъ, съ кнутами въ рукахъ, очутились между пассажирами, прежде чѣмъ пароходъ успѣлъ пристать, и наперерывъ предлагали повозки.

— Вотъ эни, вотъ они! воскликнулъ Петръ, принимаясь махать шляпой. Дѣйствительно, на пристани стояли лавочникъ съ коротенькой трубочкой во рту, его жена, въ коричневой соломенной шляпкѣ съ развѣвавшимся по вѣтру, распущенными по случаю жары лентами, и молодая, бѣлокурая дѣвушка

въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ голубою вуалью на шляпѣ. Молодая дѣвушка протянула Корнелии черезъ перила пристани руку, кивала головою, смѣялась и безпрестанно повторяла: — «Здравствуй, здравствуй! Какъ хорошо, что ты пріѣхала!». Она ласково поздоровалась съ Петромъ и съ сдержаннымъ любопытствомъ поглядывала на Канута.

На палубу перекинули мостикъ. Всѣ находившіеся на пристани люди бросились на пароходъ. Пассажиры толкали другъ друга, отыскивали свой багажъ, торговались съ извозчиками.

Петръ накинулся на кучу чемодановъ и безцеремонно разбрасывалъ чужія вещи по всей палубѣ, чтобы отыскать багажъ Корнелии. Онъ толкался и получалъ толчки, то суетился на берегу, помогая укладывать вещи въ телѣжку, то снова появлялся на пароходѣ и опять начиналъ безжалостно швырять чемоданы остальныхъ пассажировъ.

Наконецъ, маленькое общество тронулось въ путь. Мимо нихъ, одна за другою проѣзжали повозки съ какими-то господами, говорившими по-нѣмецки или по-англійски; потомъ ихъ обогнали горные туристы, плавно подвигавшіеся большими, размѣренными шагами.

Узкая дорога, ведущая въ долину, отличалась довольно первобытнымъ характеромъ. Въ глубокихъ колеяхъ послѣ дождя скоплялась вода. Вездѣ, гдѣ позволяли колеса и лошадины копыта, самымъ безцеремоннымъ образомъ росла трава. Это была дорога съ совершенно ненужными изгибами, подъемами и спусками; то она вдругъ уклонялась отъ прямого направленія, чтобы спрятаться въ густой ольховой рощицѣ или чтобы напиться изъ ручья, вслѣдствіе чего весною по ней почти невозможно было ѣздить; то она взбиралась на отдаленный холмъ, единственно ради того, чтобы съ высоты его окинуть взоромъ бухту и долину и затѣмъ поспѣшно спуститься по противоположному склону. Словомъ, это была живописная идилическая дорога, предполагавшая, что у всѣхъ свободнаго времени вдоволь, что всѣ находятся въ хорошемъ расположеніи духа и любятъ непредвидѣнныя впечатлѣнія.

Петръ вдругъ сдѣлался необыкновенно сдержаннымъ и совсемъ не принималъ участія въ разговорѣ.

— Что съ нимъ случилось? подумалъ Кануть. — Вѣдь онъ достигъ, наконецъ, цѣли своихъ желаній. Неужели и его счастье

въ дѣйствительности оказалось менѣе полнымъ, чѣмъ въ мечтахъ?

Домъ Бранта стоялъ возлѣ ручья. Амбаръ и лавка находились на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, окруженнаго большимъ садомъ. Здѣсь также развѣвался флагъ.

Гостинная, куда повели гостей, оказалась угловою комнатою, изъ которой открывался видъ на море. У одной стѣны стоялъ диванъ, гдѣ могъ-бы помѣститься цѣлый полкъ, а передъ диваномъ—выдвижной обѣденный столъ. Возлѣ одного изъ оконъ помѣщалось старомодное кресло, обтканное золотистымъ сафьяномъ; здѣсь хозяинъ дома имѣлъ обыкновеніе сидѣть по вечерамъ и курить свою трубку. На стѣнѣ, возлѣ самаго кресла, висѣла подозрительная труба, въ которую онъ любилъ смотрѣть на море и слѣдить за проходящими судами. Рядомъ съ печкою находилась стойка съ множествомъ разнообразныхъ болѣе или менѣе неуклюжихъ трубокъ.

Столъ былъ покрытъ бѣлой скатертью. Плотный, деревенскій пшеничный хлѣбъ блисталъ въ двухъ корзинкахъ изъ накладнаго серебра. Мѣдный кофейникъ, отчищенный такъ старательно, что рѣзалъ глаза, кипѣлъ на жаровнѣ съ горящими угольями.

Младшіе члены семьи, два мальчика и двѣ дѣвочки, загорѣлая, бѣлокуроья созданія, вбѣжали въ комнату и, забившись въ уголь, съ любопытствомъ смотрѣли на гостей.

Всѣ напились кофе и поѣли деревенскаго хлѣба. Затѣмъ Корнелія и ея пріятельница исчезли. Глядя въ окошко, Кануть видѣлъ, какъ онѣ гуляли рука объ руку, то появляясь въ саду, то спускаясь къ ручью, то выходя на дорогу, гдѣ онѣ останавливались и разговаривали съ прохожими.

Хозяинъ предложилъ своимъ гостямъ сигары. Но Кануть, который обыкновенно не курилъ ничего, кромѣ сигаръ, почему-то почувствовалъ сердечное влеченіе къ висѣвшимъ около печки неуклюжимъ трубкамъ; сигара напоминала ему отелную жизнь и путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, и не гармонировала съ его деревенскимъ настроеніемъ.

Мушоны отправились осматривать хозяйство. Сначала прошли по саду, гдѣ Брантъ показывалъ Петру чуть не каждое дерево. Потомъ осмотрѣли амбаръ. Петръ то поднимался по лѣстницѣ, то снова спускался, осматривалъ все помѣщеніе,

обратилъ вниманіе на товары и попробовалъ, хорошо-ли дѣйствуютъ подъемныя машины. Въ заключеніе онъ показалъ Кануту маленькую комнатку, въ которой спалъ, когда жилъ въ домѣ Бранта.

Осмотрѣвъ амбаръ, они предприняли прогулку въ поле, гдѣ сложенное въ кучи или сушившееся на особыхъ подставкахъ сѣно распространяло свѣжій, лѣтній запахъ. Среди луга на длинной веревкѣ ходила черная лошадь мѣстной породы, а нѣсколько далѣе паслась чалая, которой Петръ еще не видѣлъ. Всѣ ея достоинства и пороки были немедленно подвергнуты обсужденію.

Кануть молчалъ и храбро курилъ свою тяжелую трубку. Онъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Въ немъ проснулась потребность къ работѣ, къ полезной дѣятельности. Давно уже онъ не испытывалъ этого чувства здоровья, этого желанія приложить къ чему-нибудь свои силы.

Обѣ дѣвушки въ запуски бѣжали къ нимъ по лугу. Онѣ до того хохотали и такъ запыхались, что едва могли передать желаніе хозяйки, чтобы мущины вернулись домой. На возвратномъ пути Петръ принялся вмѣстѣ съ ними прыгать черезъ копы и играть въ горѣлки.

Въ комнатѣ хозяйка приготовила для мужчинъ грогъ, а для дамъ смородинное вино. Потомъ Ганна сѣла за фортепiano. Она прेमилло и съ своеобразнымъ выраженіемъ пропѣла нѣсколько небольшихъ, нѣжныхъ пѣсенъ лукаво-любовнаго характера. Эти теплыя, мягкіе напѣвы такъ чудно гармонировали съ лѣтнимъ вечеромъ и съ общимъ настроеніемъ. Невольно приходила мысль, что они должны были возникнуть въ такое время, среди воздуха, наполненнаго запахомъ сѣна, на берегу сверкающаго фiорда.

Петръ пѣлъ патріотическія пѣсни. Окончивъ пѣніе, онъ остался возлѣ фортепiano и тихо разговаривалъ съ Ганной. Каждый разъ, какъ ему приходилось дѣлать какое-нибудь замѣчаніе, онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и все лицо его принимало глупо-наивное выраженіе.

— Ага! подумалъ Кануть;—такъ вотъ чѣмъ объясняется его необыкновенная любовь къ пароходу, отправляющемуся къ фiордамъ.

Вечеромъ, когда оба пріятеля вошли въ свою спальню,

Кануть схватилъ Петра за плечи и началъ его трясти, приоваривая:—«Ахъ ты негодяй! Ахъ ты обольститель!»

Петръ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ.

— Кануть, неужели ты предполагаешь... надѣюсь, что ты не считаешь меня...

— За злостнаго обольстителя неопытныхъ дѣвушекъ? Ахъ ты фофанъ! Пожалуйста не думай, что твои шашни увѣнчаются успѣхомъ. Развѣ тебѣ никогда не приходилось смотрѣть на себя въ зеркало? Неужели ты думаешь, что человѣкъ съ такой физиономіей, какъ твоя, въ состояніи обмануть хотя-бы самаго неопытнаго ребенка?

— Господь съ тобою, Кануть; ради Бога не думай, чтобы она хоть однимъ словомъ, хоть одной миной... или, что-бы я осмѣлился думать, что...

Кануть хохоталъ, но лицо Петра было мрачно, какъ туча.

— Не смѣйся надъ этимъ, Кануть. Я не потерплю этого.

— Прости, дружище! Я скорѣе дамъ себя заживо зарыть въ землѣ, чѣмъ соглашусь обидѣть тебя или ее.

Петръ успокоился, а когда Кануть началъ хвалить мѣстность, людей, пѣніе Ганны и, наконецъ, рѣшительно все, не исключая ихъ маленькой спальни съ бѣлыми занавѣсками вокругъ умывальника и свѣжими глаженными скатертями на всѣхъ столахъ, онъ съ неистовствомъ сталъ потирать себѣ руки и то и дѣло твердилъ:—«Вотъ видишь, вотъ видишь!»

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

О, знай, мой другъ: предъ тѣмъ какъ ты звѣздой
Блеснула мнѣ, такъ много надо мной
Пракрасныхъ звѣздъ потухло безъ возврата!
Я въ страхѣ ждалъ, что и душа, объята
Холодной тьмой, потухнетъ, какъ онѣ...
Вдругъ ты звѣздой вдали блеснула мнѣ.
Такъ не скупись на кроткое сіянье!
Тяжелъ мой путь, я одинокъ въ скитаньѣ.

* * *

О, знай, мой другъ: я много скоронилъ
Завѣтныхъ чувствъ. Въ душѣ не счесть могилъ.
Тамъ спитъ любовь. (Увы, рукой любимой
Разбитъ кумиръ, пять лѣтъ въ душѣ хранимый).
Тамъ дружба спитъ, разбитая судьбой.
Такъ не умножь могилъ еще собой...
О, не скупись на кроткое сіянье!
Кругомъ темно, я одинокъ въ скитаньѣ...

Н. Минскій.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ
 ГОДЪ 9-й. **„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“** ГОДЪ 9-й.
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ХУДОЖЕСТВ. И РЕМЕСЛ.
 съ изящными рисунками, еженедѣльное изданіе,
 БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
 въ важныхъ случаяхъ выходитъ, вмѣсто одного, по два раза въ
 недѣлю.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія, въ сжатомъ, удобномъ для чтенія видѣ.—Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы, преимущественно историческіе, и стихотворенія. Кроме того, въ «Газетѣ А. Гатцука» помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также **Критика**, **Библиографія** и **МОДЫ** съ рисунками.—Газета даетъ въ текстѣ до 400 художественно-исполненныхъ рисунковъ.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (Ө. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С. Ласковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ольга Н., А. Н. Плещеевъ, и др.)

Въ теченіе 1883 и 1884 г. въ «Газетѣ», какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльными рисунками, въ видѣ премій, будетъ помѣщаться рядъ художественно выполненныхъ рисунковъ по исторіи Россіи. изъ которъхъ составитъ дорогой альбомъ, наглядно знакомящій русскаго человѣка съ главными періодами и важнѣйшими событіями въ жизни Русскаго государства.

ПРЕМИИ 1883: Годовые подписчики получаютъ въ концѣ года Крестный календарь на 1884 г. на лучшей бумагѣ, и большую олеографическую картину одного изъ важнѣйшихъ событій 1883 года.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ **4 руб.**; съ пересылкою-же на годъ—**5 руб.** на 1/2 г. (съ Янв. и Іюля) **3 р.**, на 1 мѣс. **75 к.**

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.

Редакторъ А. А. Гатцунъ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1883 г. на журналъ

III годъ. **ОСКОЛКИ** годъ III.

подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ «Осколки», вступающій въ третій годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1883 г. по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ, какъ и въ 1882 г.

Журналъ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и карикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Годовое изданіе составитъ 52 номера.

Цѣна за журналъ въ 1883 году:

На годъ безъ пересылки . . . 6 р. | На 6 мѣс. съ пер. и дост. . . 4 р.
 „ съ пер. и дост. . . 7 „ | Отдѣльный номеръ 20 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ просп., домъ № 122.

Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голико.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. БИЛИБИНА.

Поль Беръ. Лекціи по анатоміи и физиологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.

Цѣна для училищъ 2 р. Съ пересылкой по почтѣ 2 р. 50 к. При требованіи многихъ экземпляровъ пересылка по почтѣ за 2 ф. съ экземпляра по разстоянію.

При пересылкѣ черезъ транспортныя конторы по расчету конторъ.
Фостеръ. Учебникъ физиологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна для училищъ за 2 тома 5 р. 50 к. Съ пересылкой по почтѣ 6 руб.

Выписывающія изъ складовъ книги обозначенныя *, за пересылку не платятъ.

***Эд. Б. Тайлоръ.** Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

***Спенсеръ.** Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсовыхъ за 4 ф

***Спенсеръ.** Основанія социологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

***Спенсеръ.** Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Клодъ Бернаръ.** Жизненные явленія общія животнымъ и растеніямъ. (Курсъ общей физиологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

***Тэнъ.** Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

***Кребсъ.** Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современной физики) Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

***Карпентеръ.** Спиритизмъ съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Жозефъ Бертранъ. Курсъ теоретической ариметики. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

***Робертъ Оуень.** Образование человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Дж. Тиндаль. Вещества, носящіяся въ воздухѣ, и отношенія ихъ къ гніенію и заразѣ.

Зандеръ. Руководство къ общественной гигиенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Сильванусъ Томпсонъ. Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Боргмана.

Всѣ изданія находятся въ книжныхъ складахъ Н. П. Карбасникова (Спб. Литейная, д. 48; Москва, Моховая, д. Коха) и М. М. Стасюлевича. (Спб., Вас. Островъ, 2 лин., д. № 7).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЪ ВОПРОСУ О КАПИТАЛИЗМѢ ВЪ РОССИИ.

Въ послѣднее время особенно часто можно услышать разсужденія, съ той или другой точки зрѣнія, о судьбахъ русскаго капитализма. Такія разсужденія появляются все чаще и чаще не только въ печати, а ихъ можно услышать вездѣ, гдѣ только заходитъ рѣчь объ экономическомъ развитіи народа. Возбужденіе интереса къ вопросу о капитализмѣ объясняется тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, которое оказываетъ капиталъ на экономическую жизнь народа въ случаѣ своего развитія. Такъ: если мы можемъ, напр., доказать, что капитализмъ не имѣетъ, почвы въ данной странѣ, что хотя и есть признаки проявленія капитализма въ этой странѣ, но что онъ появился не въ силу естественныхъ, необходимыхъ условій, а насажденъ, искусственно и вслѣдъ за уничтоженіемъ насильственной поддержки, должно рухнуть и капиталистическое производство, то наши выводы объ экономическомъ развитіи народнаго хозяйства и заключенія о возможномъ недалекомъ будущемъ его—будутъ одни. Въ этомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что обобществленіе народнаго труда произойдетъ не капиталистическимъ, а инымъ путемъ, который опредѣлится всею суммою народно-историческихъ воззрѣній, главнымъ образомъ—воззрѣній народа на право собственности, на трудъ.

Если-же возможно будетъ доказать, что въ данной странѣ, совершаются факты аналогичные съ тѣми, какіе совершались въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ, и если къ тому-же возможно наблюдать въ ней явленія, присущія чистой, развитой капиталистической продукціи, какъ напр., накопленіе и сосредоточеніе капитала въ немногихъ рукахъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и вслѣдствіе этого основного фактора капиталистической

продукціи—освобожденіе многихъ самостоятельныхъ производителей отъ орудій производства, увеличеніе населенія нѣкоторыхъ городовъ, увеличеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и возрастаніе пассажирскаго движенія и перемѣщенія товарныхъ грузовъ, развитіе кредитныхъ учреждений и пр., то мы съ полнымъ правомъ можемъ вывести заключеніе, что страна вступила на путь капиталистическаго производства, имѣя для такого развитія естественныя условія. Поэтому и нѣтъ никакого основанія допустить возможность разрушенія подобнаго общественнаго строя въ силу какихъ-то несоотвѣтствій его разрушительныхъ стремленій съ народно-историческимъ развитіемъ. А такъ какъ начальное зарожденіе этого строя представляетъ, въ силу международной конкуренціи, самую трудную стадію въ своемъ развитіи, то если эта стадія пройдена, и капиталистическое производство появилось, имѣя для этого благоприятную почву въ данной странѣ, слѣдовательно и дальнѣйшее развитіе его можно считать обеспеченнымъ. Въ этомъ второмъ случаѣ наши заключенія о возможномъ будущемъ будутъ иныя, чѣмъ въ первомъ. Капитализмъ произведетъ обобществленіе труда и приведетъ къ конечной цѣли—къ коллективизму въ трудѣ и во владѣніи орудіями производства.

Уже отсюда ясно, какую важность имѣетъ для Россіи вопросъ о капитализмѣ. Быть или не быть капитализму въ Россіи? Вотъ вопросъ, который неминуемо долженъ волновать всякаго, кто интересуется судьбами народа. Въ разъясненіи вопроса многіе наши публицисты высказывались въ послѣднее время въ томъ или другомъ направленіи и особенно вниманія заслужили статья г. В. В., не только вслѣдствіе громадной важности затрогиваемаго ими вопроса, но и вслѣдствіе того, что авторъ ихъ, соединяя литературный талантъ съ значительными знаніями по политической экономіи, проводитъ весьма послѣдовательно свою основную мысль и весьма удачно подкрѣпляетъ ее статистическими цифрами и фактами. Тѣмъ не менѣе литература этого вопроса у насъ еще недостаточно богата и окончательный выводъ далеко еще не подведенъ. Въ виду этого, данный, который мы приведемъ, не могутъ, по нашему убѣжденію, не имѣть своей доли значенія, если они помогутъ большому разъясненію этого еще не разрѣшеннаго вопроса.

Переворотъ, совершившійся 19 февраля 1861 года, составляетъ новую эру въ общественной и экономической жизни русскаго народа. До освобожденія крестьянъ всѣ силы общества были подавлены, на нихъ лежало клеймо рабства и потому онѣ не могли свободно развиваться. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостничества

рухнули и оковы, связывавшія народныя силы и препятствовавшія имъ свободно развиваться. Онѣ не только привязывали, конечно въ буквальномъ смыслѣ слова, человѣка къ мѣсту и хозяйству, но, что всего хуже, препятствовали какому-бы то ни было экономическому развитію народа.

Во время крѣпостнаго права, крестьянское хозяйство было по преимуществу натуральнымъ. Каждая семья производила всѣ нужные для домашняго обихода предметы собственными наличными силами семьи. Повинности отбывались также натурою. Оброки въ черноземной полосѣ выплачивались извѣстнымъ количествомъ хлѣба, который частью потреблялся, частью продавался самимъ помѣщикомъ. Въ нечерноземной полосѣ оброки уплачивались по преимуществу предметами крестьянской кустарной промышленности, о продажѣ которыхъ заботился уже самъ помѣщикъ. Такимъ образомъ крестьянинъ былъ почти устраненъ отъ сношеній съ рынкомъ. Въ крестьянской общинѣ существовало элементарное общественное раздѣленіе труда и производители различныхъ предметовъ обмѣнивались своими продуктами, какъ потребительными стоимостями, а не какъ товарами.

Но вотъ крѣпостное состояніе кануло въ вѣчность; представляется возможность и даже необходимость измѣнить весь строй народнаго хозяйства. Всѣ повинности переведены изъ натуральныхъ на денежныя. Крестьянину пришлось придти въ соприкосновенія съ рынкомъ, превратить свои продукты въ товары, подчиниться требованію рынка, чтобы добыть денегъ; его хозяйство не могло оставаться далѣе натуральнымъ. Въ какое-же, спрашивается, оно превратилось? Какое направленіе оно приняло?

Опредѣленіе направленія, которое приняло народное хозяйство послѣ переворота, представляетъ много затрудненій вслѣдствіе массы противорѣчивыхъ фактовъ, съ которыми приходится встрѣчаться при изученіи экономической жизни народа.

Какъ ни великъ переворотъ, измѣнившій наши соціальныя условія, но онъ не могъ преобразовать съ такою-же быстротою, съ какою самъ совершился, весь строй народнаго хозяйства. Для преобразования послѣдняго нужно время, не годъ, не два, а десятии лѣтъ. Двадцать лѣтъ, которыя прошли со времени переворота, слишкомъ малый періодъ въ народной жизни, и въ этотъ періодъ народное хозяйство не успѣло принять однороднаго, опредѣленнаго направленія. Здѣсь борятся, такъ сказать, два духа, воплощеніе одного—натуральное крестьянское хозяйство, другого—капиталистическое; который побѣдитъ, покажетъ будущее. Предугадать-же это возможное будущее, конечно, на основаніи настоящихъ фактовъ, представляется въ высшей степени важнымъ. При этомъ изслѣ-

дованіи можно пользоваться, какъ примѣромъ другихъ странъ, такъ и теоретическими положеніями. Такъ: изучая явленія, совершающіяся въ народной жизни, можно сравнивать ихъ съ явленіями странъ, ушедшихъ впередъ по пути обобществленія труда, и, находя аналогичныя явленія, придти къ убѣжденію, что изучаемая страна, на примѣръ Россія, должна пройти «сквозь тиски капиталистическаго производства», чтобы осуществить коллективизмъ. Въ этомъ случаѣ предугадать возможное будущее народнаго хозяйства не трудно, такъ какъ, говоря словами Маркса, «промышленно развитая страна показываетъ менѣ развитымъ странамъ только картину ихъ собственной будущности».

Или-же, признавая изучаемую страну *особенною*, не подходящею, выражаясь вульгарно, подъ шаблонъ западныхъ государствъ, объяснять наблюдаемыя явленія на основаніи теоретическихъ соображеній, такъ какъ примѣра нѣтъ. Этотъ путь изслѣдованія несравненно труднѣе перваго и едва-ли возможно при посредствѣ его составить сколько-нибудь опредѣленное представленіе о будущемъ народнаго хозяйства.

Первымъ весьма важнымъ препятствіемъ для развитія у насъ капитализма считаютъ недостатокъ рынка. Это препятствіе, по нашему мнѣнію, можетъ быть существенно важнымъ для будущаго, но не для настоящаго времени, а именно, оно можетъ относиться къ тому времени, когда значительное большинство странъ уже завершатъ капиталистическое производство и придутъ къ коллективизму, т. е., когда онѣ не будутъ служить болѣе рынками, такъ какъ онѣ могутъ составить коллективную единицу и обмѣниваться своими специальными продуктами. А до тѣхъ поръ, всякая страна есть рынокъ для сбыта произведеній другихъ странъ. Изъ одной вывозится хлѣбъ и другіе сырые продукты, а ввозятся мануфактурные, а въ другой—наоборотъ. Еслибы дѣйствительно это препятствіе было столь существеннымъ для развитія капитализма въ молодыхъ странахъ, то пришлось-бы только удивляться, что, послѣ того, какъ два или три государства развили капиталистическое производство, могутъ появляться и развивать свои хозяйства капиталистически другія государства.

Примѣръ странъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ показываетъ, что Италія хотя и вступила ранѣе всѣхъ другихъ государствъ на путь капиталистической продукціи, но далеко отстала отъ Англій, которая, вступивъ на тотъ-же путь позже, перещеголяла свою соперницу, а Америка превзошла ихъ обѣихъ, хотя выступила много позднѣе Англій. Слѣдовательно для Америки не было препятствіемъ то обстоятельство, что въ Англій капиталистическое производство достигло значительныхъ

размѣровъ, когда въ Америкѣ оно начало зарождаться. Наконецъ, когда эти страны уже достаточно развернули свои капиталистическія наклонности къ захвату рынковъ, выступаютъ Франція и Германія и продолжаютъ этотъ путь не безъ успѣха. Къ новѣйшей формациі относятся многія государства Южной Америки. Такимъ образомъ мы видимъ, что побѣда капитала одной страны еще не служитъ препятствіемъ для развитія капиталистическаго производства въ другой.

Кромѣ того, нѣкоторыя статистическія данныя показываютъ, что въ странѣ, позже другихъ вступившей на путь капиталистической продукціи, накопленіе происходитъ болѣе быстро. Причинъ такого явленія многое множество: и привлеченіе капиталовъ другихъ странъ, и дешевизна рабочей силы, и усовершенствованныя пути сообщенія и пр. и пр.

Приведемъ еще не лишеныя интереса и относящіяся къ вопросу о международномъ соперничествѣ показанія нѣкоторыхъ лицъ предъ англійской парламентской комиссіею для изслѣдованія дѣйствія законодательства о фабрикахъ и мастерскихъ, учрежденной въ 1875 году. «Бельгія, Германія, Америка, говоритъ патронъ Гентеръ, одинъ изъ владѣльцевъ ножеваго и прокатнаго заведенія,—успѣшно соперничаютъ съ нами въ ножевой промышленности; что-же касается производства стали, то въ этой отрасли въ настоящее время (еще нѣсколько лѣтъ назадъ это было иначе) съ Англіею соперничаетъ весь континентъ». Даже членъ инспекторскаго персонала, Вольнеръ, инспекторъ — ассистентъ шотландскихъ и сѣверныхъ округовъ, грозитъ комисіи слѣдующими серьезными послѣдствіями: «Если стеклянная индустрія страны будетъ лишена привилегіи заставлятъ работать по-ночамъ дѣтей 13-ти лѣтнаго возраста, то она погибнетъ отъ соперничества Франціи и Бельгіи, откуда и теперь уже навезли въ Англію стекло по цѣнѣ на 5 и на 10% ниже англійскихъ *)».

Какъ видите, ученица подымаетъ руку на свою учительницу и оспариваетъ, если не первородство, то привилегіи, сопряженныя съ нимъ. «Вообще говоря, безвозвратно прошло то время, когда англійская промышленность всецѣло господствовала не только на колоніальныхъ, но и на европейскихъ рынкахъ **)». Но есть еще одно показаніе, крайне интересное для насъ, такъ какъ дѣло касается Россіи. «Обыкновенно предполагаютъ, говоритъ фабрикантъ Поттера:—что Россія есть не цивилизованная страна, которая не

*) «Отеч. Записки» 1877 г., № 1. Новѣйшее фабричное законодательство Великобританія. Зиберъ. (Стр 258).

**) Ibid.

имѣть никакой возможности конкурировать съ нами; между тѣмъ, въ Москвѣ, при помощи 17 машинъ, производится въ годъ 700,000 штукъ товара (на одну машину болѣе 40 тысячъ), тогда какъ у насъ при посредствѣ 51 машины никогда не производится больше 1.400,000 штукъ *) . (На одну машину менѣе 30,000). Это показаніе во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Во-первыхъ, изъ него мы видимъ, что капиталистъ отождествляетъ цивилизацію со степенью производительности машинъ. Во-вторыхъ, что англійскій капиталистъ опасается уже конкуренціи Россіи. Онъ не говоритъ, что Россія конкурируетъ съ Англійей, но утверждаетъ, что она можетъ конкурировать, что она можетъ сократить кругъ сбыта англійскихъ товаровъ, и, несомнѣнно, сокращаетъ количество иностранныхъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ. Такъ, напримѣръ, ввезено въ Россію по европейской границѣ:

	Въ 1866 г.	1878 г.
	тысячь рублей:	
Бумаги хлопчатой (сырца) на сумму . . .	19,108,з	67,893,5
Бумажныхъ издѣлій > > > . . .	4,325	4,649

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что ввозъ сырца увеличился за 19 лѣтъ на 255% съ лишнимъ, а издѣлій — лишь на 7%. Значитъ внутреннее производство расширяется и внутренній рынокъ отвоевывается у иностранныхъ товаровъ. Этотъ-же выводъ подтверждается и общемою суммою ввезенныхъ сырыхъ и фабричныхъ продуктовъ:

	Въ 1860 г.	1878 г.
	тысячь рублей:	
Сырыхъ продуктовъ на сумму	44,929	195,068
Фабричныхъ издѣлій	41,240	134,529

Такимъ образомъ, ввозъ сырыхъ продуктовъ за 13-ти лѣтній **) періодъ возросъ на 334%, а фабричныхъ на 226%. Есть товары, съ успѣхомъ конкурирующіе съ иностранными и на внѣшнихъ рынкахъ. Такъ въ 19-ти лѣтній, періодъ, съ 1860 по 1878 годъ, вывозъ хлѣба увеличился почти на 480%, а вывозъ скота за тотъ-же періодъ на 1335%, такъ-же возвысился вывозъ пеньки, пеньковой пряжи, льна ***).

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы приходимъ къ вы-

*) Ibid.

**) Мы не могли за болѣе длинный періодъ добыть такихъ данныхъ, такъ какъ подраздѣленіе ввозимыхъ товаровъ на сырые и фабричнаго издѣлія продукты начинается въ «*Видахъ внѣшней торговли*», откуда мы и заимствуемъ приведенныя цифры, только съ 1866 года.

***) Всѣ данныя о внѣшней торговлѣ заимствуемъ изъ «*Обзоровъ внѣшней торговли*», изданныхъ министерствомъ финансовъ.

воду, что для развитія капитализма въ Россіи не можетъ быть препятствіемъ недостатокъ рынковъ. Это справедливо тѣмъ болѣе, что международное соперничество принуждаетъ всякую страну обратиться къ ея естественнымъ силамъ, т. е. приступить къ производству и быть поставщикомъ на всемірный рынокъ только тѣхъ продуктовъ, производство которыхъ, въ силу естественныхъ условій, дешевле и удобнѣе въ данной странѣ. Такъ, напр., если производство стеклянныхъ издѣлій по мѣстнымъ условіямъ выгоднѣе и дешевле во Франціи, чѣмъ въ Англіи и въ другихъ странахъ, то Франція побѣдитъ другихъ соперниковъ и сдѣлается поставщикомъ для другихъ странъ. Международное соперничество должно приводить и приводить къ такому уравниванію производительности странъ.

Разсуждая о международномъ соперничествѣ, какъ препятствіи для развитія капитала въ молодыхъ странахъ, недостаточно взять во вниманіе одно стремленіе капитала къ безмѣрному возрастанію, а нужно взять сумму многихъ факторовъ: и естественныя условія страны, и степень населенности, и пути сообщенія, и состояніе техники, и цѣну рабочей силы, и цѣну и объемъ потребностей рабочаго класса, и продолжительность и напряженность работы, и т. д. и т. д. Всѣ эти факторы должны быть приняты во вниманіе, когда идетъ рѣчь о соперничествѣ.

Вторымъ препятствіемъ для развитія у насъ капитализма считается дешевизна труда, такъ какъ она препятствуетъ введенію машинъ, ибо машина только тогда вводится, когда ея цѣна ниже цѣны рабочей силы, замѣщаемой ею. Но тенденція капитала не заключается въ примѣненіи машинъ къ производству изъ особенной какой-то любви къ машинамъ; машины есть только одно изъ средствъ капитала вытягивать соки изъ рабочаго и превращать ихъ въ прибавочную стоимость, а въ этой послѣдней и заключается вся суть и цѣль капитала. Всякое средство для достиженія ея—хорошо. Капиталь осуществляетъ іезуитское правило, что «цѣль (прибавочная стоимость) оправдываетъ средство». При высокомъ процентѣ, (а онъ есть функція прибавочной стоимости) нѣтъ преступленія, на которое-бы капиталъ не отважился, даже рискуя попасть на вѣселицу (Марксъ, стр. 648). Итакъ тенденція капитала, въ общемъ, заключается въ самовозрастаніи, при посредствѣ прибавочной стоимости, все-же прочее не болѣе какъ средства для добыванія послѣдней. Кооперация, мануфактура, машины суть средства прямыя, служащія для непосредственнаго добыванія прибавочной стоимости; каждое изъ этихъ средствъ измѣняется съ мѣстомъ и временемъ, сообразно величинѣ прибавочной стоимости, доставляемой ими; если простая или сложная кооперация работни-

ковъ доставить большую прибавочную стоимость, чѣмъ машинное производство, то машины не будутъ примѣнены; и наоборотъ онѣ вводятся тогда, когда при ихъ содѣйствіи возможно извлечь большую прибавочную стоимость, что происходитъ въ то время, когда рабочая плата возвысилась, а вслѣдствіе этого необходимый трудъ, равный стоимости рабочей силы, удлинился настолько, насколько неоплаченный, добавочный трудъ уменьшился; тогда капиталистъ ищетъ средства привести части рабочаго дня къ прежнему отношенію. Такимъ средствомъ служатъ машины, которыя, кромѣ того, что освобождаютъ массу рабочихъ и тѣмъ самымъ низводятъ рабочую плату къ прежнему уровню, удешевляютъ продукты необходимыхъ потребностей рабочаго и увеличиваютъ интенсивность труда, посредствомъ которой сокращаютъ необходимый трудъ и удлиняютъ добавочный. Если-же возвышеніе рабочей платы не происходитъ и рабочая плата остается на низкомъ уровнѣ, то машины не примѣняются. Однако это не-примѣненіе машинъ еще не знаменуетъ собой невозможности или даже препятствія къ развитію капитализма. Капиталь можетъ и при дешевизнѣ труда извлекать значительную прибавочную стоимость, а потому и дешевизна труда, будучи препятствіемъ для примѣненія машинъ, не можетъ служить препятствіемъ для накопленія капитала.

Напротивъ, мы склонны думать, что дешевизна труда при первоначальномъ накопленіи можетъ только способствовать болѣе быстрому накопленію и привлекаетъ капиталы своею высокою нормою прибавочной стоимости. Если первое препятствіе, для развитія капитализма въ Россіи (недостатокъ рынковъ), оказалось болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, то второе (дешевизна труда) оказывается не только несуществующимъ, но и невозможнымъ.

Третьимъ препятствіемъ для развитія капитализма должно служить то, что если крупное капиталистическое производство охватитъ всѣ области внутренняго труда, то оно грозитъ лишитъ все населеніе самостоятельнаго хозяйства, а взамѣнъ его дать работу на фабрикѣ не въ состояніи: лишь небольшая часть разорившихся крестьянъ найдетъ себѣ тамъ занятіе, масса-же его должна эмигрировать, дабы, въ концѣ-концовъ, устроиться гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ, опять-таки въ качествѣ самостоятельныхъ производителей. Это—идеаль, только мыслимый, но вовсе не вѣроятный. Идеаль этотъ, кучка фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, командующихъ среди необъятнаго пространства (напримѣръ, Россіи), тамъ и здѣсь, небольшими, сравнительно, группами рабочихъ, и милліоны эмигрирующихъ—представляетъ дотога нелѣпую и безобразную картину, что нѣтъ возможности смотрѣть на нее иначе,

какъ на логическое послѣдствіе какихъ-нибудь нелѣпныхъ посылокъ.

Картина эта дѣйствительно въ высшей степени безобразная, но не невозможная, хотя она къ вопросу о развитіи или неразвитіи капитализма не относится.

Что подобнаго рода явленія бывали,—это можно доказать множествомъ примѣровъ, взятыхъ изъ исторіи европейскаго капитализма. Если даже и возможно предположить, что эмиграція въ Россіи приметъ болѣе грандіозные размѣры, чѣмъ въ другихъ странахъ, то все-таки на основаніи этого нельзя вывести, что капитализмъ не можетъ развиваться, во-первыхъ, потому, что мало-ли безобразныхъ и даже *немыслимыхъ* явленій совершалось въ исторіи капитализма, какъ, напр., что можетъ быть безобразнѣе факта, совершившагося въ Остѣ-Индіи вслѣдствіе введенія хлопчатобумажныхъ машинъ, которыя освободили такую массу рабочихъ отъ собственныхъ средствъ производства, что равнины Индіи бѣгли костями погибшихъ съ голоду ткачей. Былъ-ли мыслимъ этотъ фактъ? Конечно, нѣтъ; но онъ совершился и никто не считаетъ его нелѣпнымъ. Во-вторыхъ, потому, что и въ настоящее время въ Россіи во-очію можно видѣть безобразную картину переселенія; конечно, она очень еще миниатюрна, но ничто не препятствуетъ ей принять и болѣе обширные размѣры.

Что-же касается соображенія, что эмиграція оставитъ капиталистовъ безъ потребителей и рабочихъ, то оно основано на слѣдующемъ экономическомъ расчетѣ: если капиталъ добьется того, что охватитъ всѣ отрасли промышленности, доступныя коопераціи, то такъ обобществленный трудъ обладаетъ такой производительностью, что одна его единица (напр., одинъ рабочій) удовлетворяетъ потребности 5—10 человекъ, а потребителями его продуктовъ будутъ лишь мѣстные жители, то очевидно, что только одна пятая-десятая всего населенія будетъ занята капиталомъ и, слѣдовательно, получить средства покупать его продукты, остальные принуждены будутъ бѣжать съ своей родины. А въ такомъ случаѣ они не станутъ и потреблять продуктовъ капиталистическаго производства; послѣднее, слѣдовательно, будетъ производить «въ пустую». Но какъ «въ пустую» капиталистическое производство никогда не производитъ, то, слѣдовательно, оно сократитъ свое производство въ отношеніи 5—10, т. е. оставитъ одного рабочаго изъ 5—10, а остальныхъ выброситъ на улицу. Лишившись средствъ существованія, они принуждены будутъ послѣдовать за своими товарищами и тоже бѣжать изъ своей родины. А такъ какъ въ этихъ бѣжавшихъ капиталистическое производство опять лишается своихъ потребителей, то оно вновь должно будетъ освободить ⁴/₅—⁹/₁₀ рабочихъ, которые опять должны бѣжать и такъ да-

лѣе до тѣхъ поръ, пока въ Россіи останется только одинъ человѣкъ, который будетъ производить для себя. Но если и не одинъ человѣкъ останется, то, во всякомъ случаѣ, не болѣе какъ «бучка фабрикантовъ и землевладѣльцевъ», «сравнительно небольшія группы рабочихъ», которые, работая на фабриканта, будутъ единственными потребителями производимыхъ ими продуктовъ. Картина, дѣйствительно, нелѣпая. Въ силу ея нелѣпости и капитализмъ роетъ въ Россіи для себя могилу. Его развитіе и существованіе невозможно.

Конечно, этотъ выводъ вполне логически вытекаетъ изъ приведенной выше выписки, но это еще не значитъ, что такъ дѣйствительно должно быть. Если-бы возможно было вокругъ Россіи построить китайскую стѣну, чтобы закрыть для нашихъ товаровъ доступъ на иностранныя рынки, т. е. прекратить всякія международныя отношенія, то и разсуждать о капитализмѣ не было-бы надобности. Но это невозможно, а потому и выводъ, что капитализмъ въ Россіи можетъ производить только «въ пустую», не имѣетъ мѣста.

Говоря выше о международной конкуренціи, мы высказали нѣсколько соображеній о значеніи въ международной конкуренціи національнаго раздѣленія труда, и теперь приходится дополнить уже сказанное. Если, напр., въ данной странѣ производство какого-либо продукта по мѣстнымъ климатическимъ, почвеннымъ и другимъ условіямъ обходится дешевле, и настолько дешевле, что, оплативъ даже стоимость перевозки его въ другую страну, продуктъ все-таки дешевле, чѣмъ произведенный въ этой другой странѣ, то, очевидно, что первая страна должна сдѣлаться, въ силу общаго закона конкуренціи, поставщицей второй. На основаніи того-же общаго закона конкуренціи, приходимъ къ тому заключенію, что международныя экономическія отношенія Россіи еще далеко не пришли къ нормальнымъ. Такъ, напр., изъ Россіи вывозятся за-границу сырые продукты—ленъ, пеньва, шерсть, желѣзо и пр.,—которые тамъ перерабатываются и частью потребляются, а частью возвращаются въ обработанномъ видѣ въ Россію. Отсюда слѣдуетъ, что въ Россіи для развитія капитала есть еще весьма обширное поле. Онъ долженъ захватить еще много отраслей обрабатывающей промышленности, чтобы высылать изъ Россіи не сырые продукты, а издѣлія изъ нихъ, такъ какъ они, обработанные въ Россіи, несомнѣнно обойдутся уже дешевле по одному тому, что въ нихъ не должно будетъ оплачивать стоимости двойного пути.

При этомъ однако мы наталкиваемся на вопросъ: почему-же капиталъ не захватилъ всѣхъ этихъ отраслей обрабатывающей

промышленности, принадлежащихъ ему по праву? Почему онъ не привелъ еще наши международныя отношенія къ нормальнымъ? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ: потому, что хотя накопленіе капитала и происходитъ по закону сложныхъ процентовъ, но капиталъ еще не накопился настолько, чтобы захватить всѣ отрасли промышленности; словомъ, въ Россіи недостаетъ капиталовъ. Но могутъ возразить, что для странъ, позже другихъ вступившихъ на путь капиталистическаго производства, вовсе не требуется накоплять капиталы на счетъ собственныхъ силъ, такъ какъ могутъ быть переведены капиталы, скопленные въ другихъ странахъ, въ Англіи, Америки, Франціи и др. Конечно, это возраженіе вполне справедливо, и относительно Россіи можно было-бы привести много фактовъ подобнаго появленія иностранныхъ капиталовъ, особенно французскихъ; однако мы должны замѣтить, что подобный переводъ капиталовъ въ Россію совершается весьма неохотно и съ большою осторожностью, съ рискомъ. Мы не можемъ касаться въ этой статьѣ вопроса о препятствіяхъ, которыя представляются для перевода иностранныхъ капиталовъ, такъ какъ этотъ вопросъ настолько обширенъ, а главное такъ труденъ, что требуетъ особаго для себя изслѣдованія. Но мы можемъ указать на нѣкоторыя только препятствія; таковыя, по нашему мнѣнію, неустановившееся экономическое положеніе, слишкомъ сильное колебаніе курса металлическаго рубля и, въ частности, низкій уровень курса кредитнаго, недостатокъ путей сообщенія и сноровки рабочихъ къ интенсивному труду и др., а, быть можетъ, сюда-же относятся и таможенныя пошлины,

По мѣрѣ-же уменьшенія этихъ препятствій или накопленія капитала, международныя отношенія Россіи должны будутъ приближаться къ нормальнымъ, что замѣчается и теперь изъ разсмотрѣнія нашей вывозной и ввозной торговли.

Такимъ образомъ, если Россія не будетъ вполне устранена отъ международныхъ и промышленныхъ сношеній, то русскому народу вовсе не придется выселиться. Конечно, переселенія у насъ будутъ и, быть можетъ, будутъ представлять болѣе безобразную картину, чѣмъ въ западной Европѣ, но во всякомъ случаѣ это не будетъ переселеніемъ народа, а только переселеніемъ избыточнаго населенія, которое будетъ подчинено тому-же закону, какой дѣйствуетъ теперь въ Англіи въ Германіи, и въ другихъ государствахъ съ капиталистической продукціей.

На этомъ собственно и оканчиваются теоретическія положенія, на которыхъ основываютъ не возможность развитія въ Россіи капитализма. Что-же касается признаковъ, которые могутъ заставить думать, что мы довольно быстро подвигаемся по пути капи-

талистического производства, то они подвергаются слѣдующей критикѣ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ «признаковъ» служатъ желѣзныя дороги, какъ средство для перевозки продуктовъ производства. Хотя мы построили и содержимъ болѣе 20-ти тысячъ желѣзныхъ дорогъ, но, по мнѣнію писателей, отрицающихъ возможность у насъ капитализма, они вовсе не свидѣтельствуютъ объ обширности нашихъ сношеній вообще и товарныхъ перемѣщеній въ частности. Дороги хотя и находятся въ частныхъ рукахъ, но содержатся не промышленностью, а правительствомъ: объ этомъ черезчуръ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ миллиардъ долгу, который считаетъ за ними казна.

Но вѣдь долгъ, какъ-бы онъ ни былъ великъ, не указываетъ еще на несостоятельность предпріятія и на банкротство предпринимателя, а напротивъ указываетъ на то, что онъ умѣетъ пользоваться случаемъ и урвать кусокъ, гдѣ можно. Такъ и миллиардный долгъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ показываетъ только, что желѣзнодорожные предприниматели сумѣли урвать изрядный кушъ, чтобы получать съ него несравненно большій процентъ, чѣмъ сами выплачиваютъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ долгъ не можетъ служить доказательствомъ, что наши сношенія вообще и товарныя перемѣщенія въ частности настолько незначительны, что не могутъ поддерживать желѣзныхъ дорогъ. Чтобы судить объ этомъ, нужно было или просмотрѣть газетныя публикаціи о движеніи товаровъ и пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ, или, что гораздо надежнѣе, взглянуть въ статистическій сборникъ министерства путей сообщенія, т. е. вообще нужно было собрать за нѣсколько лѣтъ статистическія данныя о товарномъ движеніи и только тогда дѣлать категорическое заявленіе о полномъ банкротствѣ русскихъ дорогъ. Есть еще и другой способъ, не требующій много времени и усидчиваго труда, очень легкій и простой, хотя, нужно сказать, и не всегда вѣрный. Чтобы узнать, имѣеть-ли данное акціонерное предпріятіе успѣхъ или нѣтъ, стоитъ только взглянуть на курсъ акцій этого предпріятія и отвѣтъ является самъ собою. У насъ курсъ акцій большинства желѣзнодорожныхъ линій значительно выше номинальной цѣны, а это значитъ, что дѣла большинства желѣзныхъ дорогъ идутъ хорошо, въ смыслѣ доставленія значительнаго дивиденда, а нѣкоторыхъ даже блистательно. Только меньшинство дорогъ доставляетъ малый дивидендъ, но между ними есть такія, которыя не имѣютъ никакого экономическаго значенія, какъ напр. царско-сельская, которая выстроена для увеселенія публики. Хотя, конечно, этотъ путь изслѣдованія довольно шатокъ, такъ какъ курсъ акцій можетъ быть поднятъ искусственно; но, во-первыхъ, искусственно высокой курсъ не можетъ быть продолжительнымъ; во-вто-

рыхъ, поднять значительно курсъ можно только для новаго неизвѣстнаго еще предпріятія, но не для установившагося. Какъ-бы то ни было, но миллиардъ долгу ровно ничего не доказываетъ и ничего доказать не можетъ. Чтобы онъ представился, такъ сказать, краснорѣчивою цифрою, для этого необходимо было рядомъ съ нимъ сопоставить массу другихъ цифръ, какъ напр. движеніе пассажировъ, товарныхъ грузовъ, валовой доходъ, чистый доходъ и пр. и пр., и только въ такомъ случаѣ миллиардный долгъ могъ-бы намъ многое сказать. По официальнымъ даннымъ намъ извѣстно, что въ 1878 году долгъ 48-ми желѣзныхъ дорогъ казнѣ простирался только до 530,050 тысячъ, и распредѣлялся на слѣдующія три категоріи: по гарантіямъ—187 м. р.; по облигаціямъ, оставленнымъ правительствомъ за собою,—144 м. р. и по ссудамъ, займамъ за переданныя дороги и т. п. 199 м. р.

Эти данныя мы взяли изъ «Ст. Сб. М-ства П. Сооб.» Вып. V Т. I. Но допустимъ, что эти данныя не вѣрны (хотя болѣе вѣрныхъ данныхъ не откуда взять), и пусть долгъ желѣзно-дорожныхъ обществъ правительству даже превышаетъ миллиардъ рублей. Это все равно, такъ какъ эта цифра, по нашему мнѣнію, вовсе не краснорѣчива, а потому приведемъ цифры относительно движенія по желѣзнымъ дорогамъ пассажировъ, товарныхъ грузовъ и относительно чистаго дохода за два года, за 1865 и 1878 г.; это крайніе года четырнадцатилѣтняго періода, за который имѣются свѣдѣнія.

Года.	О т п р а в л е н о			
	Пассажировъ.	Всѣхъ грузовъ въ пудахъ.	Чистый до- ходъ въ руб- ляхъ.	На 1 вер. чистой прибыли.
	в ъ	т ы	с я	ч а
	х ѣ	с я	ч а	х ѣ
1865	7,053, ^з	164,076, ^з	10,398	2,3
1878	38,009, ^з	2.140,871, ^с	75,959	3,8

Эти цифры показываютъ, что въ 14-ти-лѣтній періодъ число пассажировъ увеличилось на 438 проц., число пудовъ всѣхъ грузовъ—на 1204 проц., чистый доходъ—на 630 проц., а на версту—на 30 проц. Слѣдовательно, эти цифры совершенно опровергаютъ мнѣніе, что желѣзныя дороги только и держатся благодаря казеннымъ субсидіямъ. Нужно еще замѣтить, что казна, гарантируя извѣстный процентъ прибыли для нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, стѣсняла развитіе желѣзнодорожной сѣти, такъ какъ она не разрѣшала постройку многихъ дорогъ въ томъ случаѣ, когда онѣ могли конкурировать или только уменьшить доходъ гарантированныхъ дорогъ. Это, конечно, не мало стѣсняло свободу товарнаго обращенія.

Въ доказательство мертворожденности русскаго капитализма, приводятся постоянныя жалобы капитала на дороговизну нашей крайне дешевой рабочей силы. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что идеаль капиталa состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы длина рабочаго дня равнялась 24 часамъ; во-вторыхъ, чтобы рабочая плата была равна нулю. И пока этотъ идеаль не будетъ достигнутъ—а онъ никогда не можетъ быть достигнутъ,—до тѣхъ поръ жалобы на короткость рабочаго дня и дороговизну рабочей силы будутъ продолжаться. Жалобы на дороговизну рабочихъ происходятъ не потому, что прибавочная стоимость мала, а потому, что капиталъ желалъ-бы ее безмѣрно увеличить.

И подобныя жалобы присущи не одной только Россіи, а всякой странѣ.

Остается еще сказать о капитализмѣ въ области земледѣлія и крупной обрабатывающей промышленности. Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса очень важно знать, какимъ статистическимъ матеріаломъ пользуются изслѣдователи. Главнѣйшимъ матеріаломъ обыкновенно служили «Доклады Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи».

Статистическій матеріаль, находящійся въ «Докладахъ», долженъ, повидному, заслуживать полнаго довѣрія, такъ какъ комиссія избрала одинъ изъ лучшихъ способовъ для его собиранія: отбираніе личныхъ показаній; но одно обстоятельство превратило весь матеріаль «Докладовъ» въ хламъ, никому и ни къ чему не пригодный и не нужный (я говорю только о матеріалѣ, относящемся къ сельскому хозяйству; было бы несправедливо сказать то-же относительно всего матеріала «Докладовъ», такъ какъ есть данныя, несомнѣнно заслуживающія довѣрія).

Лица, которыя вызывались комиссіею для подачи отвѣтовъ на вопросные пункты выработанной программы, не принадлежали къ промышленному классу. Они, за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, не жили и недавно не вели никогда хозяйства въ своихъ имѣніяхъ. Это были просто чиновники, занимавшіе болѣе или менѣе видныя должности, а не хозяева. Они получали извѣстный доходъ съ имѣнія, быть можетъ, даже наѣзжали, ради лѣтней прогулки, въ свои помѣстья, но были заняты другими дѣлами, а не хозяйствомъ. Откуда-же имъ было знать о способѣ веденія хозяйства? Хозяиничали въ ихъ имѣніяхъ управляющіе, которыхъ и слѣдовало опросить, и которые были знатоками этого дѣла. Владѣльцы-же въ кратковременныя свои посѣщенія не могли познакомиться и съ состояніемъ хозяйства своего имѣнія, а не-то что цѣлой мѣстности. Понятно, что эти лица не могутъ считаться людьми компе-

тентными въ вопросѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Пользоваться такими крайне сомнительнаго достоинства матеріалами уже во-все неудобно, тѣмъ болѣе что матеріалы «Докладовъ» относятся къ десятилѣтію до 1871 года, а нынче 1882 г. Послѣдніе 10 лѣтъ должны дать значительную разницу. То, что въ первые 10 лѣтъ еще не успѣло принять какой-либо опредѣленной фizioноміи, за послѣднія 10 лѣтъ могло значительно ее преобразовать. Особенное-же значеніе имѣютъ 10 лѣтъ изъ 20 для молодыхъ странъ, такъ-какъ въ первыя 10 лѣтъ можетъ происходить множество колебаній, которыя легко могутъ ввести въ заблужденіе наблюдателя. Къ тому-же и капиталъ возрастаетъ по закону сложныхъ процентовъ, значить и въ этомъ отношеніи 20 лѣтъ не тоже, что 10, т. е. если тогда капиталъ былъ малъ, то теперь онъ могъ возрасти и, значить, захватить большую сферу. Понятно поэтому что характеристическія черты нашего послѣ-реформеннаго хозяйства еще не могли рѣзко выясниться въ «Докладахъ». Но допустимъ, что эти черты выяснились и что матеріалъ «Докладовъ» въ этомъ отношеніи вѣренъ. Къ какому-же выводу приходятъ изслѣдователи на основаніи добытыхъ ими данныхъ? А вотъ къ какому: «хотя почти всюду мы видимъ возвышеніе цѣнности земли и возрастаніе доходовъ (что капиталу очень любо), даваемыхъ ею владѣльцамъ, но ничто не позволяетъ сказать (десять лѣтъ тому назадъ), что сельско-хозяйственная культура прочно вступила въ капиталистическую фазу своего развитія». Конечно этотъ выводъ не можетъ служить доказательствомъ невозможности развитія у насъ сельско-хозяйственнаго капитализма. Но есть и еще болѣе неутѣшительные выводы. «Оказывается, что, несмотря на разнообразіе способовъ, задача людей этого сорта (спекулянтовъ) одна и таже, приобрѣтаютъ-ли они землю въ безлѣсной степи, или въ безплодной Московской губ. (было-бы странно и даже необъяснимо, если-бы задачи ихъ были различны, потому что эти люди въ той или другой формѣ есть представители капитала, а капиталъ имѣетъ одну общую для всѣхъ странъ и временъ задачу). И тамъ, и здѣсь они думаютъ вовсе не о какой-либо культурѣ, а о хорошемъ и быстромъ оборотѣ (т. е. о быстромъ накопленіи; въ этомъ его задача и онъ ее умѣетъ рѣшать), котораго они и достигаютъ, смотря по мѣстности—гдѣ быстрымъ уничтоженіемъ ея хлѣбородія, гдѣ столь-же быстрымъ сведеніемъ лѣсовъ (а гдѣ—замѣтимъ мы отъ себя—и введеніемъ болѣе интензивнаго хозяйства); и все это безъ малѣйшей мысли о будущемъ, какъ будто они напали на непріятельскую страну. «Далѣе: землевладѣльцы «ставятъ себѣ цѣлью получить возможно большій доходъ въ настоящемъ, не думаютъ вовсе о будущемъ, а потому всецѣло практикуютъ экстенсивную систему». «Наконецъ одно то обстоя-

тельство, что сельско-хозяйственными дѣятелями являются лица торговаго сословія и по преимуществу еврей,—классъ, живущій изъ-за быстрой и легкой наживы—одно это позволяетъ пропѣть вѣчную память нашему, впрочемъ больше воображаемому, капиталисту ческому земледѣлю. Результатомъ ихъ хозяйствованія будетъ лишь истощеніе земли, вовсе не способствующее развитію капитализма; господство ихъ указываетъ никакъ не на приближеніе послѣдняго, (а на что же?). Они пришли, истощили землю и уйдутъ—въ этомъ ихъ миссія. И такъ, развитіе капитализма не возможно, потому что его цѣль—быстрая и легкая нажива. Но, по нашему мнѣнію, этотъ фактъ не можетъ быть въ противорѣчій съ капитализмомъ, а напротивъ, является цѣлью послѣдняго. Или, быть можетъ, думаютъ, что капитализмъ не будетъ въ состояніи приложить свои силы къ земледѣлю, послѣ того, какъ истощить землю. Пусть будетъ такъ; но въ такомъ случаѣ является вопросъ: какому фактору можетъ принадлежать миссія оплодотворить эту истощенную землю, которую, будто-бы, броситъ капиталъ? Одно изъ двухъ или крестьянству, дѣйствительному хозяину земли, или самому же капиталу. Но взять крестьянину, обезземеленному, не имѣющему ни орудій, ни скота, или такому, которому и теперь едва можно справиться съ своимъ надѣломъ,—выпаханную, безплодную землю, а часто и запущенную, не только не съ руки, но даже и невозможно. Что онъ будетъ дѣлать съ ней? Чѣмъ пахать и что сѣять? Она не будетъ родить. А уваживать и заводить интенсивную систему обработки ему не по карману. Остается капиталъ, у котораго «сбереженія» отъ «воздержанія» и отъ «легкой и быстрой наживы» достигнуть къ тому времени значительныхъ размѣровъ, и который только и будетъ мочь вводить, благодаря своимъ сбереженіямъ, интенсивную систему, которую и теперь вводитъ тамъ, гдѣ это для него выгодно. Для капитала все возможно, онъ и Сахару заставитъ давать египетскіе урожаи, когда ему это нужно будетъ. Главнѣйшее стремленіе капитала выжать возможно большій доходъ въ настоящее время, а о будущемъ онъ думаетъ лишь на столько, насколько оно бьетъ его по карману въ настоящемъ. Какое-же ему дѣло до будущаго, если оно не касается настоящаго? Капиталистъ на замѣчаніе, что онъ не думаетъ о будущемъ, вѣроятно отвѣтилъ-бы что-нибудь въ такомъ родѣ: «Пусть будетъ, что будетъ, а если я накоплю изрядный капиталецъ, съ которымъ вездѣ хорошо и которымъ я могу обезпечить отъ нужды не только дѣтей и внуковъ, но и десять моихъ поколѣній, то пусть земля не родитъ, вѣдь я все могу купить и, въ случаѣ надобности, могу даже теплые пироги выписывать изъ Нью-Йорка».

Истинное олицетвореніе капитала поступаетъ даже несравненно смѣлѣе. Такъ, напр.: «во время каждой акціонерной горячки, всякій знаетъ, что гроза должна разразиться когда-нибудь: если не сегодня, такъ завтра; но каждый надѣется, что она обрушится на голову его ближняго, и при томъ лишь послѣ того, какъ онъ самъ успѣетъ собрать золотой дождь и припрятать его въ сохранный мѣсто. *Après moi le déluge!* есть девизъ всякаго капиталиста и всякой капиталистической націи» *).

Если признать этотъ девизъ—дѣйствительнымъ девизомъ капиталиста, то неминуемо должно признать и положеніе, что мысли о будущемъ земледѣліи вовсе не присущи капиталу, что истощая землю онъ достигаетъ только своей цѣли (накопленія). И дѣйствительно, какое дѣло ему кѣмъ и какъ будетъ эксплуатироваться земля, которую онъ истощаетъ, изъ которой выжимаетъ соки, превращая ихъ въ капиталъ. Пусть эта земля даже въ его рукахъ теряетъ стоимость, но если онъ извлечетъ изъ нея ея стоимость, то онъ уже въ выигрышѣ. Наиболее яркій фактъ, иллюстрирующій нашу мысль, представляютъ отношенія рабовладѣльцевъ къ рабамъ. «Рабовладѣлецъ покупаетъ себѣ работника такъ, какъ онъ покупаетъ себѣ лошадь. Теряя раба, онъ теряетъ капиталъ, который можетъ быть замѣненъ только съ помощью новой издержки на невольничьемъ рынкѣ. Но рисосыя поля Георгіи и болота Миссисипи могутъ разрушить человѣческій организмъ со всею ихъ роковою силою. Это расточеніе человѣческой жизни никогда не будетъ такъ велико, чтобы оно не могло быть покрыто изъ обильныхъ разсадниковъ негровъ, находящихся въ обѣихъ Виргиніяхъ и Кентуки. Тѣже самыя экономическія соображенія, которыя представляютъ нѣкоторую гарантію за человѣчное обращеніе съ рабами, по скольку интересъ господина связывается съ сохраненіемъ раба,—превращаются, наоборотъ, вслѣдствіе введенія торговли рабами, въ сильнѣйшее основаніе для самаго крайняго угнетенія рабовъ: потому что, какъ скоро мѣсто умершаго раба можетъ быть немедленно замѣнено, вслѣдствіе постоянного подвоза изъ чужеземныхъ разсадниковъ негровъ,—*продолжительность жизни невольника становится менѣе важною, чѣмъ его производительность въ теченіи того періода, пока продолжается его жизнь.* Поэтому въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ постоянный ввозъ невольниковъ, признается неопровержимымъ закономъ невольничьяго хозяйства, что дѣйствительнѣйшая экономія заключается въ томъ, чтобы выжать изъ человѣкообразнаго скота (*humancattle*) возможно большее количество труда въ возможно короткое время. Поэтому, именно въ

*) Марксъ, стр. 218.

„Дѣло“, № 11, 1882 г. II.

въ тропическихъ странахъ, гдѣ годовой доходъ равняется часто всей стоимости плантаціи, жизнь негра приносится въ жертву самымъ беспощаднымъ, самымъ равнодушнымъ образомъ» *).

Такъ обращаться съ работою считалъ выгоднымъ для себя рабовладѣлецъ; а вѣдь со смертью раба онъ терялъ безвозвратно часть капитала, заключающагося въ тѣлѣ раба. Капиталъ относительно земледѣлія стоитъ въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, пустопорожнихъ земель въ Россіи еще многое множество; если въ одномъ мѣстѣ капиталъ истощилъ землю, то онъ ее найдетъ въ другомъ, а когда нигдѣ не найдетъ, то примется за ин сивную культуру. А во-вторыхъ, до какой-бы степени ни была истощена земля, ее никогда нельзя потерять (лишить совершенно плодородія) безвозвратно, а въ любое время, при первой надобности, ее можно оживить и заставить давать прежніе, даже большіе урожаи. Отсюда уже ясно, что хищническая культура вовсе не можетъ служить признакомъ невозможности развитія капитализма, что истощеніе земли—не препятствіе къ развитію его.

Если въ Россіи еще въ очень ограниченномъ количествѣ примѣнены машины въ культурѣ земли (плуги), то это объясняется какъ тѣмъ, что земля и безъ нихъ способна давать значительный доходъ,—такъ и тѣмъ, главнѣйшимъ образомъ, что наша рабочая сила очень дешева, т. е. это значитъ, что и нашимъ простымъ плугомъ можно вспахать достаточно хорошо землю, хотя и при большой затратѣ труда, но за то безъ излишней затраты капитала. Напротивъ, мы видимъ, что для работъ, которыя совершаются въ періодъ наибольшей дороговизны рабочей силы, въ періодъ уборки хлѣба, машины примѣняются довольно въ широкихъ размѣрахъ, какъ напр.: косилки, молотилки, вѣялки и пр.

Если мы до сихъ поръ не встрѣтили еще ни одного, такъ сказать, естественнаго препятствія для развитія капитализма, то и не встрѣтимъ его болѣе, читатель. Самое вѣское препятствіе заключалось въ истощеніи земли, въ хищнической культурѣ. Впрочемъ, есть еще одинъ фактъ изъ области сельскаго хозяйства, повидимому свидѣтельствующій о невозможности примѣненія капиталистическаго производства къ земледѣлію. Этотъ фактъ—повсемѣстное сокращеніе помѣщичьихъ запасекъ, и не только помѣщичьихъ, но и купеческихъ, т. е. сокращеніе запасекъ и въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя приобрѣтаются купечествомъ. Этотъ фактъ дѣйствительно знаменательный, но только онъ вовсе не знаменуетъ того, что желаютъ имъ доказать.

Если этотъ фактъ сообщается безъ всякихъ объясненій для

*) Марксъ, стр. 214.

чего или отчего земля запускается, то тогда, дѣйствительно, онъ становится необъяснимымъ ни съ какой точки зрѣнія, и придется только пожимать плечами и удивляться, что помѣщики и купцы такъ нерасчетливы, что имъ выгоднѣе было-бы сдать крестьянамъ эту землю, чѣмъ бросать ее непроизводительно. Но, конечно, такой нерасчетливости мы не можемъ допустить не только въ классѣ, живущемъ изъ-за быстрой и легкой наживы, но и у помѣщиковъ. Однако, должна-же скрываться гдѣ-нибудь причина такой ненормальности.

Изъ исторіи капиталистическаго производства намъ извѣстно, что въ Англіи совершались такіе-же факты, т. е. запашки на земляхъ лордовъ весьма быстро сокращались, но оттуда-же мы знаемъ, что запущенныя земли не лежали непроизводительно, а превращались въ пастбища и дуга, или въ парки для охоты. Не наблюдается-ли чего-нибудь подобнаго и у насъ? На этотъ вопросъ въ высшей степени затруднительно отвѣтить при современномъ состояніи нашей статистики. Нечего и думать найти этотъ отвѣтъ въ «Докладахъ». Но есть одно довольно бѣглое замѣчаніе въ «Сборникѣ», дающее ключъ къ разгадкѣ. «Причины сокращения запашки въ имѣніяхъ, гдѣ существуетъ хлѣбопашество и теперь, обуславливаются не неблагоприятнымъ отношеніемъ угодій, т. е. не недостаткомъ покосовъ и не необходимостью, *въ силу природныхъ условій*, сбредоточить трудъ обработки на меньшемъ количествѣ хорошо удобряемой земли, что доказывается: не только отсутствіемъ уменьшенія въ количествѣ покосовъ сравнительно съ размѣрами ихъ до 1861 года, но даже увеличеніемъ ихъ въ большинствѣ имѣній, путемъ прибавки къ нимъ «отрѣзныхъ земель» и т. д. *). Это свидѣтельство прямо указываетъ на то, что земли не остаются непроизводительными. Мы, конечно, не думаемъ во все обобщать его для всѣхъ мѣстностей, гдѣ происходитъ уменьшеніе запашекъ, но для насъ оно важно потому, что показываетъ, что нельзя разсматривать только одинъ фактъ уменьшенія запашекъ безъ соотвѣтственнаго указанія на состояніе запущенной земли. Въ экономической жизни нѣтъ дѣйствій безъ причины, а потому должна быть причина и этого явленія, если не расширяется скотоводство, то, быть можетъ, она заключается въ недостаткѣ покосовъ и выгоновъ у крестьянъ, потому что—это заявляетъ и авторъ «Сборника»,— «крестьяне арендуютъ помѣщичью землю почти исключительно ради покосовъ и выгоновъ, которые имъ крайне нужны въ интересахъ сельско-хозяйственной культу-

*) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, т. V, вып. I, стр. 128.

ры». Въ купеческихъ имѣніяхъ запашки еще болѣе сокращены, а земля запашается подъ лѣсъ. «Если большинство купеческихъ земель представляютъ собой лѣсъ и заросль, то естественно, что цѣль приобрѣтенія ихъ заключалась въ покупке не самой по себѣ земли, а будущихъ плодовъ ея въ видѣ лѣса, способныхъ почти безъ всякаго труда дать хорошій барышъ приобрѣтателю».

Такимъ образомъ изъ вышесказаннаго понятно, что замѣчаемое во многихъ мѣстахъ явленіе — уменьшеніе запашекъ, не можетъ свидѣтельствовать о невозможности веденія сельскаго хозяйства на капиталистическомъ основаніи. Наконецъ, относительно сокращенія запашки отмѣтимъ еще одинъ фактъ. Уменьшеніе площади обрабатываемой земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ совершается очень часто на совершенно иныхъ, чѣмъ выставленныя, условіяхъ. Въ хозяйствахъ, которыя занимаютъ довольно обширную площадь, не всѣ участки его представляются одинаково удобными для культуры. Такъ, участки, расположенные ближе къ усадьбѣ, наиболѣе удобны, а участки, наиболѣе удаленные, наименѣе выгодны для культуры. Особенное значеніе это имѣетъ для владѣній, которыя состоятъ не изъ одного отрѣзного куска земли, а изъ многихъ небольшихъ участковъ, разбросанныхъ часто на десятокъ верстъ. Эти-то наиболѣе удаленные участки земли и остаются очень часто необработанными, на нихъ ведется переложное хозяйство; тогда какъ на ближайшихъ къ усадьбѣ участкахъ — вся хозяйственная дѣятельность; вводится интенсивная культура, подъ паромъ почти не остается земли. Причинъ такого явленія весьма много. Къ неудобствамъ вести хозяйство на отдаленныхъ участкахъ можно причислить: 1) возить слишкомъ далеко навозъ для удобренія этого участка; 2) потеря времени рабочими при слишкомъ большихъ переходахъ въ страдную пору, т. е. когда рабочая сила не только нужна, но и наиболѣе дорога; 3) рабочий скотъ теряетъ массу силы и времени при перевозкѣ съ этого участка снятаго хлѣба именно въ такую пору, когда его силу нужно возможно болѣе экономизировать; 4) трудность надзора за производствомъ работъ и пр. и пр. Только весьма обильный урожай можетъ возвратитъ съ избыткомъ всю массу потраченнаго труда. Поэтому-то эти участки и оставляются лѣтъ на 10—15 необработанными; втеченіи этого періода земля настолько утучнится, что даетъ громадный сборъ хлѣба. Иногда-же оставляютъ такіе участки лѣтъ на 20, послѣ чего сдаютъ ихъ, какъ называютъ на югѣ, «подъ бакчи», т. е. подъ огороды, на которыхъ воздѣлываются арбузы, дыни и пр.

Естественнымъ образомъ является вопросъ: почему-же помѣщичи, купцы и пр. не сдаютъ эти земли въ аренду крестьянамъ?

Конечно, только потому, что считаютъ такую операцію невыгодной, такъ какъ земля истощается и теряетъ свою стоимость.

Наконецъ, уменьшеніе площади воздѣлываемой земли можетъ происходить и на другихъ основаніяхъ. А именно: въ мѣстахъ, лежащихъ далеко отъ рынковъ, или вообще несоединенныхъ съ рынками удобными путями сообщенія, можетъ происходить сокращеніе запашекъ, тогда какъ въ мѣстахъ, лежащихъ вблизи обширнаго рынка, можетъ происходить или расширеніе площади обрабатываемой земли, или введеніе интенсивнаго хозяйства. Этотъ фактъ уже давно извѣстенъ въ экономической наукѣ и весьма подробно развитъ Родбертусомъ. И такъ сокращеніе запашекъ на помѣщичьихъ и купеческихъ владѣніяхъ, какъ голый фактъ, ничего не говоритъ ни за, ни противъ капитализма. Этотъ фактъ нужно обставить массою другихъ фактовъ, чтобы сдѣлать его краснорѣчивымъ. Если наблюдается сокращеніе запашекъ, то нужно еще изслѣдовать, не оставляется-ли эта земля подъ пастбища, или подъ луга, или не сосредоточивается-ли вся дѣятельность на другой части владѣнія, или-же, наконецъ, если происходитъ сокращеніе обрабатываемой площади въ однихъ мѣстахъ страны, то не замѣчается-ли обратнаго явленія въ другихъ.

И только тогда, когда ни одного изъ этихъ явленій не будетъ существовать, возможно сдѣлать выводъ, что крупное сельское хозяйство не можетъ вестись въ этой странѣ.

И такъ, мы не можемъ согласиться, что хищническая культура и уменьше запашекъ суть дѣйствительныя препятствія для водворенія въ нашемъ земледѣліи капитала. Напротивъ, по нашему мнѣнію, они суть естественныя послѣдствія его первоначальнаго развитія. Множество данныхъ, прямо указываютъ, что капиталъ довольно быстро увеличиваетъ сферу своего дѣйствія въ этой области. Такъ, напр.: «въ юго-западномъ краѣ господствуетъ оптовая сѣмка земель крупными арендаторами, которыми здѣсь являются евреи и поляки—торговцы». Въ Екатеринославгуб. «послѣ реформы ведется болѣе обширное хозяйство и завезены машины». Можно было-бы еще много привести подобныхъ данныхъ, но ограничимся этими, такъ какъ источникъ, откуда они заимствованы, не заслуживаетъ большаго довѣрія, а перейдемъ къ Московской губерніи, о которой имѣются свѣдѣнія болѣе подробныя и вѣрныя. Вотъ какія данныя мы находимъ у самихъ изслѣдователей, не допускающихъ у насъ развитія капитализма: «уходящая изъ рукъ дворянства земля перехватывается кушцами; крестьянамъ-же она попадаетъ въ микроскопическихъ размѣрахъ. Разматривая приобрѣтеніе кушцами земли по пятилѣтіямъ, замѣтимъ, что тогда, когда съ 1867—71 годъ купеческое землевладѣ-

ніе увеличилось на 41,187 десятинъ, въ слѣдующее пятилѣтіе оно возрасло на 57,065, т. е. больше, чѣмъ въ первый періодъ». Фактъ знаменательный, тѣмъ болѣе, что купечество — «классъ, живущій изъ-за быстрой и легкой наживы». Мы дополнимъ эти свѣдѣнія еще нѣсколькими. Такъ изъ данныхъ, находящихся въ «Матеріалахъ» *), мы видимъ, что изъ 22 болѣе или менѣе опредѣленныхъ сообщений, въ 14 категорически говорится, что земли приобретались зажиточными лицами изъ крестьянскаго и купеческаго сословія и только въ 8 случаяхъ—товариществами и обществами крестьянъ.

Эти свѣдѣнія были собраны со всѣхъ концовъ Россіи. А въ Костромской губерніи изъ 1,400 помѣщичьихъ усадебъ, бывшихъ до 1861 года—308 (22%) проданы купцамъ и промышленникамъ **).

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что капиталъ проникаетъ и въ область земледѣлія, и что его поступательное движеніе далеко еще не закончено и довольно быстро прогрессируетъ. Если-же считать фактъ проникновенія капитала и въ область земледѣлія установленнымъ, то неминуемо должно придти къ тому выводу, что и послѣдствія капитализма, какъ-то: побѣда мелкаго производителя крупнымъ, обобществленіе труда, посредствомъ коопераціи и машинъ, и пр., должны существовать. И еслибы мы ихъ даже и не знали, то это можно было-бы объяснить только нашимъ незнакомствомъ съ русской экономической жизнью, но было-бы смѣшно отвергать послѣдствія, когда существуютъ причины.

Противники капитализма приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія тотъ фактъ, что помѣщичьи и даже купеческія земли арендуются крестьянами и крестьянскими обществами. Этотъ фактъ, повидимому, свидѣтельствуетъ, что мелкія хозяйства не только могутъ производить на собственной землѣ, не боясь конкуренціи, но эта конкуренція имъ не страшна даже въ томъ случаѣ, когда имъ приходится арендовать земли; иначе говоря: или конкуренція совсѣмъ не существуетъ, т. е. нашъ капиталъ, вовсе не капиталъ промышленный, или нашъ промышленный капиталъ вовсе не можетъ подрывать мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Но послѣднее предположеніе можетъ быть допущено только въ томъ смыслѣ, что капиталъ еще очень малъ, хотя ему ничто не препятствуетъ развиться и освободить въ будущемъ цѣ-

*) См. «Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладенія и сельской промышленности». Приложение къ I-му вып. 1880 г., стр. 26—32.

**) Ibid. стр. 3.

луду массѣ крестьянъ — самостоятельныхъ производителей. Первое-же допущеніе, повидимому, болѣе дѣйствительно; но это только—повидимому. Чтобы аренда крестьянами помѣщичьихъ земель могла дѣйствительно указывать, что капиталъ къ нашему земледѣлію не прѣвивается, — нужно было-бы прежде всего доказать, что площадь земли, арендуемой мелкими самостоятельными крестьянскими хозяйствами, не только не уменьшилась со времени освобожденія крестьянъ, но возросла, и, въ то-же самое время, площадь земли, обрабатываемой вольнонаемнымъ трудомъ, соответственно уменьшилась.

Къ тому-же замѣтимъ, что крестьяне по свойственной домовитости и привычкѣ къ земледѣльческому труду снимаютъ землю при условіяхъ совершенно невыгодныхъ для собственнаго производства, т. е., напр., четверть ржи можетъ имъ обходиться во столько-же, во сколько полторы четверти у крупныхъ производителей: такъ что здѣсь законъ конкуренціи не имѣетъ мѣста.

Что-же касается вопроса: примѣняется-ли простая и сложная кооперація къ земледѣлію?—то въ утвердительномъ отвѣтѣ на него не можетъ быть сомнѣнія, потому-что существуютъ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскохозяйственной промышленности она приложима даже въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ, напр., табакъ и свекловица, — культура которыхъ съ замѣчательною быстротою развивается въ южныхъ губерніяхъ, и подъ послѣднею уже и въ настоящее время находятся сотни тысячъ десятинъ, — требуютъ постояннаго и самаго тщательнаго за собой ухода, что можетъ быть только исполнено при одновременномъ скопленіи громаднаго числа рабочихъ рукъ.

Всего сказаннаго вполне достаточно, чтобы не согласиться съ мнѣніемъ, что приложеніе капитала къ земледѣлію немыслимо въ Россіи. Никакого естественнаго препятствія для его развитія въ въ этой области до сихъ поръ указано еще не было.

На этомъ мы покончимъ съ вопросомъ о капиталистическомъ развитіи русскаго земледѣльческаго хозяйства и перейдемъ къ обрабатывающей промышленности.

На обрабатывающей промышленности мы долго останавливаться не будемъ, такъ какъ многія соображенія, относящіяся къ этому вопросу, высказаны нами выше, и прямо перейдемъ къ цифрамъ, которыя служатъ, будто-бы, доказательствомъ вѣрности и справедливости теоріи, что капитализмъ въ Россіи не можетъ развиваться:

	Число фабрикъ и заводовъ.	Число ра- бочихъ.	Сумма производства въ милліонахъ.
Въ 1851 году . . .	9,256	456,596	157 мил. руб. *
» 1856 » . . .	10,748	513,898	203 »
» 1861 » . . .	14,066	559,533	295 »
» 1866 » . . .	15,515	387,096	335 »
» 1870 » . . .	18,892	463,093	452 »

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, что говорятъ эти цифры, приведемъ свидѣтельство «Статистическаго Временника» о томъ, насколько этимъ числамъ можно довѣрять.

«Свѣдѣнія о числѣ фабрикъ и заводовъ не только не имѣютъ достаточной точности, но едва-ли могутъ вообще выражать что-либо, потому-что по нѣкоторымъ губерніямъ включены въ это число мелкія ремесленныя заведенія и частью даже кустарныя промыслы, въ другихъ-же губерніяхъ пропущены нѣкоторыя фабрики и заводы большихъ размѣровъ.

«Число рабочихъ по нѣкоторымъ фабрикамъ и заводамъ вовсе не показано, а по многимъ другимъ показано невѣрно, такъ какъ рѣзко противорѣчатъ суммѣ производства.

«Суммою производства нѣкоторыя заводы и фабрики показываютъ только чистую свою прибыль, другіе-же—валовой доходъ. т. е. стоимость сбытыхъ ими издѣлій, третьи—просто произвольныя цифры.» *).

Статистическій комитетъ, составляя таблицы о фабричной и заводской промышленности, не рискуетъ даже подвести итогъ имъ, такъ какъ матеріалы по этому вопросу не только неполны, но и неточны.

Слѣдовательно уже однимъ этимъ разбивается краеугольный камень, на которомъ зиждется вся теорія интенсивнаго развитія капитализма, ибо свѣдѣнія оказываются неполными, такъ какъ фабриканты не выставляютъ на бланкахъ, которыя рассылаются департаментомъ, числа рабочихъ, а если и выставляютъ, прибавимъ мы отъ себя, то число значительно уменьшенное, сравнительно съ дѣйствительнымъ, потому что они боятся фабричныхъ законовъ, которые тѣмъ скорѣе будутъ введены правительствомъ, чѣмъ большее число лицъ будутъ нуждаться въ огражденіи отъ безжалостной эксплуатаціи, что прекрасно понимаютъ гг. фабриканты и потому стараются скрыть истинное число рабочихъ. На основаніи

*) Стат. Врем. Росс. Имп. Сер. II вып. 6 стр. XXII. Центральныи статистическій комитетъ пользовался матеріалами, находящимися въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, тотъ-же источникъ служить и комисіи при составленіи и приведенной таблицы. Слѣдовательно, отзывъ комитета относится къ таблицѣ.

того-же мотива фабрики скрываютъ своихъ малолѣтнихъ работниковъ.

Какимъ-же образомъ на основаніи данныхъ столь сомнительнаго достоинства возможно дѣлать какіе-либо выводы и заключенія. Если и допустить, что между приведенными цифрами есть болѣе или менѣе достовѣрныя-то это—числа о фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются и положительныя и отрицательныя ошибки, которыя, взаимно уничтожаясь, даютъ болѣе вѣрное число. На основаніи этихъ числовыхъ данныхъ можно было-бы придти къ заключенію, что почва для развитія капиталистической продукціи въ Россіи есть, и что капитализмъ не дремлетъ на этой почвѣ, такъ какъ число фабрикъ быстро возрастаетъ; но и этотъ выводъ могъ-бы показаться слишкомъ смѣлымъ, если-бы основывался только на этихъ крайне неточныхъ статистическихъ данныхъ; однако, его подтверждаютъ, хотя и косвеннымъ образомъ, другія данныя. Наконецъ, чтобы показать еще болѣе ярко недостовѣрность этихъ цифровыхъ данныхъ, приведемъ данныя изъ «Указателя фабрикъ и заводовъ», составленнаго Орловымъ, который пользовался опять-таки тѣмъ-же матеріаломъ, находящимся въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, слѣдовательно и къ этимъ даннымъ относится то замѣчаніе, которое сдѣлано центральнымъ статистическимъ комитетомъ:

Такъ въ 1879 году фабрикъ и заводовъ насчитывалось въ Европейской Россіи 35,159; сумма производства простиралась до 1,305 милліоновъ; рабочихъ было 820,796.

Такое значительное приращеніе по всѣмъ фабрикамъ сравнительно съ 1870 годомъ можно объяснить или болѣе добросовѣстною разработкою матеріаловъ, или доставленіемъ болѣе полныхъ свѣдѣній со стороны фабрикантовъ, или-же, наконецъ, весьма быстрымъ возрастаніемъ промышленнаго производства. Замѣтимъ къ тому-же, что эти цифры значительно ниже дѣйствительныхъ еще и потому, что въ нихъ не вошли свѣдѣнія о типографіяхъ и ремонтныхъ мастерскихъ и главныхъ мастерскихъ желѣзныхъ дорогъ *); а въ число рабочихъ не вошли, кромѣ того, рабочіе винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ.

Все это мы говоримъ для того, чтобы показать, съ какою осмотрительностью нужно пользоваться статистическими данными для выводовъ. Нельзя всякую первую попавшуюся подъ руку цифру выставлять какъ трофей побѣды.

Вмѣсто заключенія, сдѣлаемъ одну выписку, изъ «Судебъ ка-

*) Исключеніе составляетъ только главное руссійское общество ж. д. доставившее свѣдѣніе о главной мастерской, находящейся въ Петербургѣ.

питализма въ Россіи» и постараемся уяснить себѣ, что могутъ знаменовать собою факты, высказанные въ ней.

«Французская компанія, вмѣстѣ съ однимъ кievскимъ негодіантомъ, намѣревается эксплуатировать лѣсные богатства Россіи, для чего она приобрѣла уже участокъ въ 200 т. десятинъ по р. Припяти и думаетъ здѣсь устраивать заводы: стеклянный, для древесной массы, папки и пр. Еврейско-французская компанія торгуетъ громадныя чугуно плавильныя и желѣзо-дѣлательныя заводы Губина, заложенные въ сохранный казнѣ за 3 мил. р. с.; конкурентомъ ей является кунгурскій купецъ Губинъ; для разработки богатыхъ залежей магнитной руды и желѣзнаго блеска въ Верхне-Днѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, образуется общество при участіи французскихъ капиталистовъ; французская акціонерная компанія започувала въ свои руки и криворожскія рудныя мѣсто-рождения. Нефтяное дѣло на Кавказѣ переходитъ въ руки американцевъ»... «Въ Крыму ищетъ нефть французская компанія. Даже Сибирью не брезгаютъ иностранныя капиталисты; такъ въ Томскѣ «пріѣхали какіе-то датчане, обладающіе капиталомъ въ нѣсколь-ко миліоновъ рублей и намѣревающіеся строить въ Томскѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири разные заводы и открывать разные промышленныя заведенія». (Стр. 69).

Прибавимъ къ этимъ фактамъ еще одинъ: компанія англійскихъ капиталистовъ задумала выслать изъ Россіи мясо на свою родину и для этого произвела опытъ, который далъ блестящіе результаты, а потому въ настоящее время компанія намѣрена купить нѣкоторыя степи на украинѣ для разведенія быковъ и вошла въ переговоры съ желѣзными дорогами объ удешевленіи перевозки скота въ Варшаву, гдѣ построить обширныя скотобойни.

Что-же все это значить? Капиталистическое производство немисливо въ Россіи, оно само рубить тотъ суекъ, на которомъ сидитъ, а между тѣмъ иностранныя капиталисты бросаютъ насиженныя мѣста, вѣрный барышъ и, какъ будто сговорившись заполнить русскую землю, со всѣхъ сторонъ ѣдутъ эксплуатировать природныя богатства ея. Конечно, трудно заподозрить ихъ въ неразсчетливости; хотя французъ легкомысленъ, американецъ любитъ «быструю и легкую паживу» «значить ему здѣсь и мѣсто; но что, же сказать объ англичанинѣ, нѣмцѣ, котораго мы привыкли считать за своего человѣка? Они люди несомнѣнно обстоятельныя.

Но всего болѣе странно то обстоятельство, что американцы давно получили привилегію быть поставщиками мяса Англіи, а между тѣмъ Россія думаетъ конкуррировать съ такою страшною соперницею. Какъ будто и рынокъ есть для мяса русскаго!

Е. П.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ЖЕСТОКОСТЬ.

(Крестьянский вопрос. Исследование о значении у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина, 1882 г.)

I.

Бываютъ времена, когда идеалы теряютъ для общества всякую притягательную силу и даже дѣйствуютъ на него раздражающимъ образомъ своимъ контрастомъ съ неуступчивой дѣйствительностью. Наше общество, по мнѣнію многихъ, обладаетъ «идеологическимъ» складомъ ума, и, дѣйствительно, нѣкоторая антипатія къ практическому короткомыслію въ немъ всегда была; тѣмъ не менѣе въ настоящую минуту оно не обнаруживаетъ никакого расположенія къ благодушной мечтательности и вовсе не склонно любоваться далекими перспективами будущаго и увлекаться его задачами. На это есть свои причины, всѣмъ понятныя, кто жилъ тревогами и скорбью нашихъ дней. Но хотя это и понятно, это ни мало не отрадно и не утѣшительно, потому что заходить, пожалуй, слишкомъ далеко; стряхнуть уныніе и апатію нашей литературѣ давно-бы ужъ пора, и теперь, въ нашихъ сложныхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ, были бы особенно встать яркіе идеалы и широкообъемлющіе синтезы. Г. Кавелинъ говоритъ, что мы вынемъ оттого, что «не знаемъ куда идти», и отчасти это справедливо, хотя и неточно. Возможно, что спасительный инстинктъ, чуть жизни или здравый смыслъ подскажутъ намъ одинъ-два вѣрныхъ шага по пути, «куда идти», однако, если его освѣщеніе прерывается на этихъ первыхъ шагахъ, а дальше тьма и мракъ, то намъ не сдѣлать и этихъ шаговъ, потому что не хватитъ внутренней силы тронуться съ мѣста, и, собравшись въ дорогу, мы долго и тоскливо будемъ переминаться съ ноги на ногу. Опытъ личной жизни и исторіи показываетъ, что для всякаго благотворнаго дѣянія нуженъ импульсъ идеала, и гораздо болѣе возвышеннаго, чѣмъ самая важность и значеніе этого дѣянія. Поэтому пробуж-

деніе идеала въ обществѣ очень хорошее дѣло, но и весьма трудное; за него-то и берется г. Кавелинъ въ своей книгѣ «Крестьянскій вопросъ». Съ одушевленіемъ и горячей вѣрой въ силы русскаго народа онъ указываетъ на предстоящую Россіи великую роль въ исторіи, онъ убѣжденъ, что народъ нашъ создастъ «новую социальную формацію» (стр. 25), и въ грядущемъ онъ видитъ «свою родину необозримымъ моремъ осѣдлаго, свободнаго, грудящагося, благоустроеннаго крестьянства» рядомъ «съ высшей интеллигенціей, постоянно вырабатываемой страной, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегіи какого-бы то ни было класса, сословія или общественной группы» (стр. 208). Картина чудесная, что и говоритъ! Лассаль называлъ рабочихъ четвертымъ сословіемъ, выступающимъ на сцену всемірной исторіи. исключительнымъ распорядителемъ ея послѣдующихъ судебъ, а г. Кавелинъ увѣренъ, что нашъ народъ и есть это четвертое сословіе, что только намъ придется впервые создать это новое государство труда и способствовать этимъ великимъ созданіемъ социально-политическому обновленію Европы. Роль, какъ видите читатель, достаточно завидная и славная, чтобы пробудить ею наше дремлющее общество и сообщить энергію и бодрость его упавшему духу.

Но... это но, безъ котораго, конечно, ни что не обходится на свѣтѣ, къ Кавелину примѣняется въ слишкомъ большой мѣрѣ. Еще мало угадывать и предсказывать будущее; для того, чтобы послужить ему, необходимо понять настоящее и отнестись къ нему умѣло, честно и мужественно. Къ сожалѣнію, все обаяніе рѣчей г. Кавелина исчезаетъ и блескъ его идеаловъ меркнетъ тотчасъ, какъ только онъ начинаетъ прокладывать къ нимъ практическіе пути по ухабамъ и рывинамъ нашей дѣйствительности.

II.

Крестьянская реформа есть тотъ путь, по которому г. Кавелинъ поведетъ русскій народъ къ новой эрѣ. Вотъ уже три или четыре года, какъ продолжается шумъ, гамъ и всяческая суета по поводу этой реформы, а изъ нея ровно ничего не вышло, да и не выходитъ. Дѣло собственно не въ проволочкахъ и не въ медленности, исполненія, а въ томъ, что большинству нашихъ реформаторовъ неизвѣстно хорошенько, что пополнять и съ какого конца начать. Частныя, отдѣльныя мѣропріятія сыпятся у нихъ какъ изъ рога изобилія, и пекутся какъ блины, но если сообразить ихъ вмѣстѣ и попробовать объединить общимъ принципомъ, то ни одной іоты не найдется въ нихъ чего-либо разчитаннаго на серьезное и полезное дѣло, тенденціи-же самаго двусмысленнаго

свойства прикрываются въ нихъ жалкими, не стоящими выѣденнаго яйца, подачками. Даже лучшіе наши публицисты, отличавшіеся сравнительной чистоплотностью своихъ убѣждений, являются на помощь народу съ такими идеями и принципами, отъ которыхъ невольно опускаются руки. Въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ они просто неузнаваемы. Россіи сулятъ они новую эру, но дѣлаютъ все, что могутъ, для упроченія эры старой, существующей; языкомъ создаютъ они народу славное и великое будущее, руками-же сѣются увѣковѣчить его жалкое и печальное настоящее, и въ довершеніе всей этой безалаберщины и этого народолюбія столь сомнительной пробы, слезно молятъ правительство взять ихъ себѣ въ помощники для устроенія народнаго быта, давая клятвенное обѣщаніе вести себя чинно и благопристойно и даже взаимно наблюдать другъ за другомъ.

Крестьянская реформа имѣетъ множество редакцій; здѣсь сколько головъ, столько и плановъ. У г. Кавелина также свой планъ реформы, но мы отнюдь не намѣрены обзрѣвать его въ подробности, и не по личному, однако, капризу, но по причинамъ болѣе основательнымъ. Лишь только г. Кавелинъ заговорилъ о крестьянской реформѣ, глаза его разбѣжались во всѣ стороны, у него явилось желаніе взять подъ свою руку весь крестьянскій бытъ и задать вообще своей реформѣ возможно больше работы, чтобы не навлечь на себя упрековъ въ недостатокъ усердія и вниманія къ интересамъ народа. Пересказать трудно, какихъ только не затѣваетъ г. Кавелинъ преобразованій: малоземелье и крестьянскіе надѣлы, общинное землевладѣніе, переселеніе, сельско-хозяйственная культура, кредитъ, самоуправленіе, народное образованіе, суды, пьянство,—все, словомъ, принято въ расчетъ и ничего не забыто. «Слишкомъ много цвѣтовъ, слишкомъ много цвѣтовъ». Читатель невольно останавливается въ раздумьи предъ колоссальностью задачи, принимаемой на себя г. Кавелинымъ. Десятки лѣтъ, очевидно, потребовались-бы для ея выполненія, но такъ какъ большая часть ея, по существу, невыполнима при помощи одного только вмѣшательства власти, то вся эта широко-задуманная реформа неизбежно должна обратиться въ столь хорошо извѣстную намъ хроническую пачкотню, пригодную только для показа, что что-то дѣлается, а если и безуспѣшно, то потому, что самая реформа сложна и многообъемлюща.

Въ интересахъ самаго дѣла полезно и даже положительно необходимо забыть на время второстепенныя неурядица въ крестьянскомъ быту и отложить всякія заботы объ нихъ, ибо заботы эти, не имѣя значенія безъ основныхъ преобразованій, только отводятъ отъ нихъ глаза. Если только крестьянская реформа не

звукъ пустой, и есть серьезное намѣреніе осуществить ее, то и медлить нѣтъ причинъ и разбрасываться въ своихъ начинаніяхъ не приходится. Въ основѣ своей крестьянская реформа чрезвычайно проста и формулируется въ двухъ словахъ: земля и право. Въ этомъ вся сила крестьянской реформы. Ея смыслъ и содержаніе опредѣляются главнымъ образомъ тѣмъ, какъ рѣшаетъ она два коренныхъ вопроса: о малоземельѣ и надѣлахъ, съ одной стороны и о политическомъ отношеніи народа къ центральному и мѣстному управленію—съ другой. Всякій планъ крестьянской реформы долженъ быть оцѣненъ прежде всего съ этихъ двухъ сторонъ, разныя другія пожеланія народу можно оставить безъ вниманія. Лишь бы только онъ былъ удовлетворенъ въ отношеніи земли и получилъ достаточную политическую гарантію въ томъ, что онъ удержитъ свое улучшенное матеріальное положеніе и будетъ имѣть возможность свободно развиваться духовно, а остальные блага—Богъ ужъ съ ними. Отчасти благъ этихъ, напр., образованія, мы не можемъ дать народу тотчасъ-же, отчасти онъ гораздо вѣрнѣе возьметъ ихъ самъ,—напр. тоже образованіе и право свободного переселенія,—если будетъ самостоятельно распоряжаться своими судьбами, а, наконецъ, существуютъ еще и такія стороны въ крестьянскомъ быту, напр., общинное землевладѣніе, въ которыхъ не имѣютъ серьезнаго значенія ни прямыя законодательныя мѣры, ни даже воля самого народа, но гдѣ лучшимъ регуляторомъ будетъ достаточное обезпеченіе крестьянъ землею и облегченіе для нихъ фискальныхъ тягостей. Никто, разумѣется, не заподозритъ насъ въ томъ, будто мы не желаемъ ни образованія для народа, ни свободы переселеній, ни поддержки общиннаго быта. Но мы хотимъ сказать только, что совершенно безплодны спеціальныя преобразованія въ этихъ видахъ, если только поземельное и политическое устройство крестьянъ останется въ прежнемъ положеніи.

III.

Если-бы все, что говоритъ г. Кавелинъ о малоземельи и крестьянскихъ надѣлахъ, принадлежало перу писателя менѣе уважаемаго, то не было-бы нужды затемнять отзывъ о немъ разными оговорками и смягченіями. Но такъ какъ дѣло идетъ о г. Кавелинѣ,—будемъ вѣрить, что онъ неповиненъ ни въ лукавомъ іезуитизмѣ, ни въ намѣренномъ извращеніи истины, ни въ сословномъ своекорыстіи; пусть все это будетъ результатомъ такъ-называемаго недоразумѣнія и ошибкой ума. Но за нами остается всетаки право выразить, по крайней мѣрѣ, свое удивленіе, что въ то время, когда ни въ одной изъ нашихъ партій не найдется ни одного человѣка, который не признавалъ-бы факта малоземелья и настоящей

необходимости увеличенія надѣловъ, г. Кавелинъ первый приглашаетъ и общество, и всѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, подумать, нельзя-ли заинтересованнымъ тутъ сторонамъ отдѣлаться подешевле и даже болѣе того—самимъ какъ-нибудь пожитья и получше устроить свои дѣла. Крестьяне, по мнѣнію г. Кавелина, отнюдь не должны рассчитывать на какія-либо солидныя земельныя приобрѣтенія; они будто-бы и сами не хотятъ этого (!) (стр. 50): много ли имъ нужно, впервыхъ, а вовторыхъ—развѣ, кромѣ крестьянъ, у насъ нѣтъ никого? Около этихъ двухъ вопросовъ вращаются всѣ соображенія г. Кавелина о поземельномъ устройствѣ крестьянъ.

Не всѣ крестьяне, думаетъ г. Кавелинъ, одинаково нуждаются въ землѣ. Но если дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ крестьянахъ, а о разрядахъ крестьянъ, то это несправедливо, и совершенно напрасно розыскиваетъ г. Кавелинъ, у кого изъ крестьянъ эта нужда меньше и, слѣдовательно, кого-бы изъ нихъ можно было съ легкимъ сердцемъ оставить ни съ чемъ. «Тамъ, говоритъ г. Кавелинъ, гдѣ главный (?) мѣстный промыселъ крестьянъ—не земледѣліе и не одна изъ отраслей сельскаго хозяйства, а промышленность перерабатывающая, хотя-бы самая первобытная и грубая, тамъ вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго владѣнія не имѣетъ особенной важности (значить, здѣсь сколько ни отвести земли,—все одно: 5, 4, 1 и $\frac{1}{2}$ десятины); а такихъ мѣстностей, какъ извѣстно, у насъ не мало» (стр. 76). Да, такихъ мѣстностей много, и населеніе ихъ громадно; это—кустари. Но извѣстно-ли г. Кавелину, что для того, чтобы, напр., кустарь-ткачъ имѣлъ возможность сидѣть зимой за станкомъ, онъ лѣтомъ *необходимо долженъ быть* за плугомъ и что вообще всякій кустарь нуждается столько-же въ специальныхъ орудіяхъ своего ремесла, сколько и въ полномъ земельномъ хозяйствѣ? Иначе и быть не можетъ. Одиночный кустарь-хозяинъ не въ состояніи расширить своего ремесла, если-бы того потребовалъ упадокъ его земледѣльческаго хозяйства, и больше того, что онъ производитъ, онъ не можетъ производить; размѣры-же его производства опредѣляются силами его и его семьи. Но если-бы онъ вздумалъ увеличить свое производство, ему слѣдовало-бы обратиться къ наемнымъ рабочимъ, тогда онъ уже становится вольнымъ или невольнымъ хищникомъ и эксплуататоромъ народнаго труда, Разуваевымъ съ постепенно удлиняющимися руками. При поверхностномъ взглядѣ казалось-бы, что кустарь, имѣя два источника къ жизни—землю и ремесло,—находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ, напр., земледѣлецъ черноземной полосы, ибо чего онъ не дополучитъ въ одномъ случаѣ, онъ въ состояніи наверстать въ другомъ; такого взгляда придерживаются у насъ очень многіе. Но

онъ вполне ошибоченъ. Лишь только земля начинаетъ давать кустарю мало и не пополняетъ заработковъ отъ ремесла въ такой мѣрѣ, чтобы можно было жить, у него два исхода: сдѣлаться кустарнымъ батракомъ, наемнымъ рабочимъ, или, если отыщутся средства, самому преобразиться въ хозяина-предпринимателя, производящаго при помощи наемныхъ рабочихъ. И то, и другое, безъ сомнѣнія, нежелательно въ общихъ интересахъ крестьянства. Рациональная помощь народу въ этомъ случаѣ должна преслѣдовать только одну цѣль: поддержаніе одиночныхъ кустарей-хозяевъ, работающихъ силами своей семьи, а для этого на первомъ планѣ должно стоять обезпеченіе земель. Съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи кустарныхъ промысловъ. Пусть, напр., г. Кавелингъ заглянетъ хотя въ «Труды ком. по изслѣд. куст. пром.» Тутъ на каждомъ шагу приводятся факты, изъ которыхъ видно, что для кустаря земледѣліе столь-же важно, какъ и ремесло. Теперь, вслѣдствіе упадка земледѣлія, батрачество въ кустарной промышленности страшно развивается, производство-же годъ отъ году стигивается все въ меньшихъ рубахъ хищниковъ, и во всей промышленной области водворяется сущій адъ и такой экономическій порядокъ, который гораздо хуже всѣхъ золъ развитой фабричной промышленности. На настоящихъ фабрикахъ никогда нельзя встрѣтить такой низкой рабочей платы, какую получаютъ кустари-батраки, да и такихъ убійственныхъ гигиеническихъ условій не найдемъ мы на фабрикахъ, какъ въ этихъ полукустарныхъ, полуфабричныхъ мастерскихъ, губящихъ массы народа и искони свободныхъ отъ всякаго контроля и надзора. Хозяева этихъ мастерскихъ, захватывая производство въ свои руки и владѣя всѣми мѣстными и даже отдаленными рынками сбыта, затрудняютъ до чрезвычайной степени положеніе одиночныхъ кустарей-хозяевъ; теперь ихъ заработки отъ ремесла падаютъ и дѣлаются крайне шаткими. Очевидно, что дѣйствительную помощь имъ можно оказать только улучшеніемъ ихъ поземельнаго быта, которое дастъ возможность и кормиться и держаться, хоть кое-какъ, своего ремесла, хотя-бы оно и сдѣлаюсь менѣе выгоднымъ. На улучшеніе способовъ производства надѣяться, разумѣется, не приходится,—это дѣлается десятками лѣтъ, по прошествіи которыхъ, быть можетъ, не останется ни одного кустаря-хозяина, работающаго только съ помощью своей семьи.

Существуютъ еще у насъ сторонники спеціальнаго кредита для кустарей, но это средство крайне сомнительнаго свойства. Вообще кредитъ—это созданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, орудіе капиталистической политики—не можетъ имѣть полезнаго примѣненія въ сферѣ нормальнаго труда, который, развиваясь правильно, безъ посягательствъ на трудъ другого лица, безъ нарушенія справед-

ливости и социальной нравственности, не въ состояніи оплачивать дорогія услуги кредита. Кредитъ выгоденъ только спекуляціи и предпринимательству, бьющему на большіе барыши, изъ которыхъ и выгодно и возможно платить за кредитъ. Съ другой стороны, кредитъ самостоятельно порождаетъ и поддерживаетъ въ производствѣ духъ спекуляціи, содѣйствуя обогащенію однихъ и неизбежному раззоренію другихъ. Опытъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ уже показалъ, что въ нашемъ сельскомъ населеніи къ кредиту обращаются крестьяне сравнительно состоятельные, для расширенія своихъ чисто кулаческихъ операцій; слабосильные-же гибнутъ отъ него въ тѣхъ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, когда имъ удастся достукаться до него. И такой оборотъ дѣла для кредита вполне естествененъ, и только онъ и выгоденъ для него; никакое кредитное учрежденіе не могло-бы существовать, если-бы имъ пользовался исключительно трудящійся классъ, не спекулирующій и не барышничаящій. Въ кустарной промышленности кредитъ также долженъ способствовать пойданію слабого сильнымъ. Какой-нибудь кустарь, ведущій нынѣ производство семейнымъ образомъ, получить возможность поставить его, благодаря кредиту, на болѣе широкую ногу, и непремѣнно наймомъ рабочихъ. Если-же кредитъ этотъ будетъ затраченъ только для покупки сырья въ большей массѣ и, слѣдовательно, пойдетъ на удешевленіе его, то отъ этого одного выгода получится крайне ничтожная. Коль скоро кустарь не увеличитъ размѣры производства наймомъ стороннихъ рабочихъ, сырье онъ все-таки будетъ закупать не Богъ знаетъ въ какой большой массѣ, и выгода отсюда не можетъ быть значительна, но такъ какъ изъ нея еще придется платить и за кредитъ, то много ли останется куетарю? Тутъ игра, конечно, не стоитъ свѣчь. Да и будутъ-ли пользоваться кустари кредитомъ въ такой невинной формѣ — это большой вопросъ, но что имъ уже пользуются въ сельскомъ населеніи главнымъ образомъ въ видахъ эксплуатаціи и барышничества — это фактъ, засвидѣтельствованный практикою ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

Итакъ обдѣленіе кустарей землею — шутка очень плохая. Теперь часто ставится вопросъ: какая участь ожидаетъ наше кустарничество, устоитъ-ли оно и не проглотить-ли его фабрика? Дѣйствительно, кустарная промышленность наша виситъ на очень тонкомъ волосѣ. Съ упадкомъ земледѣлія, въ ней все болѣе и болѣе развиваются элементъ батраческій, съ одной стороны, и барышническо-предпринимательскій — съ другой, и если поземельный бытъ кустарей останется въ прежнемъ положеніи, то неизвѣстно, отчего-бы этотъ процессъ остановился.

Г. Кавелинъ не прочь покуситься, кромѣ кустарей, еще и на отхожихъ промышленниковъ, т. е. тотъ разрядъ крестьянъ, который влечитъ самое горестное и бѣдственное существованіе. Но замѣчанія его на этотъ счетъ весьма неопредѣленны, онъ говоритъ темными намеками. Сколько можно понять, г. Кавелинъ, повидимому, хочетъ сказать, что этотъ разрядъ крестьянъ, кромѣ земли, имѣетъ еще поддержку въ отхожемъ промыслѣ.

«Въ отхожіе промыслы, говоритъ онъ, отправляются члены семействъ, подростки, безъ которыхъ хозяева могутъ обойтись при обработкѣ земли, и сами хозяева, когда полевныя работы окончены и дома дѣлать нечего» (стр. 37).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мило и хорошо устривается все въ крестьянскомъ быту: лишніе уходятъ и пристроиваются къ дѣлу, а за ними слѣдуютъ и хозяева, по окончаніи полевыхъ работъ, чтобы не сидѣть въ праздности, которая есть мать всѣхъ пороковъ! Мы однако сильно сомнѣваемся, чтобы авторъ видѣлъ вблизи этихъ отхожихъ промышленниковъ, иначе онъ не сказалъ-бы, что въ отходъ идутъ подростки, какъ лишніе рты, а хозяева отправляются вслѣдъ за ними лишь по окончаніи полевыхъ работъ. Напротивъ, обыкновенно самые что ни на есть сильные, умѣлые и дѣятельные пускаются въ отходъ, да и тѣ часто ничего не зарабатываютъ и доходятъ домой Христовымъ именемъ. Точно также не всегда крестьяне уходятъ на заработки лишь по окончаніи полевыхъ работъ. Укажемъ, напримѣръ, на весьма распространенный отхожіи промыселъ сударбочихъ и бурлаковъ; онъ начинается ранней весной и оканчивается осенью. Таковъ-же и промыселъ портовыхъ рабочихъ, а также рыбнскихъ кручниковъ или, напр., крестьянъ, уходящихъ на уборку хлѣбовъ въ Самарскую губернію. У такихъ крестьянъ дома остается земля, которая или сдается въ аренду или-же обрабатывается кое-какъ слабосильными членами семьи, въ томъ числѣ и женщинами. Какъ-бы то ни было, но жалкая участь крестьянъ, прибѣгающихъ къ отходу — фактъ неоспоримый, и самый отходъ, съ его невозможно низкими заработками и несоразмѣрно тяжелымъ трудомъ, есть истинное несчастье, но отнюдь не преимущество, которое можно-бы было поставить на счетъ крестьянамъ, при рѣшеніи вопроса: кто изъ нихъ больше и кто меньше нуждается въ землѣ.

IV.

Г. Кавелинъ, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ говоритъ и прямо, а то онъ все больше недоумѣваетъ или сомнѣвается. Вотъ, напримѣръ, какъ рассуждаетъ г. Кавелинъ: «Расширять крестьянское землевладѣніе, — говоритъ онъ, — не дѣло государства и

правительства, а самих крестьянъ, ихъ трудолюбія и бережливости» (стр. 44). Помѣщики, набавунѣ освобожденія, разсуждали совершенно такъ-же, земля—намъ, говорили они, а крестьянамъ—свобода, трудолюбіе и бережливость, которыя дадутъ имъ возможность пріобрѣсти сколько угодно земли. Расширять крестьянское землевладѣніе нельзя, по мнѣнію г. Кавелина, но суживать его повинностями и податными тягостями можно; государство должно брать, но не давать, и вообще руководиться принципомъ: «твое—мое, а мое—мое». Но не въ этомъ еще вся соль теоріи г. Кавелина. Онъ высказалъ свой взглядъ только на мужицкое землевладѣніе, которое находитъ нестоющимъ вниманія и поддержки, но на другіе виды землевладѣнія у него имѣется особая точка зрѣнія. «Въ планы государства, говоритъ г. Кавелинъ, не можетъ входить поощреніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ средняго или крупнаго, уже потому, что, какъ мы видѣли, послѣднія необходимы не менѣе мелкаго для правильнаго развитія сельско-хозяйственной и вообще всякой (!) культуры страны» (стр. 45). Только изъ скромности г. Кавелинъ считаетъ крупное и среднее землевладѣніе необходимымъ не менѣе мелкаго, а на самомъ дѣлѣ оно болѣе необходимо; о культурномъ значеніи мужицкой земли онъ что-то ничего не говоритъ, и еслибы государство вздумало покровительствовать земледѣлію и «всякой культурѣ», то слѣдовало-бы оказывать поддержку крупнымъ и среднимъ владѣльцамъ. Г. Кавелинъ прямо не высказывается въ этомъ смыслѣ, но несомнѣнно, что въ настоящую минуту подобныя соображенія бродятъ въ умахъ, и какъ это ни невѣроятно, какъ ни противорѣчитъ это нашему крикливому и показному народолюбію, которое, впрочемъ, мягко стелеть, да жестко спать, существуютъ уѣзды, гдѣ въ самое послѣднее время проявилось необычайное оживленіе въ помѣщичьихъ партіяхъ, ожидающихъ серьезныхъ услугъ отъ государства. Что-то аппетитное чуютъ они въ воздухѣ и что-то очень радостное прозрѣваютъ въ таинственныхъ мистеріяхъ, совершающихся среди насъ, потому что они очень весело потираютъ руки и нагло, вслухъ увѣряютъ, что «еще не все потеряно». На сколько они правы—кто ихъ знаетъ; можно-ли что-нибудь разглядѣть въ туманной мглѣ, затянувшей со всѣхъ сторонъ нашъ горизонтъ. Но можно представить себѣ, съ какимъ наслажденіемъ прочтутъ эти господа «крестьянскій вопросъ» г. Кавелина, и въ особенности, какъ потекутъ у нихъ слюнки отъ слѣдующихъ строкъ: «Нельзя не замѣтить, говоритъ г. Кавелинъ, что благоустроенныя большія и среднія хозяйства, разсѣянныя по всей странѣ, могутъ стать при правильномъ и добросовѣстномъ веденіи дѣла хозяевами, могущественнымъ и благотворнымъ орудіемъ для поднятія благо-

состоянія и развитія образованія между крестьянами. Каждое хозяйство открываетъ мѣстному населенію близкій рынокъ для сбыта (а свое-то *крупное* хозяйство на что-же?) произведеній и для выгодныхъ заработковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественный культурный центръ, откуда полезныя знанія и привычки болѣе зрѣлой гражданственности проникаютъ въ народныя массы. *Цѣка такіе центры у насъ не будутъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать поднятія экономическаго, умственнаго и нравственнаго уровня нашего крестьянства, разбросаннаго на такомъ громадномъ пространствѣ*» (стр. 79). Тирада эта нѣсколько длинна, но читатель видитъ, что ее стоило привести цѣликомъ. Теперь на литературу взводятся обвиненія, будто она искусственно «взмываетъ». вопросы, заводитъ во что-бы то нистало полемику и, за недостаткомъ надлежащихъ объектовъ, обрушивается на лицо. Объектъ, какъ видите, очень серьезный: мы имѣемъ предъ собой вполне законченную и прекрасно выраженную теорію помѣщичьяго землевладѣнія. Но тутъ и полемизировать нельзя; ужь очень наивно было-бы доказывать г. Кавелину, что крупное землевладѣніе и крестьянское благополучіе не одно и то-же, что ужь тутъ полемизировать. Думаль-ли въ былыя времена, г. Кавелинъ, что ему придется когда-нибудь сочинять такіе откровенные панегирики, такіа «похвальныя слова» помѣщичеству, могъ-ли-бы онъ въ то время, ну, хоть въ 60-хъ, даже въ 70-хъ годахъ, говорить такъ, какъ теперь, достало-ли-бы и него духу утверждать, что мужикъ погибнетъ безъ барина.

Но возвратимся къ мѣстамъ г. Кавелина, которыя онъ съ такимъ неистощимымъ усердіемъ изобрѣтаетъ для облагодѣтельствованія народа. Въ конечномъ результатѣ его планъ надѣленія крестьянъ, разумѣется казенной землей, выражается въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) оставить ни съ чемъ кустарей и отхожихъ промышленниковъ, 2) принять въ расчетъ особыя соображенія, которыя позволяютъ поступить такъ-же съ громадной частью чисто земледѣльческаго населенія, 3) не забывать крупнаго и средняго землевладѣнія, укрѣпленіе котораго поможетъ мужику паче надѣленія его землей, 4) остатки, за означенными изъятіями, выдать нуждающимся. Пунктъ второй требуетъ поясненія. Г. Кавелинъ, великодушно соглашается надѣлить крестьянъ изъ казенныхъ фондовъ добавочной землей, но въ такомъ количествѣ, чтобъ она вмѣстѣ съ существующимъ земельнымъ участкомъ составила высшій надѣлъ, установленный Положеніемъ 19 февраля. Уже это одно соображеніе уничтожаетъ совершенно весь доброжелательный проектъ г. Кавелина. Извѣстно, что надѣлы, принятые въ Положеніи, вовсе не соображены съ повинностями, особенно съ зем-

скими, которыя въ 15 лѣтъ страшно быстро возросли. Не только платить повинности, даже кормиться трудно было надѣлами еще въ 60-хъ годахъ. Есть, напр., *высшіе* надѣлы въ 7, даже въ $2\frac{3}{4}$ десятины; значить всѣ, имѣющіе такой надѣлъ, ничего не получаютъ. Но много-ли выиграютъ и тѣ, у кого надѣлъ будетъ доведенъ до этой *высшей* (!) нормы? И этого еще мало. Г. Кавелинъ отводитъ добавочную землю не наличному населенію, а «по числу ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ селенію съ правомъ на надѣлъ землею» (стр. 51). Чтобъ оцѣнить эту мысль, читатель долженъ принять въ расчетъ, что со времени послѣдней ревизіи населеніе настолько возросло, что высшіе надѣлы сдѣлались средними или даже низшими, и гдѣ прежде на душу приходилось 4 десятины, тамъ теперь приходится одна, а гдѣ 2,—тамъ теперь остались дробныя части десятины. Изъ этого понятно, какъ мало пользы для народа должно выйти изъ реформы г. Кавелина. Согласно его плану, всѣ крестьяне будутъ владѣть высшими надѣлами, по нормѣ 1861 года, но эта норма и тогда уже была несообразно низка, во-первыхъ, а во-вторыхъ—населеніе съ тѣхъ поръ возросло, и оттого высшій надѣлъ 1861 года еще болѣе утратилъ теперѣшность.

Но, мало того, что реформа Г. Кавелина не дастъ ровно ничего народу, она вводитъ еще въ явный ущербъ государство. Ибо несомнѣнно убыточно бросить можетъ быть нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ земли совершенно безцѣльно, на вѣтеръ, для того только, чтобы помазать ею народъ по губамъ. Обезземеленіе, бросаніе на дѣловъ, сдача ихъ въ аренду не можетъ прекратиться, конечно, отъ этой нищенской подачи, а земельные фонды государства все-же уменьшатся.

И это бы еще ничего. Государство потерпитъ ущербъ отъ экономіи г. Кавелина, а народу пользы отъ этого—никакой, это, конечно, самообманъ для г. Кавелина, но, сравнительно, еще не столь горькій. Г. Кавелинъ гораздо чувствительнѣе обманываетъ себя въ другомъ отношеніи. Есть и было у насъ всегда много идеалистовъ и сытыхъ мечтателей о голодной деревнѣ, которые прежде всего заботятся о томъ, чтобы ихъ идеалы оставались идеалами, чтобы народъ приближался къ нимъ черепашимъ ходомъ, не слышными, мягкими шагами по самымъ окольнымъ, при томъ, путямъ. Въ этомъ именно и заключается другой серьезный самообманъ Г. Кавелина. Вѣдь и въ народѣ, во всякомъ представителѣ его, прочно живутъ идеи о своемъ собственномъ значеніи. Однако, не будучи благополучнымъ идеалистомъ, народъ вовсе не желаетъ, чтобы его идеи всегда оставались идѣями. Нѣтъ сомнѣнія, что на голодный зубъ онъ веселѣе и старательнѣе при-

мется за созданіе той новой соціальной формациі, которая, по пророчеству г. Кавелина, составит славу и гордость будущей Россіи.

V.

Теперь еще одно слово о политической реформѣ г. Кавелина. Она немного сложна и такъ-же хорошо говоритъ сама за себя, какъ и его планъ поземельныхъ преобразованій. Г. Кавелинъ противъ всесловной волости, а также противъ передачи ближайшихъ крестьянскихъ дѣлъ въ вѣдѣніе земства; для нихъ онъ требуетъ особаго управленія, предоставленнаго самому народу. Само земство не особенно интересуется его; онъ желаетъ только, чтобы оно было точно отграничено отъ крестьянскаго управленія, да еще встать находить полезнымъ, чтобы «образовательный цензъ занялъ приличное ему мѣсто въ уставѣ о земскомъ представительствѣ» (стр. 131). Разумѣется, этотъ образовательный цензъ поведетъ къ окончательному исключенію крестьянъ изъ земства, а такъ-же и къ тому, по всей вѣроятности, что невѣжество и безграмотность еще долго будутъ печальной привилегіей народа. По крайней мѣрѣ, теперь мы видимъ, что въ тѣхъ земствахъ, гдѣ крестьянскій элементъ совсѣмъ вытѣсненъ и подавленъ образованными и высшими классами, народное образованіе идетъ гораздо хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ играетъ замѣтную роль.

Административныхъ нововведеній у г. Кавелина немного, и они не оригинальны; образцомъ для нихъ послужили нѣкоторыя уже упраздненные наши учрежденія и порядки. Напримѣръ, предлагаемая имъ новая должность «стряпчихъ по крестьянскимъ дѣламъ» есть, очевидно, копія съ блаженной памяти института мировыхъ посредниковъ. Болѣе замѣчательны, хотя также не оригинальны, мѣры, предлагаемыя г. Кавелинымъ для исполненія крестьянской реформы. На коронную администрацію г. Кавелинъ не надѣется, на земство тоже. Свои надежды онъ возлагаетъ на особое общество, которое онъ предлагаетъ учредить изъ частныхъ лицъ, «разсѣянныхъ по лицу имперіи» и «сочувствующихъ дѣлу»; общество это не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣйствія правительства, но оно должно только «наблюдать» и «содѣйствовать». «Содѣйствіе общества реформъ главнымъ образомъ должно заключаться въ *наблюденіи* за примѣненіемъ ея на мѣстахъ» (стр. 201). Какъ будто теперь современному гражданину возбраняется, а не предписывается, на-оборотъ, очень грозными узаконеніями, исполнять эти двѣ благородныя функціи «содѣйствія и наблюденія». По существу подобное общество есть копія съ нашего достопамятнаго института «свѣдущихъ людей». Сходство полное, даже нѣкоторыя детали и тутъ и тамъ тѣ-же. Извѣстно, напримѣръ, что

изъ нашихъ свѣдущихъ людей нѣкоторые, особенно отличившіеся, попали въ чиновники, и г. Кавелинъ также предлагаетъ особенно усердныхъ членовъ этого общества награждать чиновничьими мѣстами.. «Изъ состава общества, говоритъ онъ, люди способные, знающіе, практическіе и добросовѣстные, но доголѣ вовсе не извѣстные правительству, могли-бы впослѣдствіи быть приняты имъ на коронную службу и пополнить составъ служащихъ достойными лицами» (стр. 202).

Но вотъ одно мѣсто проекта г. Кавелина, отъ впечатлѣнія котораго читатель, конечно, оправится не скоро. «Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества, говоритъ г. Кавелинъ, должно быть публичное наблюденіе другъ за другомъ, чтобъ въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ и чтобъ личный его составъ вполне и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію» (стр. 201). Говоря точнѣе, г. Кавелинъ не желаетъ, чтобы въ общество попали лица, которые «вздумали-бы выйти изъ предѣловъ реформы» (стр. 201). Мы не вступаемъ по этому поводу въ объясненія съ г. Кавелинымъ по той простой причинѣ, что положительно не допускаемъ возможности принять его слова за чистую монету, въ ихъ прямомъ и точномъ смыслѣ; тутъ что-то не такъ, кабая-нибудь нечаянная обмолвка, все, что угодно, кромѣ того, что связать въ вышеприведенныхъ строкахъ. Наше предположеніе подкрѣпляется еще и тѣмъ, что въ своемъ письмѣ къ издателю одной рижской газеты («*Zeitung für Stadt und Land*»), приложенномъ въ концѣ книги, г. Кавелинъ самъ называетъ это выраженіе неудобнымъ, неловкимъ. Признаемся, однако, что и въ новомъ его объясненіи много прискорбной путаницы. Г. Кавелинъ говоритъ: «Очень можетъ быть, что я дурно выразилъ со-вѣтъ—не терпѣть въ составѣ общества ни враговъ крестьянскаго дѣла, прикидывающихся его ревнителями, волковъ въ овечьей шкурѣ, ни людей, которые хотѣли-бы идти дальше цѣли, для которой общество устроено, и тѣмъ могли-бы существенно повредить его дѣятельности. Другой мысли въ моемъ, можетъ быть неловкомъ, выраженіи не было и не могло быть» (стр. 210). Охотно вѣримъ этому, но, казалось-бы, что въ такомъ обществѣ ничему не должно-бы быть мѣста, кромѣ соревнованія въ дѣятельности на пользу народа. Общая связь между отдѣльными членами, — служеніе народу, должна-бы считаться гораздо важнѣе частныхъ различій во взглядахъ. Приятно сила и право заимствуются каждымъ членомъ собственно не отъ общества, а вытекаютъ, должны вытекать, изъ сочувствія и приговора народа, который лучше всякаго общества, вѣрнѣе всякихъ соглядатаевъ, оцѣнитъ, насколько соотвѣтствуютъ его пользѣ стремленія того или другого члена. Въ

виду этого, по меньшей мѣрѣ, безцѣльны подглядыванія и взаимныя наблюденія другъ за другомъ. Но если-бы, вслѣдствіе чрезвычайной важности цѣли и существованія особенно затруднительныхъ условій для ея осуществленія, потребовалась-бы полная солидарность мнѣній и строгое единство въ дѣйствіяхъ, то вѣдь въ такихъ случаяхъ сходятся люди, настолько хорошо узнавшіе другъ друга, что имъ уже не приходится наблюдать за собой.

Остается еще взглянуть на отношеніе народа къ общему управленію. Мы видѣли, какъ г. Кавелинъ надѣлялъ крестьянъ землей, такъ-же точно надѣляетъ онъ ихъ и гражданскими правами. Тамъ онъ говорилъ, что поземельное устройство крестьянъ сводится главнымъ образомъ къ упроченію крупнаго и средняго землевладѣнія; здѣсь—та-же пѣсня, но покороче. «Общія дѣла, высшіе интересы, широкая дѣятельность естественно и неизбежно находятся въ рукахъ вышнихъ, т. е. достаточныхъ и образованныхъ слоевъ народа» (стр. 193). Значитъ, тутъ и разговаривать нечего; «нѣтъ, не жди и не будетъ»! Г. Кавелинъ, надѣляя крестьянъ землею, не скоро объявилъ свое рѣшеніе, онъ все ходилъ во-кругъ да около, прежде чѣмъ опредѣленно высказалъ свою мысль. На этотъ-же разъ г. Кавелинъ хоть не утомляетъ читателей излишними разсужденіями: «нѣтъ тебѣ ничего», коротко и ясно говоритъ онъ мужику. Постараемся и мы быть краткими въ заключеніе этой замѣтки.

Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ *человѣкъ*. Современное интеллигентное общество избрала своимъ девизомъ это слово. Но, въ несчастіе, очень многіе въ этомъ обществѣ глубоко и искренно убѣждены, что только они «духовной жаждою томимы», народъ же они представляютъ себѣ съ однимъ только желудкомъ. Г. Кавелинъ, напр., однимъ взмахомъ пера произвелъ надъ народомъ ампутацію въ этомъ родѣ, освободивъ его отъ головы, отъ всякихъ духовныхъ стремленій и превративъ его въ мѣшокъ, куда, если всыпать горсточку земли, то и довольно съ него. На чемъ основано это странное убѣжденіе? Если оно есть плодъ наблюденій надъ современной деревней, то вѣдь на каждомъ шагу мы видимъ въ ней совершенно другое.

Надѣлать народъ одной землей, подавивъ въ немъ основныя стремленія его духа, столь-же жестоко, какъ надѣлать его однимъ правами, не утоливъ его физическаго голода. Но, конечно, вдвойнѣ жестоко сознательно обдѣлать народъ и въ отношеніи земли, и въ отношеніи гражданскихъ правъ, какъ это хотѣлъ г. Кавелинъ.

Б. Ленскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Родбертусъ. „Исслѣдованія въ области національной экономіи классической древности“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію проф. *И. Тарасова*. Вып. I и II. Ярославль.

«Понятіе о капиталѣ—говорить Родбертусъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Руд. Мейеру—не можетъ быть установлено точно до тѣхъ поръ, пока не будетъ подвергнуто изслѣдованію его реальное содержаніе въ трехъ различныхъ состояніяхъ человѣческаго общества (или «общественныхъ формаціяхъ», какъ удачно выражается Марксъ): въ древнемъ, въ которомъ существовала собственность надъ человѣкомъ, новомъ,—въ которомъ существуетъ собственность надъ землею и капиталомъ, и идеальнымъ, въ которомъ имѣетъ силу только собственность надъ доходомъ. Ради того только я и погружался—продолжаетъ онъ—въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ античную національную экономію, чтобы выяснитъ всестороннее содержаніе капитала въ древнемъ мірѣ. Изучить что-либо вообще можно только путемъ соревнованія». Плодомъ этого «погруженія» Родбертуса въ древнюю политическую экономію явился рядъ монографій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ классическаго міра. Монографіи эти посвящены непосредственно изслѣдованію нѣсколькихъ частныхъ историко-экономическихъ вопросовъ (главнымъ образомъ вопроса объ измѣненіи въ положеніи земледѣльческаго класса и о податной системѣ въ императорскій періодъ Рима), но ихъ общую цѣлью является выясненіе основнаго характера, *типа* дневнаго хозяйства и его отличій отъ хозяйства новѣйшаго. Въ этой общей сторонѣ заключается главнѣйшее достоинство и высокой интересъ монографій Родбертуса. Нѣкоторые изъ частныхъ его выводовъ оспариваются специалистами, но характеристика принципиальныхъ чертъ древняго періода національнаго хозяйства остается безспорно образцовою.

Нельзя не приветствовать поэтому появления на русском языкѣ перевода «Исслѣдованій въ области національной экономіи классической древности», предпринятаго профессоромъ Тарасовымъ. Для русской публики кругъ вопросовъ, затрогиваемыхъ работами Родбертуса, имѣетъ двойной интересъ. Какъ мы уже говорили, работы Родбертуса составляютъ весьма цѣнный матеріалъ для сравнительнаго изученія экономическихъ категорій, которое одно только, по справедливому замѣчанію Родбертуса, можетъ дать намъ правильное и всестороннее понятіе объ этихъ категоріяхъ. Исслѣдованіе пройденнаго общественнаго состоянія всегда важно для пониманія настоящаго, хотя бы это пройденное и сдѣлалось уже исполнѣн достояніемъ исторіи. Но для русскаго общества тотъ строй хозяйственной жизни, характеристика котораго составляетъ задачу Родбертуса, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ еще очень недавно былъ не прошлымъ, а настоящимъ. Оставляя въ сторонѣ, разумѣется, всю конкретную обстановку, *самый типъ* хозяйства древняго міра имѣлъ много общихъ сторонъ съ хозяйственнымъ строемъ помѣщичей Россіи, а періодъ преобразованій античнаго хозяйства,—съ тѣмъ, который мы переживаемъ теперь (разсматривая собственно экономическія отношенія). И тамъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ переходнымъ состояніемъ общества отъ *натуральнаго хозяйства*, съ владѣніемъ личностью (по крайней мѣрѣ ея *трудою*) какъ собственностью и съ нераздѣльностью или очень малою раздѣльностью промышленнаго и земельнаго имущества, къ новѣйшему *денежному* хозяйству съ распредѣленіемъ владѣнія различными *элементами* національнаго имущества (трудою, капиталомъ: промышленнымъ и торговымъ, товарнымъ и денежнымъ) между различными классами общества. Русское «помѣщичье хозяйство», которое еще вчера составляло основу нашей экономической жизни, во многомъ напоминаетъ хозяйство античнаго «дома», «ойкоса» («Oikowirtschaft», какъ выражается Родбертусъ). «Mutatis mutandis, мы можемъ отыскать сходственныя явленія и въ процессѣ распада того и другого. Конечно, сходство можетъ быть здѣсь только въ самыхъ общихъ, принципиальныхъ чертахъ. Исторія не есть «учительница жизни» въ томъ грубомъ смыслѣ, какъ это понимали прежде; мы не можемъ извлекать изъ нея готовыхъ уроковъ и практическихъ рецептовъ для современныхъ потребностей, но именно сличеніе *типически* однородныхъ явленій, происходящихъ въ совершенно различной обстановкѣ и при совершенно различныхъ условіяхъ, и помогаетъ намъ отличать ихъ главныя, коренныя черты отъ второстепенныхъ и понимать сущность происходящаго процесса.

До сихъ поръ появилось два выпуска русскаго перевода «Исслѣ-

дованія Родбертуса. Первый изъ нихъ («адскриптици, инквизици и колонны») касается исторіи развитія поземельныхъ отношеній Рима во времена императоровъ, второй заключаетъ въ себѣ начало изслѣдованія исторіи трибутныхъ податей со временъ Августа; во введеніи къ этому второму выпуску Родбертусомъ и сдѣлана мастерская, сжатая характеристика основныхъ чертъ античнаго государственнаго и народнаго хозяйства; кромѣ того, замѣчанія и выводы общаго характера разсѣяны по всему труду.

За послѣднее время русская литература какъ-то особенно заинтересовалась Родбертусомъ, о которомъ прежде не говорилось почти ничего. Въ прошломъ и нынѣшнемъ году въ журналахъ появились статьи, посвященныя специально ознакомленію публики съ возрѣніемъ этого писателя (монографіи г. Зибера въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1881 и статьи г. Валентинова въ «Отечеств. Запискахъ» 1882 г.). Можно было-бы, повидимому, ожидать, что изданіе перевода одной изъ серьезныхъ работъ встрѣтитъ успѣхъ среди читающаго общества. Но поистинѣ *habent sua fata libelli* Первый выпускъ «Изслѣдованій» Родбертуса, отпечатанный полтора года тому назадъ, въ количествѣ 200 экземпляровъ (какъ мы узнаемъ изъ предисловія ко второму выпуску), до сихъ поръ еще не распроданъ! Г. Тарасовъ замѣчаетъ, что по этому факту «можно судить о количествѣ читателей, на которыхъ могутъ рассчитывать переводчики такихъ строго научныхъ изслѣдованій въ области экономической науки, къ какимъ принадлежатъ изслѣдованія Родбертуса». Было-бы крайне прискорбно, если-бы это дѣйствительно такъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ среди всей русской читающей массы не можетъ сыскаться 200 человѣкъ, которые заинтересовались-бы изслѣдованіемъ, хотя и спеціальнымъ и строго научнымъ, но затрагивающимъ въ тоже время и общіе, принципиальные историческіе и экономическіе вопросы; изслѣдованіемъ, принадлежащемъ писателю, пользующемуся крупнымъ и несомнѣннымъ авторитетомъ! Мы думаемъ скорѣе, что малый успѣхъ перевода Родбертусовыхъ монографій объясняется въ значительной степени общими невыгодными условіями провинціальныхъ изданій. Какъ-бы то ни было однако, нельзя не пожелать чтобы, дальнѣйшіе выпуски книги нашли себѣ большій кругъ читателей и чтобы г. Тарасовъ довелъ до конца свое въ высшей степени почтенное предпріятіе.

Переводъ сдѣланъ студентами Ярославскаго лицея, гг. Невскимъ и Скворцовымъ, общая его редакція принадлежитъ проф. Тарасову. Вообще переводъ выполненъ вполне добросовѣстно. Изложеніе нѣсколько тяжеловато (таково оно, впрочемъ, въ подлинникѣ), но подлинникъ переданъ точно. Цитаты на древнихъ языкахъ, которыя Родбертусъ оставилъ не переведенными, переве-

дены г. Тарасовымъ по-русски, что, конечно, не мало облегчаетъ чтеніе книги.

Большая медвѣдица. Романъ въ пяти частяхъ *В. Крестовскаго* (псевдонимъ). Изданіе третье, вновь просмотрѣнное авторомъ. Спб. 1883.

Г. Крестовскій (псевдонимъ) замѣтилъ [какъ-то, что литература наша часто толкуетъ о людяхъ сороковыхъ, шестидесятыхъ, наконецъ, семидесятыхъ годовъ, но никогда не запнется о людяхъ пятидесятихъ годовъ. На первый взглядъ это дѣйствительно странно. Въ самомъ дѣлѣ, если мы дѣлимъ исторію своего развитія на періоды и если каждому изъ этихъ періодовъ отводимъ промежутокъ времени примѣрно, въ десять лѣтъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что пятидесятие года не могутъ быть скинуты со счетовъ, и люди этого времени имѣютъ все права на наше вниманіе. Арифметически это совершенно вѣрно. Послѣ сороковыхъ годовъ слѣдовали пятидесятие, а не шестидесятие года—объ этомъ во всѣхъ календаряхъ значится. Но этой арифметической, календарной точностью и исчерпывается вся правда замѣчанія г. Крестовскаго. Дѣло въ томъ, что говоря о людяхъ «сороковыхъ», «пятидесятихъ» и «шестидесятыхъ» годовъ, мы связываемъ съ этими выраженіями очень опредѣленные представленія. Каждый изъ этихъ періодовъ имѣетъ свою, только ему одному принадлежащую физиономію. Кратко и рѣзко резюмируя содержаніе этихъ періодовъ, можно сказать, что сороковые годы выразили собою идею чловѣческаго духа, чловѣческаго разума, шестидесятие и семидесятие идею общества и тѣхъ гарантій, которыя обезпечиваютъ собою правильное и здоровое развитіе его жизни. Что, спрашивается, представляютъ собою пятидесятие годы? Въ чемъ заключался тотъ *mot d'ordre*, которымъ вдохновлялись и руководствовались люди этого періода? На этотъ вопросъ никакого опредѣленнаго отвѣта дать нѣтъ возможности. Съ 48-го по 55-й годъ все общественное вниманіе поглощалось чисто внѣшними, военными обстоятельствами. Для критической мысли, если угодно, былъ предметъ; для творческой мысли матерьяла рѣшительно не оказывалось. Именно въ силу этого, люди, принадлежавшіе, по метричѣ, къ поколѣнію пятидесятихъ годовъ, по тенденціямъ своимъ примыкаютъ или къ сороковымъ или шестидесятымъ годамъ. Смертью Бѣлинскаго заключилась эпоха сороковыхъ годовъ. Энергичная и безстрашная, но почти всегда «кипѣвшая въ дѣйствіи пустою» мысль этого періода совершила свой полный циклъ и перевалъ въ нашемъ развитіи долженъ былъ

произодги необходимо. Онъ и дѣйствительно произошелъ, рѣзкій и крутой, но только гораздо спустя, послѣ того уже, какъ смыслъ совершившихся историческихъ фактовъ сталъ вполне ясенъ. Такимъ образомъ, то поколѣніе, которое г. Крестовскій называетъ поколѣніемъ пятидесятихъ годовъ, очутилось въ какомъ-то темномъ и пустомъ пространствѣ, застряло между двухъ стульевъ и не успѣло выработать себѣ никакой сколько-нибудь оригинальной фізіономіи. У него не только не было вождя для путеводительства—у него не было самого пути. Жизнь вплотную подошла къ какой-то глухой и неподвижной стѣнѣ и долго топталась около нея, прежде чѣмъ свернуть со старой дороги. Пятидесятие годы нашего столѣтія цѣликомъ ушли именно на это топтанье, которое, съ точки зрѣнія исторической логики, безъ сомнѣнія было необходимо, но которое, въ концѣ концовъ, все-таки представляетъ собою только образецъ дурно употребляемыхъ силъ и напрасно потраченного времени.

Такія эпохи представляютъ собою для художника въ одно и то-же время и благодарный и неблагодарный матеріалъ. Тутъ все зависитъ отъ таланта самого художника—не отъ силы, таланта а отъ его характера и направленія. Въ эпохи застоя общественной жизни, слабости общественныхъ интересовъ, люди живутъ по преимуществу личной жизнью, всячески культивируютъ свои чувства и ощущенія, чтобы какъ-нибудь заполнить ту пустоту, которая создается отсутствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній и импульсовъ. Художнику и индивидуалисту и психологу представляется въ этомъ случаѣ очень короткое поле для наблюдѣній. Г. Крестовскій давно извѣстенъ въ нашей литературѣ тонкостью своего психологическаго анализа, но послѣдними своими произведеніями онъ показалъ, что ему не чужды и вопросы чисто-общественнаго устройства. Такимъ образомъ, если въ томъ или другомъ произведеніи г. Крестовскаго мы находимъ разработку почти исключительно старыхъ, элементарныхъ психологическихъ задачъ—это прямо указываетъ на свойство самой темы, на отсутствіе общественнаго духа и смысла въ самыхъ явленіяхъ, взятыхъ авторомъ для воспроизведенія и изображенія.

Именно такимъ, т. е. лишеннымъ прямого, непосредственнаго общественнаго интереса, и является романъ г. Крестовскаго «Большая медвѣдица». Время дѣйствія романа относится какъ разъ къ эпохѣ пятидесятихъ годовъ и вотъ даже у апологиста этихъ годовъ не оказывается для нихъ такого центрального «героя» какимъ былъ Рудинъ для сороковыхъ, а Базаровъ для шестидесятихъ годовъ. Героємъ романа—эмблематически, но совершенно вѣрно—является небесное созвѣздіе «Большая медвѣдица». Влюбленная парочка любовалась этимъ созвѣздіемъ въ особенно зна-

чительные моменты своего романа, оно стало имъ дорого по воспоминаніемъ, получило въ ихъ глазахъ нѣкоторое сакраментальное значеніе—отсюда и странное, на первый взглядъ, заглавіе романа. Дѣйствительно, первое мѣсто въ романѣ отведено любви, любовнымъ сценамъ, улыбкамъ, объятіямъ, поцѣлуямъ и всѣмъ прочимъ любовнымъ атрибутамъ по положенію.

«Общества» въ романѣ г. Крестовскаго нѣтъ и въ поминѣ. Говоримъ это не въ упрекъ, а въ похвалу автору, который только остался въ этомъ случаѣ вѣренъ жизни и значить исполнилъ только свою важнѣйшую художественную обязанность. Г. Крестовскій даже прямо говоритъ это и его характеристики той киселеобразной человѣческой массы, которая называлась тогда обществомъ, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ романа, хотя и не связаны съ нимъ органически, а искусственно инкрустированы въ немъ. Общество, справедливо и прекрасно говорить г. Крестовскій,

Не оглядывалось на себя, не размышляло. По временамъ оно чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ—не могло сказать и не задавало себя этого вопроса. Оно существовало; оно было формально устроено, формально ограждено. Тому, кто успѣлъ, не запрещалось богатѣть какъ умѣлъ; на способы смотрѣли снисходительно, если они были обставлены нужною формальностью; о нихъ и не спрашивали, если богатство веселило кружокъ, въ которомъ процвѣтало. Выработывалась легкая совѣсть; никому не запрещалась удача. Передъ удачей благоговѣли, можетъ быть, отъ внутренней, неопредѣленной печали стѣсненія, заставлявшей высоко цѣнить удачу тамъ, гдѣ были напрасны трудъ и достоинство; можетъ быть, отъ порчи, въѣдавшейся въ это довольное рабство. Последнее едва-ли не вѣрило: въ обществѣ не было негодованія. Общество доводило всепрощеніе, неосужденіе до крайности, возможной только въ конечномъ стѣсненіи: преступники только въ тюрьмѣ сочувствуютъ другъ другу... Свокорыстное, отъ отсутствія всякаго общаго интереса, общество мельгало мыслью, свивалось по кружкамъ, дробилось на единицы, и каждая изъ этихъ единицъ привыкла дорожить только собою. Не задумываясь, даже ужъ не о постыдности, а, просто, о забавной сторонѣ своихъ поступковъ,—эти люди изъ-за личностей ссорились, изъ-за личностей дружились; гражданскій долгъ былъ для нихъ нѣчто отвлеченное, чему они не видѣли примѣненія, слѣдуя по обычной колесѣ, не смѣя размышлять, куда ведетъ она, можетъ быть, чувствуя ея неудобства, боясь потерпѣть, если отъ нея отступать,—но чаще всего, довольные этою колесей, довольные болѣе всего тѣмъ, что никто не спрашиваетъ ихъ, какъ провести новую... Самое слово «гражданскій долгъ»—считалось фразой. Выработывался даже языкъ чинный, приличный, гладкій, исключавшій всякое прямое названіе вещей по имени. Но языкъ сильнѣе было и не нужно: говорить было нечего. Для такъ называемыхъ «высокихъ предметовъ» были высокіе казенные образцы слога, и тѣ понадобятся только въ послѣднее время, и то—для немногихъ строкъ въ вѣдомостяхъ. Живой рѣчи не было мѣста въ обществѣ, гдѣ существовали только свѣскія, денежные, пустыя отношенія, въ обществѣ, не имѣвшемъ ни общей мысли, ни общей заботы, отученномъ отъ предпримчивости, не державшемъ и обаявшимся по убѣжденію. Въ несчастномъ 1854 году, это несчастное общество дошло до послѣднихъ границъ ослѣпленія: оно начало хвастаться» (1. 23).

Ясное дѣло, что говорить о подобномъ обществѣ, какъ о цѣльномъ и живомъ организмѣ, нѣтъ возможности. Личныя дѣла и дѣлишки замѣняютъ здѣсь мѣсто общихъ интересовъ. Даже война, происходившая въ то время, не могла вызвать въ этомъ обществѣ ни единенія, ни живой мысли,—ничего кромѣ фразъ и показнаго патріотизма. «Танцовали въ пользу убитыхъ,» какъ образно и энергично выражается одинъ изъ персонажей романа, и дѣйствительно въ этомъ только и выразилась общественная самодѣятельность. Гдѣ были тогда тѣ «люди пятидесятихъ годовъ», о которыхъ говоритъ г. Крестовскій, тѣ лучшіе люди, въ которыхъ должны бы были олицетворяться передовыя стремленія эпохи? Г-ну Крестовскому, очевидно, представлялся прекрасный случай во-очію показать намъ этихъ людей и доказать намъ, что они имѣютъ въ исторіи свое самостоятельное мѣсто. Читателю приходится, однако же, жестоко разочароваться. Если въ длинномъ ряду персонажей романа можно кого-нибудь счесть идейнымъ представителемъ эпохи, то это, конечно, героиню романа Багрянскую, ея возлюбленнаго Верховскаго и ея отца — управляющаго палатой Багрянскаго. Только эти лица и высказываютъ въ романѣ идеи, имѣющія сколько-нибудь общій характеръ, только они сколько-нибудь и думаютъ объ общественныхъ интересахъ и только ихъ дѣятельность не ограничивается танцами въ пользу убитыхъ. Но, взглядываясь въ нравственную и умственную физиономію этихъ «лучшихъ» людей, читатель очень быстро убѣждается, что ему дѣлать съ ними нечего. О Верховскомъ даже не стоитъ говорить. Къ нему жестоко относится даже самъ авторъ, безпристрастно показывая намъ всю мелочность, слабость и податливость его натуры. Онъ лежебокъ и бѣлоручка въ полномъ смыслѣ слова — хуже того, какая то камелія въ мундирѣ, которая путемъ законныхъ браковъ (Верховской вдовѣтъ и вторично женится, какъ и въ первый разъ, безъ любви, по расчету) устраиваетъ себѣ карьеру. Что же касается Багрянскаго — отца и главное, Багрянской — дочери, то все ихъ умственное и нравственное содержаніе исчерпываются такой несложной характеристикой: идеальные чиновникъ и чиновница. Багрянская произноситъ напр., такую горячую апологію чиновничеству: «Какъ въ сотнѣ случаевъ, — люди смѣются, потому что не думаютъ. Этотъ трудъ очень важенъ, потому что въ немъ одна минута невнимательности или вполнѣ натурального утомленія можетъ отозваться бѣдой для другихъ людей; очень высокъ, потому что, трудясь такъ, человекъ служитъ правдѣ попросту, безъ прикрасъ, и жертвуетъ ей своими лучшими потребностями, лучшимъ благомъ — отдыхомъ своего образованнаго ума. Помнить, что чѣмъ лучше тотъ, кто берется за дѣло, тѣмъ лучше онъ его

сдѣлаеть—и вслѣдствіе этого, не падить себя; помнить важность мелочей въ жизни для того, чтобы самому не измелчать; каждую минуту, не ожесточаясь, не теряя терпѣнія, помнить, что вся эта путаница, бѣдность, невѣжество, ничтожество, — въ сложности — человѣчество... задача нелегкая. Но, исполняя ее, какая радость встрѣчать въ этой темнотѣ своихъ людей, убѣждаться, что и другіе не погибшіе, что мы сами—не избранные, что всѣ—рабочіе за одно». (II, 144). Какая чиновничья идилія подумаешь! Героиня глубоко убѣждена въ святости чиновничьяго труда и доказываетъ это не словами, а дѣлами: она посвящаетъ ему по нѣскольکو часовъ ежедневно, помогая своему отцу, который въ свою очередь блистаетъ безкорыстіемъ, трудолюбіемъ и безпристрастіемъ. Онъ является грозою для своихъ подчиненныхъ, которыхъ поминутно смѣняетъ, выгоняетъ, распекаетъ, отдаетъ подъ судъ и, производя это избіеніе младенцевъ, искренно убѣжденъ, что дѣлаеть настоящее дѣло, служить своему отечеству. Безполезно было-бы останавливаться на этомъ. Это старая и обычная ошибка г. Крестовскаго. Онъ судить и цѣнить людей не по результатамъ ихъ дѣятельности, не съ точки зрѣнія общественныхъ выгодъ и интересовъ, а исключительно съ точки зрѣнія индивидуально-нравственныхъ идеаловъ. Человѣкъ, съ самоотверженіемъ и искренностью разбивающій себѣ голову объ стѣну, возбуждаетъ въ немъ не жалость, не простое сочувствіе, которое было-бы въ этомъ случаѣ совершенно понятно, а почтеніе и уваженіе. Г. Крестовскаго не смущаетъ, что въ конечномъ результатѣ, какъ его ни истолковывай, получается только никому ненужная разбитая голова и по прежнему твердая и незыблемая, но ни на волосъ не подавшаяся стѣна. Носить воду въ рѣшетѣ—это «дѣятельность», въ которой можно обнаружить чрезвычайно много самого почтеннаго «трудолюбія», но говорить объ этомъ труженикѣ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, нѣтъ никакого основанія.

Но если главные герои романа, тѣ, въ которыхъ авторъ хотѣлъ представить если не «властителей», то все-же «носителей» думъ эпохи, рѣшительно не удовлетворяютъ читателя, за то второстепенные персонажи, изъ среды того общества, которое «не задумывалось о постыдности своихъ поступковъ», нарисованы г. Крестовскимъ ярко, рельефно, во всѣхъ отношеніяхъ мастерски. Чванство, жадность, лицемеріе, продажность, тупоуміе этихъ людей производятъ на читателя тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что въ мысляхъ автора нельзя замѣтить ни малѣйшей утрировки: все у него просто, правдиво и глубоко-жизненно. Это не злодѣи, а просто какіе-то ополоумѣвшіе люди, которымъ неизвѣстны и непонятны самыя элементарныя основы гражданственности. Здѣсь въ сотнѣ, въ

тысячный разъ повторилась съ г. Крестовскимъ старая исторія, давно отмѣченная въ нашей журналистикѣ: отрицательные типы, для которыхъ жизнь наша даетъ сколько угодно матерьяла, блестятъ жизненной правдой, положительные—свидѣтельствуютъ только о добрыхъ намѣреніяхъ художника.

Письма митрополита московскаго Филарета (въ мѣрѣ Василія Михайловича Дроздова) къ роднымъ. Отъ 1800 до 1866 года. Москва. 1882 г.

«Есть мѣра въ вещахъ», говоритъ извѣстное изреченіе. Должна быть мѣра и въ уваженіи къ такъ называемымъ великимъ или просто замѣчательнымъ людямъ. Уважать достойное уваженія, конечно, вполне естественно и даже похвально, но это чувство все-таки не должно исключать критики, не должно переходить въ слѣпое обожаніе, для котораго *всякое дѣйствіе и всякое слово* того или другого авторитета имѣетъ вѣсъ и значеніе. Все это—азбучныя истины, которыя однако-же далеко не усвоены издателями «писемъ митрополита Филарета». Покойный святитель былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ замѣчательнаго ума, обширной учености (или, по крайней мѣрѣ, эрудиціи), блестящихъ талантовъ. Будущій историкъ нашей жизни съ вниманіемъ остановится на этой сильной и выдающейся личности, въ теченіе полувѣка пользовавшейся значительнымъ вліяніемъ на ходъ нашихъ дѣлъ, вліяніемъ, свойство и объемъ котораго опредѣлены еще далеко недостаточно. Но дѣло въ томъ, что «письма» представляютъ въ этомъ отношеніи очень слабое пособіе.

«Интересъ писемъ, говорятъ издатели, прежде всего тотъ, что по отношенію къ родителямъ и дѣду, они показываютъ въ почившемъ сыновнюю почтительность, уваженіе, любовь, растворенія глубокою благодарностію за воспитаніе, благословеніе, молитвы, которымъ онъ придаетъ особое значеніе во всей своей жизни; по отношенію ко всѣмъ роднымъ они показываютъ ту-же любовь, всегдашнюю заботливость, соединенную, впрочемъ, съ безпристрастіемъ, когда устроеніе судьбы родныхъ встрѣчалось съ обязанностями почившаго по службѣ, особенно при устроеніи на мѣста сиротъ». Все это весьма справедливо. Огромное большинство «писемъ» дѣйствительно обрисовываютъ покойнаго митрополита только со стороны его родственныхъ, интимныхъ чувствъ и потому именно ихъ собственно историческое и общественное значеніе крайне невелико. Да и въ этомъ отношеніи издатели, какъ говорится, сильно пересолили. Дѣло въ томъ, что большинство писемъ

(въ особенности къ матери) до того однообразны и со стороны содержанія, и со стороны формы, что только утомляютъ читателя, не давая ему никакихъ новыхъ свѣдѣній о личности митрополита. Прочитавши одно, два, три письма, читатель убѣждается, что знаменитый архипастырь былъ очень почтительнымъ сыномъ и внимательнымъ родственникомъ и изъ дальнѣйшаго чтенія не выносить уже никакого другого результата. Но издатели, проникнутые благоговѣніемъ къ памяти покойнаго митрополита и нисколько не забываясь объ интересахъ читателя, сочли своимъ долгомъ напечатать даже, напр., такія многозначительныя «письма»:

«Милостивая Государыня Матушка!

Благословите меня для завтрашняго дня.

Вашъ преданнѣйшій сынъ

Филаретъ М. Московскій.»

или:

«Привѣтствую Васъ, Сестрица, днемъ Вашего Ангела. Господь даруетъ Вамъ здравіе и миръ».

Такихъ «писемъ» въ книгѣ не одно и не два, а цѣлыя десятки. Въ глазахъ родственниковъ митрополита они, по всей вѣроятности, имѣютъ цѣну реликвій—и это естественно—но что съ ними дѣлать человѣку постороннему, зачѣмъ они читателю?

Издатели заявляютъ, что они «не мало колебались, печатать-ли письма почившаго Преосвященнѣйшаго Митрополита Филарета къ его роднымъ».

Они остановились на рѣшеніи печатать «все, что сохранилось у нихъ и отыскано ими «изъ родственной корреспонденціи митрополита и это тѣмъ болѣе жаль, что у издателей былъ другой, гораздо болѣе цѣлесообразный исходъ. Если-бы они позволили себѣ «смѣть свое сужденіе имѣть», если-бы они рѣшились на критику—имъ не составило бы большого труда выбрать дѣйствительно характерныя письма. Такихъ писемъ немного, но они есть и личность митрополита Филарета обрисовывается ими не только со стороны его родственныхъ чувствъ. Нужно замѣтить, однако-же, что даже въ этихъ немногихъ письмахъ читателю приходится многое угадывать, читать между строкъ, дѣлать предположенія. Юноша, почти мальчикъ, В. М. Дроздовъ отличался сдержанностью и осторожностью очень замѣчательными для его возраста. Онъ не любилъ довѣрять свои письма почтѣ и ждалъ обыкновенно «оказіи», чтобы послать ихъ. «Замѣчено, пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ писемъ «по оказіи», что письма, посылаемая отсель (изъ Св. Троицкой лавры) по почтѣ часто пропадаютъ» (60). Такия жалобы на «почту» встрѣчаются очень часто въ перепискѣ В.

Дроздова, да и вообще онъ, очевидно, твердо помнилъ пословицу, что написанное перомъ не вырубилъ топоромъ и постоянно сдерживался. «Много-бы еще сказалъ я, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своему отцу, если-бы могъ все повѣрить этой бумагѣ» (74). Иногда, въ перепискѣ съ отцомъ, онъ прибѣгалъ даже къ латинскому языку, хотя сообщаемыя извѣстія имѣли чисто личный и служебный характеръ, такъ что, казалось-бы, маскировать ихъ не стоило. Но умный и ловкій юноша, дорожа начальническимъ благоволеніемъ, соразмѣрялъ каждый свой шагъ, былъ всегда на чеку и болѣе всего опасался какъ-нибудь скомпрометировать себя. Позднѣе, будучи уже довольно значительнымъ лицомъ въ духовной іерархіи, онъ давалъ отцу подробныя инструкціи на счетъ того, какъ послѣдній долженъ дѣйствовать, чтобы угодить вліятельнымъ и нужнымъ людямъ изъ духовенства. Такъ, напр., онъ писалъ отцу:

«Одинъ изъ почтеннѣйшихъ мужей (архіепископъ Рязанскій), здѣсь пребывающихъ, сказалъ мнѣ, что въ проѣздъ черезъ Коломну назовется къ Вамъ въ гости. А я прошу Васъ предварить сей вызовъ просьбою. Думаю, что къ сему представится Вамъ хорошій случай, когда сей гость будетъ въ Соборѣ, гдѣ, какъ мнѣ кажется, не неприлично будетъ встрѣтить его въ облаченіи, съ крестомъ. Вы угадаете, о комъ я говорю; сверхъ сего, я постараюсь написать къ Вамъ въ то самое время, когда Вамъ должно увидѣть сего посѣтителя, то есть, къ концу наступившаго мѣсяца. Прилично также будетъ предложить ему посмотреть Ваше училище, учащихся и учащихся. Безъ сомнѣнія, Вамъ сдѣланы будутъ вопросы о его началѣ, о учебныхъ предметахъ, о его содержаніи. Вы можете, между прочимъ, поставить въ виду то, что трудящіеся въ немъ трудятся не для корысти. Что принадлежитъ до самого угощенія, надѣюсь, оно Вамъ большого безпокойства не сдѣлаетъ. Водка и пирогъ, если передъ обѣдомъ; чай, если вечеромъ; а, въ обоихъ случаяхъ, бутылка цимлянскаго или другого краснаго вина, — вотъ все что нужно» (148). Эти житейскія наставленія давалъ не многоопытный и пожившій отецъ сыну, а наоборотъ — молодой — изъ молодыхъ да ранній — сынъ своему отцу. Вообще, драгоценнымъ (съ практической точки зрѣнія) умѣньемъ ладить съ людьми, и искусствомъ различать «погоду» и т. п. Дроздовъ обладалъ въ высокой степени. Въ достопамятный декабрь мѣсяцъ 1825 года Филаретъ былъ московскимъ архіепископомъ и въ томъ-же мѣсяцѣ удостоился получить отъ императора Николая брилліантовый крестъ на клобуку, при чрезвычайно милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ государь благодарилъ архіепископа за его письмо (отъ 18 го декабря), свидѣтельствовавшее о «чувствахъ преданности и усердія». Приведемъ еще одинъ любопытный

документъ, относящійся къ тому времени, когда Филаретъ былъ уже московскимъ митрополитомъ. Документъ этотъ — письмо, писанное митрополитомъ къ его родному брату, священ. Николаю Дроздову. «Спѣшу сказать нужное по дѣлу о умершемъ послѣ розгъ. Первое слово: судія долженъ говорить правду, не страшась людей, а предоставляя послѣдствія Правосудному Богу. Второе слово: если ищете способа уклониться отъ неприяностей не скорбя совѣсти, можете сказать, что какъ произшествіе было въ училищѣ, а училище имѣетъ свое начальственное мѣсто: то, не приступая къ разсмотрѣнію, представить Епархіальному Архіерею, будетъ-ли приказано разсматривать оное въ духовномъ Правленіи. Можетъ быть есть и еще способъ выйти изъ сего, именно сказать, что хотя слѣдствіе не полно, но какъ благовременность уже пропущена, то остается рѣшить дѣло по тѣмъ обстоятельствамъ, какія есть въ дѣлѣ: но годится-ли сей способъ, рѣшительно сказать нельзя безъ разсмотрѣнія самаго дѣла. Вотъ все, что издали сказать можно» (329). О комъ здѣсь идетъ рѣчь? Кто этотъ «умершій послѣ розогъ»? Къ сожалѣнію, эта темная исторія не можетъ быть выяснена на основаніи матерьяловъ, имѣющихся въ «письмахъ».

Въ концѣ концовъ, «письма» имѣютъ значеніе нѣкотораго историческаго матерьяла, но значеніе очень условное и относительное. Издатели говорятъ, что «эти письма въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляютъ единственный, а въ другихъ—одинъ изъ немногихъ источниковъ».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нашъ умственный деспотизмъ. — Нетерпимость «Руси». — Въ чемъ заключается, истинное «средостѣніе». — Неустойчивость мнѣній о печати — Мнѣніе о *распушенности* печати «Правительственнаго Вѣстника». — Отзывъ о печати «выдающагося представителя цензурнаго вѣдомства». — Мнѣніе Леруа-Болье. — На сколько «распушенность» жизни больше «распушенности» печати. — Факты. — Что можетъ сообщить печати руководящее, авторитетное общественное значеніе. — Газеты и толстые журналы. — Женскіе медицинскіе курсы.

Зналъ я одного очень опытнаго редактора, который на замѣчаніе, что у него въ журналѣ встрѣчаются разнорѣчія, отвѣчалъ: «Не могу-же я на всѣхъ сотрудниковъ надѣть одну голову». Это очень умный отвѣтъ очень умнаго человѣка. Наши проповѣдники «московскихъ началъ» и сочинители новыхъ программъ для внутренней политики разсуждаютъ иначе: имъ-бы хотѣлось надѣть на всю Россію одну голову — и конечно свою собственную. Да немного у насъ истинно-свободныхъ людей, такихъ, о которыхъ можно сказать тоже, что говоритъ Циммерманъ объ американцахъ. Американецъ не поступится ни своимъ я, ни на чужое я не станетъ надѣвать своей головы. Впрочемъ, въ молодомъ поколѣніи, народившемся послѣ освобожденія крестьянъ, типъ свободныхъ людей началъ уже намѣчатся, не обнаруживая, конечно, никакого вліянія на характеръ всего общества и господствующія въ немъ повадки и привычки. Понятіе о свободѣ, какъ о принципѣ, нашему обществу не извѣстно и даже лучшіе представители его съ большимъ удовольствіемъ надѣли-бы на всю Россію свою собственную голову. Отъ этого, развивъ въ себѣ повадки умственнаго деспотизма, мы никакъ не допускаемъ, чтобы другой могъ думать не по нашему, и ни въ чемъ не обнаруживаемъ такой энергіи, какъ въ преслѣдованіи чужой мысли, является-ли она въ народѣ или въ интеллигенціи—все равно.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Руси» г. Аксаковъ отрицаетъ даже всякое историческое и логическое право политическаго роста русской мысли. Все, по его словамъ, незрѣло, недодуманно,

не имѣеть глубокихъ корней въ сознаниі; точно сознание есть Минерва, которая сразу вышла изъ головы Юпитера во всеоружіи мудрости. Либерализмъ, по мнѣнію г. Аксакова, не имѣеть глубокихъ корней въ сознаниі (?), доктрина русскихъ радикаловъ, по его же, словамъ прививается скорѣе къ ощущенію, чѣмъ къ мысли; она скорѣе дѣло вкуса, чѣмъ искренняго, глубокаго убѣжденія.

Въ доказательство незрѣлости радикаловъ г. Аксаковъ приводитъ такой случай. Въ началѣ 60-хъ гг., когда г. Аксаковъ издавалъ «День», внезапно была пущена въ умственный оборотъ между юношами идея федерализма. «Въ ту пору, прибавляетъ г. Аксаковъ, вольнодумствующая молодежь еще не чуждалась общенія со старшими и къ намъ ходили юные представители разныхъ федералистскихъ группъ, можетъ быть въ надеждѣ склонить на свою сторону, а можетъ быть и съ цѣлью провѣрить себя.» Однажды явилось къ г. Аксакову нѣсколько учащихся юношей, кажется студентовъ, которые послѣ разныхъ разговоровъ на тему о «невыносимой современности и вообще о гражданской скорби прочли свой мемуаръ или записку о необходимости отдѣлится отъ Россійской Имперіи Смоленскую губернію и, кое-что къ ней прибавивъ, образовать автономное Смоленское княжество». Приходили къ г. Аксакову еще другіе молодые люди, которые хотѣли организовать на федеративномъ началѣ заволжскій край. Ну, конечно, это глупо, и можно привести факты, даже еще большей глупости; напр., на экзаменѣ изъ физики въ одномъ изъ женскихъ заведеній и кажется высшаго разряда, на вопросъ профессора: «на чемъ основана сушка бѣлья», экзаменуемая отвѣтила: «на веревкахъ». Что-же изъ этого слѣдуетъ? Неужели потому только, что одна женщина сказала глупость, нужно закрыть всѣ женскія учебныя заведенія и запретить женщинамъ думать! А вѣдь г. Аксаковъ рассуждаетъ совершенно такимъ-же образомъ. Вѣдь если составить сравнительную статистику человѣческой глупости, то еще спорный вопросъ кому достанется пальма первенства — молодымъ или старымъ. Одно не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что за послѣднія двадцать лѣтъ въ умственномъ ростѣ молодежи свершился ощутительный и замѣтный прогрессъ.

Съ тѣхъ поръ утекло очень много воды и, конечно жаль, что теперешняя молодежь чуждается г. Аксакова. Еслибы онъ имѣлъ возможность сравнить теперешняго двадцатилѣтняго юношу или двадцатилѣтнюю дѣвушку съ двадцатилѣтнимъ юношей, или двадцатилѣтней дѣвушкой 60-хъ годовъ, онъ увидѣлъ-бы, какая свершилась громадная разница. Было время, когда зеленая молодежь, собираясь въ кружки, задавалась вопросомъ «нужно-ли учиться» и рѣшила, что учиться «ненужно», а те-

перь она говорить, что «учиться нужно» — и учится. Не ставьте только «средостѣній», не покушайтесь надѣвать на всѣхъ собственной головы и все сдѣлается само собой по логикѣ тѣхъ историческихъ и жизненныхъ фактовъ, отъ которыхъ не убѣжишь и которые каждаго научать думать правильно. «Средостѣніе», о которомъ «Русь» говорить съ поразительною послѣдовательною почти въ каждомъ №, конечно многому мѣшаетъ, но есть у насъ другое «средостѣніе», основное, въ которое и г. Аксаковъ вносить частичку своего меда и относительно котораго онъ такой послѣдовательности не обнаруживаетъ. А между тѣмъ только это «средостѣніе» является помѣхой для нормальнаго, правильнаго и спокойно поступательнаго роста русской мысли. Впрочемъ, не смотря на недостатокъ послѣдовательности и огульное обвиненіе всѣхъ—начиная съ «либераловъ» и кончая «радикалами» всякихъ отгѣнковъ—г. Аксаковъ явился защитникомъ свободной печати, за что и вызвалъ рѣзкія нападки «Гражданина», которыхъ тоже не оставилъ безъ отвѣта. «Русь» справедливо называетъ статью Мещерскаго заслуживающею вниманія, потому что въ ней, «какъ въ зеркалѣ, отражается то направленіе мысли, которое господствуетъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ болѣе или менѣе властныхъ кругахъ, или даже не направленіе, а сумятица мысли, разомъ поднимающаяся отъ одного слова «свобода печати».

Я не стану выписывать ни разсужденія «Гражданина», который дѣлаетъ невообразимыя сравненія, ни скромнаго замѣчанія князя Мещерскаго о себѣ, что онъ человѣкъ, «глубоко вѣрующій въ Бога» и потому, разумѣется, не ошибающійся; не стану выписывать и возраженій «Руси», очень мѣткихъ и справедливо порицающихъ то «благонамѣренное направленіе», которое желаетъ насадить у насъ благочестивый и глубоко вѣрующій въ Бога князь Мещерскій. Пользуясь этимъ случаемъ, я сообщу читателю довольно интересные факты изъ исторіи нашихъ недавнихъ возрѣній на печать, когда выработывались новыя о ней постановленія.

На новыя законы о печати возлагались правительственными лицами очень большія надежды и взяло верха убѣжденіе, что освобожденіе печати изъ подъ цензуры создастъ необыкновенную стройность отношеній, высшую умственную и нравственную порядочность и наступятъ золотыя дни полнаго всеобщаго согласія, въ особенности между печатью и людьми власти.

Въ одномъ изъ проектовъ говорилось, что онъ стремится открыть для повременныхъ изданій способъ выйти изъ докучливой, тяжелой и мелочной ежедневной опеки цензуры и предоставить имъ средство въ болѣе самостоятельному пользованію орудіями печати.

Для осуществленія этого стремленія проектъ предоставлялъ всякому издателю право освободиться отъ цензуры, но при условіи взаимнѣя ея подчиниться правиламъ административныхъ взысканій. Эта мысль проекта была основана на томъ, что судъ нашъ не только въ настоящее время (1863), но и въ первое время по его преобразованіи не представляетъ и не представитъ надлежащаго обезпеченія ни обществу, ни литературѣ противъ злоупотребленій печати и потому нельзя лишить правительства орудія, которымъ-бы оно могло ограждать интересы государства. Были, правда, три члена, которые административныя взысканія считали мѣрою болѣе несправедливою, болѣе тяжкою и неудобною, чѣмъ цензура. Но такъ какъ подчиненіе правиламъ административныхъ взысканій предоставлялось совершенно на волю издателей поврежденныхъ изданій, то и возраженія этихъ трехъ членовъ само собою лишалось силы. Защитники административнаго вмѣшательства думали, что никакой судъ не въ состояніи удовлетворить отвлеченному чувству справедливости, о которомъ мечтаютъ пылкіе ревнители свободы слова; поэтому, было-бы неблагоразумно, предаваясь излишнимъ опасеніямъ произвола административныхъ взысканій, отвергать ту несомнѣнную пользу, которую можно ожидать отъ нихъ для той части литературы, которая ждетъ освобожденія отъ докучливыхъ формъ цензуры, не желая злоупотреблять полученной свободой. Правительство думало, что установленный законъ давалъ полную возможность каждому издателю сообразоваться вполне съ его требованіями, и если поврежденные изданія подвергались-бы карѣ, то это не дѣлалось-бы «безъ собственной и очевидно настойчивой на то рѣшимости издателей». «Когда объявлено предостереженіе, всякому издателю предстоитъ выборъ между принятіемъ и не принятіемъ его къ соображенію и руководству на послѣдующее время. Въ первомъ случаѣ, предостереженіе не повторяется, въ послѣднемъ оно не можетъ не повториться».

Изъ опыта, который сдѣлало министерство внутреннихъ дѣлъ, оказалось, что пресса не умѣла воспользоваться льготами и правами ей данными, не сумѣла оцѣнить «тяжкихъ трудовъ и необыкновенной государственной проницательности тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые дали небывалое до того у насъ и быстрое, какъ нигдѣ въ Европѣ, развитіе печати». Это было высказано «Правительственнымъ Вѣстникомъ» по поводу заботъ, нарушенныхъ относительно печати министрами Валуевымъ и Тимашевымъ. Авторъ статьи думаетъ, что «если-бы печать съ должною признательностью и уваженіемъ отнеслась къ проявленнымъ относительно ея заботамъ и была-бы въ состояніи послѣдовать сознательно, безъ упорныхъ противодѣйствій, за ними, то литература

наша стояла-бы на высокой ступени развитія». Въ доказательство того, что литература не сумѣла воспользоваться уроками ея государственныхъ руководителей, авторъ ссылается на одно внутреннее обозрѣніе «Отечественныхъ Записокъ».

Говоря о дѣлахъ московскаго коммерческаго банка, внутренній обозрѣватель «Отечественныхъ Записокъ» замѣчаетъ: «посмотрите въ какіе крѣпкіе, плотно сплоченные, покрытые непроницаемою броней шайки или камплоты, смыкаются всѣ искатели наживы, всѣ кавалеры индустріи высшаго порядка; вездѣ единъ духъ и едино сердце... полная солидарность... для общихъ цѣлей наживы. Оттого и сила ихъ. Взгляните теперь въ какомъ разъединеніи, разобщеніи, разорванности находятся нравственные интересы. Представителями ихъ служатъ отдѣльныя личности, разсѣяныя въ цѣломъ обществѣ и находящіяся внѣ всякой связи между собой. Даже литература, когда-то лучшая представительница нравственныхъ интересовъ, день ото дня все болѣе и болѣе теряетъ свой прежній характеръ; съ одной стороны во главѣ ея становятся люди, не имѣющіе никакого къ ней отношенія, которые смотрятъ на нее, какъ на выгодную спекуляцію и эксплуатируютъ ее просто въ цѣляхъ наживы; съ другой—что остается въ ней, повидимому, и солидарнаго—находится въ полномъ разъединеніи, разорванности: это—войско въ разсѣяніи, дѣйствующее безъ вождей, безъ системы, безъ плана, въ распынную, потому не только вполнѣ безсильное въ своемъ дѣйствіи для какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей, но и не благонадежное сама по себѣ, потому что каждый, дѣйствуя изолированно по собственному усмотрѣнію, часто бьетъ не туда, куда слѣдуетъ, а кромѣ того, легко подвергается всѣмъ искушеніямъ деморализаціи. Оттого нерѣдко бываетъ, что человѣкъ, котораго вы считаете солидарнымъ съ собою, вдругъ начинаетъ говорить нѣчто такое несообразное, что косвенно въ корнѣ разрушаетъ ваши собственные и его принципы и воззрѣнія, а насчетъ искушенія деморализація бываетъ и того хуже: вотъ вы смотрите на извѣстнаго дѣйствующаго въ литературѣ человѣка, какъ на наиблагонадежнѣйшаго, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на столбъ и утвержденіе истины; ну да, думаете вы, тутъ несомнѣнно и крѣпость и сила и даже матеріальная обстановка такая, что какое-нибудь хамелеоновское превращеніе невозможно, и на другой-же день увидите, что крѣпость и сила учинила пакость и учинила безъ всякой нужды. Если-бы въ наше время жилъ «неистовый Виссаріонъ», то онъ навѣрное, безъ всякой чухотки, отъ одного непрестаннаго раздраженія и злобствованія задохся-бы въ удушающей атмосферѣ современной литературы».

Сдѣлавъ эту выписку, авторъ статьи «П. В.» разсуждаетъ отъ

себя тѣмъ: «конечно, никто не заподозритъ «Отечественныя Записки» въ недоброжелательствѣ къ литературѣ и въ такъ-называемой жестокости, которыми влѣются у насъ самыя здоровыя элементы общества. Между тѣмъ съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на это извѣстное измѣненіе негодования на современную литературу, необходимо прійти къ самому печальному заключенію о состояніи нашей современной печати. Къ тому-ли стремился законъ 6 апрѣля 1865 года? Давъ свободу слова посредствомъ безцензурной печати, законъ, очевидно всякому невѣрящему, не желалъ деморализировать и довести до упадка литературу; такъ какъ свобода слова считается лучшимъ средствомъ къ преуспѣянію. И что-же вышло?.. полная деморализація. Вотъ то пятно на нашей современной литературѣ, которое оцѣнять по достоинству и исторія и потомство. Неужели послѣ этого блюстители данной правительствомъ свободы слова могутъ относиться къ такой литературѣ сочувственно?.. Ее преслѣдовали, преслѣдуютъ и обязаны передъ совѣстью, государствомъ и потомствомъ преслѣдовать всѣми предоставленными имъ средствами и обязаны преслѣдовать для уничтоженія этой «удушающей атмосферы». Можно поставить въ вину охранителямъ закона 6 апрѣля 65 года, т. е. свободы печати скорѣе ихъ снисходительность и мягкость въ принимаемыхъ ими мѣрахъ, чѣмъ излишнюю строгость. Безъ преувеличенія можно сказать, что высшихъ охранителей закона 6 апрѣля 65 года не была въ состояніи понять или не захотѣла умышленно понять современная намъ пресса (говоря вообще, какъ говорилось и выше, т. е. подразумеваемая всегда исключенія въ этомъ отношеніи) и съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, не послѣдовала за ними на собственную свою пагубу. До какого паденія дошло у насъ печатное слово, можно судить еще и потому, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ въ полемикѣ употреблялось выраженіе «лгуны», «подлость»; одинъ авторъ обозвалъ своихъ противниковъ «салонною сволочью», «лизоблюдями», «тунеядцами», «посѣдѣвшими горбцами».

Этотъ любопытный документъ, который я цитировалъ почти цѣликомъ, не есть документъ правительственный, но тѣмъ не менѣе въ немъ выраженъ взглядъ лица официального и въ правительственной газетѣ. Документъ этотъ не утратилъ интереса и до сихъ поръ, ибо нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя авторомъ и теперь нельзя оставить безъ отвѣта, хотя они относятся къ 1876 году, такъ какъ они повторяются еще и нынче. Указывая на заслуги П. А. Валуева, авторъ обвиняетъ и печать и общество въ «неблагодарности», въ неспособности «оцѣнить такую великую государственную заслугу нашего современнаго государственнаго дѣятеля»; вслѣдствіе этой неспособности «печать и общество не только не

высказали должной признательности графу Валуеву, но и преслѣдовали его постоянными нареканіями». «Наука и исторія, говорятъ дальше авторъ, оправдаютъ предъ потомствомъ его и воздадутъ ему то, въ чемъ отказываютъ самымъ незаслуженнымъ и возмутительнымъ образомъ современники. Наука, исторія и потомство воздадутъ долгъ уваженія и признательности и преемнику П. А. Валуева въ дѣлѣ печати—министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву, выдержавшему блистательно борьбу въ дѣлахъ печати, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и элементахъ, возникшихъ въ прессѣ и обществѣ».

Подобная постановка вопроса едвали правильна, да пожалуй и едва-ли удобна. Всякій историческій фактъ есть фактъ объективный, онъ не больше какъ историческое слѣдствіе историческихъ причинъ, поэтому ни какія субъективныя мѣры и субъективныя чувства не будутъ тутъ у мѣста. Поэтому-же вопросъ о благодарности и неблагодарности здѣсь ни причѣмъ и графъ П. А. Валуевъ былъ-бы, безъ сомнѣнія, очень изумленъ, если-бы къ нему за его историческую заслугу явилась благодарить депутація изъ нѣсколькихъ редакторовъ газетъ. Взглядъ этотъ на благодарность очень характеренъ еще и въ томъ отношеніи, что выказываетъ бюрократическія воззрѣнія автора на дѣло и на отношеніе государственныхъ людей къ государственнымъ дѣламъ. Кромѣ личной благодарности, которой авторъ статьи «П. В.» не усмотрѣлъ въ литераторахъ, онъ говоритъ еще и о «нареканіи». Фактъ важный тѣмъ болѣе, что онъ константированъ въ официальномъ органѣ. Конечно «нареканіе» могло быть только слѣдствіемъ неудовлетворительности реформы, а что реформа осталась незаконченной, что она имѣла характеръ временной, пробной мѣры, было признано и самимъ правительствомъ, назвавшимъ правила о печати «временными», а мѣры, ими установленныя, «осторожными». Эта «осторожность» при неизбѣжныхъ субъективныхъ воззрѣніяхъ какъ цензоровъ, такъ и высшихъ административныхъ лицъ, не могла не породить «нареканія» и «неудовольствія».

Лучшимъ доказательствомъ неизбѣжности нареканій могутъ служить личныя мнѣнія автора цитируемой мною статьи. Подъяснявая подерѣпленія своимъ мнѣніямъ въ мнѣніяхъ писателей, онъ ссылается на внутренняго обозрѣвателя «Отечественныхъ Записокъ». Но вѣдь внутренній обозрѣватель этого журнала говоритъ совсѣмъ не то: онъ говоритъ о разрозненности мнѣній, объ отсутствіи стойкости въ убѣжденіяхъ, о хамелеонствѣ и о той удушливой атмосферѣ, въ которой-бы задохся «неистовый Виссаріонъ». Какъ извѣстно автору, «неистовый Виссаріонъ» задыхался именно потому, что между литературой и цензурой были постоянныя не-

доразумѣнія и пререканія. Далѣе авторъ статьи смѣшиваетъ литературу съ печатью и потому говоритъ о совершенно иномъ «паденіи». И внутренній обозрѣватель «Отеч. Запис.» говоритъ о «паденіи», но, по его словамъ, «паденіе» это происходитъ оттого, что въ главѣ печати становятся люди, не имѣющіе никакого къ ней отношенія, которые смотрятъ на нее, какъ на выгодную спекуляцію и эксплуатируютъ ее просто въ цѣляхъ наживы, тогда, когда авторъ статьи подъ «паденіемъ» печати понимаетъ ея рѣзкій полемическій приемъ и употребленіе выраженій: «лгунъ», «подлость», «солонная сволочь» и т. д. Печать—не литература. И это самый важный вопросъ авторъ статьи и оставилъ безъ отвѣта. Онъ увѣряетъ, что «безъ упорныхъ противодѣйствій печати усиліямъ министровъ внутреннихъ дѣлъ графа Л. Е. Валуева и А. Е. Тимашева и литература наша стояла- бы на высокой степени развитія». Это смѣлая и новая мысль автора, имъ впрочемъ не доказанная, противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ изъ исторіи европейской цензуры и печати фактамъ. До сихъ поръ было извѣстно, что литература, какъ результатъ свободнаго творчества, боится всякаго руководства, особенно административно-полицейскаго, и нуждается въ полномъ отсутствіи какой-бы-то ни были регламентаціи. Но авторъ статьи не только отрицаетъ это, онъ даже прямо обвиняетъ литературу въ томъ, что она не создала у насъ Союколовъ, Эврипидовъ, Шекспировъ. Но вѣдь Россія не создала Наполеоновъ, Питтовъ—мало-ли что она не создала!

Есть правда въ нашихъ высшихъ правительственныхъ кругахъ мнѣніе, нѣсколько подобное, хотя и не совсѣмъ сходное съ мнѣніемъ автора ст. «П. В.» Мнѣніе это, оставляя въ сторонѣ вопросъ о личной виновности писателей, неумѣвшихъ принять «съ признательностью и уваженіемъ» заботы министровъ Валуева и Тимашева, трактуетъ пользу, оказываемую цензурой русской литературѣ, нѣсколько иначе. Мнѣніе это было высказано Леруа-Болье, «однимъ изъ выдающихся представителей цензурнаго вѣдомства по поводу стѣсненій, которымъ подвергается русская печать». Цитирую какъ это мнѣніе, такъ и мнѣніе самаго Леруа-Болье по переводу, помѣщенному въ «Новостяхъ». По мнѣнію этого дѣятеля (по словамъ Леруа-Болье, весьма начитаннаго и посвоему либеральнаго), никто иной, какъ именно цензура способствовала сохраненію въ обществѣ возвышенныхъ мыслей и науки, оберегая литературу отъ самаго требовательнаго и опаснаго врага, т. е. отъ политики. «Газета, говорилъ собесѣдникъ Леруа-Болье, является соперницею книги, а текущая политика—великимъ противникомъ ученаго труда и знаній... Какая была самая цвѣтущая эпоха нашей литературы, нашей поэзіи и нашей критики? Развѣ не то время, когда

печать была менѣе свободна, развѣ не царствованіе Николая?... Въ особенности критика, которая все затрогиваетъ, все толкуетъ и объясняетъ, обязана у насъ своимъ важнымъ значеніемъ и безспорнымъ превосходствомъ именно исключенію политики изъ компетенціи печати. Цензурѣ Россія обязана великимъ, единственнымъ Бѣлинскимъ. При другомъ режимѣ Бѣлинскій, какъ и многіе другіе, былъ-бы обыкновеннымъ газетнымъ полемизаторомъ. Это до такой степени вѣрно, что съ тѣхъ поръ, какъ расширены права печати, критика не имѣетъ у насъ ни прежнихъ достоинствъ, ни прежняго значенія... Посмотрите на нашу печать! Много-ли выиграла она отъ отмины предварительной цензуры, она все болѣе падаетъ, она ищетъ успѣха въ сенсационныхъ успѣхахъ и въ скандалахъ, она становится орудіемъ диффамаци и шантажа, она своевольна, не достигнувъ еще свободы, поэтому она никогда не пользовалась меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ именно теперь».

Что отвѣчалъ Леруа-Болье «выдающемуся представителю цензурнаго вѣдомства»,—неизвѣстно, но вотъ какое возраженіе онъ дѣлаетъ въ своей книгѣ: «я-бы могъ многое возразить моему собесѣднику, если-бы не предпочелъ въ данномъ случаѣ слушать и разспрашивать. Я могъ его спросить, не служить-ли грубость и страстность петербургской и московской печати приговоромъ надъ системой, которая легче переноситъ вторженіе въ частную жизнь, чѣмъ обсужденіе государственныхъ вопросовъ. Я могъ сослаться на русскую литературу, на печальное ея настроеніе, на ея иронію, на страданія, преждевременную смерть или безотрадную старость ея лучшихъ представителей, на ея «смѣхъ свозъ незримыя слезы». Если вѣрно, что литература, наука, искусство выигрываютъ отъ досуга, который не отнимается у нихъ текущею политикою, то не менѣе вѣрно, что при такой системѣ литература, исторія, философія, критика искажаются чуждыми ихъ страстями и стремленіями, которыя, не имѣя возможности проявиться открыто, прячутся за ними, какъ за ширмами или маскою... Не находя себѣ мѣсто въ газетахъ или спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, политика внѣдрилась въ критику и исторію, она вторглась въ романъ, нашла себѣ мѣсто въ драмѣ и комедіи—такъ вода, встрѣчая непреодолимыя препятствія, наводняетъ всю окрестность и всюду просачивается. Знакомясь ближе съ намѣреніями авторовъ, мы находимъ политику вездѣ; духъ партіи развратилъ то, что онъ на словахъ ставитъ высоко: критику, исторію, беллетристику. Благодаря этому обстоятельству, вся русская литература стала тенденціозною (въ худшемъ значеніи этого слова, потому что авторы не замѣчаютъ, что неестественный костюмъ, въ который они облакаютъ свои идеи, уродуетъ ихъ, что самыя благородныя истины въ такомъ видѣ

становятся фальшивыми, подозрительными, неузнаваемыми. Вопросы, требующіе точнаго метода, рѣшаются на основаніи туманныхъ идей, беспорядочныхъ грезъ; наука и опытъ замѣняются фантазіей и чувствомъ. Но и этотъ способъ затрогиванія важныхъ, государственныхъ интересовъ представляется цензурѣ невиннымъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ онъ представляетъ большую опасность. Цензура, поощряя отвлеченныя соображенія, неимѣющія ничего общаго съ реальною жизнью и строго запрещаая критику существующихъ условій, потворствовала наклонности русскаго общества къ беспочвеннымъ общественнымъ теоріямъ. Резюмируя послѣдствія такой системы, говоритъ Леруа-Болье, я скажу, что она возстановляетъ противъ власти въ одно и то-же время и хорошія чувства, и дурныя инстинкты... Конечно, свобода печати не панацея, она не заживаетъ всѣхъ ранъ, которыя ею охотно зондируются, но она имѣетъ преимущества, которыя ничѣмъ замѣнить нельзя... Если-бы печати было даровано право обсужденія и критики, власть располагала-бы лучшими свѣдѣніями объ истинномъ положеніи вещей; администрація, правосудіе, народное просвѣщеніе, финансы, даже армія выиграли-бы отъ этой свободы»...

Леруа-Болье рассуждаетъ какъ европеецъ, какъ гражданинъ страны, которая всѣми своими умственными успѣхами обязана свободѣ мысли. Такъ-же будетъ рассуждать американецъ, швейцарецъ, англичанинъ, нѣмецъ. Ни одинъ самый завзятый обскурантъ, вродѣ нѣмецкаго Шмальца, не скажемъ о пользѣ цензуры того, что говоритъ у насъ князь Мещерскій. Рѣшилсѣ-ли-бы князь Мещерскій напечатать что-нибудь подобное въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, не говоря уже объ Америкѣ, а у насъ онъ пишетъ и печатаетъ и съ нимъ приходится считаться. Дѣйствительно печать наша упала, если она дописалась до князя Мещерскаго. Тому, что въ печати могутъ являться подобныя безнравственныя вещи, виновата конечно не свобода слова, какъ сказалъ-бы цитированный мною авторъ статьи «С. П.», а несвобода и то разнорѣчіе, которое существуетъ у насъ во взглядахъ на возможное и невозможное. У насъ далеко еще не установилась точка зрѣнія не только на роль и значеніе печати, но и на-то, что нравственно и что безнравственно. Поэтому и идетъ та глухая, потаенная борьба, въ большинствѣ случаевъ для общества незамѣтная, между стремленіемъ однихъ къ регламентаціи и ограниченію и стремленіями другихъ къ возможно полной свободѣ мысли и слова.

Вопросъ, къ которому я подхожу теперь, не есть вопросъ о цензурѣ. Это вопросъ о значеніи печати, какъ нравственнаго фактора, и вотъ именно эта роль печати и отрицается, благодаря тому, что только вслѣдствіе отсутствія свободы печать не

имѣть возможности заявить себя, какъ моральная сила, стоящая въ главѣ открытаго и свободнаго общественнаго мнѣнія. Эта невозможность и составляетъ именно то «средостѣніе», которое съ одной стороны заставляетъ правду скрываться и прятаться, а съ другой—даетъ такую неудержимую отвагу распущенности, что она доходитъ до богохульства.

«Русь» видитъ единственное средостѣніе въ бюрократизмѣ, но я-бы спросилъ почтенный московскій органъ, выше-ли наше земство чиновничества и болѣе-ли въ немъ гражданскихъ чувствъ и общественной правды? Я дѣлаю этотъ вопросъ совсѣмъ не для того, чтобы играть въ руку врагамъ земства, открыто заявляющимъ, что они видятъ въ земствѣ опасный прецедентъ другимъ болѣе широкимъ требованіямъ.

Недавно, напримѣръ, слушалось въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло, въ которомъ фигурировали шлиссельбургскіе земцы. Чѣмъ эти земцы оказываются выше или ниже тѣхъ всѣми порицаемыхъ чиновниковъ, изъ которыхъ выходятъ Рыковы, Юханцовы и сотни другихъ проворовавшихся кассировъ, бухгалтеровъ, артельщиковъ частныхъ банковъ, чѣмъ они выше Бушей, Магшеевыхъ и подобныхъ казенныхъ чиновниковъ, подпадающихъ подъ судъ за подобныя же подвиги? Дѣло, о которомъ я говорю, очень скверное и въ то-же время очень любопытное. Изъ показаній, которыя дѣлалъ преданный суду г-нъ Анучинъ, выяснились такія неприглядныя стороны во внутреннихъ отношеніяхъ и распорядкахъ шлиссельбургскаго земства, что является вопросъ, отчего все это могло быть, отчего оно не выплыло на свѣтъ Божій раньше, отчего г-нъ Анучинъ приговоренъ къ трехъ-недѣльному тюремному заключенію, и наконецъ, какая власть компетентна и довольно сильна, чтобы въ земской жизни исчезла вовсе всякая почва, на которой вырастаютъ подобныя явленія.

Г-нъ Анучинъ былъ преданъ суду за оскорбленіе членовъ земской управы и ревизіонной комисіи. Главнымъ-же потерпѣвшимъ являлся предсѣдатель управы г-нъ Брылкинъ. О подвигахъ управы читатель можетъ судить изъ слѣдующихъ показаній. Возникаетъ, напримѣръ, вопросъ, какъ относилась управа къ жалобамъ, къ ней поступавшимъ. Спрашиваютъ свидѣтеля Родзівскаго: «Вы обращались-ли куда-либо на земство и разсматривались-ли гдѣ-нибудь эти жалобы?» — «Обращался». — «Онѣ разсматривались?» — «Нигдѣ не разсматривались. Ихъ передавали обыкновенно въ уѣздное земское собраніе, которое, не разсматривая, постановляло: оставить безъ послѣдствія». — «Такъ что вы не могли нигдѣ найти защиты отъ неправильныхъ дѣйствій управы?» — «Совершенно вѣрно. Я обращался къ губернатору съ двумя жалобами и, нако-

нецъ, доводитъ дѣло до перваго департамента правительствующаго сената; сенатъ возвратилъ мнѣ прошеніе съ надписью: по неприложенію копій съ документовъ, на основаніи 2-й части, X тома», документовъ, по которымъ я обвинялъ ихъ въ уголовныхъ преступленіяхъ». Г-нъ Родзівскій оказался изъ тѣхъ воиновъ, которые еще раньше г-на Анучина, возбуждали вопросъ о неправильности дѣйствій шлиссельбургской земской управы, и заслужилъ такое-же гоненіе, какъ и г-нъ Анучинъ. «Вслѣдствіе бесполезности борьбы въ теченіе 4—5 лѣтъ, когда я — говорилъ на судѣ г. Родзівскій — обращался во всѣ инстанціи, призывалъ на помощь гласность и печать, я бросилъ это дѣло».

Относительно самого предсѣдателя управы г-нъ Анучинъ сдѣлалъ такія показанія, которыя могли-бы казаться даже сказочными, до того они, повидимому, невѣроятны. Г-нъ Брылкинъ не состоитъ землевладѣльцемъ уѣзда, а пользуется цензомъ своей супруги, мнзою «Митрофановка». Въ этой «Митрофановкѣ» были устроены на счетъ земства станція, больничный покой, дороги. «Предположила коммисія устроить въ Шлиссельбургѣ ремесленную школу, пишетъ г-нъ Анучинъ въ своемъ заявленіи, прочитанномъ на судѣ — свелось на устройство сельско-хозяйственной ремесленной школы на мнзѣ «Митрофановкѣ». Заговорили о практическихъ потребностяхъ населенія — ярмаркахъ на Өоминой недѣлѣ и 1-го октября въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ-бы жители уѣзда могли выставлять не на показъ, а для продажи и покупки сѣмена, а осенью — для продажи излишняго скота. Опытный земскій ораторъ убѣдилъ, что полезнѣе устроить мануфактурно-кустарно-сельско-хозяйственную выставку въ «Митрофановкѣ»... Встрѣтилъ я служащаго одновременно и по земству и у И. А. Брылкина съ портфелемъ. «Откуда, любезный?» — «Изъ «Митрофановки». — «Куда?» — «По порученію Ивана Александровича и везу деньги на сѣмена крестьянамъ». Встрѣтилъ въ управѣ сторожа зимою. «Что ты, любезный, отставной солдатъ?» — «Нѣтъ, я садовникъ изъ Митрофановки». Лице, для командировокъ съ земскимъ жалованьемъ въ 600 р., — опять изъ Митрофановки. Слѣдуетъ, пишетъ Анучинъ, и управу перевести въ Митрофановку и просить о переименованіи Шлиссельбургскаго уѣзда въ «митрофановскій». Тогда будетъ понятно, что слѣдуетъ быть Митрофанами и молчать...» Г-нъ Анучинъ обвинялъ земскую управу въ несправедливости и пристрастіи при оцѣнкѣ и раскладкѣ земскихъ налоговъ, на примѣръ, въ 1879 г. при переоцѣнкѣ имѣнія барона Медема, который явился на судѣ свидѣтелемъ противъ г-на Анучина, разстояніе было вычислено по радіусу отъ центра города, тогда какъ для другихъ владѣльцевъ линія радіуса полагалась отъ черты города. Съ г-номъ Анучинымъ было поступлено такъ же: до

выбора въ гласные, его имѣніе облагалось 18 рублями, а послѣ избранія — 168 рублями. Въ отношеніи шлиссельбургской земской управы въ губернскую прямо говорится, что это обложеніе г-на Анучина практиковалось до тѣхъ поръ, пока онъ не отказался отъ ценза и слѣдовательно отъ избирательнаго права. Послѣ отказа стали облагать г-на Анучина опять только 18 рублями. Сдѣланы были имъ-же показанія, что домъ секретаря управы выстроенъ на земскія деньги. Въ заключеніе, г-нъ Анучинъ прибавилъ, что онъ вовсе не думалъ и не желалъ глумиться надъ земскими дѣятелями, а руководствовался болѣе серьезною цѣлью. Онъ отвѣчалъ на извѣстный манифестъ 29 апрѣля, который призываетъ всѣхъ содѣйствовать возстановленію порядка и правды... и въ самомъ дѣлѣ не дожидаться-же миллионныхъ растратъ. Мы видимъ со всѣхъ сторонъ хищеніе, позвольте-же «во время говорить о нихъ», заключилъ Анучинъ.

Въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего собственно земскаго. Это факты общественной нравственности, факты условій, одинаково существующихъ, какъ въ земствѣ, такъ и не въ земствѣ. Поэтому они одинаково могутъ и повторяться повсюду. Любопытнѣе всего та «легкость сердца», съ которой дѣлаются подобныя вещи. Напримѣръ, подполковника Врангеля обвиняютъ въ томъ, что состоя въ 1877 г. членомъ уѣзднаго по воинской повинности присутствія, онъ потребовалъ съ двухъ крестьянъ за освобожденіе сыновей ихъ отъ воинской службы по семисотъ руб. съ каждаго, и на судебномъ слѣдствіи происходитъ такое препирательство. Предсѣдатель, обращаясь къ одному изъ крестьянъ, спрашиваетъ: «вы утверждаете, что отдали семьсотъ рублей лично барону Врангелю, вотъ этому самому, посмотрите». — «Ему самому, отвѣчаетъ крестьянинъ». — «Это чистая неправда, отвѣчаетъ баронъ Врангель,—онъ не только не давалъ мнѣ, но и не смѣлъ предложить». — «Нѣтъ, отдали», отвѣчаетъ крестьянинъ. — «Свидѣтель, Афанасьевъ, обращается предсѣдатель къ другому крестьянину,—вы хорошо помните и утверждаете, что отдали семьсотъ рублей именно самому барону Врангелю, а не кому-нибудь другому?» — «Хорошо помню, самому отдавали», отвѣчаетъ крестьянинъ. — «И вы можете прямо въ глаза мнѣ говорить, что лично мнѣ давали деньги, отвѣчаетъ на это подполковникъ Врангель». — «Да какъ-же». — «Я повторяю, что вы не только не давали денегъ, но и не смѣли это сдѣлать», отрубаетъ опять обвиняемый. Казалось бы отъ одной мысли подвергнуться подобному перекрестному допросу можно по меньшей мѣрѣ застрѣлиться, но не только ничего подобнаго у насъ не замѣчается, но, напротивъ, перекрестный огонь выводится съ поражающей неустрашимостью. Это такая «легкость сердца», такая беззащитность, та-

вая спокойная, хладнокровная невозмутимость при обвиненіяхъ въ невозможныхъ гнусностяхъ, что рѣшительно недоумѣваешь, что это: легкомысліе или тупость? Вотъ, на примѣръ, недавно въ камерѣ одного изъ петербургскихъ мировыхъ судей разсматривалось дѣло по обвиненію одной молодой дѣвушки въ кражѣ богинокъ, стоящихъ два рубля; обвинителемъ явился служившій лакеемъ у актера г. Петипа, а теперь выдающій себя за частнаго повѣреннаго, мѣщанинъ Александръ Натусъ. На судѣ выяснилось, что заявленіе было сдѣлано ложно и изъ-за личной мести. Дѣвушка, на которую послѣдовало обвиненіе въ кражѣ, разоблачила недавнюю профессію г. Натуса и прекратила съ нимъ прежнія отношенія; и вотъ, чтобы посрамить и унижить ее, г. Натусъ въ Лѣтнемъ саду, во время гулянья, заявилъ полиціи, что дѣвушка украла ботинки, которыя у нея на ногахъ. Полиція пригласила дѣвушку въ полицейскій постъ сада и распорядилась снять съ нея ботинки, на которые указывалъ Натусъ, и дѣвушка должна была идти безъ обуви по всему саду до перваго попавшагося ей извозчика. И почему, спрашивается, сняли съ нея ботинки? Полиція поступила тутъ по буквѣ закона, ибо «до прибытія судебного слѣдователя должны быть приняты мѣры, необходимыя для того, чтобы предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія». Конечно, Натусъ зналъ эту статью. И такъ какъ злосчастные ботинки изображали собою похищенный предметъ, то полиція могла отобрать ихъ отъ заподозрѣннаго въ кражѣ лица. На этомъ и былъ построенъ весь расчетъ г. Натуса, которому нужно было какъ-нибудь опозорить дѣвушку.

Да, законъ закономъ; но вѣдь кромѣ закона есть еще и здравый смыслъ, есть чувство порядочности, есть, наконецъ, простое чувство сожалѣнія, котораго не предпишешь никакимъ закономъ, если его нѣтъ у исполнителей. Не было никакой нужды «для предупрежденія уничтоженія слѣдовъ преступленія» отбирать ботинки въ публичномъ мѣстѣ и заставлять дѣвушку идти босикомъ по саду. Ботинки могли-бы быть сняты и у нея на квартирѣ и могла-бы быть она доставлена домой безъ всякаго позора и личнаго оскорбленія. Но намъ точно чужды самыя элементарныя человѣческія чувства. Беззастѣнчивость, нахальство, бравированіе общественнымъ мнѣніемъ и всякія продѣлки надъ личностью поражаютъ теперь своимъ выдающимся безобразіемъ. Не людей мы винимъ въ этомъ. Вѣдь и въ полиціи тоже люди. Да и въ людяхъ-ли причина или въ условіяхъ нашей жизни?

Вотъ, на примѣръ, въ Кіевѣ слушалось дѣло по обвиненію бывшаго помощника ровенскаго исправника Штукарева. Обвинялся онъ въ томъ, что неправильно, безъ всякихъ основаній и безъ

соблюденій установленныхъ правилъ, подвергнувъ аресту въ тюрьмѣ отставного рядового Ценгендлера. Рядовой этотъ по приговору мирового судьи за кражу былъ выдержанъ въ тюрьмѣ одиннадцать мѣсяцевъ, и черезъ четыре дня послѣ освобожденія, какъ лице подозрительное и съ просроченнымъ билетомъ, по постановленію Штукарева, подлежалъ отсылкѣ въ мѣсто приписки въ городъ Витебскъ по этапу и посаженъ въ тюрьму. Затѣмъ черезъ четыре дня его освободилъ изъ тюрьмы исправникъ, который нашель, что паспортъ просроченъ имъ не по его винѣ, а во время содержанія его въ тюрьмѣ, а потому ему выдано временное свидѣтельство. Штукаревъ былъ за это преданъ суду и, кромѣ того, обвинялся въ неправильно составленномъ постановленіи, подписаннымъ имъ однимъ. Штукаревъ объяснилъ на судѣ, что исправникъ бываетъ въ присутствіи не болѣе шести разъ въ годъ, такъ-же, какъ и засѣдатель, что всѣ постановленія подписывались имъ совершенно такъ-же, какъ это, и что всѣхъ подобныхъ незаконныхъ постановленій, имъ сдѣланныхъ, болѣе семи тысячъ. Защитникъ Штукарева ссылаясь на статью закона, что Ценгендлеръ подлежалъ высылкѣ на мѣсто приписки, а относительно несоблюденія формъ и установленныхъ правилъ, обратился къ прокурору съ такимъ вопросомъ: «я желалъ-бы, чтобы хотя здѣсь на судѣ г-нъ прокуроръ выяснилъ, какія именно правила и формы существуютъ для арестовъ, производимыхъ административной властью? Указанная прокуроромъ форма можетъ относиться къ полиціи только какъ исключеніе и въ тѣхъ только случаяхъ, когда полиція замѣняетъ слѣдователя. Поэтому г-нъ прокуроръ совершенно ошибочно полагаетъ, что иной формы постановленій нѣтъ: со введеніемъ судебныхъ уставовъ у полиціи вовсе не отнято право ареста во множествѣ случаевъ: при высылкѣ безпаспортныхъ, арестѣ пьяныхъ, лицъ, подлежащихъ административной ссылкѣ и т. д. Все это практиковалось и практикуется безъ всякихъ установленныхъ формъ; однако, эти распоряженія совершенно законны». «Да, законны: и оттого-то именно и печально, что они законны, и что поступая по закону можно все-таки совершать такіа вещи, какъ снятіе ботинокъ въ общественномъ саду или ненужный арестъ человѣка, который могъ-бы быть не арестованъ. Форма стала выше сущности, а расчетъ на оправданіе не только судомъ или властью, но даже и извѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ приводитъ въ концѣ концовъ къ такимъ отношеніямъ, за которыми уничтожается всякая возможность общезитія.

Въ Самарѣ судился подпоручикъ Штемпель, убившій якобы ради чести мундира дворянина Яроваго въ одномъ изъ публичныхъ домовъ. По поводу этого дѣла въ «Современныхъ Извѣ-

стѣяхъ» была помѣщена такая замѣтка: «исходъ настоящаго дѣла имѣеть громадное значеніе для общества, ибо, въ случаѣ оправдательнаго приговора, на который никакъ не можетъ разсчитывать обвинитель, въ виду несомнѣнныхъ данныхъ виновности, созданся-бы у насъ весьма опасный прецедентъ, дающій право офицерамъ «совершать казни надъ невинными членами общества» по собственному своему усмотрѣнію и въ силу лишь ложнаго понятія о военной чести и сознанія своей безнаказанности. Положеніе это, высказанное офицеромъ-же, заслуживаетъ полнаго вниманія. Господа офицеры самимъ Державнымъ Монархомъ поставлены оберегать насъ отъ насилія, а не для того, чтобы творить насилія надъ нами. Къ сожалѣнію, умственный кругозоръ иныхъ офицеровъ подобныя подпоручику Штемпелю, еще до сихъ поръ на столько узокъ, что они не могутъ понять подобной истины». По поводу оправданія Штемпеля «Новое Время» замѣчаетъ: «на сколько тревожное впечатлѣніе произвелъ въ мѣстномъ обществѣ оправдательный приговоръ Штемпеля въ военномъ судѣ первой инстанціи можно видѣть изъ того, что самарское общество обратилось послѣ этого приговора къ военному министру съ ходатайствомъ объ удаленіи изъ Самары гурійскаго полка, въ которомъ служилъ Штемпель.

Я не скажу, чтобы взялъ совершенно случайные факты, но я ихъ и не подбиралъ, а еще менѣе суммировалъ; факты, мною приведенные, именно такого рода, что скорѣе всего допускаютъ общее заключеніе. Во всѣхъ нихъ усматривается одна общая черта: полное освобожденіе себя какъ отдѣльными лицами, такъ и кружками отъ общественнаго мнѣнія и отсутствіе общихъ принциповъ нравственности, точно ихъ совсѣхъ нѣтъ на свѣтѣ, а если и есть, то они необязательны. И подобное отношеніе къ общественному мнѣнію и къ общимъ руководящимъ принципамъ идетъ все crescendo, падаетъ все ниже и ниже, какъ въ жизни, такъ, пожалуй, и въ печати.

Любопытный фактъ общественной метаморфозы сообщаютъ «Русскія Вѣдомости». Сенаторъ Шамшинъ, ревизовавшій Самарскую губернію, обнаружилъ, почти невѣроятное, злоупотребленіе, «или, если угодно, нерадѣніе», какъ выражаются «Русскія Вѣдомости»:

«Во время голоднаго 1880 года новоузенская земская управа выдавала крестьянамъ въ ссуду такую рожь, которая и для скота негодилась. Крестьяне, не смотря на муки голода, отказывались отъ этой «поганой», какъ они называли, ржи и за этотъ отказъ новоузенскіе земцы грозили имъ уголовнымъ судомъ. Персоналъ новоузенской земской управы былъ преданъ суду. Недавно раз-

сматривалось дѣло это въ сенатѣ. Одинъ изъ обвиняемыхъ понесъ нѣкоторую отвѣтственность, другіе оправданы. Мы оставляемъ въ сторонѣ юридическую окраску дѣла и остановимся только на бытовомъ значеніи этого дѣла. Отъ преднамѣреннаго-ли злаго умысла или вслѣдствіе непростительной небрежности сталъ «гнить и горѣть» ассигнованный на продовольствіе крестьянъ хлѣбъ, но поступокъ новоузенскихъ земцевъ близко граничить съ тѣмъ, что называется «красть у нищаго суму». Что могло создать такіе нравы, такихъ людей, способныхъ въ подобную тяжкую годину народнаго бѣдствія растратить народное достояніе? У того же новоузенскаго земства есть въ прошломъ блестящая исторія.

Перенесемъ мысленно къ первой половинѣ 60 годовъ. Только что открывшіяся земскія учрежденія, увлекаемыя высокимъ подъемомъ всеобщаго воодушевленія, соревнуютъ другъ передъ другомъ въ службѣ народнымъ интересамъ. Одно изъ земствъ, и это было новоузенское, особенно обратило на себя вниманіе своимъ неуспыннымъ радѣніемъ о народныхъ нуждахъ. Въ первый-же годъ своего существованія новоузенская уѣздная земская управа рѣшилась открыто и смѣло поставить передъ земскимъ собраніемъ вопросъ объ упадкѣ благосостоянія крестьянскаго хозяйства и пришла къ заключенію о необходимости приобрести въ собственность земства всѣ находящіяся въ уѣздѣ казенныя земли, въ виду крайняго малоземелья крестьянъ. Предполагалось приобрести у казны до 500 тысячъ десятинъ земли на сумму около 3 милл. руб. съ разсрочкой платежей на 19 лѣтъ. Управлявшій тогда министерствомъ государственныхъ имуществъ, г. Гернгроссъ, отнесся весьма сочувственно къ грандіозному предпріятію новоузенскаго земства и испросилъ Высочайшее повелѣніе, коимъ въ принципѣ одобрено предположеніе земства. Новоузенское земское собраніе необыкновенно энергично принялось за разработку подробностей, не жалѣя матеріальныхъ пожертвованій. Это благое дѣло встрѣтило, однако, сильнаго врага въ лицѣ бывшаго самарскаго губернатора г. Обухова, горячаго сторонника системы крупнаго землевладѣнія и предложеніе земства было отклонено. Съ тѣхъ поръ прошло всего 17 лѣтъ; и вотъ теперь земцы навязываютъ народу «поганый» хлѣбъ. Впрочемъ, все это, пожалуй, въ порядкѣ вещей: иныя времена, иныя люди, иныя пѣсни.»

Да, именно, иныя времена, иныя люди, иныя пѣсни. Чему-же тутъ удивляться, что иныя пѣсни поются и въ печати. А пѣсни, дѣйствительно, иныя. Съ 1876 года, который уже мной цитировался, мы въ этомъ отношеніи сдѣлали такой прогрессъ, что даже «Московскія Вѣдомости», не отличающіяся вообще сдержанностью въ выраженіяхъ, нашли невозможнымъ памфлетъ «Наблюдателя»

противъ «Голоса». Вотъ какъ характеризуютъ эту «исторію» «Московскія Вѣдомости», съ свойственной имъ энергіей:

«Голось» выданъ головою суду общественнаго мнѣнія: обвиненія самыя тяжкія, самыя позорныя сыплются на его сѣдую голову, раскрывается его долготѣняя дѣятельность во всей наготѣ; онъ объявляется позоромъ русской мысли, систематическимъ ея развратителемъ; онъ «мазлакъ въ литературѣ», онъ «истый паразитъ». Выбрасывается на улицу вся грязь, накопившаяся въ продолженіе 19 лѣтъ на застрѣльщикѣ русскаго либерализма. Выбрасывается она съ грубымъ цинизмомъ, безъ всякой пощады... И вѣтъ? Дѣтьми «Голоса» по духу и плоти, «птенцами» его «гнѣзда»!.. Какъ эти несчастные не поймутъ, что, оплевывая «Голось», они оплеваютъ самихъ себя?.. Эти приказчики А. А. Краевского теперь громогласно заявляютъ, что они «отрясли уже прахъ редакціи «Голоса»; они предлагаютъ въ своемъ притонѣ «принять мѣры, чтобъ окончательно выгнать изъ либеральнаго лагеря незванно ворвавшійся туда духъ бильбасовщины, духъ вранья, хлестаковщины, подхалимства и низменныхъ личныхъ расчетовъ», видите, куда зашло дѣло!.. Но вы видите и то, что выливаемая этими господами грязь мараетъ и ихъ, уже грязныхъ, уже запятнанныхъ... Кѣмъ, спрашивается, орудовалось то, въ чемъ г. Модестовъ и комп. видитъ теперь «ложь», «хлестаковщину», «подхалимство», какъ не ими же самими? Противъ чего же не разъ раздавались голоса изъ противоположнаго лагеря, какъ не противъ того, что теперь называется собственнымъ именемъ самими экс-сотрудниками «Голоса»? Но тогда они молчали, тогда они дерзали, какъ угнетенная невинность, уличать другихъ во «лжи» и т. д.

Кто тутъ лучше? Сотрудники-ли «Наблюдателя» или сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей?» Да, дѣйствительно, прогрессъ съ 1876 года! Изъ всей печати того времени «П. В.» при всемъ желаніи выбрать факты наиболѣе рѣзкіе въ доказательство «удушающей атмосферы» нашель только шесть непристойныхъ выраженій и, конечно, ярыхъ. Теперь-же только въ двухъ изданіяхъ и въ двухъ статьяхъ оказывается вдвое больше и неизмѣримо болѣе сильныхъ выраженій, какъ «мазлакъ въ литературѣ», «истый паразитъ», «хлестаковщина», «подхалимство», «грязные», «запятнанные». Да, правы крѣпнуть!

Но что-же дѣлать? Обиженному обращаться къ суду? Такъ и поступилъ г. Брылкинъ. Но еще вопросъ, кто тутъ настоящій обиженный: г. Брылкинъ или г. Анучинъ? Г. Анучина обвиняютъ въ оскорбленіи, нанесенномъ имъ управѣ, а онъ говоритъ, что это не оскорбленіе, а истина, что онъ называлъ вещи собственными именами, что онъ долженъ былъ такъ дѣйствовать по совѣсти и убѣж-

денію какъ земець, чтобы предупредить еще большія злоупотребленія, что онъ лично испыталъ на себѣ несправедливость управы, что земское дѣло свелось къ служенію личнымъ интересамъ, и что интересы Митрофановки были для г. Брыкина ближе интересовъ Шлиссельбургскаго уѣзда. Судъ нашелъ объясненіе г. Анучина недостаточнымъ и обвинилъ его въ оскорбленіи, но тѣхъ фактовъ, которые были предъявлены суду относительно дѣятельности земской управы и ея предсѣдателя, судъ не касался, какъ вопроса въ настоящемъ случаѣ посторонняго. Такимъ образомъ, общественная сторона вопроса на судѣ не фигурировала, да еслибы она и фигурировала, то во всякомъ случаѣ судъ есть финаль, развязка дѣла, а не его начало. И въ дѣлѣ скопинскаго банка судъ вступилъ въ свое право, когда касса оказалась совсѣмъ пустой и исчезли двѣнадцать милліоновъ, а между тѣмъ дѣло началось когда была украдена первая копѣйка. Для общества, конечно, важнѣе, чтобы была остановлена и найдена первая копѣйка, которую покусились украсть, а не ждать, что, наконецъ, будутъ украдены двѣнадцать милліоновъ и судъ приговорить Рыкова къ водворенію въ сосѣдствѣ съ Юханцовымъ и Бушемъ. И дѣло г. Брыкина, обиженнаго г. Анучинымъ, началось тоже не тогда, когда поступило въ петербургскій окружный судъ, а съ первой несправедливости, которую сдѣлала шлиссельбургская уѣздная управа и о которой, кстати сказать, ходятъ вовсе неслестные слухи. Очевидно, что для общества гораздо важнѣе, чтобы предупреждались возможности и исчезали причины всякихъ противообщественныхъ фактовъ, а не преслѣдовались бы только слѣдствія.

Довольныхъ подобными вещами, конечно, нѣтъ никого. Недовольно ими правительство, недовольно общество, недовольны отдѣльныя лица; а между тѣмъ число фактовъ подобнаго рода не уменьшается, а увеличивается и вопросъ что дѣлать становится уже общимъ вопросомъ. Печать, конечно, не все, или, какъ выражается Леруа-Болье,—не панацея, но если она не все, даже не почти все, то очень многое и, конечно, при теперешнихъ общественныхъ условіяхъ, только свободная и независимая печать могла-бы явиться той руководящей, воспитывающей, здоровой и авторитетной силой, которая-бы въ самомъ обществѣ создала авторитетное руководящее мнѣніе. Но такой печати у насъ именно и нѣтъ и ужь, конечно не потому, чтобы для существованія ея не имѣлось силъ.

Когда говорятъ о распушенности печати, то подразумѣвается всегда лишь ежедневная газетная печать. Дѣйствительно, въ числѣ органовъ этой печати нѣтъ ни одного, который-бы могъ имѣть

авторитетное значеніе. Толстые журналы совсѣмъ иное, и по солидности умственныхъ силъ, въ нихъ участвующихъ, и по той строгости, порядочности, сдержанности и умственной устойчивости, которыя ихъ характеризуютъ. А между тѣмъ у этихъ устойчивыхъ и солидныхъ органовъ нѣтъ съ ежедневной печатью никакой преемственной связи, никакой, ни общественной, ни политической, ни даже нравственной солидарности. «Голосъ», пользующійся репутацией серьезной газеты, обязанъ ей вовсе не по своему содержанію, а извѣстной сухости и даже скудѣ изложенія и не имѣетъ ни съ однимъ изъ петербургскихъ толстыхъ журналовъ ничего общаго. Таковую-же одиночку представляетъ изъ себя «Новое Время», «Петербургскія Вѣдомости» и всѣ остальные газеты. Наша печать дѣйствительно войско безъ идейнаго вождя, какое-то партизанское скопище, лишенное единства, какъ въ цѣляхъ, такъ и въ средствахъ, которыя они преслѣдуютъ. Печать получила-бы совсѣмъ иной видъ и иное общественное значеніе, если-бы ей была оставлена возможность сложиться въ болѣе законченную цѣльную и послѣдовательную организацію и если-бы толстые журналы находили-бы свое продолженіе въ печати ежедневной.

Ежедневная печать, особенно развившаяся въ послѣднее время, конечно, явилась отвѣтомъ на запросъ общества, но въ теперешнемъ своемъ видѣ она несомнѣнно не удовлетворяетъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ общества, которое ищетъ болѣе строгаго, опредѣленнаго и послѣдовательнаго отношенія къ повседневнымъ фактамъ жизни. Вѣдь факты жизни не безразличныя факты и не все равно, какіе изъ нихъ брать, сваливая въ одну кучу бѣлое и черное, красное и зеленое, и давая имъ объясненіе, какое Богъ положилъ на душу въ данную минуту. Существуетъ только одна газета, которая умѣетъ выбирать, что ей нужно, и умѣетъ объяснять это, какъ ей нужно. Газета эта «Московскія Вѣдомости». Она ведется очень умѣло и послѣдовательно; но не имѣетъ равно никакого вліянія на общество. Затѣмъ всѣ остальные газеты были-бы очень затруднены, если-бы ихъ попросили указать тотъ аршинъ, которымъ они мѣряютъ и оцѣняютъ явленія жизни съ моральной, экономической и политической точки зрѣнія. То, что называется идеей, что должно вездѣ, повсюду пронизывать газету въ каждой ея строчкѣ, постоянно держать и настраивать мысль читателя въ одномъ точномъ и вполне опредѣленномъ направленіи, выработывать въ немъ убѣжденіе—въ нашей ежедневной печати нѣтъ.

Совершенно ошибочно думаютъ, что журналъ будто-бы отжилъ свое время. Правда, центръ тяжести перенесся съ серьезнаго отдѣла на отдѣлъ беллетристическій; тогда какъ въ 60-хъ годахъ

серьезный, руководящій отдѣлъ имѣлъ большее рѣшающее значеніе. Но этотъ фактъ доказываетъ совсѣмъ не то, что кажется; во-первыхъ, существуетъ бблшая разница, чѣмъ тогда, между подписчикомъ и читателемъ, обращающимся преимущественно къ бібліотекамъ и въ большинствѣ случаевъ въ пользу подписчика дѣлается уступка угожденіемъ его требованіямъ, а, во-вторыхъ, и вслѣдствіе этого, даже увеличившееся число серьезныхъ читателей остается безвліятельнымъ, и что самое главное, — незамѣтнымъ. Между тѣмъ этотъ читатель очень серьезный, читатель думающій, растушій умственно и въ толстыхъ журналахъ только и отыскивающій то, что ему нужно, и чего онъ въ газетѣ, дающей слишкомъ легкое, отрывочное и не обобщенное чтеніе, не найдетъ. Увеличеніе числа журналовъ лучше всего доказываетъ, что журналъ ищется и нуженъ, но, къ сожалѣнію, журналу не достаетъ только одного — газетнаго продолженія и большей свободы. Изъ всѣхъ существующихъ журналовъ только «Русскій Вѣстникъ» имѣетъ свое продолженіе въ солидарныхъ съ нимъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Что-же касается до петербургскихъ журналовъ, то ни у одного изъ нихъ нѣтъ своего газетнаго авангарда. Была сдѣлана попытка этого рода «Вѣстникомъ Европы», редакторъ котораго задумалъ издавать «Порядокъ». Но съ одной стороны идея подобной авангардности не была ни достаточно ясна, ни проведена достаточно послѣдовательно, а съ другой—«Порядокъ» велся не съ достаточными умѣlostью и тактомъ, чтобъ упрочиться и создать себѣ воспитывающее и вліятельное положеніе. Что-же касается другихъ петербургскихъ толстыхъ журналовъ, то они образуютъ совершенно одинокія планеты, точно также какъ газеты являются блуждающими и одинокими кометами. Эта одиночность и разсыпчатость больше всего вредитъ печати, лишая ее единства, концентрированной силы и воспитательнаго вліянія. И не въ разрозненности литераторовъ лежитъ причина этого, а въ условіяхъ чисто внѣшнихъ, т. е. въ тѣхъ неустановившихся взглядахъ на значеніе и роль печати, которые у насъ существуютъ. Для подтвержденія этого достаточно указать на мнѣніе, высказанное Леруа-Болье «однимъ выдающимся представителемъ цензурнаго вѣдомства». По его словамъ, и Пушкинъ и Гоголь и всѣ остальные свѣтила русской литературы явились только потому, что существуетъ цензура. Но какъ было трудно и Пушкину и Гоголю бороться съ препятствіями, которыя имъ ставила цензура—это на столько извѣстно, что едва-ли и нужно повторять. Наконецъ, «выдающійся представитель» совсѣмъ не обратилъ вниманія на тѣ новыя условія, которыя выдвинуло освобожденіе крестьянъ, создавшее въ обществѣ совершенно новыя комбинаціи и отношенія, осво-

бодившія «элементы», отыскивающія теперь устоевъ и равновѣсія. Я не стану говорить объ интеллигенціи, а возьмите хотя деревня.

По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», одинъ изъ сенаторовъ, ревизовшихъ внутреннія губерніи, далъ слѣдующій отзывъ о современномъ состояніи крестьянскаго хозяйства:

Благосостояніе сельскаго сословія обривизованныхъ губерній, взятое въ совокупности, понижается, не смотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увеличивающихъ доходность земли, и на паденіе цѣнности бумажнаго рубля, значительно уменьшившее платимую крестьянами за якъ надѣлъ ренту. Безспорными признаками обѣднѣнія крестьянъ служатъ уменьшеніе прежде сохранявшихся хлѣбныхъ запасовъ и количества скота, особенно рабочаго, упадокъ строеній, истощеніе земли, вслѣдствіе хищнической ея обработки, и истребленіе тѣхъ дѣсовъ, которыми многіе крестьяне были надѣлены; второстепенными признаками служатъ: увеличеніе недоимокъ и сдерживаемое только недостаткомъ средствъ стремленіе крестьянъ къ переселенію. Число нищихъ въ каждомъ почти селеніи увеличилось въ огромномъ размѣрѣ; при этомъ съ ужасающею быстротою возрастаетъ число крестьянскихъ семействъ, изъ зажиточныхъ постепенно переходящихъ въ число нуждающихся и потомъ въ число вовсе необезпеченныхъ въ своемъ существованіи, т. е. семействъ, неимѣющихъ ни достаточнаго запаса хлѣба съ осени, ни надежнаго скота, и обремененныхъ неоплатимыми долгами. Съ уменьшеніемъ матерьяльнаго благосостоянія замѣтно падаетъ между крестьянами и нравственный уровень. Родительская власть, семейныя связи видимо ослабѣваютъ, прежнее патріархальное подчиненіе старшамъ и древнимъ обычаямъ замѣняется произволомъ, неуваженіемъ къ властямъ и закону; пьянство и расточительность усилились въ прискорбной степени. Однимъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ упадка нравственности служатъ повсемѣстные семейные раздѣлы, неимѣющіе оправданія въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ въ маломъ семействѣ, состоящемъ иногда изъ мужа и жены съ малолѣтними дѣтьми, домашніе расходы и труды несравненно значительнѣе, чѣмъ въ большомъ; въ земледѣльческомъ-же быту случайная болѣзнь одного изъ работниковъ или потеря единственной лошади влекутъ за собою ничѣмъ непоправимую остановку и ущербъ въ хозяйствѣ.

Припомните еще и все то, что пишутъ о деревнѣ наши новѣйшіе беллетристы, и вамъ будетъ ясно, на сколько мы переживаемъ время «элементовъ», стремящихся къ новому укладу. Но кто и какъ въ состояніи опредѣлять характеръ, особенности, свойства этихъ новыхъ освободившихся и освобождающихся элементовъ и ихъ тяготѣнія. Только печать, одна печать съ ея много-

образными, свободнѣйствующими умственными силами въ состояніи выполнить эту задачу. Но для этого она должна быть независимой. Наконецъ, на сѣтованія «выдающагося лица», что наша литература упала, можно возразить тѣмъ, что для рѣшенія, вѣрно или невѣрно такое сужденіе, нѣтъ всѣхъ данныхъ. Если-бы чисто художественное творчество находилось у насъ въ условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ для его развитія, и, не смотря на это, литература всетаки не развивалась, то, конечно, можно-бы сказать, что литература въ упадкѣ. Но такъ какъ положеніе литератора художника далеко не такое, то и исчезаютъ данныя для сравненія того, что онъ создаетъ теперь, съ тѣмъ, что онъ могъ бы создать. Положеніе Гоголя въ этомъ отношеніи было гораздо благопріятнѣе. Создавая «Мертвыя души», Гоголь имѣлъ возможность пользоваться всѣми наличными матеріалами, которые ему давала жизнь, тогда какъ теперешній беллетристъ едва ли находится въ подобномъ положеніи. Можетъ быть въ этомъ причина и односторонности и узости нашей современной беллетрики, которой открытъ свободный выходъ только въ «деревню». Ну, а это матеріалъ нена столько богатый, чтобы художественное творчество могло показать на немъ всю свою силу.

Мнѣ могутъ возразить, что законъ о печати разрѣшаетъ разрабатывать не только текущіе вопросы, политическіе, экономическіе, но разрѣшаетъ даже обсуждать «какъ отдѣльные законы и цѣлое законодательство, такъ и распубликованныя правительственныя распоряженія».

Я это знаю и говорю не объ этомъ. Я говорю о не установившемся у насъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ администраціи взглядѣ на печать и о томъ хаотическомъ состояніи, которое вслѣдствіе этого существуетъ въ самой печати, не имѣющей возможности сорганизоваться и сложиться въ одну стройную, законченную силу, дѣятельную и независимую, служащую интересамъ общества и правительства.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится печать, никакого законнаго приговора какъ надъ нею, такъ и надъ писателями и надъ умственными и литературными силами Россіи дѣлать нельзя. Каждое обвиненіе будетъ одностороннимъ и неполнымъ.

Приведу еще одинъ фактъ подобной же двойственности и неустойчивости возрѣнія въ вопросѣ, о разрѣшеніи котораго, казалось бы, не можетъ быть колебаній. Я говорю о женскихъ медицинскихъ курсахъ.

2-го ноября свершилось десятилѣтіе со дня открытія этихъ курсовъ, и въ газетахъ явилось очень скромное извѣщеніе, что въ церкви николаевскаго госпиталя, гдѣ помѣщались курсы, будетъ въ 12 часовъ молебень. Объявленіе это прошло совсѣмъ незамѣченнымъ и, за исключеніемъ профессоровъ, и то не всѣхъ, да студентовъ, постороннихъ лицъ не явилось. Торжество было дѣйстви-

тельно скромное, даже очень скромное. Чувствовалась какая-то подавленность и далеко не ликующее или праздничное настроение. На лицах студентокъ читалось не то недоумѣніе, не то любопытство или желаніе и надежда услышать что-нибудь ободряющее. Послѣ молебна я встрѣтилъ въ корридорѣ одну знакомую мнѣ студентку, взволнованную, раскраснѣвшуюся, со слезами на глазахъ... «Что вы волнуетесь?» спрашиваю я ее. «Ахъ, мнѣ казалось, что служить панихиду, что это наши похороны». И на многихъ студентокъ молебенъ произвелъ такое же подавляющее впечатлѣніе. И какъ же имъ хотѣлось услышать что-нибудь иное, услышать слово жизни, слово одобренія, какъ жадно вслушивались они въ рѣчь священника. «Молитесь, просите... и будетъ вамъ... общій голосъ народа за васъ. Этотъ голосъ, какъ выраженіе воли Божьей въ вашу пользу и сочувствія вашему дѣлу»,—сказалъ священникъ, и ничего онъ не могъ связать другого, кромѣ слова утѣшенія.

Я былъ свидѣтелемъ страстныхъ, убѣдительныхъ упрасиваній, съ которыми студенты обращались къ профессорамъ, чтобы они сказали хоть «что-нибудь». Но что же они могли сказать? Всякій точно чувствовалъ, что возможно лишь одно — молиться и просить... И. А. Величковскій сказалъ, что первое десятилѣтіе женскіе медицинскіе курсы празднуютъ при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ и пожелалъ, чтобы слѣдующее десятилѣтіе курсы праздновали-бы уже вполне упроченными. Профессоръ Усовъ сказалъ, что русская женщина блистательно доказала свою способность не только къ изученію серьезныхъ предметовъ, но и къ отвлеченному мышленію. Неужели это нужно было доказывать? А впрочемъ, что же ему можно было сказать другое? Профессоръ Юнге сказалъ... что сказалъ онъ, я не помню, хотя профессоръ говорилъ два раза. Говорили еще профессора Бородинъ и Ивановскій, но я ихъ не слышалъ... Торжество... развѣ это было торжество? Это было только настроеніе, настроеніе тяжелое, подавленное нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ собравшихся услышать что-либо ободряющее, успокоивающее, дающее надежду и увѣренность... и послѣ всѣхъ рѣчей, оставшихся въ томъ же состояніи невѣденія и неувѣренности. Въ церкви подходит ко мнѣ одна студентка съ сверткомъ бумагъ. «Что это у васъ?» — «Взяла назадъ свои бумаги и ѣду домой». И такихъ на «торжествѣ» было много. Говорятъ, что прошеній о поступленіи на курсы было подано 150

Не такъ конечно праздновали медицинскіе курсы день своего открытія десять лѣтъ назадъ, когда казалось, что вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, послѣ всѣхъ трудностей, съ которыми приходилось бороться восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями. Борьба была упорная, сильная и продолжительная и не у насъ

даже, а въ просвѣщенной Европѣ. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи высшее женское образованіе, особенно медицинское, встрѣчало долго постоянное и упорное сопротивленіе. Наиболѣе либеральной оказалась Швейцарія и ея цюрихскій университетъ, въ которомъ до 1864 года слушали лекціи только двѣ женщины по философскому факультету. Осенью, того же года прибыла въ Цюрихъ одна изъ нашихъ соотечественницъ М. А. Княжнина, но оставалась въ университетѣ недолго, вслѣдъ за нею, въ слѣдующемъ году пріѣхала въ Цюрихъ г-жа Суслова и поступила на медицинскій факультетъ въ качествѣ вольнослушательницы. Это были первыя пионерки и за ними все болѣе и болѣе являлось въ Цюрихъ женщинъ, такъ что въ семестръ 1872 года было ихъ 63 и въ томъ числѣ 44 русскихъ, изучавшихъ медицину. Въ 1873 г. въ Цюрихскомъ университетѣ считалось уже 110 женщинъ слушательницъ и конечно это число бы возрасло, если-бы не появившійся въ маѣ того же года циркуляръ нашего правительства, приглашавшій русскихъ студентокъ въ Цюрихъ оставить университетъ, подъ страхомъ лишенія нѣкоторыхъ правъ, при возвращеніи въ отечество, въ случаѣ неисполненія такого требованія... Вотъ обстоятельства, предшествовавшія открытію медицинскихъ курсовъ у насъ, за идею которыхъ взялся энергически бывшій военный министръ графъ Милютинъ и директоръ медицинскаго департамента докторъ Козловъ, которымъ курсы обязаны своимъ существованіемъ.

Новое военное министерство, какъ извѣстно, считаетъ въ своей компетенціи завѣдываніе женскимъ врачебнымъ образованіемъ, и въ этомъ случаѣ оно вполнѣ въ своемъ правѣ. Министерство народнаго просвѣщенія тоже не беретъ врачебныхъ курсовъ въ свое вѣдѣніе, и существованіе ихъ постановлено въ зависимость отъ частнаго почина общества. Что общество и земство сочувствуютъ женскимъ медицинскимъ курсамъ не ради идейности, а чисто по практическимъ причинамъ, это подтверждается фактами той пользы, какую женщины-медики принесли на службѣ земству и во время послѣдней войны. Въ земствѣ служатъ въ настоящее время 62 женщины-врача: 54 находится въ больницахъ, столичныхъ и провинціальныхъ, 12 поступили ассистентками къ преподавателямъ николаевскаго клиническаго госпиталя, 46 сдѣлались частными практическими врачами. Земство различныхъ губерній содержитъ на медицинскихъ курсахъ отъ 30 до 35 стипендіатокъ. Когда прошелъ слухъ о закрытіи женскихъ курсовъ, въ газетахъ явилась масса корреспонденцій объ услугахъ, оказанныхъ женщинами-врачами земству и самые лестные отзывы земскихъ управъ о дѣятельности женщинъ-врачей и о томъ довѣріи, которыми они пользуются со стороны крестьянъ.

Но при всемъ желаніи земствъ усилить свой врачебный персоналъ женщинами-врачами, земства съ робостью отнесли на призывъ къ участію въ денежныхъ сборахъ. Такъ въ засѣданіе вологодскаго уѣзднаго собранія 5-го октября, гласный А. М. Васильевъ внесъ въ собраніе предложеніе о назначеніи со стороны земства пособія на содержаніе женскихъ врачебно-медицинскихъ курсовъ. Въ прочитанной имъ запискѣ Васильевъ указалъ ту несомнѣнную и огромную пользу, какую могутъ принести женщины-врачи для дѣла народнаго здравія и, приведя отзывы, мнѣнія и факты о дѣятельности женщинъ-врачей въ земствѣ и на театрѣ русско-турецкой войны, просилъ собраніе назначить изъ суммъ земства посильное пособіе женскимъ врачебнымъ курсамъ. Собраніе, вполне признавая пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ, тѣмъ не менѣе постановило отклонить предложеніе гласнаго А. М. Васильева, въ виду того, что подобный вопросъ не входитъ въ сферу земскихъ дѣлъ». Гораздо рѣшительнѣе поступило екатеринбургское земское собраніе, пожертвовавшее 300 р., и новгородское, постановившее холатайствовать передъ правительствомъ, чтобы курсы не были закрыты и просить губернское собраніе объ оказаніи имъ матеріальной помощи.

Нерѣшительность, неувѣренность и неопредѣленность выразилась и въ пожертвованіяхъ, дѣлавшихся тамъ и здѣсь въ пользу курсовъ. Пожертвованія являлись вообще довольно скудными, какъ-бы ихъ не усиливались раздувать нѣкоторыя газеты, такъ что если они будутъ продолжаться въ такомъ-же размѣрѣ, съ тою же робостью, то очень сомнительно, чтобы принесли существенную пользу курсамъ. Общество, очевидно, ждетъ, какъ-бы выразились «Московскія Вѣдомости», «*властнаго указанія пути*» и есть основаніе думать, что указаніе уже послѣвало, ибо телеграмма, напечатанная въ «Новомъ Времени» 4-го ноября, принесла такое извѣстіе: «говорятъ, получено разрѣшеніе направлять пожертвованія въ пользу медицинскихъ курсовъ на имя петербургскаго головы. Воспользовавшись разрѣшеніемъ отравили: Шенявская 50,000, Лепешкинъ 10,000 р.»

Если это извѣстіе подтвердится, то можно надѣяться, что существованіе курсовъ будетъ вполне обезпечено и новый молебень за упроченіе и процвѣтаніе ихъ будетъ отслуженъ еще нынѣшней зимой, а не черезъ десять лѣтъ, какъ пророчилъ Н. А. Величковскій. И это будетъ свѣтлый Христовъ праздникъ для многихъ, многихъ, это будетъ радость для всѣхъ тѣхъ, кому отброется и упрочится дорога для самостоятельнаго существованія и для служенія общему дѣлу и общему благу; праздникъ не для однихъ студентокъ—это будетъ праздникъ для Россіи. Н. Ш—въ.

ОСЕННЯ ДЪЛА.

(Политическая и общественная хроника).

I.

Невесела наша осень, въ нынѣшнемъ году. Старожилы не запомнятъ такой унылой погоды. А между тѣмъ, вопреки дурной погодѣ, въ развлеченияхъ нѣтъ недостатка; въ деревнѣ и въ городѣ идетъ самая оживленная жизнь; сельскимъ учителямъ — охота и сельскіе праздники, горожанамъ — политическія удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что только осенью, политика можетъ доставить хотя относительное развлеченіе. Снотворныя засѣданія парламентовъ уступили мѣсто съѣздамъ и митингамъ, публичнымъ лекціямъ и банкетамъ. Если эти собранія не всегда умнѣ первыхъ, за то они во всякомъ случаѣ живописнѣе; правда, на нихъ иногда дерутся, но все-таки, въ большинствѣ случаевъ, преобладаетъ смѣхъ. И какое разнообразіе состава. Всевозможныя рѣдкости, начиная отъ представителей шуанства и кончая борцами анархіи, смѣняются другъ друга на подмосткахъ. Одинъ объявляетъ, что онъ сторонникъ всеобщаго мира, другой прославляетъ благотельное дѣйствіе динамита. Тотъ доказываетъ съ математическою точностью, что высшая степень цивилизаціи есть возвращеніе къ дикому состоянію, а тотъ рекомендуетъ стачку женщинъ, какъ вѣрнѣйшій способъ для человѣческаго возрожденія. Но, кромѣ этихъ увеселеній, есть и другія, свойственныя осеннему времени: таковы богомолья и парады. Первые особенно процвѣтаютъ на болѣе игривомъ югѣ, вторыя предпочитаются мрачнымъ населеніемъ сѣвера. Есть на всякій вкусъ и на всякое настроеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ.

„C'est le roi barbu qui s'avance.

„Vu qui s'avance... etc.

поетъ хоръ въ «La belle Hélène», привѣтствуя приближающагося царя царей великаго Агамемнона. Подобно этому, 22-го октября, тысячи голосовъ распѣвали на лондонскихъ улицахъ извѣстную

англійскую пѣсню: «Вотъ идетъ герой-завоеватель!» такъ сильно напоминающую первую. Только на этотъ разъ шелъ не одинъ герой, а цѣлая толпа героевъ, возвращавшихся изъ Египта, что и праздновалось въ настоящемъ случаѣ. И какой восторгъ, какія приготовления со всѣхъ сторонъ! Право, можно было подумать, что собираются привѣтствовать армию, только что завоевавшую весь міръ. А между тѣмъ, дѣло было въ воскресенье, а каждый добрый англичанинъ почелъ-бы себя обезчещеннымъ, если-бы, проработавъ шесть дней въ недѣлю, не проскучалъ-бы седьмой. Но общественный энтузіазмъ дошелъ до такой точки, что уже никакія соображенія не могли-бы остановить его взрывъ. Самые доки отерлись, несмотря на святой день отдыха и покоя, чтобы пропустить горделивые эскадроны, которые совершили свое торжественное вступленіе въ британскую столицу въ самый часъ церковнаго богослуженія!

Уже съ первыми лучами солнца, на разстояніи болѣе чѣмъ двухъ километровъ, разноцвѣтныя знамена развѣвались на всѣхъ окнахъ. Сто-тысячная толпа, промокшая до костей и съ трудомъ сдерживаемая цѣлою тучей полисменовъ, ждала въ продолженіи двухъ часовъ появленія ста восьмидесяти двухъ всадниковъ, славныхъ соратниковъ генерала Гэрнета. Бѣшенныя виваты раздались при видѣ этихъ богатырей; если-бы не мѣры предосторожности со стороны полиціи, ни одинъ кавалеристъ не остался-бы въ сѣдлѣ; толпа понесла-бы весь эскадронъ на своихъ плечахъ.

Боевой конь генерала Уольсли долженъ былъ войти въ составъ шествія, за отсутствіемъ своего господина. Объ этомъ было объявлено заранѣе. Но этому не суждено было случиться, такъ какъ четырехногому товарищу пришла несвоевременная фантазія околѣть дорогой. Не подлежитъ сомнѣнію, что его присутствіе еще болѣе, если возможно, содѣйствовало возбужденію восторга толпы.

Что касается самого генерала, то онъ еще не пріѣхалъ. Его прибытіе въ Лондонъ подастъ вѣроятно поводъ къ еще болѣе шумнымъ манифестаціямъ. Многіе уже готовятъ къ этому дню. Ему поднесутъ шпагу, почетную каску и въ тоже время званіе барона города Каира. Однако, и на этотъ свѣтлый праздникъ набѣжала тѣнь: муниципальная корпорація отказывается израсходовать 40,000 франковъ, требуемыхъ для того, чтобы дать обѣдъ въ честь новаго Веллингтона. Сэръ Гэрнетъ легко утѣшится по этому поводу, помня, что пиры въ Гильдгаллѣ обыкновенно никуда не годятся; но какое пятно для англійскаго шовинизма! Впрочемъ, будемъ надѣяться, что мятежная корпорація передумаетъ и не рѣшится на такую черную неблагодарность.

Чтобы получить вѣрное понятіе о важныхъ заслугахъ сэра Гэр-

нета, относительно египетской кампаніи, необходимо прочитать отчетъ о ней самаго знаменитаго генерала. Этотъ отчетъ предшествовалъ прибытію войскъ и его поручено было передать въ королевскія руки, сыну герцога кэмбриджскаго, главнокомандующаго англійской арміей и троюродному брату королевы; порученіе, впрочемъ, весьма выгодное въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, согласно съ стариннымъ обычаемъ, добрые вѣстники получаютъ подарокъ въ 500 фунтовъ стерлинговъ, которые не побрезгалъ положить въ карманъ родственникъ королевы.

Отчетъ много распространяется о трудностяхъ кампаніи, которыя еще ярче выставляютъ геній того, кто преодолѣлъ ихъ. Особенно — типично описаніе сраженія при Тель-эль-Кэбирѣ. «Я могъ убѣдиться», говоритъ генераль, «что непріятельскія силы чудовищны и занимаютъ громадное протяженіе. Съ другой стороны, непріятель располагалъ 70-ю орудіями съ полной упряжью, разставленными болѣею частью вдоль линій, двумя пѣхотными дивизіями съ 20,000 штыковъ, тремя кавалерійскими регулярными полками и 6,000 бедуиновъ». Что касается его самого, то сэръ Гэрнетъ могъ противопоставить только вдвое меньшее количество войскъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что пустыня, лежащая между Гассасиномъ и Тель-эль-Кэбиромъ, не представляетъ ни малѣйшей защиты. Войскамъ приходилось идти по чему-то въ родѣ гласиса, на виду у непріятеля, подъ огнемъ его артиллеріи, находившейся въ «отличномъ порядкѣ» на протяженіи около пяти миль. Попытка обойти египетскую армію съ праваго или лѣваго фланга повлекла бы за собой продолжительный и утомительный путь и, что всего важнѣе не могла-бы привести къ цѣли».

Что-же изъ этого заключить? Что нужно отказаться отъ нападенія? Совѣмъ напротивъ. Генераль рѣшаетъ «покончить съ этимъ, однимъ сраженіемъ». Какимъ-же образомъ? Ночнымъ маршемъ! Превосходное изобрѣтеніе! Однако, побѣдитель пренебрегъ нѣкоторыми объяснительными подробностями. Нельзя-же все сказать въ отчетѣ, главное отличительное свойство котораго есть сдержанность. Одинъ бедуинскій шейхъ изъ провинціи Шаргізъ, и, повидимому, большой пріятель Араби, который самъ родомъ изъ той-же мѣстности, отправился въ Измаилію, гдѣ видѣлся съ Султаномъ-пашей, который, въ свою очередь, поставилъ его въ сношенія съ англійскимъ генеральнымъ штабомъ. Вернувшись въ лагерь, нашъ бедуинъ идетъ прямо къ Араби и передаетъ ему мнимыя сообщенія, имъ полученныя. «Я знаю», конфиденціально сообщаетъ онъ, «что въ такой-то день англичане пройдутъ тамъ-то и направятся туда-то. Слѣдовательно, поставьте нѣсколько полевоу по этой дорогѣ и сосредоточьте главныя силы тамъ-то. Араби относился съ

полнымъ довѣріемъ къ этому человѣку, который не только былъ его другомъ, но и эмиссаромъ Лессепса. Онъ повѣрилъ. Въ то-же время предатель дѣйствовалъ на своихъ товарищей и распространялъ въ лагерь деморализующія извѣстія; такимъ образомъ быстро разнесся слухъ, что англичане собрали громадныя военныя силы и намѣреваются перерѣзать всѣхъ на своемъ пути.

Между тѣмъ 13-го вечеромъ англійская армія, руководимая указаніями бедуиновъ, выступила въ походъ, совершала указанный выше ночной переходъ и еще до выхода солнца напала врасплохъ на усиленный измѣной лагерь и перерѣзывала его угловымъ движеніемъ справа налево; никто кромѣ бедуиновъ не могъ провести непріятеля на песчаный путь этихъ высокихъ дюнь. Когда лагерь поставленъ былъ на ноги, позиція была перерѣзана и перейдена англійской арміей. Легко представить себѣ возникшую тогда суматоху. Напрасно египетскіе офицеры пытались вернуть бѣжавшія въ беспорядкѣ войска; оставленные солдатами, они ломали свое оружіе и плавали отъ бѣшенства. Успѣли собрать только нѣсколько сотенъ людей, чтобы сдѣлать фронтъ непріятелю; эта горсть храбрецовъ дралась до послѣдней крайности. Въ полчаса англичане покончили дѣло, которое сдѣлалось само собою, безъ всякаго стратегическаго сраженія, къ великому изумленію самихъ высшихъ англійскихъ офицеровъ. По этому поводу приводятъ слова одного дипломата и очень умнаго человѣка, который, обращаясь къ г. де-Ноаль и поздравляя его по поводу воздержанія Франціи, говорилъ ему: «Вы, вы стали-бы драться серьезно; вы опрокинули-бы египетскія войска, но цѣною какихъ жертвъ! Между тѣмъ какъ англійскій главнокомандующій достигъ самыхъ баснословныхъ результатовъ, пожертвовавъ только нѣсколькими мѣшками гиней». Дѣйствительно, слава сэра Гернета заключается въ томъ, что онъ, послѣ дѣла при Гасаниѣ (гдѣ арабы, послѣ 8 часового боя, кончили тѣмъ, что пошли въ штыки и отбили пушки, взятыя англичанами), скромно сознался, что гордые воины королевы не въ состояніи мѣряться силами съ феллахами и что единственнымъ средствомъ для нихъ избѣжать непоправимаго пораженія было обратиться къ содѣйствию новаго рода эскадроновъ и зарядить пушки чѣмъ-нибудь потяжелѣе свинца, а именно англійскимъ золотомъ. Такимъ образомъ, сэръ Гернетъ доказывалъ своимъ соотечественникамъ, что, будучи стратегомъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и превосходный коммерческій человѣкъ и наоборотъ, что первый встрѣчный купецъ лондонскаго Сити съ успѣхомъ могъ тою-же цѣною сдѣлаться превосходнымъ стратегомъ. Послѣ этого нечего удивляться восхищенію, выказанному къ египетскимъ завоевателямъ современными кароагениями.

II.

Однако, услуги, оказанныя генераломъ Уольсли на берегахъ Нила ничто, въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ только что оказалъ на берегахъ Ла-Манша. Дѣло идетъ о проектѣ, составленномъ съ цѣлью связать Великобританію съ европейскимъ континентомъ, при помощи подводнаго тунеля. Подобный проектъ не могъ не показаться крайне заманчивымъ въ такое время, когда инженерная наука приучила насъ къ устраненію препятствій, разъединяющихъ націи, когда экономисты исповѣдуютъ, что рѣшенія международныхъ столкновеній должно искать въ умноженіи путей сообщенія, обмѣна и въ развитіи экономическихъ отношеній. Правда, пессимисты предостерегали, напоминая по этому поводу отвѣтъ лорда Пальмерстона въ 1857 г. одному французскому инженеру, представившему знаменитому государственному человѣку того-же рода проектъ: «Какъ вы можете ожидать, чтобы мы помогли вамъ сократить разстояніе, которое мы и безъ того уже находимъ слишкомъ короткимъ», сказалъ тогда Пальмерстонъ. А когда принцъ-супругъ приведенный въ восторгъ проектомъ, всѣми силами поддерживалъ его предъ англійскимъ премьеромъ, этотъ послѣдній весьма вѣжливо замѣтилъ своему царственному собесѣднику, что еслибы онъ родился въ Англій, то имѣлъ-бы инныя мнѣнія. Пальмерстонъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкомъ проницательнымъ, что подтверждается нѣкогда высказаннымъ имъ мнѣніемъ, по поводу Суэцкаго канала, «безумнаго, невозможнаго предпріятія, которое не имѣетъ иной цѣли, кромѣ занятія Египта шайкой французскихъ авантюристовъ». Но нельзя требовать, чтобы и обыкновенные смертные были одарены той проницательностью, которая заставляла Тьера не вѣрить въ желѣзныя дороги, подобно тому, какъ Наполеонъ I не довѣрялъ силѣ пара. Поэтому, когда два года тому назадъ, общество «South Eastern Railway» вернулось къ той-же мысли, но на новыхъ основаніяхъ, общественное мнѣніе отнеслось къ этому какъ нельзя болѣе сочувственно. Самый парламентъ увлеченъ былъ проектомъ и компанія получила разрѣшеніе купить необходимыя земли, лежащія между Фаусктоуномъ и Дувромъ. Предварительныя работы были начаты съ большою энергіей и уже объявляли о скоромъ окончаніи работъ по просверленію, между Шекспириклиффомъ и Сангаттой (близъ Калэ). Говорили, какъ о почти несомнѣнной вещи, что лѣтъ чрезъ пять подводный путь соединитъ Францію съ Англійей.

Между тѣмъ случились разныя событія, могущія измѣнить ходъ вещей. Тунисская экспедиція, неудача, постигшая переговоры по поводу возобновленія англо-французскаго торговаго договора, не-

благопріятныя послѣдствія египетскихъ событій, замѣнили доброе согласіе, существовавшее между обоими государствами, довольно натянутыми отношеніями. Возникли протесты и возраженія противъ предпріятія, которыя немислимы были-бы въ прежнее время, но которыя, будучи высказаны сперва съ нѣкоторою робостью, затѣмъ усилились и приобрѣли возрастающую энергію. Политическіе дѣятели, преимущественно консервативной партіи, люди военнаго міра, моряки старались доказать, что Англія потеряла-бы сразу всѣ выгоды своего изолированнаго среди океана положенія: ея преобладаніе на морѣ получало-бы уже только второстепенное значеніе, какъ съ торговой, такъ и съ точки зрѣнія національной оборони; она увидѣла-бы себя вынужденной содержать значительную армію, подобно прочимъ континентальнымъ державамъ. Нѣкоторые умы опасались также болѣе быстрого вторженія радикальныхъ и социалистическихъ мнѣній, распространенныхъ на континентѣ; они боялись вліянія этихъ идей на рабочій классъ старой Англіи, наконецъ, они спрашивали себя, не должна-ли будетъ Великобританія измѣнить и свою вѣковую политику и чаще вмѣшиваться въ распри между цивилизованными народами, вслѣдствіе увеличенія военныхъ силъ и легкости сообщеній.

Наконецъ было и другое, еще болѣе важное соображеніе, а именно — опасность, которой грозило-бы это предпріятіе британской независимости. Англія поставлена была-бы въ зависимость отъ какого-нибудь внезапнаго нашествія и въ одно прекрасное утро почтенные лондонскіе граждане пробуждены были-бы пальбой иноземныхъ пушекъ. Печать развивала эту тему наперерывъ; устраивались митинги, издавалась масса брошюръ и самыя серьезныя періодическія изданія печатали рассказы о болѣе или менѣе фантастическомъ и успѣшномъ нашествіи. Эти подражанія «Битвѣ при Доркингѣ», на минуту доставляя матеріалъ печати и трибунѣ, повидимому не показались достаточно убѣдительными. Допускали, правда, возможность нашествия, но непріятель, въ концѣ концовъ, бывалъ всегда отброшенъ. То догадливый машинистъ усматривалъ въ пассажирахъ своего поѣзда переодѣтыхъ французскихъ солдатъ и задерживалъ ихъ всѣхъ, по прибытіи, въ качествѣ военноплѣнныхъ; то англійскіе волонтеры отбрасывали въ море непріятельскую армію. Послѣдній исходъ можетъ быть названъ, нѣкоторымъ образомъ, роковымъ, такъ какъ вотъ уже десять лѣтъ какъ эти доблестные волонтеры приучаются отбрасывать въ морскія волны иноземныя полчища. Еще въ нынѣшнемъ году мы видѣли, какъ пятьдесятъ тысячъ человекъ, занимающихся въ обыкновенное время самыми разнообразными и мирными промыслами и ремеслами, нарядились солдатами, а нѣкоторые шотландцами, причѣмъ отсут-

ствовали малѣйшіе признаки панталонъ, и подъ начальствомъ принца Эдуарда Саксенъ-Веймарскаго освобождали территорію отъ нашествія иностранцевъ. Вотъ какъ было дѣло.

Непріятельская армія высадилась въ Брайтонѣ, — почему въ Брайтонѣ, гдѣ именно высадка матеріально невозможна? Это осталось неизвѣстнымъ, но все равно. Изъ Брайтона главный непріятельскій корпусъ направляется на Лондонъ, между тѣмъ какъ тысячь пятнадцать солдатъ идутъ на Портсмутъ. При этомъ ужасающемъ извѣстїи, англійскіе генералы, люди хладнокровные, не теряютъ присутствія духа. Командующій альдеротскимъ лагеремъ, расположеннымъ на разстояніи тридцати шести миль отъ Лондона, послѣшно стягиваетъ войска, проходитъ пятьдесятъ миль, отдѣляющія Альдеротъ отъ Портсмута, и, такимъ образомъ, оставляетъ безъ всякой защиты столицу государства, чтобы летѣть на помощь Портсмута, города укрѣпленнаго, располагающаго гарнизономъ и значительнымъ количествомъ судовъ. Между тѣмъ, означенный гарнизонъ вышелъ изъ города, чтобы ждать вспомогательную армію, состоящую изъ пятнадцати тысячъ человекъ пѣхоты и 800 человекъ артиллеріи. Въ видахъ болѣе свободнаго движенія пѣхоты въ той и другой арміи, кавалерія была упразднена.

Ровно въ полдень начинаются военныя операціи; хорошо позавтракавшія войска полны воинственнаго жара. Недостаточная компетентность моя въ военномъ дѣлѣ не позволяетъ мнѣ подробно изложить ихъ дѣйствія. Я ограничусь констатированіемъ значительныхъ усилій, которыя пришлось употребить непріятельской арміи, чтобы подойти къ Портсмуту, подъ огнемъ предполагаемыхъ пушекъ якобы стоящаго въ его гавани флота. Какъ-бы то ни было, ровно въ пять часовъ, Портсмутъ освобожденъ, — чѣмъ обѣ арміи остались одинаково довольны, — и одна вслѣдъ за другой онѣ дефилируютъ предъ принцемъ Уэльскимъ, одѣтымъ, по этому случаю въ блестящій мундиръ волонтерской артиллеріи, — голубой съ серебромъ.

Такова программа, съ неизмѣнной точностью выполняемая ежегодно и доставляющая лишнее доказательство непобѣдимости Англии и того, что континентальная армія не могла-бы удержаться на британской территоріи. Что касается тунеля, то его опасность для независимости Англии не сразу была схвачена. Напротивъ, въ этихъ попыткахъ сосѣдняго и честолюбиваго народа стали усматривать даже новый поводъ на увеличеніе собственной славы народа, вышедшаго побѣдителемъ изъ столькихъ битвъ. Такъ, безъ сомнѣнія, разсуждало значительное количество подданныхъ королевы, потому что въ отвѣтъ на консервативную оппозицію, сторонники тунеля собирали митингъ за митингомъ, чтобы доказать,

что это не только не опасность, но истинное благодѣяніе для страны, во всѣхъ отношеніяхъ. Агитація охватила всѣ главные города; въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингэмѣ и другихъ крупныхъ фабричныхъ центрахъ коммерческаго общества единогласно высказываются въ пользу проекта.

Правительство стало колебаться и придумало назначить комиссію, а въ ожиданіи ея рѣшеній, приказало приостановить работы. Общество проведенія тунеля протестуетъ и начинаетъ искъ. Кому принадлежитъ морское дно, кто собственникъ земли, покрываемой волнами Ла-Манша? Таковъ предметъ тяжбы. Рѣшеніе еще не извѣстно и суду можетъ быть и не легко будетъ высказать мнѣніе по этому вопросу. Какъ-бы то ни было, по требованію генералъ-атторнея, продолженіе работъ на время превращено. Администрація имѣетъ право убѣдиться въ томъ на мѣстѣ и ея контроль весьма дѣятельный. Делегаты ея безпрестанно спускаются въ нѣдра земли, чтобы удостовѣриться, что буравъ не провертѣлъ ни малѣйшій дырочки. Въ обыкновенное время агенты общественныхъ работъ обязаны надзирать за ходомъ работъ и даже заботиться объ ихъ скорѣйшемъ окончаніи; теперь-же на этихъ должностныхъ лицъ возложена и миссія констатировать, что ржавчина начинаетъ покрывать машины, а плѣсень — ремни. Наконецъ, что множество рабочихъ, существованіе которыхъ зависѣло отъ этого колоссальнаго предпріятія, близки къ голодной смерти. Нѣсколько недѣль тому назадъ, одному изъ этихъ странныхъ инспекторовъ показалось, что компанія коварнымъ образомъ прокопала дно морское на протяженіи шестидесяти метровъ. Весьма естественное волненіе овладѣло администраціей, которой уже грезились французы, ползущіе чрезъ это игольное ушко до самаго Дувра, и это въ ту самую минуту, какъ цвѣтъ генераловъ ея величества еще были заняты въ Египтѣ. Охотно разстрѣляли-бы директора компаніи, сэра Уаткина, или, по крайней мѣрѣ, опечатали его снаряды и разобрали машины, если-бы, по счастью, инспекторъ и авторъ открытія не замѣтилъ, что его метръ, — стофутовая цѣпь, — невѣренъ и не сознался въ своей ошибкѣ.

Наконецъ и военная комиссія постановила свои заключенія; они рѣшительно высказываются противъ предпріятія. Но что еще лучше, такъ это мнѣніе генерала Уольсли, котораго не могли не спросить по такому важному дѣлу и которое приложено къ отчету. Генералъ находитъ, что проведеніе тунеля не только опасно, но называетъ его прямо бѣдствіемъ. Всякія предосторожности, по его мнѣнію, были-бы напрасны и не могли-бы помѣшать внезапному нападению. Двѣ тысячи переодѣтыхъ крестьянами французскихъ солдатъ могли-бы овладѣть первоклассною крѣпостью; въ одну

ночь подводная желѣзная дорога перевезла-бы 20,000 человекъ съ лошадьми и пушками и ничто не обнаружало-бы ихъ приготовленій. Занявъ Дувръ, они владѣли-бы ключемъ Англіи.

Это высказанное генераломъ Уольсли мнѣніе о тунелѣ равносильно смертному приговору. Его соотечественники не могутъ не преклониться предъ такою высокою компетентностью и будутъ вѣчно благословлять того, чьи мудрые совѣты спасли ихъ отъ столь серьезной опасности.

III.

Но если Англіи удалось избавиться отъ внезапнаго вторженія, то нельзя сказать того-же о Франціи, которой уже гораздо серьезнѣе грозитъ сама Англія. Можно судить о степени опасности по коварству средствъ.

Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ на парижскихъ бульварахъ встрѣчаешь, по временамъ, бѣлокурыхъ молодыхъ дѣвицъ со вздернутыми носиками; онѣ суютъ въ руки изумленныхъ прохожихъ газетный листокъ, сопровождая свой подарокъ слѣдующими словами: «Примите это, братъ мой». Кто-же такія эти дѣвушки, произношеніе которыхъ обличаетъ несомнѣнно — британское происхождение? Эти дѣвушки ничто иное, какъ «солдаты». Какой-же арміи? спросите вы. — Арміи спасенія. Вѣдь и войска бываютъ различныя. Одни убиваютъ, другія спасаютъ. Подобно тому, какъ армія сэра Гэрнета спасла Египетъ, эта новая армія жаелетъ спасти наши души.

Какъ организована эта армія и какимъ способомъ намѣрена достигнуть цѣли, объ этомъ вы узнаете изъ листка, ибо это органъ самой арміи и носитъ воинственное заглавіе: «Впередъ!»

Армія спасенія возникла въ Англіи, по инициативѣ нѣсколькихъ столь-же милосердыхъ сколь и воинственныхъ душъ, поклявшихся обезпечить поражение сатаны, вырвавъ человека изъ когтей грѣха. Какъ указываетъ само названіе, армія спасенія организована по военному. Во главѣ ея стоитъ генералъ Бутъ, эксцентричная англичанка, посвящающая громадное состояніе неблагодарному дѣлу, еѳу начатому. За генераломъ слѣдуютъ полковники, далѣе капитаны, затѣмъ поручики, наконецъ простые рядовые. Послѣдняя категорія состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя выказываютъ въ проповѣди общаго дѣла энергію и энтузіазмъ, простирающіяся до презрѣнія къ насмѣшкамъ, которыя являются неминуемымъ слѣдствіемъ ихъ дѣятельности.

Впрочемъ, армія спасенія можетъ похвалиться и значительнымъ успѣхомъ. Генералъ, ежедневно, вноситъ въ кассу довольно большія суммы, которыя присоединяетъ къ собственнымъ средствамъ на покрытіе расходовъ по агитаціи и на содержаніе своего генераль-

наго штаба. Священная милиція приобрѣла такое значеніе, что англиканское духовенство дало свою санкцію этому странному обществу, а королева даровала генералу Буту свою нравственную поддержку. Правда, не на это рассчитывала генеральша, которая написала королевѣ, прося ее о денежной подпискѣ. Королева Викторія завѣряетъ г-жу Бутъ въ удовольствіи, доставляемомъ ей побѣдоносными дѣйствіями арміи спасенія, торжествомъ добродѣтели и религіи, но сожалѣетъ, что не можетъ содѣйствовать подпискѣ, открытой съ цѣлью приобретенія большого театра, который набожное общество намѣрено превратить въ свою главную квартиру.

Въ Англии главнымъ орудіемъ всякой пропаганды остаются митинги. Армія спасенія пользуется имъ въ широкихъ размѣрахъ и не только въ Лондонѣ, но и во всѣхъ городахъ соединеннаго королевства. На митингахъ «вышшіе офицеры» общества произносятъ рѣчи, прерываемыя по временамъ мистическими гимнами, припѣвы къ которымъ подхватываются всѣмъ собраніемъ. Рядомъ съ митингами стоитъ печатная пропаганда. Армія спасенія располагаетъ центральнымъ органомъ, носящимъ весьма характерное заглавіе, онъ называется: «Воинскій кличъ» («The war cry»), а эпитафией имѣетъ: «Blood and fire», что также очень воинственно.

Газетка эта весьма любопытна. Рядомъ съ передовыми статьями, въ которыхъ жестоко обращаются съ грѣхомъ и «княземъ тьмы», находимъ отчеты общества и рѣчи, произнесенныя «офицерами», а равно и гимны, которые пѣлись на собраніяхъ. Далѣе слѣдуютъ извѣстія изъ различныхъ центровъ дѣйствія арміи спасенія. Эти извѣстія особенно любопытны по своей редакціи. Небольшая выдержка даетъ о нихъ понятіе.

Нѣсколько дней тому назадъ происходилъ митингъ въ окрестностяхъ Лондона и нѣсколько неофитовъ завербовано было въ священную армію. Объ этомъ сообщается такъ: «Вторженіе въ Понклингтонъ, сильная тревога, блестящая побѣда, бѣгство непріятели, взято въ плѣнъ пятнадцать человекъ. Извѣстіе о нашемъ прибытіи произвело въ городѣ сильное впечатлѣніе. Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ жителей, пораженные страхомъ, уѣхали со всѣмъ своимъ имуществомъ. Когда войско, съ музыкантами во главѣ, подошло къ городу, оно немедленно открыло огонь. Перестрѣлка была великолѣпна. Немного позднее пришлось пустить въ ходъ бомбы, чтобы раззорить непріяельскій лагерь и посѣять смятеніе въ рядахъ его. Побѣда осталась за нами и мы вернулись въ казармы, уводя съ собою и военнопленныхъ».

Какъ видите, туманы постоянно, носящіеся надъ Темзой и самое набожное настроеніе не враги веселости.

На эту веселость рассчитывали, вѣроятно, какъ на способъ за-

влеченія и Франціи въ британскія сѣти. Дѣйствительно, съ нѣкоторыхъ поръ, во Франціи существуетъ бюро для вербовки въ армію спасенія. Это щекотливое дѣло поручено собственной дочери генерала, миссъ Китти Бутъ. Если вѣрить органу французской дивизіи «арміи», который раздается молодыми англичанками на бульварахъ, то вербовка идетъ успѣшно. «Не смотря на всѣ затрудненія, воздвигнутыя діаволомъ на нашемъ пути», говорится въ газеткѣ, «арміи, съ помощью Господа, удалось совершить истинныя чудеса. Сотни людей были спасены и публично заявили на нашихъ собраніяхъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ душѣ ихъ. Но каждая искупленная душа должна задаться цѣлью спасти и другія души... Слава Господу, вербующему по всей Франціи тысячи воиновъ, полныхъ усердія и мужества».

Какъ видимъ, непріятель занялъ уже позицію. Еще нѣкоторое время и безъ всякаго тунеля завоеваніе Франціи генераломъ Буттомъ будетъ совершившимся фактомъ.

IV.

Между тѣмъ какъ Англія безмѣрно предается всякаго рода шовинистскимъ возбужденіямъ, по странной противоположности, призывъ къ миру, въ настоящую минуту, исходитъ именно отъ самыхъ воинственныхъ націй.

19-го текущаго мѣсяца собрался въ Брюсселѣ международный конгрессъ общества, задавагося цѣлью рѣшенія международныхъ пререканій путемъ третейскаго суда. «Международные суды, международное разоруженіе, международное право, причины международныхъ столкновеній и средства ихъ предотвращенія», и такъ далѣе. Иначе говоря, упраздненіе войнъ, устройство всеобщаго мира,—таковъ былъ очередной порядокъ. И вотъ самыми пламенными поборниками мира оказались именно французы и нѣмцы, а самымъ краснорѣчивымъ, безспорно, могъ быть названъ эксъ-патеръ Гіацинтъ, нынѣ аббатъ Лойзонъ.

Я еще помню то далекое время, когда со всѣхъ концовъ Парижа сбѣгались слушать знаменитаго босого кармелита. Это былъ великолѣпный и странный проповѣдникъ, который въ теченіи пяти лѣтъ заступалъ мѣсто Лабордера на кафедрѣ церкви Notre Dame. Теперь, хотя нѣсколько отяжелѣвшій съ годами, онъ сохранилъ свой прекрасный римскій профиль и прежнее лирическое выраженіе глазъ. Онъ замѣнилъ темную шерстяную рясу и длинную бѣлую мантию прозаическимъ сюртукомъ и бѣлымъ воротничкомъ крахмальной рубашки, но сохранилъ и жестъ, и пылъ проповѣдника, рѣзкость и романтическую экзальтацію, которые проявлялъ, говоря на свои любимыя тѣмы: возстановленіе семьи, роль матери,

которая должна быть королевой и жрицей въ своей семьѣ, а также когда громилъ «независимую нравственность», *софистовъ, развратителей, «профонаторовъ»* и прославлялъ любовь и бракъ съ поэтической смѣлостью, глубоко волновавшею сердца слушателей. Менѣ мистическое и менѣ увлекательное красновѣчіе г. Булера, говорившаго вслѣдъ за нимъ, произвело однако-же не менѣ впечатлѣнія. Ораторъ—депутатъ германскаго рейхстага. Ему принадлежитъ слѣдующее предложеніе, внесенное имъ въ этотъ парламентъ въ 1879 и 1880 годахъ: «Просить имперскаго канцлера о созваніи конгресса изъ представителей различныхъ европейскихъ государствъ, въ видахъ побужденія этихъ послѣднихъ къ одновременному сокращенію на половину ихъ армій, противу ихъ настоящаго состава мирнаго времени, съ тѣмъ, чтобъ такая мѣра имѣла предварительное дѣйствіе на срокъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, предложеніе принято не было. Булеръ получилъ, по этому поводу, письмо отъ Бисмарка, въ которомъ канцлеръ, не безъ нѣкоторой дозы ироніи, выражалъ сожалѣніе по поводу недосуга заниматься этимъ вопросомъ будущаго, котораго не увидитъ, по всей вѣроятности, ни одинъ изъ насъ. Къ этому онъ прибавлялъ: «Когда вы успѣете обратить нашихъ сосѣдей на путь вашихъ принциповъ, только тогда мы-бы могли, т. е. я или другой нѣмецкій канцлеръ, взять на себя отвѣтственность за такую попытку. Но даже и въ этомъ случаѣ, я полагаю, трудно было бы установить между націями взаимное контролированіе военныхъ силъ и не менѣ трудно создать третейскій судъ для приведенія въ дѣйствіе такого контроля».

Несмотря на встрѣченныя имъ препятствія, Булеръ продолжаетъ настойчиво преслѣдовать свою цѣль и пользуется всякимъ случаемъ развивать ее предъ публикой путемъ живого или печатнаго слова. Еще недавно онъ излагалъ свои соображенія въ брошюрѣ, имѣвшей форму письма къ Гамбеттѣ, «то-есть къ человеку, говорить онъ,—нмя котораго отождествляется въ Германіи съ мыслью о возмездіи».

Чистое безуміе! скажутъ мнѣ на это. Но у кого нѣтъ своей, не болѣе осуществимой мечты? И если выбирать, то ужъ лучше остановиться на этой, такъ какъ ее раздѣляли самые великіе умы и лучшіе изъ людей. Къ тому-же, если всмотрѣться внимательнѣе, развѣ война, несмотря ни на что, не ступила на путь хотя и медленнаго, но возрастающаго ослабленія? Чтобы убѣдиться въ томъ слѣдуетъ взять не десятилѣтній періодъ, а нѣсколько десятковъ вѣковъ. Мы не должны забывать, что былъ историческій періодъ, когда два сосѣда, поспорившіе, напримѣръ, изъ-за какого-нибудь

куста, росшаго между ихъ владѣніями, рѣшали рубопашнымъ образомъ то, что теперъ рѣшается путемъ словесныхъ упражненій защитниковъ и въ присутствіи суда.

Первый шагъ сдѣланъ. Борьба замѣнена судомъ, граждане перестали убивать другъ друга, въ видахъ соглашенія; стали драться сообща: деревня съ деревней, провинція съ провинціей, народъ—съ другимъ народомъ. Но преусиженіе не должно было остановиться и на этомъ; по прошествіи нѣкотораго срока времени, и деревня съ деревней нашла возможность рѣшать распри иначе: начали тягаться и перестали обагрять кровью межи своихъ владѣній. Такое-же эволюціонное явленіе, по прошествіи второго періода, проявилось въ отношеніяхъ между отдѣльными провинціями. Отнынѣ повсюду въ средѣ одного и того-же народа, между жителями, семействами, отдѣльными лицами и группами лицъ, судебный процессъ замѣнили сраженія, а третейскій судъ—войну. Такимъ образомъ вооруженная борьба, рѣшавшая вначалѣ всѣ общественныя тяжбы, начиная простыми спорами между частными лицами и кончая соперничествомъ клановъ и провинцій, постепенно исчезаетъ изъ сферы частной и общественной жизни, чтобы остаться лишь въ средѣ международныхъ отношеній. Вотъ, что говорятъ факты въ ту минуту, когда въ печати не падаютъ сарказма для этой утопіи всеобщаго мира. Печать, въ этомъ, какъ и во многихъ другомъ, сама является органомъ невѣжества, такъ какъ то, что она осмѣиваетъ, есть именно послѣдовательный порядокъ положительныхъ фактовъ, которые могутъ быть и дѣйствительными признаками естественнаго закона. Человѣкъ, который отказался-бы въ сезонъ морскихъ купаній ѣхать на нормандскій берегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что можетъ вспыхнуть война между Бретанью и Нормандіей, заслужилъ-бы названіе стюмаспедшаго. Почему-же не можетъ быть, что такое наименованіе, лѣтъ черезъ сто заслужитъ субъектъ, которому вздумается пророчить войну между французами и нѣмцами.

Что несомнѣнно естественно, такъ это борьба; она существуетъ повсюду, между всѣми, по всякому поводу. Но война есть только одна изъ тысячи ея видовъ; это форма варварская, которая должна исчезнуть вмѣстѣ съ водвореніемъ цивилизаціи, среди вѣчной и неутомимой метаморфозы всего существующаго.

Что касается достоинства средствъ, предложенныхъ ораторами конгресса мира, то оцѣнка ихъ вещь щекотливая. Если бывшій ораторъ церкви Notre Dame предлагаетъ, въ видахъ устройства федераціи народовъ, федерировать души, подъ знаменемъ новой религіи, представителемъ которой онъ служить, если, съ своей стороны, нѣмецъ Булеръ совѣтуетъ Франціи отреченіе отъ утра-

ченныѣ провинціи, то все это весьма понятно, но весьма позволительно усумниться въ дѣйствительности предлагаемыхъ средствъ.

V.

А вотъ и еще апостолъ всеобщаго мира, знаменитая Луиза, которая также посѣщала въ Брюссель одновременно съ аббатомъ Лойзономъ. Подобно ему, и у ней есть вѣрное, неукоснительное средство.

Война прекратится съ упраздненіемъ деспотической власти мужчины надъ женщиной. Но какъ прекратиться? Нѣтъ ничего проще. Не нужно для этого ни битвъ, ни борьбы, ни усилій. Достаточно того, что бы прекрасная половина рода человѣческаго, которая въ то же время и есть самая коварная, составила коалицію и чтобы на всѣхъ концахъ земного шара была превозглашена.... стачка женщинъ.

Въ первый разъ, когда мнѣ пришлось услышать это слово изъ устъ бельвилльской Пиоин, я подумалъ, что рѣчь идетъ о стачкѣ работницъ, ткачихъ какихъ-нибудь, полировщицъ и т. п. Но нѣтъ, подъ стачкой женщинъ разумѣется стачка супруговъ и любовницъ. Поле дѣйствія не мастерская, а альковъ.

Странная теорія, родившаяся въ мозгу Луизы Мишель, была впервые высказана съ трибуны, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, авторъ проповѣдывалъ ее на цѣломъ рядѣ собраній, не упуская случая знакомить съ ней публику. Публика сперва слушала съ изумленіемъ, затѣмъ его смѣнило полное равнодушіе. Поэтому Луиза Мишель и нашла, что ей слѣдуетъ искать иной почвы для своей пропаганды и нести за границу свое любимое цѣлебное средство, о которомъ въ Парижѣ перестали слушать. Само собою разумѣется, что прежде всего политическая новинка должна быть направлена въ Брюссель, этотъ Парижъ въ миниатюрѣ, который можно принять за нарядное предмѣстье французской столицы и который томится жаждой «*voilà, voilà Paris*». Поэтому вотъ уже двѣ недѣли, какъ стѣны большого фламандскаго города исчезаютъ подъ массой объявленій, на которыхъ виднѣется огромными литерами написанное имя знаменитой гостьи а также предметъ бесѣды и цѣна мѣстамъ. Спекуляція проникла повсюду и директоръ Цирка пригласилъ знаменитую «*conférencière*» съ платой по 500 франковъ за вечеръ, рассчитывая, что ея имя и содержаніе лекціи привлечетъ многочисленную публику и доставитъ ему солидный барышъ.

21 октября, вечеромъ, пріѣхала знаменитая клубистка. Извѣстіе объ ея пріѣздѣ привлекло толпу любопытныхъ на станцію же-

лѣзной дороги. Многіе явились туда, чтобъ привѣтствовать ее. Не успѣла она выйдти изъ вагона, какъ ее окружила новая толпа, такъ что друзья, желавшіе пожать ей руку, не имѣли ни малѣйшей возможности пробраться къ ней. Съ величайшимъ трудомъ прошла она до кареты, которую выслать за ней директоръ Цирка. Когда карета тронулась, раздалась со всѣхъ сторонъ громкіе виваты Луизѣ Мишель, прерываемые протестомъ свистками.

На другой день, еще задолго до часа, назначеннаго для публичной бесѣды, зала Цирка,—самая обширная изъ бруссельскихъ залъ, вмѣщающая около пяти тысячъ человекъ, была совершенно полна. Преобладала «хорошая» публика.

Появляется ораторша. Ея простой и строгій нарядъ составляетъ противоположность съ блестящими туалетами, пестрящими собраніе. Она начинаетъ говорить своимъ тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ. Лице ея невозмутимо спокойно, вся она похожа на статую своей неподвижностью; неопредѣленный взглядъ устремленъ вдаль и кажется вдохновеннымъ. При видѣ этого страннаго существа начинаютъ улыбаться въ публикѣ, обмѣниваются лукавыми взглядами и остротами. Затѣмъ начинаютъ слушать. Ораторша дѣлаетъ очеркъ исторіи женщины, то есть исторіи ея приниженія. Она показываетъ женщину уже поработенную, унижаемую въ древнемъ мірѣ и цитируетъ по этому случаю комедіи Аристофана, изображающія женщину въ видѣ какой-то чумы. Луиза Мишель нападаетъ далѣе на католическую религію, которая извращаетъ инстинктъ великодушія и самопожертвованія, прирожденный женщины.

«Если священникъ, говоритъ она, оказываетъ на нее такое сильное вліяніе, то это не въ силу того, что говоритъ ей о непонятныхъ вещахъ, а потому что указываетъ на легенду мученичества и духа самоотреченія, играя предъ нею роль жертвы.» По поводу католическихъ священниковъ и ихъ вліянія на семьи, ораторъ сообщилъ любопытный фактъ. Въ 1871 году была минута, когда военные суды ослабѣвали въ своихъ преслѣдованіяхъ; между тѣмъ подошло время первыхъ причастій и аресты возобновились съ новой силой, такъ какъ священники злоупотребили своимъ вліяніемъ, чтобы заставить дѣтей рассказывать на исповѣди о томъ, что дѣлали родители.

«Система воспитанія должна быть измѣнена, продолжаетъ ораторъ.—Вмѣсто того, чтобы унижать женщину въ ея собственныхъ глазахъ, необходимо поднять и надрвать къ возрождающей цѣли, къ которой она стремится. Въ настоящую минуту величайшій прогрессъ, ожидающій своего осуществленія, заключается въ томъ, чтобы вырвать женщину изъ когтей проституціи, путемъ социаль-

ныхъ реформъ, которыя обезпечили-бы угнетенной половинѣ рода человѣческаго достаточныя средства существованія трудами рукъ своихъ. Не есть-ли дѣло обыкновенной справедливости, чтобы женскій трудъ, при условіи равнаго качества и количества, оплачивался не менѣе мужского; а между тѣмъ, онъ обыкновенно, оплачивается въ шесть разъ меньше. Демократія уравниваетъ сословія и женщина должна приготовить сыновей своихъ къ этому будущему. Пусть она будетъ воспитательницей дѣтей своихъ, но именно потому ей и долженъ быть открытъ доступъ къ знанію, къ наукѣ и только тогда она будетъ въ силахъ выполнить свою задачу: воспитывать людей, достойныхъ этого имени. «Старый міръ рушится», сказала Луиза Мишель, заканчивая свою рѣчь, «восходитъ новая эра; пусть будетъ она для дѣтей нашихъ эрой счастья и мира. Ни одна жертва не должна казаться намъ слишкомъ тяжелой для того, чтобы наши дочери могли занять въ возродившемся обществѣ то мѣсто, которое принадлежитъ имъ въ силу разума и справедливости.»

Въ такомъ тонѣ говорила въ продолженіи часа знаменитая лекторша. Оставляя въ сторонѣ обычный репертуаръ ораторовъ публичныхъ собраній, изобилующій всякими крайностями и рѣзкостями, она выказала неожиданную умѣренность и все время старалась не выходить изъ предѣловъ благоразумія. Но эта умѣренность, это спокойствіе явились поводомъ къ разочарованію для публики. Ораторша должна была говорить о стачкѣ женщинъ. О томъ было объявлено на безчисленныхъ афишахъ. Публика ждала засѣданія, иллюстрированнаго перерывами, шуточками, можетъ быть картофелемъ, ожидала примѣненія къ современной политикѣ эротическихъ фантазій греческаго комика. Въмѣсто того пришлось слушать о необходимости увеличенія заработной платы для женщинъ и поднятія уровня ихъ образованія въ видахъ установленія дѣйствительнаго равенства между полами. Какая пошлость и какая иронія! Когда Луиза Мишель кончила свою рѣчь, друзья стали аплодировать, но въ большинствѣ публики замѣчалось сильное желаніе свистать. Публика приготовилась негодовать и вдругъ оказалось, что не довольно получила за свои деньги. Въмѣсто перца, ей поднесли липоваго цвѣта. Какъ-же не быть недовольнымъ и разочарованнымъ? И эти люди серьезно сердились, что не имѣли повода разгнѣваться.

Но на слѣдующій день обстоятельства перемѣнились. Уже съ самаго начала чувствовалась въ воздухѣ буря. Въ то время, какъ оркестръ открывалъ собраніе «Брабансоной», одинъ изъ присутствующихъ, которому не понравилась музыка, бросилъ свою палку въ голову капельмейстера. Но въ залѣ ходили уже такія бурныя

волны, что выходка прошла незамѣченной. Едва успѣлъ ораторъ открыть ротъ, какъ какой-то неизвѣстный обратился съ вопросомъ: «Правда-ли, что вы предполагали въ одной газетѣ поставить статую Тьеру?» Рѣшаются, что этотъ господинъ сошелъ съ ума и долженъ уйти. Съумасшедшій сопротивляется. Начинается крикъ, смѣхъ, толкотня; раздаются подражанія крикамъ животныхъ. На минуту Луизѣ Мишель удалось подавить неурядицу. Но вдругъ бѣшеные крики раздаются изъ ложи. Это все тотъ-же человекъ; онъ корчится какъ бѣсъ передъ заутреней и добирается до трибуны. На эстрадѣ начинается невообразимая свалка и по всей залѣ невозможный шумъ и грохотъ. Поютъ: «*La mère Michel quia perdu son chat*»; одни свистятъ, другіе бросаются на свистящихъ, обзывая ихъ съумасшедшими. Можно было предположить, что все это завершится общей схваткой. Начинаютъ бояться за Луизу Мишель. Въ эту минуту огромнаго роста человекъ съ большой бородой становится предъ нею, съ намѣреніемъ защитить ее. Примѣръ не остается безъ подражанія и нѣсколько человекъ образуютъ живую стѣну, чтобы оградить ораторшу отъ оскорбленій. Луиза находитъ, что всего проще ей уйти.

На этотъ разъ Брюссель остался доволенъ.

VI.

Каждый веселится по своему. Между тѣмъ какъ бельгіяцы упражняются въ кулачныхъ бояхъ, англичане играютъ въ солдаты и т. д., неисправимая Франція играетъ въ революцію. Не слѣдуетъ за это на нее сердиться; это необходимо для ея комплекціи, какъ бывають необходимы для нѣкоторыхъ людей хина и ремень.

По этому поводу мнѣ пришло на память, что одной изъ главныхъ приманокъ загородныхъ парижскихъ гуляній былъ дѣйствительно необычайный феноменъ: женщина съ тремя головами. Три головы и ни одной ноги! Это стоило посмотрѣть, особенно за десять-то сантимовъ! И всѣ бѣжали смотрѣть. Входили въ скромный деревянный сарайчикъ и тамъ на сценѣ крошечнаго театрика поднимался занавѣсъ и открывалъ сидящій въ корзинѣ съ цвѣтами женскій торсъ, обмахивавшійся вѣромъ. По обѣимъ сторонамъ головы сидѣло еще по головѣ. «Эта женщина совершенно здорова и умѣетъ говорить», пояснялъ хозяинъ чуда природы. «Она даже болтливѣе обыкновенныхъ женщинъ, потому что, вы видите господа, всѣ три рта открываются и говорятъ въ одно время. Дѣйствительно, это была оглушительная болтовня. Всѣ три головы вращали глазами, наклонялись независимо одна отъ другой, кланялись. Затѣмъ занавѣсъ опускался.

Оптическая-ли то была иллюзія, или дѣйствительный феноменъ,

какъ вѣрили зѣваки, я объяснять не берусь, потому что мнѣ это все равно. Я только желаю констатировать изумительное сходство этого страннаго явленія съ тѣмъ, которое представляетъ въ настоящую минуту французская республика. Эта послѣдняя также обладаетъ тремя головами: монархическая справа, социалистская слѣва и оппортунистская — посрединѣ. И какъ онѣ болтаютъ, какъ ссорятся, какъ бранятся! Не знаю, владѣютъ ли онѣ ногами. Но и къ чему имъ ноги? При невозможности когда-нибудь придти къ соглашенію, эта злополучная республика неспособна сдѣлать ни шага. Въ настоящее время, сидящая по срединѣ голова очень больна. Вслѣдствіе постоянныхъ тычковъ, получаемыхъ съ обѣихъ сторонъ, она пришла въ самое жалкое состояніе, полу-разбита и какъ-бы оцепенѣла. Напротивъ, остальные двѣ ликують и непрерывъ распѣваютъ побѣдныя пѣсни.

Никто не запомнить такого обилія пирушекъ, какое справлялось за послѣдній мѣсяцъ монархистами, или вѣрнѣе легитимистами, потому что остальныхъ рѣшительно не стоитъ считать. Это столваніе началось по случаю дня рожденія графа Шамбора, 20-го сентября и продолжалось, затѣмъ, безъ перерыва. Чѣмъ оно кончится? Можно-ли считать это движеніе предвѣстникомъ борьбы? Кто можетъ дать на это отвѣтъ? Извѣстно только, что когда революція имѣется въ желудкахъ, она очень близка къ тому, чтобы спуститься на улицу. Сидите сами.

Въ одно послѣполуденное время, въ сентябрѣ нынѣшняго года, блестящій всадникъ остановилъ коня у рѣшетки Фрошдорфскаго замка, «куда изгнала революція главу французскаго царственнаго дома», какъ выражается газета «Clairon». «Здѣсь, въ этомъ роскошномъ убѣжищѣ, Генрихъ V, непрестанно обращая взоры свои къ любезной Франціи, нетерпѣливо ждетъ благословеннаго часа, когда Господь позволитъ ему наконецъ возстановить честь и благополучіе христіаннѣйшей націи». На звонокъ благороднаго рыцаря, двери рѣшетки открываются и Бодри д'Ассонъ, такъ какъ это былъ никто иной, возвѣщаетъ о прибытіи вандейской делегаціи, которой поручено передать королю адреса, подписанные послѣ возліяній вѣрными потомками шуанства. Минуту спустя, Бодри возвращается къ своимъ спутникамъ, оставленнымъ на благородной дистанціи, и сообщаетъ, что «его величество соблаговолило даровать имъ аудіенцію». Эти добрые люди, какъ и слѣдовало ожидать, были сильно обрадованы, такъ какъ проѣхали болѣе четырехъ сотъ лье для того, чтобъ имѣть счастье созерцать черты своего монарха. Делегация двинулась къ зимку, предводимая своимъ вандейскимъ депутатомъ. За нимъ несли знамя, вышитое руками вандейскихъ красавицъ. Делегаты были въ мѣстныхъ костю-

махъ и у каждаго виднѣлось въ петлицѣ маленькое бѣлое знамя, служащее объединяющимъ знакомъ на роялистскихъ банкетахъ, Введенные въ пріемную залу, всѣ прониклись невыразимымъ волненіемъ, такъ повѣствуетъ все тотъ-же «Clairon», и ждали неподвижно, устремивъ взоры на дверь, которая должна была пропустить потомковъ святаго Лудовика, Генриха IV и Лудовика XIV. Наступила минута торжественнаго молчанія; лица блѣднѣютъ и каждый чувствуетъ бѣненіе своего сердца въ сжатой волненіемъ груди. Дверь отворяется: входитъ графъ де-Блакасъ, исполняющій обязанности гофмаршала. Онъ тотчасъ-же отстраняется и твердымъ голосомъ произноситъ: «Король»!

Король вступаетъ въ залу. «Взоръ его сіяетъ, лицо выражаетъ благоволеніе, голова не покрыта»; Последняя подробность, возбуждавшая много толковъ, дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Такъ Лудовикъ XIV не брезгалъ раскланиваться даже съ служанками, которыхъ встрѣчалъ на лѣстницахъ въ Версалѣ. Обнаживъ голову предъ депутаціей, претендентъ на французскій престолъ показалъ тѣмъ, что имъ не забыты традиціи французскаго королевскаго дома и, что онъ продолжаетъ быть достойнымъ наслѣдовать своимъ славнымъ предкамъ.

Среди всеобщаго волненія, одинъ король сохранилъ самообладаніе. Онъ произнесъ рѣчь, которая должна была «долетѣть чрезъ головы присутствующихъ» и до подданныхъ, не имѣвшихъ возможности явиться въ Фрошдорфъ. Король по прежнему продолжалъ надѣяться; его надежда «даже растетъ со дня на день», ибо мы, болѣе чѣмъ когда-либо, близки къ «часу спасенія».

Это подлинныя слова короля. Онъ просилъ вандейцевъ повторить ихъ у себя дома и отнынѣ, передаваемыя пылыми слугами, они облеяютъ Бокажъ и Марэ, возстановивъ въ сердцахъ вассаловъ Гобретьеры и Монжонона поколебавшіяся упованія и пробуждая уснувшее мужество. Если какой-нибудь нетерпѣливецъ вздумаетъ роптать, его успокоятъ, говоря: «Онъ возвратится: онъ самъ сказалъ это. Это лишь вопросъ времени». И вѣрный знаменосецъ Пюжоль, и вѣрные Бабу и Контуисъ, которые если и не происходятъ отъ крестоносцевъ, то все-таки преданы святому дѣлу, подтвердятъ благую вѣсть: «Онъ вернется, онъ самъ сказалъ это».

На эту многообъщающую рѣчь депутація отвѣчала виватомъ королю. Затѣмъ, переходя отъ одного къ другому, его величество нашель для каждаго милостивое слово; дѣло не дошло однако-же до шипка за ухо, какъ дѣлалъ Наполеонъ со своими гренадерами; подобная фамильярность не значится въ королевскомъ репертуарѣ. Дойдя до Пюжоля и замѣтивъ, что онъ, вѣроятно, усталъ держать знамя, король велѣлъ освободить его отъ неудобнаго инструмента,

который и былъ отнесенъ въ одинъ изъ угловъ часовни, гдѣ, будемъ надѣяться, его не оставятъ на съѣденіе крысамъ.

Вечеромъ—обѣдъ и раздача фотографій королевы. На другой день торжественная обѣдня предъ отъѣздомъ. «Незабываемое зрѣлище представляло богослуженіе», повѣствуетъ историографъ этого великаго дня. «По приказанію короля и въ память шареттовскихъ зауавовъ, Контуисъ стоялъ у подножія алтара, держа знамя Вандей», которое снова вытаскивали по этому случаю. «Только набожныя бдѣнія средневѣковыхъ рыцарей, подъ готическими сводами, могли-бы дать понятіе о торжественности этой обѣдни, отслуженной за Францію, на чужой сторонѣ, въ присутствіи короля, королевы, принца и принцессы королевскаго семейства, вѣрныхъ изгнаннику слугъ и этихъ доблестныхъ вандейцевъ, въ мѣстныхъ костюмахъ, собравшихся вокругъ бѣлаго, усѣяннаго лиліями, знамени. Волненіе достигло апогея. Никогда еще нельзя было съ такою справедливостью сказать, что «всѣ проливали предъ Господомъ слезы и возносили моленія». Какія трогательныя и горячія мольбы неслись изъ этихъ французскихъ сердецъ къ Тому, кто исцѣляетъ народы, кто возвышаетъ и унижаетъ, когда Ему угодно, и народы и страны! Прерывающіеся отъ слезъ голосомъ пропѣли наши друзья: «Domine, salvum fae Regem». («Господи, спаси короля!»)

Король, съ трудомъ удержавшійся отъ слезъ, сказалъ съ жаромъ: «Господа, я желаю, въ лицѣ Бодри, облобызать васъ всѣхъ» И, обнявъ вандейскаго депутата, онъ многократно поцѣловалъ его «съ нѣжностью отца и достоинствомъ короля». Затѣмъ онъ поочередно пожалъ всѣмъ руки и послѣдними словами его были: «До скораго свиданія». И когда дверь отворилась передъ королемою и королевою, всѣ стояли неподвижно, продолжая плакать и рыдать. Они-бы и до сихъ поръ тамъ стояли, еслибы церемоніймейстеръ не вернулъ ихъ къ дѣйствительности, напомнивъ, что приближается время отхода поѣзда.

VII.

Немного дней спустя, темной ночью, нѣсколько человѣкъ съ конспираторскою наружностью, завернутые въ широкіе плащи и въ широкополыхъ шляпахъ, надвинутыхъ на глаза, направлялись къ пустынной улицѣ въ Пасси, останавливались у обширнаго сарая и, осторожно вставивъ ключъ въ замочную скважину, отпирали дверь, не разъ осмотрѣвшись вокругъ, чтобы убѣдиться, что никто не прячется въ мракѣ и не слѣдитъ за ними.

Ослѣпительное зрѣлище открылось предъ ними. Двѣнадцать каретъ неслыханной роскоши и усѣянныя лиліями стоятъ въ сараѣ.

Одна изъ нихъ превосходитъ остальные богатой отдѣлкой. Внутри она обита бѣлымъ атласомъ съ золотой тесьмой, украшена коронами и французскимъ гербомъ. Козлы съ чехломъ и золотыми вистями. Одни фонари, которыхъ четыре, стояли тридцать тысячъ пятьсотъ франковъ. Это экипажъ короля. Остальные назначены для его свиты. Все это, вмѣстѣ взятое, стоило нѣсколько миліоновъ.

Послѣ тщательнаго осмотра, ночные посѣтители, съ сіяющими лицами, обмѣнялись слѣдующими словами: «Все готово». Затѣмъ они удалились и исчезли въ темнотѣ и безмолвіи ночи, не встрѣтивъ никакихъ помѣхъ.

Послѣднее время, отдѣляющее вѣрныхъ отъ дня избавленія, было посвящено разнымъ благочестивымъ упражненіямъ, такъ какъ матеріальныя приготовленія не должны заставлять забывать о духовныхъ. Предпринимались крестные ходы, паломничества и т. п.

Отправлялись въ національную церковь Святого Сердца, въ Монмартръ, гдѣ, осмотрѣвъ работы и спустившись въ сылепы, слушали обѣдни, которыя служились бретонскимъ священникомъ; садились въ омнибусъ и ѣхали въ Сень-Дени, чтобы посѣтить гробницы «нашихъ королей». Другіе добирались до самого лурдскаго грота и погружались въ чудодѣйственныя волны его купели. Многіе заѣхали даже въ Испанію, для посѣщенія пресловутой святой Орозіи. Эта, еще мало-извѣстная, святая заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ, по причинѣ изумительной власти, которой располагаетъ.

Это мученица девятого столѣтія, взятая въ плѣнъ мавромъ Мирамолиномъ и четвертованная, вслѣдствіе того, что отказалась отъ принятія магометанства. Разсѣянные члены ея были собраны пастухомъ и отнесены въ Яву, въ Аррагонію, гдѣ находятся и теперь. Результаты обращенія къ этимъ мощамъ, разумѣется, удивительныя. Они посылаютъ дождь и ведро, смотря по тому, что требуется, утишаютъ бури и измѣняютъ направленіе вѣтровъ, воскрешаютъ мертвыхъ, а тѣмъ болѣе исцѣляютъ тѣлесныя и душевныя страданія, постигающія смертныхъ. Клиенты святой, большею частью: съумасшедшіе, страдающія истеріей, эпилептики; но, сверхъ того, къ ней можетъ обращаться, съ пользой для себя, и всякій, въ какомъ-бы состояніи ни находились его духъ и тѣло.

Богомольцы. приходящіе поклониться мощамъ, собираются въ церкви имени святой и присутствуютъ при различныхъ религиозныхъ церемоніяхъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и пляской. Эти танцы значительно оживляются къ вечеру; всѣ богомольцы кру-

жаты въ ихъ вихрѣ; мужчины, женщины, всё прыгаютъ въ перемежку. Затѣмъ группы отправляются въ часовню св. Орозіа.

Такъ какъ всё недуги приписываются вторженію въ тѣло злого духа, то весь вопросъ сводится къ тому, чтобы его изгнать изъ тѣла. Куда-бъ ни вселился онъ: въ виноградную лозу или картофель, въ гусеницу или улитку, въ человѣка или скотину,—во всякомъ случаѣ, противъ него имѣются вѣрныя средства. Для эпилептиковъ, истеричныхъ и другихъ конвульсіонеровъ у мѣстныхъ старухъ имѣется непогрѣшимый приемъ. Онѣ окружаютъ бичевками пальцы одержимаго бѣсомъ и крѣпко привязываютъ ему обувь. Послѣ этой операціи обращаются къ страдающему и спрашиваютъ, сколько бѣсовъ сидитъ въ немъ и изъ какой части тѣла они желаютъ выйти. Обыкновенно получается въ отвѣтъ, что бѣсы желаютъ выйти изъ рукъ и ногъ. Затѣмъ онъ начинаетъ кричать, корчиться, ударять о землю ногами и потрясать въ воздухѣ руками. Отъ этихъ беспорядочныхъ движеній обувь соскакиваетъ, бичевки также. Паденіе каждаго изъ этихъ предметовъ приписывается выходу лукаваго; толпа выражаетъ тогда свой восторгъ движеніями и криками, которые, смѣшиваясь съ пѣніемъ вѣрующихъ и музыкой, производятъ истинно-адскій гвалтъ. На слѣдующій день всё отправляется босикомъ на крестный ходъ.

Нельзя не сознаться, что все это оставляетъ далеко за собой всё сама знаменитыя исцѣляющія купели; понятно, что слуги христіанѣйшаго изъ королей заблагоразсудили воспользоваться такой необычайной силой и поняли всю выгоду, которую могутъ извлечь изъ нея для очищенія своихъ душъ и успѣха своего дѣла.

Съ своей стороны претендентъ не терялъ времени. Въ началѣ октября, въ Ватиканѣ распространился слухъ, что имѣетъ совершиться важное событіе. Какое именно, никто не могъ сказать. Тайна соблюдалась такъ строго, что даже въ средѣ приближенныхъ святого отца ничего не знали. Одинъ изъ высшихъ чиновъ прелатуры, котораго спросилъ объ этомъ какой то дипломатъ, отвѣчалъ: «Здѣсь дѣлаются приготовленія для таинственнаго приема на сегодняшній вечеръ». А когда дипломатъ сталъ настаивать, желая узнать немного болѣе, то прелатъ сказалъ: «Я знаю только, что дѣло идетъ о приемѣ очень важной особы, но даю вамъ честное слово, что рѣшительно не знаю ея имени. Этого никому не сообщали!» За нѣсколько минутъ до часа, назначеннаго для приема «очень важной особы», племянникъ папы, кардиналъ Певки, спустился изъ апартаментовъ, занимаемыхъ имъ въ папскомъ дворцѣ, чтобы посѣтить своего дядю; явившись какъ сосѣдъ и близкій родственникъ, молодой графъ былъ въ визитѣ. Его святѣйшество велѣлъ попросить его какъ можно скорѣе вернуться къ себѣ, что онъ и испол-

нилъ, не успѣвъ и самъ узнать, для кого такъ великолѣпно освѣщены парадныя залы. Скоро экипажъ съ гербомъ Льва XIII подъѣхалъ къ Ватикану и особа, вышедшая изъ него, оказалась графомъ Шамборомъ. Что происходило во время tête-à-tête'a его съ Львомъ XIII? Напрасно было-бы стараться проникнуть въ эту тайну, такъ какъ бесѣда происходила съ глазу на глазъ, безъ всякихъ свидѣтелей.

Но если все готово, и кареты, и души, и самъ король, то чего-же еще ждать? Да и не ждали; 9 октября назначено было днемъ рѣшительнаго дѣйствія.

Хотя со дня рожденія короля прошло десять дней, тѣмъ не менѣе онъ послужилъ поводомъ для созванія арміи вѣрныхъ и на этотъ разъ также была принята форма банкета. Только вмѣсто того, чтобы запереться въ залѣ какого-нибудь ресторана, собрались на открытомъ воздухѣ. 12,000 человекъ приглашено было на островъ Коморгъ. Сюда явились изъ Марселя, Авиньона, Нима, Арля и Ліона, а также изъ глубины самой Вандеи. Сотни бѣлыхъ, усѣянныхъ лиліями, знаменъ развѣвались въ воздухѣ. На каждомъ столѣ возвышался бюстъ короля. Среди цвѣтовъ и гирляндъ видѣлся гербъ съ самыми разнообразными девизами: «Сердце Иисуса, спаси Францію!», «Не отрекусь никогда!», «Я возвращаю вамъ свободу и порядокъ въ складкахъ моего знамени!», «Все для Франціи, самой Франціей и при ея содѣйствіи!», «Милостію Бога я могу спасти Францію, я долженъ и желаю!»

Послѣ обѣдни, отслуженной въ громадномъ сараѣ, сѣли за столъ и вытащили изъ кармановъ принесенную съ собою провизію, между тѣмъ какъ воздухъ огласился пѣніемъ гимновъ въ честь графа Шамбора. Затѣмъ предсѣдатель поднялся съ своего мѣста среди торжественнаго молчанія и возвѣстилъ, что король вступитъ на французскій престолъ. Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ король это сказалъ. «Адвокатъ Робинэ, заставляющій называть себя де-Клэри, именемъ камердинера Лудовика XVI, бросается на столъ. «Время рѣчей миновало», заявляетъ ораторъ, и говоритъ за тѣмъ въ теченіи часа. За нимъ слѣдуетъ нѣкто Барбъ. Онъ объявляетъ, что у легитимистовъ есть программа, организація, но недостаетъ еще чего-то, а именно плана. Этотъ планъ обрѣтенъ Барбомъ и онъ излагаетъ его тутъ-же. Слѣдуетъ продолжать устраивать какъ можно болѣе банкетовъ. Раздаются протесты. Находятъ, что слѣдуетъ прямо идти на улицу, да еще «и съ ружьемъ!» Другой ораторъ, Корнэби, объявляетъ, что имѣетъ сообщить нѣчто важное. «Корнэби нѣтъ въ программѣ, замѣчаетъ предсѣдатель, но все равно, онъ можетъ говорить». Сказавъ нѣсколько словъ, ораторъ восклицаетъ: «Король идетъ! Король пришелъ! Я сейчасъ

докажу это». Слушателямъ послышалось, вмѣсто *докажу*, — *покажу*. Раздается громовый кликъ: «Да здравствуетъ король!» между тѣмъ какъ всѣ головы поворачиваются въ сторону оратора и всѣ глаза ищутъ возвѣщеннаго короля. Но ничего не видно; король не является; это была простая риторическая фигура.

Не взирая на то, роялистская революція идетъ быстрыми шагами. Въ настоящую минуту получено важное извѣстiе: бѣлое знамя выставлено сосѣднимъ городомъ, т. е. Арлемъ, гдѣ водрузили бѣлый флагъ на самомъ зданiи подпрефектуры. Это очевидно должно было служить сигналомъ. Всѣ встаютъ изъ-за стола и при многократно повторяемыхъ виватахъ королю направляются къ пароходу, который долженъ отвезти ихъ въ этотъ городъ. По прибытiи туда, они замѣчаютъ значительную толпу, тѣснящуюся на набережной Роны, въ ожиданiи ихъ прiѣзда. Безъ сомнѣнiя, это подкрѣпленiе, долженствующее усилить ряды ихъ. Увы, не долго длилась иллюзія! При первомъ-же крикѣ: «Да здравствуетъ король!» раздаются свисты и далеко недружелюбныя восклицанiя, и вмѣсто гимна графу Шамбору на улицахъ поютъ Марсельезу. На подпрефектурѣ уже не развѣвается бѣлое знамя: толпа сорвала его и изодрала въ клочки. Къ счастью, является полиція и избавляетъ мятежниковъ отъ подобной-же участи. Такъ кончилась революція 9-го октября. Король рѣшительно не прiѣдетъ, и золотымъ каретамъ придется ждать лучшихъ временъ. Но монархисты не унываютъ и въ видахъ упражненiя челюстей продолжаютъ банкетствовать.

Возвращаясь къ женщинѣ съ тремя головами, то есть къ республикѣ нашей, намъ остается поговорить о третьей или социалистической головѣ, какъ мы ее назвали. Но, по правдѣ сказать, я также нахожу, что это слѣдуетъ отложить до болѣе благоприятныхъ временъ.

Живѣ.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Жгучій вопросъ «Московскихъ Вѣдомостей». — «Идилія» въ остальной прессѣ. — Куда дѣвались «вопросы» и «трезвенный мужичекъ». — Проекты будущаго счастья. — Кто ихъ сочиняетъ? — Деморализація. — Факты, сообщаемые газетами. — Мензелинская распря. — Заявленіе одной дѣвушки въ «Сар. Листкѣ». — Дѣло объ оскорбленіи въ Кіевѣ. — Скопинскій крахъ и Рыковъ. — Его успѣхи. — Гдѣ виноватые? — Архангельскіе чиновники, какъ иллюстрація скопинскаго краха. — Призывъ „варяговъ“ въ Москву. — Московскій городской голова въ дѣлѣ барона Корфа

I.

Отыскать скоропостижныя и рѣшительныя средства для водворенія у насъ такого идеальнаго «порядка», о которомъ всю жизнь мечтали неисправимый «идеалистъ» военныхъ поселеній, Аракчеевъ, — вотъ безспорно самый жгучій вопросъ, злоба дня «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ поклонниковъ въ печати и обществѣ. Не велики они числомъ, правда, но... но «малъ золотникъ да дорогъ!»

«Дайте намъ настоящій порядокъ, чтобы трепеть охватилъ всю Россію, чтобы каждый становой былъ въ полномъ смыслѣ «грозная и сильная власть», а не «лже-либераль», какъ теперь, — и тогда, только тогда, наступитъ «золотой вѣкъ» благоденствія».

Такъ или почти такъ, съ большей или меньшей энергіей, то въ мантии пророка, то въ балахонѣ полишинеля, — каждый день вопить московская газета, давая тонъ своимъ подголоскамъ. Въ ушахъ читателя только и стоитъ, что этотъ неустанный окрикъ. Ничего другаго не слышно, точно находишься на живодернѣ. И все еще недовольная, все еще ненасытная, газета Страстнаго бульвара дѣлаетъ суровыя внушенія направо и налево: суду и администраціи, университетамъ и печати, женскимъ курсамъ и народнымъ училищамъ, отыскивая, по своему обыкновенію, вездѣ, если не гнѣзда заматорѣлой крамолы, то, по меньшей мѣрѣ, признаки самой свѣжей интриги. «Измѣнниковъ» оказывается столько, сколько чиновниковъ въ Россіи; даже чинъ статскаго совѣтника плохая гаран-

тія. О лицахъ другихъ профессій нечего и говорить. Если вѣрять «Московскимъ Вѣдомостямъ»—имъ давно мѣсто въ другой частѣ свѣта. Страшно!.. Для возстановленія порядка одно средство, по мнѣнію нашего публициста,—«накалывать».

Станете вы читать другія газеты, которыя—благодареніе Богу—хоть не ходатайствуютъ о накалываніи,—картина мгновенно мѣняется. Вы словно попадаете изъ бушующаго океана въ тихія стоячія воды. Въ обращеніи нѣтъ никакихъ вопросовъ, какъ будто, съ отъѣздомъ по домамъ свѣдущихъ людей, наступила такая тишь и гладь, когда никакой вопросъ, никакое сомнѣніе, никакая злоба не нарушаютъ тихаго и безмятежнаго житія. Если прочитывать однѣ передовыя статьи, не заглядывая въ разныя: «намъ пишутъ» и «намъ сообщаютъ», гдѣ не рѣдко пишутъ и сообщаютъ о фактахъ не всегда утѣшительныхъ, — то, право, посторонній человѣкъ, слетѣвшій съ луны, могъ-бы подумать, что очутился въ Аркадіи счастливой, гдѣ всѣ столь пресыщены счастіемъ, что никакими вопросами не болѣютъ... Однимъ словомъ: идиллія!

Вопросовъ, повторяю, въ газетахъ нѣтъ. И если-бы Господь Богъ не посылалъ на насъ, въ гнѣвъ своею, довольно таки часто то дефтерита, то краховъ, то хищеній, выходящихъ изъ предѣла «экономіи», словомъ какого-нибудь событія, которое возможно обсудить съ надлежащей деликатностью,—я рѣшительно не знаю, какъ-бы выходили изъ затрудненія составители передовыхъ статей. Положимъ, конская перепись, филоксеры, Гладстонъ и Араби-паша остаются въ запасѣ, но—согласитесь, всѣ эти предметы, въ значительныхъ дозахъ, рѣшительно набьютъ оскомину даже и у русскаго читателя. За двадцать пять лѣтъ онъ получилъ вкусъ къ свѣдѣніямъ не объ одной только борьбѣ съ филоксерой и не объ однихъ только турецкихъ пашахъ. Онъ можетъ возроптать и, чего добраго, пожелать, чтобы ужь лучше вовсе никакихъ газетъ не было; по крайней мѣрѣ знаешь, что нѣтъ и что читать нечего. А то и газета есть, а въ ней одинъ только Араби-паша... Куда-же дѣвались «вопросы?» Отчего газеты ихъ игнорируютъ и разводить скуку до тошноты?

Напрасно читатель боится за вопросы. Они цѣлы и находятся въ вѣрѣныхъ рукахъ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, они, въ полномъ своемъ составѣ, юркнули со страницъ газетъ въ глубь разныхъ комиссій и подкомиссій и стыдливо скрылись отъ глазъ въ многотомныхъ предварительныхъ и дополнительныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ. Печать поневолѣ махнула на нихъ рукой, зная очень хорошо, что достать ихъ оттуда все равно, что разбудить спящую царевну...

Такимъ-то образомъ стали мы читать газеты безъ «вопросовъ».

Даже недавній модный вопросъ объ интеллигенціи и мужикѣхъ, «нашемъ терпѣливомъ, самобытномъ, трезвенномъ мужичкѣхъ» пропалъ безъ вѣсти и теперь рѣшительно неизвѣстно, на какомъ положеніи состоитъ «народъ» у нашихъ «самобытниковъ» фигурируетъ-ли онъ, по прежнему, въ качествѣ «единственнаго во всемъ мірѣ», съ которымъ можно было сантиментальничать какъ угодно и именемъ котораго можно было врать что угодно, или до времени оставленъ безъ всякаго вниманія, въ виду одной изъ исконныхъ его добродѣтелей—потреблять мало и платить довольно.

По крайней мѣрѣ петербургскій поставщикъ «самдѣлишныхъ» мужичковъ, купецъ 2-й гильдіи Ивашкинъ, который годъ тому назадъ велъ дѣло довольно бойко, поставляя изъ дома Вяземскаго «самыхъ настоящиковъ» мужичковъ на банкеты, дававшіеся свѣдущими и не свѣдущими «истинно-русскими» людьми,—теперь жалуются на плохія времена.

— Совсѣмъ перестали господа послѣ обѣда мужика требовать. Опять пошла франгузинька!

Даже изъ «Новаго Времени» мужичекъ куда-то исчезъ. А эта почтенная газета умѣетъ улавливать вѣусы, зная когда нуженъ «жидъ», когда «нѣмецъ», когда «полякъ», когда «анархисты» и когда одна «франгузинька»...

II.

Если одна часть печати игнорируетъ вопросы, за то московская газета тѣмъ рѣшительнѣе ихъ рѣшаетъ и тѣмъ беззапѣчливѣе рекомендуетъ читателямъ образецъ новгородскихъ поселеній какъ идеаль общезитія. Арсеналъ средствъ не отличается даже оригинальностью выбора. Всѣ эти мѣры давнымъ давно вездѣ перепробованы и почти вездѣ сданы въ чуланы, какъ памятникъ людскаго безумія и неумѣнія понимать уроки исторіи. Въ этихъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ нашими публицистами, нѣтъ даже определенности и послѣдовательности щедринскаго Угрюмъ-Бурчеева. Это все грандіозные наброски, не объемлющіе идеи «порядка», такъ сказать, въ полномъ его видѣ, какъ обнималъ, на примѣръ, Угрюмъ-Бурчеевъ. Подчасъ слишкомъ страстные, подчасъ слишкомъ ужъ подозрительные по скрытымъ вождельніямъ, они возбуждаютъ не только ужасъ, но и презрѣніе, а это признакъ нехорошій. Намъ ежедневно твердятъ объ упраздненіи печати, забывая,—намѣренно или преднамѣренно,—что съ печатью въ Европѣ дѣлали разные опыты, и что изъ этого ничего не вышло; намъ рекомендуютъ систему «крови и желѣза» и заселенія отдаленныхъ мѣстъ всѣми лицами, не достигшими сококалѣтнаго возраста, но при этомъ не поясняютъ, кто-же будетъ,

напримѣръ, ходить въ департаменты, когда умрутъ старики? Намъ объѣщаютъ благоденствіе народа, основываясь на способности его потреблять незначительное количество пищи, намъ даютъ схемы «самобытности» того-же народа, построенныя въ расчетѣ на его невѣжество, но опять-таки является вопросъ: что будетъ, если способность потребления возрастетъ и самобытность народа выразится въ формѣ, едва-ли представляемой нашими «народолюбцами»? Что скажутъ тогда всѣ эти господа о мужикѣ — этомъ «преданномъ, добромъ, трезвенномъ мужичкѣ»? Рисуя въ окончательной формѣ, послѣ усмиренія интеллигенціи, туманныя перспективы арацхеевскихъ поселеній, гдѣ всѣмъ, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ, будетъ одинаково прелестно, устроители будущаго нашего счастья тѣмъ не менѣе не дадутъ подробностей: какъ будетъ водворяться это счастье и будетъ-ли тамъ, какъ и теперь, существовать и гласный судъ, и законы, и свободная печать, и урядники, и недоимки, и Демидронъ и «Московскія Вѣдомости»?

Повторяю,—нужны подробности и разъясненія.

Вѣрятъ-ли сами публицисты-проповѣдники тому, что проповѣдуютъ и чѣмъ пугаютъ общество?

Конечно, бывали (и бываютъ) искренніе маниаки, убѣжденные, что можно остановить движеніе мысли страхомъ наказанія, что необходимо вернуться къ средневѣковому режиму во что-бы то ни стало и какими-бы-то ни было средствами,—но такихъ экземпляровъ безкорыстныхъ рыцарей реакціи исторія намъ даетъ очень мало. Побужденія иного свойства, совсѣмъ не безкорыстныя, руководятъ дѣйствіями болѣе вліятельныхъ и умныхъ людей этой партіи, заставляя ихъ заглушить въ себѣ совѣсть и нравственность, забыть уроки исторіи и будущность страны, называть черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ... Прочитайте внимательно біографіи всѣхъ этихъ болѣе извѣстныхъ господъ... Борьба за власть, за положеніе, чистолюбивое желаніе вліянія, чувство самосохраненія, наконецъ, мотивы, еще болѣе эгоистическіе и низменные—вотъ рычаги дѣйствія. И замѣьте еще любопытный фактъ. Обыкновенно, эти самые господа, которые проповѣдуютъ обскурантизмъ—въ дни молодости вѣрили въ иного Бога и, продавъ своего Бога, тѣмъ съ большею яростью бросаютъ камни въ то, чему прежде поклонялись, съ тѣмъ большимъ остервененіемъ клеветуютъ на противниковъ, словно желая заглушить въ себѣ внутренній голосъ совѣсти, нашепывающій имъ о ихъ безнравственности. И чѣмъ талантливѣе такіе люди, тѣмъ, обыкновенно, они бываютъ менѣе послѣдовательны и въ ихъ совѣтахъ противорѣчія бьютъ въ глаза на каждомъ шагу... Но они этимъ не смущаются; не смущаются ни мнѣніемъ современниковъ, ни будущимъ приговоромъ исторіи.

Спускаясь ниже, мы видимъ, что вслѣдъ за такими отступниками идутъ ужъ совсѣмъ безшабашные люди, которые обыкновенно выползаютъ изъ щелей въ тѣ времена, когда можно въ мутной водѣ ловить рыбу... Они знаютъ свое время, и вотъ тогда-то начинается настоящій шабашъ, гдѣ глупость, подлость, личные счеты являются, прикрыты, какъ фиговымъ листкомъ, фразами объ отечествѣ, о патриотизмѣ и т. п. И чѣмъ элементарнѣе, такъ связать, мотивы, тѣмъ съ большимъ пафосомъ обыкновенно повторяются эти фразы, рассчитанныя на довѣрчивость читателей... Вспомните, какъ Цитовичъ, напримѣръ, говорилъ о высокихъ чувствахъ наканунѣ того дня, какъ увозилъ остатки подписной суммы.

Въ такія-то времена появляются всевозможные проекты и планы строительства. Зудъ такого строительства охватилъ не только извѣстнаго рода публицистовъ, но не мало лицъ, неприкосновенныхъ къ литературѣ, часто даже неприкосновенныхъ и къ русской грамотѣ. Каждый Аника-воинъ, имѣвшій на службѣ неприятность, каждый мало-мальски честолюбивый статскій совѣтникъ, вообразившій въ себѣ искру аракеевского гения, каждый еле грамотный Держиморда, не знающій куда дѣвать свои здоровенные, наводящіе оторопь, кулачищи, каждый «патріотъ своего отечества», мечтающій изъ «экономіи» сдѣлать предметъ «хищенія», каждый, говорю, проходимецъ на разныхъ поприщахъ дѣятельности спѣшитъ внести свою лепту въ сокровищницу «накаливанія» и высказаться отъ полноты возмущеннаго сердца, рассчитывая если не на благодарность потомства (люди несправедливы), то, по меньшей мѣрѣ, на вниманіе ближайшаго участка. Конечно, надежда эта, можетъ быть, тщетна; начальство и безъ совѣтовъ знаетъ, какъ ему поступать, на это есть законы и собственные соображенія,—но всѣ эти честолюбивые и голодные, глупые и неглупые прожекторы все-таки надѣются, что, авось, и ихъ слово падеть не на каменистую почву.

Дѣло дошло до того, что подобнаго рода прожекторство дѣается какъ-бы профес сіей.

Нѣсколько времени тому назадъ, я встрѣтился съ однимъ знакомымъ старикомъ Алексѣемъ Ивановичемъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ изъ уѣзднаго захолустья. Алексѣй Ивановичъ—отставной интендантскій чиновникъ, изъ маленькихъ. Въ прошлую войну онъ присосался къ какому-то складу, но такъ какъ человекъ онъ вообще осторожный, то поворовывалъ по чину, счастливо отдѣлался отъ суда и, выйдя въ отставку, уѣхалъ въ провинцію присмотрѣть себѣ небольшое имѣніе. Онъ былъ человекъ тихій, скромный и недалекій, политикой никогда не занимался; кажется, даже и газетъ не читалъ...

Вообразите-же мое удивленіе, когда, при встрѣчѣ, первыя слова этого самого Алексѣя Ивановича были о политикѣ и притомъ въ самомъ рѣшительномъ тонѣ. Онъ сокрушался о Россіи и говорилъ о своемъ патриотизмѣ черезъ-чуръ возвышенно.

— Да вы прежде скажите, зачѣмъ пріѣхали сюда? Закладывать, что-ли, имѣньяце?

Оказалось, что имѣньяца онъ не покупалъ, а давалъ хорошимъ знакомымъ «кое-какія деньжонки», скопленные имъ на службу, подъ «небольшіе» проценты и, несмотря на свою осторожность, потерпѣлъ большіе убытки. «Хорошіе знакомые» не платятъ ни капитала, ни процентовъ.

— Такъ вы мѣста, что-ли, искать?..

— Если что окажется, я, конечно, съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время я много размышлялъ и привезъ сюда одинъ проектъ...

— Проектъ?.. Вы написали проектъ? О чемъ-же?

— О чемъ теперъ болитъ душа каждаго патриота?.. И вы еще спрашиваете!?..

— Носили вы его куда-нибудь?

— Какъ-же... подавалъ... проговорилъ онъ уныло.

— И что-же?

— Пока никакой резолюціи...

— Дайте его прочесть.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

На другой-же день я получилъ самый проектъ и пріятно изумился, увидавъ листикъ бумаги, сложенный въ восьмушеу, исписанный крупнымъ писарскимъ почеркомъ. Привожу его въ подлинномъ видѣ, исправивъ, конечно, невозможную орфографію. Вотъ онъ:

«Не блистая ни ученостью, ни извѣстнымъ именемъ, но одушевленный любовью къ отечеству и бѣдствіями онаго удручающими сокрушенный, приѣмлю смѣлость съ своей стороны внести послѣднюю лепту на алтарь отечества почтительнѣйшимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ мѣропріятій, коими возможно было-бы въ краткій срокъ сдѣлать отечество счастливымъ и сильнымъ. Засиѣмъ, осмѣливаюсь назвать ниже сего предлагаема мѣропріятія тагъ:

.

Изложивъ по чистой совѣсти, хотя, быть можетъ, со смѣлостью истиннаго патриота, плодъ размышленій моихъ въ безвѣстномъ углу Россіи, — осмѣлюсь почтительно обратить вниманіе вашего п-ва на бѣдственное положеніе престарѣлаго слуги отечества, пролившаго кровь въ минувшую войну, оставшагося за штатомъ и

обремененнаго многочисленнымъ семействомъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, и почтительнѣйше просить въ случаѣ, если мысли мои найдены будутъ заслуживающими уваженія, не отказать мнѣ въ выдачѣ единовременно пособія въ количествѣ, какое найдено будетъ удобнымъ и опредѣлить меня снова на службу, чтобы я могъ вновь доказать на дѣлѣ готовность пролить кровь на пользу и славу любимаго мною отечества».

Я перечелъ эту записку нѣсколько разъ и, признаться, удивился не ея вопіющей нелѣпости (мало-ли нелѣпостей не только пишется, но и печатается), а тому, что этотъ доселѣ скромный Алексѣй Ивановичъ сталъ сочинять прозектъ и, мало того, обнаружилъ въ немъ такую жестокость. Легко сказать: «искоренить вовсе или въ нѣкоторой степени», какъ онъ предлагалъ. А я зналъ, что старикъ вовсе не жестокъ и скорѣй даже добродушень, и вотъ за небольшое пособіе онъ предлагаетъ «искоренять» людей.

Черезъ нѣсколько дней я увидалъ его и, между прочимъ, попенялъ ему за жестокость.

— Нужно показать примѣръ, началъ было онъ, но потомъ, смутившись, прибавилъ: — Эхъ батюшка если-бъ вы знали, въ какомъ я положеніи. Думалъ я думалъ, послѣ того, какъ денежки мои ухнули, что дѣлать, и пришло мнѣ въ голову написать записку. У насъ въ провинціи многіе теперь стали писать записки. Думаю, можетъ быть и дадутъ вспомоствованіе да и мѣстечко... А если по совѣсти-то говорить, то никого искоренять не хочу, только бы мнѣ на старости лѣтъ...

— Что-жь, успѣшны ваши хлопоты съ запиской?...

— То-то и говорю, что нѣтъ... Одному знакомому статскому совѣтнику подавалъ. Похвалить похвалилъ за чувства, а денегъ, говорить, нѣтъ, по случаю экономіи...

— А на счетъ мѣста?

— И мѣста нѣтъ...

Я не знаю куда дѣлся старикъ. Да и не въ старикѣ дѣло, а въ той деморализаціи, которая охватила въ послѣднее время насъ со всѣхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ подумайте: человекъ за сто рублей готовъ сочинить чортъ знаетъ что такое, самъ-же не безъ добродушія сознается, что дѣлаетъ пакость и конечно сдѣлаетъ ее...

III.

Этотъ экземпляръ еще не изъ худшихъ. Теперь много развелось лицъ, спасающихъ отечество если не на бумагѣ, то устно и чуть-ли не дѣлающихъ изъ этого занятія профессіи. Ихъ не останавливаютъ даже приговоры мировыхъ судей, тѣмъ болѣе, что теперь какъ-то подобная профессія и не считается предосуди-

тельной въ глазахъ невѣжественнаго большинства. Факты о подвигахъ такихъ добровольцевъ нерѣдко попадаютъ въ газеты, но сколько подвиговъ остаются неизвѣстными! И деморализуется не только городъ, но и «деревня», куда изъ городовъ разносятся вѣсти о городскихъ нравахъ. Самые низменные инстинкты выплываютъ наружу и нынѣ ничего не стоитъ за пять рублей взвести на человѣка ложное обвиненіе, играя на модномъ мотивѣ.

Разумѣется, ложь обнаружится, но сколько тревоги, сколько неприятностей вносится теперъ въ жизнь, благодаря распространенію разныхъ проходимцевъ! Если въ литературѣ появляется защита Булюбашей, если газеты, какъ, напримѣръ, «Современныя Извѣстія» прямо рекомендовали, годъ—два тому назадъ, добровольное соглядатайство, какъ весьма нравственную мѣру, то что-же мудренаго, что эти мгнѣнія, находя благодарную почву въ низменныхъ инстинктахъ, возводятся въ систему и практикуются представителями всевозможныхъ классовъ и профессій.

Культурные люди на этомъ поприщѣ отличаются, конечно, большей ловкостью. Въ газетахъ-то и дѣло оглашаются факты. То — читаемъ мы — кто-нибудь перехватываетъ письма, перечитываетъ ихъ и представляетъ по назначенію, вслѣдствіе чего людей арестуютъ, какъ напримѣръ, земскихъ врачей въ Нѣжинѣ, и потомъ, конечно, выпускаютъ, убѣдившись въ ложномъ обвиненіи; въ фребелевскихъ кубикахъ усматриваютъ признаки крамолы, или, наконецъ, прямо, безъ всякихъ поличныхъ, клеветаютъ на ближнихъ, ради низкой мести. Такъ, недавно, напримѣръ, по словамъ «Русскаго Курьера», предсѣдатель одного окружнаго суда на югѣ соорудилъ громаднѣйшую клязу на 48 листахъ на своихъ двухъ товарищей, при чемъ не поцеремонился заглядывать въ чужія письма, и клязу эту послалъ въ сенатъ. Въ этой сорока-листной кляузѣ, какъ говоритъ корреспондентъ, есть все, что можетъ выдумать современный ябедникъ да еще судебного званія. И обвиненіе въ социалистическихъ идеяхъ, и въ безнравственности, и въ неуваженіи къ властямъ, словомъ, «весь туалетъ»... Одно только нѣтъ—правды. Интересно, что скажетъ на судѣ этотъ джентльменъ, когда сенатъ предастъ его суду, какъ надо надѣяться, за лжесвидѣтельство?

А это любопытное происшествіе въ Мензелинскѣ, окончившееся цѣлымъ слѣдствіемъ, которое выяснило совсѣмъ не то, на что рассчитывалъ мѣстный Булюбашъ?... О немъ сообщили «Странѣ» такія подробности: Въ названномъ городѣ между училищнымъ совѣтомъ и инспекторомъ возникли какіе-то раздоры и вотъ г. Б. (инспекторъ), не долго думая, шлетъ по начальству сообщеніе, въ которомъ, разумѣется, напираетъ, главнымъ образомъ, на не-

благонадежность учителей; затѣмъ идутъ въ ходъ и эрисмановскія скамейки въ ремесленныхъ школахъ, и учитель, засунувшій руку въ карманъ во время молебна, и учительница, похожая наружностью на другое лицо, и земскіе дѣятели въ образѣ пособниковъ нигилизма, словомъ—чуть-ли не подробная передовая статья въ жанрѣ «Московскихъ Вѣдомостей». И что-же оказывается по слѣдствію, строго и добросовѣстно произведенному чиновникомъ министерства, присланному изъ губернскаго города?

Оказывается, что въ этомъ извѣтѣ ложь съ начала до конца. Учителя народныхъ школъ были аттестованы крестьянами съ самой лучшей стороны и слѣдствіе подтвердило отзывы крестьянъ. За то о г. Б. слѣдователь получилъ такіе отзывы, что долженъ былъ составить протоколъ для представленія по начальству. Объ этомъ самомъ блюстителѣ нравственности и сочинителѣ вляузы крестьяне передавали «пикантныя подробности, какъ подгулявшій г. Б. обращался къ одному изъ нихъ съ просьбой проводить на посидѣлки и т. д.; а одинъ изъ учителей, провѣренный тутъ-же, заявилъ слѣдователю о болѣе, чѣмъ неделикатномъ обращеніи г-на Б. съ его, учителя, сестрой».

«Саратовск. Дневн.», передалъ на дняхъ исторію одной дѣвушки, которая не могла дольше оставаться въ одномъ частномъ женскомъ учебномъ заведеніи въ Грязноводскѣ (?) и должна была переѣхать для окончанія курса въ Саратовъ...

Каковы мотивы, какова нравственная физіономія этихъ искоренителей зла, этихъ «патріотовъ своего отечества», можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго курьезнаго дѣла, разбиравшагося въ октябрѣ мѣсяцѣ у мирового судьи въ Кіевѣ и опубликованнаго въ газетѣ «Заря». Дѣло возникло по обвиненію нѣкоего Збарскаго купца Митницкаго въ оскорбленіи, выразившемся въ томъ, что послѣдній назвалъ перваго «доносчикомъ».

«На вопросъ судьи о виновности, повѣренный обвиняемаго, Зеленскій, заявилъ, что онъ дѣйствительно признаетъ, что Митницкій обозвалъ Збарскаго «доносчикомъ», но въ этомъ ничего оскорбительнаго для Збарскаго не видитъ. Самъ Збарскій въ газетѣ «Кіевлянинъ» заявилъ, что онъ занимается доносами и ему послѣ этого остается пенять на самого себя, если его называютъ настоящимъ его именемъ. Названіемъ «доносчикъ» характеризуется лишь профессія, которою данный субъектъ добываетъ себѣ средства къ жизни. Далѣе повѣренный объяснилъ, что Збарскій, «громившій въ газетѣ «Кіевлянинъ» безнравственность евреевъ», самъ практикуетъ самую нахальную систему вымогательства денегъ, технически называемую шантажемъ, для чего пользуются тѣмъ, что его многіе знаютъ за доносчика, и еще болѣе укореившеюся

въ публикѣ боязнью передъ доносами, и выдаетъ себя за «тайную полицію». Съ Митницкаго Збарскій хотѣлъ получить ни за что, ни про что 25 рублей. Когда Митницкѣй отказалъ, то Збарскій пригрозилъ доносомъ. Тогда Митницкѣй сказала: «хотя вы доносчикъ, но я нивакими предосудительными дѣлами не занимаюсь и поэтому денегъ не дамъ». Судья (къ Збарскому). Вы, дѣйствительно, доносчикъ? — Збарскій (важно). Я... я серьезный человекъ (въ публикѣ смѣхъ).—В. Я васъ объ этомъ не спрашиваю, а хочу только знать: доносчикъ-ли вы или нѣтъ? — Збарскій заявляетъ, что онъ прежде былъ агентомъ III-го отдѣленія. Нынѣ-же занимается разслѣдованіемъ дѣлъ о сбытѣ фальшивой монеты. Повѣренный Митницкаго заявляетъ, что показаніе Збарскаго о его дѣятельности звучитъ какою-то ироніей, такъ какъ «сей разслѣдователь» преступленій по сбыту фальшивой монеты самъ былъ осужденъ за фабрикацію и сбытъ фальшивыхъ денегъ. По окончаніи преній, мировой судья опредѣлилъ: кушца Митницкаго считать по суду оправданнымъ».

Положительно шантажъ дѣлается распространенной профессіей, и, чего добраго, скоро мы будемъ читать въ газетахъ объявленія, вродѣ слѣдующаго:

ЗА СКРОМНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ

принимаю на себя всякія секретныя влязныя порученія, въ томъ числѣ и выслѣживаніе невѣрныхъ супруговъ. Добросовѣстное и скорое исполненіе заказовъ. Тонкое чутье и опытный глазъ. Могу составлять и письменныя ябеды цѣною отъ 5 р. и выше.

По крайней мѣрѣ нѣчто похожее на подобную рекламу мнѣ довелось слышать, не далѣе какъ на дняхъ, изъ устъ одного джентльмена у Палкина. Молодой, довольно красивый, прилично одѣтый человекъ, значительно выпившій въ компаніи двоихъ товарищей, довольно громко хвасталъ разными своими похождениями и предположеніями, не стѣняясь даже сосѣдствомъ постороннихъ людей.

Судя по всему, мнѣ кажется, онъ больше хвасталъ, но предположите, что въ самомъ дѣлѣ всѣ червоныя валеты, всѣ желющіе сводить личные счета, всѣ подонки общества серьезно бы вздумали заняться модной профессіей, организовавъ правильное товарищество? Мы такъ боимся даже тѣни своей, такъ напуганы, что даже, не причастные ни къ какому предосудительному поступку, считаемъ себя какъ будто виноватыми. Какихъ сказочныхъ чудесъ можетъ натворить на такой благодарной почвѣ правильно организованная шайка червоныхъ валетовъ!

Пора однако перейти къ другой «злѣбъ дня», — къ грандіозному хищенію, обнаруженному, наконецъ, въ скопинскомъ банкѣ. Если вдуматься внимательно, это совершенно однородное явленіе съ тѣми, о которыхъ я только что говорилъ. Условія нашей жизни таковы, что благопріятствуютъ процвѣтанію именно такихъ явленій общественной жизни. Хищнику и проходимцу живется среди насъ легко, пока онъ не попадаетъ (и въ большей части случаевъ по собственной неосторожности) на скамью подсудимыхъ.

IV.

Двѣнадцать милліоновъ! Эта цифра огорошила даже и насъ, привыкшихъ за послѣднее время къ крупнымъ цифрамъ хищенія. Были хищенія, правда, грандіознѣе, — напримѣръ, хищеніе башкирскихъ земель и лѣсовъ, но они производились подъ легальной формой и такъ сказать, по уменьшенной оцѣнкѣ. А тутъ расхищено двѣнадцать милліоновъ чистоганомъ. Судебное слѣдствіе вѣроятно откроетъ, по крайней мѣрѣ надо думать, что откроетъ, подробное распредѣленіе этихъ богатствъ по разнымъ карманамъ, такъ какъ не одинъ-же Рыковъ скушалъ всѣ эти 12 милліоновъ. Газеты уже сообщили краткій списокъ должниковъ банка, между которыми значится г. Болдыревъ, бывшій рязанскій губернаторъ, уволенный, сколько помнится, отъ должности вскорѣ послѣ сообщенной въ газетахъ темной исторіи объ убитомъ пастухѣ во время охоты веселой компаніи изъ Рязани, — но по всей вѣроятности этотъ списокъ значительно дополнится на судебномъ слѣдствіи и тѣми «кредиторами» г. Рыкова (или скопинскаго банка), которые благоразумно не оставляли росписокъ «на память» и уцѣлѣли только въ памяти самого г. Рыкова. Тогда откроется — какимъ образомъ такъ долго могло оставаться не открытымъ это систематическое опустошеніе, не составлявшее тайны для очень и очень многихъ не только въ Рязани, но и въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что среди молчаливыхъ членовъ городского управленія и банковской администраціи, нашлись и протестанты. По словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», «нѣкоторые горожане, начиная съ 1875 года, вели съ Рыковымъ постоянную борьбу, но всѣ ихъ жалобы были тщетны. Почему-же жалобы ихъ были тщетны и хищеніе обнаружилось только тогда, когда исчезли 12.000,000 р.? Ахъ, это все та-же старая исторія о бѣломъ бычкѣ, которую приходится повторять каждый разъ, когда рѣчь заходитъ не только о хищеніи, но даже и объ «экономіи». Это все та-же изнанка идеала «Московскихъ Вѣдомостей», о которой, впрочемъ, газета благоразумно умалчиваетъ, представляя читателю только базовую сторону «сильной и грозной власти» исправниковъ и становыхъ.

Я не стану повторять болѣе или менѣе извѣстныхъ читателямъ подробности о томъ, какъ велись дѣла банка, какъ подъ магазинъ резиновыхъ издѣлій давали по 600,000 р., а подъ торговлю гармоніями и балалайками 25,000 р., какъ составлялись, утверждались и печатались въ газетахъ отчеты съ дутыми цифрами, какъ монастыри, разныя учрежденія, богадѣльни, церкви и частныя лица, соблазненные большимъ процентомъ, несли къ Рыкову свои капиталы, не смотря на циркуляръ бывшаго оберъ-прокурора, графа Толстаго, приглашавшій монастыри и церкви довѣрять свои вклады лишь государственному банку и т. п. Мы столько читали о дутыхъ отчетахъ и столько слышались о всякаго рода подлогахъ и мошенничествахъ, что повторять о нихъ еще разъ не стоитъ. Что же касается до соблазна духовныхъ лицъ, то и это не новость; не даромъ въ народѣ говорится, что «поповы глаза завидуши», а какъ тутъ не соблазниться, когда не только высокой процентъ даютъ, но сами архіереи, губернаторы и другія вліятельныя лица, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», обязательно передавали влады г. Рыкову.

Меня, признаться, интересуеть самъ г. Рыковъ и его біографія. Какимъ образомъ этотъ полуграмотный купецъ пріобрѣлъ репутацію финансиста, сдѣлался настоящимъ скопинскимъ сатрапомъ, передъ которымъ была бессильна уѣздная администрація, велъ жизнь владѣтельнаго принца и дивилъ губернскую знать лукудовскими обѣдами, грабя въ то-же время кассу банка?

Краткая исторія этого безшабашнаго хищничества и произвола, возвышенія и паденія скопинской знаменитости—есть въ то-же время не безынтересная исторія нашихъ «нравовъ» и условій, при которыхъ возможенъ широкій полетъ такихъ «орловъ» какъ Рыковъ. Это одинъ изъ «тщповъ», народившихся въ послѣднія 25 лѣтъ. Онъ не то, что Юханцевъ—легкомысленный, безшабашный червонный валець, проблестѣвшій метеоромъ въ обществѣ золотой молодежи и цыганокъ, и тѣшившій свое тщеславіе барченка въ кутежахъ съ самыми густыми сливками знати, который считалъ долгомъ чести возратить карточный долгъ въ срокъ и въ то-же время расхищаль подъ носомъ у «старцевъ» поземельнаго кредита кассу, показывая имъ вмѣсто денегъ пустые пакеты. Не похожъ онъ и на этого московскаго кассира, на дняхъ приговореннаго судомъ, старика-Іудушку, иезуита-скопидома Мельницкаго, прикидывавшагося набожнымъ, благочестивымъ старикомъ и въ то-же время обладавшаго «мертвой хваткой», ограбившаго своихъ близкихъ и вздумавшаго было, для увѣнчанія своей тихой жизни, «обронить» на московскомъ бульварѣ 300,000, великодушно предло-

живъ за свою оплошность все свое достояніе (тысячъ на сорокъ) и съ остаткомъ въ 250,000 удалиться не «лоно природы» съ незапятнанной репутациею столпа отечества

Типъ, представителемъ котораго является Рыковъ, составляетъ разновидность того-же типа, къ которымъ принадлежать всѣ наши знаменитые дѣльцы послѣдняго времени, всѣ эти желѣзнодорожники и иныхъ дѣлъ мастера, благодѣтели отечества и жертвователи; всѣ эти Губонины, Поляковы, Дервизы, Горвицы и т. д. съ тою только разницею, что Рыковъ избралъ болѣе рискованную форму... Приемы же какъ тѣхъ, такъ и другихъ одни и тѣже...

По словамъ довольно обстоятельной статьи «Скопинскій банкъ и его герои», напечатанной въ «Од. Вѣстникѣ», Рыковъ—сынъ небогатаго скопинскаго купца Оводова. Отецъ его былъ огородникъ, а самъ онъ, обучившись кое какъ читать псалтырь у дьячка приходской церкви, перешелъ жить къ своему дѣду (по матери), тоже скопинскому купцу Рыкову. Дѣдушка усыновилъ «Ванюшу» въ свою фамилію и по смерти оставилъ ему большое наслѣдство. Во все время до совершеннолѣтія «Ванюша» представлялъ собою жалкаго мальчика: «онъ ходилъ постоянно съ раскрытымъ ртомъ, съ грязью подъ носомъ и умственными способностями не отличался», говоритъ его біографъ. Однако спустя нѣкоторое время этотъ самый «Ванюша», ходившій съ «открытымъ ртомъ» и потерявшій свое состояніе въ тяжёбомъ дѣлѣ, — вдругъ является большимъ человѣкомъ, какъ-бы подтверждая этимъ, что для того, чтобы сдѣлаться большимъ плутомъ не надо обладать большими умственными способностями. Первымъ дѣломъ онъ задается мыслью устроить банкъ въ родномъ своемъ Скопинѣ—городишкѣ, который въ то время, представлялъ собой рядъ лачугъ и торговые обороты котораго не простирались болѣе чѣмъ на два съ половиною въ годъ.

Мысль о банкѣ крѣпко засѣла въ голову Рыкову и осуществить ее было не трудно. Въ то время была банкоманія и съ легкой руки г. Ламанскаго банки основывались какъ грибы, въ видахъ яко-бы развитія промышленности и кредита. Каждый городъ, торговавшій одними сухими кренделями, основывалъ свой банкъ и всѣ эти мѣстные Китъ-Китычи, жившіе прежде на 300 р. въ годъ, вдругъ стали жить на 3,000 р., благо можно кредитоваться. Хотя по-прежнему городъ производилъ сухіе крендели и ничего болѣе, но за то при банкѣ можно было взять подъ крендели такіа деньги, какія раньше и во снѣ не снялись... Это и называлось оживленіемъ торговли...

Разумѣется, разрѣшеніе открыть банкъ было получено и въ Скопинѣ появился банкъ. Сперва скопняцы недоумѣвали, зачѣмъ

имъ банкѣ, и остерегались брать деньги, такъ что, въ первое время, г. Рыкову пришлось навязывать деньги чуть не первому встрѣчному; онъ началъ ѣздить по городамъ и столицамъ, вездѣ предлагая легкую выдачу. Нечего и говорить, что г. Рыковъ отъ каза не встрѣтилъ.

По словамъ автора статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», «различные чиновники всевозможныхъ министерствъ, эти Мейеры, Болдыревы, Кобеляцкіе и эти Граббе, зная нужду въ деньгахъ или, вѣрнѣе сказать, зная куда дѣвать деньги, вмигъ поналетѣли въ скопинскій банкъ, опустивъ свою руку каждый по возможности глубже; взялъ самъ директоръ, взялъ мѣстный городской голова, а тутъ уже поняли въ чемъ суть и сами граждане».

Закипѣла работа... Лачуги сносились и на мѣсто ихъ воздвигались каменные дома, улицы мостились, жители расширили торговлю: покупали лѣса на свозъ, снимали земли въ арендное содержаніе; вездѣ посыпались деньги, во многомъ проглядывала роскошь... Виновникомъ всего этого былъ никто иной, какъ Рыковъ. «Въ собраніяхъ ему не разъ говорили благодарности; всѣ видѣли въ немъ настоящій источникъ жизни. Ему даже, въ видѣ поощренія, предоставленъ былъ личный произволъ. Вся администрація города плясала подъ тактъ его музыки, а если разъ не послушался его какой-нибудь исправникъ—долой его; докторъ Шляхтъ не съумѣлъ облегчить болѣзни его жены, когда она разрѣшилась сыномъ—вошь его; не понравился ему предводитель дворянства—хлопочеть, чтобы его смѣнили; неприятно спросилъ его о чемъ-нибудь гласный въ думѣ—отдать приказъ при будущихъ выборахъ забаллотировать его». Въ эту пору Рыковъ былъ въ апогеѣ своей славы и вліянія. Онъ «велъ свои дѣла на широкую ногу: всѣхъ пужныхъ людей ласкалъ, ублажалъ и, бывало, каждый пріѣздъ его въ губернской городъ Рязань ознаменовывался такими обѣдами и лукуловскими шршествами, на которыхъ обѣдалась вся губернская знать. Подобное практическое поведеніе русскаго американца давало ему такое крѣпкое положеніе, что его не въ состояніи были поколебать никакія жалобы, и уѣздная административная власть была безсильна противъ скопинскаго сатрапа въ ту пору, когда о городскомъ самоуправленіи и привилегированномъ положеніи его служителей не могло быть и рѣчи. Г. Рыковъ знать не хотѣлъ никакой уѣздной власти. Однако, бывший въ ту пору губернаторомъ въ Рязани, г. Муравьевъ, при самомъ своемъ вступленіи, значительно осадилъ широко въ воздухѣ парившаго орла-голову и тѣмъ положилъ начало другой политикѣ со стороны этого ловкаго челоуѣка: г. Рыковъ началъ льстить уѣздной администраціи и до такой степени унижаться, что, напримѣръ, едва не подавалъ ши-

нель и калоши исправилеу. Къ тому-же г. Рыковъ попалъ подъ судъ за превышеніе власти: онъ самолично распорядился срубить въсковую городскую рошу, въ которой скопники находили себѣ пріютъ и развлеченіе, какъ въ единственномъ мѣстѣ общественнаго гулянья».

Въ тоже время онъ ужъ широкою рукою черпалъ изъ кассы банка и былъ долженъ туда до двухъ милліоновъ, затративъ ихъ на неудачныя поиски угля. Тогда онъ тщательно сталъ заботиться о подборѣ должностныхъ лицъ, «чтобы обезопасить себя отъ всевозможныхъ враговъ, — въ одномъ онъ заискивалъ, другому платитъ субсидію, для третьяго онъ хлопочеть о награжденіи его «монаршей милостію», четвертому дѣлаеть черезъ край свободный кредитъ въ банкѣ... Въ это время не брали въ банкѣ лишь тотъ, кто не зналъ Рыкова. Купечество, не знавшее прежде прелести займовъ, выдавало уже банку векселя на цѣлые полумилліоны. Въ городѣ, какъ изъ земли, сразу появились богачи, различные Пересыпелны, Сафоновы, Князевы и т. п. Въ то время, когда изъ сундука этого общественнаго банка то и дѣло вынимались руки съ кредитными, директоръ для пополненія его придумалъ слѣдующую хитрость: онъ увеличилъ размѣръ процента на вклады и чуть не каждый мѣсяць сталъ печатать въ перво-классныхъ газетахъ объявленія, что скопинскій банкъ имѣеть столько-то основнаго капитала, платитъ такіе-то проценты и обезпечиваетъ вклады тѣмъ-то».

V.

Отцы-игумены, матери-игуменьи, патроны и патронессы разныхъ благотворительныхъ учрежденій, благочинные и старосты, соблазненные высокимъ процентомъ, съ большимъ рвеніемъ устремились въ Скопие, чтобы привести къ ногамъ всемогущаго саргапа монастырскіе и церковныя капиталы, а по епопучности и свои сбереженія... Стекалась дань со всѣхъ сторонъ: и отъ земскихъ, и отъ казенныхъ учрежденій, и отъ частныхъ лицъ.

Русскій набабъ принималъ всѣ эти дани, и скоро уничтожалъ ихъ. Расходы были громадныя. Надо было платить высокіе проценты по вкладамъ, надо было «кредитовать» вліятельныхъ лицъ, платить громадное жалованье служащимъ въ банкѣ за молчаніе. — наконецъ поддерживать пышный антуражъ набаба. А полученіи ни откуда. Эти кредиторы банка, долгъ которыхъ показывался въ отчетахъ милліонной наличностью, были такъ-же воздушны какъ испанскіе замки. Чиновники «кредиторы», заявившіе не малыя суммы, по предложенію Рыкова, были безнадежны, если-бъ даже и не держались своеобразныхъ понятій о кредитѣ. Займы давно были

прожиты и съ этихъ кредиторовъ возможно было-бы развѣ взять нѣсколько паръ пиджаковъ и панталонъ. Скопинцы-купцы, черпавшіе, по примѣру Рыкова, на «процвѣтаніе торговли», тоже не имѣли намѣренія платить, когда можно было не дѣлать этой «глупости»; они переписывали векселя, изъ любезности иногда платили проценты и, на всякій случай, переводили недвижимость на имя своихъ супруговъ... Банкъ шатался и не въ одномъ только Скопинѣ знали объ этомъ... Вѣроятно объ этомъ знали и скопинскія власти, знали, но...

Но развѣ русскій читатель не знаетъ, что мы, въ качествѣ «перваго народа въ мірѣ», отличаемся замѣчательной способностью проявлять всеокрушающую дѣятельность, когда ее-бы и не нужно, опекать до того, что опекаемый молить о пощадѣ, усматривать все, что можно было-бы не наблюдать, и бездѣйствуемъ, не оказываемъ защиты и не видимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда все это требуется... Эта черта конечно, не чужда и нѣкоторымъ агентамъ, разумѣется, въ незначительныхъ чинахъ (не выше статскаго совѣтника). Происходить-ли это отъ чрезмѣрной дѣятельности и усердія—рѣшить достовѣрно не могу, но знаю, что усердіе ихъ нерѣдко конфузитъ само начальство. Не даромъ-же многіе опытные администраторы жалуются, что у насъ усердныхъ людей много, а сообразительныхъ мало и недоумѣваютъ отчего это происходитъ: оттого-ли, что мало у нихъ правъ или оттого, что много?

Въ самомъ дѣлѣ: появится въ захолустѣ комета и тотчасъ-же сообщается о томъ на благоусмотрѣніе начальства, пріѣдетъ въ захолустѣ какой-нибудь французъ Henri Farino — недоумѣніе, и о «Ганри-Апре Альбертовѣ, сынѣ Хвариновѣ» составляется протоколъ, какъ это было въ Клинцахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ; произойдетъ «скоропостижная смерть» курицы — переписка... Однимъ словомъ, такое усердіе, что путешественнику по Россіи надо всегда рассчитывать на «недоразумѣнія», происходящія, по большей части, безъ всякаго предвзятаго намѣренія...

Мнѣ вспоминается по этому поводу предписаніе, которое очень давно разослалъ, кажется, нарымскій засѣдатель, вслѣдствіе прішедшаго къ нему приказанія оказать содѣйствіе розыскамъ Франклина. Почтенный чиновникъ, извѣщая по волостямъ о розысканіи капитана англійской службы Франклина, прибавлялъ: «И буде означенный капитанъ будетъ гдѣ-либо пойманъ, онаго злоумышленника за крѣпкимъ карауломъ доставить ко мнѣ для поступленія съ нимъ по законамъ».

Съ тѣхъ поръ, конечно, прошло много времени, это правда; но кто по совѣсти поручится, что и теперь не найдется такихъ не только усердныхъ, но иногда даже и совсѣмъ не удовлетворяющихъ

своему назначенію агентовъ, которые поступать такъ, какъ хотѣлъ поступить нарымскій засѣдатель съ Франклиномъ?.. Конечно, въ концѣ концовъ дѣло объяснится, и если вы окажетесь въ плѣну, въ мѣстности, гдѣ есть телеграфъ, — слава Богу, а что если вы попадете въ такую глушь, гдѣ нѣтъ ни телеграфовъ, ни почтовой конторы, ни дорогъ, а есть только соломенная деревня и въ ней кутузка?..

Я, разумѣется, не дѣлаю обобщеній, но веду рѣчь для выясненія труднаго положенія начальства, если персоналъ мѣстныхъ агентовъ не всегда на высотѣ положенія?.. Объ этой трудности нерѣдко свидѣлствуютъ и факты, по временамъ появляющіеся въ газетахъ, объ отдачѣ подъ судъ того или другаго чиновника. У меня какъ разъ передъ глазами корреспонденція «Страны» изъ Архангельска, въ которой, между прочимъ, сообщаютъ длинный списокъ лицъ, отданныхъ подъ судъ, во время управленія губерніей генерала Баранова. По словамъ корреспондента, «попали на скамью подсудимыхъ между прочими: частный приставъ Глѣбовскій—за незаконное арестованіе дѣвицы Пантелѣевой и отправленіе ея на другой день въ больницу для освидѣтельствованія, безъ всякаго на то законнаго основанія; полицейскій надзиратель Онеги—за подложное составленіе разныхъ актовъ; полицейскій надзиратель Пинеги—за оскорбленіе обывателей; мезенскій становой приставъ Михайловъ—за покушеніе на жизнь крестьянина Шахова (полагаютъ, для ограбленія); весь составъ шенкурскаго уѣзднаго суда — за цѣлый рядъ незаконныхъ дѣяній; частный приставъ Бѣлоусовъ—за присвоеніе казенныхъ денегъ, выданныхъ ему для раздачи полицейскимъ чинамъ; пинежскій становой приставъ Коробицынъ—за небрежное исполненіе своихъ обязанностей; полицейскій надзиратель Кома—за арестованіе обывателя безъ всякихъ причинъ; околоточный надзиратель Табушкинъ—за избіеніе городскихъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей; кемскій исправникъ Евдокимовъ—за истязаніе ссыльнаго; мезенскій становой приставъ—за чрезмѣрное (?) собраніе даней съ вѣреннаго его попеченіямъ населенія; пинежскій мировой посредникъ Козьминъ — за злоупотребленія властью и хищенія (въ настоящее время ведется только слѣдствіе); полицейскій надзиратель Мезени Жариновъ—за обезщетеніе мѣщанки, обманомъ завлеченной въ мезенское полицейское управленіе, въ которомъ и совершилось преступленіе; архангельскій полицеймейстеръ Кршитовъ — за собственноручное избіеніе сидѣльца и растрату казенныхъ суммъ; цѣлый рядъ тюремныхъ смотрителей (Ананицынъ, Редеръ, Титовъ и др.)—за всевозможныя злоупотребленія по службѣ; урядники разныхъ уѣздовъ (Коваликъ, Цвѣтковъ и др.)—преимущественно за избіенія крестьянъ при исполненіи «служебныхъ обязанностей».

Списокъ и безъ того довольно длинный, и корреспондентъ еще говоритъ: «между прочими». Значить есть еще и «прочіе», оказавшіеся вмѣстѣ съ перечисленными не «на высотѣ положенія»?

Я, конечно, очень далеко отъ обобщенія этого факта и хотѣлъ бы думать, что только одна Архангельская губернія отличается такими неблагонадежными и корыстолюбивыми чиновниками, преданными суду губернаторомъ, но тѣмъ не менѣе не смѣю однако утверждать категорически, что въ другихъ губерніяхъ все служатъ ангелы-чиновники. И тамъ случаются генеральныя «очистки» по временамъ, и все-таки жалуются, что «людей» нѣтъ.

Почему «нѣтъ» — это вопросъ особый, котораго касаться не стану. Замѣчу только, что я отклонился отъ предмета и сдѣлалъ экскурсію въ другую область, имѣя въ виду, во-первыхъ, показать, какъ трудно иногда начальству услѣдить даже за такимъ не маленькимъ хищеніемъ, какъ скопинское, и, во-вторыхъ, намекнуть, что всѣ эти Рыковы не съ неба-же падаютъ, какъ не съ луны же являются къ намъ всѣ эти онежскіе, мезенскіе и пинежскіе джентльмены, и что не такъ они чужды другъ другу, какъ кажется. Напротивъ, они, такъ сказать, составляютъ звѣнья одной и той-же цѣпи явленій.

VI.

Мы оставили Рыкова накануне краха.

Ужъ слухи объ этомъ проникли въ печать, ужъ многіе вкладчики, не получившіе никакого отвѣта на просьбы о возвратѣ вкладовъ, начинали волноваться, а Рыковъ между тѣмъ печаталъ отъ имени правленія категорическія опроверженія и не безъ достоинства порицалъ газетные слухи. Наконецъ, когда фактъ расхищенія огласился и сдѣлался «злойбой дня», когда телеграфъ разнесъ извѣстіе о немъ по всѣмъ угламъ Россіи, — дрогнули всѣ эти отцы-настоятели и матери-игумены и изъ всѣхъ концовъ Имперіи стали съѣзжаться въ Скопинъ. Съѣздъ этотъ, по словамъ корреспондента «Орловскаго Вѣстника», напоминалъ «древніе вселенскіе соборы: духовенства собралось до 800 человекъ». Въ это время въ городѣ господствовала необыкновенная сумятица. Аборигены, боясь описи, вывозили имущество и мебель въ уѣздъ. Всѣ амбары съ запасами зерна были очищены до чиста. Проклятія носились въ воздухѣ противъ того самого Ивана Гавриловича, который еще вчера былъ «царькомъ» Скопина. Масса прибывшихъ кредиторовъ, среди которыхъ выдѣлялись рясы, толпилась на улицахъ; многіе не находили мѣста въ гостиницахъ и частныхъ домахъ, гдѣ за помещеніе брали громадныя деньги, и ждали открытія дверей го-

степримнаго прежде банка, на улицѣ. Ругательства, вопли, стоны, плачь стояли въ воздухѣ. Почтенные духовные отцы, съ трепетомъ входившіе, бывало, въ святилище рыковского кабинета для взноса даней, теперь, забывъ заповѣди о терпѣннн и прощеніи, которыя они столь часто проповѣдывали прихожанамъ,—разражались проклятіями и звали на помощь прокурора и полицію. Въ толпѣ ходила стоустая молва по случаю того, что *самъ* Рыковъ еще не арестованъ. А бывшій сатрапъ заперся въ своемъ скопинскомъ «дворцѣ» и не принималъ никого. Благочестивый по наружности, какъ и всѣ большіе русскіе плуты, онъ даже въ совѣтахъ духовныхъ лицъ не могъ-бы найти утѣшенія, такъ какъ обобралъ все духовенство.

Повторилась старая, какъ мнръ, исторія. Мѣстный набабъ рухнулъ сразу—и всѣ отъ него отвернулись, даже и тѣ, которымъ придется, быть можетъ, провести съ нимъ неприятныя четверть часа въ судѣ въ качествѣ свидѣтелей по званію негласныхъ «кредиторовъ...» «Иванъ Гаврилычъ», нашъ «знаменитый финансистъ», «истинно русскій человекъ, показавшій всю силу русскаго здраваго смысла» (такъ привѣтствовали его на банкетахъ въ оны времена губернскіе Цицероны послѣ того, какъ кредитовались засаленными пачками «монастырскихъ бумажекъ»), вдругъ обратился въ устахъ тѣхъ-же господъ въ мошенника и плута, въ злодѣя, которому нѣтъ мѣста на божьемъ свѣтѣ... Они, конечно, легкомысленныя жертвы, не подозрѣвавшія, что Рыковъ могъ свершать такія пакости, и думавшіе, что онъ открывалъ имъ «кредитъ» просто, ради ихъ «прекрасныхъ глазъ».

Одинъ изъ посѣтившихъ Скопинъ за нѣсколько недѣль до самаго разгрома, сообщаетъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующія подробности:

«Пріѣхали мы вечеромъ—пишетъ онъ—въ Скопинъ вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ, который имѣлъ несчастье положить въ скопинскій банкъ 40,000 р. и желалъ получить свои деньги. Всѣ гостиницы были переполнены и намъ пришлось за грязную, маленькую комнату, полную насѣкомыхъ, платить по шести рублей въ сутки. На другой день утромъ отправился въ банкъ и просимъ о выдачѣ вклада... Насъ приняли очень любезно—въ банкѣ народъ все обходительный—и просили обождать.—«Безъ директора нельзя нечего сдѣлать».—«Можно его видѣть?»—«Нельзя-съ. Они нездоровы и никого не принимаютъ». Однако, послѣ переговоровъ, обѣщали доложить директору и черезъ четверть часа насъ просили пожаловать къ нему на квартиру. Мы пришли въ настоящее паляще, у дверей котораго стоялъ швейцаръ въ красной ливреѣ.—«Не принимаютъ!» встрѣтилъ онъ насъ... Опять пришлось посылать

латъ наши карточки и, наконецъ, насъ впустили. Широкая гѣстница, тропическіе цвѣты; въ комнатахъ роскошь обстановки, дорогія вазы, картины, бронза — словомъ настоящее жилище сатрапа... Опять камердинеръ понесъ наши карточки и черезъ нѣсколько минутъ въ гостиной появился плюгавый на видъ старичекъ и любезнѣйшимъ тономъ спросилъ, что намъ угодно. Мы объяснили въ чемъ дѣло и тогда Рыковъ переважно сказалъ: «Благодаря газетчикамъ, мой банкъ немного пошатнулся... Но въ Петербургѣ мнѣ обѣщали поддержку и я нахожу, что всѣ эти глупыя выдумки газетъ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія... Не угодно-ли, господа, закусить... естате и время... Мы тамъ удобнѣе переговоримъ...

Въ большой роскошной столовой стоялъ столъ, установленный всѣми возможными закусками, блюдами и бутылками. Мы сѣли за столъ и Рыковъ снова сталъ говорить о газетахъ, удивлялся, какъ правительство позволяетъ печатать слухи, подрывающіе такое солидное учрежденіе, извѣстное всей Россіи и расхваливалъ дѣла банка...

Мы удивлялись этому нахальству—особенно тону, которымъ этотъ полуграмотный купецъ—говорилъ о газетахъ (видно было, что онъ натерся-таки среди помпадуровъ), но не противорѣчили. Очень ужъ хотѣлось товарищу моему получить деньги. Когда заговорили о дѣлѣ, Рыковъ прямо сказалъ, что всего вклада выдать онъ въ настоящую минуту не можетъ, но часть, этакъ тысячи три, онъ готовъ. Мой товарищъ не соглашался. «Напрасно», примолвилъ Рыковъ, и перемѣнилъ разговоръ. Однако въ концѣ концовъ рѣшили мы взять хоть четыре тысячи. Рыковъ далъ намъ записку и мы пошли въ банкъ... Тамъ, въ пріемной комнатѣ, была такая сцена: Старая дама, какъ потомъ оказалось, помѣщица изъ Воронежской губерніи, сидѣла въ залѣ и голосила на все помѣщеніе. Напрасно чиновники банка старались ее успокоить, напрасно просили ее придти завтра. Она упорно, какъ видно, рѣшилась донять банкъ своимъ отчаяннымъ крикомъ. Выла она при насъ четверть часа, да безъ насъ, говорили, по крайней мѣрѣ полъ-часа. Тогда съ ней вступили было въ компромиссъ; предлагали вмѣсто 7 тысячъ, которые она вложила въ банкъ, получить 3... Она мотала головой и пуще голосила. Предлагали 4, 5, наконецъ, 6 тысячъ... Но она затыкала уши и снова подымала такой вой, что хоть святыхъ уноси... «Однако терпѣливая женщина!» подумалъ я, ожидая чѣмъ кончится эта исторія. Весь банкъ былъ въ смущеніи. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите положеніе: сидитъ старуха и воетъ, заливаясь слезами и приговаривая разные нелестныя замѣчанія о Рыковѣ. Послали за инструкціей къ Рыкову и скоро вынеслъ при-

казь: выдать все сполна. Когда ей объявили, что ей выдадут деньги, она все-таки продолжала голосить и только, получивши всѣ свои 7 тысячъ, вдругъ преобразилась. Лицо ея сіяло добродушной улыбкой и она, какъ ни въ чемъ не бывало, стала спрашивать насъ въ которомъ часу идетъ поѣздъ изъ Скопина. — «Вѣдь я — добавила она — здѣсь пять дней живу — и только сегодня получила деньги». Потомъ служащіе рассказывали, что она каждый день приходила въ правленіе и голосила...

Черезъ нѣсколько недѣль ужъ никакіе вопли не могли-бы заставить банкъ заплатить. Онъ былъ закрытъ и Рыковъ посаженъ въ тюрьму. Впереди предстоитъ вопросъ по сколько могутъ получить владчики отъ продажи имущества, принадлежащаго городу...

«Моск. Вѣд.» предлагали уже очень не дурную комбинацію вознаградить «вдовъ и сиротъ» и жалобно пропѣли на этотъ мотивъ цѣлую передовую статью, включая вѣроятно, по забывчивости, въ число «вдовъ и сиротъ» богатые монастыри и церкви. Комбинація ихъ проста до святости. Уплатить должно, видите ли, за всѣ пакости Рыкова и попустителей государственное казначейство или, говоря проще, — народъ, который, при всякихъ случаяхъ является «туркой», надъ которымъ, только лѣнивый не пробуетъ силы... Очень ужъ это даже наивно и со стороны «Московскихъ Вѣдомостей». Разные проходимцы будутъ расхищать чужое добро, а народъ плати! И какая, подумаешь, трогательная забота о монастыряхъ, то бишь о «вдовицахъ и сиротахъ». Когда нужно дѣйствительно пособить тому-же народу — газета ни гу-гу, а тутъ откуда взялся и минорный тонъ, и нравственные задачи и все такое... И все это ради пополненія кассъ монастырей, начальство которыхъ, собственно говоря, должно еще подлежать отвѣтственности, что не исполняла циркуляра оберъ-прокурора...

Большіе шутники господа «Московскія Вѣдомости». Но есть шутки, которыя не далеки отъ большой... нечистоплотности.

Впереди предстоитъ процессъ. Какую прелестную рѣчь могъ-бы сказать адвокатъ по поводу этого дѣла... Какая-бы ужасающая картина могла развернуться передъ присяжными, если-бы онъ могъ во всей наготѣ обнажить почву, на которой растутъ такія пышные цвѣты хищенія и произвола.

Но онъ такой рѣчи не скажетъ, во-первыхъ потому, что возьметъ съ Рыкова кушь, а во вторыхъ, если-бы и нашелся безсеребранный адвокатъ, то не скажетъ всего того, что слѣдовало-бы сказать, — потому, что его могутъ остановить за уклоненіе отъ существа дѣла. А дѣло, пожалуй, что больше въ причинахъ, чѣмъ въ существѣ!

VII.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ по поводу московской исторіи съ барономъ Корфомъ. Подробностей излагать не буду; читатель конечно прочелъ въ газетахъ, какъ Москва собиралась, было, пригласить наблюдать за городскими училищами «варяга», какъ поставила его кандидатуру и вдругъ въ одинъ прекрасный день или вечеръ, не знаю, частное собраніе гласныхъ, собранное у г. Чечерина, порѣшило отклонить Корфа отъ кандидатуры, чтобы не прокатить его на воронныхъ. Почему случился вдругъ «такой съ божьей помощью оборотъ», почему раньше, когда было внесено предложеніе 36 гласными, составляющими относительно большинство, не было протестовъ, и вдругъ, послѣ частнаго совѣщанія у г. Чичерина, выставленіе кандидатуры явилось нежелательнымъ,—все это вопросы, которые, не смотря на письмо г. Чичерина къ барону Корфу, до сихъ поръ остаются дипломатической тайной. Нельзя же серьезно принимать за мотивъ, что гласные вдругъ измѣнили свое мнѣніе, вслѣдствіе того, что кандидатура барона получила какъ выражается г. Чичеринъ, «такую возбуждающую недоумѣніе окраску», или, говоря языкомъ простыхъ смертныхъ, а не боговъ,—вслѣдствіе того, что поднялась газетная полемика. Вѣдь г. Чичеринъ самъ вѣроятно помнитъ, что и его кандидатура имѣла «возбуждающую недоумѣніа окраску», но это не помѣшало быть ему выбраннымъ. Почему собраніе гласныхъ, бывшее у г. Чичерина, пришло къ такому рѣшенію,—это, повторяю, вѣроятно можетъ объяснить одинъ г. Чичеринъ и никто болѣе.

Я далеко не поклонникъ барона Корфа и его педагогической системы, но это конечно не мѣшаетъ мнѣ сказать, что съ барономъ Корфомъ Москва поступила совсѣмъ ужъ по «московски». Гласные вызвали, просили его «воодѣтъ» головами московскихъ ребятшекъ и затѣмъ: «извините — ваша кандидатура вноситъ разладъ въ общество»; точно вдругъ кто-то осѣнилъ московскихъ гласныхъ указаніемъ насчетъ барона Корфа. Кто это просвѣтилъ гласныхъ и просвѣщаль-ли—про то, вѣроятно, знаетъ Богъ и г. Чичеринъ, но что «такую, возбуждающую недоумѣніе окраску» имѣетъ вся эта исторія — въ этомъ едва-ли не согласятся читатели...

Но если тутъ еще могутъ быть разнорѣчія, то едва-ли эпизодъ этой исторіи, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является г-нъ Чичеринъ, можетъ возбуждать какія-нибудь сомнѣнія относительно поведенія самого городского головы. Тутъ ужъ даже нѣтъ «возбуждающей недоумѣніа окраски», а прямо очень неприличная окраска... Если въ первой части корфовскаго эпизода г. Чичеринъ не безъ успѣха разыгранъ роль дипломата, то во второй части съ боль-

шимъ еще успѣхомъ мѣстный голова разыгралъ роль, едва-ли свойственную званію лорда-мэра, — роль Держиморды...

Я говорю о запрещеніи г. Муромцеву (гласному думы) сказать слово послѣ того, какъ въ думѣ было прочитано заявленіе г. Копелова и нѣсколькихъ другихъ гласныхъ, протестовавшихъ противъ поступка думы съ бар. Корфомъ. «Вы подайте письменное заявленіе». Но вамъ не извѣстно что я хочу сказать! возразилъ городской голова г. Муромцевъ. «Нельзя!...» Городской голова при этомъ ссылаясь на законъ, но въ слѣдующее-же засѣданіе гласный Лепешкинъ подалъ заявленіе, въ которомъ вполне основательно доказываетъ, что законъ ничего подобнаго не указываетъ, въ московской думѣ не было еще примѣра подобнаго отношенія со стороны предсѣдателей и, въ заключеніе, считаетъ, что воспрещеніе гласному дѣлать въ думѣ словесныя предложенія безъ предварительнаго письменнаго изложенія ихъ является прямымъ нарушеніемъ правъ представителей городского общества.

Но городской голова остался при своемъ мнѣніи, и что хотѣлъ сказать г. Муромцевъ такъ, въ концѣ концовъ и осталось тайною. Но еще большимъ покровомъ какой-то тайны подернулась вся эта исторія, особенно послѣ такой настойчивости городского головы зажать ротъ всѣмъ желавшимъ протестовать противъ некрасиваго отношенія къ барону Корфу.

Представитель самоуправленія, зажимающій ротъ, бывшій профессоръ въ подобной роли. Это-ли еще не хорошій примѣръ? Вся печать единодушно согласилась, что выхода г. Чичерина по меньшей мѣрѣ неприлична. Какъ самъ ex-профессоръ думаетъ объ этомъ? Или онъ все-таки остается при особомъ мнѣніи?

Откровенный Писатель.

Пожертвованія въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Въ редакцію журнала «Дѣло» поступили слѣдующія пожертвованія:

Въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ: — отъ		
Э. Н. Л.	10 р.;	
27-ми учениковъ Рижской Александровской гимназіи	33 р.;	
В. К. В—ой	70 р.	Итого 113 р.
Въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ: — отъ московскихъ студентовъ А. и З.	2 руб.;	
Ө. Граубергера	1 руб.	Итого. 3 р.

Всего съ прежде поступившими. 267 р. 50 к.

Деньги эти переданы по назначенію подъ росписку.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

- Мирныя времена. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Часть вторая) *А. И. Пальма.*
- Политическія движенія въ Германіи. *С. С. Шашкова.*
- Иванъ Босый. Очеркъ *Я. Абрамова.*
- Богъ сна. Новелла въ стихахъ. Поля Гейзе. Переводъ. *А. Плещеева.*
- Золотой фонтанъ. Романъ. (Главы XXXVIII—XLI) (Окончаніе). *Бенито Переса Гальдоса.*
- Общественность въ природѣ. (Главы I—III) *И. Кольцова.*
- Новое направленіе въ нѣмецкой беллетристикѣ. Романъ Поля Линдау *П. В.*
- * * Стихотвореніе *С. Надсона.*
- Тяжелый урокъ. Очеркъ. *М. Липина.*
- Опасные люди. Романъ (Главы I—V). *Х. Эльстера.*
- * * Стихотвореніе. *Н. Минскаго.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Къ вопросу о капитализмѣ въ Россіи. *Е. П.*
- Доброжелательная жестокость. *Б. Ленскаго.*
- Новыя книги.
- Внутреннее обозрѣніе *Н. Ш—ва.*
- Осеннія дѣла *Жика.*
- Картинки общественной жизни *Откровеннаго Писателя.*
-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУР-
НАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ Историческій романъ *Рафаэля Джованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шпиллягена*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ *Инполита Ньюво*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лютена*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Аלקотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе челоѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потѣлина*. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Замскии военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. *Д. Гирса.* Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна.* Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое омерелье. Романъ *Антони Троллопа.* Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *Н. П. Айрленда,* съ предисловіемъ прое. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевского, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина.* Переводъ съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа.* Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова.* Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сирл.* Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. *Т. Гексли.* Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Ю. Шерра.* Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана,* составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «Дѣло» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

(Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова, бывший А. И. Глазунова. С.-Петербургъ, Большая Садовая, противъ Гостиного Двора, № 12)

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

1. ДИДРО и ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ. Джона Морлея, перевелъ съ послѣдняго англійскаго изданія В. Н. Невѣдомскій. М. Ц. 2 р. 50, съ пер. 3 р.
2. ВИКТОРЪ РАГОЗИНЪ. Матеріалы къ изученію кустарной промышленности Волжскаго бассейна. Прилож. къ изд. „Волга“. М. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.
3. ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ предъ судомъ исторіи. Д-ра Д. И. Флисфедера. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.
4. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ, въ 2-хъ част. Спб. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 коп.
5. БОБРОВСКІЙ, П. Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ Ч. 2-я. Артикулъ воинскій, съ объясненіями, замѣтками и цитатами по иностраннымъ источникамъ. В. 1-й. Введеніе Манифестъ, присяга и первыя четыре главы. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
6. ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ или русскіе въ 1612 году. Историч. романъ въ 3-хъ част. М. Н. Загоскина. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
7. КНЯЗЬ СЕРЕБРЯННЫЙ, повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. Толстаго. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
8. ВИСЬМА КЪ ТЕТЕНЬКѢ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
9. В. КРЕСТОВСКІЙ (псевдонимъ). Большая Медвѣлица Романъ въ пяти частяхъ. Изд. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
10. М. МАЛЕОНСКІЙ. Кандидатъ священства. Повѣсть изъ быта духовенства. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
11. ИГН. ХОДЗЬКО. Дневникъ монаха Бернардина. Съ польскаго. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
12. СОКОЛОВСКІЙ. Нищія отъ себя и по неволѣ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
13. СЪРГѢЙ АТАВА (С. Н. Терпигоревъ). Оскудѣніе. Благородныя матери. Т. 2. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.
14. ЗОЛОТО ОРІАНА. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Розенталя Бонина. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
15. ЖЮЛЬ КЛАРЕСИ. Милліонъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
16. ЖЮЛЬ ЛЕРМИНА. Великосвѣтскіе негодяи. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
17. БЕРНАРЪ ДЕРОНЪ. Замогильная месть. Романъ Ц. 2и р., съ пер. 2 р. 25 коп.

18. ФРЕДЕРИКЪ ТОМАСЪ Дядюшка мошенникъ. Романъ Ренеде Каморъ. Сообщникъ. Романъ Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
19. ГЕРЦОГЪ-ДЕ-ПОМАРЪ. Тайный бракъ и его послѣдствія. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 р.
20. ГРИНЪ. Дѣло по убійству Левенворта. Романъ американской писательницы. Ц. 1 р. 75, съ перес. 2 р.
21. АББАТЪ ЖАКЪ. Вѣроотступникъ. Романъ Оренъ.—Водолазъ. Разсказъ о потонувшихъ корабляхъ. Спб. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
22. КСАВЬЕ-ДЕ-МОНТЕПЕНЪ. Дебютантка. Романъ.—Альберъ Дельпи. Смыль Коралин. Ц. 1 р. 50, съ пер. 1 р. 75 к.
23. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ? Романъ Донерарда. Спб. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
24. СЛѢДЫ НА СНѢГУ. Романъ Доры-Россель.—Спрятанное золото. Романъ Френка Баретто. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
25. ПАРОВОЙ ДОМЪ. Путешествіе по Сѣверной Индіи Жюля Верна. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
26. СБОРНИКЪ РѢШЕНІЙ 4-го департамента и Общихъ Собраній Правительствующаго Сената по дѣламъ коммерческихъ судовъ въ Имперіи. Т. V, в. 1 и 2-й съ 1-го Юля 1880 по 1-е Юля 1882 г. Сост. Дмит. Носенко. Спб. Ц. 5 р., вѣсов. за 4 фун.
27. АЛЕКСАНДРЪ СЪРГЪЕВИЧЪ ПУШКИНЪ въ его поэзіи, первый и второй періоды жизни и дѣятельности 1799—1826. Сочинен. А. Незеленова. Спб. Ц. 1 р. 50, съ перес. 1 р. 75 коп.
28. РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1883 годъ, А. Суворина, 12 годъ, съ портретомъ М. Д. Скобелева. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.
29. ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1883 годъ, изд. Германа Гоппе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.
30. ПАТРИОТИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1883 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ всѣ, какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія, по цѣнамъ, гдѣ-бы и кѣмъ-бы то ни было опубликованнымъ.

ФИЛОСОФІЯ БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОГО, ДАРВИНИЗМЪ И РЕАЛЬНАЯ ИСТИНА.

Содержаніе: Общечеловѣческое и субъективное міровоззрѣніе. О приемахъ при составленіи общечеловѣческаго міровоззрѣнія. Великія основы міровоззрѣній. Мыслительный процессъ. Происхожденіе религіознаго инстинкта изъ мыслительнаго процесса. Происхожденіе родительскихъ инстинктовъ изъ мыслительнаго процесса. Мыслительные процессы животныхъ. Мышленіе нервныхъ центровъ и начало солидарности животнаго организма. Идея генезиса. Стремленіе составить организмъ изъ отдѣльныхъ особей, идея нравственности. Общечеловѣческое понятіе объ основахъ человѣческой нравственности и о нравственномъ идеалѣ. Ц. 1 р 50 к.

Складъ изданія въ магазинахъ Мартынова и „Новое Время“:

въ 1883 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(годъ XIII-й)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ
И

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ
такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1882 году.

Полное годовое изданіе журнала состоятъ изъ двадцати двухъ книгъ и 40 №№ «Педагогической хроники». Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 р., съ доставкой и перес. 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подп. цѣна (безъ дост. 7 р., съ дост. и перес. 8 р.

II. Учебно-воспитательный отдѣлъ (*для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «Педагогической хроники», выходящей въ количествѣ 40 №№ въ годъ. Подп. цѣна безъ дост. 4 р. и съ дост. и перес. 5 р.

Первый отдѣлъ (*для дѣтей*) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины. † †

Второй отдѣлъ (*для родителей и воспитателей*) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогики; отдѣлъ математическій и пр. «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграникою и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Большая Садовая, возлѣ Имп. Публич. Библіотеки, д. № 12, кв. № 15; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и школа» (адресъ Почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“,

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Съ 1-го января 1883 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XV годъ (т. е. томы XXIX и XXX) своего существованія. Извѣстность, приобретенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1883 г.

Безъ дост. въ Петербургѣ 13 р. — к. || Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ 14 » 50 » || Съ пер. въ Москву и др. гор. 16 » — »

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр., однимъ словомъ цивилизацию, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и обществен. жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА

каждый до 500 печат. страницъ, съ 300—400 рисунками. и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настоящихъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА**«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»**

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 26 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (Томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. каленкоромъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тиснен. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній). 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній), 1879 г. (т. XXI и XXII), 1880 г. (т. XXIII и XXIV) и 1881 г. (т. XXV и XXVI) — по 9 р. безъ перес. кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждого года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Эти 26 томовъ «Всемирной Иллюстраціи» представляютъ собою полную иллюстрированную за тринадцать лѣтъ всемірную исторію и, кромѣ того, полный обзоръ въ области всѣхъ наукъ и искусствъ, слѣдовательно должны-бы были занимать видное мѣсто въ каждой хорошей бібліотекѣ.

Главная Контора Редаціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., № 16, противъ Гостиного Двора.

Отдѣленіе Конторы находится въ Москвѣ, на Большой Лубянкѣ, д. оппика Трындина

4 р.

безъ дост.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ

НА

6 р.

съ пер.

„ОГОНЕКЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

политики, литературы, общественной жизни, наукъ и искусствъ.

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА».

1. Еженедѣльный политическій обзоръ.
2. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводн. (съ рисунками къ нимъ).
3. Историческіе очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
4. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).
5. Систематическій обзоръ (съ рисунками по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: естествознанія, археологій, географіи, медицины, механики и т. д., и искусствъ: скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
6. Хроника общественной жизни.
7. Хроника наукъ, искусствъ и литературы.
8. Смѣсь, анекдоты, афоризмы, загадки, шахматы, шашки и проч.
9. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
10. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
11. Частныя объявленія.

Главная задача журнала „ОГОНЬКА“ — давать своимъ читателямъ избранныя (первостепенныя) сочиненія по беллетристикѣ, съ рисунками къ нимъ извѣстныхъ художниковъ, а также статьи политическія, общественной жизни, объ искусствѣ и, вообще, по всѣмъ отраслямъ чело-вѣческихъ знаний, съ пояснительными рисунками къ нимъ. Вслѣдствіе этого, „ОГОНЬКА“ является самымъ дешевымъ иллюстрированнымъ журналомъ въ Россіи, доступнымъ по своей цѣнѣ всей читающей публикѣ, разныхъ слоевъ общества.

Громадный успѣхъ „ОГОНЬКА“ въ первые четыре гола изданія дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому „ОГОНЬКА“ обязана: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большому литературному журналу, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ „ОГОНЬКѣ“ 1882 г. были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія произведенія: «Отчаянный», И. С. Тургенева; «Графъ Морицъ Сансонскій», ист. ром. въ 5-ти част. Н. Кукольника; «Родственный визитъ», повѣсть Н. Морскаго; «Постыдные милліоны», ром. Гект. Мало; «Аббатъ Константинъ», повѣсть Л. Галева; «Гайдуки», картины изъ исторіи. прошлаго южныхъ славянъ, П. Хохолоушко, и другихъ извѣстныхъ писателей: Г. Лишина, Мартова, Д. Д. Минаева, Я. П. Полонскаго, Д. Садовникова и друг.

Годовая цѣна «Огонька»: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россіи 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала «ОГОНЬКА», Германа Гоппе, въ С.-Петербургѣ, Бол. Садовая ул., д. Коровина, № 16.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи).

Съ 1 января 1883 года „Модный Свѣтъ“ начнетъ XVI годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1883 году будетъ выходить также въ трехъ изданіяхъ, въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 3,000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю, пальто, рукодѣлій и проч., въ текстѣ.

Рисунокъ канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов., тамбурн. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ. Бо ѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинокъ для II-го изданія, исполненныя лучшими иностранными художниками

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинокъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками, и спеціально для дѣтей особое приложеніе съ рисунками, выкройками и проч., подъ названіемъ „Дѣтскій отдѣлъ“, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пѣсы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскародовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

„Хороші тоны“ или совѣты и указанія на всѣ случаи общ. жизни женщины.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Подписчикамъ „Моднаго Свѣта“ на 1883 годъ редація дастъ слѣдующія бесплатныя преміи:

1) Альбомъ раскрашенныхъ рисунковъ для канвовыхъ работъ. Выпускъ второй.
2) Альбомъ національныхъ Русскихъ и Славянскихъ костюмовъ, съ раскрашенными детальными рисунками и выкройками.

3) Дамскій календарь на 1883 г. со многими практич. и полезными совѣтами, памятнымъ листкомъ и проч. и проч.

4) Для подписчиковъ на III-е изданіе—12 номеровъ „Дѣтскаго Отдѣла“ и со многими рисунками, вырѣзными выкройками, интереснымъ чтеніемъ для дѣтей и проч. и проч.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1883 г.:

I изданію, съ 12 раскрашенными парижск. картинками и со всѣми приложеніями въ С.-Петербургѣ безъ доставкѣ—5 р.; съ доставк. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижскими картинками и со всѣми приложеніями въ С.-Петербургѣ безъ доставк. — 6 р.; съ доставк. въ С.-Петербургѣ 7 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 8 руб.

III изданію съ 36 раскрашен. парижск. картинками, 12 №№ „Дѣтскаго Отдѣла“ и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставк. — 8 р.; съ доставк. въ С.-Петербургѣ—9 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 10 руб.

Редація „Моднаго Свѣта“ въ СПБ., Бол. Садовая ул., д. № 16, противъ Гостиннаго двора.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
НА
„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ.

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

„Новороссійскій Телеграфъ“ будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ, по той же программѣ, какъ и въ предыдущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Раали, противъ Херсонской улицы.

Условія подписки *):

Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкою и пересылк.	
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	—	На 7 мѣс.	8 р. 30	9 р. 50 к.	—
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	—	» 8 »	9 » 60 .	11 » — »	—
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	—	» 9 »	10 » — »	12 » 50 »	—
» 4 »	5 » — »	6 » — »	—	» 10 »	11 » — »	13 » — »	—
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	—	» 11 »	12 » 50 »	14 » 50 »	—
» 6 »	7 » — »	8 » — »	—	» 12 »	12 » — »	14 » — »	—

За-границу въ стоимости экземпляра въ Россіи прибавитъ на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшія позже 1-го числа, получаютъ всѣ предыдущіе М.М. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (съ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (съ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября). т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Новорос. Телегр.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, черезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1883 года.

ВЪЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ „Нов. Тел.“ будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белегристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большого формата будутъ имѣть, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей или карриатуры **).

Для свѣдѣнія подавателей объявленій. Желая еще болѣе *увеличить распространенность объявленій*, печатающихся въ „Новор. Телегр.“, редація предприняла слѣдующія мѣры: 4-я страница газеты будетъ ежедневно расклеиваться на 32-хъ главныхъ станціяхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ (Одесса, Киевъ, Кишиневъ. Елисаветградъ, Балта, Ольвиополь, Тирасполь, Бендеры, Волочиискъ, Галаць, Назатинъ, Бѣлостокъ, Граево, Жиеринна, Проскуровъ, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Крыжополь, Бирзула, Унгены, Раздѣльная и др.), имѣющихъ протяженія до 2,000 верстъ и обнимающихъ районъ семи южныхъ и юго-запада. губерній.

Кромѣ того, въ Одессѣ объявленія «Нов. Тел.» будутъ ежедневно расклеиваться во всѣхъ главныхъ гостиницахъ, въ кіоскахъ и на колонахъ, назначенныхъ для вывѣшыванія объявленій.

*) Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ не присылать почтовыхъ марокъ вмѣстѣ мелкими денегъ.

**) Лицамъ, подписывающимся на «Нов. Тел.» для розничной продажи, безплатныя преміи не выдаются. Этими же лицамъ разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ не допускается.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція потербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ дрсуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей проситъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ДЪЛО“

въ 1882 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДЪЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

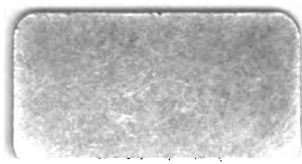
Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 > —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 > —
» за границу, во всё госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 > —

Издатели насл. Г. Б. БЛАГОСВѢТЛОВА, Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 766